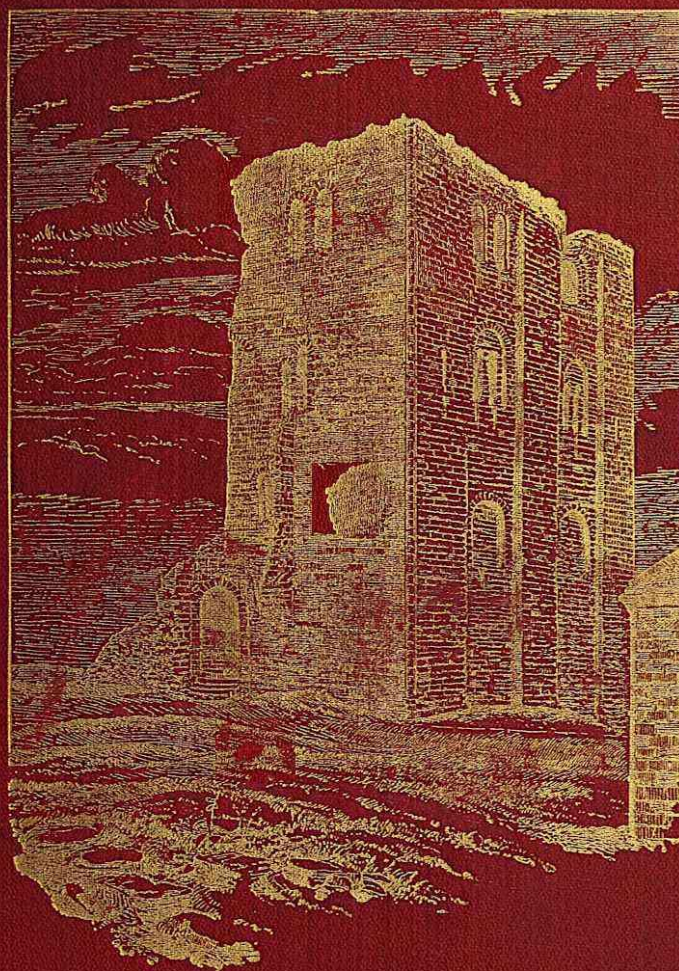

Средневековая военная архитектура в Англии, Том 1 (из 2)

Джордж Томас Кларк

Электронная книга проекта Гутенберга по средневековой военной архитектуре Англии, том 1 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Средневековая военная архитектура в Англии, том 1 (из 2)

Автор: Джордж Томас Кларк

Дата выхода: 31 декабря 2020 г. [Электронная книга № 64187]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: MWS, Роберт Тонсинг и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА В АНГЛИИ", ТОМ 1 (ИЗ 2) ***

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА В АНГЛИИ.

Автор: ГЕО. Т. КЛАРК.

ТОМ I.

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

. Время

Придал красоту многим башням,

Который, когда он хмурится всеми своими зубчатыми стенами,

Было только ужасно. —Мейсон.

ЛОНДОН:
WYMAN & SONS, 74-76, ГРЕЙТ-КУИН-СТРИТ,
ЛИНКОЛЬНС-ИНН-ФИЛДС, ВАШИНГТОН

1884.

Э. А. ФРИМЕНУ, эсквайру. ИСТОРИК НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ, **ЭТИ ДОКУМЕНТЫ,**
СОБРАННЫЕ И ОПУБЛИКОВАННЫЕ По ЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЮ В ИХ НЫНЕШНЕМ ВИДЕ,
СНАБЖЕНЫ СООТВЕТСТВУЮЩИМИ НАДПИСЯМИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Статьи, включенные в настоящие тома, были написаны через очень большие промежутки времени, около полувека назад, и напечатаны в Изданиях различных обществ в разных и отдаленных графствах. Многие из них также появились в газете the Builder. Каждая статья задумывалась как законченная сама по себе и была написана без ожидания, что они когда-либо будут собраны и переизданы как одно произведение. Я упоминаю об этом, чтобы объяснить и, надеюсь, в некоторой степени извинить вызванное повторением определенных взглядов относительно связи между берегами и земляными укреплениями, окруженными рвами насыпями девятого века и постройками из камня, впоследствии возведенными на них, — которые Автор изложил первым и которые подробно объясняются во Введении.

Последняя и большая часть работы занята подробными и, как мы надеемся, в целом точными описаниями большинства главных замков Англии и одного или двух типичных персонажей Франции и Шотландии. Отчет о Кэрфилли был составлен в 1834 году. Я полагаю, это была первая попытка научно и точно описать планы и детали великой средневековой крепости.

Я выражаю сердечную благодарность редакторам различных археологических журналов, в которых появились оригинальные статьи, и особенно покойному редактору the Builder мистеру Годвину. Я также должен особо поблагодарить своего старого друга и школьного товарища мистера Мюррея с Албемарл-стрит за разрешение перепечатать статью о Лондонском Тауэре и за использование гравюр на дереве, которыми он так щедро украсил оригинал в своем “Старом Лондоне”.

Перед мистером Фрименом мои обязательства носят иной, менее личный характер. Другие историки посещали места событий, которые они собирались описать, но никто не показал себя настолько знакомым с древними делениями - гражданскими, церковными и военными - на английской земле и со зданиями, связанными с ними. Его достижения как топографа и мастера средневековой архитектуры присущи только ему среди историков, а материалы, которые в своем первоначальном виде сухи и неструктурны, придают в его руках вес и содержательность некоторым из его самых блестящих набросков. Как коллекционер некоторых из этих материалов, я часто испытывал удивление и восторг от того, как они были

использованы; и, хотя моя работа была скорее работой каменотеса или кирпичника, иногда я почти готов считать себя разделяющим славу архитектора.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I.

ГЛАВА.

I.	Введение
II.	Земляные сооружения постримского и английского периодов
III.	Из замков Англии времен завоевания и при Завоевателе
IV.	О политическом значении замков при преемниках Завоевателя
V.	Политическое влияние замков в правление Генриха II.
VI.	Замки Англии и Уэльса во второй половине Двенадцатого века
VII.	Продолжение той же темы
VIII.	Завершение той же темы
IX.	Прямоугольная крепость нормандского замка
X.	Из ракушечника сохранились
XI.	Замки раннего английского периода
XII.	Из Эдвардианских или Концентрических замков

-
- Замок Алник, Нортумберленд
 - Замок Арк, недалеко от Дьеппа
 - Замок Арундел, Сассекс
 - Замок Барнард
 - Замок Бьюмарис, Англси
 - Бедфордский замок
 - Замок Беркхэмпстед, Хертс
 - Замок Беркли, Глостершир
 - Замок Бодихэм, Сассекс
 - Бортвикская башня, Мидлотиан
 - Замок Бов

- Замок Боуз
 - Замок Брамбер, Сассекс
 - Бриджнорт, Олдбери и Кватфорд, Шропшир
 - Башня Бронллис, Брекнокшир
 - Замки Броу и Броэм, Уэстморленд
 - Замок Билт, Брекнокшир
 - Замок Карнарвон
 - Замок Кэрфилли, Гламорган
 - Кардиффский замок, Гламорган
 - Замок Карлайл
 - Кастелл Кох, Гламорган
 - Восстание замка, Норфолк
 - Шато-Гайяр, Нормандия
 - Замок Крайстчерч, Хантс
 - Замок Клиффорд, Херефордшир
 - Замок Клитеро, Ланкашир
 - Замок Клан, Шропшир
 - Замок Кокермут, Камберленд
 - Колчестерский замок
 - Замок Конисборо
 - Замок Конвей
 - Замок Корф, Дорсет
 - Cousy-le-Château
 - Замок Койти, Гламорган
-

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ТОМУ I.

- Замок Алник, План
- Арки, Замок, План
- Замок Барнард, План
- То же самое Замком
- Замок Бьюмарис, План местности
- То же самое с Входом
- То же самое с высоты птичьего полета
- Замок Беркхэмпстед, План
- Замок Беркли, План
- То же Продолжай
- Бортвикская башня: Секция

- Такой же план первого этажа и подвала
- Замок Боуз, План Второго и цокольного этажей
- Замок Брамбер, План и разрез
- Замок Бриджнорт, План крепости
- План замка Броу
- Замок Броэм, План местности
- То же самое с Наземным планом Крепости
- То же, Что Сохранить, Вертикальный разрез
- То же происходит и с Юго-западом.
- Построенный замок, План местности
- Замок Карнарвон, вид с высоты птичьего полета
- То же самое с Зубчатыми стенами Орлиной Башни
- Замок Кэрфилли
- То же с планом местности
- Замок Кардифф, План местности
- Замок Карлайл, План
- Восстание замка, План крепости
- То же с планом верхнего этажа
- Château-Gaillard, Plan
- Замок Крайстчерч, План
- Клитеро Держится, Планирует
- То же Раздел
- Замок Клан, План
- Замок Кокермут, План
- Колчестерский замок, Планы первого этажа
- Замок Конисборо, План замка и земляных работ
- То же самое с подъемом из Сторожки
- То же самое с пилястрами , если смотреть снаружи
- То же самое с деталями основания одного из контрфорсов Крепости
- То же самое Держитесь подальше от занавески
- То же самое с нынешним видом Замка
- То же Продолжай
- Тот же План, Первый этаж
- Тот же план, Второй этаж
- То же самое с окном на Втором этаже
- То же самое внутри Крепости
- Тот же План, Третий этаж
- То же самое с капителями Центральной арки с Северной стороны
- То же самое с интерьером Молельни или часовни
- То же самое планируйте на уровне Крепостного вала
- То Же Самое Предполагало Оригинальный Внешний Вид
- Замок Конвей, План

- То же самое с высоты птичьего полета
 - То же самое с видом на город с высоты птичьего полета
 - Замок Корф, Секции двери Ложи
 - Замок Коуси, План
 - Замок Койти, План местности
-

ГЛАВА I.

Введение.

Строительное искусство в Европе от падения Римской империи до начала Реформации, хотя в последние годы оно много и успешно исследовалось, рассматривалось почти исключительно с церковной точки зрения. По многим причинам этого следовало ожидать. Служение алтарю оправдывало, а возможно, и требовало высочайшей степени вкуса в оформлении храма и предельного богатства его орнамента. Более того, большее количество наших церковных зданий все еще используется, и даже остатки тех, которые находятся в упадке, в основном монастырских, интересны тесной связью их фундаментов и пожертвований с древним благочестием и ученостью, а также свидетельствами, содержащимися в их записях, о происхождении земельной собственности и родословной старейших исторических семей страны.

Военные сооружения того времени, как правило, не демонстрируют такого великолепия дизайна или совершенства исполнения и не вызывают такого сочувствия в наших сердцах. Приходская церковь является общей заботой всех, кто молится в ее стенах или чьи мертвые покоятся на ее священной территории; но замок, всегда опасный и непопулярный сосед, часто связанный с местной тиранией или бедствиями войны, в большинстве случаев был разрушен или снесен при повсеместном использовании пороха, и даже там, где он сохранился, его узкие размеры и неудобное устройство, детали, более или менее существенные для его ценности как места обороны, сделали его, за исключением нескольких случаев, непригодным для современного проживания, и, таким образом, имели тенденцию еще более полностью отделять его от других зданий. нынешние симпатии и интересы человечества. Тем не менее, в этих структурах, какими бы устаревшими они ни были, или потому что они устарели, есть многое, что привлекает тех, кому интересно узнать о жизни и обычаях прежних поколений. Многие из этих зданий были работой и резиденцией людей, оставивших свой след в истории нашей страны. Некоторые, как Йорк, Линкольн, Норвич, Дувр, Рочестер, Честер, Колчестер, Уоллингфорд, были резиденциями саксонских танов или датских ярлов, сменивших римского или, возможно, британского правителя; другие, как Бамборо, Тонтон, Сарум, Татбери и Херефорд, связаны с самыми ранними, самыми знаменитыми или самыми патриотичными из наших чисто английских королей; другие, как Тауэр, Виндзор, Винчестер, Беркли, Понтефрак, Ньюарк, Карисбрук, были ареной великолепия наших величайших или страдания наших самых несчастных монархов; некоторые, как Оксфорд, Нортгемптон, Льюис, Кенилуорт, связаны с великой конституционной борьбой между принцем и подданным; некоторые, как Эксетер, Бедфорд, Рочестер, Пембрук, Чепстоу и Раглан, напоминают нам о кровавых битвах и осадах со времен Завоевателя до времен Карла Первого. Некоторые замки, такие как Шерборн, Девизес,

Малмсбери, Вулсли, Ньюарк, Фарнхэм, Норхэм и Дарем, были построены знатными священнослужителями, которые использовали руку солдата для поддержки ума священника и государственного деятеля; другие, такие как Хедингем, Бангей, Аксхолм, Олнвик, Рэби, Тонбридж, Уорик, Вигмор, Паудерхэм, Годерих и Хелмсли, тесно связаны с великими баронскими фамилиями Де Вер, Биго, Моубрей, Перси, Невилл, Клэр, Бошан, Мортимер, Кортни, Тальбот и Де Рос, те “древние запасы, которые так долго противостояли волнам и непогоде времени”. Ладлоу отождествляется с прекраснейшим творением гения Мильтона; Кэрлеон и Тинтаджел ярко сверкают в средневековых романах; в то время как Шрусбери, Честер, валлийские замки, Карлайл, Ньюкасл, Прюдхо, Форд, Эрмитаж, Джеббург, Бервик и множество подчиненных им башен и пилингов прославлены в “войне или пограничных песнях” Марчмена и сыграли роль в политической, но несправедливой агрессии наших ранних Генри и Эдвардсов.

История и остатки этих крепостей представляют большой интерес для антикара, независимо от того, является ли его специальность юридической, социальной, архитектурной или военной. Почти все самые важные из наших английских замков восходят, в той или иной форме, к глубокой древности, и их ассоциации развивались медленно и глубоко уходили корнями во многие столетия национальной истории. Большинство из них были центрами поместий, которые стали большими на протяжении жизни многих поколений и для защиты которых они были созданы; и владения и услуги арендаторов росли постепенно, так что замок, или, скорее, укрепленный зал, был тесно связан с институтами, законами и обычаями поместья, или это могло быть графство, вапентаке, рапсе или сотня, защитой которых он был. Такие замки, как Бельвуар, Клитеро, Глостер, Тотнес, Данстер, Гастингс, Брамбер и Тикхилл, были “столицей” или главными резиденциями древних родов, почестей и баронств, имевших особые привилегии в пределах своих гартон и владений, с манориальными владениями, разбросанными по многим графствам и накопленными в некоторой значительной степени еще до нормандской эры. Многие земли удерживались, даже во времена саксов, древним сроком военной службы, который, сведенный к системе при нормандских королях, часто принимал форму охраны и содержания в ремонте какой-либо определенной части замка лорда, башни, надвратной будки, зала или стены, за что платили либо лично в качестве замковой стражи, либо в виде компенсации, известной как ward-silver. Что-то вроде замковой охраны действительно появляется в истории Норвичского замка еще в седьмом веке, а в десятом это было обычным явлением. Подобно Честерскому замку, замок Дарем был резиденцией графа-палатина, предметом мрачного юмора Львиного керб-де-Лиона, который из престарелого епископа сделал молодого графа, чьи преемники, более удачливые, чем преемники их брата-мирянина, сохранили свой графский титул и его более чем вице-королевские придатки почти не обрезанными до Реформации и с великолепными остатками судебной и общественной власти до наших дней; и действительно, даже сейчас, хотя его митра больше не вырастает из короны, а посох не такой, как у их брата-мирянина. некогда сочетавшийся с мечом, и хотя баронский зал был щедро отдан в целях образования, лорд Дарема не совсем лишен почетного места и пока не опустился даже до епископальной бедности.

В “Почетном реестре Ричмонда”, очень любопытном справочнике, указывается точная часть этого замка, которую должен был защищать каждый арендатор. В Бельвуаре Стаунтон-тауэр, в Беркли Торпстауэр названы так потому, что за них отвечали семьи с этими фамилиями, а в Дувре Магминот и десятки других башен до сих пор носят имена главных арендаторов этого важного поместья и, таким образом, сохраняют память о владении, суть которого давно упразднена. Связь между военным арендатором и его господином была тесной и во многом проникнутой древним тевтонским равенством и независимостью. Лорд владел своим

“аулом” ради собственной безопасности и безопасности своих арендаторов; их взаимная поддержка давала власть одному и безопасность другим; ни один человек не был унижен таким владением. Самые могущественные бароны почти всегда были также арендаторами, державшими феодалов под властью других лордов, часто намного уступавших им по рангу и власти.

Именно эта древняя история, эта связь с самыми ранними оборонительными сооружениями вызывает такой большой интерес к старым замкам. Когда позже и при экстраординарных обстоятельствах королю или какому-нибудь знатному барону захотелось возвести замок на новом месте, у него не было ни корней, ни ассоциаций. Величественная характеристика старого замка - мощный земляной вал - отсутствовала, а его место было плохо обеспечено массивами каменной кладки и в том умеренных размеров. Вокруг этого места не группировались арендаторы, к нему не были прикреплены поместья, никакие иждивенцы не владели землями на правах владения для его защиты. Таким образом, Бир, Бьюмарис, Кернарвон, Диганви, Конвей, Харлеч и Кэрфилли, какими бы величественными ни были большинство из них, были простыми вторжениями в почву, и когда необходимость, породившая их, отпала, поскольку они не представляли собой частного владения и не были резиденцией крупного барона, им было предоставлено приходить в упадок. Тем не менее, они представляют большой архитектурный интерес. В основном они датируются одним годом, спланированы и построены по одному плану. Хотя дворец и предназначался для военных целей, внутри он совпадает с крепостью. Предоставляемое жилье просторное, основные апартаменты просторные, с богатым декором. Внутренний двор, сторожки и холл Кэрфилли величественнее, чем что-либо подобное в Британии.

Замки еще более позднего периода, построенные на новых местах, вряд ли были замками в военном смысле этого слова. Они были размещены не для защиты Марша или угрожаемого района, а для более или менее безопасной резиденции сеньора, обычно в недавно приобретенном поместье, очень часто приобретенном на выкуп за пленных, взятых во время французских войн. Даже там, где замок преобладал больше всего, как, например, в Бодихэме, построенном после капитального ремонта Арундела на военные трофеи, или в Таттершале, они были скорее замками-дворцами, чем замковыми дворцами, и это особенно касалось Болтона, Крессилы и Шериф-Хаттона, построенных во второй половине четырнадцатого века. В таких работах выступающие башни, петли, зубчатые парапеты и смелые машикуляции используются отчасти из-за их внешнего вида, отчасти по обычаю, но вряд ли для каких-либо военных целей.

Для изучающего военную архитектуру или искусство защиты укрепленных мест до появления пороха интересны планы оборонительных сооружений и детали зубчатой архитектуры каждого периода; иногда ими можно восхищаться из-за величия их земляных укреплений или огромной прочности их стен; иногда из-за удачно выбранного места и умелого расположения их сооружений для фланговой обороны; или, как в Арке, Дувре, Саруме и Виндзоре, из-за их подземных выходов и контрмин. Некоторые, как Клитеро и Пик, были сооружениями чисто военного назначения, предназначенными для содержания только капитана и небольшого гарнизона, со скудными жилыми помещениями и совершенно лишенными украшений; в других, как Ладлоу, Кэрфилли и Бьюмарис, внутреннее убранство было такого масштаба и характера, чтобы вместить королевский двор. Даже там, где стены разрушены, на земляных валах часто остаются следы гораздо более раннего народа, чем норманны, народа, который, как в Старом Саруме, Касл-акре, Мальборо, Клэр, Тонбридже и Девизах, возводил насыпь, ров и частокол задолго до того, как местные жители научились

возводить стены или башни. Наконец, хотя суровые условия войны не допускали наличия полосчатых стволов, высоких сводов или плетеного узора окон в Тинтерне, или фонтанов, или многих менее выдающихся церквей, орнаментация более богатых замков, таких как Дувр, Рочестер, Хедингем, Ньюкасл, Нэрсборо, Касл Райзинг и Конингсборо, отмечена строгостью, присущей подобным сооружениям; а из более грубых и менее богато украшенных замков руины очень многих представляют дикое величие, которое мало кто посещал в Кэрфилли, Харлече или других городах. Скарборо может не оценить; не больше, чем союз силы с красотой, столь заметный в Чепстоу, Рагланде и Ладлоу, который, усиленный прославленной историей, достигает своего наивысшего совершенства в Уорике.

Историю таких замков, которые связаны с общественными мероприятиями, редко бывает трудно проследить. Они упоминаются древними летописцами, а их ремонт и различные подробности, касающиеся их, часто заносятся в рулоны Труб и в другие летописи королевства. Около десятка таких городов, как Арундел, Бамборо, Тонтон, Вигмор и Херефорд, названы в саксонских анналах и в хартиях восьмого и последующих веков; а другие, хотя и не названные в этих источниках, могут из-за их общего сходства быть с уверенностью отнесены к тому же народу и периоду. Замки на Валлийских рубежах, такие как Ладлоу, Монтгомери, Честер, Руддлан, Кардифф, Чепстоу и Пембрук, имели свою особую юрисдикцию; свои суды общей юрисдикции и записи актов гражданского состояния; своего канцлера, канцелярию и официальную печать; “наместники” лорда пользовались полномочиями ямы и виселицы, а его суд вынос решения о штрафах и взыскании средств и другие ранние инструменты передачи земли. В северных Пограничьях такие замки, как Норхэм, Прадхо, Кокермут, Олнвик, Наворт, Кэрлаверок и Хоум, построенные для защиты открытой границы или спорного района, дома тех, кто жил “рукоятью, шпорой и копьем”, упоминаются в летописях обеих стран. Другие изначально были королевскими замками, такими как Дувр, Кентербери, Винчестер, Лондон, Ноттингем и Йорк; или, как Кенилворт, Бриджнорт и Рочестер, перешли в результате отчуждения в руки короны и поэтому содержались за государственный счет, а стоимость их ремонта отражалась на счетах шерифов каждого графства.

Какой бы полной, а обычно скорее наоборот, ни была история замка, любые знания, которые мы можем пожелать относительно ее деталей, во многом зависят от того, что может остаться от строения, будь то каменная кладка или земляные работы, и для понимания этого первое, что необходимо, - это план, а это как раз то, чего не хватает в большинстве руководств или справочников по замкам. При наличии хорошего плана можно установить не только возраст и многие детали любого замка, но иногда можно распознать работу, выполненную на Трубах или рулонах ткани. Оригинальных планов действительно не сохранилось; без сомнения, военные архитекторы, как и их духовные собратья, черпали и работали по чертежам и планам, но они не сохранились. Известно, что не существует такой вещи, как оригинальный дизайн или рабочий чертеж нормандского или даже эдвардианского замка. В церковных исследованиях, из-за известного единообразия расположения, этот недостаток едва ощущается, но план и детали замка меняются в зависимости от расположения участка или прихоти строителя, и хотя зал, кухня, часовня, колодец и казарма являются незаменимыми элементами замка, эти части не имеют ничего общего с регулярностью расположения нефа или хоров, монастыря, капитула или трапезной. Тем не менее, как ни велико разнообразие планов и деталей замков даже одного возраста, их архитекторы и инженеры работали по определенным правилам, так что при их изучении можно получить ключ к пониманию возраста выполненной работы. Размеры, план и профиль земляных валов, наличие, отсутствие или очертания крепости, толщина стен, план, фигура, пропорции и расположение башен-рописей, характер входа, использованный материал и особенности каменной

кладки - все это, при тщательном наблюдении, дает ключ к датировке здания или некоторых его частей, так что, как общее предположение, нормандский замок может быть известен по одному из ранних английских периодов, или по замкам первого или второго Эдуарда, и еще легче по замкам, построенным в царствование Эдуарда III. Ричард Второй. Что это за правила, в чем заключаются эти различия, появится далее.

Средневековая архитектура научно изучалась только в течение последних сорока или пятидесяти лет, а военная архитектура - еще более короткий период. Рикман, который первым научил нас распознавать дату постройки здания в деталях, был вынужден обратить свое внимание на архитектуру по совету мистера Блора, который умер буквально на днях.

Но Рикман, член Общества друзей, почти не замечает замков, и они никоим образом не разделили поток света, направленный Уиллисом на наши соборы. Правила Рикмана, однако, применимы как к одному классу зданий, так и к другому. То, что было сделано и что должно быть сделано для изучения истории архитектуры замков, хотя и подкреплено современными записями, особенно отчетами шерифов и рулонами ткани, было достигнуто главным образом благодаря вниманию к внутренним свидетельствам, предоставляемым самими зданиями и их земляными укреплениями. Даже там, где замок превратился в руины, где облицовка из тесаного дерева была снята и мало что осталось, кроме щебня и бетона внутренней части стен, как в Брамбере, Саффон-Уолдене и Турнхеме, и разрушительное воздействие погоды сказалось в полной мере, не является невозможным, а зачастую и трудным определить общий возраст нескольких частей здания по толщине стен и характеру материалов и мастерства изготовления, а также по контуру работ. Правда, отсутствие орнамента и общее удаление оконных и дверных наличников часто затрудняют установление абсолютной даты, но даже в этом случае можно определить общую форму проемов, грубый контур арок, положение и пропорции контрфорсов и сделать относительно надежное заключение. Возможно, в целом, наибольшие трудности, с которыми приходится сталкиваться военному антиквару, возникают там, где, как в Норвиче, Ланкастере, Йорке, Оксфорде, Кэрмартене или Хаверфордхэсте, здание переоборудовано в тюрьму или где, как в Эпплби и Чилхэме, оно является частью современного жилого дома или пристроено к нему. Уорик, столь примечательный во многих отношениях, особенно известен тем, что его искусно приспособили для современного жилья, существенно не затеяв его древние части, и на эту заслугу можно претендовать Тэмворту и, возможно, Рэби.

Историки нашего округа часто неохотно рассказывают о происхождении кастельри, подробностях его площади и срока службы, но их описания зданий редко бывают вразумительными. Даже Сертис, столь известный богатством и ясностью своего стиля, чья история Дарема содержит в виде фолианта главы, которые в более доступной форме привлекли бы внимание не только антикваров, никогда не пытается дать научное описание. Хантер, чьи истории Халламшира и Донкастерского благочиния безупречны как свидетельства происхождения семей и собственности, не разбирается в архитектурных деталях; и даже Уитекер, который вместе с Хантером был вполне осведомлен об интересе, который проявляют к земляным работам, дает планы лишь немногих из них и очень мало говорит о деталях замков. Если вернуться к последнему периоду, то даже Рейн, Ходжсон и Эйтон в своих историях Дарема, Нортумберленда и Салопа, столь обширных и точных во всех вопросах, касающихся записей, лишь мельком упоминают различные земляные укрепления и замки, которыми так богаты эти графства и детали которых были бы столь ценны. Мы тщетно ищем на страницах этих авторов каких-либо общих выводов относительно возраста, стиля и моментов сходства или различия между этими работами, которые, безусловно, относятся к компетенции топографа.

Великий труд Кинга “*Munimenta Antiqua*”, на три четверти века или более старше большинства вышеперечисленных, и полный абсурдных теорий, неуместных знаний, причудливых и неправильных описаний, признает важность планов и деталей, и хотя те, что даны с большой демонстрацией точности, часто очень некорректны, они многого стоят, и при всей своей абсурдности книга в целом ценна.

“Памятник Ветусты”, произведение той же школы и периода, включает в себя несколько замков и дает планы и разрезы двух из них, Тауэра и Хедингема, правильно и в мельчайших деталях. К сожалению, эти большие и неоправданно дорогие тарелки не сопровождаются надлежащими описаниями. Объемные работы трудолюбивой Бриттон включают в себя очень мало замков, но те, что есть, такие как Рочестер, Кенилворт и Касл Райзинг, нарисованы и спланированы с предельной точностью. Рисунки Гроуза и братьев Бак служат для того, чтобы показать состояние многих английских замков столетней давности, хотя описания Гроуза скудны, а его рисунки ни в коем случае не ясны. Перспектива Бака очень неправильная, но это позволяет увидеть больше здания, чем на самом деле можно увидеть сразу, что имеет свои преимущества.

С момента возникновения в течение последних двадцати лет многочисленных окружных археологических обществ замкам стало уделяться больше внимания; но об английских замках не появилось отдельной работы, хотя многие из наиболее примечательных отмечены мистером Паркером в его превосходных работах по домашней архитектуре. Совсем недавно вышла книга покойного мистера Уайкхэма Мартина о его родовом замке Ледес, труд не только хорошо иллюстрированный и снабженный превосходным планом местности, но и в котором архитектура и устройство крепости рассматриваются с научной точки зрения, а его выводы во многих случаях подтверждаются подлинными документами.

В Англии есть много любопытных и несколько величественных образцов военной архитектуры; но это островное положение и те привычки к трудолюбию, которые обеспечили ей внутренний мир, не способствовали возведению крепостей более высокого класса: для их возведения мы должны перейти на Континент, и особенно во Францию. Во Франции не только работы императорского Рима носили грандиозный и основательный характер, но они были приняты народом и использовались им после падения империи, и как франки, так и вестготы, в отличие от наших англосаксов, практиковали искусство нападения и защиты по римским принципам и переделывали старые работы в соответствии с более поздними обстоятельствами того периода. Особенно в южных провинциях все еще можно найти замки и укрепленные города, такие как Толуза, Нарбонна, Безье и Каркассон, где сохранилась старая римская обводная стена, которую все еще можно узнать среди дополнений и изменений последующих эпох.

Подобно римлянам, их преемники использовали земляные валы и древесину как для нападения, так и для обороны, а для постоянных работ использовали каменную кладку сугубо римского характера. Дошедшие до нас рассказы о великих осадах Средневековья показывают, что используемые машины и методы были унаследованы традицией из Рима, многие из них были такими, какими пользовался Цезарь, в то время как другие были такими же, как те, что изваяны на колонне Траяна или описаны Вегецием. Мины и контрминеры, тараны, балисты, катапульты, кошки, мыши, свиньи и большое семейство приспособлений для проникновения под прикрытием к стене, подлежащей подрыву, - все это было заимствовано из римской войны и применялось, если не с римским мастерством и дисциплиной, то с той степенью энергии и отваги, которые были едва ли менее эффективны.

Более того, политические обстоятельства Франции были в высшей степени благоприятны для строительства крупных военных объектов. Великие герцогства и едва подчиненные королевства, впоследствии составившие французскую монархию, были в одиннадцатом и двенадцатом веках независимыми государствами, каждое с открытой границей, нуждавшимися в обороне, и с храбрым и богатым баронством, очень способным и охотно их предоставлявшим. Следовательно, Франция содержит в своих нынешних границах не только города римского происхождения, прославленные при непосредственных преемниках римлян, но и остатки замков-дворцов герцогов и баронов Нормандии и Бретани; Бургундии, Прованса, Наварры, Фландрии, Анжу и многих меньших провинций; и тот, кто не знаком с Арком, или Фалезом, или Озером; Куси, или Шато-Гайяром, или Этампом; Каркассоном, Авиньоном и многими другими менее значительными провинциями, вряд ли способен судить о замках или укрепленных средневековых городах. Вильнев, или Бокер, или великолепная реставрация Пьерфона.

Обладание этими великими произведениями привлекло, хотя и с опозданием, нескольких авторов, способных понять и описать их. Жители Нормандии являются предметом хорошо известных лекций месье де Комона, прочитанных в Кане в 1830 году и опубликованных в 1835 году. Они содержат очень интересный раздел о военных работах, с планами и высотами, которые, хотя и выполнены грубо и в небольшом масштабе, ценны; его описания ясны, а выводы в целом обоснованы. Другие, до месье де Комона, описывали конкретные структуры, но он, по-видимому, был первым, кто попытался провести общую классификацию, основанную на критическом изучении примеров в его собственной области.

Из отдельных работ, монографий, можно упомянуть работы М. Девиля о Шато-Гайяре, Танкарвиле и Арке, опубликованные в 1828, 1834 и 1839 годах. Первый особенно силен своей историей замка и его знаменитой осады, а последний превосходит как по истории, так и по описанию; и все три сопровождаются четкими планами местности.

Великий труд Виоле-ле-Дюка, хотя и не ограничивается военной архитектурой, содержит во многом самый полный и детализированный отчет о французских замках, когда-либо известных миру; и поскольку, помимо общего сходства между всеми европейскими замками, замки одиннадцатого и двенадцатого веков в Нормандии являются почти копиями замков того же периода и часто построены теми же дворянами или их сыновьями в Англии, он заслуженно стал нашим главным авторитетом. Кроме того, замки Франции, будучи более масштабными и часто более совершенными, чем наш собственный, г-н Ле-Дюк смог более удовлетворительно, чем это могло быть сделано здесь, объяснить некоторые детали, такие, например, как ворота, подъемный мост и опускаемая решетка, и особенно деревянные надстройки для вертикальной обороны, известные как *“hourdes”* и *“bretasches”*, термины, представленные у нас “кладом” лондонского строителя и *“brattice”* горного инженера. Труд г-на Ле-Дюка работа дала повод и материал для небольшого тома из издательства мистера Паркера. Кроме того, существует работа на немецком языке *“Руководство по военной архитектуре французских замков”* М. Г. Х. Крига фон Хохфельдена, в которой содержится много интересного о немецких замках, а также общие сведения о замках Франции и Англии.

Хотя военная архитектура в Англии, если не считать работ римлян, берет свое начало с эпохи и, вероятно, с фактического периода Нормандского завоевания, в стране есть многочисленные примеры военных работ более раннего и, без сомнения, во многих случаях очень отдаленного времени. Эти сооружения, выполненные в земле или, по крайней мере, от которых не осталось ничего, кроме насыпей, насыпей и рвов, иногда имеют большие

размеры, но обычно отличаются чрезвычайной простотой плана. О большинстве из них, опять же за исключением римских, относительный возраст - это все, что мы можем надеяться установить, но даже на основании этих знаний мы в настоящее время очень далеки; и хотя вполне вероятно, что простые лагеря неправильных очертаний на возвышенностях являются работой первых жителей Британии, а лагеря круглых или более правильных очертаний, имеющие более высокие берега и расположенные в более доступных местах, являются произведениями послеримского периода, тем не менее очертания часто настолько смешаны, а расположение насыпей и берегов настолько похоже, что не всегда с уверенностью можно сказать, что это могильный, что просто памятный или монументальный, а что военный; что является произведениями ранних или поздних кельтов, что саксов, что их датских завоевателей, а иногда даже, хотя и не часто, римским.

Особенности этих различных земляных сооружений, столь различных по плану и растянувшихся на столько столетий, заслуживают отдельного упоминания, и поэтому, хотя первоначально предполагалось, что они будут рассмотрены здесь, показалось более разумным отложить пока эту часть предмета в сторону в надежде, что к ней можно будет вернуться, когда составление карт артиллерийского вооружения более крупного масштаба позволит получить более точные и обильные данные, чем те, которые сейчас можно легко получить. Фактически, этот предмет должен был быть включен в инструкции, данные руководителям Изысканий, с помощью которых мы, по крайней мере, избежали бы неясной и иногда противоречивой системы наименований, с помощью которой эти работы обозначались в разные периоды этого великого и во многих отношениях достойного восхищения национального начинания.

Но, хотя здесь было бы целесообразно обойти молчанием те земляные сооружения неправильной, прямоугольной или концентрической формы, которые не имеют прямой связи с последующими каменными замками и, следовательно, с военной архитектурой, тем не менее, остаются определенные земляные сооружения, которые связаны таким образом и которые, следовательно, должны быть здесь отмечены и имеют значение, достаточное для того, чтобы потребовать отдельной главы для их рассмотрения.

ГЛАВА II.

ЗЕМЛЯНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПОСТРИМСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДОВ.

НО мало что известно о внутреннем состоянии Британии между уходом легионов в 411 году н.э. и прибытием норманнов в полном составе тридцать или сорок лет спустя; но каким бы ни было влияние римского владычества или вливания римской крови на социальный или коммерческий характер бриттов, по крайней мере, несомненно, что они достигли небольшого прогресса в строительстве оборонительных сооружений. Римляне имели дело скорее со страной, чем с народом. Внешняя торговля под римским владычеством, без сомнения, была значительной, и много земли обрабатывалось, но бритты, по-видимому, мало что переняли от римских искусств и ничего от римской дисциплины. У их потомков, валлийцев, также нет многих обычаев, которые можно отчетливо проследить до римского происхождения; и хотя в их языке есть много слов, которые указывают на его происхождение от латыни, сравнительно мало таких, которые с какой-либо вероятностью могут быть названы

производными от латыни. О том, насколько далеко они продвинулись в борьбе со скоттами и пиктами, используя римскую тактику или римское оружие, известно мало. Защищаясь от норманнов, они, без сомнения, воспользовались римскими стенами в Ричборо и Лимне, а затем и в Певенси, но в целом лишь с временным успехом; и от них они были отброшены на земляные укрепления своих, вероятно, отдаленных предшественников. Нет ни тени свидетельств того, что они построили какие-либо новые оборонительные сооружения в каменной кладке по римским образцам или даже отремонтировали те, которые были им оставлены, из того же материала.

Однако остаются определенные земляные укрепления, которые, по-видимому, были проложены в соответствии с римскими правилами, но которые не содержат следов римских поселений, не связаны с большими римскими дорогами, а берега и рвы которых имеют большую высоту и глубину, чем те, которые обычно использовались римлянами в Британии, и которые, следовательно, есть основания приписывать бриттам после римского периода. Таковы Тэмворт, Уэйрхэм, Уоллингфорд, возможно, Кардифф, хотя и на римской дороге, и пристройки к римским сооружениям в Йорке. В подтверждение этой точки зрения можно привести название Уоллингфорд, “валлийский брод”. Трудно понять, почему в каменной кладке нет остатков, которые можно было бы отнести к этому периоду, ибо невозможно, чтобы, имея перед глазами пример римлян и определенную примесь римской крови в жилах многих из них, бритты не владели чем-то вроде строительного искусства. Эта трудность не возникает в Галлии, откуда римляне никогда официально не были выведены. Действительно, на Континенте, как правило, встречаются здания всех эпох, начиная с римского периода и далее. Григорий Турский в своей “Французской истории”, написанной ближе к концу VI века, описывает укрепленное место Мерлиар как очень обширное и мощное, в состав которого входили пресноводное озеро, сады и огороды; а г-н де Комон приводит описание епископального замка на Мозеле того же столетия, который защищался тридцатью башнями, в одной из которых находилась часовня, и она была вооружена балистой, а внутри этого места были возделанные земли и водяная мельница; и таких было много, как оборонительные сооружения на реке Мозель. из Каркассона, смешанной римской и постримской работы, то есть работы, выполненной до пятого века и около него.

В Британии ход событий был иным. Норманны, люди моря, привыкшие к жизни на открытом воздухе, не испытывали симпатий к кельтам и совершенно презирали то, что осталось от римской цивилизации; убивали или изгоняли людей, сжигали и разрушали римские здания, которые, как следствие, в Англии фрагментарны и в большинстве случаев сохранились только потому, что были засыпаны землей или включены в более поздние постройки. Римские сооружения были в основном слишком масштабными для нужд новых поселенцев, и даже там, где они занимали римские города, они не заботились о восстановлении или достройке стен, а закапывали то, что от них осталось, в высокие земляные насыпи, на которых они возводили свои частоколы и внутри которых возводили свои окруженные рвами цитадели. Норманны ничего не уважали, ничего не перенимали. Их первой миссией было насилие и разрушение. Они, по-видимому, по крайней мере на юге и востоке, в значительной степени убили и изгнали людей с этой земли и упразднили те институты, которыми они обладали. Но тем не менее они несли с собой семена других институтов гораздо более энергичного и очень здорового характера. Будь то саксы, англв или юты, хотя они высаживались на берегах Британии совершенно независимыми группами, суть их речи, обычаи и боги были общими. У них было такое же знакомство с морем, такое же нежелание занимать римские здания, такое же отсутствие всякой симпатии к коренным британцам. Если они все еще владели большей частью своих земель совместно, дом и усадьба уже были частной собственностью. Их семейные связи были сильны, о чем свидетельствует

номенклатура их деревень. По мере того, как они завоевывали, они оседали и занимались сельским хозяйством, и по мере того, как они принимали христианство, они постепенно устанавливали те разделения, гражданские и церковные, побои и изнасилования, тифинги, сотни, ватиканы и приходы, которые все еще остаются, чтобы засвидетельствовать уважение, которого они достигли к закону и порядку, к правам частной собственности и их способности к самоуправлению.

Очень близкими к английской нации и вскоре включенными в нее были скандинавы из прибрежной страны к северу от Эльбы, датчане из английской истории и местных традиций, которые в восьмом веке играли роль саксов в пятом. Они бороздили те же моря и преследовали саксов, как саксы преследовали бриттов, только захватчики и захваченный, будучи, как правило, одной крови, в конце концов объединились, и различия между ними почти стерлись; тем не менее, в течение трех столетий, девятого, десятого и одиннадцатого, датское имя наводило ужас на Британские острова. Они наводнили каждый берег, стояли на якоре в каждой бухте, поднимались по каждой реке, проникали вглубь страны и опустошали ее.

Оркнейские острова полны их следов, их язык является ключом к топографической номенклатуре Кейтнесса, им приписываются гигантские работы во Фламборо-Хед; зафиксирована великая вырубка, по которой они провели ответвление Темзы через Саутуорк. В 1000 году н.э. Этельред обнаружил, что они составляют большую часть населения Камберленда. Такие окончания, как *ай*, *несс*, *холм* и *бу*, столь распространенные вдоль берегов Англии или над землями, омываемыми реками Трент и Хамбер, Тис и Тайн, и неизвестные на западном побережье, показывают протяженность и постоянство их поселений. Однако, по-видимому, датские земляные укрепления существенно не отличались от тех, что были возведены другими северными народами в Англии. Лагеря, имеющие круглую форму, и мысы, укрепленные сегментарными линиями берегов и рвов, принадлежат всем, и все они, когда поселялись и приобретали собственность, претерпевали очень похожие изменения в своих привычках и образе жизни.

Несомненно, среди ранних работ северян, построенных для прикрытия их высадки и защиты их кораблей, были полукруглые линии рвов и насыпей, найденные на мысах и выступающих утесах в различных частях морского побережья. Обычно они занимают ограниченную территорию, поскольку захватчики обычно приходили очень маленькими отрядами, но окопы Фламборо имеют линию насыпи и рва длиной в три с половиной мили, весьма внушительного характера и занимают очень большую территорию.

Вдоль побережья Южного Уэльса расположено множество небольших лагерей, вероятно датского происхождения, таких как Салли, Порткерри, Колхью, Данрейвен, Пеннард, Пенмаэн, пять других на мысе Гауэр и пять или шесть вдоль южного берега Пембрукшира. Помимо этих материальных следов захватчиков, есть длинный список таких названий, как Хаверфорд (фиорд), Стэкпол, Хаббертон, Энгл, Хабберстон, Хербрандстон, Гейтхольм, Стокгольм, Скомер, Масселвик, Гарольдстон, Рэмси, Страбл, Суонси, в которых сильно ощущается балтийский вкус. Мыс Динас между заливами Ньюпорт и Фишгард, хотя и носит валлийское название, укреплен укреплениями, которые, без сомнения, принадлежат северянам.

Эти и подобные им произведения, очевидно, относятся к более раннему периоду северных вторжений, когда длинные черные галеры викингов нередко посещали британские и ирландские берега, прежде чем они обосновались на обеих землях. В пятом и шестом веках в Британии начали формироваться поселения, которые быстро приобрели размеры, весьма

внушительные для местных жителей. Юго-восточное побережье Британии, наводненное еще во времена римской Империи морскими разбойниками и оттуда известное как саксонский берег, было укреплено римлянами, но укрепления, по сути своей мощные, оказались слишком слабыми в руках британцев, чтобы остановить продвижение врага. В 530 году нашей эры Сердик и Кинрик захватили остров Уайт и перебили множество бриттов в месте, где впоследствии был похоронен Уайтгар и где он, вероятно, создал произведение, носившее его имя и впоследствии, как и сейчас, известное как Карисброк. В 547 году Ида, “несущая пламя” валлийских бардов, основала Беббанбург, ныне Бамборо, и обнесла его сначала изгородью [хегге], а затем стеной; а в 552 году Кинрик вступил в бой с бриттами при Сорбиодуне, затем Сиро-бурхе, а теперь Старом Саруме; как это сделал в 571 году Катвульф или Кутха при Бедканфорде или Бедфорде, в каждом из этих двух последних мест, например, при Карисброке и, вероятно, при Твинхеме или Крайстчерч, бросающий те работы, которые еще остались. Завоевание романо-британских городов Сайренсестер, Бат и Глостер, а также всего левого берега Северна, от Бристольского Эйвона до Вустерского, было непосредственным следствием победы при Деорхэме в 571 году, за ним последовало овладение Пенгверном, впоследствии Шрусбери, важнейшей заставой, с помощью которой мерсийцы, а за ними и норманны удерживали Среднюю границу Уэльса. Затем по всей линии от Крайстчерча и Карисброка, от Беркли и Глостера, Вустера, Уорика и Шрусбери были возведены земляные валы, большинство из которых еще предстоит увидеть.

Вместе с социальными изменениями среди захватчиков изменился и характер их военной, или, скорее, смешанной военной и домашней работы. Британские лагеря, предназначенные для проживания племени, имевшего все общее, были как по расположению, так и по устройству совершенно непригодны для новых обитателей. Римские станции, предназначенные для гарнизонов, за исключением тех случаев, когда они составляли часть существующего города, были едва ли менее удобными, равно как и более ранние сооружения норманнов не соответствовали их более поздним потребностям. В основном они носили поспешный характер и были брошены для прикрытия высадки или сдерживания превосходящих сил. Как только чужаки закреплялись в каком-либо районе на постоянной основе, их операции принимали иной характер. Их идеи не носили, в отличие от идей римлян, имперского характера; они не прокладывали больших линий дорог, поначалу не принимали никаких мер предосторожности для общей обороны или управления страной. Преобладало самоуправление. Каждая семья владела своим особым участком и дала ему название. Это ключ к плану более позднего и подавляющего большинства чисто английских земельных работ. Они предназначались не для защиты племени или территории, не для размещения воинов, а для центра и обороны частного поместья, для размещения лорда и его домочадцев, для защиты его арендаторов в целом, в случае нападения на них, и для безопасного размещения во время войны их стад.

Эти сооружения, возведенные в Англии в девятом и десятом веках, редко, если вообще когда-либо, имеют прямоугольную форму и в значительной степени не зависят от характера грунта. Сначала был воздвигнут усеченный земляной конус, стоящий на своем естественном склоне, высотой от двенадцати до даже пятидесяти или шестидесяти футов. Этот “холм”, “мотте”, или “бурх”, “Мота” из наших записей, был образован из содержимого широкого и глубокого окружающего рва. Этот ров, примыкающий к насыпи, сейчас иногда полностью или частично засыпан, но, кажется, он присутствовал всегда, фактически являясь прародителем насыпи. Беркхэмпстед - прекрасный пример такого кургана с оригинальным рвом. В Кэрлеоне, Тикхилле и Линкольне она была частично засыпана; в Кардиффе она была полностью засыпана, но недавно была самым тщательным образом расчищена, и видно, что ее первоначальная глубина и ширина были очень внушительными. Хотя эти насыпи обычно

искусственные, они не всегда таковыми являются. Дарем, Лонсестон, Монтакут, Данстер, Рестормел, Нант Крибба - естественные холмы; Виндзор, Тикхилл, Льюис, Норвич, Эли и Девизес отчасти таковы; в Шерборне и Хедингеме насыпь представляет собой естественную платформу, возведенную искусно; в Татбери, Понтефракте и Брамбере, где естественная платформа также была большой, она была возведена с насыпью.

С насыпью обычно соединен нижний дворик или ограда, иногда круглая, чаще овальная или подковообразная, но в зависимости от возраста насыпи всегда более или менее округлая. Это ограждение также имело насыпь и ров с внешней стороны, его задняя часть опиралась на ров насыпи, и территория часто дополнительно укреплялась насыпью вдоль гребня откоса рва. Время от времени, как в Старом Саруме, за пределами внешнего рва, то есть на гребне контрэскарпа, насыпается дополнительный, но более тонкий вал. Очевидно, он предназначался для возведения частокола и выполнения условий крытого проезда по гребню одного из контрскарпов Вобана. Там, где ограда круглая, курган находится либо в центре, как в Пикеринге, или Майлхеме, или в Олд-Саруме, где он, возможно, является дополнением к более старому сооружению, такому как Бэдбери, либо стоит сбоку, как в Татбери. Там, где участок продолговатый или овальный, холмик можно расположить у одного конца, как у Брамбера. В Виндзоре и Арунде он находится на одной стороне продолговатого ограждения, образуя что-то вроде сужения песочных часов, и там, где это так, часть его канавы совпадает с канавой этого места. Там, где двор представляет собой только часть круга, он опирается на часть рва кургана. В Саруме есть два рва, расположенных концентрически. В Беркхэмпстеде курган находится за пределами двора. В целом, как и в Тикхилле, Касл-Акре и Линкольне, чаще всего насыпь можно увидеть на краю двора, так что она является частью общей "ограды" этого места. Там, где базовая площадка имеет умеренную площадь, как в Билте и Килпеке, ее платформу часто немного приподнимают за счет добавления части содержимого канавы, что редко бывает в британских лагерях. В Уигморе и Билте, где насыпь стоит на краю естественного обрыва, канава там прекращена. Базовая площадка обычно в два-три раза превышает площадь насыпи, а иногда, как в Уоллингфорде или Уорике, намного больше. Несомненно, причина размещения насыпи с одной стороны, а не в центре двора, заключалась в том, чтобы позволить сосредоточить жилые помещения, конюшни и т. д. В одном месте и сделать насыпь частью внешней защиты этого места.

Насыпь и площадка у основания, хотя и были основными частями, не всегда представляли собой всю работу целиком. Часто за пределами корта располагался и примыкал к нему, как в Бринклоу и Рокингеме, второй огороженный участок, также с насыпью и рвом, часто большей площади, чем главный корт, хотя и не столь сильно защищенный. Он предназначался для укрытия стад арендаторов в случае нападения. В Норэме замковый ров использовался для этой цели еще во времена правления Генриха VIII. Есть несколько случаев, когда курган располагался внутри прямоугольной ограды, что породило представление о том, что все это было римским. Тэмворт - как раз такой случай, и там, к счастью, исторически известно, что курган был работой Этельфлед, как и курган Лестера, расположенный аналогичным образом. Из этого и из свидетельств самих земляных работ можно сделать аналогичный вывод относительно насыпных курганов в Уэйрхеме, Уоллингфорде и Кардиффе. В Хелмсли, как и в Касл-Акре, Броэме и Бро, земляные укрепления расположены на части римского лагеря, а в Килпеке и Моут-Лейн, недалеко от Лландло, часть территории, возможно, принадлежит британцам.

В Восточной Англии есть несколько прекрасных примеров таких окруженных рвами насыпей в сочетании с прямоугольными лагерями. Касл-Акко - отличный пример, как и, в меньшей степени, Майлхэм и Бакенхэм.

Когда английский лорд поселялся в римском лагере или станции, он часто обращал внимание на римские сооружения, будь то земляные или каменные, и возводил свой берег в одном углу, изменяя прилегающие берега и рвы в соответствии со своим новым устройством. Таким образом, в Певенси, Лестере, Кембридже, Линкольне, Саутгемптоне, Винчестере, Чичестере, Каэрлеоне, Честере английские курганы и базовые корты расположены внутри римских оград, которые либо являются, либо были обнесены стеной. В Олдчестере, недалеко от Бистера, римской Алауны, находится курган более поздней даты, чем лагерь. В Плесси, Тамворте, Уоллингфорде, Уэйрхеме, Кардиффе обнаружены курганы явно более поздней даты, чем окружающие их сооружения. Есть также случаи, когда насыпь расположена внутри земляного вала с некоторой тенденцией к прямоугольной форме, хотя вряд ли ее можно назвать римской или романо-британской. Таковы Клэр, Херефорд, Итон-Сокон, где холм действительно очень маленький, и Лилборн. Темпсфорд очень своеобразен: это небольшое прямоугольное сооружение рядом с Узом, а в одном углу, на берегу, находится небольшой холмик.

Группа сооружений, главной особенностью которых был курган, представляла собой Бурх. Бург всегда был укреплен, и каждый житель окрестного городка был обязан помогать в ремонте сооружений, почти всегда из дерева, материала, который саксы, как и другие германские народы, по-видимому, обычно предпочитали для строительства камню, хотя некоторые из их городов были обнесены стенами, как Колчестер и Эксетер, а Судный день упоминает обычай ремонтировать стены Оксфорда, Кембриджа и Честера.

В этих английских, как и до них в британских работах, рвы иногда использовались для сдерживания и защиты подходов. Это хорошо видно в Клане и Килпеке. В Татбери главный въезд проходит между двумя внешними платформами и огибает внешний край рва, пока не достигнет внутреннего входа. Цель состояла в том, чтобы держать подход в поле зрения гарнизона и командования им.

Поскольку все еще есть археологи, чей опыт позволяет уважать их мнение, которые приписывают эти окруженные рвами курганы британцам, необходимо указать, что их принадлежность англичанам, хотя и существенно подкрепляется свидетельствами самих работ, не основывается на этом полностью или даже главным образом. В то время как британские лагеря либо доисторические, либо незамеченные даже в самых ранних исторических источниках, а возраст римских сооружений можно определить только по их плану и стилю, а также по известному и ограниченному периоду пребывания римлян в Британии, английские сооружения постоянно упоминаются в хрониках, и имена их основателей и дата строительства многих из них зафиксированы. Таким образом, Тонтон был основан Ине незадолго до 721-2 годов, когда королева Этельбурх разрушила его. Первоначальные земляные укрепления, сохранившиеся до сих пор, значительны и являлись частью оборонительных сооружений крепости, возведенной много лет спустя. В девятом веке, когда датские вторжения стали более частыми, оборонительные сооружения приобрели более общий характер и в основном упоминаются прямо или косвенно в англосаксонских хрониках. В 868-9 годах датская армия находилась в Ноттингеме, сильной естественной позиции, на которой она была осаждена западносаксонцами. В 870 году датчане целый год пробыли в Йорке, а зимовали в Тетфорде, где сохранились большие земляные укрепления. В 875 году они были в Кембридже, а в 876 году в Уэйрхеме, западносаксонской крепости, откуда они атаковали Эксетер, и во всех этих местах есть

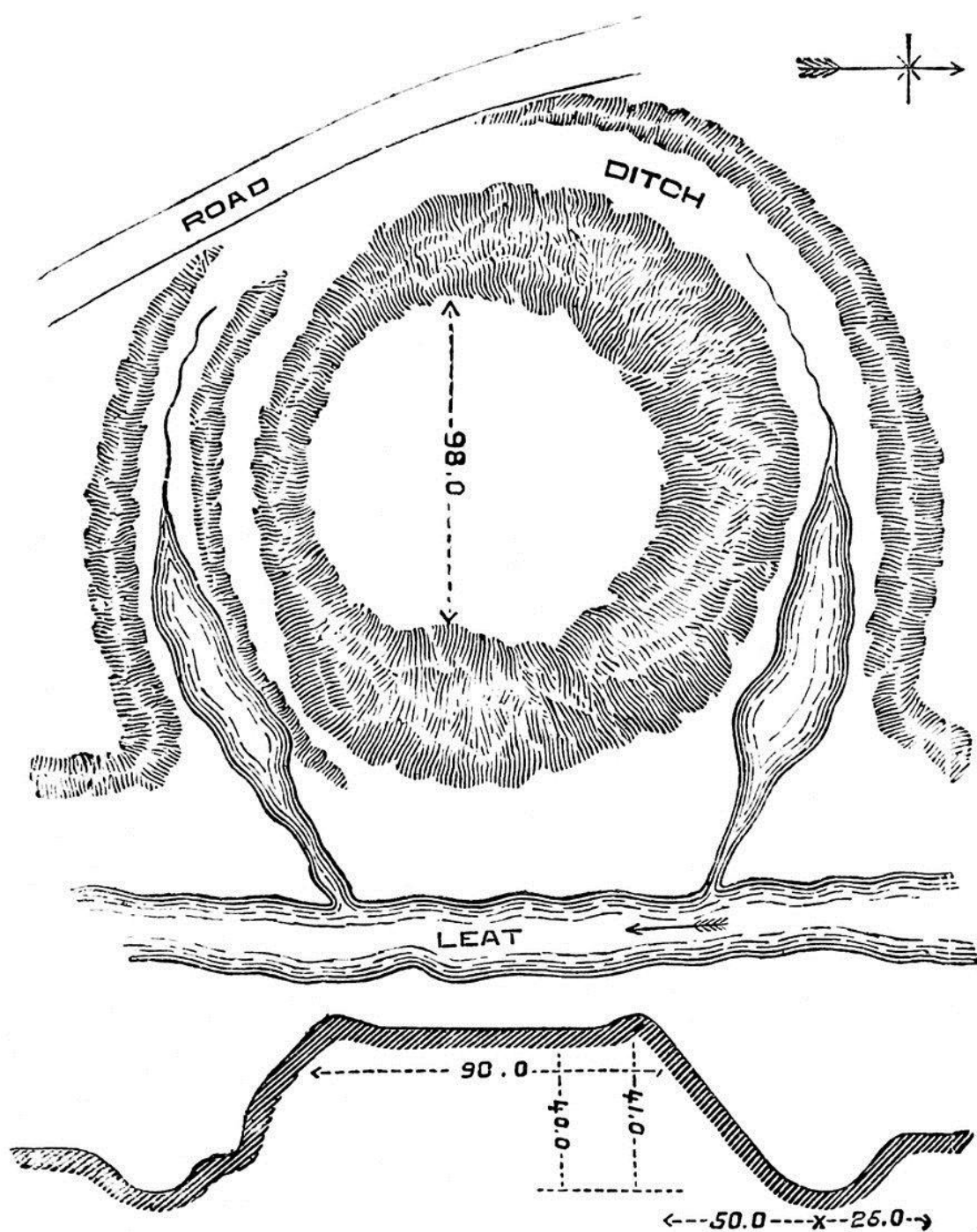
земляные укрепления. В 878 году мы читаем, что Эльфред “построил” крепость в Этельни, а в 885 году датчане осадили Рочестер и “построили” еще одну крепость на своей позиции, без сомнения, большой курган, который все еще остается за пределами замка и римской территории. В 893 году датчане поднялись на четыре мили вверх по реке Лимен или “Лимне” в Кенте, и там взяли штурмом сооружение “гевеорк”, которое было построено лишь наполовину. В том же году Хестен вошел в Темзу и “устроил” ему работу в Милтоне, а другие датчане высадились в Эпплдоре, в устье Лимена. В 894 году Эльфред сражался с датчанами при Фарнхеме, где на холме до сих пор стоит епископальная крепость. Хестен или Гастингс уже построили крепость в Бенфлите, которую штурмовал Эльфред, который в том же году блокировал его в Баттингтоне, на реке Северн. В 896 году датчане построили укрепления на реке Леа, в двадцати милях от Лондона, после чего Эльфред построил еще по одному сооружению на каждом берегу этой реки ниже по течению и отвел воду через ряд неглубоких протоков, таким образом, фактически перекрыв доступ датским кораблям. В результате датчане двинулись вглубь страны и пересекли страну до Кватбриджа на реке Северн, где “устроили работу” и провели зиму. Некоторые из этих работ сохранились и являются хорошими примерами насыпей со рвами.

В десятом веке число английских крепостей было необычайно увеличено, главным образом благодаря энергии Этельфлед. Эльфред умер в 901 году, и ему наследовал Эдвард, его сын, который атаковал в крепости Бэдбери своего двоюродного брата Этельвальда, удерживавшего Крайстчерч и Уимборн. В 907 году Честер, римские стены которого долгое время лежали в руинах, был укреплен, вероятно, за счет земляных валов, которые все еще можно увидеть в его юго-западном углу, хотя насыпь была почти полностью снесена. В 910 году Этельфлед, сестра Эдварда и повелительница Мерсии, выходит на сцену как величайшая основательница крепостей того столетия. В том же году она построила крепость в Брамсбери, а в 913 году - в Скергите, или Саррате, и в Бриджнорте (Олдбери). В 913 году, примерно 14 апреля, Эдвард построил северный бурх в Хартфорде, между реками Мемера, или Маран, Бенефика, или Бин, и Лигея, или Леа, на котором долгое время после этого стояла крепость-ракушка нормандского замка; а после мая и до середины лета он разбил лагерь в Мэлдоне, пока строился Уитэм бурх. Тогда же был построен второй город Хартфорд, к югу от Леа. В том же 913 году Этельфлед и ее мерсийцы в начале лета построили крепость Тамворт, а в августе - Стаффорд; а в следующем, 914 году, также летом, крепость Эддесбери и ближе к концу осени крепость Уорик, на которой все еще сохранились следы более поздней крепости.

В 915 году Этельфлед построила крепость в Чирбери, вероятно, на поле, до сих пор известном как Королевский сад, и в Уордбери, а до середины зимы - в Ранкорне, где впоследствии был нормандский замок. В том году датчане поднялись по Бристольскому каналу и вошли в Ирченфилд, к западу от Херефорда, примечательный, среди многих других, своими бургами Килпек и Эвиас-Гарольд, откуда они были отброшены жителями Херефорда и Глостера, а также окрестных бургов. В 916 году Этельфлед взяла штурмом курган Брекнок и увела оттуда жену короля Уэльса и тридцать четыре человека. В конце года Эдвард провел несколько недель в Бекингеме и построил там два бурга, по одному на каждом берегу реки, на одном из которых впоследствии стояла крепость графа Гиффарда. В 917 году Этельфлед взяла Дербь, ворота города которого упоминаются, а в 918 году - город Лестер, вскоре после чего она умерла в своем дворце в Тамворте. В 919 году Эдвард отправился в Бедфорд, занял его крепость, на месте крепости лорда Бошана, и оставался там четыре недели, в течение которых он построил вторую крепость на противоположном, или южном, берегу реки Уз. В 920 году он построил острог в Мэлдоне, а в апреле 921 года - в Таустере, который осенью обнес каменной стеной. В следующем мае он приказал построить крепость в Вигморе, а в

августе вся датская армия провела день у Таустера, но не смогла взять его штурмом. В тот год датчане бросили свою работу в Хантингдоне и начали другую в Темпсфорде, а оттуда двинулись в Бедфорд, где были отброшены. Они также атаковали бурх в Вигморе в течение дня, но безуспешно. Это был напряженный год. В нем англичане взяли штурмом Темпсфорд-бурх и окружили Колчестер-бурх, и убили там всех, кроме одного человека, который сбежал через стену. Малдон-бурх также подвергся нападению датской армии, но безуспешно. В ноябре Эдвард отремонтировал бурхи в Хантингдоне и Колчестере и возвел их в Кледемуте. В 922 году тот же великий английский вождь, между маем и серединой лета, “построил” бург в Стэмфорде на южном берегу Велланда, напротив уже существующего. Он захватил крепость Ноттингем, отремонтировал ее и выставил гарнизон из англичан и датчан. В 923 году Эдвард воздвиг крепость в Телуолле, а в 924 году одну в Бейквелле и вторую в Ноттингеме, напротив существующей, между ними протекал Трент. В 943 году датчанин Олаф взял Тамворт штурмом. В 952 году упоминается крепость Джедбург и город Тетфорд. В 993 году Бамборо подвергся штурму.

ТАУЧЕСТЕР - БУРГ - БЕРИ - МАУНТ

SECTION

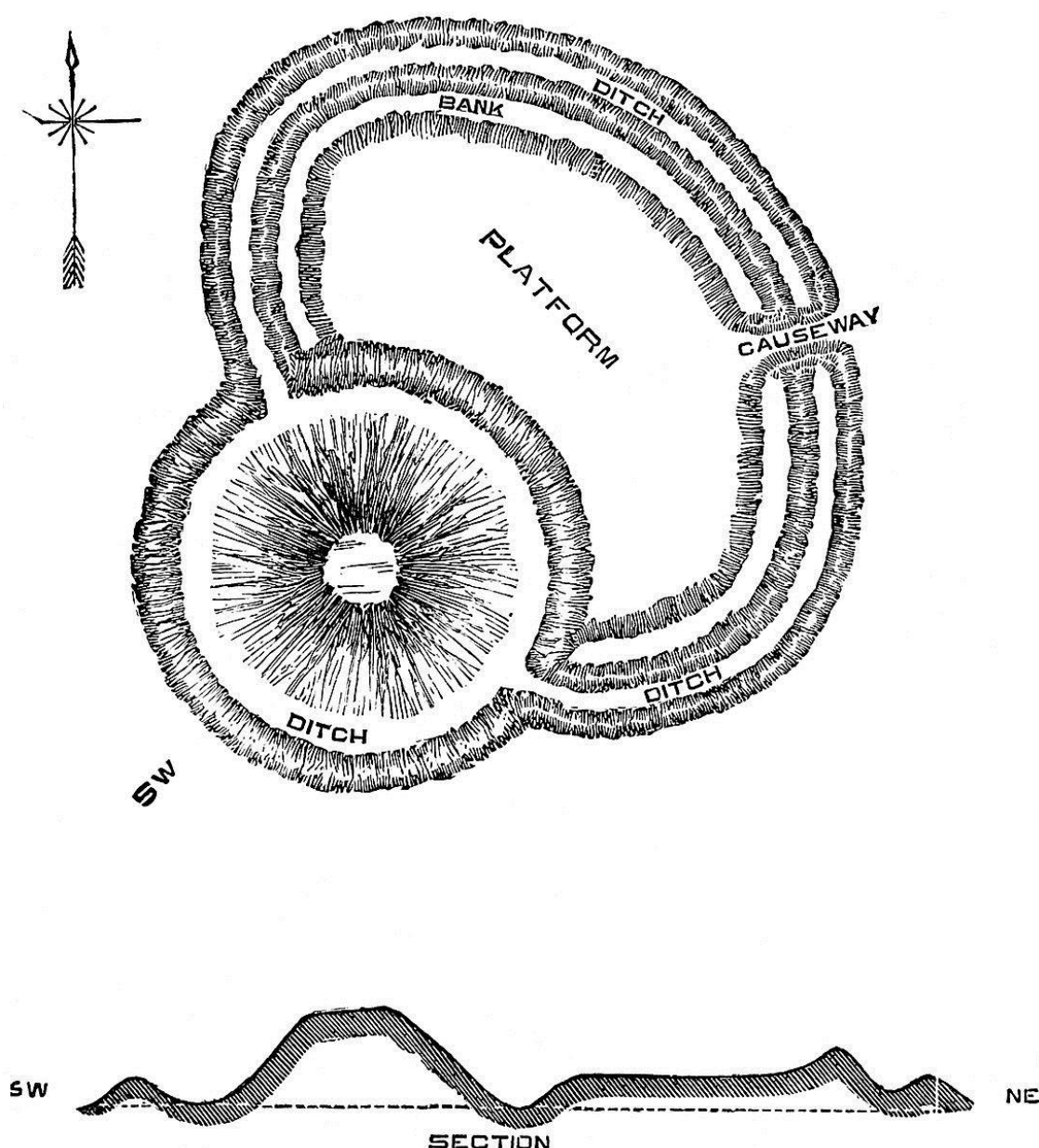
Из пятидесяти бургов, названных в хронике, был идентифицирован около сорока одного, и из них около двадцати девяти существуют до сих пор. Из этого числа двадцать два представляют собой обнесенные рвом насыпи, в основном с базовыми кортами, также обнесенными рвом. В Тонтоне, как и в Чирбери, есть основания предполагать, что там был курган, а сооружения в Эксетере, Рочестере, Колчестере и Певенси, которые являются римскими и, возможно, пришли на смену более ранним британским сооружениям, были захвачены англичанами и изменены ими, как это имеет место также в Честере, где был и в Певенси, где до сих пор есть курган. В Рочестере есть большой курган, хотя и за пределами крепости. Ружмон в Эксетере сам по себе является естественным холмом, а Бамборо, из-за своей огромной высоты и крутизны, не нуждался ни в насыпи, ни в каких-либо земляных работах. Из двойных бургов, господствующих над переправой через реку, хроника упоминает Ноттингем и те, что расположены на берегу, а также другие в Хартфорде,

Бедфорде, Стэмфорде и Бекингеме. К сожалению, ни один из них не идеален. В Ноттингеме и на Леа оба кургана давно убраны; об одном помнят в Стэмфорде и Букингеме, а один все еще можно увидеть в Хартфорде. Но единственные сохранившиеся двойные курганы, свидетельствующие о том, как в десятом веке англичане защищали переправу через реку, - это курганы в Йорке, которые не упоминаются в хронике.

Таким образом, оказывается, что помимо работ, которые не были идентифицированы или которые были уничтожены до того, как о них было принято к сведению, существует более десятка бургов, дата возведения которых и имя основателя занесены в заслуживающие доверия записи, и которые еще предстоит увидеть. Что же тогда такое бурх? Бурх - это обнесенный ровом холм со столешницей и площадкой у основания, также обнесенной ровом, либо примыкающей к одной его стороне, либо внутри которой он стоит. Но бурги, даты которых зафиксированы и которые описаны таким образом, являются лишь очень немногими из тех, что встречаются по всей Англии, в низинах Шотландии и на пограничных территориях, граничащих с Уэльсом, которые из-за их точного сходства по характеру с теми, которые действительно идентифицированы, следует предположить, что они имеют одинаковую дату и происхождение, и поэтому могут быть с уверенностью отнесены к девятому, десятому и, возможно, к восьмому векам, и к английскому народу, то есть к северным поселенцам в целом, в отличие от бриттов и римлян.

Случается также, что в очень многих случаях, когда обнаруживаются эти бурги, можно доказать, что они были “капутом” или центром поместья. Вполне вероятно, что так было всегда, но, как правило, это может быть доказано из записей только в отношении очень крупных поместий. Таким образом, холм Уоллингфорд был резиденцией Вигода, наследница которого вышла замуж за Роберта Д'Ойли; Борн или Брум принадлежал графу Моркару в 870 году; Эдвин, граф Мерсии, лорд Страффорд-Вапентейк в Йоркшире, имел “аулу” в Лоутон-ан-ле-Мортене, а Конингсборо был центром королевского гонорара. У английского лорда Ричмондшира была резиденция в Гиллинге, насыпь на которой не так давно сравнивали с землей. Насыпь в Халтоне была резиденцией графа Тости. В Берри-Бэнкс, недалеко от Стоуна, жил Вулфер, лорд Мерсии. Главные резиденции английских лордов Халламшира неизвестны, но в этом районе последними танами были Уолтеф, Тости, Свейн, лорд Шеффилда и Гарольд, чьи резиденции следует искать в холмах и берегах Касл-Хилл и Касл-Бейли, недалеко от Брэдфорда; Касл-Хилл, на встрече Шифа и Дона; Тикхилл, Винкобанк и Мексборо, все курганы, окруженные рвами; также в Ланкашире и Йоркшире находятся Меллинг и Хорнби в Лонсдейле, Касл-Хиллз в Блэк-Буртоне, Робин-Гуд и другие. задница в Клэпхеме и Седбери, или бурх Седды, хорошо известное городище с овальными дворами, дамбы-замки в Ледескале и Лэнгвите, замок Мейден в Гринтоне и Киркби Малессант. Большой курган в Клэр в Саффолке был укрепленной резиденцией графа Алурика, который владел огромным поместьем в этом районе. В Ае, в том же графстве Саффолк, резиденции графа Эдрика, есть прекрасный холм, как и в Тетфорде и Хоули. Холмы Хедингем и Норвич являются естественными, но последний был возведен искусственно и укреплен ровом и подковообразными выступами, вероятно, в девятом или десятом веках. Дадли также был великолепной английской резиденцией, как и Беннингтон-маунд в Хартфордшире. Херефорд был укреплен великим Гарольдом, Эвиас - другим Гарольдом; Килпек и замок Ричарда также были древними городами, как и курганы Клан, Освестри и Уиттингтон в Шропшире. В Шотландии на холме, называемом “Холм Дунсинан”, традиция относит резиденцию Макбета к началу одиннадцатого века. Бьютт расположен на овальной территории, защищенной, как гласит Вымпел, насыпями и рвами. Напротив Кингусси на реке Спей находится очень любопытный природный курган, возвышающийся с трех сторон из речных болот и, как

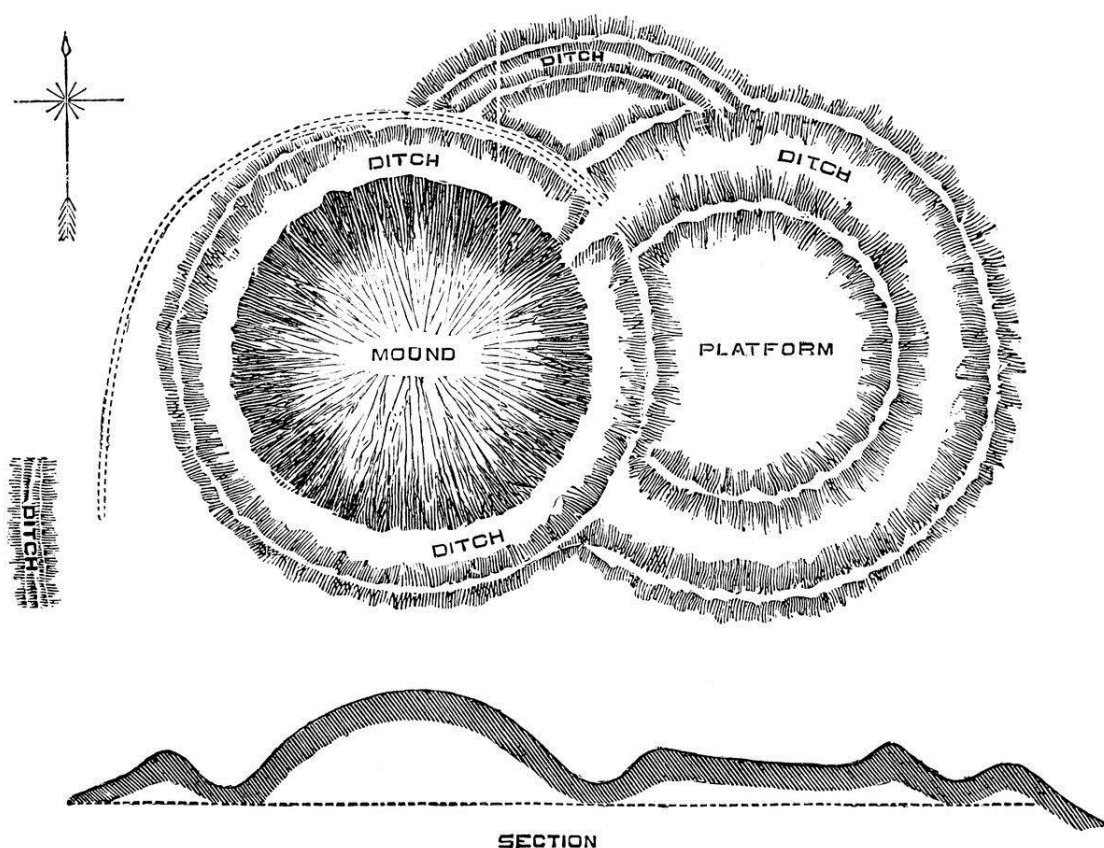
известно, бывший резиденцией знаменитого Волка из Баденоха. На берегах Клайда также есть окруженный рвом холм с пристроенными к нему кортами.

ЛАУТОН-АН-ЛЕ-МОРТЕН

Бурги упоминаются в ранних законах Англии, но к этому времени значение этого слова расширилось, так что его часто применяли не только к обнесенному рвом холму, но и к городу, выросшему вокруг него. По законам Этельстана, каждый бурх должен был быть отремонтирован в течение четырнадцати дней после дня Банкротства, и в королевских бурхах разрешалось чеканить монеты. По законам Эдмунда королевский бурх был убежищем, а по законам Этельреда тот, кто сражался в королевском бурге, подлежал смертной казни. Бурх-брайс был посягательством на замок или жилище. Бурх-ботэ, плата за поддержание бургов или крепостей в состоянии обороны, была ответвлением хорошо известной "триноды необходимости". Первоначально английский бурх был укрепленным домом, "Domus defensibilis" Судного дня, "Aula", немецкое "Saal" владельца окружающего поместья или манора, которое арендаторы были обязаны защищать; название которого

иногда может быть нормандским, но обозначаемая вещь, несомненно, имеет гораздо более раннее происхождение. Термин "бурх" естественным образом распространился на скопление окружающих хижин, и изгородь с канавой была их основным ограждением, ремонт которого предусмотрен в самых ранних саксонских законах. Хорошей прочной живой изгородью, даже из быстрорастущих кустарников, пренебрегать нельзя, а кактусовые и бамбуковые изгороди Индии обрадуют целый отряд солдат. Слово "Хайя" нередко встречается в Domesday, и там оно означает загон, в который загоняли диких зверей, "Хайя в капитолии ферате". Оно также использовалось для ограждения парка, такого как парк Хэй в Кнаресборо, и парка Хоу, пристроенного к замку Скиптон. Изгородь короля Иды в Бамборо предназначалась для защиты присоединенных пастбищных угодий, поскольку замок вряд ли нуждался в подобном дополнении к своей превосходящей силе. Это слово также широко использовалось в Нормандии, как для обозначения защиты, так и для ограждения. Один из старых замков Херефордшира носит название Хэй.

ЗАМКОВАЯ ГОРА МЕКСБОРО

Королевский эдикт Карла Лысого в 864 году (глава i) прямо предписывает уничтожить все "Кастеллы и укрепления", изготовленные без его лицензии, "disfactas", поскольку они наносили ущерб округу. "Vicini et circummanentes exinde multas deprædationes et impedimenta sustinent" ("Rerum Gallicarum Scriptores," vii., 677). Таким образом, живые изгороди не всегда были просто ограждениями, но иногда служили военной защитой.

Эти насыпи в том виде, в каком они дошли до нас и не претерпели никаких изменений от рук нормандского архитектора, представляют собой простые зеленые холмики, действительно четкие в своей простоте, хотя и утратившие со временем четкость своего профиля, большую или меньшую высоту и глубину рвов. На них никогда не наблюдалось никакой каменной кладки, которую можно было бы каким-либо образом приписать их основателям или которая, как можно было бы предположить, была частью их первоначального замысла. Очевидно,

однако, что земляной вал был лишь опорой для какой-то дополнительной обороны. На насыпи, несомненно, находилась резиденция, и как ее гребень, так и основание, а также пристроенные к нему дворы, должно быть, были окружены каким-то барьером помимо земляного вала. Мы читали, что Таучестер был защищен стеной, которая, однако, была построена очень быстро и, вероятно, напоминала полевую стену, только без раствора. Но с раствором или без него никакая стена не могла быть возведена на свежей куче земли, и то, о чем говорится, должно было стоять на естественном грунте у основания кургана или вокруг него. Несомненно, Эксетер был окружен стенами Этельстана, а у Колчестера были стены, частично, как мы видим, римские, но частично, без сомнения, английские; а у Дерби были ворота, хотя из какого материала, не указано. В Корфе есть какая-то каменная кладка, определенно более древняя, чем Конквест, и являющаяся частью его внешних укреплений; но Корф - естественный холм. Хорошо известно, что англичане с незапамятных времен были знакомы с каменной кладкой и строили церкви из камня или дерева, как им больше всего подходило; и нет ничего более естественного, чем то, что они использовали первое, когда целью было отразить нападение. Но на городище или на искусственном земляном валу любой высоты ни о какой кладке, очевидно, не могло быть и речи. Подходящим материалом была бы древесина, и только древесина. Древесина всегда была под рукой, и это был материал, который англичане, возможно, из-за своих ранних морских привычек, очень любили. Кроме того, быстрота, с которой строились эти бурги, показывает, что, должно быть, в значительной степени использовалась древесина. Они были брошены, достроены, атакованы, сожжены и восстановлены - и все это в течение нескольких месяцев.

Нет недостатка в описаниях этих укрепленных бревнами сооружений. М. де Комон приводит любопытный отрывок из Эрнальда Найджеллуса, автора IX века, который рассказывает об экспедиции под командованием Луи ле Дебоннера против бретонского короля Мармана, чьи крепости были защищены рвами и частоколом.

“Est locus hinc silvis, hinc flumine cinctus amoeno.

Sepibus et sulcis atque palude situs.”

Intus opima domus....

Однако это была бретонская работа, и там нет упоминания о кургане. Два столетия спустя курган стал широко использоваться, и другая цитата, также взятая у месье де Комона, из "Жизни Иоанна, канонизированного прелата церкви Теруана", написанная архидьяконом Кольмиером, дает отчет о крепости Мерчен, недалеко от Диксмуда, в которой четко изложены использованные материалы и способ строительства. Оригинал, взятый из “Священного акта”, прилагается к этой статье и на самом деле представляет собой описание окруженного рвом холма с его оградой и деревянными башенками, центральным жилищем и мостом через ров, поднимающимся на вершину холма. Описание иллюстрируется изображением взятия Динана на гобелене из Байе. Виден конический курган, увенчанный деревянным зданием, которое двое мужчин с факелами пытаются поджечь, в то время как другие поднимаются по крутому мосту, перекинутому через ров и ведущему к воротам на гребне кургана.

Многие из этих курганов под названием моутс (motæ) сохранили свои деревянные укрепления до двенадцатого и тринадцатого веков, и это тоже на границе Шропшира и Уэльса, переполненные каменными замками.

Ducange defines *mota* as “*Collis, seu tumulus, cui inædificatum est castellum. Olim castella numquam nisi in eminentissimis locis extruebantur. Во Фландрии веро, униженный планиссима регионе, конгестис ундеквакум террарум молибус, огненный мошкара, коварные арки влияния*”; и добавляет, что “*мота*” - это то же самое произведение, известное в Дофиньи как “*пойпия*”, а в Оверни как “*сеньориальный мошкара*”. Из Lambertus Ardensis он цитирует: “*Motam altissimam, sive dunjonem eminentem in munitionis signum firmavit, et in aggerem coacervavit*”. И Ордерик рассказывает, что в 1098 году Пейн де Мон-Дубло передал Уильяму Руфусу: “*Fortissimam, quam apud Balaonem possidebat, motam, per quam totum oppidum adversariis subactum paruit*”. А в 1119 году Фульк Анжуйский с 500 рыцарями осадил “*ad motam Galterii*”, который король укрепил. Также недалеко от Понте-Корво был “*Motam magnam, quam faciebat facere Dominus Canis cum mulfossis et tajatis ad claudendum Paduanos*”, как и большой курган в Рочестере, сразу за городской стеной. В романе де Ру:—

“Hubert de Rie est à sa porte

Entre le mostier et sa mote.”

“Самое главное” - церковь. Также в “*La Bataille des Sept Arts*”:—

“Qui fu fier cum chastel sur mote.”

Also the Consuetudines Trecensis speak of “*Le principal chastel ou maison-fort, mote, ou place de maison seigneuriale*”: and in Colletus, “*Il y a des mesures qui ont des droits très considérables; nous avons des simple poypes [ce sont des terres élevées et fossoyées] qui ont les plus beaux droits.*” В истории Дофиньи в 1290 году есть “*Пункт castrum seu Роупиам de Montlyopart; пункт castrum seu fortalicium de Pusigniano*”. Дюканж много пишет на эту тему.

Использование кургана в качестве места строительства “сеньориального дома” было обычным явлением в Англии, и несколько таких, как Барвик—ин-Элмет и Лоутон-ан-ле-Мортен, до сих пор упоминаются как резиденции первых английских дворян и королей; а о других, построенных в первую очередь для обороны, таких как Тэмворт и Лестер, а затем занятых в качестве королевских и других резиденций, дата зафиксирована.

После завоевания английский термин “*бурх*”, по-видимому, уступил место латинскому “*мота*”, по крайней мере, в публичных записях. Это правда, что в хартии Завоевателя, данной Раймером, встречается “*И в бурджисе, и в муро-валлатисе, и в кастеллисе*”, но “*бурджис*” может означать пригородные города. В хартии Матильды от 1141 года, дарующей графство Херефорд Мило де Глостеру, она предоставляет “*Мотам Херефорд и сум того кастелло*”, слова, которые, очевидно, относятся к кургану, ныне разрушенному, а не, как предполагалось, к праву проводить там состязания. Кроме того, в соглашении между Стефаном и Генрихом Анжуйскими проводится различие между “*Башней Лондона и Мотами Ветра*”, Лондоном, имеющим квадратную крепость или тауэр, и Виндзором, имеющим башню-ракушку на холме. Вероятно, когда, как в Дареме, каменные крепости заменили “*ligna tabulata firmissime compacta*”, крепость перестали называть пылинкой и превратили в замок; но очень во многих случаях это изменение происходило долго, а во многих менее важных и частных резиденциях оно вообще не происходило. Таким образом, окруженные рвом насыпи в Верхнем Севере не обнаруживают никаких следов каменной кладки, и даже в царствование Генриха III, спустя 159 лет после Завоевания, а также годы непрекращающихся сражений с воинственным и бессонным врагом, древесина все еще была материалом для их обороны. Завершающий список из 9 Генриха III, 30 мая 1225 г., таким образом, обращается к кастосу Монтгомери:

“Rex etc. dilecto et fideli suo Godescalco de Maghelins salutem. Преципитат тиби в качестве составной части ностра фирмитер преципитат омнибус иллис в качестве места жительства в валле-де-Мунтгумери в качестве места расширения для суас бонис бреташиис фирмари, ответственного за безопасность и оборону суам и парка иларум ”.[1] И не только в обороне этих небольших мошек и укрепленных частных домов важную роль играла древесина. Для замка Монтгомери были приготовлены деревянные башни, и даже сам Шрусбери, резиденция трех самых могущественных графов и главное место в их графстве, ни в коем случае не был полностью произведением каменной кладки. В царствование Эдуарда I. присяжные заседатели, назначенные для отчета о состоянии замка, заявляют: “Куд унус магнус турис лигнеус для просвещения в кастро Салоп коррумпирован во временном доме Уриани де Сент-Петро тунк, вице-комитет и меремииум для временного турриса, суо и временный алиорум, вице-комитет перед существованием, завершение и разрушение, куд ничему плохому не восстановлено в великом королевском доме и т. д.”. ухудшение здоровья кастри”. In a French charter of 1329 occurs, “Premierement le motte et les fossez d’entour le motte de Maïex,” and in 1331, “Le motte de mon Manoir de Caieux et les fossez entour.” Таким образом, оказывается, что с раннего периода, определенно с девятого века, обычной практикой при строительстве укрепленного места, будь то частное жилище или военный пост, было размещать его на вершине насыпи и окружать как насыпь, так и пристроенную к ней ограду земляными заграждениями, и что во многих случаях, вероятно, в течение какого-то времени, здания внутри и заграждения вокруг таких мест были деревянными, и действительно, поскольку они стояли на обработанной земле, обязательно таковыми были. Иногда, вероятно, когда фронт был более протяженным, например, когда нужно было защитить небольшое пастбище, примыкающее к главной крепости, от внезапных нападений, прибежали к “хайа” или “клаусуре”.

Рассматривая один из этих окруженных рвом холмов, мы должны только представить себе центральный деревянный дом на вершине холма, построенный из половинок стволов деревьев, вертикально поставленных между двумя опорами вверху и внизу, как старая церковь в Гринстеде, с плотным частоколом вокруг него по краю столешницы, возможно, со второй линией у его основания и третьей вдоль внешнего края рва, и другие, не такие прочные, по краям внешних дворов, с мостиками из досок через рвы и хижинами из “плетня и мазанки” или другими постройками. из древесины внутри ограждений, и у нас будет очень четкое представление об укрепленном жилище тана или франклина в Англии или о соответствующих классах в Нормандии с восьмого или девятого веков вплоть до даты нормандского завоевания.

Существование этих курганов на отдельной территории Уэльса очень любопытно и требует объяснения. То, что эта форма жилища была широко распространена среди валлийцев, безусловно, неверно. Там, где в Уэльсе встречаются курганы со рвами, они обычно находятся на границе, или недалеко от морского побережья, или в открытых долинах, доступных англичанам, в которые, как известно, вторглись англичане или норманны в восьмом и девятом веках. Курган близ Лланидлоуса является исключением, поскольку находится явно среди холмов. Но курган Тафолверн, с которого валлийские принцы датировали несколько хартий, находится недалеко от открытой долины. Город Талибонт, откуда Ллевелин датировал письмо архиепископу Кентерберийскому в 1275 году и который впоследствии посетил Эдуард Первый, находится на равнине в пределах легкой досягаемости от моря. Хорошими примерами также являются Хен Домен и Рос Диарбед в Верхнем Северне. Тем не менее, поскольку валлийские принцы вступали в браки между собой и часто общались с англичанами, они, должно быть, были знакомы с формой укрепления, очень простой в строительстве, и в то же время очень способной отразить внезапное нападение. Следует

также отметить, что английская власть на границе с Уэльсом была весьма неустойчивой, и валлийцы, должно быть, не только были в совершенстве знакомы с английским методом строительства, но и время от времени действительно владели своими опорными пунктами. То, что валлийцы использовали древесину в оборонительных целях, явствует из их закона, по которому вассалы должны были присутствовать в замке лорда для его ремонта или перестройки, каждый со своим топором в руке. В некоторых случаях на этих Бордюрных работах почти нет насыпи, в других насыпь низкая и полая в центре. Каэр Аэрон и еще одно небольшое земляное сооружение близ Билта, по-видимому, были земляными основаниями простого круглого вигвама. Каэр Аэрон не мог быть просто временным сооружением, поскольку окружающий его ров был с большим трудом вырублен в скале.

Как из существования дамбы Оффы, так и из огромного количества этих окруженных рвами насыпей, насыпанных вдоль ее русла, совершенно очевидно, что англичане рано и надолго овладели обширными участками приграничной территории. Оффа правил Мерсией с 757 по 796 год н.э., и его дамба простирается от устья реки Уай до устья реки Ди. В его северной части, примерно на сорок миль, находится вторая работа, известная как Дамба Уота, немного позади нее, и считается, что это несколько более ранняя работа, также Оффы. Прежде чем можно было принять решение о действительном направлении работ, столь оскорбляющих дух беспокойного народа, должно было пройти много лет борьбы вдоль границы, и англичане, должно быть, имели что-то вроде постоянного владения землей по обе стороны и владели поместьями, “столицей” или главными местами которых были все еще существующие курганы. Следует помнить, что дамба была скорее гражданской границей, чем военной защитой.

Далее следует отметить, что курганы со рвами, точно соответствующие по рисунку курганам в Англии, очень многочисленны в Нормандии. По размеру они различаются примерно в тех же пределах. У всех есть или были соответствующие каналы, некоторые, как Брикедсар и Де Оливе, стоят в центре площадки, некоторые на одном конце, другие по краю. Площадка иногда бывает круглой, чаще всего продолговатой, очень редко действительно прямоугольной. У внешних ограждений есть свои рвы, которые сообщаются с рвами внутренних укреплений. Месье де Комон приводит список из пятидесяти четырех таких курганов в радиусе шестидесяти миль от Кана, и с тех пор, как он написал, было замечено еще много других. С раннего периода они также были резиденциями крупных землевладельцев, и из очень многих из них вышли рыцари и бароны, которые сопровождали Вильгельма в Англию и там заняли очень похожие должности. Сэр Ф. Пэлгрейв приводит список из 131 таких укрепленных резиденций в Котантене, Авраншине и Бессине, который включает только шесть из тех, что упоминаются де Комоном. Большое количество этих земляных сооружений, по-видимому, никогда не имело защиты из каменной кладки. В других, на курганах, были постройки из нормандских ракушек.

Помимо британской теории, эти курганы считались могильными. Конечно, возможно, что такие курганы, как Арундел или Мальборо, изначально были захоронениями и, следовательно, старше, чем их оборонительные пристройки. Лишь к немногим, если таковые вообще были, применялся решающий эксперимент по их вскрытию; но это не очень вероятное объяснение и, конечно, не может быть применено к этим курганам как к классу. Среди многих других причин для принятия такой точки зрения можно отметить, что могильные холмы всегда искусственные, тогда как насыпи со рвами часто являются естественными, и еще чаще частично естественными. Никто не мог бы предположить, что Хаварден, или Данстер, или Монтакуте являются могилами, и все же это такие же окруженные рвами курганы, как Арундел и Тонбридж. Более того, могильные холмы не часто

устанавливают там, где явно необходимы защитные сооружения, а большинство грубых народов суеверны и были бы против того, чтобы останавливаться на могиле или вокруг нее. Тайневальд в Мэне, Квичелмсли Ноу в Беркшире и сооружение на реке Клайд в Ланаркшире - единственные известные могильные холмы, которые использовались для других целей, и из них два первых являются судебными, а не жилыми. Курганы вокруг Йорка, хотя и меньше большинства бургов, достаточно велики, чтобы в них размещались жилые дома, но, по-видимому, не использовались таким образом. Более того, по общему свидетельству страны, окруженным рвами курганам обычно давали какое-нибудь название, например, Замковая гора или Бурх, указывающее на их военное происхождение.

Было замечено, что окруженные рвом насыпи обычно находятся рядом с приходской церковью. Этого можно было ожидать, поскольку приход, как и поместье, обычно был частным поместьем, а церковь изначально была предоставлена господом для размещения его арендаторов и его самого.

Существует класс курганов, вероятно, принадлежавших тем же людям, что и вышеописанные, но очень редко окруженных рвами и обычно не сопровождаемых базовыми площадками и ограждениями. Это спорные холмы, используемые в гражданских целях, например для проведения судебных заседаний, прекрасным примером которых является курган в Бартоне, в Нортгемптоншире. Они не являются чем-то необычным. Есть один недалеко от Кенилуорта, недалеко от церкви Стоунли, один в Хоуике, один под названием Моут-Хилл в Гамильтон-парке; есть также один на правом берегу Неккара, ниже Гейдельберга. Иногда их называют тутхиллами; отсюда и Тотхиллские поля, хотя насыпи больше нет.

Заявляя о северном, а в Британии - об английском происхождении этих окруженных рвами насыпей, было бы преувеличением утверждать, что ни в каких других классах сооружений насыпь не использовалась, или что ее выполнял только норманны; но можно с уверенностью утверждать, что ни в одном другом классе ранних фортификационных сооружений насыпь не встречается в качестве ведущей и типичной черты. В римских и нормандских, а возможно, и в чисто британских произведениях, насыпь можно иногда увидеть, как кавалера на работах Вобана, как в Кенилворте, или как надворную постройку, как в Кэрфилли, или она может использоваться для прикрытия или разделения входа; но такие насыпи неправильной формы, просто отдельные и приподнятые части общего берега, и их вряд ли можно спутать с окруженной рвом насыпью, описанной выше.

Приложение.

Vita Sti Johannis Epis: Morinorum. Ob: 1130.

[Acta Sanctorum, Januarii 27.]

Contigit ut in villa, cui Morchem vocabulum est, hospitii mansionem haberet [Johannes]. Erat autem secus atrium ecclesiae munitio quaedam quam castrum vel municipium dicere possumus valde excelsa, juxta morem terrae illius, a domino villae ipsius multis retro annis extructa. Mos namque est ditioribus quibuscunque regionis hujus hominibus et nobilioribus, eo quod maxime inimicitiis vacare soleant exercendis et caedibus, ut ab hostibus eo modo

maneant tutiores, et potentia majore vel vincant pares, vel premant inferiores, terrae aggerem quantae praevalent celsitudinis congerere eique fossam quam late patentem, multamque profunditatis altitudinem habentem circumfodere, et supremam ejusdem aggeris crepidinem vallo ex lignis tabulatis firmissime confacto undique vice muri circummunire, turribusque, secundum quod possibile fuerit, per gyrum dispositis, intra vallum, domum vel, quae omnia despiciat, arcem in medio aedificare, ita videlicet ut porta introitus ipsius villae non nisi per pontem valeat adiri, qui ab exteriori labro fossae primum exoriens est in processu paulatim elevatus, columnisque binis et binis, vel etiam trinis altrinsecus per congrua spatia suffixis innixus, eo ascendendi moderamine per transversum fossae consurgit, ut supremam aggeris superficiem coaequando oram extremi marginis ejus, et in ea parte limen prima fronte contingat.

In hujus-modi ergo asylo Pontifex, cum suo frequenti et reverendo comitatu hospitali, quum ingentem populi turbam tam in ecclesia, quam in atrio ejus, manus impositione, et sacri Chrismatis unctione confirmasset, ut vestimenta mutaret, eo quod coemiterium humandis fidelium corporibus benedicere statuisset ad hospitium regressus est, unde illo, ut propositum perficeret opus, iterum descendente, et circa medium pontis, triginta quinque vel eo amplius pedum, altitudinem habentis, certa de causa subsistente, populique non modica caterva ante et retro, dextra lævaque circumstipante, continuo antiqui machinante hostis invidia, pons ponderi cessit, et dissipatus corrui, magnamque illorum hominum turbam cum episcopo suo ad ima dejecit; fragore autem ingenti e vestigio consecuto, transtris, trabibusque tabulatis, et ruderibus magno cum impetu pariter et strepitu concidentibus: nebula quaedam tenebrosa ita omnem illam ruinam repente circumfudit, ut quid ageretur vix quisquam discernere potuerit.

Перевод.

Случилось так, что в городке под названием Мерчем у епископа Джона был гостевой дом. Рядом с церковным двором находилось также укрепленное место, которое можно было рассматривать как замок или муниципий, очень высокий, построенный по местной моде хозяином города много лет назад. Ибо у богатых людей и знати тех краев, поскольку их главным занятием является ведение междоусобиц и кровопролития, было принято, чтобы они могли таким образом обезопаситься от врагов и иметь большую власть либо для победы над равными себе, либо для подавления своих подчиненных, насыпать насыпь земли настолько высокой, насколько они были в состоянии, и выкопать вокруг нее широкий, открытый и глубокий ров, и опоясать весь верхний край насыпи, вместо стены, барьером из деревянных досок, прочно скрепленных вместе. с многочисленными башенками, установленными по кругу. Внутри был построен дом или, скорее, цитадель, господствовавшая над всем, так что к въездным воротам можно было подойти только по мосту, который сначала начинался с откоса рва, постепенно поднимался по мере продвижения, поддерживаемый рядами опор, двумя или даже тремя, натянутых с каждой стороны на удобные пролеты, пересекая ров с управляемым подъемом, чтобы достичь верхнего уровня насыпи, приземляясь на ее краю на уровне порога ворот.

В этом уединении епископ со своей многочисленной и преподобной свитой, после того как он утвердил огромную толпу людей как в церкви, так и во дворе возложением рук и помазанием святым миром, вернулся в свое жилище, чтобы сменить облачение, поскольку он решил освятить кладбище для захоронения тел верующих. Когда, снова спускаясь из своего жилища, чтобы выполнить намеченную работу, он остановился по какой-то причине примерно посередине моста, высота которого составляла тридцать

пять футов или более, люди напирали сзади и спереди, и с обеих сторон, сразу же, благодаря коварству старого врага, мост поддался весу и рухнул, разбившись; и толпа вместе с епископом рухнула на дно с громким треском балок, брусьев и досок, с большой силой и шумом, в то время как густая пыль сразу окутала руины, так что едва ли кто-нибудь из них мог что-либо сказать. мог видеть, что произошло.

Также любопытно следующее:—

(Ludovicus Grossus, a.d. 1109.) “Puteolum regreditur antiquam antecessorum suorum destitutam *Motam* castro jactu lapidis propinquam, occupat. Castrum fundibalariorum, balistariorum, saggitariorum, emissa pericula sustinentes; etc.”

ГЛАВА III.

О ЗАМКАХ АНГЛИИ ВРЕМЕН ЗАВОЕВАНИЯ И При ЗАВОЕВАТЕЛЕ.

Обычно предполагалось, что быстрота завоеваний Вильгельма была вызвана отсутствием укрепленных пунктов в Англии. Есть, однако, основания полагать, что Англия в этом отношении была чрезвычайно хорошо обеспечена — совершенно так же хорошо, как и Нормандия; и что, за возможным исключением очень немногих недавно построенных опорных пунктов, работы в двух странах были очень схожи по характеру. Более старые места расположения замков баронов в Нормандии почти все изучены и по большей части отличаются окруженной рвом насыпью с пристроенным двором или дворами, также окруженными рвом. Было показано, что эта простая и очень эффективная форма защиты использовалась северными народами, завоевавшими как Англию, так и Континент, и в девятом и десятом веках была столь же распространена на берегах Темзы, Хамбера и Северна, как и на берегах Сены и Орна. Именно в одиннадцатом веке, и главным образом во время смут, связанных с восшествием на престол и несовершеннолетием герцога Вильгельма, норманны, по-видимому, приняли новое и более постоянное описание крепости, и старомодная деревянная конструкция начала заменяться стенами и башнями каменной кладки, и особенно укреплениями из этого материала. Из них наиболее известной, поскольку наиболее долговечной, формой была прямоугольная, из которых можно с уверенностью показать, что не более полудюжины примеров были построены в Нормандии до второй половины одиннадцатого века и очень немногие, если вообще были, до английского завоевания; также не известно, чтобы в Нормандии были какие-либо образцы многоугольной или круглой формы крепостей, построенных ранее этого события. Де Комон, действительно, относит прямоугольную крепость Ланже, в которой в основном использовался кирпич, к 992 году; но есть серьезные основания сомневаться в этом выводе, и Дю Пен и Сен-Лоран, вероятно, являются одними из старейших башен этой формы и, по-видимому, возникли не ранее правления герцога Вильгельма; и это верно также для Арка и Ножан-ле-Ротру. В Нормандии, как и в Англии, многоугольная крепость, или крепость-ракушка, хотя и находится на более старом месте, обычно, по-видимому, сложена из камня, что является более поздней постройкой; крепость Жизора была построена Робертом де Белесмом в 1097 году, а крепость Карантана примерно в то же время. На многих даже самых значительных курганах, таких как Брикессар и Вье-Конш, нет следов каменной кладки. Ракушечная крепость Плесси-Гримуль, по мнению Де Комона, была построена до 1047 года; но если это так, то это, безусловно, исключительное исключение. Строительство замков в

Нормандии, по-видимому, предшествовало английскому завоеванию, если вообще предшествовало, всего за несколько лет.

Римляне оставили после себя в Британии множество городов, обнесенных стенами; но неизвестно, до какой степени эти оборонительные сооружения были сохранены норманнами или в каком состоянии они их нашли. Во время конкисты Честер, Линкольн, Эксетер, Херефорд, Лестер, Оксфорд, Стаффорд и Колчестер, по-видимому, уже были обнесены стенами, а стены Эксете́ра были отремонтированы или перестроены Этельстаном. Кентерберии, Ноттингем и Йорк были защищены рвом. Вероятно, были и другие, и, возможно, несколько военных башен английской кладки; но нет никаких свидетельств того, что там было что-то похожее на прямоугольную крепость, несмотря на особое упоминание в 1052 году замка Ричарда, работы Ричарда, сына Скроба. Нет никаких оснований предполагать, что у него была башня такого характера, которая совершенно не соответствовала бы окруженному рвом холму, который даже сейчас отмечает это место и на котором до сих пор видны остатки башни ракушек. Тем более англичане не строили никаких укреплений в каменной кладке. Что на самом деле было на пути военного масонства и каков был его характер, не так ясно. Вильгельм из Пуатье сказал о Дувре, что это была работа Гарольда *“studio atque sumptu suo communitum”*, и что там были “пункты для разнообразия на иллюстрациях, а также кастра уби волонтересс Дукис и фирмари юбет”; также в отчете о продвижении Вильгельма из Кентерберии добавлено: *“Veniens ... ad fractam turrin castra metatus est”*, указывая на произведение масонства, хотя, без сомнения, оно могло быть, как и в Йорке, римским. Арундель, названный в “Страшном суде” замком времен правления Исповедника, судя по размерам насыпи и глубине рвов, вероятно, был таким же прочным, как любой замок подобного типа в Нормандии; но ни на насыпи, ни вокруг нее не было обнаружено каменной кладки, датированной более ранней, чем Завоевание, если не более ранней.

Утверждать, что во время Конкисты в Англии не существовало каменных замков английской работы, возможно, было бы преувеличением; но можно с уверенностью сказать, что, за исключением фрагмента стены в Корфе, до сих пор не было обнаружено ни одной военной каменной кладки, определенно более древней, чем это событие. В 1052 году, когда Исповедник и граф Годвин пришли к соглашению и атака на Лондон была отложена, утверждается, что архиепископ Роберт и его французы бежали, некоторые на запад, в замок Пентекост, а некоторые на север, в замок Роберта; так что эти места, вероятно, как и замок Ричарда, находились в руках норманнов, хотя из этого не следует, что они были построены из материала, который тогда использовался в Нормандии.

В “Страшном суде” прямо упоминается сорок девять замков, существовавших на дату обследования, и из них по меньшей мере тридцать три находились на объектах гораздо более древних, чем Завоевание; и из них по меньшей мере двадцать восемь имели искусственные насыпи, подобные Арунделю и замкам в Нормандии. “Судный день”, однако, печально известен своеобразием как в своих записях, так и в упущениях по таким вопросам, которые не были включены в его надлежащем виде, а список замков в нем почти такой же неполный, как и список церквей. Ни то, ни другое не требовалось отмечать. “Из сорока девяти зарегистрированных замков,” говорит сэр Х. Эллис, - восемь, как известно, либо по свидетельству “Судного дня”, либо наших старых историков, были построены самим Завоевателем; десять указаны как возведенные более крупными баронами, а один - арендатором графа Роджера; еще одиннадцать, о строителях которых у нас нет конкретных сведений, отмечены в ‘Обзоре’ либо прямо, либо косвенно как новые”. Однако факт заключается в том, что, хотя на самом деле упомянутых замков может быть всего сорок девять, замков и крепостных сооружений (которые подразумевают замок) в “Страшном суде”

названо пятьдесят два. Замки, предположительно построенные самим Завоевателем, - это Линкольн, Рокингем, Уэйрхем, два замка в Йорке, Дувре, Дареме, Лондоне и Ноттингеме, последние четыре из которых не упоминаются в “Страшном суде”. Эксетер, также опущенный, обычно считается одним из замков Вильгельма, как и Стаффорд; который, однако, был построен и разрушен до даты обследования. “*Terra de Stadford in qua rex percipit fieri castellum, quod modo est destructum*” - очень короткий период строительства и разрушения произведения каменной кладки. Мистер Пирсон, который уделял большое внимание теме нормандских замков в Англии, сводит результаты своих исследований в таблицу в атласе, прилагаемом к его “Истории”. Там он перечисляет сорок девять замков, принадлежавших королю во времена правления Завоевателя, и пятьдесят - его подданным. Из них по меньшей мере на тридцати восьми есть курганы. Он также приводит список из пятидесяти трех объектов, принадлежавших частным лицам в период правления Уильяма Руфуса, из которых по крайней мере на пяти есть курганы. Вероятно, представителей каждого класса было намного больше, чем этих. Колчестер, например, не включен, ни Фарнхэм, ни Беркхэмпстид.

Из девяноста девяти замков, перечисленных мистером Пирсоном как принадлежавших к периоду правления Завоевателя, по меньшей мере пятьдесят находятся на старых местах. Это Арундел, Беркли, Брамбер, Кембридж, Карисбрук, Честер, Клэр, Клиффорд, Кэрлеон, Конингсбург, Дувр, Дарем, Данстер, Дадли, Ай, Эвиас, Гилфорд, Гастингс, Хантингдон, Лонсестон, Лестер, Линкольн, Льюис, Мальборо, Монтакут, Норвич, Оксфорд, Певенси, Понтефрак, Кватфорд, Роли, Ричардс Касл, Рочестер, Рокингем, Шрусбери, Стригуил, Стаффорд, Стэмфорд, Тикхилл, Тонбридж, Трематон, Татбери, Вигмор, Виндзор, Уоллингфорд, Уэрхэм, Уорик, Вустер и Йорк. Почти столько же вызывают сомнения, и, вероятно, не более двух или трех, таких как Ричмонд, Лондон и, возможно, Маллинг, были совершенно новыми. Дело в том, что все эти списки, какими бы ценными они ни были, поскольку показывают, какими замками овладели, перестроили или укрепили норманны, не дают адекватного представления о крепостях, уже существующих в Англии, и опускают десятки земляных укреплений, таких же больших и прочных, как те, что были заняты норманнами в Англии или оставлены после них в Нормандии, датируемых задолго до правления Вильгельма, — вероятно, до конца десятого века. Если, как сказал Уильям Ньюбери, замки были костями королевства, то следует признать, что английский скелет был очень совершенным. Каждая часть Англии, большая часть Шотландии и доступные части границы с Уэльсом были покрыты укреплениями, которые, без сомнения, были защищены, и хорошо защищены, частоколом, как более подходящие для земляных работ, чем для каменных работ, которые более или менее использовались в церковных целях. Если при Завоевании ни один английский оплот не устоял, то дело было не в том, что эти места были менее пригодны для обороны, чем Нормандия, а в том, что Англия была разбита на партии. Кресло Гарольда было слишком ненадежным, а несколько месяцев его правления - слишком короткими, чтобы позволить проявиться его великим административным талантам; а его ранняя смерть оставила англичан без лидера. Власть других графов была локальной. Организованной оппозиции не было. Несмотря на утверждение Ордерики, что англичане были простыми земледельцами, веселой и непьющей расой, они ни в коем случае не подчинялись спокойно нормандскому правлению; но их усилия по борьбе за свободу, смело задуманные и доблестно осуществленные, были несвоевременными и плохо скомбинированы и, как следствие, были подробно описаны. При таких обстоятельствах опорные пункты страны мало что могли дать. Дувр, Льюис, Арундел, Брамбер, Тонбридж, Рочестер, Гилфорд, Фарнхэм, Уоллингфорд и Беркхэмпстид, если бы их мощные земляные укрепления оставались в силе, сделали бы продвижение Вильгельма слишком опрометчивым, чтобы предпринимать попытки; и то, что эти и другие недалекие позиции

были выбраны удачно, доказывается тем фактом, что все они были приняты Завоевателем. Завоевание Англии стало возможным не из-за отсутствия укрепленных пунктов, а из-за отсутствия организации для их защиты.

Но каким бы ни был характер оборонительных сооружений, использовавшихся в Англии до прихода норманнов, несомненно, что с того периода они претерпели значительные и, вероятно, быстрые изменения, хотя и не столь быстрые, как предполагалось. Норманны, которые так долго, как и англичане (вероятно, из-за их общего происхождения), использовали насыпь, окруженную рвом и частоколом, приступили к осуществлению в Англии важных улучшений, которые они уже начали в Нормандии. Главной целью Вильгельма после победы было закрепить свое завоевание; и его первой заботой при вступлении во владение каждой частью королевства или каждой столицей или поселком было рассмотреть их с военной точки зрения и отдать приказ о строительстве таких укрепленных пунктов, какие могли потребоваться для их удержания. Насколько полно при этом он шел по стопам тех, кто шел раньше, видно из того, что он обнаружил и что он сделал для прикрытия Лондона и поддержания его связи с морем. Таким образом, он основал и укрепил замки в Чичестере, Арунделе, Брамбере, Льюисе, Гастингсе и Дувре. По пути он нашел и укрепил Кентербери, Тонбридж, Рочестер и Райгейт. В Лондоне он основал Тауэр, совершенно новое сооружение; но для защиты бассейна Темзы он доверял древним городищам Гилфорд и Фарнхэм, возможно, Редингу и, конечно, Уоллингфорду и Беркхэмпстиду. И таким образом, по всему королевству такие цитадели, которые были центральными, занимали хорошие военные позиции или отличались необычной прочностью, или были расположены в древних владениях короны, были переданы во владение или реконструированы для суверена; но каждому барону или главному арендатору было разрешено — и, действительно, поначалу ожидалось, и, без сомнения, было достаточно готово, — строить замки для безопасности отведенных ему земель, что в подавляющем большинстве случаев означало реконструкцию оборонительных сооружений его английских предшественников. Это произошло под давлением обстоятельств; ибо Уильям, похоже, всегда осознавал опасность объединения обширных наследственных юрисдикций и даже с самого начала рассматривал возможность управления графствами посредством вмешательства *вице-комитетов*, или шерифов, которые назначались и могли быть смещены по своему усмотрению. Но поначалу эта политика в определенных округах была неизбежно отложена; хотя даже тогда Вильгельм дал понять, что главными замками королевства, кем бы они ни были построены, были королевские замки; и их фактическое приобретение всегда было важной частью политики как его, так и его преемников, пока замки имели значение. Таким образом, Виндзор, Кембридж, Эксетер, Корф, Уорхэм, Винчестер, Порчестер, Саутгемптон, Карисбрук, Кентербери, Дувр, Линкольн, Рокингем, Ноттингем, Стаффорд, Гилфорд, Уорик, Мальборо и Йорк с самого начала были королевскими замками. Уоллингфорд, Глостер, Бристоль, Оксфорд, Татбери, Вустер, хотя и были построены подданными, не менее востребованы короной. Даже Дарем, хотя и принадлежал епископам, а Лестер, Линкольн и Хантингдон — лордам этих графств, время от времени находились в руках короны, чьи права на них носили гораздо более прямой характер, чем те, которые она претендовала осуществлять на земли и другие феодальные владения тех же лордов.

Арундел, Шрусбери, Монтгомери, Бриджнорт и некоторые менее важные крепости перешли к короне после свержения дома Талвасов; и с этим событием ряд замков на границе Уэльса, построенных арендаторами графа Роджера, стали вотчинами *в капитуляции*, зависящими непосредственно от короны. Кроме того, в Англии зарегистрировано около сорока или

пятидесяти замков, построенных местными баронами, которые, когда это было выгодно короне, переходили в ее ведение, ремонтировались и размещались гарнизоны.

Места расположения почти всех известных замков, существовавших во времена правления Завоевателя и его сыновей, хорошо известны; и от очень многих сохранились фрагменты каменной кладки. Что очень примечательно, так это то, что от этого масонства осталось лишь немного, что можно отнести к правлению либо Завоевателя, либо Уильяма Руфуса, то есть к одиннадцатому веку. К этому периоду, безусловно, относятся Лондон и Маллинг, Гилфорд, Брамбер, Карлайл, гейтхаус в Эксетере, нижний этаж Чепстоу, крепости Честер, Годерих, Уолден, Вулси, Колчестер и Ньюкасл, хотя последнее выглядит более поздним, чем его зарегистрированная дата. Ньюкасл, вероятно, находился на месте более раннего замка; по крайней мере, запись в Сотне списков (ii., 119) гласит— “*Juratores dicunt quod Vicescomes ... fecit quandam inquisitionem ...* супер мотам кастри предсказывает виллу” — похоже на то. Есть некоторые основания рассматривать крепость в Маллинге как самое раннее нормандское военное сооружение, ныне сохранившееся в Англии, и как работу Гундульфа, архитектора башни Тауэр. Северная башня, или башня Гундульфа в Рочестерском соборе, построена тем же великим строителем и, возможно, задумывалась как военное сооружение: если это так, то ее можно поставить в один ряд с Маллингом. Вероятно, здесь сохранилось больше этой ранней каменной кладки; но не так много. Дувр, Рочестер, Порчестер и Хедингем, одни из наших лучших примеров, безусловно, более поздние. Часть замка Дарем, без сомнения, относится к эпохе Завоевателя; но крепость шелл была перестроена, и сомнительно, что первоначальная постройка относилась к эпохе ранней нормандской часовни и пристроенного к ней зала. Говоря в целом, те замки в Англии, которые относятся к так называемому нормандскому периоду, слишком поздние, чтобы быть работой Завоевателя или его личных последователей, и слишком ранние, чтобы допустить, что какие-либо предшествующие работы в нормандской каменной кладке (обычно добротные и основательные) были построены и снесены. Каково решение этой проблемы? Из какого материала было построено подавляющее большинство замков, которые Вильгельм приказал построить? Какого характера были замки, упомянутые в “Страшном суде”?

Несомненно, что Вильгельм приказал построить много замков; и среди приказов, оставленных епископу Одо и Уильяму Фиц Осборну, когда они выступали в качестве совместных регентов королевства, был один, в котором им специально было поручено следить за строительством замков; и, без сомнения, этим приказам подчинялись. Но было поспешно высказано предположение, что построенные замки были каменными. Крепости Дувра и Рочестера, например (если таковые были возведены при Завоевателе), определенно не были теми, что стоят сейчас и относятся к царствованию Генриха II.; так же как и крепости Норвича и, вероятно, Ноттингема, ныне разрушенные. И все же каменная кладка времен правления Вильгельма носила очень прочный характер, что можно увидеть в Лондонском Тауэре и во многих еще сохранившихся церквях. Также указано, что Уильям “кустодес в кастеллис стренуос вирос коллокавит, бывший Галлис традуктос, кворум фидея по соотношению добродетелей и заслуг”. Во всяком случае, это очень похоже на то, что сначала кастелянам поручили управление существующими замками; что должно означать, что в большинстве случаев было сделано некоторое временное обустройство, а существующие сооружения укреплялись до тех пор, пока не стало удобно заменить их другими, более соответствующими новым представлениям о силе и безопасности.

Вильгельм и его бароны, очевидно, использовали замки двух классов: одни всегда каменные, а другие очень часто деревянные. Там, где замок строился на новом месте, как в Лондоне, или там, где не было насыпи, естественной или искусственной, они использовали

каменную кладку и выбирали, как правило, для крепости прямоугольную форму — тип, который, как говорят, был завезен из штата Мэн и встречался в Арке, Кане и Фалезе; но там, где место было старым и имелась насыпь, как в Линкольне, Хантингдоне, Рокингеме, Уоллингфорде или Йорке, они, по-видимому, довольствовались ремонтом существующих сооружений, обычно только из дерева, и откладывали их замену. с обычной скорлупой до более удобного сезона, которого во многих случаях не было в течение столетия.

И отсрочка не была очень серьезной, поскольку местные крепости, если они были хорошо укомплектованы, были сильны, по крайней мере, в течение ограниченного времени. Зафиксированы нападения датчан на Таучестер, Бедфорд и Вигмор; и все же эти крепости, от которых сохранились земляные укрепления, не были первоклассными и, конечно, не вмещали бы и сотни человек — или, даже если бы базовый двор был занят, более чем втрое больше, — а датская армия едва ли могла быть менее чем в десять раз многочисленнее. Факт, однако, таков, что такой курган, как Арундел или Тонбридж, обнесенный частоколом, мог удерживаться в течение короткого времени тремя или четырьмя десятками решительных людей против внезапной атаки любого числа, вооруженных так, как были вооружены люди в десятом и одиннадцатом веках. Без сомнения, каменные башни были более надежными, потому что меньше зависели от бдительности гарнизона, менее опасны для огня и менее подвержены риску быть застигнутыми врасплох. Но норманны были стойкими солдатами, хорошо дисциплинированными и с самого начала не могли ожидать пощады от восставших англичан.

Среди замков, построенных по приказу Вильгельма, одним из самых важных был Йорк. Приказ был отдан летом 1068 года; и известно, что новый замок должен был находиться на старом английском участке, который содержал первоклассную насыпь со рвом, возвышающуюся и защищенную с одной стороны римским городом, а с другой - болотами и водами Уз и Фосса. В замке Вильгельма должен был находиться гарнизон из трех военачальников и пятисот рыцарей, что предполагало значительное количество сторонников. Следовательно, его территория, должно быть, была просторной и, без сомнения, включала в себя вместе с курганом его просторную площадку у основания, как она видна в наши дни. В 1069 году замок подвергся нападению восставших горожан, и даже тогда его можно было удержать, и он удерживался, пока Вильгельм не пришел ему на помощь. Затем он приказал построить второй замок на холме Байле, курган, который до сих пор можно увидеть на противоположном, или правом, берегу реки; и это было завершено за восемь дней, прежде чем он покинул город. Несколько месяцев спустя, перед сентябрем 1069 года, горожане при поддержке датчан снова напали на замки и сожгли их, которые в 1069-70 годах были снова обновлены. Теперь Йорк был столицей самой недовольной половины королевства. Там, как нигде, был бы желателен каменный замок, а камень легко можно было доставить по воде; и все же Йоркский замок был построен и его можно было оборонять за несколько месяцев, а вспомогательную крепость - за восемь дней; и вскоре после этого оба были взяты и сожжены, и сразу же было приказано отстроить заново. Из времени, занятого всей последовательностью событий, ясно, что эти замки не были каменными. Более того, каменная кладка нынешней йоркской крепости не содержит ничего, что можно было бы отнести к одиннадцатому веку; но многое из того, что является слишком ранним, чтобы заменить действительно солидную крепость или завесу нормандского времени, если бы таковые были построены. На большом искусственном холме Бейл-Хилл, на месте второго замка, вообще нет ни следов, ни традиций какой-либо каменной кладки.

Строительство нормандского замка требовало как времени, так и денег. Архитекторы, надсмотрщики и, вероятно, каменщики должны были быть привезены из Нормандии, и во

многих случаях камень для наружных работ; и поскольку большинство существующих квадратных крепостей и почти все башни-ракушки относятся к двенадцатому веку, представляется вероятным, что Завоеватель был в какой-то степени доволен такими оборонительными сооружениями, какие он нашел в Англии; укрепленными, без сомнения, очень материально благодаря превосходящему мастерству и ресурсам его инженеров. Это вполне согласуется с тем фактом, что искусство строительства замков, начиная со строительства Белой башни, претерпело большие и довольно быстрые изменения. Это верно в отношении Вильгельма как в Нормандии, так и в Англии, как замечает Мэтью Пэрис, “ad castra quoque construenda, rex antecessores suos omnes superabat”; и он, без сомнения, как нам сообщает Вильгельм Жюмьежский, “tutissima castella per opportuna loca stabilavit”. Ланфранк, написав Роджеру, графу Херефорду, перед его восстанием, заверяя его в доверии Вильгельма, добавляет: “et mandat ut quantum possumus curam habeamus de castellis suis. , ne, quod Deus avertat, inimicis suis tradantur”; и в последующем восстании, когда Ральф Гуадер обнаружил, что жители замков настроены против него, он оставил свою жену и детей, чтобы договориться из Норвичского замка, в то время как сам бежал. Lanfranc’s despatch informs William, “Castrum Noruich redditum est, et Britones qui in eo erant et terras in Anglia terra habebant, concessis eis vita et membris.” Помимо епископа и графа Уоррена, в замке находилось триста “лорикати” с арбалетчиками и множеством мастеров по изготовлению военных машин. Also the same prelate charges Bishop Walcher, of Durham, “Castrum itaque vestrum, et hominibus, et armis, et alimentis vigilantia cura muniri facite.”

Замки, без сомнения, были в распоряжении Вильгельма, многочисленные и прочные. Все, что здесь утверждается, это то, что, чего бы он ни желал, Уильям смог построить лишь несколько замков, таких как Лондон или Дарем; и что большее количество из тех, что сохранились и демонстрируют нормандский стиль архитектуры, относятся, некоторые к концу одиннадцатого, а большее количество - к двенадцатому веку. Но если Вильгельм на самом деле не построил так много замков, как предполагается, он и его последователи, безусловно, восстановили и заселили огромное количество, на которых те, кто пришел сразу после него, возвели сооружения, руины которых мы сейчас видим.

Из рассмотрения позиций этих крепостей можно извлечь много полезного. Первой заботой Вильгельма при вступлении во владение каждым округом было отдать приказ о подготовке таких укрепленных пунктов, какие могли потребоваться для его удержания. Но очевидно, что на него повлияло и другое соображение: он желал, чтобы на него смотрели как на законного наследника Исповедника, а не как на завоевателя королевства; и, насколько это соответствовало его собственной безопасности, он стремился соблюдать древние законы и не нарушать старинных прав собственности, частных поместий и даже английских владельцев. Действительно, из-за сильного национального недовольства, проявляемого неоднократными восстаниями, и общего течения недоброжелательства, признаками которого все это было, он быстро обнаружил, что об этом не может быть и речи. Но даже вытесняя местных магнатов, он старался ассоциировать новых людей, насколько это было возможно, с прошлым, в надежде (вполне обоснованной), что вскоре “преемники и предшественники”, как они названы в “Страшном суде”, будут рассматриваться как часть продолжающейся линии — граф Роджер, например, как представитель Эдвина Шрусбери, Хью Люпус из Моркара и Уильям Фиц Осберн от Ральфа, графа Херефорда, при Исповеднике.

И эта политика особенно очевидна на объектах, где расположены замки. Там, где этого абсолютно требовали обстоятельства, выбиралась совершенно новая должность; но такое случалось крайне редко и, вероятно, встречалось не в полудюжине случаев, если вообще в большем количестве, чем в Лондоне и Ричмонде. Обычно обнаруживалось, что английский

лорд пристроил к своему поместью земляное сооружение, на котором он и его предки жили веками, которое отождествлялось с поместьем или районом и к которому окружающие арендаторы относились с уважением и доверием. Удивительно обнаруживать, насколько полно были таким образом заняты ведущие позиции в стране. Горные перевалы; берега рек; вершины отдельно стоящих холмов, где до них легко добраться; места, усиленные утесами или оврагами, или протяженные или труднопроходимые болота. У каждого была своя *аула*, где черед лордов отождествляла себя со своим народом, предоставляла ему защиту и получала взамен его поддержку. Таковы были Гилфорд, Фарнхэм и Беркхэмпстид в расщелинах мелового пояса, опоясывающего Лондон; Хартфорд, Бедфорд, Уоллингфорд, Тэмворт, Вустер, Шрусбери, Дарем и Йорк на берегах глубоких или быстрых рек; Виндзор, Бельвуар, Линкольн, Корф и Монтакут, расположенные на вершинах более или менее обособленных холмов, господствующих над обширной местностью; Дувр, Скарборо и Бамборо на скалистых и высоких морских утесах, изолированные глубокими и грозными оврагами; Хантингдон, Кембридж, Или и Оксфорд, более или менее покрытые болотистыми топиями, в то время почти непроходимыми; в то время как к соседним городам или поселкам были присоединены такие крепости, как Эксетер, Лестер, Винчестер, Честер, Чичестер, Тонтон, Йорк, Норвич и Ноттингем, расположенные так, что внушали благоговейный страх. Каждый из них, включая многие принадлежавшие короне, представлял собой английское поместье. Многим из них военная служба уже давно оплачивалась; и теперь в них были введены рыцари и бароны из Нормандии, а также лейтенанты и губернаторы короны.

До сих пор политика была разумной и обещала быть успешной; но когда новые лорды начали строить каменные замки, они стали неприятны как правителю, так и народу. Владелец сильного замка всегда был готов к восстанию и нередко был тираном даже по отношению к своему собственному народу, от которого это делало его независимым: следовательно, замки, собственно так называемые, — здания из каменной кладки, — ненавидели как король, так и народ. Старомодная резиденция, наполовину особняк, наполовину крепость, построенная из земли и дерева или, в лучшем случае, из грубой каменной кладки, какую Скотт скорее по интуиции, чем из расспросов, приписывает саксонскому Седрику, была прочной, когда ее удерживали храбрые люди в достаточном количестве в течение короткого времени; но при обычных обстоятельствах на нее легко можно было напасть и поджечь. Эти укрепленные резиденции вышли из моды у норманнов и вышли из употребления.

Английские лорды были одного непосредственного происхождения со своими арендаторами; и если они время от времени тискали их, то делали это так, как человек тискает свою собственную дойную корову, нежно. Но каменным замком владел чужеземец, чей язык, оружие и доспехи были незнакомы людям, которых они боялись и ненавидели. Нормандский замок был чисто военным сооружением. Он был силен не только при наличии хорошего гарнизона, но и в пассивном плане; а когда мост был поднят и ворота закрыты, он всегда был в безопасности от врага, не оснащенного военными машинами. Огонь, обычное и готовое оружие населения, против такой стены, например, как Кардифф (40 футов высотой и 11 футов толщиной), или против такой башни, как Лондонская, ничего не мог сделать. Кроме того, гарнизон, состоявший во времена Англии из арендаторов сеньора, при норманнах нередко состоял из наемников — людей безжалостных и совестливых, которым не доверяли даже их наниматели, чьим ремеслом была война, а наживой — грабеж, и примером которых был Морис де Браси. “Домини кастеллум”, — было сказано, — “тот тиранни”. Поэтому неудивительно, что нормандские замки стали рассматриваться как символ восстания, с одной стороны, и тирании — с другой.

Хотя личное внимание Завоевателя было неизбежно приковано к главным городам Англии, таким как Эксетер, Глостер, Ноттингем, Линкольн, Йорк или Дарем, его западная граница не

была оставлена без внимания, хотя он был вынужден поручить ее обычную защиту другим. Валлийцы, закаленные веками постоянных войн, упорно удерживали свою полосу горных земель между Дамбой Оффы и морем и всегда были начеку, чтобы не разорить другой, более плодородный участок, лежащий между Дамбой, Северном и Ди, известный как Марч. Главными среди баронов Марча были Роджер Монтгомери и Хью Д'Авранш, граф Честерский, которому последующие поколения дали фамилию “Волк”. *Капут* этого последнего графства, защищенный глубоким и быстрым течением Ди, располагался на одном из углов старой римской ограды; а замок графа Роджера, окруженный извилинами Северна, был почти неприступной цитаделью. Из этих крепостей эти великие графы осуществляли более чем королевскую власть над графствами Салоп и Херефорд, составляющими Среднюю Марку. Приграничные бароны, их феодалы, не унаследовали мирного наследия; но постепенно они овладели старыми английскими владениями на границе, а вместе с ними и крепостями, с помощью которых во времена Мерсии валлийцы так долго держались в страхе. То, что они были многочисленны, видно по остаткам их земляных укреплений; а то, что они были сильны и хорошо сопротивлялись валлийцам, видно из английских названий вдоль границы и за ее пределами. Однако “Судный день”, хотя и составлен после того, как граф Роджер правил графством Шрусбери около двенадцати лет, упоминает только четыре замка на его границе — Освестри, Монтгомери, Шрусбери и Стэнтон, или замок Холгейт, а также дом графа в Куатфорде. Бриджнорт и Каррехова были построены несколькими годами позже, во времена правления Руфа; но Бриджнорт представлял собой город Этельфледа, остатки которого, возможно, можно увидеть в Олдбери, как и земляные сооружения еще более мощного типа, фактически использовавшиеся графом Роджером в Кватфорде. Помимо них, в Уотлсборо и Ключе представлены прямоугольные нормандские крепости; и еще одиннадцать или двенадцать замков в этих районах упоминаются в записях еще во времена правления Генриха I. Всего к концу двенадцатого века только в графстве Салоп насчитывалось от пятидесяти до шестидесяти замков. И хотя кладку этих замков или тех из них, которые сохранились, действительно очень редко можно отнести к нормандскому периоду, земляные валы показывают, что они существовали как крепости задолго до того времени; и поэтому представляется несомненным, что здесь, как и в других частях Англии, граф Роджер и его бароны максимально использовали те сооружения, которые оказались у них под рукой; и это в равной степени относится к Честерскому Пфальцу и южным границам, где также нормандские замки с большей или меньшей периодичностью заменяли крепости английского типа.

ГЛАВА IV.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЗАМКОВ При ПРЕЕМНИКАХ ЗАВОЕВАТЕЛЯ.

Весьма примечательно, что замки не должны занимать, даже случайно, более заметного места в “Обзоре Страшного суда”, поскольку они составляли очень важную особенность страны; были тесно связаны, по большей части, с земельной собственностью; и имели большое политическое значение. Ни один крупный барон не был лишен замка в каждом из своих главных поместий, и ни один епископ не мог быть уверен в своей личной безопасности, если этого не было предусмотрено. После смерти Завоевателя именно

владение Винчестерским замком передало Уильяму Руфусу королевскую сокровищницу и позволило его приверженцам приобрести замки Дувр и Гастингс и, таким образом, в начале его правления обеспечить безопасное сообщение с Нормандией. Король, это правда, имел народ на своей стороне и своим конечным успехом был обязан его поддержке, но бароны из его партии в значительной степени зависели от своих крепостей. Архиепископ Ланфранк удерживал Солтвуд, который, как показывают земляные работы, уже тогда был прочным; Уиллам де Уоррен удерживал Льюис и Райгейт, а также мощный холм Конингсбург в Йоркшире; Честер принадлежал графу Хью, которого поддерживали его пятнадцать баронов, у каждого из которых был свой замок; а в Северном Уэльсе граф удерживал Диганви, который, покрытый спереди водой Конви, закрывал проход к морю от этого агрессивного района. С графом и на стороне Руфуса был Роберт де Тиллиоль, который владел Флинтом, Руддланом, Скейлби и другими замками на шотландской границе; в то время как епископ Уолстан, представляющий чувства англичан, защищал свой епископальный замок Вустер от Урсо д'Абито и толпы баронов-марчеров, которые пересекли Северн, чтобы напасть на него.

Тем не менее, владельцы замков в основном были на стороне герцога Роберта. Таковы были Алан Черный и его брат-Развратник, лорды Ричмонда и Миддлхэма; Стивен из Холдернесса, сильный на своей опоясанной морем скале Скарборо; Моубрей, Джеффри, епископ Кутанса, судья Завоевателя и великий воин; и Роберт Моубрей, сын своего брата, который удерживал неприступную скалу Бамбург и великий замок Аксхолм в болотах Линкольншира; оба сильные, хотя и разного рода. С ними был могущественный граф Роджер Шрусбери со своими приграничными последователями; а в более поздний период Роберт де Белесм, его преемник, строитель Бриджнорта и Карреговы и верховный лорд многих приграничных замков. На западе герцога Роберта поддерживал Бернард Ньюмарч, владевший замками Брекнок и Билт, а также большим и укрепленным участком Монмутшира; с ним были Уильям Бретеиский, сын Уильяма Фиц-Осборна и лорд Херефорд; Роджер де Лейси из Эвиаса; и Уильям граф Ю, владелец крепкой скалы Гастингс, который в то время владел замком и городом-стеной Глостер. Кроме этих великих лидеров, на той же стороне были Ральф Мортимер из Вигмора; Уолтер Гиффард, чей замок на одном берегу Бакингемширского уза, соединенный с таким же окруженным рвом холмом на другом, командовал этим городом и протекающей через него рекой; Ральф Гвадер, который удерживал Норвич; и Хью Биго, его преемник там, лорд Фрамлингем, после Норвича самое сильное место как в земляных работах, так и в каменной кладке в Восточной Англии. Между Бристолем и Батом Моубрей разорили страну вплоть до башни Берклинесс, нынешний замок которой тогда был всего лишь земляным валом; и с ними были Хью де Грейнтмейнелъ, владевший замками Хинкли и Лестер; и Уильям де Карилеф, сначала один из главных советников Уильяма; но впоследствии он перешел на другую сторону и смог сделать это в безопасности, поскольку владел крепостью Дарем. Епископ Одо, который удерживал Рочестерский замок (даже тогда это было очень сильное место), а вместе с ним и переправу через Медуэй, поместил туда Юстаса Булонского; а сам со своим братом графом Робертом и пятьюстами рыцарями удерживал римский Певенси, укрепленный насыпью и некоторыми другими английскими пристройками из земли.

Однако Руфус, обладавший гораздо большей энергией, чем его брат Роберт, также пользовался поддержкой общественности, что позволило ему выйти победителем даже против этой мощной комбинации. Он осадил Певенси и взял его после семинедельной осады. Затем он атаковал и взял Рочестер и, наконец, Тонбридж, удерживаемый Гилбертом Фиц-Ричардом, следствием успеха которого стало изгнание епископа Одо. Роберт Моубрей был отброшен назад у стен Илчестерского замка, ныне полностью разрушенного, а епископ Уильям был вынужден сдать Дарем. Карлайл, разоренный датчанами в 877 году, получил от

Руфуса замок и цитадель, которые стоят и сейчас; а Ньюкасл, точно так же построенный в 1080 году, также сохранил свою крепость и сторожку с некоторыми остатками внешней стены. В 1098 году Малькольм Шотландский, муж Святой Маргариты, был убит при Олнвике, тогда более известном как Мюриэл; и Моубрей был изгнан из замка Тиневальд обратно в Бамбург, который, по-видимому, был окончательно взят с помощью "мальвуазена", который в данном случае, очевидно, представлял собой укрепленный лагерь, разбитый к западу от замка и использовавшийся, вероятно, как штаб блокады. В это царствование также было завершено завоевание Южного Уэльса и заложен фундамент цепи замков от Глостера и Херефорда до Пембрука, главными звеньями которой были Чепстоу и Абергавенни, Кэрлеон и Кардифф, Билт и Брекнок, Кэркеннен, Кэрмартен, Кардиган, Тенби и Кэрю. Насколько быстро эти валлийские замки были построены из каменной кладки, неизвестно. Помимо Чепстоу, только двое или, самое большее, трое, и те, что ниже, - Огмор, Пенлайн и Ньюкасл, демонстрируют ярко выраженные нормандские черты; но как бы то ни было, ни Фиц-Хамон, ни Ньюмарч, ни Арнульф Монтгомери, вероятно, перед лицом столь грозного противника не удовлетворились бы обороной, ни в коей мере не уступающей самой мощной на тот момент.

Правление Генриха I. было изобильным на замки. Вероятно, именно ему принадлежит большее количество дошедших до нас прямоугольных крепостей, строительством которых он довел до завершения планы, набросанные его отцом, за которые его брат был слишком занят и находился под слишком большим давлением, чтобы взяться. В это правление, особенно между 1114 и 1121 годами, было завершено строительство большинства валлийских замков. Замки Бристоля и Кардиффа были работой Роберта графа Глостерского. Епископ Роджер Солсберийский построил Шерборн, Солсбери, Девизз и Малмсбери, а его брат Александр Линкольнский - Слифорд и Ньюарк. "Castella erant crebra по всей Англии". Большинство из них были великолепны и сильны, сильно отличаясь от поспешных и нелегализованных построек последующего правления.

Генрих, как и Руфус, начал свое правление со взятия Винчестера с его сокровищами. Фламбард, которому были доверены большие епископальные замки Дарем и Нorem, был заключен в тюрьму в лондонской крепости. Объявленные вне закона Роберт Мале и Роберт де Лейси в 1101 году подарили Генриху их замки в Йоркшире и Саффолке; а в 1102 году Иво де Грейнтмейнел был изгнан из своего кургана в Хинкли и вынужден бежать из страны. Кроме того, король получил путем конфискации замки Уильяма де Варенна, хотя впоследствии они были восстановлены. Генрих в 1103 году наложил свои руки на замок Арнульфа де Монтгомери в Пембруке и на замок Роберта Пуату, его брата, между реками Рибл и Мерси. Смерть Уильяма, графа Мортейнского, привела к возведению почти неприступного замка Монтакут на холме с Трематонем, Лонсестонем, Тинтаджелем, Боскаслем, Рестормелем и другими крепостями Корнуолла. Падение Роберта де Белесма подарило короне замки Арундел, — меньший Виндзор по своему плану и едва ли уступающий ему по своему положению; Шрусбери, холм которого все еще возвышается над Северном и затмевает даже обширную и неуместную железнодорожную станцию у его подножия; Бриджнорт, где фрагмент башни показывает, чем она, должно быть, когда-то была; и Каррехова, от которой почти стерлись даже следы. Белесме удалился в Нормандию, где, как говорят, был хозяином тридцати четырех замков; но остатки его власти лишь подтолкнули его к дальнейшему восстанию, так что он закончил свою жизнь пленником и изгнанником на замковом холме Уэйрхэм.

Действительно, в частных руках все еще оставалось значительное количество замков, владельцы которых сочли удобным уступить дорогу и таким образом сохранить часть своего влияния. Таковыми были Борн в Линкольншире; Малтон, принадлежавший Фиц-Джону, в

Йоркшире; Бодсерт в Уорикшире; епископальные замки Ньюарк и Слифорд, а также замок Окхэм. Были также Уорблингтоны в Хэмпшире, а также в Камберленде, Эгремонте и Кокермуте.

Восстание 1118 года подарило Генриху замки Хью де Гурне на западе, Стефана Альбемарльского в Скарборо, Юстаса Бретейского, Ричарда де л'Эгля и Генри эрла Ю; вместе с замками Моубрей в Тирске, Мальзеарде и Бертоне в Лонсдейле. Почти все приобретенные таким образом крепости были сохранены Генрихом в его собственных руках, и Сугер утверждает, что в Нормандии основные замки были им либо разрушены, либо удержаны: *"Fere omnes turres et quaecunque fortissima castra Normanniae ... aut eversum iri fecit ... aut si dirutæ essent propriæ voluntati subjugavit."* В обеих странах он наложил лапу на замки; но там, где преступники содержались в обеих, конфискация была наиболее суровой именно в Англии. Среди исключений был Уильям де Румар, которому было разрешено удерживать Линкольна; аналогичная защита была оказана Ральфу де Кончесу, Уильяму де Танкарвиллю, Уильяму де Варенну, Уолтеру Гиффарду и Уильяму д'Альбини. Среди их замков были Райгейт, Льюис, Кониингсбург, а также Касл Райзинг, Бекингем и Арундел.

Было сказано, что Генрих сам не строил никаких новых замков. Это достаточно вероятно, поскольку все важные места были заняты его отцом; но, судя по внутренним свидетельствам, предоставленным их остатками, не исключено, что он достроил те из замков своего отца, которые остались незаконченными. Из баронских замков великая крепость Кенилворт, безусловно, самое важное укрепленное место в графствах Мидленд, была построена в это царствование, хотя, весьма вероятно, на английском участке, основателем дома Клинтонов. В это царствование, вероятно, также были построены каменные кладки замка Нортгемптон Симоном де Сен-Лиз и Старого Сарума и Одихама епископом Роджером. Крепость Сен-Бриавель, ныне разрушенная, была реконструирована или построена из каменной кладки; а Ральф Фламбард заложил фундамент и, по-видимому, достроил крепость Норхэм.

Вопрос о соперничестве между Матильдой и Стефаном в значительной степени касался замков, над которыми каждый из них имел контроль. И снова благодаря захвату Винчестерского замка и его сокровищ Стефан смог отпраздновать свою коронацию в соседнем соборе. Именно под стенами Редингского замка, расположенного между рекой Кеннет и Темзой, он доверил себе встретиться с приверженцами Матильды и вместе с ними возложить тело ее отца к алтарю основанного им великого аббатства, руины которого надолго пережили руины его светского соседа. Из Оксфорда, крепкого города, окруженного стенами и частично окруженного водой, Стефан издал свою первую хартию, полную обещаний своим новым подданным; а оттуда он отправился в Дарем, один из самых сильных замков Севера, чтобы встретиться с Давидом Шотландским, который опустошил границу от Карлайла до Ньюкасла и взял Алник и Нorem, хотя и потерпел поражение у Уорка и Бамборо. Одной из главных уступок Дэвида был замок Ньюкасл. С другой стороны, он получил подтверждение того, что замок находится в Карлайле, который долгое время был воротами Шотландии. Эти две крепости, расположенные по одной с каждого конца линий Севера и Адриана, все еще достаточно совершенны, как и неприступный Бамбург, нормандская крепость, которая во времена Стефана была новой.

Вернувшись на Юг из Оксфорда, все еще остававшегося его главной цитаделью, Стивен подписал свою вторую хартию, менее четкую по своим обещаниям, поскольку опасность его положения казалась менее острой. После сообщения о его смерти в 1136 году именно вера в их крепкие замки Эксетер, Плимpton, Оксхемптон, Норвич, Фрамлингем и Бангей побудила Болдуина де Редверса и Хью Биго взяться за оружие. В то время у Бата был замок, и он был городом, обнесенным стеной. Стефан осадил и взял замок, а оттуда с двумя сотнями

всадников поскакал в Эксетер, где Ружмон, его цитадель, был силен и имел хороший гарнизон. Осада была замечательной, и боевые машины, применявшиеся как внутри, так и снаружи, имели грозный характер. Горожане были на стороне Стефана, поэтому атака велась с городского фронта. Мост из города, все еще стоявший, был одним из пунктов атаки. Был построен “мальвуазен”, откуда на гарнизон посыпались камни; стены были разрушены, а башни сильно повреждены. Наконец колодец пересох, и гарнизон сдался на определенных условиях. Плимpton также капитулировал, и Норвич был взят.

По прибытии Стефана из Нормандии в 1137 году он захватил замки Борн, Уэйрхем и Корф, два последних принадлежали Фитц-Алуреду и Редверсу. Второе восстание в 1138 году, приуроченное к вторжению шотландцев, в некоторой степени подорвало крепость Бедфордского замка, который затем включал в себя пару окруженных рвами насыпей на противоположных берегах Уза, из которых одна полностью снесена, а другая остается лишенной каменной кладки и лишенной своих изрядных размеров. Этот замок удерживался сыновьями Мило де Бошана, его владельца, и сдался только после долгой и жестокой осады, проведенной лично Стефаном, которая закончилась блокадой. Защита была очень умелой, и капитуляция состоялась на справедливых условиях.

Тем временем Дэвид, связывая интересы Матильды со своими собственными притязаниями на великое графство Хантингдон, дважды пересекал границу весной 1128 года, удаляясь при приближении Стефана, но в третий раз возвращаясь в августе. Он взял Норхэм и сильно повредил его великолепную крепость, построенную епископом Фламбардом в 1121 году, благородные руины, которые до сих пор нависают над Твидом и богаты историческими памятниками. Бамбург, Алнвик и Малтон были предоставлены Стивену Юстасом Фиц-Джоном. Части стены и внутренние ворота Алнвика датируются примерно этой датой; но Малтон исчез, хотя более ранний римский лагерь все еще можно проследить. Продвижение Дэвида также было остановлено Клитеро, очень сильным замком, нормандская крепость которого, одна из самых маленьких сохранившихся, венчает вершину почти неприступной скалы.

В этот период положение Стивена было наиболее критическим. Против него, на Валлийских рубежах, Тэлбот удерживал Годерих и Херефорд, в то время как Ладлоу и Дадли, Шрусбери и Уиттингтон находились в руках Паганеля, Фиц-Алана и Уильяма Певерела. Южнее баронов Сомерсета поощряли против него Уильям де Мохан из своего владения в Данстере, сильный от природы и искусством; и Фиц-Джон из Харптри, замка в ущельях Мендипса; в то время как Мамино удерживал и сильно укреплял Дувр. Стефан, однако, был активен и храбр. Оставив архиепископа Терстана собирать и ободрять своих сторонников с севера, он сам двинулся на юг, усилил гарнизон Бата и угрожал Бристолу. Оттуда он вошел в Сомерсет и осадил прекрасную резиденцию Кэри, земляные укрепления которой покрывают склон холма; захватил Харптри врасплох, а оттуда вернулся к Херефорду, который победил, затем он вернул себе старую британскую крепость Пенгверн или Шрусбери. Выстоял только Бристоль, сильный в своей недавно отстроенной крепости и в присутствии Роберта графа Глостерского, ее строителя.

“Битва за Знамя”, 1138 год н.э., произошла в открытом поле под предводительством Д'Омаля; но она также получила название от Северного Аллертона, где, пересеченные железной дорогой, до сих пор видны мощные земляные укрепления, намного более древние, чем замок епископа Пюизе, который возвышался над ними и который впоследствии был полностью разрушен Генрихом II. Победа Северного Аллертона была усилена взятием Дувра королевой Стефана. Замок Карлайл все еще оставался во владении короля Давида, и оттуда

он возобновил войну, а в следующем году получил для своего сына Генри графство Нортумберленд; за исключением, однако, замков Ньюкасл и Бамбург.

Когда в 1139 году смена политики Стефана лишила его поддержки духовенства во главе с его амбициозным братом епископом Винчестерским, его первый удар был нанесен по епископским замкам. Из них Девизы, Шерборн и Малмсбери принадлежали епископу Роджеру Сарумскому. Малмсбери, вторжение епископата в соседнее аббатство, было полностью делом рук епископа и сейчас полностью разрушено. Шерборн, очень древняя епископальная резиденция, до сих пор сохраняет свои ранние земляные укрепления, а также крепость и сторожку у ворот, работы епископа Роджера; и хотя от Девизеса сохранилось лишь несколько фрагментов его круглой крепости, земляные укрепления (самые грандиозные в Англии) показывают, что он, возможно, вполне заслужил свою великую репутацию. Стивен ухватился за это, а также захватил Ньюарк-на-Тренте, которым до сих пор восхищаются из-за его высокого и протяженного фасада и великолепного нормандского въезда. Вместе с Ньюарком пал Слифорд, оба были построены епископом Александром Линкольнским, племянником епископа Роджера, а также великим строителем замков. Слифорд полностью разрушен, и, поскольку он был полностью разрушен после завоевания, в нем почти не было земляных работ, чтобы сохранить память о нем.

Среди событий этого важного года были взятие Стефаном замков Ноттингем и Мальборо; его нападение на Ладлоу; появление на сцене его соперницы, императрицы Матильды; и его осада Арундела, в замке которого она укрылась вместе с Д'Альбини и его женой королевой Аделизой. Ноттингем исчез. От Мальборо остался только прекрасный холм, на котором стояла его круглая крепость. Большая часть Ладлоу, особенно его прямоугольная крепость, сыграла свою роль в осаде Стефана, как и часть существующей внешней стены, откуда был брошен абордажный крюк, за который зацепился король, и его тащили на зубчатую стену, когда его спас шотландский принц Генрих. Арундел сохранил свои земляные укрепления в значительной степени такими, какими они, должно быть, выглядели во времена правления Исповедника; и благодаря своей башне-ракушечнику на холме и оригинальной сторожке у его подножия современный посетитель получает четкое представление о внешнем виде оборонительных сооружений, перед которыми Стефан разбил свой лагерь. Также в 1139 году Де Редверс, возвращаясь в Англию, высадился под замком Завоевателя Уэйрхэм, на берегу реки Пул. Из Уэйрхэма он направился в Корф, резиденцию королей Мерсии, где был осажден Стефаном.

Именно в этот период войны между Стефаном, Матильдой и церковной партией было построено множество нелегальных замков (*"castra adulterina"*), использовавшихся не только для обеспечения безопасности строителей, но и для того, чтобы они могли безнаказанно охотиться на своих соседей. Ничто не могло быть хуже обстоятельств, при которых были построены эти замки, и целей, для которых они использовались. "Стивен, - говорит Иоанн Тайнмутский, которого цитирует Дагдейл, - признай, что у тебя есть право на судебный процесс, потому что это кастрация, по собственному усмотрению". Вильгельм Жюмьежский и Малмсбери сравнивают те времена с временами Нормандии во время несовершеннолетия герцога Вильгельма; а другие авторы заявляют, что состояние Англии напоминало состояние Иерусалима во время римской осады. Не было ни правления, ни ответственности. Несчастных крестьян заставляли работать на строительстве оплотов тирании. Может показаться, что эти замки строились с большой быстротой и с минимальными затратами труда на земляные работы, поскольку в следующее царствование они были разрушены без труда, и сейчас едва ли можно узнать какие-либо из их памятников. Они были делом рук мелких баронов, вероятно, при попустительстве их главных лордов или

даже Стефана и Матильды, которые были мало щепетильны в отношении условий, на которых они принимали помощь. Такое умножение замков без разрешения государя не было чем-то новым и было запрещено на Континенте знаменитым “Пистенским эдиктом” Карла Лысого в 864 году, который уже цитировался.

Еще одним нарушением было присвоение графского титула нескольким лицам, непригодным для получения столь высокой чести, и единственным притязанием которых на отличие было то, что они были предводителями наемников. Стивен был не в том состоянии, чтобы наделять их всех третьей копеей доходов графства, обычным уделом графа. Однако многие графы, созданные Стивеном, занимали совсем иное положение. Таковыми были Джеффри де Мандевиль, лорд Плесси и Уолдена, принявший графство Эссекс от обеих партий; Альберик де Вер, построивший благородную крепость Хедингем и ставший первым в длинной линии графов Оксфорд; Хью Биго, владевший графством Норфолк; Ричард де Клер, владевший графством Хартфорд; Д'Омаль из Йоркшира; Гилберт де Клер из Пембрука; Роберт де Феррерс из Дерби; и, вероятно, Уильям де Клер из Пембрука. Ипр, графство Кент. Стивен, кажется, создал в общей сложности восемь, а императрица — шесть: Кембридж, Корнуолл, Эссекс, Херефорд, Солсбери и Сомерсет.

Из Арундела Матильда, как сообщает любезный Стивен, переехала в Бристоль, где ее брат, Роберт граф Глостерский, владел своим замком на болотистом месте слияния Фрома с Эйвоном. Роберт также в то время владел королевским замком Глостер, давно разрушенным, и тюрьмой, построенной на его месте; и он, вероятно, также был строителем башни-ракушки, все еще стоящей на кургане Кардифф. В то время друзья Матильды удерживали Дувр с квадратной крепостью Кентербери, расположенной прямо в *окружении* еще более древнего городского рва и почти на расстоянии полета стрелы от еще более почтенного кургана датчанина Джона. Упоминаются также недавно возведенные замки Трубридж и Керн. Последний был взят Стефаном штурмом перед нападением на Малмсбери. Трубридж держался успешно.

Великим событием 1141 года была осада, или, скорее, битва при Линкольне. Замок был захвачен врасплох, и им владели Ранульф, граф Честерский, и его сводный брат Уильям де Румар. Когда Стивен приблизился, граф Ранульф тайно покинул это место, чтобы заручиться помощью графа Глостерского. Это было сделано, и два графа с 10 000 человек, некоторые из которых были валлийскими сторонниками графа Роберта, переправились через Трент и обнаружили, что Стефан выстроился, чтобы встретить их. Результатом битвы стал плен Стефана и утверждение графа Ранульфа в замке Линкольн. В этот день Матильда отправилась в свой королевский замок в Винчестере, часть оборонительных сооружений старой Венты Белгарум, отличающийся большим курганом, который сейчас снесен. Здесь епископ Генри, в безопасности в своей прямоугольной крепости Вулси, все еще стоящей рядом с собором, в противоположном углу города, обращался с ней почти как равный с равной, но признал ее леди Англии. Их согласие, однако, не было ни сердечным, ни продолжительным. По возвращении королевы из Лондона, несколько дискредитировавшей себя, вспыхнула открытая ссора. Она напала на Вулси, и епископ нанес ответный удар по королевскому замку с большим успехом.

В сопровождении Брайана Фиц-графа и Мило, которым Матильда подарила графство Херефорд и “Замок и Пылинку” этого древнего города, она бежала из Винчестера, а граф Роберт прикрывал ее тыл. Их преследовали. Матильда благополучно добралась до замка Ладгерсхолл, а затем отправилась к Девизам; но граф Роберт был схвачен по дороге

Уильямом Ипсским и заключен в тюрьму в Рочестерском замке. Стефан тогда был пленником в Бристольском замке, а в ноябре 1141 года граф и король были обменены. Месяц спустя на Вестминстерском синоде были осуждены муки отлучения от церкви всех, кто строил новые замки или применял насилие к бедным, — знаменательное сочетание.

Болезнь Стефана и отсутствие графа Роберта в Нормандии на короткое время приостановили активные боевые действия, а тем временем Стефан удерживал Лондонский Тауэр, а Матильда - Оксфордский замок. В конце 1142 года Стефан атаковал Оксфорд и взял его, а также блокировал замок до тех пор, пока не наступила зима и запасы провизии не иссякли. Темза замерзла, а земля покрылась снегом, с помощью которого Матильда, одетая в белое, переправилась через реку и бежала к Фиц-графу в Уоллингфорд. Затем замок был сдан. Его величественный холм до сих пор нетронут; а под ним, над рекой, находится большая квадратная башня одиннадцатого века. Сохранилась также часть городской стены.

До Рединга Стивен захватил несколько сильных, но менее важных крепостей, таких как замок Лука и стрел на утесе Портленд, который сохранился до сих пор, и Кэрисбрук, оплот острова Уайт. Он взял также Лалворт в Пербеке, представленный гораздо более поздней резиденцией. Сайренсестер, который он сжег, похоже, так и не был восстановлен; и Фаррингдон, построенный в спешке графом Глостерским, тоже был сметен с лица земли. Сила Стефана, однако, находилась в Лондоне и на востоке; а сила Матильды - в Глостере и Бристоле, а также на западе. Стивен также владел Певенси. Великие бароны срединных земель стояли в стороне, выжидая своего часа. Таким образом, Роджер де Белломон и его брат Уолеран из Мелана удерживали Лестер с его римскими стенами и английскими земляными укреплениями, защищенный лугами реки Соар, на краю которой и у подножия кургана до сих пор виден Нормандский зал, а рядом - величественная церковь Святой Марии де Кастро, также в значительной степени нормандская. Они также удерживали Маунт-Соррелл, в то время мощный замок, построенный на скале из сиенита, но теперь и скалу, и замок извлекли из карьеров, чтобы насыпать щебнем шоссе метрополии. Сэгер де Куинси решительно высказался о Хинкли, где ранний курган, лишенный каменной кладки (если, конечно, на нем когда-либо была каменная кладка), все еще охраняет восточный въезд в город. Граф Честерский владел Линкольном как своей собственностью; а холм Бельвуар, главная достопримечательность Срединных Земель, охранялся величественной башней Трасбата и Де Роса, сгоревшей дотла и отстроенной заново в безвкусной манере в наши дни.

В 1146 году смерть лишила Матильду графов Глостера и Херефорда. Она удалилась в Нормандию, но ее место занял младший Плантагенет, ее сын. В этом году также Стефан воспользовался присутствием графов Честера и Эссекса при своем дворе, чтобы схватить их и заставить сдать: одному замки Линкольн и Нортгемптон, другому Плесси, от которого до сих пор видны обнесенный ровом холм и пристроенная к нему церковь, и Станстед Монфичет, ныне почти слившийся с железнодорожной станцией, а тогда соперничавший со старым замком лондонского епископа в Стортфорде. Уолден, также завоеванный таким образом, до сих пор знаменит своими земляными укреплениями и фрагментом своей нормандской крепости, сложенной, подобно Брамберу и Арку, из кремневого щебня, лишенного облицовки из тесана.

Граф Джеффри, купив таким образом свою свободу, воспользовался ею, чтобы сжечь Кембриджский замок, курган которого, к сожалению, уменьшившийся в размерах, все еще возвышается над рекой из глубины римского лагеря. Говорят, что, преследуя графа, Стивен построил несколько новых и, вероятно, временных замков. Более вероятно, что он укрепил бревнами некоторые из окруженных рвами курганов, таких как Клэр, Ай и Бурес, которых много в Эссексе и Саффолке. Работы по каменной кладке, на которые у него, конечно, тогда

не было ни времени, ни средств. Вскоре после этого епископ Винчестерский перестал быть папским легатом и счел удобным поддержать партию своего брата и убедил его отказать архиепископу Теобальду в разрешении посетить нового папу в Реймсе. Теобальд, однако, бросил вызов королю и по возвращении укрылся за необычайно высокими стенами и мощными земляными валами Фрамлингема, фанатичного замка в Саффолке. Примерно в это же время упоминаются замки в Криклэиде в Уилтсе, в Тетбери и в Уинчкомбе в Глостершире. В Ковентри тоже был замок, и еще один в Даунтоне в Уилтшире, до сих пор знаменитый своей спорностью.

В 1149 году Йорк открыл свои ворота молодому Генриху Анжуйскому, собравшему значительные силы, с которыми он встретил королевскую армию при Малмсбери, хотя и без реального столкновения. От 1151 года зафиксировано любопытное соглашение, в котором участвовали графы Лестер и Честер, согласно которому новые замки не должны были строиться между Хинкли и Ковентри, Ковентри и Доннингтоном, Доннингтоном и Лестером; ни в Гейтхеме, ни в Киноултоне, ни между Киноултоном и Бельвуаром, Бельвуаром и Окхемом, Окхемом и Рокингемом. В 1152 году произошла знаменитая осада Уоллингфорда, проведенная для Матильды Брайаном Фиц-графом. От Уоллингфорда осталось достаточно, чтобы показать, насколько сильным он, должно быть, был раньше; и светская мощь полностью уравновешивалась духовной, поскольку в городке, всегда небольшом, было всего в два раза больше церквей, чем в апостольской Азии. Стивен, не имея возможности приблизиться к замку со стороны суши, построил сооружение, которое еще предстоит проследить в Кроумарше, на левом берегу реки, и разместил там свои машины. Молодой Генрих, удерживая Малмсбери, Уорик и около тридцати других не очень отдаленных замков, выступил на помощь Уоллингфорду и окружил линию Кроумарша, осадив осаждающих. Стефан выступил им на помощь из Лондона, а Генрих, по-видимому, въехал в город, с помощью специальных работ удерживая переправу через реку у моста. Таким образом, Уоллингфорд был спасен, и Генрих в начале 1153 года осадил Стэмфорд, где, как и в Йорке, Хартфорде и Бекингеме, два кургана возвышались над рекой; и взял штурмом Ноттингем, где велись аналогичные работы на Тренте. Стефан, отступив в восточные графства, взял Ипсвич, замок, даже местоположение которого утрачено.

Смерть Юстаса, сына Стефана, в августе 1153 года проложила путь к соглашению между соперниками. Стефану предстояло остаться королем, а Генрих стал его признанным преемником. Уильям, оставшийся в живых сын Стивена, должен был сохранить замки и поместья Варенн, в том числе Райгейт, следы которого сохранились; Касл-Акр с его насыпью и другими земляными укреплениями, размещенными в римском лагере; Касл-Райзинг, одну из наименее пострадавших и самых замечательных нормандских крепостей в Англии; Льюис с его двойной насыпью и сильным естественным положением; и Конингсбург, английский город чрезмерной крепости, хотя тогда еще не прославившийся своей благородной башней. У него также были замки Вирмегей и Бангей, Норвич, а также замок Певенси. Было также решено, что гарнизоны королевских замков, как правило, должны присягнуть на верность Генриху и Стефану; а кастеляны Линкольна, Лондона, Оксфорда, Саутгемптона и Виндзора дали заложников, которые после смерти Стефана передадут их Генриху. На конференции в Данстейбле в 1154 году было также решено, что все замки, построенные после смерти Генриха I. должны быть разрушены (пункт, который можно использовать для того, чтобы показать, что Матильда или Стефан не строили абсолютно новых замков особой важности); и что все наемные войска должны быть отправлены обратно в свои страны. Должность шерифа, представляющая корону в графствах, должна была быть усилена.

Стефан умер в октябре 1154 года, и его соперник взошел на трон как Генрих II. без сопротивления.

ГЛАВА V.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЗАМКОВ В ПРАВЛЕНИЕ ГЕНРИХА II.

ГЕНРИХ II. был великим строителем, особенно в военном деле. “In muris, in propugnaculis, in munitionibus, in fossatis, ... nullus subtilior, nullus magnificentior, invenitur.” Это, однако, относится не столько к новым замкам, которых он построил совсем немного, сколько к достройке или добавлению новых крепостей к старым, таким, например, как Дувр.

Через несколько дней после своего прибытия в Англию он получил клятву верности от магнатов королевства в Винчестерском замке и был коронован в Вестминстере 19 декабря, сразу после чего он даровал Уильяму, графу Арунделу, замок и честь Арундел и третий пенни графства Сассекс. Вероятно, это было на всю жизнь, поскольку после смерти графа в 1176 году замок и графство вернулись к короне и были повторно пожалованы. Несмотря на такое начало, Генрих был полон решимости проводить политику, согласованную в Уоллингфорде, перед лицом нации. Несколько дней спустя он присутствовал на совете в Бермондси, на котором было решено приказать всем иностранным наемникам покинуть королевство под страхом смерти и снести с лица земли все замки, возведенные во времена правления Стефана. Это решение было воспринято всеми сторонами как абсолютно необходимое, и в значительной степени оно было немедленно приведено в исполнение. Из этих “*castra adulterina*” он уничтожил, по некоторым данным, 375; по другим - 1115. К сожалению, их названия и места расположения редко сохранились, и можно только предположить, где замок сыграл определенную роль в войнах Стефана и Матильды, но впоследствии не упоминается. Эти замки, без сомнения, строились обычно людьми с ограниченными средствами и в спешке; но даже небольшой и плохо построенный каменный замок потребовал бы некоторого труда и денежных затрат на его разрушение. Возможно, многие из этих построек были построены из дерева на существующих насыпях. Также здесь обнаружены небольшие земляные укрепления небольшой высоты или площади, план которых напоминает нормандский замок и которые, не исключено, относятся к этому периоду. В Итон-Соконе, в графстве Бедфорд, и Лилборне, в Нортгемптоншире, есть такие земляные сооружения. Считается, что в настоящее время замки Фаррингдон и Маунт-Соррел, а также замки Станстед и Хинкли, Ковентри, Криклэйд и Уинчкомб были демонтированы. Замок Дракс в Йоркшире выделялся на общем фоне и был разрушен, как и, хотя и гораздо менее полностью, Бангей и Татбери, Терск, Малзеард и Гроби. Под давлением времени даже церковные здания были превращены в замки. Аббатства Рэмси и Ковентри были так использованы Джеффри Гланвиллом и Робертом Мармионом, а прекрасная церковь Бريدлингтон - Д'Омалем.

Генрих стремился проводить новую политику без уважения к рангу или партии; но когда он стал угрожать оплотам знати, у него начались трудности. Хью Мортимер и Роджер, сын Мило, графа Херефорда и верховного констебля, старых сторонников Матильды, отказались сдать Вигмор, Клеобери, Бриджнорт, Херефорд и Глостер. Генрих немедленно начал действовать. Покинув замок Уоллингфорд весной 1155 года, он осадил Бриджнорт, откуда одно из его

писем датировано “апуд Бругиам в обсидионе”. Он также осадил Клеобери и Вигмор. Этот успех заставил графа Херефорда сдать Херефорд и Глостер, где Генрих получил большую часть своего образования; и после его заявления о подчинении графу было разрешено сохранить Херефорд. Генрих, епископ Винчестерский, брат Стефана, был вынужден бежать из страны, а его замки было приказано разрушить; и то, что этот приказ был выполнен, явствует из платы за работу, внесенной в список дел за 1155-6 гг. Подобным же образом Д'Омаль, барон из Шампанского дома, чья власть находилась в Холдернессе и который командовал в Норталлертоне, был вынужден в январе 1155 года после непродолжительного сопротивления уступить Скарборо, самый сильный замок в Холдернессе, и Скипси, немногим уступавший ему. Генри также посетил Нортгемптон, Ноттингем, Линкольн и Йорк, а также некоторые западные замки и графства. В Виндзоре “фермор” замка потратил 4,15 миллиона фунтов стерлингов на свой прием “in corredio regis”. По словам мистера Эйтона, в течение 1155 года было разрушено 140 замков. Вильгельм Ипрский, мятежный лидер фламандских наемников, получивший титул графа Кента от Стефана в 1141 году, был изгнан. Он был одним из “псевдокомитов”.

Частью новой политики, хотя и не сразу приведенной в исполнение, было введение, в определенной степени, денежной компенсации за личную военную службу. Новый платеж под названием “scutage” стал важной статьей доходов короны. Было также установлено правило, которое, если и не всегда соблюдалось, то было хорошо понято, что никто не должен строить замок или превращать свое жилище в “оборонительный дом” без разрешения короля.

В 1156 году Генрих отправился через Дувр на Континент, где взял Мирабо и Шинон, причем одна из его хартий была датирована “Мирабель в Обсидионе”, а другая - “апуд Шинон в экзерситу”; он не возвращался в Англию до 1157 года, когда находился в замке Саутгемптон, а оттуда отправился в Онгар, эссекский замок Ричарда де Лейси, и получил от Уильяма графа Мортена, сына короля Стефана, замки Певенси и Варенн, которые перешли к нему с именем и поместья этой семьи. Хью Биго также отказался от Норвича и в целом подчинился. Затем Генрих посетил Колчестер и другие замки Эссекса, а оттуда направился в Нортгемптон. Малкольм Шотландский был рад последовать примеру своих английских друзей и отказался от Карлайла, Бамборо и Ньюкасла вместе с тремя северными графствами. Его личное подчинение было сделано Генри в замке Певерил на Пике, и по этому случаю расходы шерифа по его поручению были значительными. Малькольму было позволено сохранить честь своей бабушки и замок Хантингдон.

Разрушение стольких небольших и более поздних замков восстановило их былую известность замкам большей прочности и более старого времени, которые, будучи по большей части необходимыми для обороны королевства, были сохранены и укреплены и вверены кастелянам с проверенной преданностью. Таким образом, Бекет, до своего церковного продвижения, получил замки Тауэр и Беркхэмпстед, а также замок и честь Ай.

Одна из главных трудностей Генриха возникла из-за положения лордов-пограничников, таких как Де Клары и Марешали, чьи почти королевские полномочия, первоначально предоставленные им для того, чтобы они могли удерживать границу от валлийцев, чаще использовались совместно с валлийцами для принуждения суверена.

В 1157 году Генрих вторгся в Северный Уэльс и, пересекая Каунсайт, Флинтширский перевал, на мгновение оказался в большой личной опасности. Именно в этот момент Генри де Эссек бросил знамя и бежал, лишившись таким образом своего замка Роли. На обратном пути Генри отремонтировал замки Базингверк и Руддлан и, вероятно, руководил строительством

замка Бер, очень любопытной крепости с некоторыми декоративными деталями в раннеанглийском стиле, построенной на отдельно стоящей скале в долине к западу от Кадер-Идриса.

В 1158 году Генрих посетил различные части Англии. В январе в Карлайле он посвятил в рыцари графа Уоренна, но отказал в этой чести Малькольму, королю Шотландии. Находясь там, он укрепил замок Уорк, плата шерифа за который составила 21,8 шиллинга 11 фунтов стерлингов. В Ноттингеме он передал Ричарду де Хайя на хранение “кастелли мэй де Линкольн”, показав, что он претендует на корону. В августе он отплыл в Портсмуте или Саутгемптоне в Нормандию; и, находясь за границей, взял замки Туар, Амбуаз, Фретебель, Мулен и Бон-Мулен. В 1159 году он три месяца был занят осадой Тулузы, которую ему не удалось взять. Другие замки в Нормандии он захватил и отремонтировал; другие, опять же, разрушил; и построил несколько совершенно новых.

В январе 1163 года Бекет прибыл в Англию вместе с королем и нанес большое оскорбление баронству, заявив права на замок Тонбридж для своего престола. Ближе к концу года Генрих лишил его права управлять замками Ай и Беркхэмпстед, а в декабре допустил его к личной беседе в Оксфордском замке. В этом году Генрих снова был в замке Пик, а в марте 1164 года - в Порчестере. Вскоре после этого мощный замок Тикхилл перешел к короне в результате банкротства, и Генрих провел Рождество в Мальборо, королевском замке.

В 1165 году, после короткого визита в Нормандию, во время которого королева посетила замок Шерборн, Генрих был в Раддлане и привел в порядок замки Бейзингверк и Флинтшир. Это было удачно, поскольку кампания оказалась неудачной. Расходы по этому случаю были разрешены в замках Освестри (тогда называвшемся Бланмонт), Шравардин и Чирк. Это было утверждение права собственности со стороны короны, хотя Освестри был частью частного поместья Уильяма Фиц-Алана, в то время несовершеннолетнего. Генрих удалился в Шрусбери, а из Вустера и Абергавенни были подтянуты солдаты, некоторые из которых были расквартированы в замке Корбет в Каусе. Гросмонт, Ллантилио, или Белый замок, и Скэнфрит, Монмутширская трехсторонняя организация, также предоставили солдат. Из Шрусбери Генрих, получив подкрепление, продвинулся в Поуисленд и расположился лагерем на горе Бервин, где он был почти отрезан валлийцами и вынужден был укрыться в Шотвикском замке, небольшой крепости у подножия полуострова Вирралл, откуда он удалился в Честер и вернулся в Лондон.

В феврале или марте 1166 года был составлен акт о возвращении военных феодалов и главнокомандующих арендаторами, известный как Liber Niger, который утверждает, что представляет феодальную военную силу королевства, хотя пока только после завершения раздела земель на военные сборы. В Liber Ruber говорится, что сборы в правление Ричарда I. составляли 32 000. Ордрик называет их почти вдвое больше, или 60 000. Но нет данных, позволяющих с какой-либо приблизительностью оценить силы, которые король мог выставить на поле боя. При Генрихе I и Стефане в основном использовались наемники, набранные в основном из Фландрии. Либер Нигер получил очень ценное внимание от мистера Эйтона и профессора Стаббса.

В начале Великого поста в этом году Генрих отплыл из Саутгемптона в Нормандию, где он захватил замки Алансон и Ла-Рош-Мабиль, и его посетил король Шотландии. В конце года Джеффри де Мандевиль и Ричард де Лейси предприняли неудачную экспедицию в Северный Уэльс и снова укрепили замок Базингверк, во время которой на них напали валлийцы. Генрих отсутствовал в Нормандии, Гаскони и Бретани около четырех лет, высадившись в Портсмуте в марте 1170 года; но в июне он вернулся в Нормандию. В октябре

он написал принцу Генриху, предписывая ему восстановить честь Солтвуда перед архиепископом. 29 декабря Бекет был убит, убийцы отдыхали в Солтвуде предыдущей ночью. После убийства они отправились в замок Нэрсборо, который тогда занимал Хью де Морвиль в качестве кастеляна.

В августе 1171 года Генрих высадился в Портсмуте, а в начале сентября был в Южном Уэльсе, где взял Каэрлеон у Йорверта ап Оуэна и отправился в замок Пембрук, чтобы встретиться с принцем Рисом, которому передал большую часть Кардигана. Из Пембрука, или, скорее, из Милфорда, он отправился в октябре в Ирландию, откуда вернулся через Сент-Дэвидс и Кардифф в Англию в апреле 1172 года, а оттуда в мае отплыл из Портсмута на Континент.

В апреле 1173 года конфедерация между королем Франции и принцем Генрихом, который возглавлял недовольную партию среди английских баронов, переросла в открытую войну в обеих странах. Генрих старший остался в Руане и, за сомнительным исключением короткого визита в Англию, удовлетворился тем, что предоставил ведение войны там верному и способному Ричарду де Лейси.

Английское восстание носило очень серьезный характер. Среди повстанцев были графы Честер и Лестер, феррарский граф Дерби, Моубрей и Паганель. Феррарс владел Гроуби, Татбери, Бертоном и некоторыми другими замками; Моубрей владел замком Киннардс-Ферри в Аксхолме, Тирске и Малзеарде, которые, похоже, снова были отремонтированы или перестроены; Дэвид Шотландский, граф Хантингдон, владел этим замком; также как и епископ Пьюисет Норхэм и Дарем. Эти северные замки были сильны и поддерживались шотландскими рекрутами; но большая часть баронства была на стороне короля, и даже на Севере его партия имела перевес. В него входили Умфравилль из Прадхо, Де Весси из Олнвика, Рос из Хэмлейка, Брюс из Уорлтона и Скелтона; а на юге почти все крупные бароны. Лейси осадил и сжег город Лестер; но замок, похоже, выстоял. Он также, в сопровождении Боуна, двинулся на Север и опустошил пограничную страну и Лотиан. Королевские замки, как правило, были снабжены продовольствием и гарнизонами.

В сентябре Роберт, граф Лестер, высадился в Уолтоне в графстве Саффолк с отрядом фламандских наемников. Саффолк, без сомнения, был выбран для высадки как находящийся напротив фламандских портов и находящийся под местным влиянием дома Биго, которые владели замками Фрамлингем и Бангей и были наследственными констеблями Норвича - должности, которой часто лишались, но которая давала им большое влияние в городе. Лестер и его фламандцы были немедленно приняты во Фрамлингеме и оттуда осадили замок Хаганет, которым от имени короля управлял Ранульф де Брок. Они взяли его, но потерпели неудачу у стен Данвича и оттуда двинулись на Лестер. Тем временем Лейси и Хамфри де Богун поспешили вернуться с шотландской границы, получили подкрепление близ Бери от графов Арундела, Корнуолла и Глостера, а в октябре встретились с фламандской армией у Форнхэм-Сент-Женевьев. Захватчики были разбиты, а Лестер и его графиня взяты в плен и отправлены в Нормандию. Однако работа Лейси была завершена лишь наполовину. Моубрей все еще удерживал Аксхолм, а граф Дэвид, или, вероятно, вместо него, Анкетил Мэллори, удерживал Лестерский замок. Король Шотландии осадил Карлайл, в то время как его брат захватил замки Кнарсборо, Броу и Эпплби. В мае 1174 года замок Лестер все еще не был взят, а шотландцы взяли Уоркуорт и осадили Прудхо и Алник. Лейси участвовала в осаде Хантингдона, ей помогала Сент-Лиз, которая заявила на это права. Но высадился второй отряд фламандцев, атаковал Норвич и сильно повредил Ноттингем и Нортгемптон. Епископ Линкольнский, однако, захватил Аксхолм.

В разгар этого критического положения дел Генрих высадился в Саутгемптоне в июле 1174 года со своими пленниками, которых он отправил в Девизес. Его прибытие совпало с внезапным и существенным улучшением состояния его дел. Пока Генрих совершал акт покаяния у могилы Бекета, Вильгельма, короля Шотландии, доставили в Алнвик. После непродолжительной болезни в Лондоне Генрих вовремя отправился в Хантингдон, чтобы получить согласие на сдачу замка, а оттуда во Фрамлингем, который вместе с Бангеем был передан ему Хью Биго. Принц Рис, находившийся тогда в союзе с Генрихом, осадил и взял Татбери, и замок Моубрей в Малзеарде также был взят. В июле в Нортгемптоне Генрих получил подчинение епископа Дарема с замками Дарем, Норем и Норталлертон. Замок Тирск был сдан Роджером де Моубреем; Татбери и Дрифилд - графом Феррарсом, а Лестер, Маунт Соррелл и Гроби.

Успех Генриха был полным; но восстание показало, насколько опасны большие замки для общественного порядка и насколько необходимо демонтировать большое их количество, а остальные, насколько это возможно, оставить в руках короны. Эту политику он продолжал проводить до конца своего правления, обращаясь со всеми побежденными повстанцами с большим милосердием в отношении их личности и их поместий, но сохраняя их замки в своих руках. Даже Ричарду де Лейси, которому в 1174 году была пожалована Онгарская сотня, не разрешили сохранить замок.

В мае 1175 года Генрих находился в Англии, а в июне получил от Уильяма, графа Глостерского, капитуляцию Бристольского замка. В январе 1176 года в Нортгемптоне состоялся совет, на котором королевство было разделено на шесть округов, по три судьи в каждом округе. Среди указов, которые они должны были привести в исполнение, были те, которые касались замков. Должна была быть проведена строгая проверка полномочий замковой стражи и того, насколько она выполняла свои обязанности.

Неизвестно, в какой степени выполнялись новые правила; но общий эффект новой системы заключался в сдерживании мародеров и в том, чтобы сделать восстания более трудными и менее частыми. Норталлертон, неоднократно разорявшийся, был, наконец, (1177 г.) полностью разрушен; и епископу Дарема, его владельцу, пришлось заплатить штраф в тысячу марок за свое участие в последнем восстании. Такие замки, как Дарем, Норем и Скарборо, которые было целесообразно сохранить, были присоединены к короне и переданы в руки верных кастелянов. Бамбург был доверен Уильяму де Стьютвиллю, Норхэм - Уильяму де Невиллю, Скарборо - архиепископу Йоркскому, Бервик - Джеффри де Невиллю, а Дарем - Роджеру де Конье. Судебный процесс, согласно которому в 1180 году каждый фригольдер обязан был обеспечивать себя оружием и доспехами в соответствии со своими средствами и состоянием, сделал население более способным противостоять тирании и в целом укрепил позиции любого не очень непопулярного монарха в борьбе с баронами.

Общий результат внутренней политики Генриха, несомненно, был успешным, и последние годы его жизни не были омрачены ни одной серьезной вспышкой. В 1177 году он вернулся в Нормандию; но и там, и во время своих последующих визитов в Англию он уделял большое внимание замкам каждой страны, посещая многие из них, назначая и меняя кастелянов и поддерживая оборону в надлежащем порядке. В феврале 1187 года он посетил очень необычный замок Чилхэм близ Кентербери. Он умер в замке Шинон в июле 1189 года.

ГЛАВА VI.

ЗАМКИ АНГЛИИ И УЭЛЬСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII ВЕКА.

КАКИМИ бы многочисленными ни были замки, разрушенные при Уоллингфордском конвенте или во время последующего правления Генриха II, они, по-видимому, были почти полностью крепостями недавнего времени, находившимися в частных руках и не имевшими большого значения с точки зрения общей обороны или упорядоченного управления королевством. Среди тех, что вообще сыграли важную роль во внутренних войнах сыновей или внуков Генриха, отсутствуют, но известно, что очень немногие были построены или отреставрированы его предшественниками или им самим; и имена, которые встречаются в хрониках того периода или время от времени заносятся в летописи королевства, показывают, что страна по-прежнему была в изобилии обеспечена замками, и что почти все первоклассные замки время от времени ремонтировались за счет короны и управлялись кастелянами, занимавшими свои должности по воле короля, которых, к тому же, было принято часто менять. Здесь предлагается довольно подробно перечислить крепости Англии и на Границе Уэльса в том виде, в каком они стояли в конце правления Генриха II, по крайней мере, насколько можно восстановить их названия и расположение или какие-либо сведения о них.

Принимая Лондон за военный и политический центр королевства, мы имеем на Темзе Тауэр, первую и главную крепость, основанную Завоевателем и которую он считал достаточной для защиты города и внушения ему благоговейного трепета. В самом городе, также на берегу Темзы, недалеко от устья Флита, находился замок Байнард, цитадель баронов Фиц-Уолтеров, знаменосцев Лондонского сити и важной ветви дома Клэр. На разном расстоянии от этого центра, в зависимости от расположения местности, располагались северный и южный перевалы мелового хребта, Беркхэмпстед, удел графства Корнуолл, и Гилфорд, древняя крепость которого частично стоит на искусственном холме. Кроме того, непосредственно к югу от Лондона находились епископальный замок Фарнхэм, все еще населенный, и замок графа Уоренна на холме в Рейгейте, от которого сохранились некоторые следы. Выше по течению Темзы находились Виндзор, Рединг, Уоллингфорд и Оксфорд - крепости глубокой древности и первого ранга. Территория между Темзой и морским побережьем хорошо охранялась, и сообщения с Дувром, Портсмутом и Саутгемптоном, столь важные для монархов, владевших владениями на Континенте, были обеспечены. Дувр, названный Вильгельмом Завоевателем, согласно Мэтью Пэрису, "Clavis et repagulum", ключом и засовом королевства, был одной из его старейших, крупнейших и сильнейших крепостей и занимал почти неприступную территорию в тридцать пять акров. Он венчал гребень меловой скалы, которая, казалось, поднималась из моря, и крутизна от природы была придана искусству еще большей крутизной и несла на себе следы нормандской, английской, римской и, вероятно, британской оккупации. По словам М. Пэриса, его источник воды особо указан в знаменитом соглашении Гарольда с герцогом Вильгельмом. Действительно, в крепости, по-видимому, было два колодца, кроме еще одного, несомненно, Гарольдова, во внешнем дворе, вероятно, римской постройки. Город также был обнесен стеной. В тылу Дувра находился город Кентербери, упомянутый в "Страшном суде" как укрепленный. Со стороны суши он был сильным, с внушительным берегом и рвом, окруженным нормандской стеной, а ближе к воде был покрыт болотами Стаура, по которым когда-то можно было пройти до набережных древнего города. Под одним углом, прямо в пределах этого района, находилась мощная прямоугольная крепость, нормандская пристройка, а рядом с ней находился Дейнджон, гораздо более древняя насыпь, окруженная рвом, старше даже, чем

берег и канава города, которые были проложены под углом, чтобы включить ее в себя. Недалеко от Кентербери находился Чилхэм, нормандская башня необычной формы, на месте сооружения, сожженного датчанами в 838-51 годах; а неподалеку находился Солтвуд, переданный Кентерберийскому престолу в 1036 году и, как говорят, обремененный огромными насыпями и рвами, которые до сих пор окружают его, сыну Хенгиста. К западу от Дувра Уильям д'Абринчис построил замок Фолкстон, и теперь утес, на котором он стоял, поглощен морем. Этому предшествовали более ранние работы на земле чуть дальше вглубь материка; Сэндвич, один из портов чинкве, также был обнесен насыпью и обнесен стеной. Между Дувром и Лондоном, на болотистых извилинах верхнего Медуэя, возвышался холм Тонбридж с его нормандскими стенами и башней из ракушек, местом огромной силы и предметом длительного соперничества между архиепископами и графами из рода Де Клер. Опять же, в тылу и на той же дороге находился замок Рочестер, разделяющий свою оборонительную мощь со старейшей башней соседнего собора и городом-стеной, стоящим внутри римской ограды или на ее границах и возвышающимся над самым низким мостом через глубокий и быстрый Медуэй. Многие замки Кента, особенно находящиеся в частных руках, были основаны в XIII веке или позже; но Хортон, Эйнсфорд и Лаллингстон на реке Дарент, а также замок Шеппи на Суэйле гораздо древнее. Помимо этого, Отфорд, архиепископский замок, был “капутом” Чести. Коулинг упоминается в мерсийских хартиях в 808 году. Поместье принадлежало Леофвину, брату Гарольда, и принадлежало епископу Одо. Замок Аллингтон был разрушен датчанами и впоследствии принадлежал графу Годвину, а позже и Одо. Нормандские дополнения, вероятно, были работой графа Уоренна. Недалеко от Мейдстона находится Маллинг, который считается самой древней нормандской крепостью в Англии и довольно совершенной, хотя и небольшой; в замке Турнам или Годар также есть квадратная нормандская крепость и несколько ранних земляных укреплений, а рядом с ним были очень совершенные окруженные рвом курганы Бинбери и Стокбери. Замок Ледес, все еще населенный, имеет отдельно стоящую крепость, окруженную водой, и очень законченный барбакан. Крепость Саттон, впоследствии Саттон-Валенс, кажется нормандской. Замок Тонг в поместье Бапчайлд на Болоте, приписываемый Хенгисту, был построен как замок Сент-Джонсами. Замок Бейфорд находится в Ситтингборне; а Куинборо в Шеппи, хотя и назван в честь королевы Эдуарда III, вероятно, гораздо более древнего происхождения. Говорят, что в Альфрингтоне у Альфреда было укрепленное место, впоследствии названное Берлоу. В Вердли и Каслфилде в Хартфилде есть остатки, которые, как говорят, представляют собой замки.

В Сассексе у каждого изнасилования был свой замок, основанный, вероятно, ютскими поселенцами. Из них при нормандском правлении Гастингс, почти равный Дувру по своей природной силе, хотя и меньшего размера, был главой баронства графов Ю. Впервые он упоминается на гобелене из Байе, где в одном из отделений написано: “Iste [comes Moretaine] jussit ut foderentur castellum ad Hasteng”. Вероятно, это связано с двойной линией рвов, которыми замок отделен от основной части холма. Город также был обнесен стеной. Певенси, укрепленный римской стеной и дополнительными английскими земляными валами, был замком Де Аквила, почетной резиденцией, которую англичане называют “Орлиной”. Здесь в 1118 году виндзорские заказчики потратили 118,4 фунтов стерлингов на ремонт частоколов (“palicii”) замка. Льюис, с его насыпями, венчающими каждый конец изолированного холма, был излюбленной опорой Уореннов, графов Суррея. Естественная платформа, дополненная рвами и насыпью, и квадратная крепость Брамбер на реке Адур сделали почти неприступной эту резиденцию беспокойных и могущественных баронов Браоз из Гауэра, которым также принадлежал замок Кнепп, расположенный ближе к истоку реки, где до сих пор можно увидеть курган и немного нормандской каменной кладки. Впоследствии Кнепп был захвачен королем Иоанном по приказу Уильяма де Браоза, а в 1216

году получил приказ разрушить. Арундел, единственный замок, упомянутый в “Страшном суде” как существовавший во времена правления Исповедника, и резиденция последовательно графов Роджера Монтгомери, д'Альбини и рода Фиц-Аланов, все еще возвышается над ложиной Аруна и носит многие из своих старых черт; и, наконец, Чичестер, также замок Монтгомери, давно разрушенный или превратившийся в свой первоначальный холм, стоял в пределах укрепленного района римского Регнума. Кроме них, по-видимому, были нормандские замки в Истборне и Фирле, все следы которых, однако, исчезли. Упоминается также замок Седжвик, недалеко от Хоршема.

Еще западнее, в Хэмпшире, на реке Хэвант-уотер, находился Босхэм, очень знаменитый замок, давно снесенный с лица земли; а в Портсмутской бухте - Порчестер, благородное сочетание римской и нормандской каменной кладки. На его территории находятся приходская церковь и церковный двор, и здесь было любимое место сбора войск, направлявшихся в Гавр. На противоположной стороне Солента, в центре острова Уайт, находится Кэрисброк, знаменитый своей крепостью и насыпью, а также колодцами необычной глубины, а на противоположном материке, на болотистом стыке Стоура и Уилтшир-Эйвон, стоит древняя крепость Крайстчерч, расположенная исключительно на насыпи более раннего Твинхэма. Здесь также сохранился Замковый зал, поздненормандское здание, почти дублирующее соответствующее сооружение в замке Фицджеральда в Адаре, недалеко от Лимерика. На берегу Саутгемптонской бухты, между Антоном и морем, занимая мощный полуостров, находится одноименный город, до сих пор сохранивший остатки своих нормандских стен и очень внушительного замка, некогда входившего в его состав.

Внутри страны от этой линии замков, протянувшейся от моря на север до Темзы, графства Уилтс и Беркс, наряду с Хэмпширом, демонстрировали изобилие укрепленных мест. Там, хотя на самом деле в Хэмпшире, находились Винчестер, британский Кэрвент и римская Вента Белгарум, которые в свои английские времена оспаривали у Лондона господство на Юге. Сильно укрепленный широкими и высокими земляными валами и глубокими рвами, он содержал, примыкающий к одному углу, королевский замок, а в другом, по диагонали, епископальную крепость Вулси, из которых одна сейчас представлена своим дворянским залом, а другая - прямоугольной нормандской крепостью. Зал в Винчестере, хотя и очень раннего английского происхождения, выполнен в нормандском стиле и имеет три нефа. В 1066 году замок был тюрьмой архиепископа Стиганда. Перед его воротами в 1075 году был обезглавлен граф Уолтеф. Здесь в 1102 году состоялся достопамятный спор о первенстве между Йорком и Кентербери. В 1141 году его защищала императрица Мод, а здесь Генрих II. провел несколько парламентов, и Львиный кер сделал паузу, когда в соседнем соборе его вторично короновали по возвращении из плена в 1189 году.

Едва ли уступающий Винчестеру по силе и равный ему по неопределенной древности, Олд-Сарум, крепость смешанного, но неопределенного происхождения, где концентрические линии каменной кладки, опоясывающие и венчающие центральную насыпь, включали кафедральный собор епархии, и к которому, согласно историкам Уилтшира, король Альфред приказал пристроить внешний берег и частокол. В Уилтсе также находился Девизес, считавшийся самым прекрасным замком по эту сторону Альп. “*Divisæ quod erat Salesberiensis Episcopi castellum, mirando artificio, sed et munimine unexpugnabili firmatum*”, но от которого сейчас мало что осталось, кроме гигантского кургана и глубоких рвов. От Мальборо остался только бурх, в то время как от Малмсбери, посягательства светских властей на земли обычного духовенства, исчезли все следы. За границей Хэмпшира находится Олд-Бейсинг, где саксы потерпели поражение от датчан в жестокой битве в 871

году, которая стала “капитулом” пятидесяти пяти лордств, принадлежавших Хью де Порту в “Страшном суде”, а впоследствии старейшего баронства Сент-Джонс. Даже во времена Генриха II. он назывался старым замком, и в более позднее царствование Роберт, лорд Сент-Джон, получил разрешение закрепить плашмя у основания своего мота в Бейсинге и поддерживать его в таком состоянии во время королевского соизволения. Первоначальный круг земляных работ - это почти все, что сейчас осталось. Недалеко находится Одидам, некогда владение Винчестерского престола, где стоит старинная башня, лишенная тесаного камня и окруженная болотистой местностью, некогда знаменитой своими лесными видами спорта. Замок Кумб был знаменитым и очень ранним уилтширским замком, ныне превратившимся почти в земляной вал, а Уорблингтон, оплот Монтакутов, и Сайренсестерский замок исчезли, последний был разрушен Генрихом III.

Еще дальше к западу расположены замки Дорсет и Сомерсет, Девон и Корнуолл. Уэрхэм, древний устье реки Фром, расположенный между реками Фром и Пиддл, когда-то отмечал границы гавани Пул и был местом великой силы и славы. Еще в 876 году его западная сторона, корень полуострова твикст-уотерс, подвергалась критике как слабая. В одном углу его прямоугольной псевдороманской территории на берегу реки была насыпана насыпь со рвом, как в Тамворте, и его земляные укрепления и расположение оправдывают его репутацию ключа от Пурбека, цитаделью которого был Корф. Корф, расположенный на вершине и склоне мелового холма между двумя расселинами, откуда он и получил свое название, сейчас представляет собой великолепные руины. Половина его величественной прямоугольной крепости сохранилась до сих пор, а в стену ее среднего двора встроен фрагмент дворца королей древних западных Саксов, вероятно, единственное сохранившееся материальное свидетельство того, что они когда-либо использовали каменную кладку в своих военных работах. В Шерборне, древней епископальной резиденции, просторный земляной вал все еще содержит большую часть поздненормандской крепости, и в него по-прежнему можно попасть через нормандскую сторожку. Замки Илчестер и Шафтсбери исчезли, и от того, что было в Дорчестере, осталась только часть земляных укреплений. К западу от Пербека, в Портленде, на морском утесе находится замок Лук-и-Стрелы, любопытное и несколько своеобразное сооружение ранней постройки, построенное или заселенное Де Клэрами. От Портленда до устья Эксе, по-видимому, не было никаких важных укрепленных мест.

Прямо в устье Экса находится Паудерхэм, постройка графов Ю и Де Редверс и их преемников из рода Куртенэ, а выше и напротив - Ружмон, цитадель Эксетера, в которой до сих пор сохранились высокие берега, глубокие рвы и древняя сторожка - фрагменты оборонительных сооружений, за которыми горожане выдерживали ярость Завоевателя. В глубине страны от Эксе находится Окхэмптон, самое раннее из английских владений великой семьи Кортни, и творение Болдуина Эксетерского, происходящего из рода, но не носящего фамилию Де Клер. Он также был строителем замка Тивертон, который сейчас разрушен, как и Бриджуотер. Среди ранних замков этого района были Стоук-Корси, ныне превратившийся в руины; Стоуи, “пульхрум и невыразимое в пелаги-литторе локатум”; и Данстер, самое сильное место на западе, замок “Страшного суда” Мохунов, а после них, как и сейчас, Латтреллов. На западе Девона сохранились курган Плимптон, замок Редверс и крепость-ракушка в Тотнесе, построенная Джоэлом из тех мест, а впоследствии унаследованная баронами Браоз. Город Барнстейпл, вероятно, был обнесен стеной и наверняка имел четверо ворот. В Тонтоне нормандская крепость и часть нормандского зала все еще стоят на берегах Тона и возвышаются на земляных валах, приписываемых королю Ине. В Монтакуте возвышенность, отмеченная огромным романо-британским лагерем, заканчивается остроконечным холмом, который Уильям граф Мортейн выбрал для своего замка, от которого

сохранилось только название, соответствующим образом перенесенное из его нормандского замка, и лишь немногим больше от Касл-Кэри, резиденции Ловеллов, осажденной и взятой Стефаном, или от нормандской крепости Харптри на перевале в Мэндипском хребте.

Важнее всех этих более или менее местных замков был Бристольский, основанный Робертом, графом Глостерским, но признанный слишком ценным, чтобы доверить его преемникам в графстве. Его квадратная нормандская крепость стояла между Фромом и Эйвоном и была сильна как по сооружениям, так и по положению. После столетий борьбы за его обладание между графами Глостерскими и короной он утратил военную ценность и был снесен. На реке Тавер и за ее пределами, как в Монтакуте, Уоллингфорде и Беркхэмпстеде, можно проследить следы могущественного дворянина, владевшего великим графством Корнуолл. Их главные корнуоллские замки — Трэматон, Лонсестон, где город также был обнесен стеной, и Рестормел — изначально были работой Роберта, сводного брата Завоевателя. Их остатки значительны, а их сила и положение были таковы, что давали им огромное влияние в этом диком и почти непроходимом районе. Гора Святого Михаила остается сильно укрепленной; Карнбреа, работа Ральфа де Помероя, до сих пор отмечает скалистый хребет, откуда она получила свое название, и здесь сохранились следы Боскасла, владения баронов Ботро, и артуровского замка Тинтагель. Кроме того, в Корнуолле есть несколько укрепленных домов и множество укрепленных мест — скорее лагерей, чем замков, очень своеобразных по характеру и, вероятно, созданных корнуолльцами до прибытия чужеземцев.

Таким образом, оказывается, что к югу от Темзы и Бристоль-Эйвона и на их берегах в конце XII века стояло по меньшей мере восемьдесят девять более или менее значительных замков, очень большое количество из которых содержалось в ремонте шерифами графств и управлялось кастелянами, назначенными королем и исполнявшими свои обязанности во время увеселений. Из них по меньшей мере тридцать содержали крепости из ракушек, расположенные на окруженных рвами насыпях, и были в той или иной форме намного старше Конкисты; и около семнадцати отличались прямоугольными крепостями, из которых только две, Гилфорд и Крайстчерч, были связаны с насыпями, и из них очень немногие действительно имели чисто нормандский фундамент. Из оставшихся сорока двух сведения сомнительны, поэтому их нельзя отнести ни к одному классу, ни к другому, но большинство из них также старше Завоевания.

Переходя к средней полосе страны, простирающейся от Темзы и Эйвона до Тиса и Луны и от Германского океана до Северного, обнаруживается, что обеспечение обороны полностью соответствует тому, что имеется на Юге. В провинции Восточная Англия, в графствах Эссекс, Саффолк, Норфолк и Кембридж, главными опорными пунктами были Колчестер, Хедингем, Бангей, Фрамлингем, Касл-Акр, Касл-Райзинг, Норвич и Кембридж. Колчестер, творение Хьюберта де Рая или его сына, действующих в какой-то мере от имени короны, построен из римского или квазирумского материала на римском участке и в районе города, упомянутого в “Страшном суде” как укрепленный. Он господствовал над заливом Харвич и Блэкуотером, а в его тылу, выше по Кольну, находилась крепость Де Вере в Хедингеме, все еще очень совершенное сооружение, необычно, хотя и сильно украшенное. Эта крепость стоит на естественном холме, защищенная огромным рвом, и к ней пристроена внешняя ограда, очевидно, более древняя, чем сама крепость. В том же графстве находится Рэлей, прославленный масштабами своих земляных работ, и, вместе с Клаверингом, приписываемый Свегену или Суэнусу, шерифу Эссекса при Исповеднике и предку Генри де

Эссекса, опального знаменосца Генриха I. Однако земляные работы в обоих местах, вероятно, были построены гораздо раньше, чем каменная кладка. Здесь также есть Плесси, каменная реставрация Мандевилля, с приходской церковью внутри его ограды; Онгар, в то время замок Ричарда де Люси; и Станстед Монфише, оставшиеся земляные валы которого указывают на его местоположение. Бишопс-Стортфорд, или Вейтмор, был ранним поместьем епископа Лондонского, у которого там был замок. Все эти четыре замка с последними названиями были окружены насыпями. В Буресе также был обнесенный ровом холм высотой в восемьдесят футов, отсюда и его название Маунт-Бурес; также в Берч-Касле, близ Колчестера, и в Бенингтоне были замки. Кэньюдон был либо замком, либо очень старым укрепленным домом, построенным еще во времена Генри де Эссекса, а в Кэнфилде, названном из-за своего замка "Кэнфилд и Каструм", у де Веров была крепость, курган которой виден до сих пор.

Фрамлингем - главный замок Саффолка. Первоначально он приписывается Редвальду, королю Восточной Англии, в конце VI века. В настоящее время здесь нет крепости, но нормандские стены необычной высоты, от сорока до пятидесяти футов, и восьми футов толщиной, все еще окружают двор и защищены огромными земляными валами, глубокими, высокими и обширными. Это был главный из замков Биготов, который, как говорят, был построен Хью Биготом в 1176 году, и той же могущественной семье принадлежал Бангей, "у реки Уэйвни", с грандиозными земляными укреплениями, насыпью и остатками квадратной крепости. Уолтон, еще один замок фанатиков, был разрушен Генрихом II. Клэр, поместье, откуда графы Глостер и Хартфорд получили свое фамильное имя, сохранило свой курган с частью многоугольной крепости и надворные сооружения из земли и каменной кладки в масштабах, соизмеримых с властью их лордов. Территория частично занята железнодорожной станцией. Глаз, насыпь которого сохранилась, был замком в Судный день, резиденцией Роберта Мале, а впоследствии был подарен Генрихом II. Ранульфу, графу Честерскому. Данвич, хотя и не был обнесен стеной, был защищен глубоким ровом и высоким берегом, на котором стоял еще во времена правления Генриха III. был частокол.

Главным замком Норфолка был Норвич, место огромной силы и глубокой древности. Его прямоугольная крепость огромных размеров и более богато украшенная, чем обычно, хотя и сильно пострадала от неразумного ремонта и закрыта для антиквара из-за переоборудования под тюрьму, все еще величественно возвышается над прекрасным старым городом, который долгое время был славой и ужасом. Его глубокий единственный ров, намного более древний, чем его каменные сооружения, сейчас по большей части засыпан и застроен. Город также был обнесен мощной стеной. Хаганет, норфолкский замок, захваченный графом Лестером и его вторгшимися фламандцами, полностью разрушен. Майлхэм, от которого сохранился окруженный ровом холм, хотя и невысокий, и фрагмент квадратной крепости, был работой Алана, сына Флаальда, который защитил поместье от Завоевателя. Ему также приписывается соседний замок Бургвуд, от которого сохранились большие земляные укрепления. Орфорд, почти единственный пример нормандской многоугольной крепости, довольно совершенен. Крепость Касл Райзинг, хотя и меньше по размерам, чем Норвич, напоминает ее по типу. Это самая богато украшенная крепость в Англии, которая, хотя и находится в руинах, хорошо сохранилась и за ней ухаживают. Здесь также находится эта великая редкость - относительно совершенное и неизмененное переднее здание и вход. Эта крепость стоит на высоком берегу, за которым, с одной стороны, находится просторная надворная постройка, также сильно обнесенная насыпью. Замок Акко, наиболее известный своим нормандским монастырем, содержит также насыпь и другие земляные укрепления и часть башни-ракушки большого замка, а рядом с ними находится город Линн, когда-то сильно укрепленный, и в нем до сих пор сохранилась

старинная сторожка. В Тетфорде, окруженном двойным рвом, находится большой курган, насыпанный датчанами в 865-6 годах, чтобы контролировать тогдашний соседний город, но этот пост, столь важный до завоевания, похоже, впоследствии не был занят. Другими замками Норфолка были Бакенхэм и Тейтсхолл, дата которых сомнительна, и Марнхэм, о котором сообщалось в правление Эдуарда I.— “*Quod erectio castrī de Marnham est in præiudiciū domini Regis*”. Вирмегай, замок в Варенне, сильный на своих болотистых подступах, был, безусловно, более ранним. В Ветинге, рядом с церковью, находился замок с насыпью, на которой несколько лет назад находился фрагмент крепости. Это была резиденция Де Плез, который представлял Монт-Фитчет и наследница которого вышла замуж за предка дома Говардов. Был также замок в Кеннингдейле, недалеко от Дисса.

В Кембриджшире было всего несколько замков, болота не представляли собой ничего привлекательного для спойлера и сами по себе были надежной защитой. В Кембридже, на берегах полноводной и извилистой реки Кэм, тюрьма заняла место замка, построенного по приказу Завоевателя; но часть кургана и фрагмент его ответвлений сохранились, и их не следует путать с еще более ранней римской оградой. Считается, что в Эли на месте древнего замка епископа этого престола находился большой курган с насыпными земляными насыпями. Все следы каменной кладки исчезли, как и в Висбиче. В лагере Касл Кэмпс, резиденции саксонского Вулфвина, когда-то находился нормандский замок, работы Де Вересов. От Шевели, епископального замка, сохранился фрагмент. Беруэлл, каменная кладка которого принадлежала одному из импровизированных замков Стефана, запомнился как тот, перед которым Джеффри де Мандевиль получил смертельное ранение. Сохранился фрагмент его стены и курган. Суэйвси и Бассингборн были ранними замками.

Хартфорд, Бедфорд и Бекингем, внутренние позиции которых были недостаточны для защиты от вторжений врага из-за моря, не были лишены замков. Хартфорд, который датчане посетили в 894 году, был укреплен Эдуардом Старшим в 914 году, который построил там крепость между реками Леа, Минеран и Бин, а в следующем году вторую крепость на противоположном берегу Леа. В Хартфорде, как пишет Смит в 1588 году, есть два замка, по одному на каждом берегу Леа. Они соответствовали двум уже упомянутым берегам. На все еще существующем кургане Питер де Валуа воздвиг крепость, построенную по приказу Завоевателя. Следующими им владели Магनावиллы, и Генрих Хантингдонский называет это “*castrum non immensum sed pulcherrimum*”. Беркхэмпстед, столь же древняя и гораздо более значительная крепость, удостоенная большой чести, упоминалась как одно из северных укреплений метрополии. Его насыпь, полностью искусственная, до сих пор поддерживает фундамент нормандской крепости, а к ней пристроена большая овальная платформа, стены и входы на которую сохранились. Все это частично окружено несколькими концентрическими линиями насыпей и рвов, характер которых показывает, что они были защищены частоколами, а не стенами из каменной кладки. Здесь Черный принц провел свои последние дни, и здесь он умер.

Главный замок Бедфордшира, глава баронства Бошан, находился в Бедфорде, где Уз, которому угрожали датские галеры, был защищен в начале десятого века насыпями на каждом берегу, один из которых сейчас снесен, а другой увенчан крепостью нормандского замка. Бедфордский замок знаменит двумя памятными осадами во времена правления Стефана и Генриха III. Из его работ, некогда обширных, была удалена каменная кладка, ров также был засыпан, а насыпь несколько уменьшена в размерах. Райзингхоу, холм Гигантов, на Узе ниже Бедфорда, по-видимому, имел крепость из ракушек, а в Темпсфорде можно увидеть любопытное, но небольшое земляное сооружение, возведенное датчанами в 921 году и взятое Эдуардом Старшим в конце того же года. Было ли это местом последующего

нормандского замка, очень сомнительно. Был также замок в Оделле или Вахалле, резиденции баронов с таким именем. Точно неизвестно, когда был основан Блетсо, замок и глава баронства Бошан. Ниже Бедфорда, на реке Уз, находятся земляные валы Итон-Сокон, также замка Бошан, но демонтированного в ранний период.

Остатки замка Хантингдон, хотя и превратившиеся в насыпи, рвы и холм, тем не менее показывают, насколько просторной и прочной должна была быть эта главная резиденция обширного графства графини Джудит и ее потомков, королей Шотландии, также графов Хантингдонских. Датчане разбили здесь лагерь в 921 году, и в том же году Эдвард восстановил разрушенный бурх. Канавы питались из Уз, которые простирались перед замком в виде широкого болота, ныне превратившегося в плодородный луг. О ранней военной истории замков Коннингтон, Кимболтон и Брук сохранилось мало сведений.

Замок Гиффардов, графов Бекингемских, включал в себя один из двух бургов, которые были возведены на противоположных берегах Уза в 915 году, чтобы контролировать реку и защищать город. Замок, вероятно, был разрушен во времена правления Стефана, а дальнейший курган сровняли с землей. У Паганелей был замок в Ньюпорте; у Ханслейпов в Каслторпе; у баронов Болбек в Болбеке, ныне Булбэнкс, в Медменхеме; и, кажется, были замки в Уинслоу, Лавендоне и Уитчерче.

К западу от этого района располагались Беркшир, Оксфордшир и Глостершир. Упоминались Виндзор, Уоллингфорд и Рединг. Виндзорская крепость построена в поздненормандском стиле, и фундамент ворот относится к этой дате, как и вход в очень любопытную галерею в мелу, которая проходила изнутри помещения под зданиями и стеной и выходила задним ходом на откосом главного рва. Холм, на котором установлена круглая башня, является искусственным и был окружен насыпями и рвами, во многом повторяющими план Арундела. Рединг был древним замком, прочно укрепленным между Темзой и Кеннетом, на земляном валу, который задолго до этого оспаривался датчанами и саксами. Предполагается, что замок был снесен Генрихом III во исполнение Уоллингфордского мирного договора: от него не осталось и следа. Уоллингфорду повезло больше: его насыпь и ограда, резиденция английского вигода, занимают один угол прямоугольного земляного вала города и выходят на реку. Он был присоединен к графству Корнуолл и представлял собой место огромной силы и великолепия. До сих пор сохранилось несколько фрагментов каменной кладки и несколько следов лагеря Стивена на противоположном берегу в Кроумарше. Были также замки, хотя и небольшого значения и сомнительного возраста, в Ньюбери, Брайтуэлле, Фаррингдоне и Олдворте, причем последний был резиденцией баронов де ла Беше.

Оксфордский замок был местом великой древности и очень сильным и составлял часть оборонительных сооружений города. Курган и склеп внутри него сохранились, но крепость исчезла. Однако над берегом реки виднеется грубая квадратная башня ранней нормандской работы, ныне тюрьма. В Банбери Александр, епископ Линкольнский, построил в 1125 году замок, который принадлежал короне при Эдуарде II. В Миддлтоне был крепкий замок, принадлежавший Ричарду де Камвилю во времена правления Иоанна, и были другие, меньшие здания в Бэмптоне, Бедингтоне, Дедингтоне и Уотлингтоне, возможно, снесенные Генрихом II. Бротон, как говорят, замок лордов, находится в этом графстве. Вудсток, хотя и королевское поместье, похоже, не был укреплен. Замки в Ардли и Чиппинг-Нортоне были разрушены Стивеном. У последнего была насыпь, окруженная рвом.

В Глостершире, помимо Бристоля, который был больше связан с Сомерсетом, находится замок Беркли, упомянутый в обзоре, но в его нынешнем виде построенный для своего лорда Генрихом II. в знак признания услуг, оказанных герцогу Анжуйскому, который на удивление

мало изменился до наших дней. Глостер, королевский замок, стоял на берегу Северна под одним углом к римскому городу. У него была насыпь и ракушечная крепость, которые сейчас полностью выровнены, а само место частично застроено. Это было место сбора и отправная точка для экспедиций против Южного Уэльса, а также нередкая резиденция нормандских монархов. Судли и Уинчкомб были ранними замками; последний стоял рядом с церковью Святого Петра и был резиденцией Кенульфа, короля Мерсии. Были также замки в Дурсли и в Бримсфилде, построенные Осбертом Гиффардом. Единственным сколько-нибудь значимым замком Глостершира за пределами Северна был Сент-Бриавель, построенный Мило, графом Херефордом, вероятно, около 1130 года, на месте более ранней постройки, представленной искусственным курганом, или рядом с ним. В правление Генриха I. он находился в руках короны. Это особая глава Денского леса, начальником которого был констебль замка. Здесь проводились шахтерские суды, обычаи которых были очень своеобразными. Сент-Бриавель был связующим звеном между Глостером и теми монмутширскими замками, которые находились в руках короны. Из замков поменьше в этом районе можно упомянуть один в Эйлсморе близ Даймока, один близ Хантли и другие в Руардине и Пеньярде.

К северу от Глостершира располагались замки более чистых графств Мидленд - Вустер, Уорик, Стаффорд, Нортгемптон, Лестер, а ближе к восточному побережью - Линкольн. Замок Вустер стоял на берегу реки Северн, совсем рядом с кафедральным собором. Курган, ныне снятый, был занят кладкой Урсо д'Абито, который, однако, не всегда добивался успеха в своих конфликтах с епископом. Также на Северне были Хэнли, давно разрушенный, и Эмли, тоже резиденция Бошана. Епископальный замок Хартлбери находится дальше вглубь страны, как и Дадли, резиденция баронов Сомери, место глубокой древности и огромной природной мощи.

Уорик был одним из величайших и, безусловно, самым известным из замков Мидленда, известным не только своей ранней прочностью и более поздним великолепием, но и длинной чередой могущественных графов, кульминацией которой стал создатель королей, который владел им и носил его имя. Он был основан как бурх в начале десятого века, и цитадель, которая, как говорят, напоминала башню Клиффорда в Йорке, стояла на кургане: сейчас обе снесены. Замок, как обычно, составлял часть *окружения* города, а стена от западных ворот до замка стояла на земляном валу. Недалеко от Уорика находится Кенилворт, главная крепость мидленда, занимающая большую территорию и сильно, хотя и искусственно укрепленная. Об английском Кенелме ничего не известно, но основателем его нормандской династии был первый из дома Клинтонов, один из новых графов Генриха I. Вероятно, единственная сохранившаяся семья происходила по прямой мужской линии от строителя первоклассной нормандской крепости. Квадратная крепость и большая часть существующей стены являются оригинальными, но широкое озеро, которое так сильно укрепило ее, а теперь осушено и превращено в луг, вероятно, было более поздним дополнением, связанным с возрастом сторожки на плотине и любопытного земляного сооружения, покрывающего ее верхушку. Центральные земляные сооружения, вероятно, очень ранние. В Макстоке, также замке Клинтон, сохранились руины. От замка в Филлонгли, главной резиденции лордов Гастингсов до тех пор, пока они не женились на наследнице Кантелупа и не переехали в Абергавенни, сохранилось лишь несколько фрагментов. У Ральфа Джернона был замок в Ковентри. Замки Браунсовер, Секингтон и Фуллбрук, вероятно, были фальсифицированы и известны лишь по смутным преданиям, и сомнительно, включал ли замок Де Кастеллос бурх в замке Бромвич или находился на месте более поздней усадьбы. Бурх в Секингтоне очень совершенен. У Лаймезиса был замок в Солихалле, от которого долго сохранялся ров, как и у Коулсхиллов в том месте. У Бирмингемов был замок в одноименном поместье, недалеко от церкви; ранние замки были в Эрдингтоне, в Стадли-он-

Эрроу и в Оверсли, долгое время являвшихся резиденцией Батлеров, чьим предком был “Пинчерна” графов Лестерских. Бельдесерт, построенный Турстаном де Монфором вскоре после завоевания, получил рынок от императрицы Мод, и Дагдейл упоминает замок Симили, вероятно, резиденцию семьи с таким именем. Рэгли был более поздним замком. Ковентри был обнесен мощной стеной.

Линия Трента на его пути через Стаффордшир была хорошо укреплена. Стаффорд, иначе замок Чебси, построенный Завоевателем, вероятно, на холме, воздвигнутом Этельфледой в 913 году, был разрушен до даты Обследования и, следовательно, вероятно, не был произведением каменной кладки. Город был укреплен. Замок баронов Стаффорд находился недалеко от города, но за его пределами. Его фундаменты оригинальные. Из замков Феррерса на Чартли указывает только курган. Бодсерт и Бертон разрушены. Тамворт, их главная резиденция, как и резиденция Мармионов до них, до сих пор сохраняет свою крепость из ракушек и часть навесной стены, примечательную своей каменной кладкой в елочку. В восьмом веке это была королевская саксонская резиденция, а курган, на котором стоит крепость, был возведен в 931 году. Как и в Уэйрхеме и Уоллингфорде, он расположен недалеко от реки в одном из углов прямоугольного земляного вала, открытого с этой стороны. Татбери, также замок Феррерс, занимал естественный холм над рекой Трент, возвышающийся с одной стороны искусственным холмом, а с другой покрытый обширными земляными сооружениями раннего времени, вероятно, оригинальными. Нынешняя каменная кладка в основном является работой Джона Гонта, но прекрасная старая монастырская церковь, основанная первыми лордами, все еще стоит сразу за рвом. Считается, что у Личфилда был замок на южной окраине города. На северной оконечности находится собор, “окруженный рвом пай Личфилда”, защищенный широким и глубоким рвом, а с одной стороны - озером или бассейном. Не исключено, что эти сооружения, прямоугольные в плане, были выполнены романизированными бриттами, и что их существование стало причиной выбора этого места в качестве резиденции епископства. Епископский замок Экклсхолл недавно был отчужден. Раньше были замки в Хели, и в Олтоне, ныне в Олтон-Тауэрс, и в Стоуртоне. О замке Ньюкасл-андер-Лайн, принадлежавшем графу Честерскому для Джона, теряются все следы.

Замки Нортгемптоншира стояли в основном на берегах рек Нене и Велланд. Нортгемптон, построенный Саймоном де Сен-Лиз, несомненно, на более раннем месте, был обнесен крепкой стеной и прославленным местом, где происходили важные события в английской истории. Его замок давно превратился в несколько земляных валов и фрагментов каменной кладки, и совсем недавно они также были разрушены. От Фотерингея, очень древней крепости, места осады Генрихом III, мало что осталось от каменной кладки, хотя берег и насыпь идеальны. Он был разобран Джеймсом как место казни его матери. Замок Барнуэлл, вероятно, поздний, как и прекрасно укрепленная сторожка семьи Сапкот в Элтоне. В замке Эшби все следы замка теряются в большом старом доме, который ему наследовал. В Лилборне от замка остались только небольшая насыпь и прямоугольный земляной вал. Недалеко от Таучестера в Мур-Энде в Поттерспери и в Олдертоне были замки, вероятно, построенные и разрушенные во времена правления Стефана и Генриха II. Сам Таучестер, по-видимому, не был укреплен норманнами, равно как и любопытный город Эрлс Бартон, спорный холм для графства графини Джудит. Но из всех замков Нортгемптоншира самым интересным, как по своей истории, так и по руинам, несомненно, является Рокингем, основанный Завоевателем на старом месте, стоящий в своем старом графстве и лесу, и который всегда был заселен и о нем заботились. Недалеко от Рокингема, но в Ратленде, находится Окхэм, построенный Уолкелином де Феррарсом в 1180 году, где крепости больше нет, но оригинальный поздненормандский зал вполне совершенен и до сих пор

используется. От оборонительных сооружений этой замечательной крепости остались рвы и насыпи, а также часть навесной стены и большой земляной вал. Бельвуар, вполне заслуживающий этого названия, единственный другой замок Ратленда, был резиденцией Тодени, предков семей Д'Альбини и Рос, а также его нынешних лордов. Как и Виндзор, его круглая крепость, перестроенная почти с фундамента, венчает отдельно стоящий холм, а с его террасы открывается один из самых красивых видов в Англии.

В Лестершире Лестерский замок, резиденция могущественных и беспокойных нормандских графов, стоял и частично стоит до сих пор между Соар и Римской ратью, стены которой, как говорят, были разрушены в 1173 году. От Хинкли, резиденции Грантмейснилов и “капута” их Чести, сохранился только курган рядом с римской дорогой. Замок, вероятно, был разобран Генрихом II. Гробы, замок Феррерс, давно превратился в небольшой холм, а Маунт Соррел, некогда такой сильный, полностью разрушен. На съезде в Маунт-Сорреле во времена правления Стефана между Робертом, графом Лестером, и Ральфом, графом Честером, о котором уже упоминалось, было решено, что замок Ральфа Джернона в Раунстоне должен быть разрушен, а Уитвик укреплен, но что между Хинкли, Доннингтоном, Лестером, Бельвуаром, Окхемом и Рокингом не должно быть построено нового замка. Если что-либо будет построено таким образом, два графа согласились снести работы. Замок Сиви был ранней работой. Ранняя история замка Доннингтон, дома Зушей Эшби, малоизвестна.

Главными замками Линкольншира были Линкольн и Эксхольм. Эксхольм, построенный на болотах с таким названием, был местом огромной силы и главой баронства Моубрей, расы, всегда стоявшей на стороне беспорядка. Замок давно разрушен, а болото, которому он был обязан большей частью своей силы, осушено. Замку Линкольна повезло больше. Считалось, что холм Линкольна сохранил следы британской оккупации, а его римские постройки и английские земляные укрепления очень примечательны. Вскоре после завоевания 166 домов были разрушены, чтобы освободить место для самого замка, и еще 74 - чтобы освободить пространство вокруг него. Его огромные берега занимают угол римского вокзала и содержат части разрушенной стены и ворот, оба римские. Большой курган, больший из двух, занят оригинальной башней-ракушкой, которая, расположенная у подножия собора, возвышается высоко над городом и выходит на широкую равнину за ним. Замок Линкольн, часто посещаемый нормандскими королями, особенно знаменит великой битвой, произошедшей под его стенами в 1141 году, в ходе которой Стефан был взят в плен Робертом, графом Глостерским, и его людьми из Гламоргана.

В Эпворте был замок Моубрей, ныне разрушенный, и еще один в Кенефаре, сровненный с землей Генри, епископом Линкольнским, во времена правления Генриха II. Борн или Брун был в 870 году резиденцией саксонского тана, чей курган после завоевания был занят лордами Уэйк. Когда-то это было важное место, и сохранившиеся земляные валы показывают, что его площадь была значительной. Замок Болингброк, некогда “капут” Чести, теперь разрушен. Стэмфорд-на-Уэлланде охраняли два кургана, насыпанных в 922 году, из которых один исчез, но другой, как в Бедфорде и Бекингеме, был сохранен благодаря включению в состав нормандского замка, и его больше не видно. Слифорд, епископальный замок, изредка упоминавшийся в двенадцатом веке, ныне исчез, как и замок Хорнкасл, восстановленный Аделаис де Конди в 1151 году, но в то же время приказанный снести, и который, вероятно, стоял в стенах римского вокзала, от которого сохранились большие фрагменты. Битэм тоже исчез, взятый в осаду и сровненный с землей Генрихом III в 1218 году. Фолкингем, “Mansio capitalis” Ульфа констебля, удерживался Жильбером де Гародом и много лет спустя перешел к лордам Бомонтам. Бутби был укрепленным домом Пейнеллов или

Паганелей и относится к позднему норманнскому периоду. Замок Топклив был построен Джеффри, избранным епископом Линкольна, в 1174 году.

ГЛАВА VII.

ЗАМКИ АНГЛИИ И УЭЛЬСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII ВЕКА (продолжение).

Замки графств Ноттингем и Дерби, Йоркшира, Ланкашира и Чешира дополняют рассказ о крепостях к югу от Тиса и Луна. Ноттингем, один из замков, заказанных и, возможно, построенных Завоевателем на скале высоко над рекой Трент, содержал одну из самых величественных прямоугольных крепостей. Он был снесен в семнадцатом веке и заменен зданием примерно тех же размеров, но совсем другого характера. У подножия скалы были два кургана, насыпанных в десятом веке, чтобы перекрыть проход через Трент, но они также были убраны. Другим замком на реке Трент был замок Ньюарк, построенный Александром, епископом Линкольнским, в двенадцатом веке. Очень значительные остатки включают фасад, обращенный к реке, внушительную массу каменной кладки, эффект которой усиливается большой сторожкой на ее фланге, нормандской работой очень необычных размеров и великолепия. План этого замка почти квадратный и, возможно, представляет собой римский лагерь. В Ворксопе был замок.

Старейшим и наиболее примечательным из замков Дербишира является замок Каслтон или Певерил на Пике, с его небольшой, но прочной прямоугольной крепостью, построенной на краю обрыва, у основания которого находится знаменитая пещера, одно из чудес Пика. Болсовер, ныне почти полностью перестроенный, тоже был замком Певерил. От Шеффилда, замка Фернивалов и Талботов, расположенного на слиянии Снопа и Дона, теперь ничего не осталось. По-видимому, ранние замки или, возможно, укрепленные дома были в Кодноре, Зуш-сеате, Мельбурне и Гресли. Также Богис и Харистон были дербиширскими замками в правление Генриха II.

На обширных просторах Йоркшира было много достойного защиты, и его населяла раса людей, не лишенных возможности обеспечить ее. Курганы Йорка, оба первоклассные по объему и высоте, располагались по обоим берегам Уза, здесь глубокого и широкого ручья. Из этих курганов один стоит на пересечении Фосса с Узом, над участком болотистой местности, между ним и стеной римского Эборакума. Здесь Завоеватель построил свой первый замок, а в цитадели и на просторной территории внизу разместил Уильяма Малета, его 500 рыцарей и их последователей. Среди большей части современных работ все еще можно проследить старые стены, а на вершине кургана все еще стоит очень изящная раковина, хотя и раннеанглийского происхождения. Другой холм, Бейл-Хилл, расположенный к югу от реки и соединенный с земляными укреплениями более позднего города, также был укреплен Уильямом, но в спешке и только из дерева, которое, по-видимому, никогда не заменялось каменной кладкой. Город сильно укреплен стенами и рвом, а знаменитые ворота или решетки содержат в себе ядро нормандской каменной кладки. Следующим по значимости после Йорка является Скарборо, цитадель Уильяма ле Гро, графа Омарле, и цитадель Холдернесса. Можно сказать, что замок занимает всю вершину скалистого мыса, защищенного с трех сторон отвесным утесом, у подножия которого находится Немецкий океан, в то время как ближе к суше находится глубокая

естественная впадина. Подъезд вел по узкой дамбе, поднятой на арках, прерываемой в центре подъемным мостом и мостовой башней, прикрытой с внешней стороны мощным барбаканом и заканчивающейся под высокой прямоугольной крепостью, большая часть которой сохранилась до сих пор, и сбоку от которой находился последний вход и, вероятно, еще один подъемный мост. По словам Роберта де Брюнна,

“Неужели не было никакого закуски

Это к замку ган лигге

Но прямое дело

В конце - подъемный мост.

Скарборо - это не только крепкий замок по своей природе и искусству, но и способный вместить несколько тысяч человек, по сути, небольшую армию. К югу от Скарборо, также на побережье, но там, где естественные преимущества утеса приходилось компенсировать огромными земляными работами, находилось Скипси, удерживаемое и укрепляемое Дрого, фламандским лейтенантом Вильгельма в этой стране. Олдбро также был замком Холдернесс, построенным Одо Омарльским, от которого сохранились только курган и стена.

Между Скарборо и Йорком стоял Малтон, резиденция графа Сиварда, удерживаемая Давидом Шотландским против короля Стефана. Каменная кладка сейчас исчезла, но это место все еще отмечено римским лагерем, внутри или на краю которого стоял замок. К северу от Малтона находится Пикеринг, некогда городище английского Моркара, где на кургане сохранились остатки склада снарядов. Здесь холм занимает центральное место между двумя приходами и является общим для них. Общая ограждающая завеса достаточно совершенна, и в целом представляет собой превосходный пример того, как нормандские архитекторы справлялись с земляными работами, когда насыпь располагалась в центре ограждения, а не, как обычно, с одной его стороны. На окраине графства Пикеринг находится Хэмлейк, или Хелмсли, резиденция баронов де Рос до того, как они унаследовали Бельвуар, и где с одной стороны прямоугольного двора стоят остатки очень поздней прямоугольной крепости с двумя правильными сторожками, стенами, построенными на высоких берегах, а за ними мощные и обширные земляные и каменные укрепления. Трудно составить мнение о возрасте этих земляных сооружений. Они примыкают к небольшому римскому лагерю и, безусловно, являются более поздними. В Малгрейве и Норманби были замки; в последнем до сих пор сохранились части прямоугольной нормандской крепости. Малгрейв стоит на морском утесе. Это была резиденция саксонского Вада, а впоследствии замок Найджела Фоссарда и Моубреев. В Гиллинге некоторые ранние своды и стены переделаны в более поздний замок Фэрфаксов. Терск, Блэк-Буртон в Лонсдейле и Мальзеард, “столица” трех баронств Моубрей, - все они содержали замки, имевшие определенное значение в двенадцатом веке. В Малзеарде и Буртоне земляные работы значительны. Тадкастер, место силы как в римские, так и в датские времена, владел также нормандским замком, от которого, однако, сохранились только курганы; и еще меньше сохранилось от работы Хью Пюизе "Норталлертон", сданной Генриху II в 1174 году и приказанной быть разрушенной в 1177 году. Его земляные укрепления пересекает железная дорога. От Танфилда, замка Фитц-Хью и Мармион, до сих пор сохранились небольшие руины.

Великий замок Северного Йоркшира - Ричмонд, названный так графом Аланом, который получил в 1070 году владения английского короля Эдвина и перенес резиденцию из соседнего Гиллинга, где долгое время оставались земляные укрепления, на более прочную позицию на Болоте. Нормандский замок был построен в 1071 году: он включает в себя

большую территорию, большую часть которой защищает естественный утес. Ограждающая стена в основном оригинальная, и внутри нее находится любопытная маленькая нормандская часовня. Прямоугольная крепость расположена в самой слабой части цепи рядом с городом, а перед ней находятся остатки барбакана. Хорошо известный “Registrum Honoris de Richmond” указывает, к какой части замка причиталась замковая охрана каждого знатного арендатора, и Зал, который семья Сколланд обязана была содержать и охранять по сей день, носит их имя. Город тоже был обнесен стеной. Недалеко от Ричмонда находятся скудные и поздние остатки Рейвенсвата, замка Фиц-Хью, а ниже по течению Болота находился Бедейл, замок "Ле бо Брайана де Фиц-Алейна", ныне полностью исчезнувший, хотя на это место все еще указывают. Воинственные привычки лордов, однако, представлены любопытной опускной решеткой, закрывающей дверь колокольни в приходской церкви. Замок Миддлхэм, расположенный на краю знаменитых вересковых пустошей, был основан Риболдом, братом графа Алана и предком по женской линии великой семьи Невиллов, при котором нормандская крепость получила красивое дополнение и приобрела свою славу. Мэшем, замок Скропов, теперь превратился в руины. Дракс, похоже, принадлежал Ральфу Паганелю еще во времена правления Стефана. Считается, что Мерхолл в Уэстоне, замок баронов Ланкастеров, был разрушен королем Джоном. Килларби, Олбрук-он-Тис и Коудвелл были ранними замками, как и Армантуэйт, Боуз, Хатлси, Сигстон и Уорлтон. От Глистана сохранился спорный холм, который, как считается, был увенчан крепостной башней; и Хорнби тоже был замком Лонсдейл. Перевалы Луны, однако, были более знамениты своими оборонительными земляными сооружениями, созданными датчанами или англичанами, чем нормандскими замками.

Конингсборо, расположенный на Дону, по своему расположению, как и по своей архитектуре, является одним из самых замечательных замков Йоркшира. Его величественная цилиндрическая башня, поддерживаемая контрфорсами большой глубины и высоты, превосходит по дизайну и мастерству изготовления башню Пембрука и почти соперничает с Коуси. Он стоит на вершине крутого скалистого холма и был встроен в более раннюю нормандскую стену, которая построена на крутом краю скалы и окружает двор средней площади. На склоне сохранились остатки входа и укрепленного подхода, а у основания холма находится ров, или, скорее, овраг, а с одной стороны за ним - земляной флигель. Вероятно, холм использовался как место укрепления с очень ранних времен, но каменная кладка - дело рук графов Уорренов Суррейских и достойна их величия. Замок Кнарсборо на Нидде, который посетил Генрих II в 1181 году, занимает вершину скалистого мыса. Здешняя крепость, хотя и имеет нормандскую форму и размеры, украшена современно и примечательна совершенством своих деталей. Соседний город также был укреплен, хотя, по-видимому, только рвом и насыпью. Понтефракт, еще один знаменитый йоркширский замок, также своеобразен. Здесь замок окружает большую и возвышенную скальную платформу, обнесенную со всех сторон уступами и облицовкой, на одном конце которой, окруженном земляным холмом, находится круглая крепость. Большая часть его каменной кладки относится к одиннадцатому или началу двенадцатого века. Любопытны его подземные переходы и помещения нормандского времени. Помимо них, в Йоркшире есть много других замков, связанных по большей части с великими баронскими семьями, которые сыграли свою роль в защите страны от шотландцев. Хэрвуд, считающийся резиденцией Дании, был замком Роберта де Ромели; Скиптон, также построенный этой семьей, содержит несколько ранних частей и всегда был заселен. Килтон был замком Кливленда, как и Каслтон, где Брюсы укрепили окруженный рвом холм. Бертон был пожалован Завоевателем той же семье, поскольку являлся резиденцией графа Моркара; Денби также был замком Брюсов, а замок Скелтон, построенный в 1140 году, был главой их баронства. Там также находился замок архиепископа Кавуда и Крейк, замок епископов Дарема, который, как

говорят, упоминается в седьмом веке. Байнард был замком лордов Уэйк из Коттингема; замок Лидс был осажден Стефаном в 1139 году; Уилтон был ранним замком Балмеров; Гисборо был основан в 1120 году; Замок Санда, под стенами которого произошла битва при Уэйкфилде, был поздним замком Уоррен, но насыпь и земляные укрепления большие и старые. В Йоркшире также было значительное количество укрепленных домов, некоторые из которых носили названия замков, хотя неизвестно, имели ли они раннюю дату; такими были Райтер и Слингсби. Говорят, что когда-то был замок в Упсале и еще один в Хилдерскульфе, на территории Касл-Говарда. Врессилл и Шериф Хаттон в их нынешнем виде возникли очень поздно, но последний имеет раннюю историю, а рядом с приходской церковью находятся несколько замечательных земляных валов, которые, как считается, отмечают место постройки раннего замка.

Йоркшир богат земляными сооружениями, особенно окруженными рвами насыпями. Многие из них уже упоминались как включенные в состав более поздних замков; есть и другие, по крайней мере, такого же возраста и прочности, которые, похоже, никогда не были связаны с каменной кладкой: таковы Мексбро, Каслтон, Уэйкфилд, Левингтон на Левене и другие на Луне. Известно, что некоторые из них были резиденциями английских графов и танов, а после Завоевания вышли из употребления и пришли в упадок, хотя в тот период они, вероятно, были внушительными.

Ланкашир в эпоху строительства замков не был признан графством, но был разделен между частью, которая тогда входила в состав Йоркшира, и участком между реками Мерси и Рибл. Этот последний образовал великое баронство Роджера Пуату, младшего сына графа Роджера Шрусбери. Его замок Пенвердант или Пенвортам назван в “Страшном суде”, а его колоссальный холм до сих пор называется Замковой горой, но “капитулом” баронства был замок Клитеро, небольшая, но прочная квадратная крепость которого стоит на острие крутого скального выступа и, должно быть, была почти неприступна для штурма. После падения графа Роджера Клитеро перешел к Лейси. Великий Ланкаширский замок находится в Ланкастере, удачно расположенный высоко над широкой водой Луны, на территории римского каструма, откуда он и получил свое название. Здесь, как и в Карлайле, железная дорога проложена таким образом, чтобы показать замок с большой выгодой. Замок приписывают Роджеру Пуату, но нормандская крепость, грандиозное сооружение высотой девяносто футов, появилась несколько позже, как и эдвардианские ворота, также превосходный образец военной архитектуры. К сожалению, поскольку это тюрьма, она закрыта для посетителей-антикваров. Говорят, что в Ливерпуле был замок, построенный тем же Роджером в 1076 году. Мерхалл и Киркби - ланкаширские замки, приписываемые Гилберту Фиц-Рейнфриду. По-видимому, во времена Лиланда был замок в Манчестере, на Ирвелле, сразу за пределами старого города, и еще один в Гринхалге, и еще один недалеко от Рочдейла, вероятно, в Каслтоне, где находилась резиденция английского лорда. В Халтоне также есть высокий холм, как обычно, рядом с церковью, указывающий на место расположения “аулы” английского лорда и крепости его нормандского преемника. Каслхед в Аттерполе, недалеко от Картмела, также считается старинным замком. Замки Холланд, Хорнби, Пил, Турланд, Улверстон и Глейстон, вероятно, относятся к более позднему времени.

Чешир, палатинское графство Хью, названное, вероятно, его потомками “Волчьим”, стоявшее на границе с Уэльсом, нуждалось во многих укрепленных пунктах и получало их снабжение. Честер, резиденция графства, представляет римскую Деву, *Castra Legionum*; а нормандский замок с небольшой старинной прямоугольной крепостью, занимающей один угол территории, стоит на берегу реки Ди. Недалеко от Честера в Вирралле находился Шотвик, от которого сохранились земляные укрепления, а выше по реке Ди находился Холт.

Бистон - почти единственная примечательная крепость в графстве. Он стоит на платформе неприступной скалы. Каменная кладка, вероятно, поздняя, но глубокий колодец может быть частью нормандского замка. У всех пятнадцати баронов пфальца, феодалов графа Хью, были замки, но они, представляя собой частные поместья, в основном продолжали заселяться и превратились в укрепленные дома. Места и более или менее сохранившиеся руины можно увидеть в Халтоне и Киндертоне, замках Уильяма Фиц-Хью и Венейблса; Шипбрук у Вернонов; Нантвич у Пирса Мальбанке; Малпас у Роберта Фиц-Хью; и Данхэм у Амо де Масси. Были также замки в Фродшеме, Олдкасле, Аттерсфорде, Пулфорде, Додлстоне, Шокличе, Нантвиче, Стокпорте, Бертоне, УллерВуд, Ранкорне, Уэст-Дерби, Нортвике, Касл-Кобе и, вероятно, некоторых других. Большое количество этих мест отмечено насыпями со рвами, и, кроме того, в округе есть много подобных насыпей, к которым, по-видимому, не добавлялась каменная кладка.

Таким образом, к концу правления Генриха II центральные районы Англии располагались между Темзой и Тисом, Бристоль-Эйвоном и Луном. по крайней мере, 214 замков, из которых около 17 имели прямоугольную форму, и 44 крепости в виде ракушек. Что касается остальных 153, ничего точно неизвестно, или установлено, что они не принадлежали ни к одному из великих типов. Вероятно, по меньшей мере 180 из этих замков стояли на старых английских стоянках, и очень немногие действительно, можно с уверенностью сказать, стояли на совершенно новых фундаментах.

Остаются в силе замки северных графств Уэстморленд и Камберленд, Дарем и Нортумберленд, на протяжении веков подвергавшиеся вторжениям из-за Твида и соответственно укрепленные. На этом участке находилось по меньшей мере четыре замка первого класса — Дарем, Бамбург, Норхэм и укрепленный город и замок Бервик; и второго класса - Броу, Эпплби и Броэм, Кокермут, Карлайл, Прудхо и Ньюкасл, Форд и Алнвик, а также Уоркуорт. Кроме них были и другие, некоторые, возможно, временами почти равные им по значимости, но продолжающиеся вторжения шотландцев были фатальны для английских крепостей, как и вторжения англичан для шотландцев, и поэтому многие по обе стороны границы снова и снова сжигались и срывались с землей, пока их либо не отстроили заново, либо представляли собой лишь ободранные башни и кастеллеты, которые снова были разрушены, так что от очень многих замков сохранились только названия.

Озерный край Уэстморленд был богат и не привлекал грабителей; но на его краю, на извилистом Имонте, находится замок Броэм с чисто нормандской крепостью, свидетельствующий о могуществе баронов Випонтов, его первых лордов. Он стоит на краю хорошо сохранившегося римского лагеря, как и Броу, другой нормандский замок, также с прямоугольной крепостной башней. Похожая крепость в Эпплби все еще заселена. Замок Кендал, вероятно, является древней крепостью, хотя от него не осталось ничего, кроме окружающей и не очень ранней стены. Уэстморленд особенно богат укрепленными усадьбами, некоторые из которых могут находиться на старых местах, хотя большее количество, как замок Пенрит, относятся к более позднему периоду. В Бьюли, Хартли, Хаугилле и Пендрагоне продавали кожуру или кастеллеты.

Карлайл - цитадель Камберленда, и на протяжении веков он был самой важной крепостью на Севере, играя значительную роль во всех шотландских войнах. Название говорит о том, что он британского происхождения, а его расположение привело к его принятию римлянами; и, действительно, говорят, что ров на южной из двух больших линий обороны, возведенных этим народом, отделяет замок от города. Камберленд несет на себе множество следов датских вторжений, и во время одного из них в девятом веке Карлайл был опустошен и так оставался до тех пор, пока в 1093 году Уильям Руфус не основал замок и не присоединил

город к своему королевству. Его преемник превратил город в епископальный и достроил то, что было необходимо в замке. Несмотря на то, что крепость была залатана и заброшена, основные черты замка и окружающих его стен по большей части остаются оригинальными. Замок Роуз, епископальная резиденция, расположенная выше по реке, находится на старом месте и частично устарела. Кокермут, замок Уильяма де Мешина и лордов Люси, сохранился, а рядом с ним, по направлению к Сент-Бис, находится фрагмент Эгремонта, также построенный Де Мешинами. В Скейлби, на самой открытой границе, находится замок Де Тиллиоль, хотя и не одиннадцатого века, но он совершенен; чего нельзя сказать о Бьюкасле, построенном лордами де Во. Наворт, все еще населенный, был унаследован Говардами от Дэйкров, которые также, вероятно, дали название Дэйкру, скорее крепкому дому, чем замку. Помимо них, есть или были укрепленные места в Сент-Эндрюсе, Аскертоне, Бленкрейке, Сент-Бизе, Касл-Корроке, Корби, Кэннонби, Долби, Дилстоне, Даун-Холле, Данваллогте, Драудайксе, Грейстоке, Хортоне, Харингтоне, Хэй-Касле, Хетоне, Хайгейте, Ироне, Сент-Джонсе, Физерстоуне, Кирк-Освальде, Кайло-тауэре, Лидделл-Стронг, Линстоке, Лортоне, Милломе, Усби, Роуклиффе, Шенке, Трирмейн и Вулсти. Многие из них разбросаны по наиболее открытым частям графства; другие находятся за римской стеной.

Замок Дарем, взятый отдельно, соперничает по положению и величию с Бамбургом, но, взятый в сочетании с кафедральным собором и прилегающими зданиями,

“Наполовину церковь Божья, наполовину крепость”гейнст Шотландец”,

этой группе нет равных. Главной особенностью замка является круглая крепость, перестроенная, вероятно, старейшим и наиболее полным сооружением такого типа в Британии. Нижний приход также просторен и включает в себя множество зданий, некоторые из которых построены в раннем нормандском стиле. Замок расположен у подножия скалистого полуострова, окруженного складкой Тисовых гор, и стоит между городом и величественным старым святилищем и местом последнего упокоения святого Катберта. Более старые части, вероятно, были построены во времена правления Завоевателя, около 1088 года, когда Вильгельм, изгнав Карильефа, стал временным правителем престола; другие источники приписывают эту работу епископу Комину в 1072 году. Двумя главными замками епископства являются Раби и замок Барнард, поскольку Норхэм фактически находится в Нортумберленде. Раби, знаменитая резиденция Невиллов, нормандского происхождения, как и замок Барнард, хотя его прекрасная круглая башня появилась позже. В плане этот замок очень напоминает Ладлоу, которому не уступает по своему положению. Он назван в честь Барнарда де Балиоля. Бранспет, также замок Невиллов, - благородное сооружение, но более позднее, чем Раби. В Боузе есть поздненормандская крепость. Помимо них можно упомянуть Ламли, Стейндроп, Стритлэм, Уиттон, Стоктон и Бишоп Окленд. В местных расправах также встречаются названия замка Эвенвуд близ Окленда, Хилтона, Холи-Айленда и, более известного по его более поздним владельцам, Рейвенсворта. Епископство было хорошо укреплено, к тому же его пересекали глубокие ущелья реки Тис, а границей служил Тайн.

“Прежде всего”, — цитата взята из трудов автора, который, как никто другой из современников, накладывает свой отпечаток на то, что он пишет, — “среди памятников Нортумберленда, в более узком смысле графства за Тайном, вызывают интерес замки; замки всех размеров и форм, от Бамбурга, где замок занимает всю территорию королевского города, до самой маленькой башни пеле, где самый ничтожный сквайр или священник искал приюта для себя на верхней ступени, а для своих коров - на нижней”. ниже. Ибо пеле-тауэры Пограничных земель, как и бесконечные маленькие квадратные башни Ирландии, по сути, являются замками. Они демонстрируют тип нормандской крепости, сохранявшийся в

небольших масштабах до очень позднего времени. Возможно, многие из замков-прелюбодеев, которые возникали во все времена анархии и разрушались при каждом восстановлении порядка, многие из тысячи ста с лишним замков, разбросанных по стране во времена анархии Стефана, возможно, не имели гораздо больших притязаний. Во всяком случае, от огромной башни Ньюкасла, — не будь мы в Нортумберленде, мы говорили бы о гораздо большей башне Колчестера, — до самой маленькой пеле-башни, которая сохранилась как небольшая часть современного дома, идея, которая пронизывает все, абсолютно одинакова. Таким образом, замки и башни, большие и малые, являются наиболее заметной достопримечательностью графства. Они отличают его от тех графств, где замки любого типа редки; а использование типа больших крепостей в очень небольших масштабах отличает его от других земель замков. В Уэльсе нормандская крепость не является обычным явлением; замки, по большей части, построены позже и более сложны в плане; а маленькую квадратную частную башню, отличительную черту Севера, там почти не встретишь. Нортумберленду есть что показать путешественнику во многих отношениях, начиная с римской стены и далее, но особенно характерной чертой является то, что это страна замков”.

Говорят, что в Нортумберленде было шестьдесят замков, но сюда, должно быть, входило множество укрепленных домов и замков частной знати. Олнвик, более известный как резиденция графов Нортумберлендских, чем по его строителю и первым лордам, является прекрасным примером баронского замка. Цитадель, или центральная палата, включает в себя открытый двор, в который ведут нормандские ворота, инкрустированные Украшенной сторожкой, и вокруг которого, вместе с занавесом, располагались холл, кухня, часовня и жилище лорда. Большая часть двора была перестроена, но старые линии и большая часть старого фундамента сохранились, и эффект, вероятно, мало чем отличается от первоначального нормандского двора. Концентрические укрепления, стены, башни и барбакан старые, хотя и не оригинальные. Замок стоит между городом и рекой Алне, за которой находится парк. Строителем, по-видимому, был Юстас де Вески в поздний нормандский период, до 1157 года. В трех милях к северу находится башня Хайфарленд. Уоркворт, построенный одним из членов семьи Фиц-Ричард во времена правления Генриха II, сильно пострадал от Вильгельма Льва, который осадил его в 1176 году, но до сих пор сохранились большие остатки оригинальной работы. Тайнмут, островная крепость, по-видимому, была резиденцией графа Уолтхофа; долгое время спустя это был замок Перси. Прюдо, замок Умфравиллей, построенный в середине одиннадцатого века, имеет небольшую нормандскую крепость и большую часть оригинальной навесной стены. Пристройки включают барбакан и любопытную часовню над воротами. Первоначальный замок безуспешно атаковал Вильгельм Шотландский в 1174 году. Замок Ньюкасл, расположенный высоко на берегу Тайна и входящий в городские стены, был построен Робертом Кертозом в 1080 году и является прекрасным примером прямоугольной нормандской крепости с любопытным молельней в передней части здания и большим количеством настенных переходов и комнат, так что во многих отношениях он выглядит на полвека позже своей зарегистрированной даты. Он также хорошо сохранился, за исключением некоторых необдуманных изменений, внесенных много лет назад, и доступен каждому посетителю, поскольку находится в руках местного общества антикваров и под надежной и умелой защитой историка Римской стены.

Бамбург, вероятно, самая старая и во всех отношениях самая благородная и историческая из крепостей Нортумбрии. Он был основан несущей пламя Идой в шестом веке, когда был обнесен живой изгородью, а затем стеной, но большая часть его окружения уже была укреплена естественным утесом огромной высоты. Замок занимает всю эту возвышенную

платформу из базальта, одна сторона которой выходит на морской пляж. Стена построена по краю пропасти, и над всем этим возвышается великолепная квадратная нормандская крепость довольно поздней постройки, несколько измененная внутри и все еще заселенная, но сохранившая большую часть своих первоначальных черт и в целом представляющая собой очень величественный вид. Бамбург, как и Олнвик, попал под власть волшебной палочки, и любое упоминание об этом было бы неполным, если бы не следующий отрывок, взятый из Saturday Review: "В Бамбурге, прежде всего, мы чувствуем себя паломниками, пришедшими служить в одной из великих колыбелей нашей национальной жизни. Это единственное место в северной Англии, вокруг которого собирается тот же интерес, что и к местам высадки Хенгеста, Эллы и Сердика в южных землях. Это относится к Углу Наклона так же, как эти пятна относятся к джуту и саксу. Истоки английских королевств менее богаты романтическими и личными преданиями, чем у их соседей - ютов и саксов. Если мы не примем на веру историю об Окте и Эбуссе, у нас нет никаких сведений о действительных лидерах первых тевтонских поселений в английской части Британии. Самые ранние королевства, по-видимому, были основаны не пришельцами из-за моря, а образовались в результате слияния более мелких независимых поселений. И все же вокруг Бамбурга и его основательницы Иды сосредоточена вся история Нортумбрии. Хотя его крепость построена более чем на пятьсот лет позже времен Иды, — хотя лишь кое-где мы видим фрагменты каменной кладки, которые, как мы даже предполагаем, могут быть старше крепости, — это все же вполне допустимая цифра, когда поэт северной Британии говорит о Бамбурге как о 'крепости короля Иды'. Основатель королевства Нортумбрия, первый, кто носил королевское имя в Бамбурге, воин, о котором трепещущий британец говорил как о "несущем пламя", предстает, в единственном небольшом достоверном упоминании о нем, не как о лидере новой колонии из старой Англии, а скорее как о человеке, который объединил ряд разрозненных независимых поселений в нацию и королевство. Хронист сообщает о нем, что в 547 году "он отправился в королевство"; но ничего не говорится о его приходе, подобно Хенгесту или Сердику, из-за моря. И все остальные аккаунты придерживаются того же мнения. Генрих Хантингдонский, хотя у него нет ни истории, которую можно было бы рассказать, ни баллады для перевода, несомненно, следовал какой-то старой традиции, когда описывал, как английские вожди после серии побед над валлийцами объединились, чтобы поставить над ними короля. И все сходятся во мнении, что Бамбург, названный, как гласила история, "Королевой Беббе", является особым произведением Иды. Каким бы ни было происхождение этого названия, оно наводит на мысль о родственном названии восточно-франкского Бабенберга, которое сократилось до Бамберга в результате того же процесса, который превратил Беббанбурх в Бамбург. И все же Бамбург был крепостью по своей природе, еще до того, как Ида огородила его сначала живой изгородью, а затем стеной. Здесь мы видим последовательность ранних стадий фортификации, сначала частокол, а затем земляной вал, *валлум*, а не мурусримского оборонительного искусства. Но будь то изгородь или стена, на месте Бамбурга уже был замок, еще до того, как его обнесли простейшими формами искусства. Эта масса изолированных базальтовых скал, хмуро нависающая над морем с одной стороны и над сушей - с другой, действительно была местом, выделенным природой для господства. Здесь жили сменявшие друг друга бернские короли, олдермены и графы; здесь они находили убежище, как в неприступном убежище от набегов шотландцев и датчан. Здесь старший Уолтеоф в ужасе заперся, в то время как его доблестный сын Утред послал войска вперед и спас новообразованную церковь и город Дарем от захватчиков. Здесь граф Госпатрик держал свою штаб-квартиру, в то время как он и Малькольм Шотландский по очереди разоряли земли друг друга. В прежние времена изгнанный король Нортумбрии, бежавший от своего народа в поисках убежища у пиктов, некоторое время защищался в Бамбурге и дал возможность нортумберлендскому хронисту

дать нам самое раннее представление об этом месте. Баэда, не упоминая названия, говорил о Бамбурге как о королевском городе, и в "нортумбрийском хронисте" Бамбург фигурирует не только как крепость, но и как город. Он говорит о 'Bebba civitas' как о "Urbs munitissima non admodum magna". Он занимал площадь не более двух или трех полей; и все же это был город, хотя к городу вели высокие ступени и с единственным входом, выдолбленным в скале. Его самую высокую точку венчала пока еще не нормандская крепость, а церковь, которая, согласно стандартам восьмого века, была хорошей. В этой церкви хранился драгоценный сундук, в котором хранилась еще более ценная реликвия - чудотворная правая рука короля-мученика Освальда. Мы также читаем, что город, примостившийся на океанской скале, был, однако, в отличие от внутреннего холма старшего Солсбери, хорошо обеспечен водой, прозрачной для глаз и приятной на вкус. Таким образом, мы видим, каким на самом деле был королевский город Бернийского королевства. Он просто включал в себя нынешнюю схему замка. Нынешняя деревня с ее величественной церковью, даже по своему происхождению, относится к более позднему времени. Но к тому времени, когда мы доходим до события в истории Бамбурга, о котором рассказывается нам в самых поразительных подробностях, крепость уже возникла; английский город превратился в нормандский замок. Во времена Руфуса, когда свирепый Роберт Моубрейский во второй раз поднял восстание, крепость Бамбург, надежно укрепленную на скале и охраняемую окружающими волнами и болотами, считалось, что даже Красному Королю не под силу покорить силой оружия. Строительство другой крепости, чтобы держать его под контролем, ἐπιτείχισμός, как называли бы ее греки, носившей насмешливое название *Мальвуазен*, было всем, что можно было сделать, пока мятежный граф удерживался за неприступными стенами. Только когда он рискнул выйти за эти стены, когда его привели к ним в качестве пленника, с выжженными глазами, если его доблестная жена откажется сдаться, Бамбург перешел в королевские руки".

В Митфорде находится очень своеобразная нормандская крепость, которой до сих пор владеют потомки ее первых лордов. Ботал, замок Огл, может и старый, но его нынешние остатки вряд ли таковы, и это также относится к Морпету, замку Де Моле.

От замка Бервик остались незначительные руины, на которые посягает железнодорожная станция, но в соседнем городе есть берег, ров и пара невысоких башен или бастионов, свидетельствующих о его древних оборонительных сооружениях, а внутри них находится цитадель эпохи Вобана. Выше и на противоположном, или английском, берегу Твида находится величественный епископальный замок Норхэм, находящийся под особой опекой епископов Дарема. Его прямоугольная крепость необычных размеров, хотя и полностью нормандская, относится к двум периодам. Части окружающей его стены также являются оригинальными, как и сторожка у ворот, а вокруг нее - различные земляные укрепления, остатки, по-видимому, некоторых осад, которым она подверглась, а за ними - границы большого римского лагеря.

Норхэм, приписанный епископу Фламбарду в 1121 году, был передан Генриху II епископом Пюизе в 1174 году и передан Уильяму де Невиллю в 1177 году. Под стенами и в прилегающей приходской церкви Эдуард развлекался и высказывал претензии на шотландский престол. Среди наиболее значительных замков Нортумбрии были Форд, Чиллингем, Уорк и замок Умфравилл в Харботтле. Следует также упомянуть, что они встречаются в "пограничной истории", Эйдоне, Бавингтоне, Белси, Беллистере, Бертли, Бленкинсопе, Байуэлл-тауэр, Берраден-тауэр, Кэфитоне, Карлингтоне, Чипчейзе, Корнхилле, Кокл-Парк-тауэр, Коупленде, Дейле, Даддон-тауэр, Эдлингеме, Эррингтоне, Элсдоне, Этале, Эскотте, Фарне, Фенвик-тауэр, Хортоне, Хоутоне, Хитоне, Херсте, Хеммелле, Кайло, Лэнгли, Литтлхарле и Лилберне. тауэрс, Лемингтон, Ньютон-тауэр, Огл, Понтленд, Саймонсберн, Спילוу, Суинборн,

Шортфлатт-тауэр, Таро, Тайнмут, Терлуолл, Уоллингтон, Уиддрингтон, Уиттон, Уильсмотвик и еще несколько пилингов, замков и ранних рвов, показывающих, где раньше стояли крепкие дома. Факт заключался в том, что на протяжении многих веков ни один владелец земли вблизи шотландской границы не мог жить без какой-либо защиты, и тщательное обследование, хотя и могло не обнаружить следов чего-то из вышеперечисленного, вероятно, установило бы следы многих еще не зарегистрированных.

Таким образом, оказывается, что в четырех северных графствах насчитывается по меньшей мере 103 крепости, из которых десять могут похвастаться прямоугольными нормандскими замками и одна или, возможно, две - ракушечными, в то время как о девяноста одной известно мало.

ГЛАВА VIII.

ЗАМКИ АНГЛИИ И УЭЛЬСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДВЕНАДЦАТОГО ВЕКА (*завершено*).

Осталось перечислить замки к западу от Северна и Ди вплоть до дамбы Оффа. К этому участку следует добавить, с одной стороны, половину Шропшира, находившуюся на английской стороне Северна; с другой стороны, одну или две долины, подобные долинам верхнего Северна и Уая, проникающие в сердце Уэльса; а к северу и югу - прибрежную полосу, доходящую в одном случае до Конви, а в другом - до Пембрука и включающую Аберистуит. Из этих пограничных земель, разделенных между северной, средней и западной границами, первая была передана Завоевателем Хью, графу Честерскому; вторая - Роджеру, графу Шрусбери, Арунделу и Монгомери; а напротив последней, большая часть которой была еще непокорена, был поставлен Уильям Фитцосберн, граф Херефорд. На севере и средней Границе противостоящие части Уэльса были гористыми и сильными, чрезвычайно опасными для вторжения и не представлявшими особой ценности для завоевателя; но на юге страна была гораздо более открытой и плодородной, гораздо менее опасной для захватчика и гораздо более привлекательной для алчности поселенцев. Общая политика заключалась в том, чтобы проникать в страну через открытые долины и морское побережье и в определенных местах часто возводить замки, достаточно прочные, чтобы противостоять внезапному нападению, а иногда и достаточно вместительные, чтобы содержать людей и припасы, достаточные для усиления войск в полевых условиях или для приема и сплочения их в случае поражения.

Тремя главными крепостями, которые, будучи расположены на английской территории, с военной точки зрения служили базой для операций в Уэльсе, были Честер на реке Ди, Шрусбери на реке Северн и Глостер в устье той же реки, причем последняя была при мерсийских королях местом огромной силы и важности. Честер и Глостер были римлянами, Шрусбери - британцами по происхождению. Перед Честером и за устьем реки Ди находились замки Хаварден, Эуло, Халкин, Флинт, Дисерт, Раддлан и Дигануи, простиравшиеся на морском побережье или на небольшом расстоянии от него вплоть до реки Конви. Более глубоко вглубь страны и к югу от них находятся Кэргврле, Молд, Рутин, Денби и Базингверк, последний почти у дамбы Уоттса. Упоминается замок Хоуп, но, вероятно, это то же самое, что Кэргврл и Овертон, которые, хотя и находятся на чеширской стороне Ди, принадлежали принцам Поуиса. Кажется, он был основан Уильямом Певерелом

и защищался им от Стефана в 1138 году. Большинство этих замков представляют собой простые руины; от других сохранившихся зданий остались пристройки эпохи короля Эдуарда. Хаварден, однако, имеет относительно идеальную круглую крепость с небольшой фреской-ораторией и чрезвычайно сложным, но более поздним устройством для защиты подхода.

Значительно южнее этих замков, где река Ди перестала быть водоразделом Англии и Уэльса, находится горный замок Динас Бран, древнее и прочное место, неизвестно, кто его построил, но долгое время им владели валлийские принцы. Опять же, к югу, на реке Джейриог, и в нескольких ярдах к востоку от дамбы Оффы, находится замок Чирк, обитаемый и сильно измененный, но построенный совсем недавно.

Западная часть Шропшира и прилегающая часть Монтгомери образовывали почти всю Среднюю Марку. Граф Роджер, его настоятель при Завоевателе с полномочиями, которые Вильгельм делегировал только в силу абсолютной необходимости и на возобновление которых его преемникам потребовались столетия, был единственным нормандским лордом, давшим название графству на завоеванной земле. Под его командованием и его лейтенантами, Роджером Корбетом и Роджером Мортимером, в Походе участвовало несколько рыцарей и мелких баронов, все из которых строили замки и таким образом защищали общую территорию, одновременно защищая свои собственные поместья. Задача строительства, вероятно, была не такой уж обременительной, как может показаться на первый взгляд. Шропшир и Херефордшир, и особенно их наиболее открытые части, уже были густо усеяны укреплениями, построенными на свой манер мерсийскими захватчиками и поселенцами, и очевидно, что новые лорды пользовались ими до тех пор, пока не смогли внести в них дополнения каменной кладкой.

От замка Шрусбери, цитадели Миддл-Марч и "капута" графства графа Роджера, сохранилось достаточно, чтобы показать, что, несмотря на небольшую площадь, это было место чрезмерной силы. Курган, на котором граф воздвиг свою крепость в 1080 году, все еще возвышается на большую высоту прямо над рекой, и от работ по освобождению места, для которых был снесен 51 английский город, до сих пор сохранились части стены, сторожка и фундамент более позднего здания. In the Hundred roll, in the reign of Edward I., occurs the following very curious entry:—"Quod unus magnus turris ligneus qui edificatur in castro Salop corruit in terram tempore domini Uriani de St. Petro tum vicecomitis et meremium ejusdem turris tempore suo et temporibus aliorum vicecomitum preterea existencium ita consummatur et destruitur quod nichil de illo remansit in magnum dampnum domini Regis et deteracionem ejusdem castri." Была ли это деревянная крепость на кургане? Также упоминается "Кводдамский барбикан", и нам говорят, что "грязная пылинка" составила 60 марок, ущерб, который присяжные не относят полностью к мельнице аббата, поскольку тридцатью годами ранее была повреждена пылинка замка. Вряд ли это может означать ров, для обозначения которого используется слово "ямка". Очевидно, это курган. Замок составлял часть городской стены и занимал угол ее площади. И замок, и город были включены в пределы глубокого и широкого Северна и действительно часто нуждались в его защите.

Впереди Шрусбери, вдоль наиболее открытой границы графства, а иногда и немного за его пределами, располагались семнадцать замков, все прочные и раннего основания, хотя и не все одинаковой важности. Из них к югу главными были Клеобери, Ладлоу, Ричардс-Касл, Вигмор, Найтон и Наклас, или Хейхоуп, некоторые внутри, а другие немного за пределами дамбы. К западу находились Клан, Бишоп-Касл, Монтгомери, Кауз, Эббербери и Нокин, а к северу - Освестри, Уиттингтон, Элсмир и Уитчерч.

Из этих замков Ладлоу по значимости уступал Шрусбери, был полностью равен ему по силе и намного превосходил его по размерам и архитектурному оформлению. Это действительно был великолепный нормандский замок, созданный Роджером де Лейси во времена правления Руфа, а до этого Стефану помешали и он едва не попал в плен в 1139 году. Прямоугольная крепость, некоторые башни с фресками и большая часть нижней части внутренней стены являются оригинальными. Любопытная круглая часовня, хотя и нормандская, построена гораздо позже, а великолепный холл, кухня и жилые помещения - еще позже. Замок построен на восточном берегу реки Луг, которая здесь стекает в глубокое скалистое ущелье; город также был обнесен крепкой стеной. Клеобери, расположенный к востоку от Ладлоу, приписывается Роджеру де Мортимеру в 1074 году, скорее всего, является работой более позднего лорда в правление Стефана. Он был взят Генрихом II в 1155 году. Вигмор, о котором кастелри упоминается в "Страшном суде", главная резиденция великой пограничной семьи Мортимеров, на самом деле находится в Херефордшире, но относится к шропширским крепостям. Он занимает скалистую гряду, защищенную естественным оврагом и крутыми склонами. Сохранился небольшой холм, на котором стояла крепость, а под ним нормандская башня и более или менее древняя каменная кладка. Внешние укрепления, похоже, были прочными. Замок Ричарда, Оретон из "Страшного суда", основанный Ричардом Фиц Скробом во времена правления Исповедника, хотя и также в Херефорде, расположен между Вигмором и Ладлоу и был тесно связан со Шропширом. Он сохранил свой древний курган рядом с церковью и часть своей крепости-ракушечника, и до сих пор защищен очень мощным рвом. Однако здесь нет каменной кладки эпохи Исповедника, и маловероятно, что крепость была построена до правления Стефана, если так рано. Вигмор и замок Ричарда были передовыми постами Ладлоу. Клеобери Мортимер был задержан Ральфом Мортимером во время Опроса и, вероятно, перешел к нему после конфискации имущества графа Роджера де Бритолио. Найтон и Наклас находятся на правом берегу Темы, недалеко от границы с Шропширом. Их открытое положение делало их очень важными постами. В 1180 году Рандульф Пухер, шериф Херефордшира, оплатил расходы на работы в замках Найтон и Камерино, а чуть позже, работая на строительстве пограничного замка, он был убит валлийцами. От Найтона сохранился только курган. Каменная кладка, которую сейчас убрали, приписывается одному из лордов Ключа. От замка Наклас или Кноклас почти ничего не осталось. Вероятно, он был построен Роджером Мортимером вскоре после Завоевания, поскольку его насыпь, известная как Замковая гора, конечно, старше. Замок Клан находится в трех милях от дамбы, но окружающая местность очень пересеченная и чрезвычайно благоприятна для действий недисциплинированных войск, таких как валлийцы. Клун находился во владении графа Роже Пико де Сэя и впоследствии стал замком Алана, сына Флаальда, и колыбелью дома Стюартов. Там сохранились грубая, но величественная квадратная крепость, насыпь, мощные ограничивающие земляные валы, а за церковью - передовой берег и ров внушительных размеров. Очевидно, что те, кто прокладывал эти земляные укрепления, были хорошо осведомлены об опасности положения. Замок Бишоп, или Лидбери, находится далеко от границы. Он был резиденцией епископов Херефорда с 1085 по 1154 год и был взят штурмом в 1235 году. Овладев этим замком, епископы стали лордами-маршалами. Монтгомери был центром и одним из самых незащищенных замков пограничья. Он занимал вершину крутой скалы и был почти неприступен. Однако он был взят, разрушен и заново отстроен по меньшей мере дважды, так что мало что из его каменной кладки, если вообще что-либо сохранилось, относится ко временам графа Роджера. Он стоит прямо на дамбе.

К северу от Монтгомери, защищенный хорошо известной Длинной горой, находится замок Кауз, или Алретон, древнейшая резиденция Корбетов, назвавших его по Плати-де-Ко, откуда они родом. Он был построен ближе к концу правления Завоевателя и примечателен своей

массивной крепостью и вместительным колодцем, а также редким примером замены местного названия нормандским. К северу от Cause находится Аббербери, резиденция Фиц Уоринов до того, как они удерживали Уиттингтон. Он удерживался при Cause. Замок Нокин, глава баронства Стрейндж, вероятно, был построен Гвидо ле Стрейнджем во времена правления Генриха II. Гораздо более открытым, с гористой местностью Денби впереди, является Освестри, который, по предположению мистера Эйтона, является замком Луаре из "Страшного суда", работы Райнальда де Баллиула, и долгое время прославлялся как резиденция графов Арундел. Сейчас от него осталась насыпь и фундамент крепости. Внешние укрепления были выровнены и застроены вторгшимся городом, а рвы засыпаны. Городские стены также сняты. Совсем рядом с Освестри находится Уиттингтон, основанный как нормандское сооружение Уильямом Певерелом в 1138 году, но более известный по своим более поздним лордам Фиц Уоринам. Это замок, который бросил вызов валлийцам в 1223 году, и сила которого заключалась не только в его крепости-ракушке, башнях и сторожке у ворот, части всего чего сохранились, но и в любопытном расположении земляных укреплений с несколькими широкими и глубокими рвами, соединенными с болотом, границы которого все еще можно проследить. Первоначальный курган, обнесенный уступом и заключенный, как Bungay, в облицовочную стену нормандским инженером, является хорошим примером того, как эти ранние укрепления были приспособлены к каменной кладке более поздних времен. Элсмир - это замок Певерил, но им владели валлийские принцы еще во времена правления Генриха III. Уитчерч был основан, вероятно, Уильямом де Уорреном, жена которого была падчерицей Завоевателя. Это был Уэстон из "Судного дня", и благодаря странной инверсии он впоследствии стал широко известен как Блэкмер. Они завершают внешнюю линию обороны Средней границы.

С ними было связано большое количество других замков, в основном, хотя и не всегда, принадлежавших людям меньшего ранга и власти. Вем, ныне полностью разрушенный, был основан Уильямом Панталфом, подчинявшимся графу Роджеру. Средний замок принадлежал Фиц-Аланам лордам Стрендж, как и Рейтон. В Хай-Эркале есть курган, окруженный рвом, но была ли к нему когда-либо пристроена каменная кладка, сомнительно. В Шравртинне или Шарвардине был замок, вероятно, до 1165 года. По-видимому, также были замки в Чарлтоне, Хоугейте, Брейнкрофте, Корсхолле, Шиптоне, Райтоне и Ле Ботвуде. Пульвербах был замком Роберта Венатора в одиннадцатом веке. Тондж был частным владением графа Роджера, но замок приобрел свою известность при семье Пембругге. Церковь Стреттон, или замок Брокхерст, находилась непосредственно в ведении короны, но была снесена в ранний период. В Броймероне, недалеко от Тагфорда, кажется, был замок. Корфхэм принадлежал Фитцу Понсу, предку Клиффордов. Уотлсборо, старинный замок Корбет, до сих пор представляет собой небольшую, но довольно совершенную прямоугольную крепость. В Стоуне сохранились некоторые следы замка, а в Хоптоне есть квадратная датированная крепость, расположенная на слегка приподнятом холме, с несколькими обширными и заболоченными пристройками. Помимо них, можно упомянуть замок Холгейт, который, по мнению мистера Эйтона, является одним из четырех самых ранних замков, построенных при графе Роджере, остальные - Шрусбери, Монтгомери и Освестри, все в той или иной форме построенные раньше, чем "Великий обзор". Холгейт был построен Хелготом де Стентоном и использовался Генрихом II в 1109 году. Замок Брин был ранней резиденцией Джерардов; Бромфилд и Кейнхэм разрушены; о Шифнолле мало что известно; Стоттсден был пожалован в 1159 году Генрихом II. Годфри де Гамаш или Гамажу; Стокси, как говорят, первоначально был построен Пико ле Сэем; Тирли, недалеко от Маркет Дрейтон, был работой Роже де Корселя, но им воспользовался Ральф ле Ботильер из Вема, который оставил его незаконченным в 1281 году. У Фиц-Аланов, кажется, был замок в Роксетере, у лордов Стрейндж - в Чесуордине, а в Мортон-Соре, ныне Корбет, Соре

построили замок. К западу от Ладлоу находился замок в Стэплтон-ан-ле-Харн, построенный, вероятно, лордами замка Ричарда. Замок Киннерли, захваченный Ллевелином в 1223 году, давно исчез. Альветон находился во владении Теобальда де Вердона в 1389 году.

Роберт де Белесм, сын Роджера и третьего графа Шрусбери, построил два замка, которые сыграли определенную роль в борьбе того времени и упоминаются историками. Один из них, Каррегчова, находился перед границей и в Монтгомери. Говорят, что он был построен примерно в 1101-2 годах в большой спешке. В 1160 году он был взят Генрихом II и окружен гарнизоном. Он уже давно полностью разрушен. Другой, Брюгге, или Бриджнортский замок, находился на реке Северн ниже и вглубь Шрусбери. Граф Роджер построил замок неподалеку на древних земляных валах Кватфорда, напротив Олдбери, одного из бургов, возведенных королевой Этельфладой. Этот замок, от которого сохранились курган и глубокий колодец, граф Роберт перенес в 1102 году на вершину крутой скалистой платформы над рекой Северн. Он был крепким и просторным, его часовней служила церковь Святой Марии Магдалины, а на его территории могли разместиться несколько тысяч человек. От всего этого сейчас мало что осталось, за исключением фрагмента крепости и частей вмещающей ее стены. Он был осажден Генрихом II в 1155 году и был сдан скорее по политическим, чем по военным причинам.

Перед границами Шропшира находятся два или три замка сомнительного происхождения, которые часто удерживались валлийцами. Таковыми были Поуис, или замок у Бассейна, приписываемый Бледдину ап Синфину около 1109 года; Матравал на Вирнуи, резиденция валлийских принцев, но укрепленный Робертом де Випоном. Это был один из немногих местных замков, устоявших перед валлийским восстанием 1212 года, вскоре после которого он был разрушен. Долфорвин - небольшой замок на холме на левом берегу Верхнего Северна, очень похожий на Динас-Бран, и расположенный далеко на западе. Глубоко в ущельях на западном склоне Кадер Идрис находится замок Бир, остатки которого попали в дружеские руки покойного мистера Винна из Пениарта, который показал, что здание относится к раннеанглийскому периоду архитектуры и необычайно богато украшено деталями. Каким образом древний замок оказался расположен так далеко от границы и в месте, никоим образом не изобилующем средствами к существованию, остается загадкой.

Равнина Верхнего Северна, открытая и плодородная, за пределами границы Шропшира, с очень давних времен оспаривалась между мерсийцами и валлийцами и временами была полностью и надолго занята первыми. Мерсийские крепости в этом очень опасном районе представляли собой окруженные рвами курганы, подобные тем, что были возведены в Англии в девятом и десятом веках. Их очень много вдоль течения реки или в долинах ее притоков, главными из которых являются Кери, Хендомен близ Монтгомери, Нанткрибба, укрепленный естественный холм, Гилсфилд, городище в Чирбери, воздвигнутое Этельфледой, а ныне снесенное, Валлийский бассейн, обозначенный в 1299 году как Мота-де-Пола, курган на Лугги, Уинсбери, Дадстон, Бриндервен, несколько курганов около Лланидлоуза и Моут-лейн, Тафолверн, прекрасный курган на слиянии двух ручьев с Афон-Льюмином, откуда датируются некоторые хартии валлийских принцев, и замечательный курган в Талибонте близ Тауэна, откуда Ллевелин датировал письмо архиепископу Кентерберийскому и который посетил Эдуард I. Очень немногие из этих "Девизов" были увенчаны каменными работами, и прилагаемая выдержка из Закрытого свитка показывает, что даже во времена правления Генриха III. древесина была признанным материалом для их обороны:—

"Rex etc dilecto et fideli suo Godescallo de Maghelins salutem. Recipimus tibi quod ex parte nostra firmiter precipias omnibus illis qui motas habent in valle de Muntgumery quod sine dilatione motas

suas bonis bretaschiis firmari faciant ad securitatem et defensionem suam et parcium illarum. Тест-рейдж апуд Уэстон, XXX die maii, 9 Ч. iii, 1225". (Завершающий бросок.) В "Brut y Tysogion" говорится, что замки Лландунил, Тревуверу и Синфиг начали строить в 1092 году, чтобы укрепить больше, чем раньше; потому что до этого замки были деревянными, и вскоре французы построили свои замки по всей стране. Хотя очевидно, что окруженный рвом курган был английским, а не валлийским укреплением, все же многие из этих курганов обнаружены в местах, где не могла бы жить ни одна английская семья, а другие, такие как Тафолверн и Талибонт, как известно, были резиденциями валлийцев, так что может показаться, что валлийцы, находя эту форму укрепления простой и прочной, легко возводимой, а при пожаре легко ремонтируемой, прибегли к ней в подражание своим врагам. Почти все замки в Шропшире на границе принадлежали графу Роджеру или какому-нибудь лорду Марчеру в качестве замковой стражи, и ко многим замкам поменьше были присоединены земли, принадлежавшие той же почетной службе. Обычным условием было присутствие лорда во время войны с оружием в руках в течение сорока дней или участие в обороне, а иногда и в ремонте определенной части замка лорда. Лорд Коук действительно говорит о том, что замковая стража всегда привязана к какой-то определенной части замка. Поместье Ходнет находилось на службе у сенешаля, а во время войны - во внешнем дворе замка Шрусбери. Дознание по делу Уильяма де Боллерса в 1299 году показывает, что он владел многоквартирным домом в Маритоне, предоставив одному солдату во время войны в Мотт-оф-Пул лук, стрелы и болт на ночь и день. мистер Эйтон считает, что Мотт-оф-Пул - это замок Поуис, но не может ли это, скорее всего, быть мотт, который видели или недавно должны были увидеть возле железнодорожной станции Уэлшпул? На старой карте 1610 года этот курган обозначен буквами "Domine Castell", а рядом с ним - мельница Домен (Tomen, Tumulus, Тумп).

Южный, обычно называемый Западным рубежом из-за его протяженности в этом направлении, включал графства Рэднор, Херефорд и Монмут, восточную часть Брекнока, большую часть Кэрмартена и Кардигана, Пембрук и весь Гламорган; иными словами, местность от Тем до Бристольского канала и все побережье Южного Уэльса от Чепстоу до Аберистута, вся территория которого была густо застроена замками, оставившими следы норманнов, а до него в некоторой степени нормандцев. Англичанин.

Включенным в состав Южного Уэльса, но с военной точки зрения более связанным с Шропширом и Мидл-Марчем, было графство Рэднор. Это был горный массив, очень похожий на валлийский, и лишь небольшая полоса его находилась на английской стороне дамбы, но неминуемая опасность, по-видимому, привела к большим вторжениям на территорию Уэльса и к созданию значительного количества замков вдоль линий, особенно подверженных нападениям.

Упоминались Найтон, главный замок Рэднора, и Наклас, расположенные как на Тем, так и на границе с Шропширом. К югу от Найтона находился Нортон, а затем снова южный Олд-Рэднор, Крукер или Пен-и-Крейг, разрушенные Рисом ап Гриффитом во времена правления короля Джона, и Нью-Рэднор, от которого сохранился большой курган с концентрическими укреплениями, и до сих пор видны части городских стен. Говорят, что замок был основан Гарольдом в 1064 году. Замок Пейнс, или Лланбедр, в Элвете, недалеко от южной границы графства, был назван так по имени Пагана, или Пейна де Кадурсеса, Каора, или Чаурорта, лорда Кидвелли, который построил его около 1130 года, возможно, чтобы обеспечить себе проход в Кермартеншир. До сих пор сохранилось несколько фрагментов каменной кладки. Замок Пейнс был взят Рисом в 1196 году, а впоследствии осажден Гвенвинвином, принцем Поуиса, в 1198 году. Недалеко от замка Пейнс, на левом берегу Уая, находился замок Бугруд,

который, как говорят, находился во владении Эйнона Клайдда в 1140 году. Фрагменты его каменной кладки долгое время оставались видимыми. В этом районе переправой через реку Уай управляет крепкий замок Билт. Сразу за пределами графства, выше по течению реки, которая здесь разделяет Рэднор и Брекнок, находился замок Абередью, построенный Ральфом де Баскервилем, одним из нормандских захватчиков, но быстро захваченный и удерживаемый валлийцами. Еще выше находится Райадер-Гви, основанный, как говорят, принцем Рисом в двенадцатом веке, но более известный как замок Мортимеров. Он был взят штурмом валлийцами во время правления Генриха III. Контуров работ все еще можно проследить. Ближе к центру графства, на реках Йтон и Арон, располагались другие замки. Моэлинаидд и Кастелл-Колвин, или замок Модс, укрепленные графом Честерским в 1143 году, находились на бывшей реке, а рядом с ними находился Сефн-Лис, или Кастелл-глин-Итон, довольно знаменитый нормандский замок, но часто захватываемый валлийцами. Позднее им владели Мортимеры, и они перестроили его в 1142 году. Двибод Тимпат, или Тиллоедд, также расположенный на Итоне, был местом огромной силы, от которого сохранилось много фрагментов каменной кладки. Говорят, что это искаженное название Тэлбот. Этот замок был сровнен с землей Ллевеллином в 1260 году. Cwm Aron, расположенный на реке Арон, был ранненормандским замком, разрушенным валлийцами и восстановленным Хью, графом Честерским, в 1143 году. Это дошло и до Мортимеров. Сохранились значительные остатки земляных работ. Рядом с Престейном находились замки Уорден и Стэплтон, последний был построен Чандосом, основателем монастыря Голдклифф. Был также замок в Клиро, и еще один на Выстуге в Кастель-Халеде или Валле; а в Клас-Куме на Стрелке есть какая-то каменная кладка, которая, как говорят, представляет замок Бринлли.

Остальные части Южного и Западного Уэльса, содержащие много открытых и сносно плодородных земель и имеющие протяженную и открытую границу с чисто валлийскими районами Брекнок, Кэрмартен и Кардиган, были ареной постоянных вторжений валлийцев и требовали для обороны больше сил, чем обычно. Замок Глостер, о котором уже упоминалось, был базой всех расширенных операций в Южном Уэльсе. Здесь короли Англии часто проводили свой двор, и здесь были собраны их войска. У Брихтрика был замок в Глостере, но его насыпь давно убрали, а вместе с ней и все следы нормандской постройки.

Следующим после Глостера по силе и значению и гораздо более уязвимым был Херефорд, сильно расположенный на реке Уай и окруженный очень плодородной территорией. В отличие от большинства других городов, Херефорд имеет чисто английское основание, хотя точно не ясно, кем основан. Он был укреплен Гарольдом и, вероятно, получил нормандские пристройки к своему замку от Осборна вскоре после завоевания. Замок подвергся нападению Эдрика Дикого в 1067 году. Сохранилась часть укреплений города, а от укреплений замка - огромный берег и глубокий заболоченный ров, ныне частично засыпанный и ранее сообщавшийся с рекой Уай. Цитадель стояла на большом холме, ныне выровненном. В Херефордшире было много замков, в основном, однако, предназначенных для защиты частных владений и размещенных соответствующим образом. Годерих на реке Уай - один из главных. Он большой, хорошо построенный, защищен рекой и имеет небольшую, но раннюю прямоугольную крепость. Долгое время ею владели Талботы. Эвиас Гарольд и Килпек командовали с обеих сторон долиной Ирченфилд. Оба были сильными, и у них были крепости из ракушек, построенные на курганах большого размера. От Килпека сохранились части стены и небольшая нормандская церковь. В 1134 году Хью, сын Уильяма Нормана, передал Глостерскому аббатству церковь Святого Давида в Килпекке и часовню Святой Марии в замке. Эвиас был более укрепленным местом, но сейчас почти вся каменная кладка исчезла. Гарольд, от имени которого он получил свое характерное название, был

английским владельцем до завоевания. Из меньших замков были Крофт, на протяжении веков являвшийся резиденцией все еще существующей семьи с таким именем; Линген, ранний замок, построенный Турстином де Вигмором; Лайонсхолл, ранний замок Д'Эвре; Кингстон, от которого не осталось и следа; Олмли, превратившийся в свой первоначальный холм; Кингсленд, считавшийся резиденцией саксов; Уибли, замок Де Лейси во времена правления Стефана; замок Фром, также построенный Лейси, а теперь представляющий собой только холм. Аспертон, Грандисонский замок, построенный на краю римской дороги, сейчас разрушен, как и замок Эллингтона и Мортимера в Мач-Маркле. В Хантингдоне, на границе с Рэднором, сохранился замок Де Браоз, курган, как и в Эрдислее, названный в "Страшном суде" *"domus defensabilis"*. Куббингтон был замком Де ла Филдов, а Бредвардин - семьи с такой фамилией, которая уступила место Баскервилям. Замок Уитни стоял на реке Уай, как и немного выше Клиффорд, каменная кладка которого была работой Ральфа де Тодени и его преемника Фица Понса, предка великого дома Клиффордов, который отсюда и получил свое название. Кастелри из Клиффорда был проведен в фильме "Судный день" Роджера де Лейси. Замок Уилтон на реке Уай, резиденция известного баронства, был построен Лонгчемпом во времена правления Генриха I. К тому времени принадлежали Пембридж и, вероятно, Третир, ныне разрушенный замок Фиц Уорин. Помимо них, есть другие, о которых известно меньше; Лонгтаун или Эвиас Лейси, частично построенный из римского материала; Снодхилл, вероятно, нормандский; Твайфорд и Уришейи в Петерчерче, работы Де ла Сена; Экклсуолл и Касл Комфорт превратились в курганы; берег и рвы последнего, которые видны на склоне холма в полумиле от Леоминстера, предположительно являются остатками дворца Вервальда, короля Мерсии, построенного в конце седьмого века. Упоминаются также Маус-Касл близ Хэя; Дорстон, замок Солера; Кьюсоп, простая башня; Брэнсил на границе с Вустерширом, ныне руины; Киннерсли; Итон-Трегоз, резиденция Баскервелей в 1251 году; Мокас, от которого остался ров; и Пеньярд, вероятно, нормандский. Следует помнить, что большинство каменных замков в Херефорде и Рэдноре были построены на земляных валах гораздо более раннего периода.

Брекнок, хотя и является диким и гористым, а следовательно, в значительной степени уэльским графством, пронизан как Юск, так и в некоторой степени Уай, чем Бернард Ньюмарч и его последователи-захватчики хорошо знали, как воспользоваться. Замки на реке Уай, являющиеся общими для Рэднора и Бреконока, были должным образом перечислены. Самый сильный из них, Билт, сыгравший важную роль в локальных войнах, принадлежал баронам де Браоз, преемникам Ньюмарча. От каменной кладки осталось совсем немного, но насыпь и пристроенные к ней рвы и платформы имеют очень внушительный характер и оправдывают репутацию крепости за свою прочность.

Билт располагался недалеко от слияния Ирфона с Ваем и, таким образом, контролировал вход в важный перевал, ведущий в Каэрмартен. Однако именно при Оск Бернард Ньюмарч выступил в поход в 1096 году против Бледдина ап Менарха, и именно в Бреконоке, недалеко от римского Банниума, он основал прочный и просторный замок, от которого до сих пор сохранился более ранний курган и большая часть каменной кладки. Владение замками Брекнуок, Билт и Абергавенни обеспечило безопасность округа, который Ньюмарч разделит примерно между пятнадцатью своими главными последователями, некоторые из которых построили замки, которыми они продолжали владеть при его зяте Майло графе Херефорде и их преемниках баронах де Браозе и Кантелупе. Следующим за Абергавенни был Крикхауэлл, от которого сохранились насыпь, рвы и башня. Это был замок Тюрбервиллей. Рядом с ним находится Третауэр, раннее и очень любопытное сооружение, где прямоугольная крепость была разрушена, а в ее центре воздвигнута раннеанглийская круглая башня. Третауэр стоит на болотах Риангола, выше по течению которого находится Динас, горный замок, ныне

находящийся в руинах, по форме очень напоминающий Морле в Гламоргане и командующий перевалом из Абергавенни в Талгарт и Вай. Выше по течению Уай, на перевале, мимо которого дорога срезает неприступную излучину реки, находился Бленлифни, большой и крепкий замок, которым обычно владел сам главный лорд. Рядом с ним, по направлению к Брекноку, находился замок Пенчелли. В Девиноке находилась башня Рид-ир-Бриу, а в нескольких милях выше Брекнока, недалеко от истока Уска, башня в Трекасле, от которой сохранился курган, располагалась на вершине обычной дороги между Брекноком и Кэрмартеном. На реке Хонду над Брекноком находился Кастелл Мэдок, вероятно, валлийская крепость, а на реке Ллифни между Брекноком и Херефордом - Пил Талгарт и очень примечательная цилиндрическая башня Бронллис. Остатки замка Хэй стоят на реке Уай в северо-восточной части графства. Он был построен сэром Филипом Уолвином, разрушен Генрихом III в 1231 году и, вероятно, вскоре восстановлен. Часть его сохранилась до сих пор. Город был обнесен стеной с тремя воротами.

Кроме того, здесь были Скетрог, башня сэра Майлза Пичарда; Бергхилл, построенный сэром Хамфри с тем же именем; Лангоед и некоторые другие, укрепленные дома, а не замки, от которых в большинстве случаев не осталось ничего, кроме окруженных рвами насыпей, лишь немногие из которых были заняты норманнами.

Монмутшир, хотя и подвергался случайным вторжениям, в XI веке, и особенно после войны Гарольда с Уэльсом в 1063 году, был такой же неотъемлемой частью Англии, как Херефорд или прилегающие районы Глостера. Его западной границей был Раймни, но гораздо более важная его часть пролегла между двумя очень полноводными и быстрыми реками, Уай и Уск, и на каждой из них были расположены грозные замки: Монмут и Чепстоу - на одной реке, а Ньюпорт, Уск и Абергавенни - на другой. Чепстоу расположен на утесе на западном или правом берегу реки, очевидно, как и Ньюпорт, предназначенный как "тет-дю-пон" для прикрытия прохода войск, поскольку реку там нельзя перейти вброд. Как следует из названия, поселение имеет английское происхождение, хотя его название Domesday, Estrighoil, искаженное в Striguil, является валлийским. Замок отделен от города глубоким оврагом и находится полностью за пределами стены, что было необычно. Крепость норманнского масонства может быть работой Уильяма Фиц Осборна, графа Херефорда, или, самое позднее, Роджера де Бритолио, его сына и преемника. Еще во времена правления Генриха I. Чепстоу перешел во владение де Клэров из рода Стронгбоу, часто называемых графами Стригуил. Его обладание позволило Марешалам, преемникам Де Клар, отстоять свой графский титул от Генриха III. Замок Монмут занимал вершину скалистого выступа между реками Уай и Монноу и долгое время принадлежал череде приграничных баронов, в честь которых и получил свое название.

На реке Уск старый замок Ньюпорт давно заменен более поздним сооружением, но части замка Уск, расположенные несколькими милями выше, старые, и Абергавенни, который спускался от Де Браоза через Кантелуп и Гастингс к Невиллам, все еще принадлежит главе этой семьи, хотя от него мало что осталось, кроме первоначального кургана. Именно в замке Абергавенни Уильям де Браоз в 1175 году убил несколько безоружных валлийцев в отместку за убийство своего дяди Генриха Херефордского. Каэрлеон, расположенный между Ньюпортом и Уском, хотя и был основан нормандцем на более раннем английском участке, связанном с очень знаменитыми римскими развалинами, был наследием валлийской семьи, и ее оккупация продолжалась долгое время. Между Уском и Ваем земля, сама по себе прочная, была сильно заселена.

На Монноу были размещены Скэнфрит и Гросмонт, которые вместе с Уайткаслем образовали знаменитую трехстороннюю комиссию, столь важную в войне между Генрихом III. и граф Пембрук. Крепость Скэнфрит представляет собой круглую башню раннего периода, расположенную внутри ограждения с правой стороны. Несмотря на свой небольшой размер, он был очень прочным, и его останки довольно совершенны. Гросмонт, также относящийся к раннему периоду, несколько крупнее, и его останки также значительны. Белый замок представляет собой огромную оболочку из высоких стен и фресковых башен, расположенную внутри самого мощного рва, за которым находятся очень обширные внешние сооружения как из каменной кладки, так и из земли. Он стоит очень высоко, с него открывается самый обширный вид, а его защитные сооружения полностью искусственные. Сообщается, что все эти три замка изначально были резиденциями Уэльса; но их земляные укрепления имеют английский характер. Они, очевидно, предназначались для общей обороны страны и, как обычно, всегда находились в руках знатных лордов или короны; кроме того, здесь было несколько замков поменьше или укрепленных домов, центров частных владений. Среди них были замки, граничащие с Чейз-оф-Вентвуд: Динхэм, давно превратившийся в руины; Пенхоу, колыбель Дома Сеймуrow; Пенкоуд, в котором до сих пор сохранились остатки ранней каменной кладки; Лланвейр, построенный семьей Пейн, или Пэган; и Кастрогги, где видна часть холла и еще какая-то каменная кладка. На реке Эббв, к западу от Ньюпорта, стояли небольшие замки Гринфилд и Роджстон, а в Каслтоне есть курган, который, как когда-то говорили, сопровождался каменной кладкой. На холме над Руперрой находится очень большая и очень совершенная насыпь, окруженная рвом, но без каких-либо следов или традиций каменной кладки. Ллангибби - старинный замок в Монмутшире.

Оккупация норманнами долин Уай и Уск, без сомнения, служила для защиты незащищенного фланга Монмутшира, но за Раймни в Гламоргане эта защита прекратилась, и на холмистой территории Гламоргана проживало коренное население, всегда готовое помочь своим соотечественникам, которые часто вторгались в это графство с северо-запада. Все нормандские поселенцы жили на полосе открытой и более плодородной земли шириной от шести до двенадцати миль, которая, подобно Конкану в Западной Индии, располагалась между горами и морем, где остатки их замков расположены так близко друг к другу, что возникает вопрос о том, откуда жители черпали средства к существованию. Главным замком светлости был Кардифф на Таффе; но лорд также владел замками в Динас-Поуисе, Ллантриссанте, Кенфике и, благодаря раннему приобретению, в Ните, которые, как можно предположить, предназначались для общей защиты. Кардифф, расположенный на римской "виа маритима", представляет собой очень примечательное укрепление. Он прямоугольный, защищен с трех сторон очень высоким берегом и рвом, а с четвертой, со стороны реки, очень прочной стеной. В одном углу на берегу реки находится большой обнесенный рвом холм, на котором все еще сохранилась нормандская крепость, стоявшая на линии второй стены, ныне разрушенной, которой этот конец территории был отрезан и защищен от остальных. Примечательна аналогия этой работы с работами Тэмворта, Уэрхэма и Уоллингфорда и, в некоторой степени, с Лестером. В ней также есть некоторые моменты сходства с Херефордом. Динас Поуис представляет собой небольшое продолговатое сооружение типа Динас Бран и Долфорвин, вероятно, нормандского времени. Он занимает вершину скалы в ущелье глубокой долины и, должно быть, был устойчив к любому простому нападению. Замок Ллантриссант был гораздо больших размеров. Он стоял, и действительно, его фрагмент стоит до сих пор, в выемке в холме высоко над равниной и за много миль от моря. Кенфиг, стоявший на ручье недалеко от морского побережья, был полностью засыпан занесенным ветром песком, "*consumptum per sabulonem*", и теперь виден только фрагмент. Нит, самый незащищенный замок во всем графстве, был основан Де Гранвилем, который,

как говорят, был братом Роберта Фиц Хамона. Единственным замком в лордстве, которым владел государственный чиновник, был замок епископа в Лландаффе, который, по-видимому, всегда был местом силы, хотя сторожка и ограждающая стена, сохранившиеся до сих пор, вероятно, относятся ко времени правления Генриха III. или Эдвард I.

Двигаясь на запад, ближайшими замками к Кардиффу были Салли и Барри, принадлежавшие семьям, от которых поместья получили свои названия, как и Бонвилстон или Тре-Саймон и его замок от сэра Саймона де Бонвиля. Пенмарк был резиденцией Умфравиллей; Фонмон с его прямоугольной крепостью - Сент-Джонса; Ринстон - Де Рейни и Роли; Венвоу - Ле Флеминга; и Сент-Фейган - семьи Ле Сор. От Петерстона и собора Святого Георгия сохранились фрагменты каменной кладки. Восточный Орчард, резиденция семьи Беркероль и Бопре Бассетов, вероятно, изначально были замками; но на одном изображены руины укрепленного дома, на другом - усадьбы шестнадцатого и семнадцатого веков. Часть замка Каслтон старая; от Льежского замка сохранились только легкие земляные укрепления. Лландо был построен семьей Валлийцев, а Лланкиан, круглую башню, - семейством Де Винтонов. Замок Лланблетиан был резиденцией Сент-Квинтинов, Талавана Сивардов: в Пенлайне находится часть прямоугольной крепости с каменной кладкой из селечочной кости, построенной Норрисами. Город Каубридж был уделом главного лорда и был обнесен стеной и сильно укреплен. Собор Святого Доната в его нынешнем виде построен очень поздно, и сомнительно, что у Хоуи, первых лордов, был замок в этом графстве. Часть Данрейвена старая. Он был построен дворецкими, которые держали его при Огморе. Огмор, главная резиденция в этом владении Де Лондров, лордов Кидвелли, имеет квадратную крепость. Он стоит на реке, от которой получил свое название. Рядом с ним находятся остатки небольшого замка Кантелупов, известного как Кантелупес-тон или Кантлстон. В Бридженде есть поздненормандские ворота, вход в небольшой огороженный участок, также, вероятно, нормандский. Он носит название Ньюкасл. Рядом с ним находится Койти, знаменитая резиденция Уэльса, но построенная или перестроенная Тюрбервиллями. Здания значительные и довольно совершенные. Соседний монастырь Эвенни был укреплен. У валлийских баронов Авана был замок на реке Эйвон в Абераване.

Владения Силве простираются от Нита до Таве, на котором расположен замок Аббертаве, или Суонси, сооружение, примечательное своим открытым парапетом с крепостной стеной над арками, работы епископа Гауэра. Суонси был "капутом" Гауэра при графах Уорике и Де Браозах, а вспомогательными к нему были замки Ойстермаут, которые все еще сохранились, и Lwchwr на реке Берри, называемые ключами Гауэра. Lwchwr сейчас представляет собой всего лишь небольшую квадратную башню, стоящую на небольшом холме, соединенном с большим римским лагерем. На полуострове находятся Пенрис, старинный замок этой семьи с хорошей круглой крепостью, и в том же приходе, рядом с церковью, окруженная ровом насыпь; Оксвич, поздняя постройка Мэнселов, хороший пример перехода от замка к укрепленному дому; Пеннард, четырехугольный замок эдвардианского типа; Уибли и Лланридиан. В Скурледже и Лландеви были замки, а в Лландиморе. Мистер Фримен заметил, что двенадцать из шестнадцати церквей Гауэра имеют башни, очевидно, построенные для обороны. Наружные двери, где они встречаются, обычно представляют собой вставки. Низменность за Берри защищена Кидвелли, довольно совершенным старинным замком, построенным семьей Де Лондрес и унаследованным от них Чоуртами. Он стоит на реке Гвендрит, а к северу от него находится мощный замок Каррег-Сеннен. Но настоящей защитой Кэрмартена является река Тови, укрепленная четырьмя замками на ее берегах, Лланстефаном, Кэрмартеном, Дайневормом и Драйсллуином, к которым можно добавить Лафарн, расположенный в соседнем заливе моря, и башню в Ллангаттоке, которая контролировала конец перевала из Брекнока. Недалеко от Лландейло находился

Лланимдхифри, который в 1113 году принадлежал Ричарду де Понсу. Большинство из этих замков, по-видимому, были основаны де Клэрами из линии Стронгбоу, но какими бы сильными они ни были и обычно хорошо защищались, им приходилось принимать на себя основную тяжесть пограничных войн, и их часто брали и отвоевывали валлийцы, которые иногда занимали их постоянно.

Это в большей или даже большей степени относилось к замкам Кардигана, которые, хотя обычно были небольшими и, за двумя или тремя исключениями, по отдельности не имели большого значения, были очень многочисленными и в совокупности достаточно хорошо служили для обычной обороны территории. Почти все они были основаны де Кларами и их последователями в начале двенадцатого века. Во главе их и исключительно сильный стоял Аберистуит, расположенный недалеко от севера графства, на берегу залива Кардиган, и частично прикрытый слиянием Иствита с Рейдолом. Его положение на море и в тылу самых сильных частей Южного Уэльса делало его особенно неприятным для валлийцев; он подвергался всей ярости атак как со стороны Северного, так и Южного Уэльса, и, каким бы сильным он ни был как по искусству, так и по природе, его часто захватывали и отвоевывали, разрушали и отстраивали заново. Между ним и крайней границей графства, Дифи, находились меньшие замки Дженер-глин и Глан-Дифи, а рядом с ним находился замок Страдпифилл, построенный Ральфом, управляющим графа Гилберта. Он был осажден в 1122 году. Кардиган пересекает Тейви наискось, и недалеко от истока этого ручья находился большой замок Истрад-Мейрик, основанный Жильбером де Клером, от которого сохранились руины. Трегарон находился ниже, как и ряд других укрепленных мест, таких как Лланлуини, Лланфихангель, Лландиссул, Лланголлен, о которых трудно сказать, были ли они замками периода де Клер или более ранними резиденциями. Замок Блен-порт-гвифиан был построен графом Гилбертом до 1112 года. В Ньюкасле также был укрепленный замок на реке Тейви, а ближе к устью реки, на берегу Кардигана, - замок города Кардиган. Помимо них, в местных историях встречаются названия Кастелл-Гвинонидд или Коэдвон близ Ллампетера; Кастелл Абереинон; Замок Хамфри в Лландиссиле; Блен Порт близ Кардигана; Искоэд, где в кургане, по-видимому, была каменная крепость; Лланвен; Ллампетер, где курган сохранился, но каменная кладка была удалена; Динерт, курган которого называется датским, но где Роджер де Клер основал замок в 1135 году; Кастель Рос в Лланаристед, построенный в 1158 году; Кэруведро, захваченный валлийцами в 1135 году; и Лланьондри.

Пембрук, гораздо менее подверженный нападениям общего врага, чем Кардиган, разделен гаванью Милфорд, благодаря которой южная часть графства, частично заселенная колонией фламандцев, была полностью защищена от валлийских вторжений и фактически стала чисто английской территорией. Он был защищен, но также и доминировал над величественным замком Пембрук, основанным Арнульфом де Монтомгмери, первым нормандским захватчиком, но более известным как резиденция Стронгбоу и Марешалов, которые оттуда приняли титул своего графства. Замок Пембрук, хотя и превратился в руины, сохранил большую часть своего древнего великолепия. Зал, сторожка, навесная стена и фресковые башни сохранились до сих пор, а грандиозная круглая крепость продолжает придавать массивность и характер всей группе. Город также был обнесен крепкой стеной, замок составлял часть окружения. На другом конце полуострова, на берегу моря, находился замок Тенби, также присоединенный к графству, сильный по своему положению и, как показывают его остатки, хорошо укрепленный. Город Тенби был обнесен стеной, и до сих пор сохранилась часть стены и одни из ее ворот. Недалеко от Тенби находился Манорбир, старинный замок, хотя в его нынешнем виде он, вероятно, датируется Генрихом III. Крепости

нет, а зал сводчатый. Сохранилась сторожка. Руины показывают, что он был сильным. Он известен как место рождения Хиральда Камбрэнсиса или де Барри. Замок Кэрю, без сомнения, представляет собой древнюю крепость, и отсюда, как предполагается, возникли семьи Фитц-Джеральд и Виндзор, и, скорее всего, семья Кэрю. Лампи был замком епископов Сент-Дэвидса и имеет аркадный парапет, плохую имитацию парапета епископа Гауэра в Суонси; а замок Мартин был резиденцией баронов Мартин. В Нангле находился укрепленный дом Шерборнов, и весьма вероятно, что Стэкпоул-Корту предшествовал ранний замок, построенный основателем семьи с таким именем. К северу от Хейвена, того великого фиорда, который придает его отличительной черте название Хаверфорд, находится мощная прямоугольная крепость Хаверфорд-Уэст, нынешнее состояние которой отражает полную дискредитацию графства. Вероятно, это была работа Гилберта де Клера в начале двенадцатого века, и вокруг нее, разбросанные по всему графству, расположено необычайно большое количество небольших замков и крепких домов, построенных и населенных нормандскими рыцарями, последовавшими за Арнульфом и Стронгбоу, и чьи потомки продолжали удерживать их военной службой при последующих графах. Таков был Аптон, замок Малефаутов, от которого сохранились часовня и сторожка у ворот; Дейл, расположенный у подножия полуострова Сент-Эннс-Хед, принадлежал Де Вейлам; Нарберт был основан Перроттами; Лоухейден был главной резиденцией епископа Сент-Дэвидса и “капутом” епископального баронства (от него сохранились прекрасные ворота и некоторые другие постройки); Вистон, замок сэра Филипа Гвиса, а впоследствии и Воганов, упоминается как захваченный графом. Валлийский в 1146 году; считается, что Пиктон был основан во времена правления Руфуса. Кроме того, это замок Уолвинс, от которого сохранился только холм; замок Бит; Литтл Ньюкасл; Кастелл Хендре или Ров Генри; замок Рош, квадратная крепость, примостившаяся на скалистом утесе и построенная Адамом де Рупом, основателем семьи Де ла Рош; Силджерран на Тейви, очень значительный замок, от которого многое сохранилось: им владели главные лорды; Неверн, главный замок старого баронства Семаес, впоследствии замененный Ньюпортом, от которого сохранились значительные руины. Упоминаются также замок Бентон; замок Конинг, недалеко от Сент-Догмелса; Каслтон, построенный семьей Касл; и замок Панч или Пойнтц, усадьба епископов Сент-Дэвидса, где есть большой курган, окруженный рвом. Вероятно, в северной и более открытой половине Пембрукшира есть много других замков и укрепленных домов, места расположения которых перепутаны с более ранними ратями и круговыми земляными укреплениями периода, предшествовавшего Нормандскому завоеванию. Термин Рат, а также схема укрепления, вероятно, заимствованы из Ирландии, где круглый берег и ров окружали жилище почти каждого землевладельца, отличаясь от используемых в Англии и Нормандии отсутствием насыпи. Ирландская ограда была мало, если вообще возвышалась над внешней землей, и поэтому, хотя, возможно, была более удобной, безусловно, менее прочной, чем окруженная рвом насыпь. В Пембрукшире есть несколько таких насыпей. Здесь также есть еще одна довольно своеобразная особенность. Многие церковные башни, как и в Гауэре, очевидно, построены для обороны, без сомнения, предназначенные как готовое убежище на случай внезапного и временного вторжения валлийцев или высадки на побережье скандинавских пиратов. Такой пост, как ирландские круглые башни, можно было безопасно удерживать в течение нескольких часов, пока тревога не принесла облегчения.

Замки на границе с Уэльсом не подвергались критическому изучению, и поэтому трудно составить их список, который хоть сколько-нибудь приблизился бы к точности; однако можно примерно сказать, что на момент окончания правления Генриха II в Уэльсе насчитывался 251 замок и кастеллеты, из которых 21 имел прямоугольные укрепления и 20 - в виде ракушек. Замков, о которых мало что точно известно или которые не поддаются классификации, насчитывалось около 220.

Согласно предыдущему перечислению, в конце правления Генриха II их было несколько. в Англии и на границах Уэльса насчитывается около 657 замков, из которых 55 имели прямоугольную форму и 96 - в виде ракушек, в то время как о 506 замках известно мало, или же они не подпадают ни под один из обычных нормандских типов. Учитывая трудности, стоящие на пути к точности получения этих цифр, приведенная выше сумма не очень сильно отличается от Мура, единственного авторитетного специалиста по этому вопросу, который приводит список примерно из 568 более ранних замков, включая те, что были построены во времена правления Генриха III. и три Эдвардса.

С правлением Генриха II. можно сказать, что завершился главный период строительства замков в истории Англии. Львиный кер едва ли был английским государем. Говорят, что он спроектировал и, несомненно, построил великую крепость Шато Гайяр на Сене; но он не построил ни одного замка в Англии, и, по-видимому, в его правление не было основано ни одного сколько-нибудь значительного замка. Джон, его преемник, постоянно переезжал из одного замка в другой, пользуясь в крайне непопулярной степени королевской прерогативой по снабжению. Он ввел Приказ, известный как "Commissimus", по которому кастеляны назначались в королевские замки, и он демонстрировал свое недоверие даже к своим сторонникам, постоянно переводя этих офицеров из одного замка в другой, чтобы они не представляли каких-либо местных интересов. Осада Рочестерского замка была крупнейшей военно-инженерной операцией того времени, в ходе которой внешняя стена была подорвана почти под одним углом, а галерея продолжалась под крепостью, которая находилась всего в нескольких футах от ограды. Результатом стало разрушение стены и нижней части одного угла цитадели, и место и масштабы разрушения все еще можно проследить, поскольку угол был перестроен с использованием очень неаккуратной каменной кладки. Почти последним событием его правления была осада Дувра Людовиком Французским, который установил "мальвуазен", чтобы преодолеть стены, но не смог взять это место, хотя до этого было четыре месяца. Джон умер в Ньюарке, который, если и не является лучшим замком Средних Земель, то, несомненно, содержит самую величественную нормандскую сторожку в Англии. С момента своего вступления на престол в мае 1199 года и до своей смерти в июне 1207 года Джон датировал общественные инструменты из 131 замка в разных частях Англии и, должно быть, посетил еще очень много.

Генрих III. его королевство было застроено замками, и среди энергичных усилий, с помощью которых Уильям Маршалл и Хьюберт де Бург восстановили королевскую власть, следует особо отметить осады замков Бихам и Бедфорд, двух очень сильных мест. Близкие списки показывают масштабы подготовки к этим осадам. Шерифам всего Мидленда и к западу от леса Дин поручено обеспечить доставку материалов и боеприпасов для войны. Плотники, кузнецы, каменотесы для изготовления каменных пуль, рудокопы и инженеры находятся под реквизицией, и со всех сторон заказываются древесина, камень, свинец, шнур, канат, цепи, железные прутья, баллисты, катапульты, мангонели, арбалеты из дерева и рога, мишени, стрелы, пращи, шкуры для укрытия мальвуазенов и инструменты для добычи полезных ископаемых. Оба замка упорно оборонялись, и оба были взяты. От Бихама не осталось и следа; от Бедфорда фрагмент стены и насыпь, превратившиеся почти в кротовый холм, все еще свидетельствуют о том, что работа Генри была выполнена небрежно. Ближе к концу правления произошла еще более знаменитая осада Кенилуорта. Здесь, как и в предыдущем случае, Генрих командовал лично, и знаменитое "Изгнание Кенилуорта" показывает, насколько полной была его победа. Генрих также провел кампанию в Южном Уэльсе, в которой важную роль сыграли замки Монмут, Уск, Чепстоу, Кэрлеон и Кардифф — замки,

рассчитанные на то, чтобы стать острой занозой в боку английского принца и сделать невозможным единое и справедливое правительство. Генрих определенно не известен как основатель какого-либо важного английского замка, но он пристроил и отреставрировал очень многие из них. Скенфрит близ Монмута возник незадолго до него; но Гросмонт и Уайт-Касл, два других члена великой пограничной трехсторонней комиссии, возможно, относятся к тому времени. Генрих, без сомнения, был великим строителем и очень искусен в своих операциях; но его работы в отношении замков проявлялись главным образом в строительстве, ремонте и украшении стен и окон королевских покоев, залов и часовен в королевских замках, работах, которые во всех случаях велись за пределами крепости, в пределах среднего или внешнего двора, и которые в большинстве случаев давно снесены. Генрих обнаружил, что его замки построены его руками, и у него не было возможности внедрить какой-либо определенный стиль или тип военной работы. Белый замок - это просто загон или ограда с высокими стенами и фресковыми башнями, хотя его земляные укрепления, вероятно, более раннего времени, имеют большой масштаб.

Замки типа, известного как эдвардианские или концентрические, хотя и получившие свое название от Эдуарда I., были, как хронологический факт, введены в правление его отца, а Кэрфилли, один из самых ранних, вероятно, самый ранний, концентрического типа, и, что довольно любопытно, один из самых совершенных, был построен лордом Гламорганом в самый последний год правления Генриха. Кэрфилли уступает только Виндзору по размерам и не уступает ни одной средневековой крепости по мастерству, с которым она построена, и природным особенностям местности, обращенным во благо. Это было выполнено и, вероятно, спланировано с большой быстротой. Его стоимость, должно быть, была огромной и до предела истощила ресурсы даже такого богатого дворянина, как граф Глостер и Хартфорд.

Представленный таким образом тип был принят Эдуардом I. Примером его являются замки Харлех и Бьюмарис. Конвей и Кернарвон, хотя и превосходят их по великолепию и менее симметричны, примечательны главным образом тем, что они составляют часть оборонительных сооружений пристроенных к ним городов, причем все они построены в одну эпоху и по частям одного плана. Правление Эдуарда значительно снизило ценность английских замков. Даже крепости, возведенные им в Северном Уэльсе, когда их цель была достигнута и провинция была подчинена, перестали иметь ценность и постепенно пришли в упадок, а в Англии, когда его правление было установлено и он осознал свою власть, владельцы даже самых сильных замков не осмеливались выставить в них гарнизоны против него.

ГЛАВА IX.

ПРЯМОУГОЛЬНАЯ КРЕПОСТЬ НОРМАНДСКОГО ЗАМКА.

В предыдущей главе была предпринята попытка описать внешний вид и в общих чертах изложить историю тех земляных укреплений в Англии и Нормандии, на которых нормандские и англо-нормандские бароны основали свои главные крепости и которые, следовательно, связаны с военной архитектурой обеих стран. Теперь предлагается описать сами здания, расположенные внутри древних земляных валов или полностью на первоначальном

фундаменте, которые составляли крепости Англии в одиннадцатом и двенадцатом веках, в периоды, известные в церковной архитектуре как нормандский период и Переходный период, и которые в военной архитектуре включают нормандскую форму замка. То, что известно как нормандский архитектурный стиль, преобладало в Англии от завоевания до конца правления Стефана, то есть с 1066 по 1154 год; но эта последняя дата по необходимости является произвольной, поскольку один архитектурный стиль переходил в другой лишь постепенно, и нормандские черты, хотя и обнаруживались во всех зданиях, и особенно в замках, вплоть до конца правления Генриха II, или 1189 года, все больше и больше смешивались с чертами последующего стиля.

Замки одиннадцатого и двенадцатого веков, будь то в Нормандии или в Англии, были двух различных типов: прямоугольные и в виде ракушек. Первый тип почти всегда использовался, когда выбранное место было новым, второй - когда место было старым и там, где существовал "холм" или насыпь. Из этого есть исключения; то есть прямоугольное хранилище иногда встречается на старом сайте, но хранилище в виде оболочки никогда не встречается на новом. Различие было главным образом связано с тем фактом, что массивная тяжелая башня могла быть надежно установлена только на твердом грунте, в то время как более легкий и широко распределенный вес башни-ракушки лучше подходил для того, что было искусственным. Панцирная крепость была самой многочисленной из двух; но башенный тип, будучи более прочным и долговечным, просуществовал дольше всех и в настоящее время настолько распространен, что авторитетные авторы называли его типом, а не всего лишь одним из двух типов нормандской крепости. Прямоугольная крепость и крепость-ракушка никогда не встречаются в одном и том же замке; и, как правило, там, где есть насыпь, прямоугольной крепости нет. Единственными известными исключениями из этого правила являются Крайстчерч, Гилфорд, Клан, Саффрон Уолден, Майлхэм, Бангей и Брамбер. В Крайстчерче и Майлхэме насыпь невысокая, и стены крепости, кажется, уходят сквозь нее в твердую землю. В Гилфорде, как и в Клане, где насыпь большая, крепость построена на ее склоне, так что видно, что нижний конец и одна треть прилегающих сторон опираются на твердую землю и, таким образом, эффективно противодействуют тенденции верхней части сползать вниз. Уолден не был тщательно обследован, и неизвестно, были ли фундаменты в Бангее погружены в твердую землю. В Брамбере есть продолговатый естественный холм, окруженный очень глубоким рвом, частично искусственным, в то время как на одном конце холма находится квадратная крепость, а рядом с другим - небольшой холмик. В Ллучуре, в Южном Уэльсе, небольшая квадратная башня стоит на невысоком холме, примыкающем к берегу римского лагеря. Башня, действительно, на самом деле не нормандская, хотя, без сомнения, ранняя, и, скорее всего, она спускается на естественную почву. Большая прямоугольная башня в Оксфорде - это не цитадель, а башня-фреска, хотя и необычного объема. Тамошняя цитадель представляла собой раковину и венчала холм. В Кенилворте, по-видимому, был небольшой курган, который был включен в состав крепости, стены которой опираются на естественную скалу. Насыпь, таким образом, заполняет подвал крепости, первый этаж которой, таким образом, приподнят на 12-15 футов над внешним уровнем, как в башне-ракушке в Беркли и в некоторой степени в Понтефракте.

Из всех военных сооружений прямоугольная крепость является самой простой по форме, самой величественной по очертаниям и размерам, самой прочной по пассивной прочности, самой долговечной по дизайну и качеству изготовления и в большинстве случаев на несколько лет самой ранней по дате постройки. Из пяти великих крепостей, прикрывавших дорогу из Дувра в Лондон, сам Дувр, Кентербери, Роучестер и Лондон имеют квадратные крепости; пятая, Тонбридж, имевшая более раннюю насыпь, имеет ракушечную крепость. Фарнхэм и Беркхэмпстед, Виндзор, Уоллингфорд и Оксфорд — крепости, охраняющие

Лондон с запада, — имеющие насыпи, не имеют квадратных замков. Хедингем и Колчестер на востоке, имеющие квадратные крепости, не имеют насыпи, хотя Хедингем, как Корф и Брамбер, стоит на естественном холме. Севернее, Уорик и Кенилворт подтверждают это правило: у одного был курган и не было квадратной крепости; у другого — квадратная крепость, которая поглотила курган, если там был курган. В Бельвуаре курган, естественный холм, увенчан раковиной, как и искусственные курганы Бедфорда, Кембриджа, Клэр, Ая и Онгара, в то время как прямоугольные крепости есть или были найдены в Чепстоу, Ладлоу, Бристоле и Уотлсборо, Ланкастере и Ньюкасле, а также на участках без холмов в Бамбурге, Карлайле, Корфе, Норме, Норвиче, Ноттингеме, Порчестере, Скарборо, Кнаресборо, Хелмсли и Ричмонде, а также в менее выдающихся графствах, некоторых из которых нет. из фонда Нормана, из Эпплби, Броу, Броэма, Боуза, Касл Райзинга, Клитеро, Каслтона, Годерича и Прюдхо. Там, где есть прямоугольная крепость, она возвышается высоко над каждой частью крепости и придает, как в Бамбурге, архитектурной композиции единство и величие. Обычно, как в Рочестере, Дувре, Ричмонде и Скарборо, его размещают на самом высоком месте внутри ограды и очень редко в центре или вблизи него, хотя, как и в Лондоне, его, возможно, сделали центральным благодаря удалению его первоначального *ограждения* и замене новыми и расширенными линиями. В Маллинге, возможно, самой ранней из таких башен в Англии, и в Хелмсли, вероятно, самой поздней, поскольку башня в Кнарсборо, хотя и квадратная, датируется временем украшения, — башня стоит с одной стороны от *окружения* является его частью. В Бамбурге, Брамбере, Кентербери, Карлайле, Клитеро и Рочестере крепость стоит вдали от внешней стены, но очень близко к ней, от которой в Порчестере она образует один угол. В Кенилворте и Бриджнорте цитадель образует угол внутренней стены; в Норхэме одна сторона примыкает к внешней, а другая — к внутренней стене; а в Ладлоу цитадель расположена на внутренней стене, недалеко от главных ворот. В Огморе он занимает угол, имея одну грань на внешней и одну на поперечной или внутренней стене. Дувр стоит отдельно посреди того, что, по-видимому, является его первоначальной оградой, как, вероятно, и Хедингем и Касл Райзинг. В Митфорде, недалеко от Морпета, находится уникальный пример прямоугольной крепости, три угла которой прямоугольные, а четвертая грань разбита на две плоскости, сходящиеся на небольшом выступе. Вероятно, это уже в конце периода.

Размеры этих опор варьируются от 25 до 80 футов и даже 100 футов в сторону, и обычно они имеют высоту от полутора до двух диаметров до основания парапета. Многие, возможно, большинство, выросли на сцене, такие как Порчестер, Бриджнорт, Ричмонд, Броу, Броэм, Кенилворт и Норме. В большинстве этих случаев пристройка была произведена в нормандский период и, возможно, современна заменой покрытия из свинца на черепицу или каменную плитку.

Обычно плоские внешние грани подчеркиваются широкими пилястрами небольшого выступа шириной от 5 до 10 футов и глубиной 6 дюймов, по одной в конце каждой грани и по бокам от нее, а в более крупных — по одной или даже по две между ними. Фланкирующие пилястры обычно располагаются так, чтобы закрывать угол, когда они сходятся; иногда, однако, они не совсем сходятся, и сплошной угол заменяется полым уголком, иногда, в поздних замках, как в Касл Райзинг и Скарборо, занятым смелым выступом или зацепленным стержнем. Во всех крепостях, кроме очень маленьких, эти фланкирующие пилястры продолжают на высоте от 8 до 10 футов над парапетом как внешние грани квадратных башенок, которые сейчас обычно разрушены. В Хедингеме сохранился один, частично совершенный. Те, что на Белой башне и в Рочестере, частично оригинальные и, безусловно, очень точно представляют оригинальные сооружения. В Боузе, по-видимому, была только одна башенка, прикрывавшая лестничную площадку. Промежуточные пилястры обычно

заканчиваются либо непосредственно под основанием парапета, либо под верхним окном. В Дувре их заносят на парапет и поддерживают там небольшие внутренние углубления, но это бывает очень редко. Пилястры обычно разделены струнами на ступени, обозначающие уровни разных этажей, и все они поднимаются от общего цоколя, иногда небольшого, но иногда, как в Маллинге, Кенилворте, Гилфорде, Скарборо и Норме, где одна сторона поднимается с более низкой площадки, высота цоколя с этой стороны составляет от 8 до 10 футов, а в Кенилворте и Норме имеет очень рельефное основание. Зачет и струнный ход иногда проходят как по стене, так и по пилястрам. В Колчестере и в Белой башне выступающий полукруг образует апсиду часовни, и на нем появляются пилястры; в Рочестере закругленный угол сплошной, за исключением одного этажа, но это, вероятно, связано с реконструкцией. Пилястры являются одной из наиболее заметных черт нормандского стиля, и их наличие сразу отличает крепость того периода от прекрасных башен четырнадцатого века, таких как Бортвик и Лохлевен, найденных в Шотландии, а также от башен раннего английского времени, где пилястры более смелые и узкие и часто, как в замке Эксетер, со скошенными углами.

Толщина стены крепости составляет от 7 до 14 футов, а у основания фундамента иногда 20 футов. Считается, что толщина стены в Колчестере достигает 30 футов. Говорят, что на прокалывание Лондонского тауэра с использованием всех современных инструментов и приспособлений ушло шесть недель. Нижние 14 футов башни Ньюкасла считаются прочными. Стена обычно уменьшается в толщине по мере подъема, иногда за счет внешнего отступа на 6 дюймов, чаще за счет внутреннего шага в 1 фут на каждом уровне пола. Иногда внешняя сторона имеет наклон внутрь или выпуклости, но это необычно. Вершина на уровне аллюра или зубчатой дорожки редко бывает меньше 6 футов, а часто 7 или 8 футов толщиной. Внутри более крупные крепости разделены поперечной стеной, обычно поднимающейся к вершине и прорезанной в каждом этаже. Иногда эта стена ограничивается подвалом и первым этажом. Кенилворт, большая крепость, не имела поперечной стены; в Норвиче и Кентербери их было по две, а в некоторых камерах, таких как Касл Райзинг, Вулси, Колчестер и Белая башня, по концам отгорожены вторичными поперечными стенами. В Боузе две стены разделяли подвал на три помещения. Обычно в этих перегородках были дверные проемы, но проемы в основном этаже были больше. В Скарборо была и до сих пор есть в Хедингеме одна большая арка; в Рочестере и Миддлхэме их несколько. В Рочестере только небольшие дверные проемы. Там, где поперечной стены нет, ее место, без сомнения, занимали деревянные столбы. У небольших замков есть подвал и первый этаж; у больших — второй и третий этажи, причем последний часто является ранней пристройкой.

Подвальная камера почти всегда находится на внешнем уровне земли и никогда не бывает намного ниже ее; обычно она имеет высоту от 12 до 15 футов, скорее проветривается, чем освещается, с помощью одной или нескольких узких петель на каждой грани, расширенных и ступенчатых изнутри: в Ричмонде нет даже таких. Подвал, очевидно, всегда был кладовой. Время от времени, как в Скарборо, но не часто, в его стенах есть помещения; чаще всего они сплошные. В небольших замках, таких как Ладлоу и Карлайл, первый был главным этажом, или парадной комнатой; в более крупных, таких как Рочестер, это, по-видимому, была казарма. Отверстия были несколько больше, чем те, что внизу, но ненамного. В стенах обычно были камеры. В больших крепостях главный этаж, обычно второй, имел высоту от 25 до 30 футов, обычно с окнами шириной 2 фута или около того и часто соединялся под одной аркой снаружи. Внутри ниша была расширена и иногда опускалась до уровня пола, в то время как в косяках были дверные проемы, ведущие в комнаты с фресками. Некоторые из этих залов замка, должно быть, были комнатами знати. Там, где была поперечная стена, как в

Рочестере, Норэме и Миддлхэме, было две комнаты; в Кенилуорте большое открытое пространство, вероятно, было разделено перегородкой. Обычно в более крупных замках стена главного этажа пронизана высоко вверх чем-то вроде галереи из трифория, в которую выходят наружные окна и которая открывается в комнату высокими и большими арками высотой от 3 до 4 футов. Возможно, эти галереи и их окна были предназначены для создания еще одной линии обороны; но они, должно быть, нарушили уединенность зала и сделали его очень холодным. Над основным этажом находился верхний этаж, вероятно, занятый под отдельные комнаты, отгороженные деревянными перегородками. Там, где этот этаж не был частью первоначального здания, его усиление, по-видимому, было одной из целей пристройки. Он был размещен непосредственно под крышей. Первоначальная крыша, по-видимому, была наклонена с умеренным уклоном, что было необходимо для отвода воды с черепичного покрытия. Фронтоны не возвышались над парапетом, так что, таким образом, происходила большая потеря пространства. В небольших крепостях крыша представляла собой простой гребень с боковыми желобами; там, где имелась поперечная стена, крыша была двойной, с центральным и боковыми желобами. То, что это было обычное устройство, видно по старым атмосферным воздействиям, которые остаются на торцевых стенах, где бы они ни были установлены. Первоначальная крыша, конек которой располагался немного ниже парапета, имела боковые желоба в глубоких впадинах. Конечно, никакой военный двигатель не мог быть установлен на такой крыше. Там, где стены были подняты, крыша была заменена полом, а на верхнем этаже появилась либо плоская, либо почти плоская освинцованная крыша. Эти пристройки почти всегда сделаны в поздненормандском стиле, но в Brougham они украшены. В Ладлоу, где был центральный гребень с двумя боковыми желобами, интерьер был перестроен, и плоская крыша была уложена на уровне конька старой, получив перекрытие без подъема стен. Кажется, что фронтоны никогда не возвышаются над парапетом, как в шотландских башнях. Вероятно, одна из причин, по которой нормандские крыши были подняты и выровнены, заключалась в том, чтобы на них можно было разместить военные машины, и использование свинца, должно быть, появилось довольно внезапно, незадолго до окончания нормандского периода.

Полы в этих крепостях почти всегда деревянные; толстые грубые доски, опирающиеся на прочные балки площадью 12 или 14 квадратных дюймов, расположенные примерно в 2 или 3 футах друг от друга и опирающиеся либо на выступ, либо на обычные отверстия в балках. Такие полы подвергали крепость огню, и, как только она хорошенько загорелась, она, несомненно, горела бы до тех пор, пока не была бы выпотрошена. Время от времени подвал украшают сводами, но эти своды очень редко бывают оригинальными, и когда это так, строительство замка запаздывает. Своды в Тауэре и в Дувре выложены современной кирпичной кладкой; своды Ладлоу кажутся раннеанглийскими; своды в нижней части Карлайла, Порчестера, Брозма, Боуза и Ричмонда украшены; своды в Миддлхэме, Ньюкасле и Митфорде могут быть оригинальными. Свод в Норэме, поздней крепости, может быть оригинальным, но, более вероятно, был установлен в более ранний период епископом Пюизе. То, что находится в Бамбурге, является вставкой. Подвал Боуза был сводчатым, но то, что осталось от одного ребра, либо украшено, либо позже. В нескольких примерах, когда пушки были установлены в нормандской крепости, над верхней комнатой был возведен кирпичный свод, а крыша засыпана и вымощена камнем. В Дувре, Карлайле и Ньюкасле, где это было сделано, верхние проемы зала закрыты, а внутренняя часть полотна совершенно обезображена. Конечно, нет никаких оригинальных сводов в большом помещении выше подвала.

В большинстве крепостей в одном углу есть лестница-колодец, которая начинается на уровне земли, снабжает каждый этаж и заканчивается на крыше под башенкой, но не имеет

сообщения снизу с внешним видом. Изначально это было в Белой башне. Есть и другие лестницы на других уровнях, начинающиеся на первом или даже втором этаже и не всегда доходящие до крыши. Как правило, одной лестницы, спускающейся в кладовую, по-видимому, было достаточно; но считалось преимуществом иметь две или три, поднимающиеся из зала или с верхнего этажа на крепостные валы, для готовности во время осады. В Кентербери также есть две лестницы-колодца в боковых стенах; и одна есть в Лондоне. Эти лестницы-колодцы имеют диаметр от 8 до 12 футов и освещены петлями. Обычно они сообщаются с каждым этажом через своего рода вестибюль. Лестница всегда каменная. Поскольку ступеньки под каждым углом не подходят для одного и того же уровня галереи фресок, эти последние устанавливаются, как правило, очень неуклюже. Время от времени расположение меняется, лестница заканчивается на первом этаже и продолжается по противоположной диагонали. Иногда, как в Карлайле, Ладлоу и Бамбурге, где наружная дверь находится на уровне земли, лестница начинается сбоку от дверного проема и поднимается прямо в стене, а по достижении следующего угла переходит в лестницу-колодец. Так обстоит дело в Чепстоу, где верхний этаж, вероятно, является дополнением. На перекрестке улиц Карлайл и Ладлоу лестница заканчивается на первом этаже и продолжается под другим углом. В Броу, где внешняя дверь находится на первом этаже, узкая прямая лестница поднимается в стене на второй. В Прудхо она продолжается с двух сторон, как и в Ричмонде. Направление лестниц всегда можно определить по расположению наружных петель, и общее правило, по-видимому, состоит в том, чтобы ограничить доступ к хранилищам и главному этажу, а с последнего обеспечить свободный доступ к крепостным валам. Изгибы и углы этих узких лестниц облегчали их защиту.

Огромная толщина стен обычно используется для создания настенных камер. Они имеют прямоугольную, иногда расположенную под углом, и L-форму. Они сводчатые, обычно в виде простого бочонка или столь же простого паза, освещаются внешними петлями, и время от времени, хотя и очень редко, в них, как в Боузе, есть камин. Ширина их варьируется от 4 до 6 футов, и они бывают разной длины. Обычно их больше и они крупнее на главном и верхних этажах. Они предназначались для спален, гардеробных, ораторий и кладовых. В Гилфорде есть очень примечательная молельня, расположенная на уровне первого этажа, в форме L с аркадой, украшенной фресками. В Броэме молельня находится на верхнем этаже. В Рочестере и Дувре верхняя галерея не идет кругом, а в последнем заканчивается тюремной камерой. В некоторых крепостях, даже с толстыми стенами, всего несколько комнат. В двух оставшихся сторожевых башнях Норхэма, построенных позднее, нет ни одной, максимум по одной. Дувр, также поздний, пронизан камерами на каждом уровне, и даже поперечная стена над ним пронизана галереей, уникальный пример. В Ньюкасле, построенном в 1080 году, очень много камер. Там, где есть гардеробные, у них каменные сиденья, а вентиляционное отверстие обычно представляет собой вертикальную шахту в стене, хотя иногда на ее внешней поверхности есть отросток, или, хотя и реже, оно имеет выступ. В Кенилворте, прекрасной, но поздней крепости, в одном углу располагалась лестница-колодец, а в трех других комнатах. Они представляют собой возвышающиеся над землей башенки и по размеру больше обычных. Полы в них деревянные. Одна угловая башенка, по-видимому, была полностью занята гардеробными, а нижняя часть, в настоящее время заполненная легким грунтом, очевидно, была большой выгребной ямой. В Корфе к одной стороне крепости пристроена очень большая гардеробная башня — возможно, нормандская пристройка.

В большинстве крепостей, даже самых ранних, есть камин. В башне был обнаружен один, в котором, как долгое время предполагалось, их не было. В Дувре они расположены на поперечной стене; в Рочестере, где они очень красивы, — по бокам. Обычно дымоход

поднимается в стене; в Рочестере и Колчестере он разветвляется, и два дымохода открываются немного выше на лицевой стороне стены, скрытые в углублении пилястры. Нелегко определить, является ли дымоход оригинальным, когда в камин вставлена фурнитура; так, в кладовых башни, где установлены каминные эпохи тюдоров, на стене нет отметин, как будто в ней вырезали дымоход, поэтому они могут представлять собой оригинальные каминные, хотя это маловероятно. Несомненно, широко использовались открытые очаги и каминные из железа с дымоходами из дерева и штукатурки, которые не оставляли следов при удалении. Каминные в залах с фресками в Дувре, похоже, все относятся к эпохе Тюдоров. В Ричмондском замке не было обнаружено ни одного каминного; оригинал каминного находится в зале с фресками в Боузе.

Эти крепости, построенные в основном для обеспечения безопасности, имеют лишь несколько внешних отверстий, да и те редко бывают какого-либо размера. Иногда самая узкая часть петли находится в центре стены, с разветвлением в каждую сторону, и имеет форму песочных часов. Это можно увидеть в Кенилворте и Порчестере, в поздних замках. Расположение кажется неудачным, что сильно облегчает попадание стрелы. Большие окна, иногда высотой 3 или 4 фута, были закрыты ставнями.

Колодец был важным аксессуаром нормандской крепости. В Дувре их два — один находится в передней части. Иногда, как в Бамбурге и Касл-Райзинге, его устье находится на уровне земли. Чаще всего его труба находится в стене и выходит в специальную камеру-колодец, как в Дувре, Ньюкасле и Кенилуорте. В Карлайле он находится в стене, и до него можно было добраться через внутреннее боковое отверстие, теперь преобразованное во внешнее. В Рочестере он находится в поперечной стене; труба там поднимается на вершину и имеет отверстие на каждом этаже, и в Кентербери есть следы какого-то подобного устройства. В Порчестере колодец занимает один угол стены и открывается на каждом этаже. В Колчестере был обнаружен колодец, долгое время закрытый. Он находится в подвале, недалеко от входа. Известно, что в Хедингеме есть колодец, но его место утеряно. В Бамбурге один из самых замечательных колодцев в стране, проложенный на глубине 145 футов в скале уин, был обнаружен только в прошлом столетии. В Ричмонде полый восьмиугольный пирс, несущий свод, был построен точно над колодцем, в который можно попасть через него. В Арке, в Нормандии, где колодец находится почти под одним углом, над ним была проложена труба, поднимающая устье на второй этаж. В Боузе, Броу, Броэме, Гилфорде, Каслтоне и Корфе не было обнаружено ни одного колодца, и только совсем недавно один из них был открыт в Белой башне в Лондоне.

Обычно прилагались большие усилия, чтобы прикрыть входы в эти крепости передним зданием, детали которого были мало изучены. На одной стороне башни, но являющейся частью ее конструкции, была расположена башня меньшего размера, также прямоугольная, длинной, то есть закрывающая одну сторону, примерно на треть ширины башни и на две трети ее высоты. В одном конце, на уровне земли, начиналась прямая лестница, которая поднималась почти до другого конца, когда заканчивалась на площадке, которая была вестибюлем фактического входа в цитадель. Над нижней частью лестницы была низкая башня и прочный дверной проем. На полпути вверх по лестнице часто находился второй дверной проем, а иногда, как в Дувре, вторая башня. Над площадкой у начала лестницы возвышалась башня побольше и выше, тоже с прочным дверным проемом. За этим дверным проемом лестница часто прерывалась подъемным мостом, как в Рочестере. Лестница не всегда была перекрыта, но была защищена внешним парапетом некоторой высоты, как в Беркли, где у shell кеер есть переднее здание, очень необычный пример. На зубчатые стены

нижней, или входной, башни можно было попасть через маленькую дверцу в соседнем углу башни высоко наверху. Это видно в Рочестере, а также в Миддлхэме и Броэме, где убрана сама башня. В стене крепости сбоку от лестницы часто было углубление для стражи, как в Миддлхэме. У ямы для моста был внешний парапет, скрывающий тех, кто пользовался мостом. В замке Райзинг, где средние ворота идеальны, на его зубчатые стены ведет небольшая дверь из крепости.

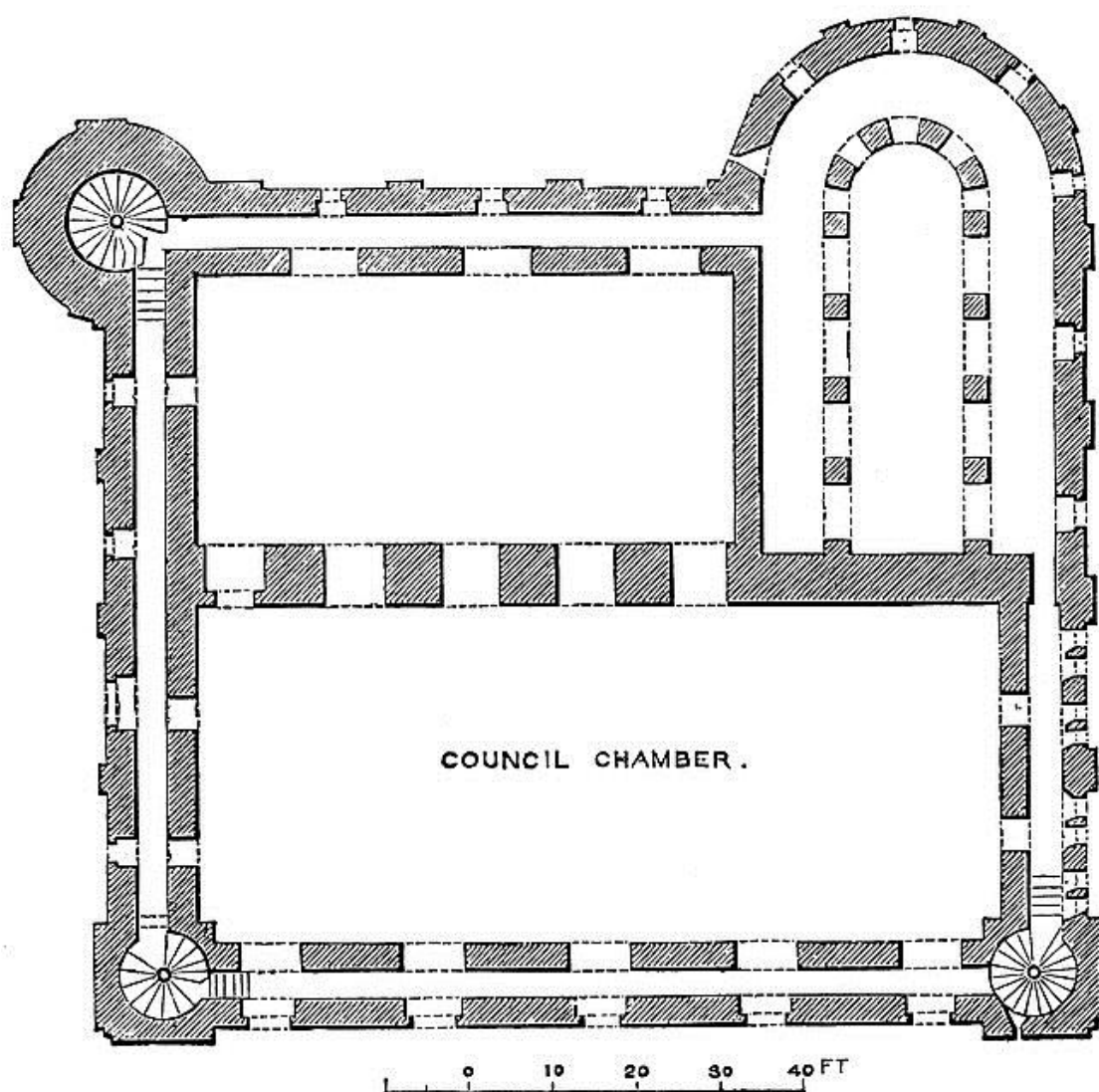
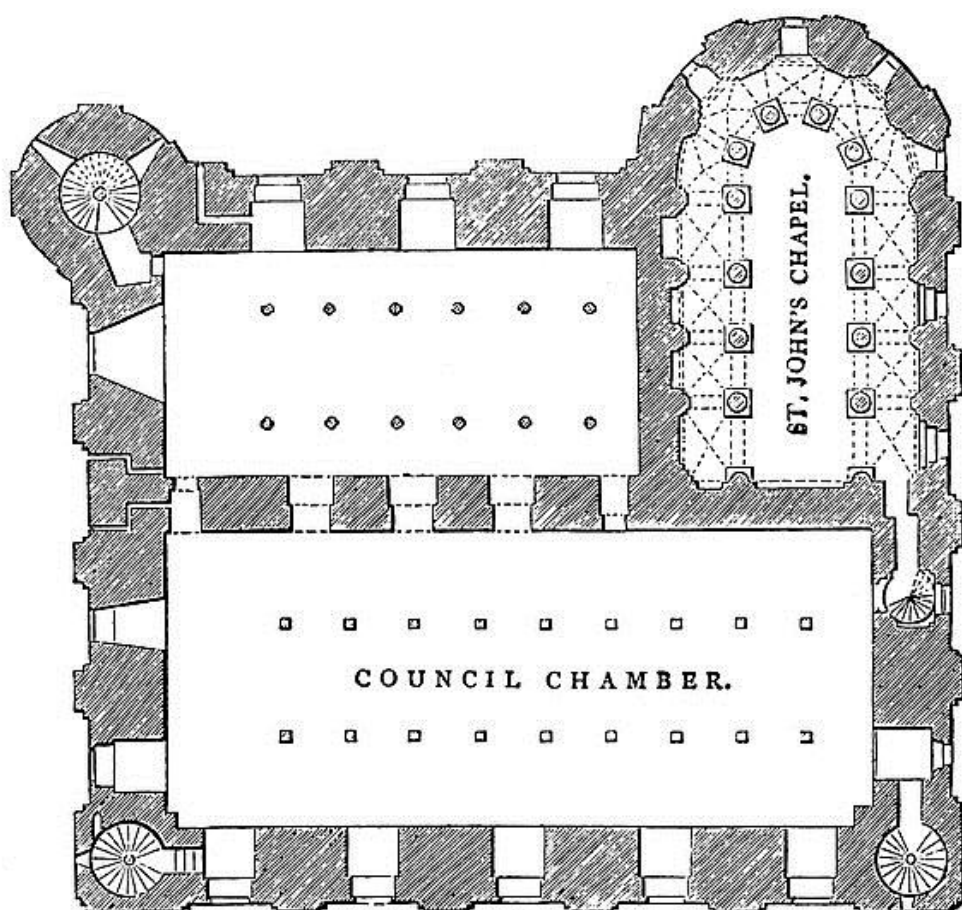
Вестибюль у начала лестницы обычно представлял собой помещение приличных размеров, часто сводчатое. В нем находился главный дверной проем крепости, шириной не менее 6 футов, с боковыми шахтами и лепным архитравом. В Касл-Райзинге этот вестибюль украшен аркадой и очень красив; в Рочестере он простой или почти такой. В Дувре в нем находится караульное помещение, в Ньюкасле и Миддлхэме - часовня. Подвал под вестибюлем обычно был тюрьмой и имел небольшую дверь в соответствующий подвал замка. В Рочестере есть два этажа под вестибюлем и два над ним. Передние постройки в совершенстве сохранились только в Касл-Райзинге, Норвиче, Дувре и Ньюкасле; большие их остатки сохранились в Рочестере, Порчестере и Миддлхэме, а некоторые - в Хедингеме, Корфе и Кенилуорте. В Скарборо, Броэме, Брамбере, Кентербери и Хелмсли сохранились только следы. В Дувре есть своды под лестницей и нижней башней, над которыми находится вестибюль и часовня, а на первом или верхнем этаже - вторая часовня. Иногда есть проход от подножия лестницы переднего здания в подвал крепости, но, вероятно, это не оригинально. Его можно увидеть в Дувре, Ньюкасле и Касл-Райзинге. Белая башня была настолько разрушена, что трудно сказать, как в нее изначально вошли. Переднее здание, по сути, является придатком норманнов и, за исключением Беркли и, возможно, Чилхэма и Орфорда, ограничено крепостями прямоугольной формы. Предполагалось, что это поздняя крепость, но в Арке есть форсайт, который обычно считается очень ранним.

В небольших крепостях и нескольких более крупных нет форсайта, а вход осуществляется через простую арку, как в Клитеро, Годериче, Боузе, Гилфорде и Маллинге. Этот вход находился на втором этаже. В последнем случае он действительно находится в подвале, но, тем не менее, на высоте 10 футов над уровнем земли. Подход в этих случаях, по-видимому, осуществлялся по внешней деревянной лестнице. В Чепстоу, Карлайле, Бамбурге и Ладлоу вход осуществлялся через единственный дверной проем на уровне земли. Почти во всех более крупных крепостях было сочтено удобным — вероятно, когда они перестали использоваться исключительно как военные сооружения — иметь большой прямой вход на уровне земли. Такие были сделаны в Лондоне, Рочестере, Норме, Кенилуорте, Порчестере, Гилфорде, Клитеро, Хедингеме, Колчестере, Годериче, Кентербери, Броу и Маллинге, и, вероятно, в Чепстоу. Некоторые из них, очевидно, являются вставками, заменяющими петли; другие, по-видимому, были оригинальными дверями, ведущими из подвала замка в переднее здание, сделанными внешними после его разрушения, как в Корфе и, возможно, в Кенилуорте. В Ричмонде демонтаж передней части здания привел к открытию большой нормандской арки в подвале, которая вела в него. Помимо этих главных дверей, в Ладлоу есть две двери, ведущие из башни на крепостные валы занавеса; а в Рочестере есть небольшая дверь, от которой, вероятно, к соседнему занавесу ведет дощатый подъемный мост длиной шесть или восемь футов. Нечто подобное есть в Хелмсли и в нормандской крепости Адэр в Ирландии.

В большинстве крепостей есть молельня; в некоторых - обычная часовня. Особенность Дувра в том, что их две, обе в переднем здании, в нижней башне. В Ньюкасле есть один в передней части здания, под лестницей и верхней башней. В Миддлхэме сохранились остатки очень красивого здания у верхней части внешней лестницы. В Рочестере часовня, по-видимому,

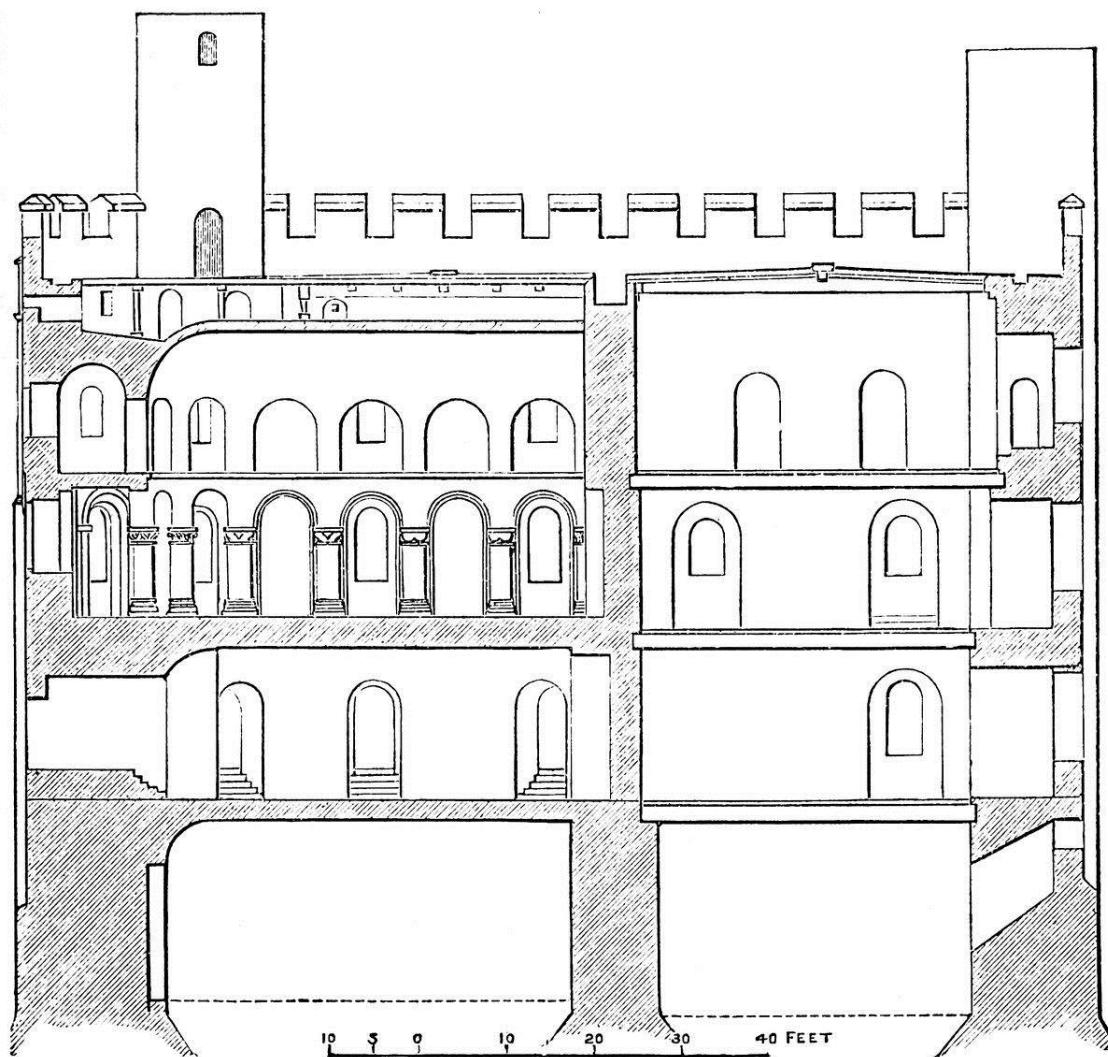
находилась в переднем здании, высоко, под кухней. В Касл Райзинге она находится на втором этаже башни, в конце одной из больших комнат. В Гилфорде и Броэме он был в стене. Самая прекрасная и древняя замковая часовня в Англии находится в Белой башне. Она большая, имеет неф, проходы и полукруглую апсиду, все сводчатые. Эта часовня занимает два этажа, а под ней находятся два этажа сводчатых склепов, предназначенных для тюрем. Часовня в Колчестере, хотя и меньше и грубее, напоминает по расположению часовню в Белой башне.

Из трех приведенных здесь рисунков на первом представлен план Белой башни в Лондоне на втором этаже часовни. Оттуда видны три лестницы в колодец, а также наружная и поперечная стены. Здесь также показана небольшая фресковая лестница на южной стене, которая заканчивается на этом уровне и обеспечивает единственное сообщение с основным этажом часовни.

На следующем рисунке показан план третьего, или самого верхнего этажа, на уровне нижнего этажа часовни. Здесь внешняя стена со всех сторон пронизана галереей фресок, которая сообщается с тремя лестницами-колодцами и с часовней.

Наконец, следует вертикальный разрез всей крепости с востока на запад, на котором показана часовня с ее кладовой вверху и двумя ярусами крипт внизу. Эти рисунки, которые в большей степени относятся к подробному описанию Лондонского Тауэра, которое следует далее, вставлены сюда как иллюстрация того, что написано о нормандских прямоугольных крепостях в целом.

Кухня, хотя и является необходимым придатком замка, встречается нечасто. Вероятно, приготовление пищи носило простой характер, в основном проводилось на открытом огне, или путем отваривания, или поджаривания на жаровне. Кухня есть в переднем здании в Рочестере, высоко наверху; и еще одна на уровне первого этажа в зале с фресками в Касл Райзинге и в Норвиче. Кухня, когда она находилась в отдельном помещении, находилась на уровне холла или даже над ним.

Защита внешнего дверного проема в нормандской крепости обычно представляла собой одну или две прочные дубовые двери, укрепленные железом и удерживаемые одним или двумя засовами, также дубовыми, которые уходили в глубокие отверстия в стене площадью около четырех квадратных дюймов. Подъемная решетка, хотя и использовалась в других

частях замков, была редкостью в цитадели. Это очень древний метод защиты, выполненный из камня в Великой пирамиде, канавка для которого сохранилась в городских воротах Помпеи. Когда она использовалась, как в крепостях Скарборо, Хедингема и Рочестера, это была цельная решетка, вероятно, из дуба с шипами и обшитая железом, и она была сделана из фресковой камеры над аркой. Иногда, судя по узким размерам паза, кажется, что решетка была полностью сделана из железа. Он приводился в движение цепями или шнурами, обернутыми вокруг цилиндра или лебедки, которые до сих пор используются в главных воротах Тауэра. Нормандские крепости очень редко сохраняют свои оригинальные парапеты или башенки. Парапет был около двух футов толщиной и пяти футов высотой. Он был либо простым, либо имел широкие зубцы и узкие амбразуры. Обычно это было простое продолжение стены, без выступов или каких-либо приспособлений для расширения стен вала, которые были достаточной толщины для прохода. В Рочестере у основания парапета видны отверстия для балок, несущих *бретельку* или внешнюю галерею, но они, вероятно, не являются оригинальными. Угловые башенки обычно являются просто оружейными складами, через них проходят проходы к крепостному валу. Иногда к ним ведет каменная лестница на верхний этаж.

Много говорилось о норманнских подземельях, темницах и подвалах, сырых и убогих, орудиях норманнской тирании. Что касается этих крепостей, то в них никогда не бывает каких-либо подземных помещений. Цокольный этаж обычно находится на уровне земли или самое большее на два-три фута ниже нее. Там, где цитадель построена на возвышенности, может случиться так, что комната, дверь в которую находится на уровне земли, может иметь одну стену, наполовину погребенную под землей, но за ней ничего нет. Обычных заключенных не запирали в крепости, пространство там было слишком ценным. Подвал вряд ли можно было использовать как тюрьму, поскольку в нем находился замковый колодец, а камеры с фресками обычно заперты изнутри. Комнаты под вестибюлем и некоторые нижние своды в Дувре, а также крипты Лондонского Тауэра и в Колчестере, вероятно, использовались в качестве тюрем. В верхней галерее в Дувре есть очень заметная тюрьма. В Карлайле, где подвал недавно использовался как тюрьма, вероятно, изначально он таковой не был. Какими бы большими ни были некоторые из крепостей, они не были рассчитаны на длительную осаду, и тогда все свободные помещения потребовались бы для хранения провизии и припасов. Более ранние крепости очень простые. В башне нет даже лепнины, кроме часовни, и внешней перегородки над основным ярусом окон. Без сомнения, он был сильно изуродован, но, если бы украшения были срезаны, слои свободного камня, на которых они лежали, все еще можно было бы отличить от обычной бутовой кладки. Некоторые из более поздних построек демонстрируют довольно богатые детали, хотя обычно отличаются большой простотой, касающиеся дверей, окон и каминов. Так обстоит дело в Рочестере, Хедингеме, Дувре и Ньюкасле, и особенно в замке Райзинг, одной из самых богато украшенных крепостей. В Бамбурге есть прекрасный дверной проем начала двенадцатого века; в Ладлоу и Гилфорде - несколько аркад; в Порчестере - несколько хороших окон. Внешний вид Норвича, или, скорее, был, грубо обшит панелями с ярусами арок. Годерих, в остальном очень простой, украшен снаружи штриховкой или шевроном. В этих крепостях арки обычно расположены по центру, но иногда сегментированы, а там, где они плоские, над перемычкой обычно имеется разгрузочная арка с углубленным барабаном, как в Чепстоу. В Маллинге, хотя здесь и нет лепнины, окно первого этажа с одной стороны является центром пяти глубоких ровных ниш по центру на внешней стороне, которые не могли быть предназначены для использования, а на другой стороне, также снаружи, есть еще пять ниш, все без отверстий. Иногда в стенах поворачиваются фальшивые арки, как будто дверь закрыли или предусмотрели возможность нового проема. Такие можно увидеть в

Дувре, Норвиче и Гилфорде. Считается, что они предназначены, но вряд ли на то есть веские основания, для того, чтобы спровоцировать атаку там, где стена особенно толстая.

Одна или две башни имеют выступающие контрфорсы, резко контрастирующие с обычными плоскими пилястрами. Так обстоит дело в Колчестере и в Арке, где внешняя лестница проходит через один из них. В Арке также используются эти контрфорсы на верхнем этаже, арки перекидываются от контрфорса к контрфорсу, на которых построены камеры, а с одной стороны часовня, через пол которой можно сбрасывать снаряды на нападающих внизу. Арк, к сожалению, построен из мела и кремня практически без использования оригинального тесана, и, как следствие, трудно сделать выбор между тем, что является оригинальным, и тем, что было добавлено.

Нормандские ножны отличаются как качеством изготовления, так и материалом. Белая башня, построенная в большой спешке, сложена из щебня, грубо обработанного, с очень открытыми швами; но цоколь, выступы и пилястры, по-видимому, были из кентского тряпья, отделанного тесом, и также с открытыми швами. Маллинг является прекрасным примером очень раннего нормандского щебня с открытыми швами, и это также можно сказать о части соседней церкви аббатства и, возможно, о башне приходской церкви. В Гилдфорде много работы из селедочных костей, в Чепстоу и Пенлайне - немного. Колчестер частично построен из древнеримских материалов, в основном кирпича, и содержит несколько изделий из селедочной кости. В меловых районах в основном использовался кремень, например, в Брамбере, Дувре, Гастингсе, Кентербери, Турнеме, Беркхамстеде, Бангее и Уолдене. На юге или у моря ясень часто растет в небольших кварталах от Кана. Корф, как и большая часть Кенилуорта, изготавливается из превосходного местного ясеня. Порчестер сложен из мела и кремневого щебня, облицован тесаным деревом снаружи и частично внутри. Хедингем весь из тесана, и в целом это лучшая крепость в Англии. Боуз - прекрасный образец тесаного дерева из местного камня. Какой бы ни была нормандская кладка церковных башен, в крепостях она всегда добротная, хотя часто грубая, и очень долговечная. Время от времени в середину стен вставляются бревенчатые цепочки, чтобы скреплять работу до тех пор, пока раствор не затвердеет, и случалось, что в стене появлялись проломы, и обнаруживалось, что обнаженные бревна сгнили, оставив полости, как в Рочестере, об использовании которых написано много бессмыслицы.

Рассматривая ограниченные и очень неудобные помещения, предоставляемые нормандской крепостью, следует помнить, что она предназначалась не для проживания, за исключением случаев фактической осады, и что в такие моменты она часто принимала только вооруженных жильцов барона, а не его наемников. Действительно, строители некоторых из этих крепостей, похоже, не доверяли своим собственным войскам так же сильно, как боялись войск врага. Лестницы и галереи часто используются не только для обеспечения свободного сообщения между несколькими частями здания, но и между его внутренней и внешней частью. Кроме того, чрезмерная ревность при охране входа, множество дверей, крутые и извилистые лестницы, крутые повороты в проходах, хотя они и помогали не допустить врага или, если он проникал внутрь, ставили его в невыгодное положение, также делали невозможным быстрое возвращение гарнизона, так что, если двор или внешняя охрана были взяты штурмом, у защитников было мало времени, чтобы отступить в крепость, которая, таким образом, была подвержена *главному удару*. В остальном, при достаточном и верном гарнизоне, достаточном количестве провианта и военных складов, нормандская прямоугольная крепость была почти неприступна, настолько велика была ее пассивная сила. Его окна были слишком малы или слишком высоки, чтобы огненные шары

могли дотянуться до их ставен, а стены были слишком толстыми, чтобы их можно было пробить или заминировать, если должным образом защищаться с вершины. Это, действительно, был истинный метод защиты. Обычная петля в толстой стене, какой бы широкой она ни была, оставляла лучнику лишь небольшой простор для стрельбы или пространство для натягивания лука. Нижние петли предназначались исключительно для воздуха, а не для защиты. Выше, с большими окнами, можно было с преимуществом использовать арку, но там не было фланговых укреплений, поскольку углы не имели значительного выступа, а выступы или боковые грани пилястр не были пробиты. С военными машинами для сбрасывания тяжелых камней и каменных глыб с крыши можно было бы добиться многого, но в ранних крепостях это не предусматривалось, и, вероятно, не в какой-либо степени в более поздних. Стрела, выпущенная с зубчатой стены высотой 50 или 70 футов, потеряет часть своей силы при падении. Об осаде Рочестера имеются определенные сведения, и отчет об операциях осаждающих подтверждается свидетельствами, предоставленными существующей крепостью. Крепость Рочестер находится всего в 10 или 12 футах от юго-восточного угла внешней стены, угол наклона башни соответствует углу наклона стены. Угол стены и часть прилегающего занавеса, очевидно, были сняты и перестроены вместе с венчающей башней в более позднем стиле. Напротив и позади этого более нового сооружения нижняя часть угла цитадели также в какое-то отдаленное время обвалилась, а вместе с ней и несколько ярдов прилегающих сторон. Эти части были перестроены в грубой и неряшливой манере, и связь старой и новой работы очень очевидна. Эта крепость была построена около 1130 года и осаждена королем Иоанном на три месяца в 1215 году. Военные машины не оказали на него особого воздействия, но была открыта мина, которая, по словам Уэндовера, сначала обрушила стены, а затем и часть башни. Это то, что мы сейчас видим. Крепость, по-видимому, сразу же была отремонтирована в спешке, внешняя стена, вероятно, была возведена только в 1225 году, когда Генрих III потратил значительные суммы на строительство замка, и венчающая ее башня карниза датируется той же датой. Атака сар была единственной, применявшейся против прямоугольной крепости, и редко оказывалась практически осуществимой. Там, где, как это часто бывало, крепость стояла на скале, прокладка шахты под ней не произвела бы никакого эффекта. Там, где этого не было, фундаменты стены были настолько широкими и настолько прочными, что выдерживали даже тогда, когда большая часть грунта под ними была удалена. Например, в Белой башне, когда было сочтено удобным провести железную дорогу от речной набережной к основанию крепости для перевозки припасов, пришлось прорубить около 20 футов прочной каменной кладки и удалить много земли, и это, при любой помощи, оказалось очень утомительной и дорогостоящей операцией. Защита такой крепости заключалась только в ее пассивной силе. Петли ничего не значили для ее защиты; крыша, сделанная из гальки, была наклонной и не выдержала бы ни военной машины, ни большого запаса камней или тяжелых снарядов. Узкий дверной проем не позволял совершить вылазку большими силами, и при серьезном нападении у гарнизона не оставалось иного выхода, кроме как положиться на толщину своих стен, достаточный запас воды, запасы провизии и, таким образом, терпеливо ожидать помощи.

Таковы детали прямоугольных нормандских башен, которых у нас в Англии насчитывается около пятидесяти дошедших до нас или хорошо записанных примеров, датируемых с 1078 года, когда было начато строительство Белой башни, примерно до 1180 года, к которому можно отнести крепость Хелмсли.

СПИСОК (ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ) ПРЯМОУГОЛЬНЫХ КРЕПОСТЕЙ В АНГЛИИ.

- *Чешир*.—Честер.

- *Корнуолл*.—Карнбре (?).
 - *Камберленд*.—Карлайл.
 - *Дербишир*.—Каслтон.
 - *Девон*.—Окхэмптон (?).
 - *Дорсет*.—Корф, Шерборн.
 - *Дарем*.—Норем.
 - *Эссекс*.—Колчестер, Хедингем, Уолден.
 - *Глостершир*.—Бристоль (разрушен).
 - *Хантс*.—Крайстчерч, Порчестер, Вулвси.
 - *Херефорд*.—Годерих.
 - *Кент*.—Кентербери, Дувр, Маллинг, Рочестер, Турнем.
 - *Ланкашир*.—Клитеро, Ланкастер.
 - *Мидлсекс*.—Башня.
 - *Монмут*.—Чепстоу.
 - *Норфолк*.—Бангей, Касл Райзинг, Майлхэм, Норвич.
 - *Нортумберленд*.—Бамбург, Митфорд, Ньюкасл, Прудхо.
 - *Ноттингем*.—Ноттингем (разрушен).
 - *Салоп*.—Бриджнорт, Клан, Ладлоу, Уотлсборо.
 - *Сомерсет*.—Тонтон.
 - *Суррей*.—Гилфорд.
 - *Сассекс*.—Брамбер.
 - *Уэльс*.—Огмор, Пенлайн.
 - *Уорикшир*.—Кенилворт.
 - *Уэстморленд*.—Эпплби, Броу, Броэм.
 - *Йоркшир*.—Боуз, Хелмсли, Миддлхэм, Норманби (?), Ричмонд, Скарборо.
-

ГЛАВА X.

ИЗ СКОРЛУПЫ СОХРАНИТЬ.

В то время как прямоугольных крепостей сохранилось множество, и некоторые из них очень совершенные, как в Англии, так и в Нормандии, РАКОВИННАЯ КРЕПОСТЬ, хотя когда-то и была самой распространенной из двух, редко сохранялась, и ее редко, если вообще когда-либо, находили в идеальном или неизменном состоянии. Существуют разные мнения относительно даты появления этих хранилищ, будь то немного раньше или немного позже другого типа. Ракушечная крепость, неизменно связанная с ранними земляными укреплениями, может считаться более древней формой; и в Арунде, единственном замке, упомянутом в "Страшном суде" как существовавшее во времена Исповедника, есть ракушечная крепость; но при достаточно тщательном исследовании не удалось обнаружить ни в Арунде, ни где-либо еще в Англии или в Нормандии какой-либо кладки очень раннего характера, вероятно, ни одной, которую можно было бы с уверенностью отнести к

одиннадцатому веку. Дело, по-видимому, в том, что ранние деревянные сооружения, которые, как известно, первоначально были возведены на окруженных рвами курганах, оказались очень удобными для обороны, и поэтому нормандские лорды сохраняли их до тех пор, пока они не смогли заменить древесину каменной кладкой. Прямоугольные крепости находились либо на новых участках, либо на участках, не защищенных очень мощными земляными валами, так что их строительство с самого начала было каменным, и таким образом получилось, что оболочки каменной кладки, хотя и всегда были связаны со старыми участками, были более позднего времени, чем монолитные башни. Даже в Дареме, замке, который, согласно записям, был построен Завоевателем, и крепость которого, должно быть, всегда находилась на нынешнем холме, хотя часовня и примыкающие к ней здания могут быть его работой, в башне ракушек нет нормандской кладки; и если, как можно предположить, когда-то была нормандская ракушка, это, вероятно, работа одного из сыновей Завоевателя или даже Генриха II.

Крепость из ракушек всегда располагается на насыпи, естественной или искусственной. Из тех, что расположены на естественных холмах, наиболее значительными являются Бельуар, Дарем и Льюис, но каменная кладка двух первых не оригинальна, хотя и построена по старым линиям. Данстер, резиденция ранних лордов Мохан, был разрушен, и единственный след от его крепости - фрагмент водостока. Монтакуте, где холм полностью естественный, также был очищен от каменной кладки. Но гораздо большее количество этих насыпей либо полностью искусственные, либо имеют смешанный характер.

В плане и размерах эти крепости примерно соответствуют форме холма, на котором они стоят. Большинство из них представляют собой многоугольники с десятью или двенадцатью сторонами, не всегда равными. Некоторые из них круглые, другие многоугольные снаружи и круглые внутри. Другие слегка овальные, другие более сложные в плане. Йорк, например, подходит к четырехлистнику размером 64 на 45 футов, и это, по-видимому, был план давно разрушенной крепости Уорик. Их диаметр редко бывает меньше 30 футов и редко превышает 100 футов.

Стена обычно имела толщину от 8 до 10 футов и, в качестве защиты от заселения, обычно располагалась на расстоянии 2-3 футов от края насыпи. Иногда, как в Линкольне и Тикхилле, стены укрепляли плоскими нормандскими пилястрами, но чаще всего они были сложены из простого щебня с цоколями и угловыми выступами из тесаного дерева. Кардифф, хотя и без цоколя, имеет угловые выступы и, вероятно, датируется началом двенадцатого века. Стены этих цитаделей были высотой от 20 до 25 футов до дорожки *rampart*, на которую можно было подняться по открытым внутренним лестницам из дерева или камня. Следы последней были видны несколько лет назад в Кардиффе. Такой снаряд хорошо подходит для установки на подготовленном грунте, который не выдержал бы твердой массы. В Кардиффе, где много позже была построена тяжелая башня, она поскользнулась и упала. Внутренняя часть более крупных крепостей представляла собой открытый двор, вокруг которого располагались здания — иногда просто сараи - у кольцевой стены. Там, где цитадель была большой и замок важным, эти постройки были постоянными, хотя даже в более крупных крепостях, таких как Йорк, в основном использовалась древесина. Виндзор до перестроек содержал открытый двор, как и до сих пор крепость Ледес Касл, которая примечательна тем, что стоит на небольшом острове, полностью им занятом. Нынешняя круглая башня в Виндзоре, хотя и современная, построена по образцу эдвардианской башни, которая, опять же, была построена по образцу поздней нормандской крепости, фундаменты которой были вскрыты Уайаттвиллом и, как оказалось, покоились на искусственном холме. Говорят, что Даремская крепость изначально была открыта, но была закрыта для размещения епископов, которые

были вынуждены из-за неспокойной ситуации в стране проживать в ней. Крепость в Йорке, известная как башня Клиффорда, скорее раннеанглийская, чем нормандская, и, вероятно, пришла на смену деревянному строению. Она очень напоминает некоторые французские крепости, построенные Филиппом Августом. Во дворе есть колодец, торная лестница, ведущая на крепостной вал, и часовня над входом, сильно измененная в украшенный период и которая, что нередко, служит камерой с опускной решеткой. В Хавардене, небольшом и тесном, но очень любопытном замке, молельня находится над входом.

Тамворт, скорее раннеанглийское, чем нормандское сооружение, долгое время был фактической резиденцией значительной семьи. Он все еще заселен и содержит несколько многолюдных и любопытных зданий, открытый двор и колодец. С замком связана более ранняя навесная стена с некоторыми элементами из селечной кости. Подход к цитадели протекает вдоль вала этой стены. Фактический вход представляет собой небольшой, простой дверной проем с заострением. В Линкольне цитадель представляет собой простую нормандскую оболочку. Он почти круглый и имеет два оригинальных дверных проема, один (большой) открывается с территории замка, другой - во внешний ров. Курган стоит на *ограждающей* линии крепости, и в местах, где два занавеса примыкают к замку, находятся две настенные камеры, которые, по-видимому, были гардеробными. В Клэр раковина представляла собой многоугольник с четырнадцатью гранями, и на каждом углу был контрфорс, треугольный в плане и состоящий из трех ступеней, уходящий в стену. Внутренний диаметр корпуса составлял 52 фута, толщина стен - 6 футов, высота - 25 футов, с четырьмя ярусами отверстий для бревен. Фундамент этой крепости необычной глубины - 6 футов. Говорят, что там была подземная камера, в чем можно усомниться. Материал - кремневый щебень, с тесаными контрфорсами и перевязками, но сама каменная кладка, хотя, без сомнения, в основном по старым линиям, выглядит не позднее Эдуарда III, если она такая древняя. Высота кургана составляет 53 фута, он находится на *ограждении* и пересекается занавесом. Основание имеет около 870 футов в обхвате, из которых около 600 футов находятся снаружи, и 270 футов внутри помещения.

В Олнвике весь внутренний двор представляет собой башню-ракушку, построенную на естественном холме. Главные здания, являющиеся жилищем господ, пристроены к стене и составляют ее часть, а в центре находится открытый двор. Сторожка нормандская и является частью фундамента стены, но большая часть надстройки дважды перестраивалась, хотя и по старым образцам. В стене есть колодец, вероятно, оригинальный, но заключенный в поздненормандскую каменную кладку. Алнвик был своего рода замком, опасным и всегда открытым для внезапного нападения, поэтому лорд обычно жил в замке, который был гораздо более просторным, чем обычно. Крепость Тикхилл представляла собой десятиугольник, от фундамента которого сохранился до верха цоколя, с основанием плоской пилястры, венчающей каждый угол. Вход был через маленькую дверь, сразу за которой находился колодец. Холм стоит на *ограждении*, и занавес проходит по нему с каждой стороны. Примерно четверть обхвата находится на территории замка, а остальная часть - за его пределами. Часть крепости Пикеринг сохранилась; она поздняя и многоугольная. Здесь холм занимает центральное место и находится на линии занавеса, который делит территорию на две части. В Эвиас-Гарольде, Билте и Беркхэмпстеде сохранились следы фундаментов крепости. В Килпеке сохранилась часть стены, внутри которой находился колодец, который, вероятно, старше каменной кладки. Крепость Фарнхэм является частью жилого дома и не была обследована. В Освестри есть фрагмент каменной кладки, а в Уиттингтоне есть следы, показывающие, что насыпь была облицована, а также, в украшенные времена, укреплена четырьмя или пятью большими настенными барабанными башнями.

Фундаменты крепости Тонбридж показывают, что она представляла собой слегка овальный многоугольник размером 86 на 76 футов, с пятнадцатью внешними пилястрами по углам и стенами толщиной 11 футов 6 дюймов. Это приписывается епископу Одо, но благородная сторожка и стены внизу построены позже. Курган занимает площадь в акр и находится на *ограждении*. В Арунделе есть хороший простой нормандский дверной проем со стороны замкового двора и вход через галерею в занавесе со стороны сторожки. Вот часовня на втором этаже, на стыке занавеса с крепостью, а рядом с ней находится камера-колодец. Колодец находится снаружи и, вероятно, старше стены крепости. В стене есть поворотная лестница, ведущая на крепостные валы, а у ее подножия - небольшая подземная камера, но обе они построены позже, чем крепость, и являются вставками. В Оксфорде курган содержит склеп, пристройку; но здесь, как и в Уоллингфорде, Хинкли, Лестере и Каэрлеоне, стен больше нет, как и в Бедфорде, столь знаменитом своей осадой Генрихом III. Курган в Куатфорде, бывший резиденцией графа Роджера, был, конечно, укреплен, хотя была ли это каменная кладка, неизвестно. Однако здесь есть глубокий колодец, который, должно быть, находился внутри крепости. Был прорублен туннель и более поздний лестничный пролет, они спускаются по склонам холма из внешнего двора. Этот проход выходит в шахту на высоте нескольких футов над уровнем воды.

В Беркли, по многим свидетельствам, одном из самых интересных замков Англии, есть очень любопытная крепость-ракушка, построенная вокруг насыпи, которая, таким образом, заполняет нижнюю ступень. Стена, нижняя часть которой, таким образом, представляет собой облицовку, укреплена тремя полукруглыми фресковыми башнями, в одной из которых находится колодец, а над ним часовня. Эта крепость также примечательна передним зданием, прикрывающим ее вход, которое включает башню над нижними или внешними воротами, у подножия лестницы. Известно, что этот замок был построен вскоре после восшествия на престол Генриха II., и, хотя нормандский стиль, конечно, поздний; Орфорд и Чилхэм, нормандские крепости своеобразного характера, также имеют предварительные постройки. Крепость в Понтефракте очень своеобразна. Замок занимает вершину естественного овального холма с отвесными скалами. На одном конце, на краю обрыва, находится насыпь, теперь частично заключенная в каменную кладку. Каменная кладка начинается у подножия скалы в виде своего рода полукруглой башни, или, скорее, группы круглых элементов, построенных в качестве подпорной стенки. Выше круг каменной кладки завершен, включает насыпь и образует крепость-ракушку. Основание пронизано проходами и камерами, вырублено в скале и частично облицовано каменной кладкой. В своем нынешнем состоянии эта крепость демонстрирует каменную кладку как украшенной, так и перпендикулярной эпохи, но ее содержание, как и часть прилегающей к ней каменной кладки, очевидно, поздненормандское.

Рестормел - скорее круглый замок, чем крепость из ракушек, и скорее раннеанглийский, чем нормандский. Однако в целом его можно отнести к группе ракушек. Он занимает естественный холм, и его кольцевая стена венчает крутой склон; напротив него расположены здания, а внутри - открытый двор. Лонсестон также, хотя и раннеанглийский, относится к типу ракушечника. У него есть центральная круглая башня и концентрическая стена намного ниже, своего рода *рубаха*, пространство между которыми перекрыто плоской крышей. Возможно, Монтакуте, построенный тем же лордом, был построен по тому же образцу; но от Монтакуте давным-давно исчезли даже руины.

Подход к этим крепостям, по-видимому, в простейшей форме заключался в деревянном мосту через ров со стороны замка, а оттуда по ступенькам на насыпь, как в Линкольне, где, однако, они современные, а ров частично засыпан. В Тикхилле и в Хавардене прямо внутри

есть лестница, пристроенная к занавесу. Недавние раскопки в Кардиффе выявили сваи деревянного моста, который пересекал ров и, возможно, был старше, чем остатки нормандской крепости. Кардифф, однако, благодаря тем же раскопкам, представляет собой прекрасный пример более продуманного подхода к постройке нормандской крепости из ракушек. Здесь двор замка пересекала толстая курганная стена, а пересечение рва с насыпью продолжалось вверх по его склону; сразу за курганом через ров был перекинут подъемный мост, за которым прямая лестница вела в цитадель. Здесь, как и в Уоллингфорде, колодец находился на склоне холма, прямо в канаве. Обычно вход в цитадель осуществлялся через простую дверь в стене, как в Арунделе, Линкольне, Тикхилле и Тамворте. В Йорке есть обычная надвратная будка, часть ракушки, к которой вел очень крутой мост, пересекающий очень большой мокрый ров.

Упоминалось, что эти крепости-ракушечники и курганы, на которых они стоят, обычно находятся и образуют часть *окружения* или линии внешней обороны замка, хотя и изолированы от нее соответствующим рвом, частью которого обычно является главный ров этого места. Это хорошо показано на старых планах Йоркского замка, и его действительно можно увидеть в Арунделе, и на многих других работах, как больших, так и малых, и на других насыпных холмах, таких как Хендомен, близ Монтомгери, и Бринклоу, которые никогда не были защищены каменной кладкой. Конечно, было необходимо перенести частокол, а затем, если он будет построен, занавесу через ров и вверх по склону насыпи к стене крепости, и даже там, где насыпь была центральной, как в Пикеринге и Кардиффе, она находилась на линии разделения двух округов и, следовательно, на линии занавесы. В Беркхэмпстеде крепость, по-видимому, находилась не на линии обороны, а за ее пределами и представляла собой нечто вроде ответвления, соединенного с главной занавесой единой, но очень толстой стеной. Арундел, Дарем, Линкольн, Тэмворт, Тикхилл, Тонбридж, Виндзор и Уоллингфорд являются или были хорошими примерами крепостных сооружений на линии *ограждающей* стены.

Помимо любых других подходов, очевидно, что занавес всегда использовался как один из путей в крепость, и в Арунделе и Тамворте он используется до сих пор, парапет спереди и сзади защищает дорожку к крепостному валу. Поскольку, однако, основным правилом в нормандских замках было то, что в цитадели, последнем убежище, сколько бы ни было подходов к нему, должно быть как можно меньше входов, занавес обычно заканчивалась на верхнем уровне насыпи и продолжалась только парапетом, так что тем, кто шел вдоль стены, приходилось, достигнув цитадели, проходить по ее внешней стороне большее или меньшее расстояние, прежде чем они достигали дверного проема. Это хорошо видно в Тамворте. В Арунделе стена поднята на всю высоту башни, как и в Линкольне, но это необычно. В Хавардене занавес продолжается на 10 или 12 футов в высоту и таким образом примыкает к крепости, но дорожка, ведущая к крепостному валу, с ней не сообщается.

Расположение колодца в этих крепостях уже было замечено. В Йорке и Тикхилле он находится в пределах этого района. То, что в Арунделе находится в башне за стеной, но является ее частью. То, что в Беркли тоже находится в башне, части стены. Храмы Алнвика и Килпека находятся в самой стене; храмы Кардиффа и Уоллингфорда - у подножия насыпи, сразу за рвом.

Вызывает большое сожаление, что так мало этих укреплений-ракушек сохранилось даже в руинах, и очень немногие, действительно, находятся в состоянии, хоть сколько-нибудь приближающемся к их первоначальному состоянию, ибо как представители очень ранней формы фортификации и как главные резиденции очень древних поместий и исконных английских семей, они представляют весьма особый интерес. При большом размере они вовсе не лишены благородного эффекта. Это правда, что на ровном месте, таком, как то,

которое занимает Лондонский Тауэр, или на таком гребне, как Корф, или на такой возвышенной платформе, как Хедингем, прямоугольная башня производит очень красивый эффект, но есть позиции, в которых это полностью компенсируется башнями другого типа. В Дареме, где центральная башня собора по величию и простоте не уступает прямоугольной крепости, ее затмевает соседний замок. Замок Бельвуар, который, хотя и перестроен и слаб в деталях, сохранил свои первоначальные очертания, с трудом заменили бы башни даже Норхэма или Ланкастера, и никакое другое сооружение не могло бы с выгодой заменить замок Виндзор, венчающий и завершающий его “тиару гордых башен”. Какой бы массивной ни была прямоугольная крепость, простыми, бескомпромиссными и воинственными были ее черты, все же, даже если рассматривать ее с наилучшей стороны, как, например, мыс Дувр или отважную неприступную скалу Бамбург, следует признать, что она уступает по величию и завершенности очертаний строгой круглой башне прошлых времен, отождествляемой с ранними резиденциями отважных северян, заложивших основы английского народа.

СПИСОК (ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ) ХРАНИЛИЩ SHELL, ПРОШЛЫХ ИЛИ НАСТОЯЩИХ.

- *Бедфордшир*.—Бедфорд, Клофилл, Риджмаунт (?), Тоддингтон.
- *Беркс*.—Рединг (?), Уоллингфорд, Виндзор, Йеллдон (?).
- *Бакингемшир*.—Букингем.
- *Кембриджшир*.—Бервелл (?), Кембридж, Эли.
- *Чешир*.Данэм-Мэсси, Киндертон (?), Малпас (?), Молд (?).
- *Корнуолл*.—Лонсестон, Рестормел, Трематон, Труро (?).
- *Дербишир*.—Шеффилд (?).
- *Девон*.—Барнстейпл, Барнтон, Плимптон, Тивертон (?), Тотнес.
- *Дорсет*.—Дорчестер (?), Шефтсбери (?), Уэйрхэм.
- *Дарем*.—Дарем, Элсуик (?), Тростон (?), Танстал (?), Йоден (?).
- *Эссекс*.—Бурес (?), Онгар, Плесси.
- *Глостершир*.—Беркли, Глостер (?).
- *Хэмпшир*.—Бейсинг (?), Карисбрук, Саутгемптон, Винчестер.
- *Херефордшир*.Эрдесли, Эвиас Гарольд, Херефорд, Килпек, Замок Ричарда, Уибли, Вигмор.
- *Хартфордшир*.Энсти (?), Беркхэмпстед, Хартфорд, Станстед-Маунт-Фитчет, Стортфорд.
- *Хантингдоншир*.—Хантингдон.
- *Кент*.—Хейдон-Маунт (?), Кенардингтон (?), Ледес, Ньюингтон (?), Танбридж, Тонг (?).
- *Ланкашир*.—Глистон (?), Хэлтон, Пенвортам, Задница Робин Гуда (?).
- *Линкольншир*.—Борн, Линкольн, Стэмфорд.
- *Монмут*.—Абергавенни, Казэрлеон, Крикхауэлл.
- *Нортгемптоншир*.—Фотерингей, Лилборн (?), Рокингем.
- *Нортумберленд*.—Олнвик.
- *Оксфордшир*.—Оксфорд.
- *Ратленд*.—Бельвуар.
- *Салоп*.—Освестри, Пулвербатч (?), Кватфорд, Шрусбери, Уитчерч, Уиттингтон.
- *Сомерсет*.—Касл Кэри, Данстер, Монтакут, Сток-Корси.
- *Стаффордшир*.—Чартли, Стаффорд (?), Татбери.
- *Саффолк*.—Клэр, Ай, Хоули, Тетфорд.
- *Сассекс*.—Арундел, Чичестер (?), Кнапп, Льюис.

- *Уорик*.—Белдесерт, Тэмворт, Уорик.
- *Уилтшир*.—Касл-Комб, Девизы, Мальборо, Олд-Сарум.
- *Вустершир*.—Вустер.
- *Йоркшир*.Оутон (?), Пикеринг, Понтефракт, Санда, Скинси, Тэдкастер, Тикхилл, Йорк.
- *Северный Уэльс*.—Хаварден.
- *Южный Уэльс*.—Брекнок, Билт, Кардифф, Койтиф.

Таким образом, из 119 предполагаемых мест складирования ракушек указано 31, свидетельства о существовании которого несовершенны, и 88, о существовании которых имеются веские доказательства, и из них около 40 фактически находятся в более или менее идеальном, или, скорее, несовершенном состоянии.

ГЛАВА XI.

ЗАМКИ РАННЕГО АНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА.

Переход от нормандского стиля к раннеанглийскому, который в церковной архитектуре представляет собой период, представляющий большой интерес, ни в коем случае, по крайней мере в Англии, не был так сильно отмечен в зданиях военного типа. Прямоугольные, круглые или многоугольные крепости с их нормандскими чертами сохраняли свое влияние на английских строителей замков во времена правления Стефана и Генриха II, 1135-1189 гг., или в течение столетия с четвертью после Завоевания, или даже позже. Орнамент в виде собачьих зубов и лепнина из бисера в Дувре в сочетании с ярко выраженными норманнскими чертами отмечают переходный период, как и декоративные детали прямоугольной крепости Хелмсли и особенности раковинных крепостей Тамворта и Йорка. Более поздние крепости известны по увеличенной глубине пилястр, которые становятся контрфорсами, как в Дувре и Клане, а также в башне двенадцатого века в Шамбуа (Орн); иногда по их улучшенному и тонко обработанному тесану, как в Хедингеме; по более частому использованию местного камня вместо привезенного из Кана; по наличию ребер в паху тазобедренных сводов галерей и фресковых залов; по использованию угловых стволов на внешних углах, как в Скарборо и Касл-Райзинге; и большей склонностью украшать выступы ребер, дверные наличники, оконные ниши и каминные; а также более или менее раннеанглийским характером такого орнамента. Опускная решетка, возможно, менее редка в более поздних замках. Однако во внутреннем устройстве было мало изменений, пока сохранялись норманнские очертания, и лишь незначительная тенденция, насколько это касалось крепости, к фланкирующей обороне. По-прежнему полагаются на пассивную силу.

Мало что известно о *castra adulterina*, множество построек которой было построено во время правления Стефана и разрушено его преемником. Они едва ли могли сравниться по прочности с замками норманнов, иначе их снос был бы более сложной задачей. Вероятно, они были либо деревянными, либо просто огражденными стенами, не отличавшимися особой прочностью. Лишь немногие из них, если вообще какие-либо из них, представляли собой главные резиденции крупных поместий, и, поскольку они строились по большей части на новых участках, земляные работы были незначительными, а там, где наземные сооружения были разрушены, мало что осталось, чтобы показать, где находилось их место.

Среди новейших прямоугольных крепостей следует упомянуть тауэр в Пенхоу, Монмутшир, колыбель дома Сеймуров; и тауэр Фонмона в Гламоргане, все еще населенный. Они небольшие, без пилястр, с едва заметными норманнскими чертами и относятся к раннему английскому периоду, как, судя по вскрытому фундаменту и некоторым фрагментам, откопанным несколько лет назад, замок Салли близ Кардиффа и, вероятно, замок Данрейвен в том же графстве, остатки которого встроены в более поздний дом.

Постепенно, по мере того как нормандские башни и башни-ракушки выходили из моды, им на смену пришли башни цилиндрической формы, известные как донжоны или Джульеты, и это изменение соответствует среднему периоду раннего английского стиля в церковной архитектуре. С научной, военной точки зрения, это едва ли можно было назвать продвижением вперед, поскольку защитники изолированной круглой башни не могли сосредоточить свой огонь и могли защитить подножие стены, только выставив себя на ее вершине. С другой стороны, при равном материале круглая башня была прочнее, и ее было труднее пробить или разрушить миной. Кроме того, он допускал наличие сводов на каждом этаже и, таким образом, был более прочным и менее подверженным, чем прямоугольная крепость, возгоранию либо изнутри, либо от шаров, выпущенных на его коническую крышу. Однако обычно в Англии сводчатым был только подвал, как в Брунлессе. В Пембруке большая круглая башня имеет свод на вершине, как и некоторые цилиндрические башни в *окружении*; но возможно, что эти приподнятые своды могут быть пристройками. В Конингсборо сводчатый только подвал, и в хранилище можно попасть по лестнице из отверстия в центре купола, под которым находится колодец; подвал, как обычно в нормандских и раннеанглийских башнях, использовался как кладовая и редко, если вообще когда-либо, как тюрьма. Фактически, в единственной башне, прямоугольной или цилиндрической, предназначенной из-за своей пассивной силы отражать атаки и истощать терпение сил блокады, первым делом требовался достаточный запас провизии, и для их хранения обязательно отводилось все свободное пространство. В те дни, когда цитадель была цитаделью и нередко использовалась как таковая, заключенных в ее стенах не держали. Подземелий там не было, за исключением очень немногих исключительных случаев, и подвал или цокольный этаж неизменно использовался под склад.

В эти донжоны обычно входили на уровне первого этажа либо по внешней каменной лестнице, либо по деревянной; или иногда, как в Пембруке, по подъемному мосту, который опускался на отдельно стоящий пирс, откуда наклонная плоскость или лестничный пролет спускались до уровня земли. Своим возвышенным входом и в некоторых других отношениях эти донжоны напоминают изолированные башни, возведенные во времена упадка Римской империи, хорошим примером которых, но квадратной формы, остается Отен. В Англии есть только два примера применения фок-мачты для прикрытия входа в эти башни, но они — Чилхэм близ Кентербери и Орфорд в Саффолке — относятся к поздненормандским, а не к раннеанглийским. Долбадарн, в Северном Уэльсе, довольно поздняя башня, но цилиндрической формы, имеет внешнюю каменную лестницу, которая, однако, может быть дополнением.

Обычно в доме было три этажа. Подвал предназначался для магазинов. На центральном этаже располагались главные апартаменты, обычно с камином, а иногда и с фресками, одна из которых почти всегда является гардеробной. Дымоходы каминов и шахты гардеробных часто расположены вертикально и находятся внутри стены. Верхний этаж предназначался либо для солдат, либо для спальни лорда. Толщина стен обычно составляет от 10 до 12 футов, и часто со второго этажа ведет лестница—колодец — как в Скенфрите, в Монмутшире, - ведущая в верхнюю комнату и на зубчатые стены. В некоторых более грубых башнях, как,

например, в церкви Агадо близ Килларни, подъем со второго этажа осуществляется по узким ступеням, выступающим с внутренней стороны стены в помещение. В более крупных башнях, как, например, в Коуси, часто в стене над главным входом есть небольшое помещение для установки опускной решетки. Время от времени лестница начинается на уровне земли, заканчивается на втором этаже и снова начинается с противоположной стороны, как в прямоугольных башнях. Таким образом, никто не мог покинуть свой пост на зубчатой стене без ведома капитана, который жил в главном помещении.

Там, где цилиндрическая башня образовывала донжон или крепость, ее обычно размещали в пределах этого района, как в Брунлессе и Скенфрите. В Конингсборо она стоит на внешней стене; в Пембруке - на стене внутреннего двора; но ни в том, ни в другом случае нет никакого сообщения между башней и валом стены. В Куси башня стоит на внутренней стене, но окружена низкой концентрической стеной, прикрывающей фундамент. В Лонсестоне кольцевое пространство, созданное таким образом между башней и опоясывающей стеной, было перекрыто крышей, и нечто подобное есть вокруг башни Пенрис в Гауэре. В Третауэре круглая башня была построена внутри более старой прямоугольной крепости, а пространство между ними перекрыто крышей. В этих случаях внешняя стена составляла примерно половину высоты башни. В Лилебоне и Куси у башни есть свой собственный ров.

Конингсборо-на-Дону - наиболее полный английский образец цилиндрической крепости раннего английского или переходного нормандского периода. Пембрук, хотя и несколько более позднее и гораздо более низкого качества изготовления, также является по своим пропорциям и размерам очень прекрасным зданием. Хорошими примерами являются Лонсестон, Третауэр, Пенрис, Скенфрит, Бранлесс и Долбадарн, а также башня датчан в Уотерфорде и маленькая и грубая, но очень любопытная башня в Агадо. В Ненаге также есть очень красивая башня, по-видимому, раннего английского типа. Круглая сторожевая башня замка Барнард, хотя и имеет почти похожий рисунок, относится к более позднему времени. В Уитчерче, недалеко от Кардиффа, есть или недавно были фундаменты отдельно стоящей круглой башни значительного диаметра, лепнина основания которой свидетельствовала о том, что она относится к раннеанглийскому времени. В Калдекоте, прекрасном старом замке Богунов, превосходно описанном мистером Октавиусом Морганом, представляет собой круглую башню, вероятно, древнеанглийскую, с собственным рвом. Эта башня венчает небольшой и, очевидно, искусственный холм. Сейчас это фресковая башня на линии внешней стены, но, похоже, она была облицована, и ядро, вероятно, является крепостью более раннего замка.

Эти английские башни, хотя и любопытны, намного уступают башням того же периода, сохранившимся во Франции, будь то крепости, такие как Этамп, 1160 год, план которого представляет собой четырехлистник; или Рош-Гийон, где половина цилиндра поглощена треугольным выступом; или фресковые башни, такие как Королевская башня в Руане, Каркассонская башня и особенно прекрасная, недавно отреставрированная башня в Пьерфоне. Крепость в Нюрнберге также является хорошим примером. Башня Лувра давно разрушена, но недавно ее основание было вскрыто, и было обнаружено, что в нем находятся две шахты — колодец и канализация.

Вероятно, круглые башни, или крепости, являются старейшими образцами этой формы, но очень скоро они вошли в обиход в Англии и Франции в качестве настенных башен, обрамляющих и укрепляющих *ограждающую* стену. Они особенно использовались для перекрытия угла или по бокам ворот. В Лондонском Тауэре, известном как Колокольня, есть пример круглой башни, закрывающей угол, относящийся к этому времени. Башня Мартена в Чепстоу - хороший пример башни с фресками раннего английского периода, к которой

пристроен прекрасный ораторский зал. Его внутренняя часть представляет собой законченный цилиндр, но внешняя часть, или стена ущелья, видимая во дворе, плоская. В Рочестере на углу прихода, примыкающем к замку, есть круглая башня, или, скорее, башня-контрфорс, поскольку она не выше занавеса. На таких позициях их пассивная сила была большим преимуществом.

Во второй половине двенадцатого и начале тринадцатого веков многое было сделано для создания домашнего уюта в замках. Каминь, которые в нормандских замках представляли собой всего лишь углубления в стене, часто с простым боковым отверстием для выпуска дыма, как в Колчестере и Рочестере, теперь украшены колпаками, часто из камня, иногда из дерева и штукатурки, а дымоходы вместительны и рассчитаны на отвод дыма. Каменные вытяжки обычно отличной кладки и, даже будучи простыми, отличаются большой элегантностью дизайна, опираются на кронштейны, а те - на сгруппированные колонны по бокам очага. Вентиляционное отверстие или дымоход часто перекрыты дымовой трубой и дымовым фонарем, такие можно увидеть в замках Гросмон и Сен-Бриавель или в развалинах монастыря в Абингдоне. Там, где вытяжка была деревянной или оштукатуренной с таким же стержнем, или там, где в крыше было отверстие или жалюзи, все следы, конечно, исчезли, и этим объясняется отсутствие каминов в комнатах, очевидно, предназначенных для дам и высокопоставленных лиц.

В нормандских крепостях дощатые полы были необходимостью, и они, без сомнения, были очень плохими и холодными, но в подвале полы были сделаны из взбитой извести и песка. Гардеробные по-прежнему встречались часто, как в настенных камерах, так и на зубчатых стенах, а шахты обычно были вертикальными и спускались внутрь стены, имея выход у ее подножия. Часовня холл и другие здания, обычно располагавшиеся во внутреннем дворе, были более богато украшены, чем в нормандский период.

В дополнение к фланговой защите, обеспечиваемой башнями на линии *окруженной* стеной, широко использовалось приспособление, называемое "Бреташи". Это была деревянная галерея, идущая вдоль стен за пределами зубчатых стен и на их уровне, поддерживаемая распорками, опирающимися на карнизы, и покрытая покатой крышей. Иногда в больших башнях имелись два яруса таких галерей, причем верхний выступал за пределы нижнего и, таким образом, обеспечивал очень надежную защиту. Поскольку эти галереи скрывали верхнюю часть стены, эту часть часто оставляли в запущенном состоянии, и теперь, когда *бреташи* исчез, такие башни, как в Кэрфилли, имеют очень незавершенный вид. *Бреташи* возводился только тогда, когда ожидалась осада, и примеры такого рода действительно очень редки, хотя во многих случаях очевидно, что раньше он использовался. Над суассонскими воротами Куси сохранился фрагмент настоящей *бреташи*, а в Ледесе, над внешними воротами, находится место ее главной балки. Башня Палаццо Веккьо во Флоренции по линиям карнизов показывает, что она предназначалась для установки *решетки*, а в стене, как и в Норэме, видна дверь, которая могла открываться только на деревянную галерею. В Шато-Гайяр, работе Ричарда I., есть то, что мало чем отличается от *каменной кладки*, выполненной в камне.

Лучшим примером в Англии башни, пришедшей на смену прямоугольному замку в форме раковины нормандского периода, является замок Конингсборо, который, хотя и содержит некоторые нормандские орнаменты и детали, относится к переходному периоду. Он стоит на вершине естественного холма и является частью более ранней *обнесенной* стеной, которая была неуклюже сломана, чтобы впустить его. Башня высотой около 70 футов имеет

цилиндрическую форму, диаметр около 50 футов у основания и 40 футов на вершине, но снаружи цилиндр поддерживается шестью контрфорсами большой ширины и смелого выступа. Существует подвал, перекрытый куполом, с центральным отверстием над колодцем. Единственный вход находится на первом этаже, примерно в 12 футах от земли. Верхние этажи и крыша были деревянными. Лестницы встроены в стену и вьются вместе с ней. Здесь есть две гардеробные, два камина, опускной решетки нет, а в верхней части одного из контрфорсов находится молельня. Крыша представляла собой конус, но выступала из кольцевой стены, примерно в 3 футах от зубчатой стены и крепостного вала. Таким образом, башню можно было защищать без *укреплений*, чего не было бы, если бы крыша опиралась на внешнюю стену. Похожее сооружение можно увидеть в башне Мартена в Чепстоу и в Пембруке.

Однако лучшие образцы этих ранних английских замков или замков переходного периода можно найти не в Англии. В прямоугольных и ракушечных крепостях Англии сохранилось несколько прекрасных руин, но во Франции Филипп Август продвинул новый стиль строительства гораздо дальше, и даже сейчас здесь сохранились башни-крепости того времени, которые бросили вызов времени и безумию Революции и все еще остаются достаточно совершенными. Величайшим триумфом того периода, в данном случае начала XIII века, является башня Куси, вероятно, лучшая военная башня в Европе. Это цитадель замка, который сам по себе является цитаделью города, также сильно укрепленного. Это замечательное сооружение, цилиндр тонкой каменной кладки диаметром около 98 футов, возвышающийся чистым и неповрежденным на 180 футов, было работой Энгеррана III, сьера де Куси, и самого могущественного барона своего времени. Стены большой толщины, а подвал и верхние этажи, всего три, были сводчатыми, каждый из которых состоял из двенадцати глубоких и заостренных ячеек. Вымощенный и обнесенный стеной ров шириной 20 футов и глубиной 12 футов, контркарп которого приподнят как стена *сорочки*, окружает основание и защищает его от работы шахтера. Подъемный мост, пересекающий этот ров, ведет на первый этаж башни через ее единственный вход, который защищен опускной решеткой, внутренним замком и прочной дверью. Из входного прохода в стене поднимается лестница, сначала прямая, а затем в виде магистрали, которая ведет на каждый этаж и, наконец, достигает крепостной стены. В подвале находился склад, а выше расположены парадные и другие помещения. Колодец большого размера находится в подвале, и на каждом этаже есть свой камин и гардеробная. Крыша была конической и опиралась на внутреннюю стену, снаружи от которой шла дорожка к крепостному валу, защищенная необычайно высоким парапетом, увенчанная тяжелым решетчатым перекрытием и пронизанная двадцатью четырьмя дверными проемами, предназначенными для выхода в деревянную *башенку*, в то время как между дверными проемами находятся двадцать четыре петли, предназначенные для использования, когда *башенка* не была закреплена. Сохранилось любопытное свидетельство того, каким образом была возведена эта башня. Видно, что двойной ряд шпунтовых отверстий огибает башню по спирали двумя параллельными линиями, показывая, что по мере подъема стены она была окружена наклонной деревянной дорожкой, основные балки которой были воткнуты в стену и поддерживались распорками, нижние концы которых опирались на блоки в нижних отверстиях. Аналогичное расположение можно увидеть в северо-западной башне замка Харлех, начинающейся на вершине навесной стены. Крепость Куси была настолько прочной, что, когда по приказу Мазарини в ее подвальном помещении взорвался порох и своды повсюду, поднявшись таким образом, рухнули, цилиндр, хотя и треснул, не был сброшен вниз. Этот благородный образец башни тринадцатого века был успешно отремонтирован Виоле-ле-Дюком, который заделал трещину и сделал башню такой же прочной, как и прежде. Своды, однако, исчезли.

И Кузи, хотя и является главой башен XIII века, не одинок в своей величии. Иссуден, известный как Ла Бланш Тур, примечателен расположением входной двери и удобной лестницей, расположенной в выступающем отроге; Турнебут, Коссон, Верней, Шинон, Вильнев-ле-Руа, Семур, Алуйе, Бурбон-л'Аршамбо и Шатоден - это лишь несколько круглых башен или донжонов, разбросанных по Франции и датируемых второй половиной двенадцатого-тринадцатым веком.

В этих французских башнях есть особенность, неизвестная в Англии. Там, где, как в Шато-Гайяр, они открыты с одной стороны для памяти, они сконструированы с выступом, образующим прямоугольный выступ цилиндра, который, таким образом, приобретает форму киля или лодки на равнине. Этот выступ имеет прекрасный эффект и, будучи обычно твердым, значительно увеличивает прочность башни. Этот выступ, прекрасным примером которого является Рош-Гийон и который поднимается на всю высоту башни, сильно отличается от шпоры-контрфорса, с помощью которого круглая башня возвышается над квадратным основанием. Это особенно распространено в Уэльсе, и можно увидеть, что оно дает хороший эффект как в Чепстоу, так и в Годериче.

Из цилиндрических крепостей раннеанглийского или поздненормандского времени в Англии можно упомянуть Бранлесс, близ Брекона; вероятно, Калдекот, Монмутшир; Конингсборо, описанный выше; Долбадарн, в Северном Уэльсе; Лонсестон; Пембрук; Пенрис, Гламорганшир; Скенфрит, Монмутшир; и Третауэр, графство Брекон. Круглая башня в замке Барнард, очень красивая, о которой уже упоминалось, построена позже.

Правление Генриха III, 1216-1272 гг., было долгим, и этот принц был щедрым покровителем искусства, и особенно архитектуры; тем не менее, несмотря на внутренние разногласия того периода, за время правления появилось (за исключением, возможно, Южного Уэльса) лишь несколько оригинальных замков, да и те не отличались величием. Причиной этого было то, что страна и без того была перенасыщена замками, настолько активными были нормандские лорды в течение полутора столетий, и поскольку расположение существующих замков было хорошо выбрано, а их крепости отличались солидным характером, было сочтено, что лучше пристраивать к ним, когда требовалось место, а не строить новые на новых позициях. Маршрут Иоанна показывает, что почти все великие замки страны были построены уже тогда, и использование, для которого они так часто использовались, вполне могло заставить преемников этого монарха стремиться скорее разрушать, чем строить. Таким образом, Бедфорд, очень ранний и очень сильный замок, удерживался Фульке де Брейте лично против короля и был взят штурмом только после энергичной двухмесячной осады, после чего он был не только разобран, но и разрушен, его рвы засыпаны, а материалы для стен и башен использованы для других построек. Иногда, однако, там, где было желательно, как в Лондоне, или в Порчестере, или в Винчестере, или в Ричмонде, сохранить существующий замок, пристраивались либо *обнесенные* стенами, либо более протяженные надворные постройки, позволяющие разместить больше войск или живого скота для гарнизона. Частоколы уступили место стенам, были добавлены фресковые башни и сторожки у ворот большого размера и огромной прочности. Иногда, как в Лондонском Тауэре, добавлялась внешняя защита, окружающая старое здание; в других случаях, как в Корфе, Чепстоу и замке Барнард, новая защита наносилась с одной стороны или с одного конца. В этих расширенных замках крепость по-прежнему рассматривалась как внутренняя цитадель, последний ресурс или убежище, и была защищена одной или двумя линиями стен с настенными башнями, обычно круглыми или полукруглыми, и сторожками, состоящими из двух круглых башен с входом между ними, причем новая площадь внутри была пропорциональна важности места.

Эти композитные структуры являются самыми ранними, к которым должным образом применим термин "концентрические". Там, где цитадель находится в центре, а *окружение* двойное, как в Тауэре и Дувре, в результате получается очень совершенный пример замка концентрического типа, хотя, конечно, отдельные части датируются разным временем. В Кенилворте и, вероятно, в Бриджнорте первоначальное расположение было концентрическим, хотя центральная часть представляет собой обнесенную стеной ограду, а не отдельную башню крепости, которая в них встроена в линию внутренней стены ограды. Поскольку расположение местности существенно повлияло на очертания большинства замков, очевидно, что никакая хронологическая классификация не может быть полностью основана на плане местности. Например, в Олнвике, очертания которого, вероятно, нормандские и в какой-то степени определяются рельефом местности, крепость стоит между двумя кварталами и является соединительной частью между ними, как и в Чепстоу и Пикеринге; в то время как в Ричмонде, тоже нормандском, расположение совершенно иное, как и в Порчестере, где римские стены были заменены.

В Южном Уэльсе есть несколько замков, которые, по-видимому, были полностью построены, хотя, возможно, и на старых местах, во времена правления Генриха III, таких как Силджерран, Манорбир, Гросмонт и Уайткасл. Они, особенно Уайткасл, представляют собой простые ограждения неправильной планировки, окруженные мощной навесной стеной, поддерживаемой настенными башнями, почти всегда круглой формы, и расположены между двумя такими башнями в качестве сторожки. Внутренние постройки или жилые помещения, такие как холл, спальни, кухня, офисы и конюшни, которые в обычном английском замке были каменными, в этих пограничных постройках, таких как Уитчерч, были частично деревянными, с плоскими или умеренно покатыми крышами, пристроенными к стенам участка.

В королевских замках и других "душевых" поместьях и резиденциях крупных баронов большое внимание уделялось домашнему комфорту и великолепию. Записи о правлении содержат множество отчетов шерифов о пристройках или ремонте внутренних построек внутри замков, о росписи стен фресками или заполнении окон витражами - все это свидетельствует о значительном росте вкуса и роскоши. Действительно, этим вопросам уделялось больше внимания, чем военной обороне, поскольку чистым замкам в мирное время позволялось приходить в упадок, и в них почти не содержалось гарнизонов. Когда вспыхивало восстание и замки округа оказывались под угрозой, официальные и закрытые списки заполнялись приказами шерифам, констеблям и кастелянам поставлять древесину, гвозди, свинец, веревки, бочонки с наконечниками для стрел и арбалетных болтов, кальтропы, древки для луков, а иногда и военные машины, которые собирались со всех сторон. Все, однако, было сделано наспех, и любые кладочные работы, возведенные при таких обстоятельствах, как правило, оказываются низкого качества и резко контрастируют с кладкой церквей и церковных зданий того же периода.

В правление Генриха также начали строиться укрепленные жилые дома, обнесенные стенами и обычно окруженные рвами, но не обычные замки. Вторжение в прерогативу при Стефане привело к ее строгому соблюдению в последующие правления, но поскольку новых замков было немного, то *licentia kernellare* была подана и предоставлена главным образом в пользу укрепленных домов. Самая ранняя из дошедших до нас лицензий этого персонажа датируется этим правлением, и в общей сложности около десятка, по-видимому, были выданы Генрихом. Из них только на шесть претендовали влиятельные бароны, и только в двух случаях - на значительные замки, а именно, на Дадли и Бельвуар.

ГЛАВА XII.

ИЗ ЭДВАРДИАНСКИХ Или КОНЦЕНТРИЧЕСКИХ ЗАМКОВ.

КАЖДЫЙ замок, если он больше, чем отдельная башня или кожуха, и имеет более чем одну линию обороны, имеет более или менее концентрический характер, но в большинстве, даже в самых крупных из более ранних замков, вторичные укрепления были небольшой протяженности и ограничивались сооружениями для защиты входа, как в Ричмонде и Конингсборо, и их ни с каким основанием нельзя назвать в общем смысле концентрическими. В Ричмонде, например, первоначальный замок представлял собой ограждение внутри укрепленной стены, частью которой была цитадель, небольшой барбакан, прикрывающий вход, и, таким образом, чисто нормандская часть Корфа, Конингсборо, Броу, Бриджнорта и, вероятно, первоначальный Лондонский Тауэр. Ни один из них изначально не был концентрическим, и этот термин нельзя корректно применить ни к оригинальным замкам начала правления Генриха III, ни даже к некоторым из тех, что были построены его сыном. Белый замок, Гросмаунт, Силгерран и даже Карнарвон и Конвей - это всего лишь ограждения, укрепленные настенными башнями и сторожками на одной линии стены. Солсбери был построен концентрически по необходимости, земляные работы не оставили строителям выбора в этом вопросе. Предполагалось, что концентрическое расположение было введено принцем Эдуардом из Сирии. То, что столь способный солдат и столь проникательный наблюдатель пополнил свои познания в военном искусстве тем, что он увидел в Палестине, достаточно вероятно, но система обороны, которой прославилось его правление, на самом деле была введена в Англии до смерти Генриха и до возвращения Эдуарда с Востока. Кэрфилли, один из наиболее законченных примеров концентрических линий обороны, был построен незадолго до смерти Генриха и был работой не государя, а подданного. Тем не менее, слава Эдуарда была столь велика, что система, которую, хотя и не он изобрел, он перенял, была названа его именем, и термин "эдвардианский" был применен к этому стилю крепости, который заменил как круглую башню, так и обнесенную стеной ограду и продвинул искусство фортификации от раннего английского периода до украшенного периода английской архитектуры.

Политика Эдуарда по возвращении с Востока и восшествии на престол привела его не к строительству, а к разрушению замков. На четвертый год его правления было введено в действие следующее постановление: "Следует поинтересоваться у кастельеса, а также у других построек, опоясанных канавами, стоимостью стен, бревен, камня, свинца и других видов облицовки и тем, как их можно продать, по сравнению с самой стоимостью тех же стен и построек. И за сколько можно продать буйлдинги без дайча, и сколько они могут стоять, вместе с садами, кустилажами, голубятней и всеми другими придворными делами йере. Вероятно, в основном это относилось к таким нелицензированным замкам, которые ускользнули из рук Генриха, поскольку ни одно из старых или более важных сооружений тогда не было снесено. Многие из них, действительно, недавно были дополнены и украшены, и там, где это было ему удобно, Эдуард следовал тем же путем, укрепляя и ремонтируя обветшавшие стены и башни и приспособлявая их к изменившимся обстоятельствам времени. Таким образом, в Порчестере он перестроил внутренний приход и значительно расширил прилегающие здания. Пристройки к Миддлхэму, внешний двор и сторожка у ворот, относятся к его правлению, а также обширные флигели за озером в Кенилуорте, и

результатом этих и подобных изменений стало преобразование первоначальных замков в замки концентрического типа.

Но именно в Северном Уэльсе обстоятельства проявили талант Эдварда как военного инженера. В этой стране опорными пунктами были горные лагеря, непригодные для ведения современной войны и находящиеся вне линии его действий. Он не нашел там ни английских курганов, ни нормандских крепостей, и его работы не только грандиозны, но и оригинальны. ему всецело обязаны замки Конвей и Кернарвон, Бьюмарис и Харлеч. Возможно, замок Бере и башня Долбадарн были укреплены им самим, но они скорее напоминают ранние работы его отца. В Шотландии работы Эдварда в основном уничтожены, но его руку можно узнать в Линлитгоу, возможно, в эдинбургском замке и в старых укреплениях Бервика.

Первой характеристикой концентрического замка является расположение его линий обороны, одна внутри другой, в две или даже три глубины, с башнями по углам и вдоль стен, спланированных таким образом, что ни одна часть не остается полностью предоставленной собственной обороне. Стена не может быть надежно защищена, если только она не устроена таким образом, чтобы внешнее основание одной части было видно с вершины другой и на него можно было вести наблюдение. Нормандскую крепость или раннеанглийскую круглую башню можно было защитить только за счет попадания снарядов с зубчатых стен, подвергая опасности тех, кто стрелял, почти столько же, сколько и тех, кто их получал. Использование настенных башен не только увеличивало пассивную прочность стены, из которой они выступали, но и при размещении на расстоянии выстрела из лука позволяло защитникам, которые сами были защищены, окружать промежуточный занавес. Таким образом, навесная стена, эта часть сооружения, наименее способная выдержать удары тарана, стала той, для защиты которой можно было использовать большинство снарядов, в то время как башни, которые из-за расстояния друг от друга были лишь несовершенно прикрыты с флангов, из-за своей формы и прочности подвергались небольшой опасности быть пробитыми. За счет этого также экономились материалы. Стены были менее толстыми, и оборона в целом велась с большим мастерством и меньшей зависимостью от пассивной силы. В этом действительно не было ничего нового, но тем не менее принцип игнорировался как при строительстве башен-крепостей, так и их преемников - круглых башен, донжонов или джультетт. Но в концентрической системе было достигнуто гораздо больше, чем это. Отдельные участки линий обороны были расположены так, что гарнизон мог совершать вылазки с одной стороны и таким образом отражать атаку с другой. Более того, каждая часть, башня или сторожка у ворот, а иногда и каждая ступень здания, были настолько искусны, что их можно было удерживать отдельно в течение короткого времени. Кроме того, судя по концентрическому расположению линий, прорыв внешней стены не привел к потере места. Второй квартал, как и в Бьюмарисе, Харлече, Кэрфилли или Тауэре, был настолько узким, что в случае проникновения в него через брешь нападающие подвергались атаке с обоих флангов, причем таким образом, что их большее количество не могло быть задействовано, а также не было места для использования катапульты или установки малвазена. В этих замках обошлись без цитадели, главной особенности нормандской или раннеанглийской крепости; анатомически она была превращена в открытый двор, укрепленный по бокам и углам сторожками и башнями с фресками, а холл и внутренние помещения располагались вдоль стены с одной или двух сторон. Вокруг этой внутренней палаты располагалась вторая палата, узкой ширины, разделенная поперечными стенами. Иногда вокруг этого второго квартала располагался третий, или внешний, квартал, обычно большой площади, чтобы вместить большую часть гарнизона, лошадей и окрестных крестьян с их скотом. Во многих замках эта внешняя защита содержала ров или даже большой водоем, как в Ледесе, Керфилли и

Кенилуорте, образованный в результате перекрытия местного ручейка. В таких случаях защита плотины приобретала первостепенное значение и была специально обеспечена прочными стенами по всей ее длине и башнями или сторожками на обоих концах. В этих замках каждая часть предназначена для повседневного использования. Ни одна часть не отделена только для заселения во время осады. Холл, часовня и кухня использовались обычным образом и были построены в соответствующем масштабе.

Поскольку Кэрфилли является одновременно самым ранним и наиболее полным примером концентрического замка в Британии, будет удобно кратко указать на его основные особенности. Позиция была выбрана так, чтобы закрыть перевал, по которому валлийцы обычно выходили из холмистой местности Гламорган в Монмутшир, путь по морскому побережью был прегражден Кардиффом и замками долины. Выбранное место лежало между Таффом и Рифни, на галечном берегу, поднимающемся по низкому болотистому дну, с гористой или, по крайней мере, очень возвышенной местностью к северу, югу и западу. Центральная часть банка была занята прямоугольным ограждением размером 70 на 53 ярда, имеющим на каждом углу высокую барабанную башню, а в центре каждого конца - широкую и возвышенную сторожку. С одной стороны этого внутреннего прихода находился зал 72 фута в длину и 33 фута в ширину, расположенный между часовней и частными апартаментами, в то время как в сторожках у ворот также находились апартаменты, уступающие по величине только залу. Эта внутренняя палата располагалась на второй, гораздо большей площади, также прямоугольной, размером 106 на 90 ярдов. Это среднее отделение было снабжено меньшими сторожками, соединенными с теми, что находились внутри, и заключалось в облицовке и парапетной стене, которая по окружности спускалась в воду на 20 футов. Четыре бастiona с парапетами, соответствующие внутренним башням, венчали четыре угла, а со стороны, следующей за залом, располагались кухня и офисы, а также водные ворота, ведущие из зала в широкий проход с местом для стоянки лодок.

Вода, которой были окружены эти две палаты, представляла собой с одной стороны глубокое и широкое озеро площадью около 16 акров, а с другой стороны меньший водный слой площадью около 3½ акров. Эти два водоема были соединены поперечными прорезями на каждом конце, через которые, напротив сторожек, были перекинuty подъемные мосты. Один из них обрывался на *тет-дю-пон*, что-то вроде рогового сооружения или земляного оврага площадью около полутора акров, окруженного облицовочной стеной с надлежащим парапетом и, вероятно, прочным частokoлом на возвышенности внутри. Ответвление от озера опоясывало это сооружение, и второй подъемный мост соединял его с землей снаружи. На противоположном конце замка другой мост спускался со среднего двора во внешний двор, очень примечательная работа. Это была приподнятая платформа длиной почти 330 ярдов и глубиной от 14 ярдов до 36 ярдов, покрывавшая весь фронт замка, включая два слоя воды. Платформа была разделена ближе к центру высокой стеной, укрепленной с каждой стороны и имеющей ров вдоль одной из них. На этой стене была мощная сторожка, имеющая внизу дверной проем с опускной решеткой и подъемным мостом, соединяющим две части платформы, а сверху дверной проем меньшего размера, также защищенный мостом и опускной решеткой и охраняющий путь к зубчатым стенам внешней стены. На одном конце платформы находился задний ход, соединенный с конюшнями, а на другом - группа башен на внешнем берегу озера, в которых находился еще один задний ход. В центре находилась большая внешняя сторожка, от ворот которой мост спускался на огромный пирс, стоящий посреди внешнего рва, с внешней стороны которого второй мост спускался на деревенскую улицу. На платформе находилась большая зерновая мельница, соединенная с ней плотиной и шлюзом, с помощью которых удерживались и регулировались воды озера и которые были очень сильно укреплены. Таким образом, в разных концах замка имелись два

больших и два боковых входа, откуда могли выходить большие отряды кавалерии, так что лагерь осаждающих мог быть атакован с четырех направлений, а в случае неудачи в замок можно было попасть через четыре входа, помимо двух водяных. В дополнение к этим стратегическим мероприятиям, каждая башня и сторожка имели вход с опускной решеткой на первом этаже, а на верхних этажах боковые дверные проемы, выходящие на зубчатые стены занавесей, были защищены аналогичным образом.

С военной точки зрения Кэрфилли - это произведение непревзойденного мастерства. К несчастью для его исторической славы, поселение Уэльс так близко подошло к его возведению, что оно так и не приобрело сколь-нибудь большого значения.

Харлех - концентрический замок, вероятно, спроектированный архитектором Кэрфилли. Здесь также находится внутренний прямоугольный корпус с барабанными башнями по углам и залом, а также другие здания с двух сторон. Он находится внутри внешнего корпуса, также прямоугольного, со стенами с парапетами и бастionsами. Во внутреннем дворе есть большая одиночная сторожка, соединенная со второй, поменьше, во внешнем дворе, от которой подъемный мост перекинут через глубокий и широкий ров, вырытый в скале. Харлех стоит хорошо и занимает крутой скалистый мыс, который раньше возвышался из моря, а теперь отделен от него широкой полосой низменности. Его главной особенностью является крытая лестница, вырубленная в скале, защищенная со стороны моря изогнутым парапетом и закрытая сверху и снизу небольшими сторожками. Это были водные ворота крепости, выходившие на небольшую набережную, ныне занятую железной дорогой.

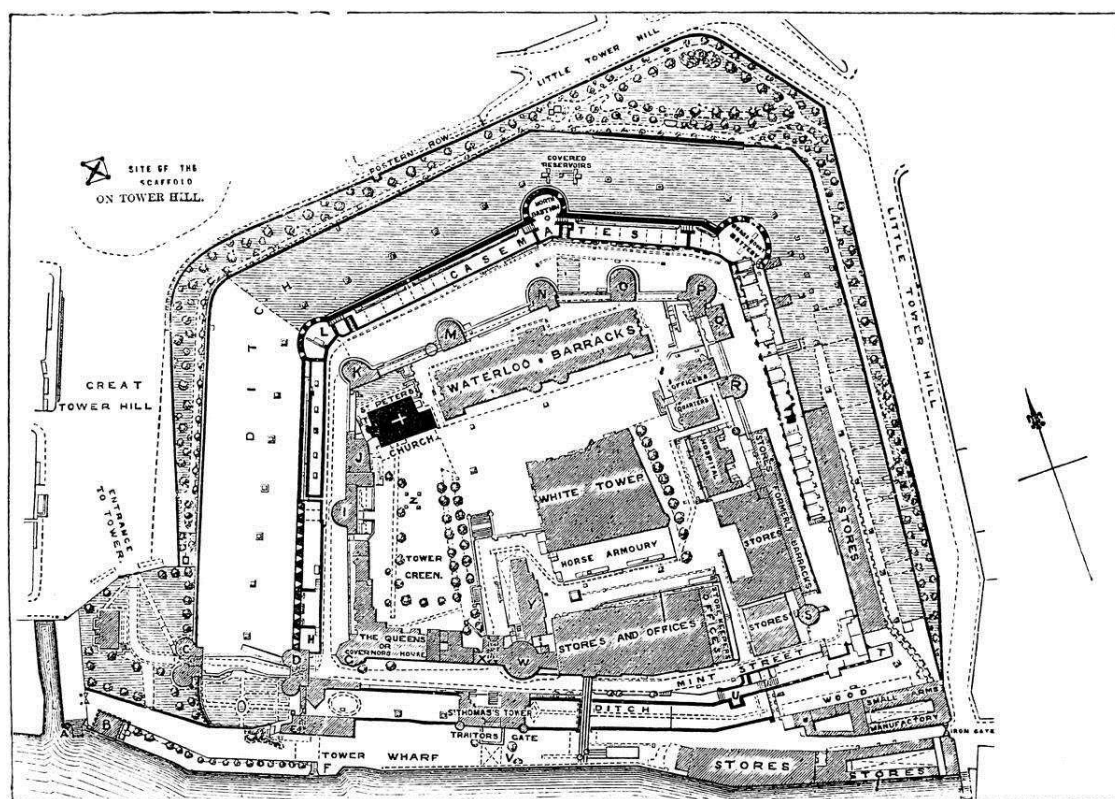
Бьюмарис, еще один замок Эдуарда, заслуживает особого внимания из-за того факта, что он стоит на открытой местности, и поэтому на его планировку не влияют какие-либо особенности уровня. Он состоит из двух палат; внутренняя прямоугольная, 58 на 66 ярдов, с высокими навесными стенами, барабанными башнями по четырем углам, сторожкой в центре каждого торца и полукруглыми башнями в центре каждой стороны, одна из которых является часовней. Апартаменты находились в сторожках у ворот, а холл находился на втором этаже, над порталом. Занавески замечательные. Они имеют толщину 16 футов, но в продольном направлении ниже уровня земли пронизаны рядом канализационных труб, а выше - галереей с настенными росписями, причем над всем этим возвышается дорожка к крепостному валу. Внешний двор представляет собой неправильный восьмиугольник, противоположные стороны которого равны. Он укреплен двенадцатью барабанными башнями. Пространство между двумя стенами, образующими двор, узкое — от 40 до 50 футов в ширину. На одном конце находится сторожка, защищенная двойной траверсой, перегораживающей проход, а на другом - задняя дверь, часть сторожки, либо недостроенная, либо снесенная. С одного конца в сторону морского берега выступает стена шириной 5 ярдов и длиной около 33 ярдов, содержащая проход, огибающий с каждой стороны и пересекаемый воротами. Это ответвление соединялось с набережной и заканчивалось круглой башней. Там был только один ров, который опоясывал все сооружение и питался от прилегающего моря. Теперь он заполнен.

Пристройками к Лондонскому Тауэру, благодаря которым его нормандская крепость и раннеанглийский внутренний двор были преобразованы в правильный концентрический замок, умело управляют. Здесь второй участок, как обычно, очень узкий, и весь он опоясан широким и глубоким рвом. Один конец рва, однако, представлен Темзой, но между ним и внешней стеной есть полоска земли, служащая причалом для выгрузки припасов, задняя часть которых сильно укреплена. На каждом конце был шлюз для регулирования уровня воды в канаве, а в центре - грандиозная и сильно укрепленная водонапорная башня с

каналом с опускной решеткой от реки, известным как Ворота предателей. Прилагаемый план Башни очень точно представляет собой сложный, но концентрический замок.

Когда размер крепости не требовал более одного подопечного, как в Пеннард в Гауэре, или там, где земля была неподходящей, как в Конвее и Чепстоу, концентрическое расположение было отложено в сторону. В Чепстоу нормандская крепость возвышается на крутом гребне скалы, занимая всю ее ширину. Следовательно, пристройки обязательно были с каждого конца, так что весь замок, построенный в разное время, представляет собой продолговатую форму, состоящую из пяти выходящих друг на друга помещений, с цитаделью в центре. Его план представляет собой, так сказать, срез, прорезанный прямо поперек концентрического замка.

В замках эдвардианской эпохи главной особенностью был холл, просторный, хорошо освещенный, обычно с красивым камином и открытой деревянной крышей. В Бьюмарисе он занимает первый этаж сторожки у ворот; в Ладлоу, Дареме, Пембруке и Конвее он построен напротив занавеса. Внутренние покои открывались со стороны возвышения в конце зала. Отчеты Генриха III. часто описывают работы в залах замков. 28 Генрих III. для зала в Вудстоке был заказан большой лувр, а в Ладгершолле - новый зал размером 60 на 40 футов с кабинетами и двумя кухнями для короля и его домочадцев в одном его конце. В Чепстоу Генри приказал построить прихожую и кухню из дерева.

Кухня была очень важной частью эдвардианского замка. Кухня норманнов, вероятно, была очень простой, и лишь в немногих их замках есть кухня, которую можно найти. Более поздняя кухня часто была украшением замка. В Кэрфилли, как и в Кокермуте, она занимает большую башню. В Ладлоу она стояла особняком во внутреннем дворе. В Кенилуорте сохранились значительные остатки. Печь часто была большого размера. Печь в Морле имела диаметр 12 футов.

Часовня также является неотъемлемой частью эдвардианского замка. Во многих нормандских замках сохранились фрески-оратории. В Ньюкасле, Дувре и Миддлхэме в передней части здания были обычные часовни. В Гилфорде оратория представляет собой L-настенную камеру в форме фрески. В Кэрфилли часовня открывалась с нижнего конца зала. В Кенилуорте во внешнем приходе был заложен фундамент большой часовни, украшенной по последнему слову техники. В Годерих часовня соединена с сторожкой у ворот, а в Прудхо. В Бьюмарисе, Кидвелли и Оксвиче она занимала башню с фресками. В Чепстоу часовня была большой и располагалась во внешнем дворе. В Мартенс-тауэр также находится очаровательная раннеанглийская часовня. В королевских замках, во времена правления Генриха III, часовня часто фигурирует в отчетах. В одном замке Генрих приказал построить часовню длиной 25 футов, а верхушка эркера должна была находиться в покоях короля. В замке Кеннингтон часовню должны были обшить деревянными панелями и снабдить оштукатуренной лестницей длиной 30 футов и шириной 12 футов. Ее верхняя часть сообщалась с личной часовней королевы, а домочадцы располагались внизу. В Винчестере часовня вела в покои королевы, а в Вудстоке между ними был проход, чтобы королева могла уйти и вернуться сухой. Двенадцать циновок для молящихся были заказаны в часовне Святого Фомы в Винчестерском замке. Во многих более крупных замках регулярно размещались часовни, иногда, как в Виндзоре, даже коллегиальные. Понтефракт и Гастингс были обеспечены таким образом. Такая практика существовала и в Шотландии. В 1377 году в замке Далкейт была построена часовня, а к часовне лорда Морей в замке Бухарм в начале тринадцатого века была присоединена определенная десятина. В Данстере и других местах существовало положение, согласно которому исполняющие обязанности монахи, прибывшие из соседнего монастыря, должны были во время осады совершать свои службы дома.

Сторожка в эдвардианском стиле - очень внушительное сооружение. Обычно он был прямоугольным в плане, всегда обрамленный спереди двумя барабанными башнями, а иногда и сзади двумя другими, содержащими колодезные лестницы. В его центре находилась порталная арка, открывающаяся в длинный прямой проход, пересекающий здание. Три петли в каждой фланкирующей башне контролировали подъездной мост, поднимали боковой занавес и закрывали точку сразу за воротами. Над порталом обычно было маленькое окошко, а над ним, на самом верху, устанавливался механизм на карнизах или на его месте нечто вроде моста, переброшенного с башни на башню на расстоянии пары футов от стены, так что оставалась щель, по которой камни или даже балки могли падать на тех, кто мог атаковать ворота внизу. Такое расположение можно увидеть в Ните, Лейборне и Пембруке, и это не редкость. Над городскими воротами в Куси и над воротами барбакана в Ледесе выступ был деревянным, и часть его сохранилась.

Портальная арка, достаточно широкая, чтобы пропустить повозку или трех латников в ряд, обычно имела форму, известную как "капля". Внутри первой защитой была решетка, а за ней двухстворчатая дверь, открывающаяся внутрь и, когда она закрывалась, удерживаемая одним или двумя прочными дубовыми брусьями, которые можно было отодвинуть в углубления в стене. За дверью свод часто заменялся плоской деревянной крышей, через которую проходила вторая опускная решетка, а затем шли два боковых дверных проема, ведущих в домики привратников, обычно соединенные с небольшой тюрьмой. В Сен-Бриавеле двери ложи имеют опускную решетку. В конце заколоченного помещения хранилище возобновлялось, и там была вторая пара дверей и вторая опускная решетка. Эти

две сторожки были предназначены для защиты от нападений изнутри, каждая сторожка была построена для независимой обороны.

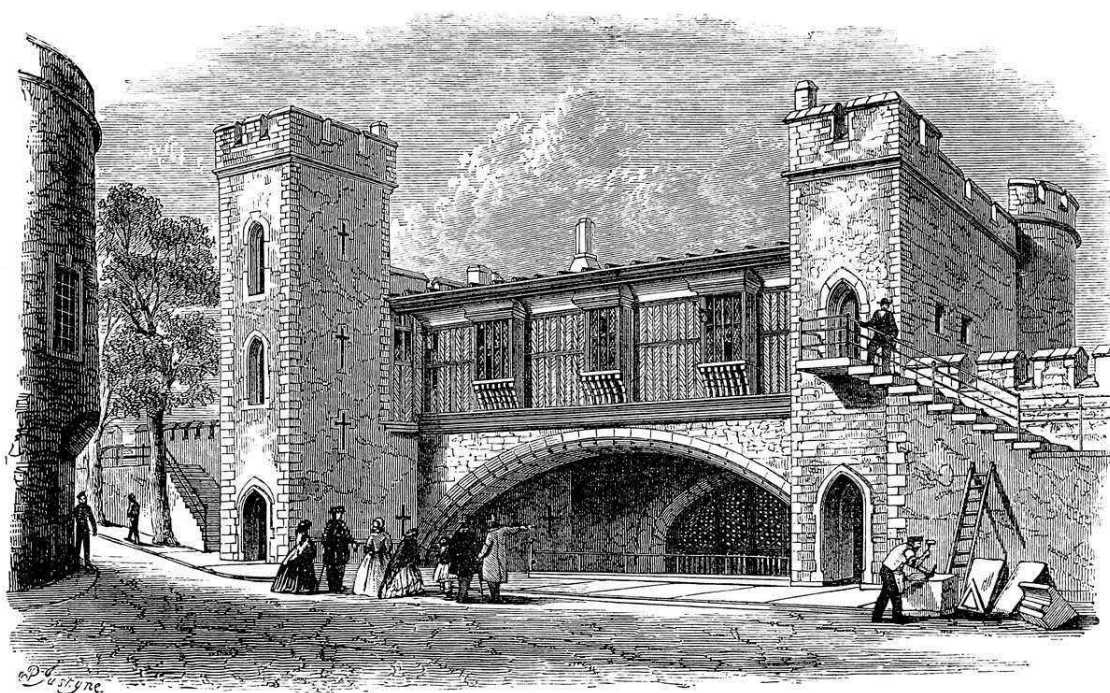
Обычно, в дополнение к этим воротам и дверям, в своде было проделано от одного до пяти квадратных или круглых отверстий около фута в поперечнике, называемых “мертриерами”. Они могли бы служить для выставления постов, препятствующих входу группы людей, или для того, чтобы вонзать в них пики. Предполагалось также, что они предназначены для слива воды, предполагая, что проход, заполненный кустами, подожжен, хотя трудно понять, как можно было получить какое-либо количество воды, большее, чем расплавленный свинец или смола, о которых говорится. На первом этаже больших сторожек располагались красивые покои с боковыми дверями, ведущими на крепостные стены занавеса, а иногда, как в Кэрфилли и Тауэре, в молельню. Опускные решетки были вделаны в пол, и их крепления, должно быть, придавали помещению атмосферу воинственной реальности, как орудия в кают-компании в море. В Кэрфилли и Чепстоу проход к занавескам защищен опускающейся решеткой и подъемным мостом, шахта которого представляет собой глубокую впадину в стене.

Стены этих эдвардианских замков варьировались от 25 до 40 футов в высоту и были толщиной от 6 до 8 футов или даже больше, что позволяло создавать галереи фресок, как в Чепстоу, Кэрфилли и Бьюмарисе. На их вершине была тропинка под названием “очарование”, или дорожка в крепостном валу, защищенная спереди укрепленным парапетом, а сзади более низкими и легкими стенами. Часто в каждом зубчатом выступе имелась петля, и каждая амбразура была снабжена висячим затвором, оба из которых можно увидеть в Чепстоу. Там, где занавес пересекает палату или выступает в виде отрога, как в Кэрфилли и Бьюмарисе, он был задействован с обеих сторон. На крепостные валы обычно можно было попасть из соседних башен с фресками, но иногда, как в Уорике, по открытой каменной лестнице. Иногда, когда стена была слишком слабой, чтобы ее можно было превратить в крепостной вал, во время войны ее снабжали деревянной платформой, наподобие строительных лесов. Похоже, так было и в случае с городской стеной Йорка, где она ограничивает соборный сад.

Фресковые башни сильно различаются по форме и размеру, но чаще всего бывают круглыми, или полукруглыми, или полукруглыми с удлиненными сторонами, чем квадратными. Время от времени они имеют многоугольную форму, как в Стокси, Уорике, Кардиффе и Епископской сторожке в Лландаффе. Стокси относится к тринадцатому веку, но обычно эти башни появляются позже. Фресковые башни редко имеют большой внутренний выступ. В римских постройках они обычно сплошные, но в более поздних замках их иногда открывают с тыла или в ущелье, чтобы предотвратить захват их нападающими. Башни Кельна и Авиньона настолько открыты, что надвратные башни Wyward и Traitors' Gate закрыты только деревянной решеткой. На прилагаемом рисунке показан вид Ворота предателей сзади, с большой аркой над водой и деревянной опорой над ней.

Там, где были внешняя защита и вторая стена, она была значительно ниже внутренней и выступала из нее; а башни с фресками часто становились просто бастиянами, не возвышаясь над занавесом. Второй квартал, помимо того, что был слишком узким, чтобы позволить сосредоточить войска или разместить машины для атаки на внутренней стене, был перекрыт поперечными стенами с воротами, чтобы изолировать любую группу нападавших, прорвавшуюся через внешнюю стену. Такие поперечные стены можно увидеть в Кэрфилли и в Тауэре.

Барбакан иногда представлял собой просто огороженное пространство, пристроенное перед воротами, как в Карлайле, Олнвике, Ричмонде или Барах Йорка. Иногда это был *мост тет-дю-понт*, отделенный от основного сооружения и установленный в конце моста, на откосе рва, как в Хавардене, Ледесе и Годерих. В Скарборо он расположен на внешнем конце длинной приподнятой дамбы, которая, опять же, пересекается двумя разводными мостами, ниспадающими с низкой центральной башни. В Хелмсли, как и в Кэрфилли, барбакан напоминает игру на роге. Башенный барбакан, называемый Сперджейт, представляет собой обычную низкую сторожку с расположенными по бокам барабанными башнями или бастиянами, прикрывающими верхнюю часть моста, и сам защищен петлей от главного рва. В Бриджнорте в барбакане находилась кухня, которую приказали отремонтировать, 17 января III года. В Кентерберии барбакан, *временный*, изд. II., использовался как тюрьма.

Spelman defines a barbican or “ante-murale” as “munimen a fronte castris aliter ante murale dictum; etiam foramen in urbium castrorumque mœniis ad trajicienda missilia.”

Амбразура с частоколом перед барбаканом была известна как “барьеры”. Они хорошо представлены на Башне частоколом, прикрывающим вход.

Подъемный мост был важной деталью в обороне замка. В своей самой простой форме это была платформа из дерева, поворачивающаяся на двух пескарях или цапфах на внутреннем конце; когда она поднималась, она скрывала портал, а когда опускалась, опускалась на пирс в канаве или на контрэскарп. Его размах варьировался от 8 до 12 футов. Приспособления для его обработки были различными. Иногда цепи, прикрепленные к его внешнему концу, проходили через отверстия над порталом, и внутри их обрабатывали вручную или с помощью противовеса. Иногда над мостом устанавливалась рама, также на цапфах. В более крупных замках устройство было очень сложным. Иногда мост был единственным соединением между воротами и противоположным пирсом; в других случаях парапеты или торцевые стены опирались на неподвижную арку, и мост опускался между ними. Прекрасный пример такого моста можно увидеть у ворот Констебля в Дуврском замке. В Годерих детали достаточно совершенны. Ров был пересечен каменным мостом, по-видимому, состоящим из двух арок, но постоянным является только внешняя. Проезжая часть внутренней арки представляла

собой подъемный мост. В Кэрфилли, во рву перед главными воротами, находится большой каменный пирс, с которого в обе стороны перекинута мосты. Вероятно, на нем стояла деревянная башня. В отчетах Генриха III упоминается о *решетке* на мосту грейт-тауэр в Винчестере и о другой, покрытой свинцом, на новом мосту.

Опускная решетка, “*altera securitas*” герба дома Сомерсетов, всегда присутствовавшая в замках Генриха и Эдуарда, была важной частью обороны. Это была прочная решетка, в воротах поменьше из железа, в воротах побольше из дуба, укрепленная и окованная железными шипами и подвешенная в пазах на двух шнурах или цепях, которые проходили через два блока, а иногда и через один центральный блок, и либо крепились к противовесам, либо приводились в действие, как на воротах Тауэра и Йорка, лебедкой. Канавки, как правило, полукруглые, со слегка удлиненными сторонами, шириной от 4 до 6 дюймов и глубиной от 4 до 7 дюймов. Выше, в своде, находится желобок, через который проходит решетка. Иногда камера опускной решетки представляет собой небольшую ячейку в стене, как в крепости Рочестер и Коуси, но в больших воротах, где есть две или три решетки, они расположены в камере наверху. В Линлитгоу и аббатстве Торнтон, где решетка цельная, ее вносят в стену и устанавливают на втором этаже. Иногда решетка не имела боковых пазов и, должно быть, либо свободно свисала, либо была укреплена своими шипами, упиравшимися в землю внизу. Это можно увидеть в Сен-Бриавеле и у верхних ворот Чепстоу, хотя никогда с внешней опускной решеткой. Иногда вырезаются пазы для запасной решетки, но, похоже, они не были установлены.

Нет ничего более замечательного, чем соблюдение чистоты в военных зданиях. В замках Ладлоу, Лэнгли и Кэрфилли есть большие фресковые башни, предназначенные для гардеробных. В Годерих они занимают широкий контрфорс. В Бомарисе коллекторы очень больших размеров и проходят внутри главного занавеса, как галереи. Такие коллекторы часто считаются потайными ходами, хотя гардеробные наверху и характер выпускных отверстий внизу должны скорректировать это представление. В Койти нечистоты собирались в огромном сводчатом помещении. Опоры занавесей также обычно снабжены гардеробами.

Подземные камеры были не более частым явлением в Англии в тринадцатом и четырнадцатом веках, чем в одиннадцатом и двенадцатом, и если у нас нет ничего похожего на великолепные ярусы сводов в тауэре Куси, то нет у нас и ничего похожего на убогие камеры и темницы, которые можно найти в немецких замках и примером которых являются тауэры Баден-Бадена. Подвальные помещения фресковых башен действительно часто находятся ниже уровня внутреннего двора, но они находятся выше уровня рва снаружи. В Кастель-Кохе, недалеко от Кардиффа, находится одно из худших подземелий в Британии, но даже оно не подземное.

Задние ворота в этих замках часто очень замысловаты. В Виндзоре есть очень красивый задний вход, выходящий в замковый ров и предназначенный для проезда кавалерии. Вероятно, это эпоха Генриха III. В Кэрфилли есть две с обычными сторожками и разводными мостами. Иногда задняя дверь представляет собой небольшую дверь с решеткой. Это в Goderich было сделано этажом выше, так что требовалось два человека в двух разных местах, чтобы открыть или закрыть заднюю дверь. В Кэрфилли есть два шлюзовых люка; один, через который лодку можно спустить в озеро, другой находится на уровне воды, как в Ледесе и Тонбридже. Уже упоминались водные ворота Харлеха.

Замки Генриха и Эдуарда сочетают в себе дворец и крепость, но домашнее хозяйство всегда подчинено военным порядкам. Будь то абсолютно оригинальные, как Кэрфилли или

Бьюмарис, или завершения старых работ, как Корф, Дувр и Тауэр, они обычно имеют величественный вид, а каменная кладка, как правило, превосходна.

Очень многие из наших главных городов были обнесены стенами во времена правления Генриха и Эдуарда; некоторые - такие, как Йорк, Лестер, Колчестер и Честер — воспользовались римской стеной. Нортгемптон был обнесен стеной до 1278 года. В Винчестере стена была основана на ранней земляной насыпи. Единственные лицензии, выданные на возведение городских стен, по-видимому, были выданы жителям Харвича и Ипсвича, 26 изд. III.; мэру и прудам (*probi homines*) Ковентри, 37 и 38 изд. III.; Солсбери, 46 изд. III.; и Уинчелси, 3 июля; защитные сооружения Херефорда, очень уязвимого места, по-видимому, были построены из шиповника и колючек, расположенных на очень внушительных земляных насыпях. Иногда случалось, что сторожевые башни были каменными, в то время как остальные оборонительные сооружения представляли собой земляные валы, обнесенные частоколом.

Четырнадцатый век был богат на замки, в основном мелкого класса, на шотландской границе и в самой Шотландии. В Англии Дакр, Данстенборо и Спофпорт были построены в начале того века; Дворцовый замок Сент-Дэвидс был построен в 1342 году, башня Цезаря в Уорике около 1360 года и башня Гая в 1394 году - два великолепных сооружения. Постепенно, однако, чистые замки вышли из употребления, и их место заняли такие сооружения, как Болтон, Ресвилл и Шериф-Хаттон, которые в целом имели форму квадратного двора, вокруг которого располагались здания, и в который входили обычные ворота. В них, однако, характер замка был использован скорее по обычаю, чем по необходимости, и внешние окна большие, а стены очень умеренной толщины. Многие королевские замки пришли в упадок, а другие были использованы в качестве тюрем и переданы графствам. Краткий акт 13 R. II. предписывает, “что королевские замки и тюрьмы должны быть присоединены к телам графств, а там, где они разделены, должны быть воссоединены”.

Строительство замков с самого начала считалось королевской прерогативой, хотя в правление, последовавшее сразу за завоеванием, удержание страны было настолько важной задачей, что этому притязанию, похоже, позволили уснуть. Массовое разрушение фальсифицированных или нелицензированных замков, последовавшее за смертью Стефана, показало возрождение прерогативы, и в правление Генриха III должна была быть предоставлена обычная форма лицензии, “*licentia crenellare*”, прежде чем дом мог быть законно укреплен. Самая ранняя известная из этих лицензий была выдана Генрихом III. епископу Винчестерскому в 1257-8 годах, чтобы позволить ему укрепить остров Портленд. Генрих выдал 20 из этих лицензий; Эдуард I., 44; Эдуард II., 60; Эдуард III., 181; Ричард II., 60; Генрих IV., 8; Генрих V., 1; Генрих VI., 5; и Эдуард IV., 3. Очень полный список этих лицензий, подготовленный сэром Дж. Даффусом Харди, был напечатан мистером Паркером. Из приведенных им 382 замков только четыре относятся к важным замкам: Бельвуар, Бангей, Дадли и Уитчерч, все из которых были укреплены еще до того, как о них стало известно по закону. Большинство других относятся к поместьям, некоторые - к епископским дворцам и кафедральным соборам, некоторые - к монастырям, некоторые - к домам в городах, а некоторые - к замкам, вероятно, тогда впервые построенным или, возможно, перестроенным в большем масштабе. Таковыми были Апли, Олдворт, Эмберли, Бодиа, Болтон, Ботал, Каулинг, Данстенборо, Форд, Хэрвуд, Наворт, Пенрит, Роуз-Касл, Стокси, Ширберн, Танфилд, Тонг и Уордор, большинство из которых все еще стоят, а два или три заселены.

Следующее из патентного списка, 15 января VI. 1437 г., является частью лицензии, выданной Хамфри, герцогу Глостерскому, и его герцогине, которые предложили построить прочный дом на холме, ныне занимаемом Королевской обсерваторией в Гринвиче: “*Muris petra et*

calce includere et firmare, et muros illos kernellare, batellare, et turrellare, ac quandam turrim infra parcum prædictum similiter petra et calce de novo construere, edificare, ac там мы построим так же заново, как строили и наставляли, как повелевали хозяевами, живыми особняками, обладающими изначальным, незыблемым, изначальным ядром, имбаттеллатумом и башней, которые будут вечно владеть сибирью и ее наследниками”.

Иннис (“Эскизы”, 444) дает соответствующую лицензию от графа Росса в 1406 году на строительство Килравока.

“Джон из Иля, Эрл из Росса и владыка Илиса, ко всем и каждому в куэйс ноулейдж с нашим настоящим письмом, мы приветствуем вас. Разрешите нам получить гевина и грантиса и быть их настоящим письмом, гевисом и грантисом, с нашей полной властью и разрешением до тех пор, пока наш луффид не согласится, человек и теннанд, Ухон де Роос, барон Килравок, финансировать, по большому счету, и возглавить тур по болотам, с бармкином и баталингом, в том месте, которое ему больше всего нравится, в пределах баронства Килравок, без каких-либо противоречий или демаундов, вопросов. , или любое поклон, который можно выразить в противовес ему или его айрису, будь то мы или наш айрис, за упомянутый тур и принятие бармкина с баталингом, сейчас или в ближайшее время, чтобы кончить. В связи с этим вы должны уведомить нас о том, что письмо будет прикреплено в Инуэрнисе, в последний день февраля, от Бога, тысяча четыреста шестнадцатого года”.

М-р Иннис указывает, что одним из первых действий Джеймса по возвращении из английского плена было приказать владельцам всех замков и усадеб сделать их пригодными для жилья и жить в них; и он добавляет, что примечательно, “Сколько шотландских замков было построено за полвека после вышеупомянутого постановления, и все одного дизайна — строгая квадратная крепость с грубо обработанными стенами, увенчанная каптеркой, частично окруженная барбаканом или бармином, обеспечивающая защиту жителей и их скота от поспешных набегов грубых людей”. соседи”.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА.

ОПИСАНИЯ.

“ Время

Превратил в красоту многие башни,

Который, нахмурившись всеми своими зубчатыми стенами,

Было только ужасно. —Мейсон.

ЗАМОК АЛНИК, НОРТУМБЕРЛЕНД.

Замок Алнвик стоит на умеренном возвышении на южном берегу реки Алне, примерно в 150 ярдах от нее, которая, таким образом, служила его непосредственной защитой от шотландцев. Он находится примерно в пяти милях от уровня моря и примерно в 200 футах над ним. К востоку и югу замок отделен от города Алнвик глубоким выступом, когда-то выгоревшим в русле Боу. Он был отделан искусно, а его верхняя часть, обращенная к городу, была почти стерта современной засыпкой.

К западу от замка находится почти ровная площадка, отделенная от него полностью искусственным рвом, частично засыпанным и прикрытым конюшнями. Этот ров раньше был проложен вдоль южного фронта и сообщался с оврагом Боу-Берн. Современный земляной вал скрывает город от замка в этом юго-западном квартале.

Стены города Алнвик были укреплены и, вероятно, построены по лицензии Генри Перси в 1434 году, когда он построил Бонд-гейт, стоящие и сейчас. Неясно, была ли городская стена независимой от замка, как в Чепстоу, или примыкала к его внешней стене, как в Карлайле. Главный вход в замок и его главный задний вход находились за пределами города. К первым из них можно было подойти через городские ворота, расположение которых запомнилось, и сохранилось их название, получившее название “Узкие ворота”. Задняя дверь замка выходит к реке. Львиные ворота в южной стене, ведущие в город и на железнодорожную станцию, в целом представляют собой современное сооружение, но могут представлять собой обходные ворота, сообщающиеся с городом.

В плане замок неправильной формы и многогранный; западная и южная стороны заканчиваются, одна - башней аббата, а другая - Восточной башней, или Оврагом, и имеют длину 125 ярдов и 213 ярдов; а сторона, обращенная к реке и расположенная между этими двумя башнями, составляет 226 ярдов. Площадь внутри стен составляет почти 3 акра; площадь, включенная рвом, составляет около 7 акров.

Здесь нет ни одной сторожевой башни. Крепость в плане представляет собой неправильный многоугольник, окруженный группирующимися башнями и содержащий центральный двор. Он расположен почти в середине общего ограждения, с которым он был соединен в трех точках: одной, южной, смелой и высокой галереей, которая заменила первоначальный занавес и выступает на 35 ярдов от крепости к сторожке, которая разделяет восточную и западную палаты и известна как Средние ворота. Другими соединениями на северной стороне были две навесные стены, одна из которых простиралась от крепости на 33 ярда до башни Сокольничего, теперь перестроенной и сдвинутой, и на ней была башня Оружейника, ныне разрушенная; а другая представляла собой занавес, теперь снятый, который простирался на 20 ярдов от крепости до Задней башни.

Таким образом, территория была разделена на внешнюю, или западную, внутреннюю, или восточную, и центральную открытую крепость. Однако на северном фасаде оставалось трехстороннее пространство, ограниченное цитаделью и двумя занавесами, а по бокам - башнями Сокольничего и Боковым входом. Это пространство, открытое в сторону реки, в настоящее время защищено с той стороны низкой подпорной террасой-стеной и очень современными бастионами. Топографическая съемка 1567 года показывает, что эта сторона открыта, и, без сомнения, первоначально так и было; река, ее крутой берег, крепость, примыкающие к ней башни и занавесы, и, без сомнения, частокол, считались достаточной защитой. Это расположение, однако, необычно и очень любопытно, и выглядит так, как будто инженер хотел привлечь врага к этой самой сильной и полностью прикрытой с флангов

части, продемонстрировав слабость отсутствием внешнего *окружения*. Экономия строительства не могла быть мотивом, поскольку поперечные занавески по длине в какой-то степени завершили бы разрушенную *ограду*.

Судя по существующим фрагментам и следам фундаментов, линии нынешнего *ограждения* и крепости совпадают с линиями старой нормандской крепости. Очертания во многом определяются расположением местности, и крепость ракушек была одобренным норманнским способом занять такой холм, будь то естественный, как в Дареме, или искусственный, как в Виндзоре, или, как здесь, вероятно, очень небольшое дополнение к естественному холму. Отдельный ров, теперь засыпанный, окружал цитадель и защищал ее от окружающих ее стражей. Ближе к реке эта канава, по-видимому, превратилась в крутой обрыв.

В настоящее время крепость представляет собой открытый двор, окруженный башнями. На юго-востоке находится сторожка глубиной около 40 футов и шириной 20 футов, с величественными внешними и внутренними нормандскими арками с круглыми головками в пролете 9 футов 2 дюйма, свод между которыми сегментарный и пересечен простыми скошенными ребрами. Внешняя арка украшена двойной полосой рельефных шевронных лепных украшений по кругу с двойной штриховкой. Внутренняя арка украшена единственной шевронной лентой, а над ней - лентой, на вуссуарах которой чередуются узоры из загнутых шляпок гвоздей и геральдической "ромбы". Это работа Юстаса де Вески, который умер в 1157 году и может быть датирован 1150 годом, хотя, возможно, это часть его "муниципального замка", который, по словам мистера Тейта, существовал в 1135 году. Эти нормандские ворота встроены в законченную сторожку Генри де Перси в 1530 году, главными особенностями которой являются две высокие башни, которые в виде половинок восьмиугольников обрамляют вход с восточной стороны. Оригинальные гербовые щиты в нортумбрийском стиле вырезаны под парапетами; а на зубцах, которые имеют петлевидную форму, изображены несколько оригинальных фигур, как в Ботале и Чепстоу. Арочный проход имеет опускающую решетку. Парапеты не имеют механической конструкции. Внутренние своды этих башен очень хороши, и в подвале они содержат оригинальные подземелья, которые описываются как хранилища площадью 10 квадратных футов, проветриваемые петлями, в то время как под ними находятся подземелья размером 8 на 9 футов, куда можно попасть только через люки этажом выше. Над воротами находится отдельная столовая. План инкрустации оригинальных нормандских ворот более поздней работой очень распространен; привратные дома в Йорке представляют собой отличные примеры этого.

Вход во двор, открытая часть которого имеет около 24 ярдов в поперечнике, справа, в стене, находится очень любопытный колодец. Внутри заостренной панели находятся три глубоких углубления, также заостренных, в центре которых находится устье колодца, ствол которого уходит в толщу стены. Над ним проходит деревянная ось, а в боковых нишах установлены два колеса, обвязанных колышками, для ручного наматывания ведер с водой. Вверху, внутри панели, в небольшой нише находится фигура святого Иакова, благословляющего источник. Этот любопытный и, вероятно, единственный в своем роде колодец был создан первым Генри де Перси в 1312-15 годах; но считается, что фигура святого является вставкой прошлого века. Над большими воротами замка Годерих имеется аналогичное устройство для подъема опускающей решетки.

За колодцем находится задняя стена Большого зала, построенная тем же Перси, переоборудованная первым герцогом и перестроенная в 1863 году. Своды внизу с их сегментарным орebrением являются оригинальными, как и часть задней и северной стен, а также носовой части, откуда поперечный занавес вел к Задней башне. Это все еще

государственная столовая размером 60 на 24 фута, и хранилища выполняют свое первоначальное назначение как подвалы. В этом месте находится современная галерея, поддерживающая коридор, по которому можно попасть в анфиладу парадных комнат. Первоначальный вход в зал вел через шесть открытых ступеней со стороны корта.

Далее за холлом, указывая на северо-восток, находится башня, когда-то служившая кухней и судомойней, но перестроенная во второй раз в 1856 году, а теперь служащая гостиной размером 45 на 22 фута. За ним, вдоль северо-восточного фасада, находятся салон размером 42 на 22 фута и прихожая размером 22 на 22 фута, построенная в 1750-86 годах, но недавно оборудованная. Рядом с ними, образуя северо-западный угол крепости, находится Прюдхо-Тауэр, главная башня крепости, на которой поднят флаг. Здесь находится библиотека размером 55 на 24 фута, представляющая собой два больших отсека на востоке и западе с глубоким углом входа между ними. Это тоже современно.

Далее, на западном фасаде, следует часовня, построенная в 1856 году, прямоугольная башня смелого выступа, с одним основным этажом и скатной крышей. Два угла обрезаны, образуя многоугольную апсиду. Однако этот традиционный восточный конец направлен на юго-запад.

Затем, обращенные на юго-запад, следуют две полукруглые башни, перестроенные в 1750-86 годах, в которых расположены парадные спальни и соединенные короткой занавеской, за которой находится гардеробная. Наконец, между ними и сторожкой, замыкающей контур крепости и выступающей строго на юг, находится галерея, имеющая на первом этаже ширину в одну линию из пяти комнат и коридора, а ниже - средние ворота. Комнаты представляют собой личные апартаменты герцога и герцогини, а также коридор, соединяющийся с кухнями. Ворота с опускной решеткой датируются 1309-15 годами и встроены в южный занавес, с внешней стороны которого они выступают в виде настенной башни. Галерея заменила занавес около 1760 года и была перестроена в 1856 году. Зубчатые стены сторожки, вероятно, были добавлены около 1407-55 годов.

Вход в государственные апартаменты находится в центральном дворе, под сводчатым вестибюлем, в северо-западном углу. Отсюда величественный лестничный пролет ведет во внутренний вестибюль, а оттуда по второму пролету - в караульное помещение, которое ведет в парадные покои. Все они находятся на втором этаже, а подвал занимают комнаты для прислуги.

Хотя большая часть крепости была перестроена в прошлом и нынешнем столетиях, она по-прежнему состоит из семи башен ранних Перси, показанных на плане 1567 года, и многое, особенно цокольный этаж, старое; а то, что является новым, устроено с большим учетом более старого и, действительно, во многих частях, нормандского плана. Внешний ров крепости частично засыпан, а подъемный мост над внутренними воротами демонтирован. Сохранилась опускная решетка.

Из общего и внешнего *ограждения* наиболее полной и поразительной частью являются западные ворота, очень прекрасный и неизменный образец ворот и барбакана эдвардианского периода 1312-15 годов в его простейшей форме. В барбакан, примерно 55 футов в длину и 32 фута в ширину, ведет большая арка с круглым выступом между парой квадратных боковых контрфорсов, вверху обрамленных двумя башенками, также квадратными. Над входом на утопленной панели изображен большой лев Перси с их девизом "Espérance". Арка ведет в проход длиной 55 футов и шириной 10 футов, первые 20 футов сводчатый, но затем открытый небу. Он находится между очень высокими боковыми стенами, укрепленными с каждой стороны. Слева небольшая боковая дверь вела к откосу

рва; также слева другая дверь открывается на настенную лестницу, ведущую к зубчатым стенам. Впереди находится портал сторожки. Этот барбакан пересекал ров, ныне засыпанный. Помимо внешнего подъемного моста, перекинутого через петлю главного рва, у него был внутренний мост между боковыми стенами, спускающийся со сторожки. Это упоминается в топографической съемке 1538 года и было удалено в 1567 году. Парапеты без машикуляций, а амбразуры без молдингов. Зубцы не имеют петель, и размещенные на них цифры датируются только 1750-86 годами. Вероятно, перед рвом этого барбакана был барьер или частокол из бревен, а ровное пространство впереди, перекрытое стенами как города, так и замка, обычно использовалось для рыцарских поединков или военных дуэлей. Прилегающая река была достаточной защитой от внезапности.

Сторожка, прикрытием которой является барбакан, представляет собой прямоугол глубиной 40 футов и шириной 45 футов, с небольшим внутренним и смелым внешним выступом, представляющий собой две восьмиугольные башни. Проход сводчатый и имеет обычную защиту в виде опускной решетки и ворот. Порталы имеют круглую форму. Есть боковые ложи, в одну из которых можно попасть из коридора, а в другую - со двора.

Входя во двор, заметьте, что занавес слева значительной высоты имеет нормандский фундамент 1150 года постройки и эдвардианскую надстройку 1350 года постройки. Снаружи основание парапета обозначено струнной дорожкой, а амбразуры украшены лепниной по всей окружности. Стена простирается до башни аббата, но на ней находится небольшая прямоугольная фресковая башня, называемая Башней Авенера, 1309-15. Башня аббата, построенная в том же году, венчает северо-западный угол. Он прямоугольный и состоит из трех ступеней, самая нижняя из которых сводчатая и ребристая с сегментарными арками, как в Башне Констебля и под Большим залом. Третья ступень поднимается прямо над стеной, и на нее ведет лестница-колодец, занимающая северо-восточный угол.

Отсюда короткий занавес, датируемый смешанными 1150 и 1350 годами, с небольшим выступом, простирается до башни Сокольничего, также прямоугольной формы, перестроенной, хотя и не совсем на старом месте, в 1856 году, и от которой современная навесная стена доходит до башни Прюдхо в цитадели. На этой стене возвышалась Башня Оружейника, тоже прямоугольная, разрушенная в 1856 году, чтобы улучшить вид из библиотеки. Говорят, что снос этого здания и башни Сокольничего были единственными изъятиями, сделанными из первоначальных военных сооружений замка.

Возвращаясь к западным воротам, занавес справа от них простирается мимо западной чердачной башни к Часовой башне, полностью перестроенной в 1750-86 годах. Последний имеет круглую форму, с плоским ущельем и килевидным выступом, и венчает юго-западный угол. За последним названным занавесом, куда можно попасть через ворота, находятся конюшни, школа верховой езды и гостевой зал размером 135 на 35 футов, на 25 футов выше открытой деревянной крыши, очень благородного сооружения. Эти здания построены в 1856 году.

С Часовой башни южный занавес поддерживает снаружи офисы поместья. Часть этого занавеса 1750-86, часть 1309-15. Эта последняя часть включает в себя башню Аудитора 1770 года постройки, квадратная задняя часть которой выступает во двор, а полукруглый фасад - наружу. За ним находится фрагмент нормандской занавески 1150 года постройки, за которой снаружи пристроена современная кухня, а над ней современный коридор, соединяющий комнату герцога с архивом в Башне Аудитора. Обработка этой части здания мистером Салвином заслуживает особого внимания благодаря удачному сочетанию черт эдвардианской эпохи с техникой наших дней. Кухня, которая многим напоминает посетителю

Дарем и Авиньон, в целом превосходит и те, и другие и, кроме того, является образцом кулинарного мастерства. Эти кабинеты, первоначально находившиеся в замке в восточном конце зала, были размещены здесь первым герцогом, но были переделаны герцогом Алджерноном.

Раньше в западном крыле располагались казначейство и конюшни. Казначейство представляло собой большое прямоугольное здание, примыкавшее к северной оконечности западной сторожки и, как и она, окруженное стенами. Два ряда конюшен стояли немного внутри и параллельно занавесам рядом с Часовой башней. Эти здания, показанные на съемке 1650 года, были сняты, вероятно, около 1755 года.

Пройдя через средние ворота, впереди находится восточная, или внутренняя палата, а слева - внутренняя сторожка крепости. Справа, за занавеской, находится комната управляющего, а за ней Башня Надзирателя, упомянутая в 1567 году, но полностью перестроенная в 1860 году по проекту 1770 года. Теперь здесь находятся Львиные ворота, ведущие в сады. Под сторожкой у ворот находится пивной погреб, а над ним, с одной стороны, пристроенная к офисам кондитерская.

За ним линия занавеса неровная. Что касается выступа, то это нормандия, 1150 год, и это очень хороший пример грубой ограды того времени. На нем находится Восточная мансарда, 1309-15 гг., и она заканчивается Овражной башней, самой восточной частью замка, закрывающей острый угол *ограждения*. Это круглая башня хорошего размера, с хорошей лестницей на стыке с занавесом. Она была сильно отремонтирована с момента своего основания в 1309-15 годах. Он защищен оврагом, откуда и получил свое название.

Отсюда занавес тянется на северо-запад, будучи в значительной степени нормандским, но отремонтированным в месте, называемом "Кровавой щелью". За ним находится чердачный бартизан, называемый Креслом Хотспера. Это было ущелье полукруглой башни, сейчас снятой, но показанной на плане 1650 года. За этим занавесом снова смешанный нормандский и украшенный 1312-15 годами, до башни констебля. Это мощная полукруглая башня, венчающая пологий выступ на северо-востоке; на каждый из трех этажей есть внешний вход по лестнице. Отсюда короткая занавеска, 1150, ведет к Задней башне, 1312-15, прямоугольной, пронизанной снизу сводчатым проходом с опускной решеткой заднего входа, а также сводчатой на втором этаже. Эта башня является прекрасным примером нортумбрийского военного сооружения украшенного периода. Арки округлые или сегментарные, в задней стенке имеется замечательное двухсветное окно с фрамугой, а в изголовье - лиственный круг. Здесь также есть очень совершенный гардероб с видом на улицу. С этой башни занавес, который сейчас снят, поднимался вверх к носовой части холловой башни замка и, таким образом, завершал защиту этого квартала. Первоначальный задний проход засыпан землей или почти засыпан, но сбоку от башни есть проход, ведущий на террасу между замком и рекой и простирающийся до башни Фальконера.

В восточном приходе находилась замковая часовня и трубопровод, снабжавшийся водой по свинцовым трубам из внешнего источника под названием Воющий колодец. Часовня, значительное здание, стояла отдельно рядом с Кровавой пропастью и была снесена в 1755 году. Церковное учреждение, по-видимому, было респектабельного масштаба и включало в себя часовню для составления некрологов о семье. В этом квартале также находились пивоварни, пекарни и бойни для гарнизона.

Замок Алник, вероятно, является лучшим сохранившимся примером нормандского замка такого типа, с открытой крепостью и полной *оградой*; хотя большинство нынешних зданий относятся либо к четырнадцатому, либо к девятнадцатому веку, план, безусловно, нормандский, как и некоторые отдельные части конструкции. Похоже также, что крепость никогда не была простой оболочкой, как Кардифф или Арундел, а всегда была окружена башнями и снабжена красивой сторожкой. Примечательной особенностью является использование круглой головки и сегментарной арки в Украшенный период. Это не редкость на Севере Англии. Весьма вольное использование каменных воинов на парапетах, доведенное до абсурда во время ремонта прошлого века, также примечательно. Их можно увидеть в Ботале и в эдвардианских произведениях искусства, как в Кернарвоне, так и в Чепстоу, но они ни в коем случае не распространяются так свободно, как здесь. Очевидно, они предназначались только для украшения, но из всех фигур орла в Кернарвоне единственная вообще подходящая. Ни один лучник не стал бы и не смог бы встать на гребне парапета. Большинство более поздних фигур были очень аккуратно убраны мистером Салвином.

На зубчатых стенах и башнях, в различных частях замка, есть удобные приспособления для навешивания подвижных деревянных ставней в амбразурах, чтобы защитить стражей от шотландского вала и от едва ли менее острой остроты пронизывающих ветров Границы. Затвор подвешивался горизонтально, как крышка иллюминатора, но на цапфах, одна из которых упиралась в круглое отверстие в одном зубчатом выступе, а другая - в аналогичное отверстие, заканчивающееся пазом в другом, так что затвор свободно висел и при необходимости его можно было поднимать и выдвигать. Рисунок в точности повторяет рисунок, нанесенный на валик круглого полотенца. Следы этого рисунка сохранились в различных частях замка. Прекрасный пример можно увидеть на барбакане. Его также можно увидеть на восточной стене Годериха, в Чепстоу и в других местах.

Должностными лицами, составлявшими штат этого замка как гражданской резиденции в 1567 году, были констебль или губернатор; привратник внешних ворот; грейв, или исполнительный чиновник, или судебный пристав; приемщик, или аудитор; феодарий, который проверял услуги и срок аренды; управляющий, сведущий в законе, который вершил правосудие; судебный клерк, который заполнял списки и вел записи; и иностранный, или внешний судебный пристав, который собирал деньги на охрану замка и корнаж, а также вызывал арендаторов и претендентов. Вся годовая выплата этим офицерам составляла 58,18 фунтов стерлингов.

Принимая во внимание характер местности, столь изобилующей следами ранних военных земляных сооружений, и сильное и четко очерченное естественное положение Олнвика, представляется вероятным, что он был занят в качестве лагеря некоторыми племенами, которые с очень отдаленного периода сделали эту границу своим полем битвы, и чья оборона до сих пор видна в виде одиннадцати отдельных земляных укреплений на очень небольшом расстоянии от города. Если это так, то они обязательно разместили бы свои оборонительные сооружения к северу и востоку от нынешнего замка. Внутреннее возвышение, несомненно, было бы их цитаделью, а траншею, обеспечивавшую их безопасность, удобнее всего было бы провести вдоль общего направления западного фронта, чтобы соединить верховье Бау-Берна с Алной и таким образом завершить изоляцию полуострова. Подобное место, защищенное таким образом, нередко использовалось или строилось норманнами и саксами, когда они становились оседлыми, и они разместили бы деревянный особняк своего тана с частоколом на центральном укрепленном холме.

Вероятно, норманнец Гилберт Тисон с туманной памятью, который считается пионером Завоевания в этих диких краях, нашел и удовлетворился каким-то древним видом деревянной крепости, поскольку самые ранние следы каменной кладки, которые остаются *на месте* или были извлечены из стен, хотя и нормандские, относятся к позднему периоду и приписываются Юстасу Фитцджону, который женился на Беатрикс, дочери и наследнице Иво де Вески, который, как считается, был женат на дочери Тисона. Юстас, прозванный Де Весси, процветал при Генрихе I и Стефане I и умер в 1157 году. Вполне вероятно, что он построил большой замок, поскольку был влиятельным бароном, шерифом Нортумберленда и основателем аббатств Олнвик и Малтон в Йоркшире. Кроме того, он, должно быть, испытывал нехватку надежного места, поскольку в его дни, в 1135 году, замок Алник был захвачен Дэвидом I шотландским в интересах императрицы Мод.

Юстас, без сомнения, построил в первой половине двенадцатого века многоугольную башню на холме, придал ей ворота, которые мы видим до сих пор, и разместил внутри свою резиденцию. По словам мистера Тейта, следы его стен были обнаружены при последней перестройке. Несомненно, он также расчистил ров вокруг крепости. К нему также следует отнести общую стену *окружения*, возможно, ров за ее пределами; и это было бы усилено настенными башнями, многие из которых, должно быть, стояли там, где сейчас стоят их преемники. О работе Де Вески свидетельствует то, что камни в основном представляют собой квадратные блоки среднего размера, уложенные рядами, но в более или менее волнистых слоях, как будто каменщик не использовал ни линию, ни уровень. Стыки открытые. Вне всякого сомнения, де Вески построил замок, соответствующий его богатству и достойный главного барона Приграничья.

В июле 1174 года Вильгельм Лев, возвращаясь после вторжения в Камберленд, к своему удивлению, оказался перед Алником. Уильям, сын Юстаса де Вески, напал на него. Он был выбит из седла, схвачен и отправлен в Англию, за море, в тюрьму. Юстас, сын Уильяма, вступил на престол в 1190 году, и его посетил король Иоанн 12 февраля 1201 года и 24 апреля 1209 года, когда король принимал в замке оммаж Александра, короля Шотландии. Четыре года спустя, 14 мая, Иоанн приказал Филиппу де Улекоту снести замок Алник — приказ, которому едва ли можно было подчиниться, учитывая, что сам король был там 28 января 1213 года и 11 января 1216 года, что, без сомнения, было нежелательными визитами, поскольку Юстас был бароном Великой хартии вольностей. Он встретил свою смерть от стрелы перед замком Барнард в последний год правления короля Иоанна. Генрих III. посетил Олнвик 23 сентября 1256 года, а Эдуард I. был гостем Джона де Вески 30 апреля и 1 мая, а также 16 и 17 августа 1291 года, и 16 августа, и 13 и 18 декабря 1292 года; и снова 22, 23, 24, 25, 26 и 27 сентября 1296 года; и 26 и 29 июня 1298 года.

Бароны де Вески вымерли в 1297 году из-за смерти Уильяма, седьмого барона, когда замок и баронство были приобретены, как говорят, путем обмана внебрачного сына Энтони Беком, воинственным епископом Дарема, который в 1309 году, при Эдуарде II, продал их Генри де Перси, представителю воинственного рода, появление которого составляет важную эпоху в истории Границы. Перси, как лидер северных баронов, сделал Алнвик своей резиденцией и, хотя владел им всего пять лет, похоже, перестроил большую часть здания, остальное достроил его сын с тем же именем.

Замок Перси, построенный почти по нормандским образцам, очень напоминал нынешнее строение. Авторство эдвардианской части внутренней сторожки устанавливается гербом Клиффорда на ее стенах, поскольку второй Генри де Перси женился на даме из этого дома. К первой половине четырнадцатого века можно отнести, как уже подробно указывалось, почти все основные черты замка в том виде, в каком он стоял при въезде первого герцога из

нынешней семьи. Перси, хотя они и поддерживали репутацию Алнвика как великой Пограничной крепости на протяжении почти четырех столетий, по-видимому, существенно не изменили структуру двух первых лордов. Они принимали здесь Эдуарда II в 1311 и 1322 годах и Эдуарда III в 1335 году; но более поздние графы часто бывали в Петворте и Йоркшире; а после смерти восьмого графа в 1537 году и вступления на престол его брата семья перестала проживать в Алнуике, и замок пришел в запустение. Линия Перси закончилась на Элизабет, дочери Джослина, одиннадцатого графа, которая 30 мая 1682 года вышла замуж за Чарльза, герцога Сомерсетского. Из их детей двое имели потомство, Алджернон и Кэтрин, которые вышли замуж за сэра У.М. Уиндхэм и в конечном итоге передал этой семье поместья Перси в Петворте, Эгремонте и Леконфилде.

Алджернон Сеймур, герцог Сомерсет и по рождению граф Нортумберленд, оставил одного ребенка, Элизабет Сеймур, которая унаследовала Алнвик и вышла замуж за сэра Хью Смитсона, титулованного герцога Нортумберлендского и предка нынешней семьи.

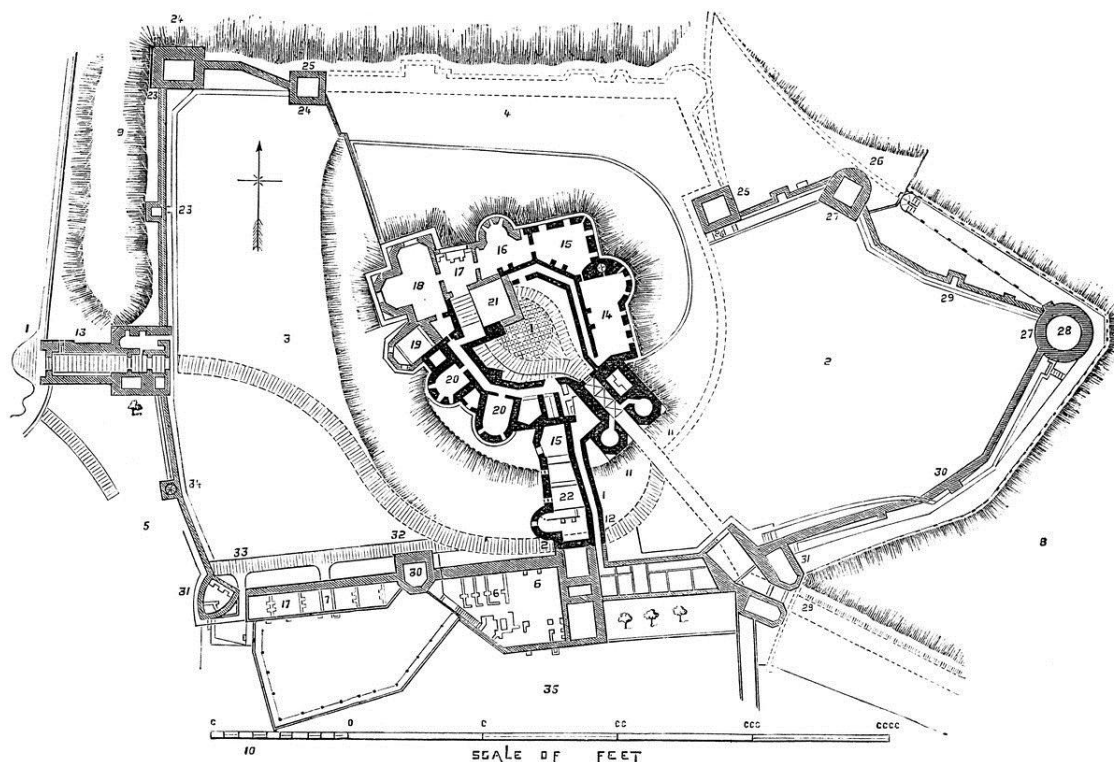
Обследование Алнвика в 1567 году показывает, что в то время он был очень разрушен, и поскольку лорды Сеймуры предпочитали свою отцовскую резиденцию, Алнвик превратился почти в руины. От этого его избавил первый герцог, который по совету Адама отреставрировал и частично перестроил крепость; и хотя он отделал интерьер штукатуркой и безделушками, внешний вид сделал добротным и, в целом, соответствующим характеру места и тому, что осталось от древних зданий.

Так оставалось до восшествия на престол герцога Алджернона, более известного как лорд Прадхо, морского офицера и хорошего делового человека, который много путешествовал, обладал утонченным вкусом и отличался поистине благородным и величественным нравом. Занимаясь общественно полезными делами, связанными с его поместьями, графством и профессией, и заботясь об осушении своих земель, перестройке коттеджей своих работников, восстановлении местных церквей и обеспечении спасательных шлюпок для своего опасного побережья, он, по здравому совету мистера Салвина, почти перестроил замок, со скрупулезной тщательностью сохранив все, что допускало сохранность, и адаптировав свою новую работу к периоду правления первого и второго Перси, основателей более позднего замка. Восстановив таким образом великую Пограничную крепость со строгим соблюдением правил военной архитектуры, он приступил, по совету Канины, к оформлению интерьера в стиле итальянского дворца. Созданный контраст, безусловно, разителен, и попытка такого дорогостоящего масштаба была смелой; но приспособление мебели к неправильной планировке комнат настолько хорошо продумано, используемые материалы настолько богаты, а исполнение деталей настолько искусно, что даже такое большое несоответствие трудно расценить иначе, как выдающийся успех.

В последние годы очень компетентные люди уделяли много внимания истории этого замка. Гроуз приводит некоторые подробности, которые сейчас очень ценны; но этот рассказ, а также замки Уоркуорт и Прадхо были проиллюстрированы покойным мистером Хартсхорном и также с большим успехом освещены им в нортумберлендском сборнике Археологического института. Совсем недавно мистер Тейт со знанием дела и точностью затронул тему замка Алник в своей замечательной истории баронства Алник. И, наконец, в “Жизни Уильяма Руфуса” мистер Фримен слегка, но очень убедительно коснулся связи Алнвика и его лордов с историей Нортумбрии. В приведенном выше наброске в некоторой степени были использованы вышеупомянутые материалы; но целью автора было рассмотреть исключительно структуру замка, и это с военной точки зрения.

СПИСОКЛИТЕРАТУРЫ.

1. Донжон.
2. Внутренняя палата.
3. Внешняя палата.
4. Терраса.
5. Стабильные суды.
6. Кухня.
7. Конторы недвижимости.
8. Овраг.
9. Канава.
10. Башня.
11. Внутренние ворота.
12. Средние ворота.
13. Барбикен.
14. Зал.
15. Гостиная.
16. Музыкальнаякомната.
17. Прихожая.
18. Библиотека. Башня Прудхо.
19. Часовня.
20. Парадная спальня.
21. Вход.
22. Галерея "Шпора".
23. Западный чердак.
24. Башня аббата.
25. Башня сокольничего.
26. Задняя башня.
27. Башня констебля.
28. Овражная башня.
29. Кресло Хотспера.
30. Восточная мансарда.
31. Башня стража.
32. Башня аудитора.
33. Башня с часами.
34. Башня Авенера.
35. Сад.

ПЛАН ЗАМКА АЛНИК, НОРТУМБЕРЛЕНД.

ЗАМОК АРК, НЕДАЛЕКО ОТ ДЬЕППА.

АРК - один из самых ранних образцов нормандского замка, по этой причине, хотя он и не является английской крепостью, было сочтено удобным включить его описание на эти страницы. Этот величественный замок венчает и занимает вершину крутого и крутого мыса, в данном случае отрога большого мелового плато “Пэй-де—Ко”. С запада его обрамляет короткая, но глубокая лощина, или сухая долина, а с востока - более глубокая и гораздо более широкая долина Бетюн и Варенн - ручьев, берущих начало из разных источников, но которые здесь извиваются по широкому и ровному дну шириной более полумили, пока, немного ниже замка, соединяясь, они не принимают приток Ольн, а с востока - более широкую долину рек Бетюн и Варенн. , объединенные таким образом под названием “Ривьер д'Арк”, впадают в море в порту Дьепп.

Таким образом, замок возвышается над левым берегом главной долины. Он находится примерно в 4 милях от Дьеппа; и сразу под ним, к северо-востоку от него, находится деревня, откуда он получил свое название, примечательная церковь необычных размеров и самым элегантным образцом стиля второй половины шестнадцатого века. Дальше, на правом берегу, находятся остатки древнего леса Арк, части обширных владений древних лордов фи, на окраинах которого, в пределах досягаемости замка, в 1589 году произошла очень знаменитая битва.

Замок в его нынешнем виде состоит из прямоугольной крепости, стоящей в юго-западном углу внутреннего двора, в плане представляющей собой нечто меньшее, чем полукруг,

обращенный своей хордой к западу и заключенный в *ограждающую* стену, укрепленную башнями и контрфорсами по бокам и на южном конце и ограничивающую его углы.

К северному концу этого здания примыкает внешний двор более поздней постройки, четырехсторонний, с барабанными башнями по четырем углам.

Главный вход, к которому ведет крутая и извилистая дорога из города, находится в северной части, или в оконечности мыса, между двумя башнями. Вход ведет во вторую сторожку, ведущую из внешнего во внутренний двор, также между двумя башнями. Третья сторожка на другом конце крепости ведет прямо с внешней стороны в южную часть внутреннего двора и, таким образом, открывает сообщение с корнем мыса. В западной стене внешнего отделения также есть боковая дверь со сводчатыми проходами.

За стеной, плотно опоясывающей ее, находится ров, самая поразительная особенность во всей крепости. В общем плане это похоже на длинную часть груши, северный конец которой меньше, а западная сторона сплюснута так, что становится почти прямой. Контрскарп этой канавы занимает площадь около 5 акров. Сам ров, измеренный от уровня подножия стены, венчающей его уступ, имеет глубину около 60 футов, уклоны от 1 фута по горизонтали до 2 футов по вертикали и ширину около 70 футов. Она только не слишком крутая, чтобы ее можно было покрыть коротким дерном. Гребень контрэскарпа представляет собой гребень шириной около 6 футов и примерно на 20 футов ниже уровня основания стены. От него спускается другой склон, такой же крутой, но гораздо глубже; с западной стороны спускается примерно на 150 футов ко дну долины, а с восточной - на гораздо меньшую глубину, так как здесь за этим "гласисом" следует что-то вроде широкой террасы пастбищ, которая плавно спускается к реке, уровень которой может быть на 250 футов ниже платформы замка. Во многих отношениях эти укрепления напоминают укрепления Брамбера в Сассексе.

На северо-западном конце ров пересекает очень современная земляная насыпь, которая заменяет более ранний подъемный мост. На южной оконечности, где земля самая высокая, а ров глубиной около 50 футов и шириной 80 футов, остаются две зацепленные опоры на уступе и контрэскарпе, а между ними две отдельно стоящие опоры, внешняя из которых уперлась во внутреннюю. Все они прямоугольные, а внутренняя из отдельно стоящих двух значительно больше и, вероятно, имела башню для защиты и функционирования двойного подъемного моста. Эти опоры сложены из кремневого щебня, облицованного тесаным деревом, от которого сохранилась лишь небольшая часть.

На внешнем конце находится земляной вал *тет-дю-пон*, или равелин треугольной формы, проход от которого находился немного восточнее вершины. Это сооружение, очевидно, было построено, когда использовалась артиллерия, и приписывается Генриху IV во время кампании 1589 года. Это, без сомнения, более ранний барбакан, также из земли и дерева. За мостом нет следов каменной кладки. Это сооружение выходит на гребень мыса, который расширяется и поднимается несколько выше к югу. Земля изрыта насыпями и рвами, остатками полевых работ различной давности, как наступательных, так и оборонительных.

Конструкция этого замкового рва своеобразна. Более очевидным планом было бы разместить стены на краю холма и спускать его склоны в долину с такой крутизной, какая подходила для местности. Вместо этого верхние 40 футов холма, представляющего собой меловую скалу, были обнесены вертикально, а затем облицованы стеной, на которой была помещена *ограждающая* стена внутренней палаты. Затем у подножия облицовки был выкопан только что описанный ров, материал был выброшен наружу так, чтобы образовался искусственный уступ, который, таким образом, стал своего рода передовой насыпью или земляным валом за рвом, представляющим гребень гласиса и способным удерживаться

шеренгой солдат, но который, когда был взят, был слишком открытым и слишком узким, чтобы можно было удержать его или соорудить на нем укрытие. Эта банкетка находилась на более низком уровне, чем подножие противоположной стены.

Такое расположение встречается и в других замках Нормандии, и особенно, как указывает М. Девиль, в Молино, Де Лонгвиле, Бек-де-Монтань, а также в более поздних работах Шато-Гайяра, где, однако, оно менее заметно.

Крепость имеет прямоугольную форму, примерно 80 футов к северу и югу, 70 футов к востоку и западу, и в настоящее время имеет высоту около 60 футов. Он стоит в юго-западном углу внутреннего двора, недалеко от *ограждающей* стены, частью которой является его юго-западный угол. Толщина его стен на уровне земли составляет около 13 футов. Он представляет собой три контрфорса на северной стороне и два на южной, причем третий представляет собой своего рода колпак, утолщающий и охватывающий юго-восточный угол. Они имеют необычную ширину и выступ в 9 футов, и они поднимаются до настоящего времени, которое не может быть выше чем на 10 футов ниже первоначальной вершины. Под северо-восточным углом соседние контрфорсы устанавливаются квадратными, оставляя угол свободным. Южная сторона ровная, или почти ровная, за исключением выступа в его юго-восточном углу, который простирается на юг и соединен с прилегающей *ограждающей* стеной. Западная сторона равнина, за которой находился вход.

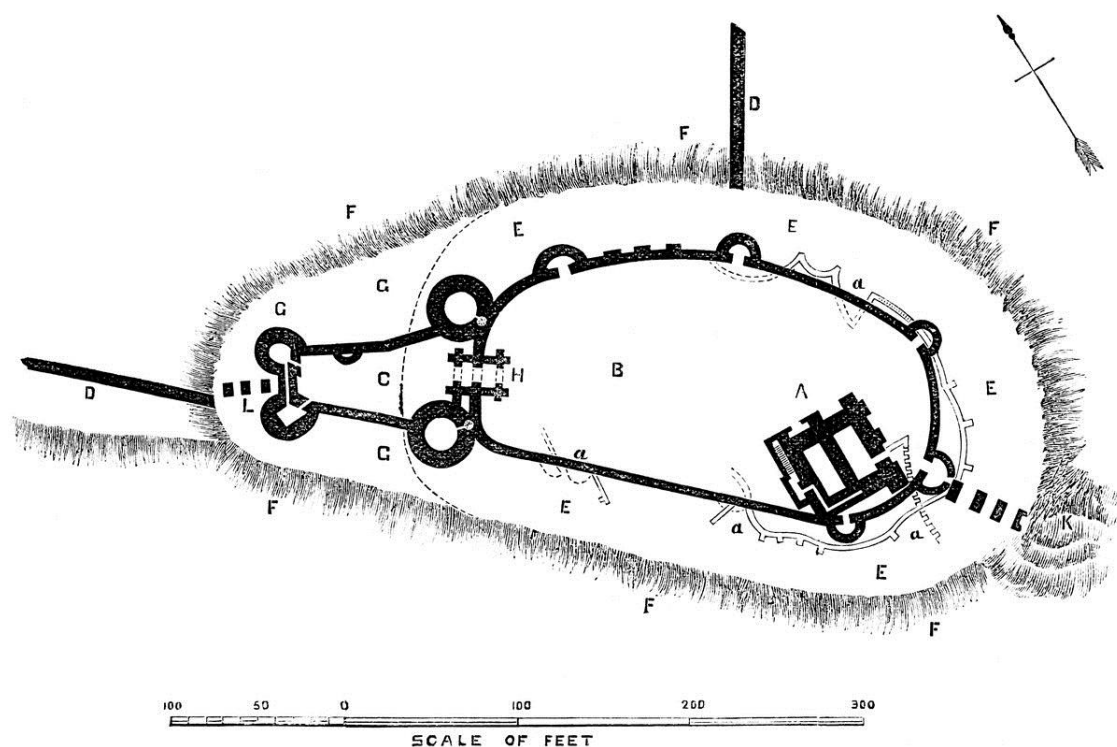
Она состоит из лестничного пролета, начинающегося на северной стене, проходящего мимо дверного проема в самом западном контрфорсе, а затем, поворачивая, продолжающегося вдоль западной стены, пока на своем южном конце не упрется в обычный квадратный пристрой, распространенный в этих крепостях. Эта лестница была ограждена внешней стеной, и у ее подножия и на вершине были ворота. Она была засыпана, как явствует из отметин на стене; а над ней, без сомнения, находилась обычная платформа для обороны. В подвале переднего здания, которое также является частью *ограждающей* стены, находилась сводчатая камера, ведущая в подвал цитадели, как в Рочестере, либо в хранилище, либо в тюрьму. Лестничный этаж имел бочкообразные своды, на одном конце которых была петля, ведущая к полю, а на другом - дверь в стене крепости.

Войдя в эту дверь, лестница продолжается на юг в стене крепости, вверх по грубо сводчатой галерее с круглыми фресками, пока под углом не достигнет уровня первого этажа. Теперь галерея поворачивает под углом и продолжается на уровне середины южной стены, когда резко обрывается. Дверь справа ведет на *окруженный* вал, а одна слева, вероятно, вела в крепость.

Внутреннее убранство крепости состоит из подвала и верхнего или, возможно, двух этажей, разделенных северной и южной стенами на две камеры на этаже. Говорят, что эта разделительная стена оригинальна и должна быть таковой в замке такого размера, но она выглядит как постройка шестнадцатого века и, возможно, представляет собой более древнюю постройку. Западный подвал сильно завален мусором. Восточная камера довольно чистая, и видно внешнее отверстие в восточной стене, недалеко от южного конца, которое сообщается с прилегающими южными воротами. Это может быть оригинально, но теперь это просто дыра. В северной стене находится короткая галерея с фресками, ведущая к лестнице-колодцу в северо-восточном углу, которая ведет только на второй этаж и часовню. Нижняя ступень не была сводчатой. На первом этаже есть четыре окна на северной стороне, по два в каждой комнате и одно на восточной стороне. На втором этаже также были такие же окна с северной стороны и сводчатая комната с восточной стороны; без сомнения, это была часовня. Эта часовня образована путем перекидывания свода от контрфорса к контрфорсу

для пола и на более высоком уровне для крыши, а над ней были выступы. На северном фасаде сохранились следы похожих камер. Верхний этаж был перекрыт шестью проемами, по три с каждой стороны, должным образом обработанными и ребристыми, как показано пружинящими элементами. Материал и качество изготовления, не в меньшей степени, чем сечение ребер, указывают на то, что это поздняя пристройка, вероятно, шестнадцатого века.

ПЛАН ЗАМКА АРК, НОРМАНДИЯ.

- А. Продолжать.
- Б. Внутренняя палата.
- С. Внешняя палата.
- Д. Стены Ле Бель.
- Е. Старая канава.
- Ф. Гласис.
- Г. Новая канава.
- Х. Норманнские ворота.
- I. Южные ворота.
- К. Барбикен.
- Л. Северные ворота.
- а. Галереи.

Предполагаемые два верхних этажа, вполне возможно, предназначались для одного государственного этажа с двумя ярусами окон и часовней наверху. Часовня, по-видимому, имела бочкообразный округлый свод, вероятно, с углублениями. Судя по отчетам, в четырнадцатом веке на этой восточной стороне располагались королевские покои. Каминь,

по-видимому, располагались только на верхних этажах. Как теперь видно, они относятся к дате возведения свода.

В юго-западном углу крепости, совсем рядом со стеной, находится колодец, труба которого была продолжена по крайней мере до первого этажа, как в пристройках в Ричмонде. Он имеет около 6 футов в диаметре, облицован тесаным деревом, а в 1768 году был засорен на глубине 254 фута, или примерно на уровне реки; сейчас глубина уменьшена до 30-40 футов.

Снаружи, между контрфорсами, видны следы стен, как будто промежутки между ними были учтены как снизу, так и сверху; но эти стены тонкие и не кажутся оригинальными.

М. Девиль ссылается на публичные записи о существовании в 1318 году четырех башенок в замке, крытых свинцом.

М. Ле Дюк в своем Словаре называет искусство. "Донжон" дает множество очень любопытных подробностей, связанных с этой крепостью, подробностей, неизвестных месье Девиллю, и для которых должны быть какие-то основания, кроме реально существующих следов, которые очень неудовлетворительны.

Крепость построена из крупных меловых кремней, обильно растертых в известковом растворе, и облицована снаружи тесаным деревом, которое сейчас в основном ободрано и вывезено. Внутри кремней иногда укладывают наподобие селедочных костей. Ясень представлял собой известный в стране известковый туф, образовавшийся в результате просачивания известковых источников поверх мха и подобной растительности. Он широко использовался в более ранних французских замках. Более поздний тесаный материал ребер свода и вставных дверных коробок, по-видимому, представляет собой мелкий твердый известняк, по внешнему виду приближающийся к канскому камню, и, возможно, на самом деле это тот самый материал. Там, где не хватает тесана, видны отверстия для шпаклевки, расположенные с исключительной регулярностью. Швы у исходного тесана крупные, у более поздних - мелкие. Новый и старый ясень легко отличить, но одна кремневая стена очень похожа на другую.

Внутренний двор, длиной около 160 ярдов и наибольшей шириной около 70 ярдов, представляет собой естественную меловую платформу, окруженную со всех сторон стеной толщиной около 8 футов, которая с восточной стороны сводится к парапету, но с западной поднимается примерно на 20 футов выше, вероятно, на свою первоначальную высоту. В 1708 году в этом дворе располагались апартаменты губернатора и штаба гарнизона, колодец и часовня. Вероятно, они относились к шестнадцатому веку или позже, а сейчас полностью исчезли.

The *Ограждающая* стена, опоясывающая это внутреннее помещение, заслуживает внимания, поскольку большая ее часть относится к древнему времени. Если не считать четырех северных башен с их занавесями, которые относятся к более позднему времени, у нас есть около 380 ярдов занавеса, разделенного пятью башнями-фресками и тремя прямоугольными контрфорсами. Почти вся стена облицована кремнем с тремя полосами тесана. Большая часть кремня выложена в виде селедочной кости, ремонт, где из кирпича, был сделан гораздо позже. Тесаные полосы сделаны из туфа. Две башни, полукруглые, находятся на восточном фасаде. Из них одна, хотя, вероятно, оригинальная, была облицована кирпичом. У другого было основание из ясеня, а верхняя часть из кремня сделана из кости сельди. Диаметр каждого около 15 футов, толщина стенок 5 футов.

Между этими башнями расположены три прямоугольных контрфорса; два имеют ширину 15 футов и выступ 12 футов, а один - площадь около 7 футов. Два первых не содержат работы из селечных костей и, вероятно, являются ранними дополнениями, возможно, Генриха I.; последнее является оригинальным.

На западной стороне сейчас нет башен, но в 1708 году там были две, полукруглые и небольшого размера, следы которых сохранились. Они, без сомнения, были оригинальными.

Остальные три башни венчали три выступающих угла южной оконечности, центральная из которых содержала ворота, а остальные располагались по бокам от них. Все они на четверть заняты.

Фланговые башни похожи друг на друга, около 22 футов в диаметре и 55 футов высотой от внешнего основания, со стенами толщиной 7 футов. Основания либо сплошные, либо прорезаны ступенями, ведущими вниз, к галереям. Существует обычный подвальный этаж, а над ним этаж на уровне внутреннего отделения. Они не сводчатые и снаружи не украшены "селечными костями", хотя в одном из них есть кое-что внутри. На юго-востоке от него построен современный летний домик.

Центральная башня, или надвратная башня, имеет диаметр 24 фута. Он прорезан на уровне откоса порталом, который выходит на подъемный мост, опоры которого были описаны; и над ним есть сцена.

Портал поднимается к замку; его детали сильно разрушены, и из них мало что можно сделать.

Из *ограждения* внутренней палаты следует отметить *северную сторожку*. Этот первоначальный и, вероятно, единственный вход в нормандскую крепость, хотя и сильно разрушенный, по-видимому, существенно не изменился. Он представляет собой прямоугольное здание глубиной 40 футов и шириной 20 футов, расположенное в центре занавеса, с которым его внешняя сторона находится почти на одном уровне. Его пересекают внешняя, средняя и внутренняя стены, каждая из которых пронизана аркой высотой 12 футов, через которую проходит проход. Здесь сохранились прямоугольные пазы опускной решетки, а несколько лет назад были обнаружены следы строительства второй, а в стене - работы из кости сельди. Арки простые, без лепнины или фаски. Внутренний имеет круглую головку и вытекает из плоских счетов со скошенной внизу фаской. Швы тесаного бруса имеют ширину около 1 дюйма. Завесы по обе стороны этих ворот, хотя и сильно отремонтированные, кажутся оригинальными, и на них сохранились следы старых круглых надвратных башен. Яма подъемного моста остается перед воротами, на первоначальной линии рва.

Внешняя палата, без сомнения, находится на месте более ранней надворной постройки. Он построен напротив узкого северного конца внутреннего двора, имеет четыре стороны, примерно в 250 футах к северу и югу, в среднем в 110 футах к востоку и западу. Его западная сторона прямая, являясь продолжением фасада старой крепости. Восточная сторона имеет небольшой угол наклона, вызванный, по-видимому, формой земли. На двух южных углах расположены две большие барабанные башни, которые соединяют старую и более новую постройки и, вероятно, заменяют две меньшие и более старые башни. Они стоят на линии старого рва и примыкают к нормандским воротам. Тот, что на юго-западе, скорее больший из двух, и слегка овальный в плане, имеет средний диаметр 60 футов; он состоит из двух

ступеней. Обе они сводчатые или, скорее, куполообразные. Тот, что на юго-востоке, диаметром 50 футов, почти круглый, но имеет замечательный выступ в виде шпоры или киля в сторону поля. Он состоит из трех ступеней, две нижние из которых имеют купола. Эти башни на самом деле являются казематами с амбразурами для небольших водопропускных труб, обращенных к полю. На южной стороне каждого из них есть лестница-колодец, вход в который осуществляется из ущелья.

Две другие башни венчают северные углы палаты и примыкают к главным воротам. Они неправильной формы, полукруглые по полю и угловатые внутри. В диаметре они составляют около 40 футов и примерно такой же высоты. Они состоят из двух ступеней, которые увенчаны куполами. Толщина стен этих четырех башен составляет от 14 до 16 футов. Они сделаны из кремня, облицованного кирпичом.

Между надвратной башней находятся ворота, состоящие из большего и меньшего портала, последний из которых очень узкий. Настоящая работа современная, но, без сомнения, в этой двойной записи представлены более ранние открытия. Ров, стоящие в нем две отдельно стоящие опоры, а вместе с ними и любые следы подъемного моста скрыты современной дамбой.

За западным занавесом, рядом с юго-западной башней, лестничный пролет под нависающими кирпичными арками спускается с уровня палаты в направлении подножия стены. Она сильно загромождена руинами, но, по-видимому, когда-то была задней дверью, выходящей в ров.

Все постройки этого внешнего укрепления сделаны из кремня, облицованы бутовым кирпичом, из этого материала формируются линии амбразур. Куойны иногда изготавливаются из ясеня, так же как и обширные струнные дорожки и полосы, а также перевязка отверстий. Следы обработки селедочных костей на его западной занавеске снаружи будут обнаружены позже.

Поскольку первоначальный замок был ограничен внутренним двором, его повсюду окружал ров. Когда была пристроена внешняя защита, перекрытая часть рва была частично засыпана, но новые работы были включены в новый ров, который был точным продолжением старого, равной глубины и ширины, и продолжался в том же направлении. Однако при точном наблюдении можно обнаружить два небольших выступа в контракарпе, показывающие, где начинался изгиб старой канавы.

Очень примечательны в этом замке подземные галереи, пробитые в меловой породе под линиями первоначальной стены и за откосом рва. Сейчас они частично завалены, но все еще остаются двести или триста ярдов от них, направление которых известно. В них можно попасть через проход во внутреннем дворе, в его северо-западной части, и по спуску из пятидесяти четырех ступеней рядом с замком, а возможно, и из других мест, ныне утраченных. Галереи имеют около 7 футов в высоту и 6 футов в ширину, грубо вырублены и несколько необычно спланированы. Они расположены внутри, снаружи и под стеной и образуют частые ответвления или короткие проходы, предназначенные для того, чтобы занимать любое пространство, в котором, вероятно, могла быть открыта шахта. В настоящее время они были взломаны в трех или четырех точках на краю рва, примерно на полпути вниз. Они были задуманы как система постоянных контрминных заграждений для отражения любых попыток минирования со стороны осаждающих. В одном месте большой центральный пирс окружен галереей, от которой отходят ответвления, — устройство, предназначенное, вероятно, для того, чтобы сдерживать продвижение тех, кто может проникнуть внутрь. Насколько известно, эти галереи, обследование которых проводилось в 1708 году,

ограничены южной половиной, или четырьмя пятью старого замка. Под внешней защитой их нет.

Снаружи и к северо-востоку от внешних ворот находятся несколько полукруглых платформ, которые, по-видимому, сыграли определенную роль в обороне замка; но неизвестно, до или после применения артиллерии.

Бел.—навесная стена, которая первоначально имела толщину около 5 футов и высоту от 15 до 20 футов, резко начинается на гребне контрскарпа в двух местах; одна на востоке, напротив фресковой башни, которая отмечает примерно центр фасада замка и оттуда спускается к реке; а другая на севере, недалеко от подъемного моста главного входа. Эта последняя стена продолжается вниз по склону, делает смелый поворот к городу и, наконец, достигая берега реки, соединяется с речной стеной. Образованная таким образом ограда примерно вдвое превышает площадь, охватываемую рвом замка, и долгое время была известна как *Le Bel* или *La Baile*, что, очевидно, является формой норманнско-латинского *Ballium*, называемого нами “Бейли”. Эту ограду пересекает дорога из Дьеппа в Мартиньи, которая проходит через двое ворот, носящих эти названия. Третьи, или водные ворота на востоке, выходили на реку. На северном фасаде, по-видимому, находились две небольшие полукруглые фресковые башни, одна из которых сохранилась до наших дней. Река несколько вторглась в нижнюю часть Бела и подорвала часть стены.

Ворота Дьеппа, которые также ведут из города Арк, в 1433 году назывались “Главный порт Бель-де-Шато д'Арк”, и, как таковые, находились в ведении замковой стражи, арендатор был обязан защищать их в течение сорока дней во время войны. От этих ворот можно подняться к замку, справа от которого находится защитная стена. Там, где эта стена подходит к замку, с обоих концов она перекрыта широким рвом, продолжающимся вниз по склону.

Кремневая стена может быть любого возраста, но остатки ворот, на которых несколько лет назад были видны арки с круглыми головками, доказывают, что это ограждение относится к раннему возрасту, вероятно, это одно из самых ранних дополнений к замку, сделанное Генрихом I. Несомненно, до строительства внешнего двора стена Бела была возведена таким образом, чтобы соединиться с стенами замка. М. Девиль обнаружил часть этой стены, встроенную в большой занавес внешнего двора, который находится на его линии, и его все еще можно увидеть.

Рассматривая историю этого замка и свидетельства, представленные его остатками, представляется вероятным, что крепость является старейшей частью каменной кладки и была построена дядей Завоевателя, Гийомом д'Арком, в период с 1039 по 1043 годы, и предполагается, что это одна из самых ранних, если не самая ранняя из известных прямоугольных нормандских башен. Хроника Нормандии, цитируемая М. Девиллем, говорит о Вильгельме: “*Si fist faire une tour moult forte, audessus du chastel d'Arques*”; как будто там был более ранний замок, что, судя по виду земляных валов, весьма вероятно.

Завоевателю или его непосредственному преемнику следует приписать *ограждение* внутреннего двора и устройство галерей. Ров может быть намного старше западной каменной кладки. Внутренний двор, без сомнения, был частью первоначального плана, и лишь случайное появление круглых башенок на стене наводит на мысль, что между фактическим строительством крепости и ее окрестностей было какое-то время.

Южный вход с его воротами и двумя боковыми башнями, а также одна или две другие фресковые башни или контрфорса, по-видимому, являются пристройками, но относятся к нормандскому периоду, вероятно, работы сына Завоевателя, короля Генриха I. Который, по-

видимому, также окружил Бел. Роберт де Торины, называемый также “Дю Мон” по имени своего аббатства в Мон—Сент-Майкл, нормандский хронист двенадцатого века, говорит, что король Генрих I. “превосходно укрепил замок Арк стенами и башней”. Это было сделано для того, чтобы показать, что все сооружение было работой Генриха, который правил с 1105 по 1135 год, и чрезвычайная смелость контрфорсов и надземных конструкций крепости, несомненно, подтверждает эту точку зрения; но, как замечает М. Девиль в том же отрывке, аналогичная ссылка делается на Жизор, Фалез и другие замки, о которых известно, что они были построены раньше.

Месье Девиль склонен приписать строительство южных ворот Карлу V. Поскольку он находит запись 1367 года, в которой указывается стоимость перевозки 6 каменных блоков весом от 16 до 18 тонн каждый от реки до замка для кладки нового моста и новых ворот замка. Этот материал был взят по указанию короля из разобранного “мануара” Вель или Вельль в Сен-Валери-ан-Ко. В отчетах 1378-80 годов упоминается башня на мосту за крепостью, ее подъемный мост, оси, шпалы, “верги” или рычаги длиной 18 футов и балки длиной 9 футов. Вероятно, это были южный подъемный мост и ворота, включая открытие сообщения между ними и подвалом крепости. Эти работы приписываются Карлу V. примерно в 1378-80 годах. Вероятно, он только пробил существующую центральную башню, никак иначе не изменяя и не перестраивая ее.

Следующей значительной работой была внешняя защита, которую можно отнести к пятнадцатому веку, впоследствии широкого использования кирпича и внедрения осадной артиллерии. Странно, что не сохранилось никаких записей об этой очень значительной работе, поскольку она включала в себя не только внешний двор, сам по себе замок, с его огромными башнями и массивными завесами, но и расширение очень внушительного рва, ремонт старых стен и башен и, наконец, установку сводов цитадели. Предполагается, что все это было работой Франциска I. И говорят, что на некоторых пристройках к замку была проставлена дата 1553 года.

Генрих IV, во время своего занятия замка в 1589 году, возможно, построил жилые помещения во внутреннем дворе и отремонтировал то, что было неисправно в старом здании; но более вероятно, что его следы можно найти на полевых работах, которые венчают прилегающие холмы, и на возвышенности по направлению к Дьеппу.

Считалось, что ров у замка является остатком более древнего укрепления, такого сооружения, которое могли построить ранние норманны или еще более ранние кельты. Несомненно, так обычно обстояло дело с местами расположения великих нормандских замков, как в Нормандии, так и в Англии, и положение Арки является заманчивым. Однако нет никаких положительных свидетельств о более раннем расположении лагеря.

Следует заметить, что цитадель расположена таким образом, чтобы контролировать как внутренний двор, так и наиболее открытую сторону замка, то есть вдоль ровного гребня мыса. Он был вполне способен выстоять, когда все остальное было взято, и, наконец, в случае угрозы пожара или голода у его гарнизона была возможность сбежать по галереям.

Этот замок - триумф мастерства норманнов. Его часто атаковали, но никогда не брали штурмом. Не являясь королевской резиденцией, он посещался в мирное или военное время нашими нормандскими королями, от Завоевателя до Иоанна, и большинством королей Франции, от Генриха I до Генриха IV.; и по прошествии 800 лет его самые старые части все еще заслуживают внимания и сохранились по крайней мере так же хорошо, как пристройки гораздо более позднего времени.

ЗАМОК АРУНДЕЛ, САССЕКС.

АРУНДЕЛ, по своему положению, размаху и истории, является одним из передовых средневековых военных сооружений Англии. Английский по своему происхождению, нормандский по усыновлению, он не только входит в число редких замков, зарегистрированных в Domesday, но и является единственным, который там конкретно упоминается как существовавший до прихода герцога Вильгельма. Он принадлежал Альфреду и Гарольду и был пожалован Уильямом вместе с прилегающими к нему и зависимыми владениями главе великого дома Монтгомери в знак признания родства и достойной награды за его выдающиеся заслуги при Гастингсе. Три члена и два поколения этой семьи владели замком около тридцати двух лет. За ними последовали Генрих I и его королева, которые владели им в течение полувека, и с тех пор он перешел по наследству от линий Д'Альбини, Фиц-Алана и Говарда на протяжении семи столетий к своему нынешнему хозяину. Хотя он менее обширен по площади, он равен Виндзору по древности и расположению и очень похож на него по типу, имея верхний и нижний приход, а также высокий курган, частично расположенный между ними, опоясанный глубокой ямой и увенчанный круглой крепостью. На его территории находится часовня Святого Георгия, а далеко за стенами, но только в одном направлении, простираются его обширные владения. Сразу за стеной нормандского замка, но, вероятно, в пределах более ранней английской пристройки, стоит прекрасная приходская церковь, подарок Фиц-Алана, а к ее восточному концу примыкает часовня колледжа, основанного Ричардом, графом Арунделом, в 1386 году, и теперь, благодаря гранту или покупке в царствование Эдуарда VI, переданная потомкам его основателя и являющаяся частной собственностью владельца замка. Здания колледжа в основном снесены, а в часовне находится множество великолепных гробниц, представляющих значительный исторический интерес, под которыми покоятся останки многих членов великого дома Фиц-Аланов, которые очень любили и всецело отдавали этой церкви, для которой их потомок Говардов проявил себя не менее щедрым благотворителем.

Арун, главная река юга, берет начало в графстве Суррей. Она пересекает всю ширину графства Сассекс, здесь около двадцати миль, и на своем пути к морю рассекает южный меловой хребет очень красивым оврагом или ложиной, которая вместе с рекой дала название замку и городу, а также ущелью Арундел, в пределах которого они находятся. Замок расположен на крутом меловом утесе, который возвышается на правом, или западном, берегу реки, здесь текущей легкими изгибами по широкому участку низкой и ровной земли, которая находится между холмами и морем, от которого замок удален примерно на четыре мили. На склоне и у подножия холма вырос город, который веками присягал замку и получал от него защиту и поддержку. В шести милях к западу от Аруна находится Богнор, богатый римскими развалинами, а так же далеко на востоке находится устье Адур, где Шорхэм оспаривает у Портсмута изображение древнего Порты Адурни. В нескольких милях к северу от замка Стэйнуэй отмечает линию старой римской дороги между Чичестером и Лондоном. Различные деревни, названия которых указывают на их английское происхождение, густо расположены вдоль нижнего течения Аруна; но название реки может быть британским, как, без сомнения, и горные лагеря, разбросанные тут и там по холмам. Предполагается, что дело об изнасиловании касается подразделения джутиш. Оно включает в себя пять сотен человек и раньше почти полностью состояло из лесов. Суды проводились под дубом в Мейдхерсте.

Утес, на котором расположен замок, является концом гряды возвышенностей, которая особенно крута на востоке и юге и поднимается на еще более высокую местность на севере и западе. В этом направлении раскинулся парк, который занимает около 1100 акров и включает в себя, между двумя меловыми грядами, глубокую долину, в нижней части которой, чуть ниже замка, находится озеро под названием Суонборн, бассейн, который с очень отдаленных времен использовался мельницей.

История Арундела была написана Даллауэем в его Западном Сассексе и Тирни в отдельном произведении. Какой бы ни была ценность любого из этих произведений для истории и происхождения светлости, они не дают полного плана земляных работ замка и вообще не вникают с научной точки зрения в его детали ни с военной, ни с архитектурной точки зрения. К сожалению, близость замка к Брайтону и некоторым менее посещаемым местам привела к отказу от посещения посетителей, за исключением случаев, когда ограничения настолько узки, что рассмотреть работы вообще в деталях практически невозможно. Из истории Тирни следует, что замок защищен с севера или на открытой местности двойной линией обороны, состоящей из насыпи и рва, внешняя часть которого включает в себя нынешний, а также более старый парк и местами находится по крайней мере в двух милях от замка. Внутренняя линия имеет гораздо меньшую протяженность, но эти две, по-видимому, предназначены для защиты города и порта, а также места расположения замка, и являются скорее линиями обороны, чем остатками лагеря, будь то британского или англичанообразного. Внутри обоих из них, и, вероятно, более позднего времени, находятся земляные валы, на части которых был основан нормандский замок. Они напоминают произведения, общие для Англии и Нормандии, и, вероятно, могут быть приписаны северным захватчикам в восьмом или девятом веках. Возвышенность занята продолговатым ограждением, от которого более или менее сохранился первоначальный земляной вал, и за пределами которого на юге и востоке был естественный обрыв, а на западе - естественная впадина, углубленная и расширенная с северной стороны искусством. Территория имеет в длину 317 ярдов, а в ширину 83 ярда и включает в себя около 5½ акров. Недалеко от центра западной стороны и образуя часть *ограды*, находится большая круглая насыпь, почти полностью искусственная, с соответствующим рвом, который с внешней стороны также является рвом общей *ограды*. Курган имеет около 90 футов в диаметре на своей круглой вершине и около 230 футов у основания. Поскольку земля поднимается к северу, высота с этой стороны составляет около 50 футов, а с противоположной стороны - около 70 футов от дна рва. Виндзорский курган примерно такой же высоты, но несколько больше, достигая 125 футов в поперечнике на своей вершине. Своим выступом это сооружение существенно сужает основную территорию, а с добавлением короткого поперечного рва, насыпи и стены, которых сейчас нет, разделило ее на верхний, или северный, и нижний, или южный, приход, в последнем из которых находятся хозяйственные постройки. Эти два участка были частями более раннего укрепления, перешедшего во владение строителя нормандского замка, но есть также ограда напротив насыпи и за пределами рва, который тянется до узкого конца на северо-запад. Было ли это укреплено каменной кладкой, неизвестно, но это определенно было частью более ранней крепости и показывает ее масштабы и важность. Канавы повсюду, расположенные на мелу и на высоком уровне, без сомнения, всегда были сухими. Граф Роже, вероятно, обнаружил на гребне этих земляных насыпей укрепления того же типа, которые он оставил после себя, на похожих насыпях в замке своего отца в Нормандии; но были ли они деревянными или каменными, неизвестно. Они вполне могли быть и того, и другого. Однако несомненно, что граф или его непосредственные преемники оградили основную территорию каменной завесой, которая поднималась по насыпи, и разместили половину ее, как в Линкольне и Тонбридже, за пределами ограды. На этом выступе, немного южнее кургана, располагалась сторожка, а вдоль нее в разных местах стояли настенные башни, вероятно,

квадратные, из которых одна, расположенная на выступе к северу от кургана и известная как башня Бевис, сохранилась до сих пор, хотя и более или менее измененная. Хозяйственные постройки тогда, как и сейчас, располагались по бокам нижнего двора, а на насыпи располагалась крепость из ракушек.

Поскольку публике разрешено осматривать только нижнюю часть сторожки, прилегающий занавес и внутреннюю часть крепости, невозможно составить правильное мнение о масштабах первоначальных земляных работ, или о возрасте общего занавеса, или подвала внутренних построек, части которых, как говорят, датируются нормандией. То, что земляные работы были обширными и частично сохранились, видно с вершины крепости и с верхних ворот парка. Даллауэй дает большой, но не совсем правильный план крепости и ее насыпи, сторожки и башни Бевис, а также нижнего квартала; но его план не включает верхний квартал и земляные укрепления, и он не сопровождается какими-либо разделами. Даллауэй и Тирни не были сильны в архитектурных деталях.

The *Сторожка* стоит на линии завесы, выступая от нее внутрь, и на южном краю или контрэскарпе рва насыпи. Она открывается в нижний приход. Она выполнена в ранненормандском стиле и напоминает таковой в Тикхилле. Это квадрат площадью 32 футов, имеющий на внешней и внутренней сторонах большой дверной проем с круглой головкой, совершенно простой, даже без фаски, и с простыми наклонными счетами. Камера, конечно, квадратная и лишь немного шире дверных проемов. Та, что ведет в палату, похоже, была закрыта только парой дверей. Другой, или внешний дверной проем имеет широкий паз для опускной решетки, который может быть оригинальным, а может и не быть; скорее всего, нет. Покрытие — пол верхней комнаты - без сомнения, был деревянным и плоским. Нынешний свод представляет собой вставку. Всегда был верхний этаж, но он был сильно изменен, в основном в украшенный период. Можно проследить старые петли, которые сейчас заблокированы. Некоторые из вставленных окон появились очень поздно. В южной части внутреннего дверного проема была дверь, открывающаяся на настенную лестницу, ведущую на верхний этаж и к крепостному валу занавеса, который, по-видимому, продолжался через сторожку над внешним порталом. Нынешняя лестница внешняя и современная. Это вся оригинальная сторожка, которая вместе с прилегающей к ней очень плотной занавеской, вероятно, является работой графа Роджера.

Сторожка была расширена снаружи в Украшенный период. К нему пристроен кривой проход шириной около 10 футов и длиной около 40 футов между толстыми боковыми стенами. По бокам от него расположены дверные проемы с выступами, которые вели в ложи и кельи, а с южной стороны - лестница-колодец, ведущая на крышу. Проход перекрыт очень плоским заостренным сводом. Она заканчивается внешним дверным проемом с опускающейся аркой, открывающимся между парой боковых башен площадью 20 квадратных футов, возвышающихся над рвом. У них есть подвальные помещения во рву, подвалы на уровне земли и два верхних этажа. В дверном проеме был очень широкий паз для опускной решетки для деревянного каркаса, а впереди был подъемный мост, теперь замененный каменной аркой. Это дополнение к нормандской сторожке, создающее вместе с ней очень длинный крытый входной коридор, приписывается графу Ричарду Фиц-Алану, когда он вернулся с войн Эдуарда I. В очень современные времена пол коридора был опущен примерно на 3 фута, а стены подперты плинтусом. Неиспользуемые двери были оставлены без изменений и показывают первоначальный уровень подоконника. Вероятно, подход к этому входу лежал через внешние ворота на северо-западе, в верхней части города, и через большую надворную постройку, ныне являющуюся садом и столярным двором.

The *Крепость* представляет собой округлую оболочку из каменной кладки, внутренний поперечный диаметр которой составляет примерно 67 футов на 59 футов, со стенами толщиной от 8 до 10 футов и высотой до вала 20 футов. Он построен из бутовой кладки, материала в основном сассекского камня и мела, но снаружи облицован небольшими тесаными блоками канского камня, плотно сросшимися и с плоскими пилястрами, которые уходят в стену ниже основания парапета. Входом служил довольно большой дверной проем во весь центр на юго-востоке, к которому, вероятно, вела, как в Тикхилле и Линкольне, лестница на насыпь с деревянным мостом у их основания, как в Йорке. Этот дверной проем не показан посетителям, но на рисунке Тирни он изображен как имеющий рельефный шеврон, чередующийся с валиками или округлостями, общий для изголовья и косяков и не нарушенный накладками. Внутри она открывалась в углубление, также полностью центрированное, угол которого был заменен жирным наклоном. Здесь, как и в Линкольне, был первоначальный вход, и, похоже, хотя он и был замурован, никаких других изменений в нем не было. Рядом с этим дверным проемом в стене была образована лестница-колодец, поднимающаяся от земли к крепостному валу. Очевидно, это украшенная вставка того же времени с крутыми ступенями и сводчатым подземным помещением недалеко от центра площади, вероятно, подвалом, принадлежащим жилым домам, которые, как и в Виндзоре, когда-то были пристроены к стене со всех сторон, оставляя небольшой открытый дворик, как в Тамворте и Ледесе, в центре. О том, что здесь были такие жилища, свидетельствуют выступы крыши в стене, а о том, что они, как и в Йорке, имели верхний этаж, свидетельствует поздний камин, который отмечает верхний уровень и задняя часть которого сделана из черепицы, уложенной по краю. Парапет был около 8 футов высотой и зубчатый, и в каждом зубце была петля, установленная в арочном углублении. В одном из выступов есть небольшое углубление по центру, очевидно, гардеробное. Нынешний парапет кажется украшенным дополнением. Цитадель стоит, как и насыпь, на линии главного занавеса, который пересекает ров от сторожки и поднимается на насыпь, и имеет аналогичное продолжение на север. Там, где южный выступ примыкает к цитадели, возвышается широкая башня неправильной формы, примерно 20 футов в высоту на 50 футов в ширину. Здесь находится колодец и его камера, вход с крепостного вала и молельня. Вход осуществляется через сводчатый проход с пазом для опускной решетки на уровне земли крепости. Занавес имеет парапет с обеих сторон, образующий крытый проход, и на него выходит что-то вроде балкона, соединенного с крепостью. Колодец необычно большого диаметра, но не используется. Камера находилась на уровне поверхности крепости, в которую вел дверной проем по центру. Была также верхняя камера, ныне разрушенная. Такое расположение колодца - снаружи крепости - встречается и в других местах. В Уоллингфорде он находится на склоне, а в Кардиффе - почти у его подножия. Молельня, или часовня Святого Мартина, представляет собой небольшое помещение неправильной планировки на уровне первого этажа, расположенное над входным проходом. В нем есть большое восточное окно, переделанное в два периода, и два боковых окна поменьше, все сейчас закрытые. Крыша была деревянной, и ее больше нет. Эта молельня имела особый фонд, впоследствии перенесенный и расширенный в пользу большой часовни в нижнем приходе. Детали этого придатка показывают, что, как и в Йорке и Кардиффе, он был дополнением к первоначальной раковине, облицовка которой из ясеня видна в одной из нижних камер. В Кардиффе пристроенная башня была перпендикулярной; в Йорке, где она включала в себя небольшую часовню, раннеанглийскую. Здесь пристройка кажется оформленной рано. Часовня, вероятно, является собором Святого Мартина, упомянутым в "Страшном суде" и в патентных списках 1275 года, и, конечно же, была демонтирована, когда пожертвование было перенесено в 1375 году. Замок упоминается в разные периоды как Бомон, Отмон и Гросмонт, и все названия сохраняют его главную характеристику.

Поскольку английская "Аула", вероятно, находилась на этом кургане, в то время как облицовка ее нынешней стены из тесаного камня, несомненно, была сделана позже Завоевания, предполагалось, что сердцевина стены является оригинальной и что она была облицована нормандским архитектором. Однако внешне такой облицовки не сохранилось. Вход со стороны занавеса, по-видимому, был прорублен в стене, на которой, как предполагалось, сохранились следы ранней каменной кладки. На стене, однако, значится только одна дата, и, вероятно, поздняя нормандская, как это обычно бывает с хранениями shell.

Башня Бевис стоит на занавесе и выступает только с его внешней стороны. Он стоит на северном склоне рва кургана, примерно в 42 ярдах от крепости. Она квадратная и, как говорят, по сути соответствует возрасту сторожки, но ее нельзя рассматривать вблизи. Его называют барбаканом, но его расположение едва ли оправдывает его такое назначение. Он больше похож на обычную башню с фресками. С этой стороны нет сообщения между замком и занавесом. К северу от этой башни земляные работы верхнего квартала кажутся сносно совершенными, но просьба о разрешении посетить их, очевидно, была расценена как своего рода государственная измена.

Помимо колодца, пристроенного к замку, был еще один, теперь засыпанный, в середине нижнего двора. Жилая часть замка в основном или полностью выполнена Говардом. Эдуард, девятый герцог, был великим строителем. Он восстановил мастерскую, которая вскоре после этого сгорела, в 1761 году, и основал Норфолк-хаус на Сент-Джеймс-сквер. То, что он сделал, здесь не фигурирует. Нынешние хозяйственные постройки, которые окаймляют нижний приход с восточной, южной и западной сторон, по существу, являются работой герцога Чарльза в конце прошлого века, или 1791-1806 годах, и с тех пор были пристроены к ним. Это то, чего можно было ожидать от того периода, и лучше, чем довольно ранняя работа в Алнвике, недавно удаленная. Говорят, что в подвалах, встроенных во внешние стены, находятся части более раннего сооружения, некоторые из которых датируются Нормандией. Зал располагался за восточным занавесом. У него была хорошая раннеанглийская дверь, разрушенная в нынешнем столетии. Сам зал был разрушен во время осады 1643 года. Нынешний парадный вход в палату, расположенный к югу от первоначального, полностью современен, как и подход к нему и внешние ворота. То же самое относится и к часовне Святого Георгия, которая стоит вдоль западной стены. Часовня, которая предшествовала ему и была снесена в 1796 году, имела 40 футов в длину и 22 фута в ширину и была подарена Ричардом, графом Арунделом, в 1375 году трофеями, полученными из Креси. Говорят, что внутренние постройки были приумножены в то же время за счет богатства из того же источника. Церковный фонд, перенесенный из молельни Святого Мартина в часовню Святого Георгия в 1375 году, примерно через столетие был снова перенесен в коллегиальную церковь Фиц-Алана без стен.

Арундел - это замок, в котором, если вообще где-либо, можно ожидать сохранения следов английской каменной кладки, более ранней, чем нормандское завоевание, и, без сомнения, вполне возможно, что таковые можно найти в фундаментах нормандских стен. Что в нем особенно примечательно, так это сходство с Виндзором в его общем плане; продолговатая ограда, ограниченная с одной стороны насыпью и рвом, разделяющим его на два квартала, в одном из которых находятся хозяйственные постройки. Более старая часть сторожки и части занавеса рядом с ней могут рассматриваться как ранненормандские, работы, вероятно, графа Роджера. Крепость кажется более поздней, хотя тоже нормандской. Вероятно, украшены пристройки к сторожке, башне с колодцем и молельне. Что требуется, так это

правильный план местности, который должен включать надворные постройки и более отдаленные земляные сооружения. Старые стены должны быть критически осмотрены, и особенно подвал жилых зданий.

история.

Поместье Арундел, как и другие в этой непосредственной близости, было передано Альфредом по завещанию (885 г.) сыну его брата. Он принадлежал Гарольду, а затем Уильяму, который примерно в 1070 году или ранее даровал Роджеру де Монтомери замок и честь Арундел, заплатив 84½ рыцарских гонорара. Роджер, который приходился родственником Завоевателю и командовал центром норманнов в Гастингсе, стал графом Арундел и Шрусбери и владел замком около двадцати трех лет, до своей смерти. Судный день описывает замок Харундел как то, что во времена короля Эдуарда ежегодно платили за мельницу 40 шекелей; за три "convivia", или развлечения, 20 шекелей; и "pro uno pasticio", или пирожное, 20 шекелей. Была также церковь Святого Николая, или приходская церковь, и церковь Святого Мартина, вероятно, часовня замка. Была также еще одна мельница, которая давала десять бушелей зерна. Город, порт и доставка оплачивались в размере 12 фунтов стерлингов или больше.

Любопытно, что в Арунделе, Чичестере, Шрусбери и Нормандском поместье, откуда Роджер получил свое территориальное обозначение, были курганы. После смерти Уильяма в 1088 году граф Роджер оказал поддержку Роберту Кертозу, которого он пригласил высадиться в Арунделе. Медлительность принца оттолкнула его английских сторонников, и граф предложил Руфусу свою помощь. После смерти графа Роджера в 1094 году он завещал свое графство Сассекс, называемое также "Чичестер", своему младшему сыну Хью, Хью Гоу из Уэльса, который владел Арунделом и Шрусбери, выступал против Уильяма Руфуса и был убит при отражении нападения пиратов на побережье северного Уэльса в 1098 году. Его преемником на престоле английского графства стал его старший брат, который уже владел семейными владениями в Нормандии. Это был Роберт, граф Белесм в ла-Перше, который принимал в Арунделе Уильяма Руфуса по его прибытии из Нормандии в 1097 году.

Граф Роберт, порочный сын порочной матери, был храбрым солдатом и способным, хотя и очень жестоким человеком. Он с большой быстротой построил крепкий замок Брюгге, или Бриджнорт, и замок Монтомери, названный валлийцами Тре-фолдуин, по имени Болдуина, его первого сенешаля. Его карьера в Англии была бурной и короткой. Бриджнорт был осажден и взят Генрихом I. Он возвел на его стенах деревянную башню, известную как мальвуазен. Граф отправился в изгнание в 1102 году и умер в 1118 году.

Король Генрих владел Арунделом до своей смерти, когда он перешел к его вдове Аделизе, дочери Годфри Лувенского, герцога Брабантского. Вдовствующая королева вышла замуж за Уильяма д'Альбини, дворянина из Норфолка, известного хронистам как "Уильям с сильной рукой", королевский дапифер. Они принимали императрицу Мод в Арунделе во время ее высадки в 1139 году вместе с ее братом, графом Глостерским, и, как следствие, им пришлось выдержать нападение Стефана, которому, как говорят, Аделиза успешно справилась с обязанностями гостеприимства, и Мод было разрешено удалиться в Бристоль. Д'Альбини, однако, в целом был сторонником Стивена, хотя и с большим здравомыслием. Он был советником по заключению соглашения между Стефаном и Генрихом в 1153 году и подписал договор как "граф Чичестер". Генрих, вступив на престол, признал эту службу пожалованием графства Арундел в уплату третьего пенни графства Сассекс. Граф Уильям умер в 1176 году. От Аделизы, умершей в 1151 году, у него остался сын, тоже Уильям, первый из четырех поколений Д'Альбини и пяти человек, владевших графством Арундел, или, как они его

называли, Сассекским. Они были похоронены в Ваймондхэме, в их собственном фонде. Граф Хью, восьмой после Конкисты, умер бездетным в 1243 году. Изабелла, его сестра, продолжила наследование и вышла замуж за Джона Фиц-Алана, чей сын после смерти своего дяди унаследовал престол.

Этот Джон, глава великого дома Фиц-Аланов, лордов Ключа и Освальдестре, стал девятым графом и умер в 1240 году. Он был первым из четырнадцати графов с таким именем, которые владели замком на протяжении двенадцати поколений. Из них старшая линия угасла в лице Томаса, пятнадцатого графа, который умер бездетным в 1415 году; но престолонаследие продолжил его двоюродный брат Генри Фиц-Алан лорд Малтраверс, который умер в 1580 году, оставив наследницу Мэри, вышедшую замуж за Томаса Говарда, герцога Норфолка. Более поздние фиц-аланы много жили в Арунделе, с которым они стали тесно отождествляться.

Герцогиня Мария умерла в 1557 году, а ее муж - в 1572 году. Их сын Филип стал двадцать вторым графом, с тех пор как все десять поколений Говардов носили титул Арундел, нынешний герцог Норфолк является тридцать пятым нормандским графом и тридцать вторым по происхождению от королевы Аделизы и Уильяма д'Альбини.

Замок Арундел не сыграл какой-либо очень важной роли в истории Англии. Его самым известным событием является осада 1643 года, когда он был осажден сэром Уильямом Уоллером, который сначала атаковал и взял город, затем защитил стенами и, наконец, разгромил замок с башни церкви, где он разместил свои пушки. Осада длилась с 20 декабря 1643 года по 6 января следующего, когда замок сдался, а вместе с ним и знаменитый Чиллингворт, который вскоре умер. Затем внутренние постройки были разрушены и, похоже, оставались такими до прошлого века.

Город был окружен стеной Ричардом Фиц-Аланом, который получил лицензию на эти работы в 1295 году. Там было двое ворот, одни внизу, со стороны реки, другие, называвшиеся Сент-Мэри, находились в верхней части города. Городская стена, по-видимому, примыкала к замку, который, таким образом, был частью его обороны.

Нынешний герцог построил сразу за замком, недалеко от приходской церкви, большую церковь, посвященную Сан-Филиппо Нери, очень благородное сооружение, обставленное с большой простотой и превосходным вкусом. К сожалению, он расположен так, что существенно отвлекает от общего вида замка с равнины внизу. Расположенный немного ниже, он оставил бы замок доминирующей фигурой, позволил прекрасной старой приходской церкви занять подобающее ей место и поддержал бы и возвысил, вместо того чтобы несколько угнетать, всю группу.

ЗАМОК БАРНАРД-КАСЛ.

Замок БАРНАРД, или Бернардс, названный так по имени своего основателя Бернарда де Бальоля, занимает господствующее положение на левом берегу реки Тис, здесь проходит граница между Даремом и Йоркширом. Это большой замок, и долгое время он был очень важным, как из-за своего положения на границе епископства, так и из-за могущества знатных баронов, которые построили и поддерживали его.

Замок венчает вершину крутого и частично обрывистого скального выступа, который возвышается примерно на 100 футов над рекой и имеет выступающий выступ, благодаря которому северо-западная четверть крепости естественным образом защищена утесом. Остальная часть территории была покрыта глубоким и широким искусственным рвом, ныне в основном засыпанным, который проходил между восточной и северной сторонами замка и прилегающим городом, которому он дал название, и жители которого во времена, когда замок находился в эксплуатации, обращались к своим лордам за защитой. Северный фасад города и замка получил дополнительную защиту от реки Перси Бек, ручья, впадающего в Тис примерно в 450 ярдах выше.

Площадь замка, внутри крепостных стен, составляет чуть более 8 акров. В плане он продолговатый, с четырьмя неравными сторонами, протяженностью в среднем около 293 ярдов к северу и югу и 133 ярда к востоку и западу. Восточная, или городская, сторона, самая длинная, слегка выпуклая и имеет длину 336 ярдов; западная, или та, что у реки, - 245 ярдов; северная оконечность - 160 ярдов; и южная оконечность - 110 ярдов. Мост Тис берет начало на скалистом берегу, ниже центра западного фронта, и им можно было управлять с зубчатых стен.

Территория разделена на четыре округа, из которых "внешний" занимает гораздо больше южной половины, а "городской округ" - примерно восточную половину остальной части. Другой, или северо-западный квартал, снова разделен примерно поровну на "средний" приход и северный, или "внутренний" приход. Вся территория и несколько отделений защищены, при необходимости, стенами и рвами. Занавес вдоль утеса, по-видимому, был простым парапетом, за исключением тех случаев, когда, как и во внутреннем дворе, он поддерживал внутренние здания. Стены обычно достигают 30 футов в высоту и от 4 до 5 футов в толщину. Внешний ров этого места, также городской ров, начинался в глубоком овраге недалеко к северу от крепости и тянулся вдоль северного фасада, огибая так называемые "равнины"; оттуда вдоль восточного фасада, между стеной и городом, и оттуда вокруг южного конца, и так под частью западного фасада, пока не терялся в крутом склоне возле моста, имея в общей сложности почти 700 ярдов в длину. От этого рва отходил второй, который пересекал город с востока на запад, от городского рва до берега реки, и который, расположенный к югу от поперечной стены, служил защитой трех северных кварталов от внешнего.

Другой ров, начинающийся в ущелье под крепостью, проходит с севера на юг и соединяется с предыдущим рвом, и таким образом защищает внутреннюю и среднюю стражи от городской стражи. Наконец, от этого ответвлялся другой, еще более короткий ров, который тянулся на восток и запад вдоль берега реки и образовывал защиту внутреннего от среднего квартала; так что у каждого занавеса был свой отдельный ров. Все рвы показаны на плане Гроуза, но городской ров, хотя и прослеживается, был засыпан и застроен. Самая глубокая и широкая из всех выработок, и это огромная выемка, относится к внутреннему двору, некоторая возвышенность которого обусловлена скоплением содержимого рва. Кажется, все эти канавы когда-то были сухими. По концам их пересекают занавески, и в трех местах, где северная занавеска закрывает конец внутреннего рва, и где другой конец выходит на речной склон, и где восточная занавеска закрывает большую поперечную канаву, в занавеске на уровне дна рва есть арочные отверстия. Гроуз также показывает четвертую арку в стене среднего прихода. Это были либо водостоки, либо задние двери. Они настолько глубоко зарыты, что видны только верхушки некоторых из них. Гроуз называет их дверями, и, возможно, так оно и есть. Они кажутся оригинальными.

The Оцепление внешнего ограждения, по-видимому, было простой укрепленной стеной, не отличавшейся особой прочностью. Этот квартал мог удерживаться только очень сильным гарнизоном. Вероятно, он был задуман, как и шотландский бармин, как убежище для горожан и их скота, предполагая, что город будет взят врагом. В случае серьезной осады он, вероятно, был бы заброшен. Лиланд говорит о прекрасной часовне и двух капеллах в первом районе с памятниками, которые, как говорят, принадлежат Балиолам. Вероятно, они были в этой палате. С восточной стороны, напротив рыночной площади, были ворота из города, вероятно, у нынешнего входа, и внутренние ворота в северо-западном углу, от которых сохранились некоторые следы и которые вели в средний двор. Подъемный мост этих ворот заменен земляной насыпью, закрывающей конец рва. Небольшая защита этого внешнего рубежа согласуется со строфами старой баллады о “Восстании Севера”:

- Этот барон сбежал в свой замок,

Затем Хи сбежал в замок Барнард.

Крайние уоллы были близки к победе,

Эрлы выиграли их в настоящее время.

Самые дальние стены были из извести и кирпича;

Но, хотя они сами скоро исчезнут,

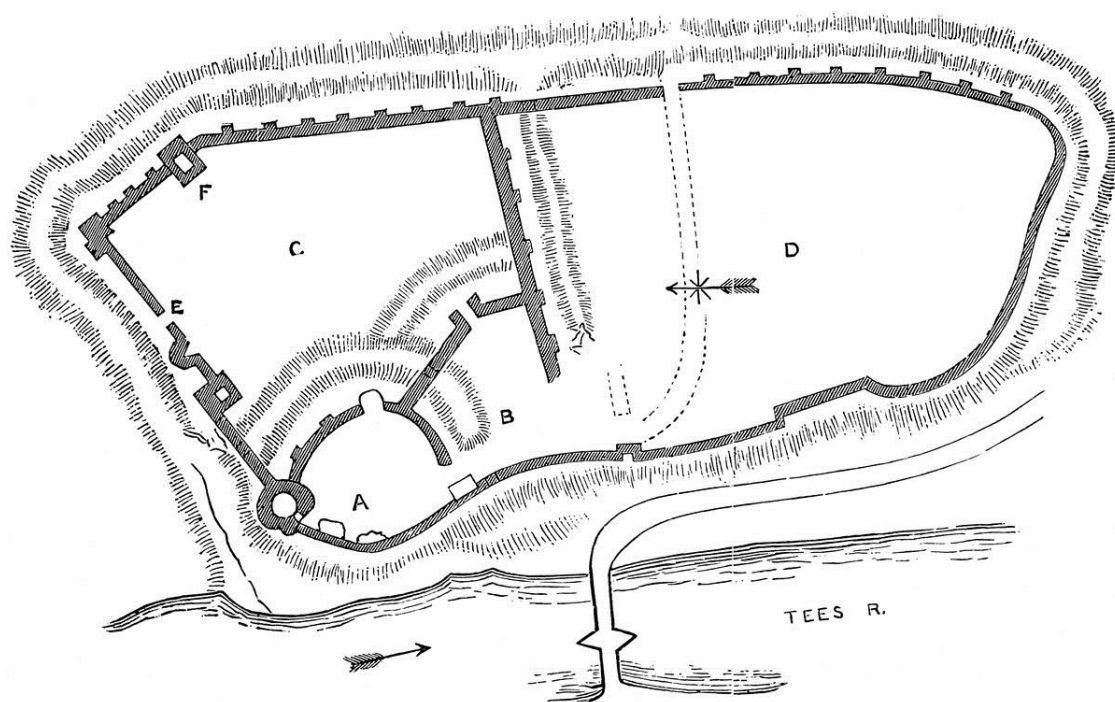
Самые сокровенные стены, которые они не смогли завоевать,

Ибо они были высечены в каменной скале”.

Бароном был сэр Джордж Боуз, который одиннадцать дней удерживал замок против графов Нортумберленда и Уэстморленда в 1569 году, а затем, по некоторым данным, капитулировал на справедливых условиях. Вероятно, тогда так звали Перси Бека.

Городской округ, занимавший северо-восточную четверть района, гораздо менее обширный, чем внешний округ, был более укреплен. За его восточным выступом находятся остатки прямоугольного здания, выступающего внутрь стены и известного как башня Брекенбери. В северо-восточном углу также была квадратная башня. На северном фасаде находится полукруглая башня, выступающая из стены и служащая обрамлением большого дверного проема с круглой головкой, очевидно, главного входа с севера, независимого от города. Арка этого портала состоит из трех колец вуссуаров, каждое со скосом, из превосходного ясеня, но без орнамента. Косяки также со скосом. У них простой импост, также со скошенными краями, но с чем-то вроде бортиков внизу. Опускной решетки нет. По-видимому, это был средний или внутренний дверной проем правильной прямоугольной сторожки, линии боковых стен которой обозначены зубцами с каждой стороны двери. Внутри сохранились остатки похожих боковых стен. Вместе со сторожкой подъемный мост, конечно, исчез, а ров был засыпан.

ЗАМОК БАРНАРД.

- А. Внутренняя палата.
- Б. Средняя палата.
- С. Городской округ.
- Д. Внешняя палата.
- Е. Северные ворота.
- Башня Ф. Брэкенбери.
- Г. Круглая башня.

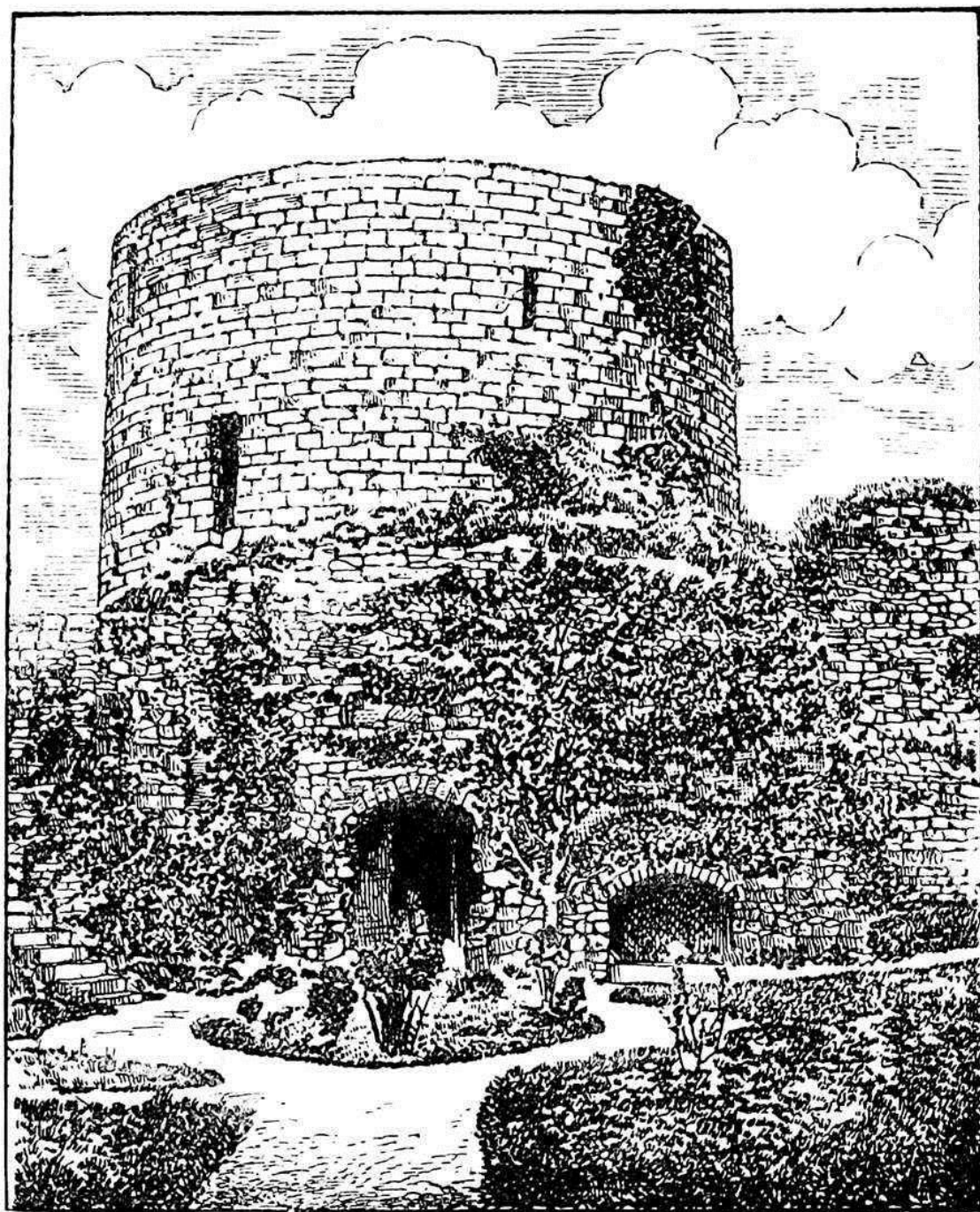
К западу от этих нормандских ворот, стоящих на откосе рва внутренней стражи, напротив крепости, уступ в завесе занят небольшой прямоугольной башней, по существу нормандской, откуда завеса большой высоты и прочности, закрывающая северный конец рва, поднимается до крепости. В его основании, на дне рва, видна верхняя часть одного из уже замеченных круглых отверстий. Она имеет пролет в 4 фута и больше похожа на заднюю дверь, чем на водосток.

Территория этого городского округа занята под огород, часть его заперта, и вход воспрещен. Занавески выглядят в основном нормандскими. Гроуз показывает остатки подъемного моста между этим и средним кварталом, и, без сомнения, здесь должно было быть какое-то такое сообщение.

В среднем приходе, по-видимому, находились конюшни и офисы, ныне разрушенные. Упоминалось о его связи с внешним и городским приходами. В его северо-западном углу также был подъемный мост, замененный земляной дамбой, ведущей во внутренний двор. Трудно сказать, был ли ров здесь, выходящий на поверхность утеса, и с тех пор был засыпан, поскольку снаружи на склоне был построен коттедж, который эффективно скрывает место для осмотра. Гроуз, однако, указывает на дверной проем во рву здесь, как и на другом конце, и в поперечной стене, отделяющей его от городского округа.

Внутренний двор - самая совершенная и действительно любопытная часть замка. Он находится на высоте примерно 30 футов над остальными, господствует над всей территорией и величественно возвышается над Тройниками. В нем находятся цитадель, северная башня,

внутренние постройки между ними, занавесы и контрфорсы, а также остатки сторожки. Цитадель закрывает северо-восточный угол и находится наполовину внутри, наполовину снаружи занавеса. Это очень величественный образец каменной кладки, сложенный из блоков из крупного красного песка среднего размера, квадратных и рифленых, с довольно открытыми швами. Он круглый, диаметром около 40 футов и высотой около 50 футов до основания парапета, которого сейчас нет. Он возвышается над скалой. Его основание примерно на 6 футов слегка колотится, но выше оно имеет цилиндрическую форму. На нем абсолютно нет орнамента, и нет даже обычной окантовки для обозначения верха основы. Петли необычной длины и слегка заострены на нижнем конце; никогда не бывают крестообразными. Оригинальные проемы в основном квадратные, без лепнины или надписей. Одно большое окно, расположенное высоко, на севере, имеет круглую форму и, вероятно, оригинально. В сторону городского округа находится пятисветовое окно в стиле позднего тюдора, вставка. Вероятно, парапет опирался на смелые карнизы, но, если так, их больше нет. Нет ни отверстий для распорок, ни признаков бреташе. Южная, или внутренняя, сторона, хотя и круглая над полем и по направлению к нему, увенчана смелым выступом в виде пирамиды, срезанной по диагонали, вершина которой переходит в круглую стену примерно на четыре пятых высоты. В этом отроге находится камера с фресками. Она сильно разрушена.

ЦИТАДЕЛЬ, ЗАМОК БАРНАРД.

Внутри крепость имеет цилиндрическую форму и имеет подвал и три верхних этажа. Все ее первоначальные отверстия, по-видимому, были либо плоскими, либо круглыми. Здесь нет оригинальной стрельчатой арки; та, что над главной дверью, явно является вставкой. Подвал находится на уровне земли, диаметром около 20 футов и толщиной стен около 10 футов, и он покрыт плоским куполом из некачественного щебня, но очень оригинальным. На южной стороне сохранились следы камина, от которого в стене сохранился вертикальный туннель. Входная дверь находится на западной стороне, как и главная дверь. Он сильно разрушен и в настоящее время имеет позднюю плоско-заостренную арку, но, по-видимому, когда-то был круглоголовым. Она открывалась не со двора, как сейчас, а из коридора, ведущего к задней двери. Во внешней стене, в паре ярдов справа от двери, есть углубление, похожее на склеп в стене крепости, и в нем находится каменный гроб, вероятно, найденный во внешнем отделении. Ниша, возможно, служила скамьей; вряд ли это была гробница. На входной

двери нет опускающей решетки. В левом косяке проход с плоской фреской шириной 3 фута ведет в гардеробную, которая выступает наружу между замком и занавеской и имеет короткую внешнюю петлю. Шахта гардеробной этажом выше настолько опускается, что становится очевидно, что здесь, как и в Корфе, внутри была деревянная перегородка.

Войдя в цитадель, справа дверь ведет на полдюжины ступенек вверх, в северную часть так называемого караульного помещения, помещения со сводчатыми стенами, размером 14 футов к востоку и западу, на 7 футов, с петлей на юге. Это очень похоже на молельню, хотя это проходная комната. Частично она находится внутри контрфорса и, очевидно, является причиной этого придатка. Ближе к западному концу камеры вторая дверь ведет по настенной лестнице шириной 3 фута на второй этаж, в круглую камеру диаметром 21 фут со стенами толщиной около 8 футов 6 дюймов. Эта лестница открывается узкой круглой дверью в косяке дверного проема, тоже с круглым выступом, который, по-видимому, вел с этого этажа в “большую комнату”, гостиную в холле. В противоположном дверном косяке такая же дверь ведет через настенный проход в гардеробную, расположенную выше, о которой уже упоминалось.

На первом этаже, очевидно, располагалась каюта. На южной стороне есть следы камина, но вытяжки нет, а напротив нее находится круглое окно высотой 4 фута, открывающееся вверх по Тройникам. Другое окно, вероятно, того же образца, выходило на башню. Оно было изменено в соответствии с пятисветовым окном с плоским верхом в стиле тюдор. Кажется, это называлось “Покоями миледи”.

В левом косяке северного окна, ныне сильно разбитого, еще одна узкая дверь открывается на настенную лестницу шириной 2 фута 6 дюймов, которая, следуя изгибу стены и освещаясь маленькими петлями, вела к зубчатой стене, открываясь по пути на второй этаж, где пол и крыша, оба деревянные, теперь исчезли. На этом этаже также был камин и что-то вроде увеличенной петли, которая выполняла функцию двери и открывалась на зубчатые стены холла, а также вела в третью гардеробную, расположенную над двумя другими. Здесь есть открытое вентиляционное отверстие, в то время как шахта двух других спускается внутри стены к канализационному коллектору, арочный вход в который виден только у подножия стены, снаружи.

На лестнице, по-видимому, также было отверстие с квадратной головкой, ведущее к верхней части защитной завесы, ширина которой составляла 2 фута 6 дюймов, парапет - 3 фута, а перегородка - 2 фута. Поскольку парапета цитадели больше нет, лестница резко обрывается на уровне крепостного вала, где толщина стены составляет 7 футов 6 дюймов; и оттуда открывается хороший вид на замок и город, а также на один из самых красивых участков Тиса. В 1592 году эта крепость была покрыта свинцом. Крыша, вероятно, всегда была плоской.

Башня Мортэм венчала северо-западный угол квартала, возвышаясь на скале высоко над рекой. Это всего лишь фрагмент. Кажется, что он был неправильной планировки, построенный так, чтобы вписываться в полый изгиб существующей стены. Когда он строился, было сочтено разумным укрепить стену прочными внешними контрфорсами. Первоначальная стена была нормандской. Первая построенная часть башни, по-видимому, была раннеанглийской, и ее завершение было украшено.

Пространство между башней Мортэм и замком было занято залом и комнатами отдыха, причем последние находились рядом с замком. Зал находился на втором этаже, о чем свидетельствуют два окна в занавеске. Это два светильника с фрамугой и трилистниками, а также овальный четырехлистник в изголовье. Они размещены в нишах с простыми

сегментарными арками и боковыми сиденьями из камня. Они относятся к лучшему всего украшенному периоду и, очевидно, являются вставками в более старую стену, которая также была укреплена украшенными контрфорсами.

Между залом и замком на первом этаже были проходы, ведущие слева в то, что, вероятно, было подвалом под залом, а справа - в замок, в то время как в его конце находится небольшая задняя дверь с квадратной головкой в занавеске, которая все еще используется. Над этим коридором находилась гостиная, расположенная между холлом и парадным этажом замка; и окно этой комнаты, за занавеской, представляет собой хорошо известную нишу, на потолке которой изображен "щетиный вепрь" Ричарда III. Окно проецируется над задней дверью на смелых карнизах и в основном имеет хорошее перпендикулярное расположение, но надстройка была изменена и испорчена какой-то очень плохой работой в стиле тюдоров, похожей на окно в замке, и, возможно, заслугой сэра Джорджа Боуза. В 1592 году это называлось "Большой палатой".

Его сторожка занимала юго-западный угол этого прихода и была построена на краю утеса. Ее остатки очень скудны. Занавес между ним и башней Мортэм, похоже, был простым парапетом, венчающим утес.

Изогнутая занавеска, соединяющая сторожку с крепостью и закрывающая две обращенные к суше стороны палаты, вполне совершенна. Он укреплен внешним контрфорсом и небольшой башней. Этот последний, расположенный недалеко от угла занавеса, по направлению к крепости, содержит подвал и верхнюю камеру, обе сводчатые, хотя от последней, которая находилась на уровне крепостного вала, сохранилось лишь несколько фрагментов. Эта башня прямоугольная, но углы скошены. У него нет внутреннего выступа, а снаружи, на каждой из трех его граней, нанесен Декорированный контрфорс шириной 2 фута 6 дюймов с выступом 3 фута 6 дюймов у основания. Каждая состоит из трех ступеней и врезается в стену около своей вершины. Между этой башней и замком находится большой контрфорс, по-видимому, полый, возможно, для трубы гардеробной. Это также украшенное дополнение. Рядом с ним занавес украшен плоской пилястройкой в нормандском стиле, но в три этажа. Его ширина составляет 4 фута, а выступ уменьшается с 18 дюймов до 6 дюймов. Он также врезается в стену ближе к вершине.

Судя по внутреннему кварталу, вполне вероятно, что это была крепость десятого века, состоящая из утеса с двух сторон, рва с двух других и центра, более или менее почти круглого и искусственно обнесенного уступом; фактически, холма, на котором стояла первоначальная крепость. Внешние рвы могут быть построены того же времени, но, судя по их рисунку и плану, они, скорее всего, были более поздней, вероятно нормандской, пристройкой. Их содержимое выбрасывается внутрь так, чтобы образовался пандус за стеной.

Очевидно, что вся территория замка в том виде, в каком он стоит сейчас, была обнесена норманнами, и стены повсюду и почти все башни выполнены в этом стиле. Тут и там, разбросанные по всему *кольцу*, видны остатки нормандской работы. Пилястровые полосы на внутреннем занавесе, арки в нескольких рвах, квадратная башня и ворота на северном занавесе, башня Брэкенбери и большая часть стены, обращенной к городу, являются оригинальными. Во внутреннем дворе основание башни Мортэм и полукруглая фресковая башня рядом с северными воротами, вероятно, принадлежат ранним англичанам. Крепость, фрагменты зала, юго-восточная башня внутреннего двора и большинство остатков других зданий, очевидно, украшены. Первоначальные стены были в основном из прочного щебня с облицовкой тесаным деревом. В отделке более свободно использовался тесаный камень.

Замок, должно быть, подвергся почти полной перестройке в украшенный период. Нормандский архитектор, очевидно, использовал весь внутренний двор как крепость-ракушку. Его преемники пристроили часть башни Мортэм, а художник—декоратор, более амбициозный, возвел круглую башню в качестве опорного пункта, пристроил — вероятно, перестраивая - холл и достроил башню Мортэм, а также укрепил или отреставрировал занавес в разных местах.

Здесь, как и во многом на Севере, в Украшенный период в основном использовались арка с круглым выступом и плоская перемычка. Общий стиль работы вызывает восхищение. Прочная, добротная, массивная, очень простая, превосходного исполнения, она отличается замечательным вкусом и хорошо сочетается с военной структурой. Замок, хотя и не является одним из самых больших, является одной из лучших круглых башен в Англии. Его пропорции хороши, материалы надлежащего размера и насыщенного цвета, а сама его простота свидетельствует о прочности.

Перпендикулярных работ очень мало; вероятно, они были более легкого характера, упали и были убраны.

Какова бы ни была ценность материальных свидетельств его земляных работ, представление о замке Бернард, занимавшем место более ранней крепости, не подтверждается документами. Считается, что нынешний город возник на месте падения Марвуда, само местоположение которого сейчас забыто; он также не является приходом, поскольку входит в обширный приход Гейнфорд, церковь которого находится в восьми милях отсюда. От Domesday нельзя извлечь никакой помощи, поскольку эта ценная запись не включает Дарем, равно как и нет никаких упоминаний ни о Марвуде, ни о Гейнфорде, а тем более о замке, в книге Хью Падси "Domesday of Durham, the Boldon Book", составленной в 1133 году, поскольку она ограничена епископством, в пределах которого плата за Балиол в то время не была включена.

Где Бальоль получил от Уильяма Руфуса баронство Байуэлл в Нортумберленде, а либо от этого короля, либо от своего отца - графство Гейнфорд, часть которого он передал церкви Святой Марии в Йорке.

Бернард, его сын и преемник, был выдающимся приверженцем Стефана, но дожил до правления Генриха II. и был одним из тех, кто снял осаду Алнвика шотландцами в 1174 году, до этого времени он, вероятно, построил замок Барнард. Он также, кажется, построил церковь, или, скорее, часовню, в городе Барнард-Касл-Таун, и подарил ее также церкви Святой Марии. Ему наследовал другой Бернард, отец Хью, отец Джона де Балиоля, основателя Балиольского колледжа в Оксфорде и больницы Святого Иоанна в городе Барнард-Касл-Таун и регента Шотландии. Он родился в замке. Он женился на Девоггойле, сонаследнике Алана, лорда Галлоуэя, от которого их сын, другой Джон, унаследовал смертельные притязания на трон Шотландии, которые он, в некотором роде, оправдал в 1292 году. Он потерял свои английские поместья и умер в Шато-Гайяр в 1314 году.

Эдуард, его сын, стал королем Шотландии в 1332 году, но был изгнан в 1341 году и умер бездетным в 1363 году.

После смерти Джона де Балиоля епископ Бек заявил, что замок Барнард, вероятно, несправедливо, принадлежит престолу. Еще в 1301 году он завладел им и удерживал некоторое время, и к его владению относятся крепость и другие пристройки в стиле, преобладавшем в тот период. Эдуард I, однако, предоставил его Гаю Бошану, графу Уорику,

которого мало заботили епископские притязания, которые приняли форму протестов со стороны нескольких сменявших друг друга епископов.

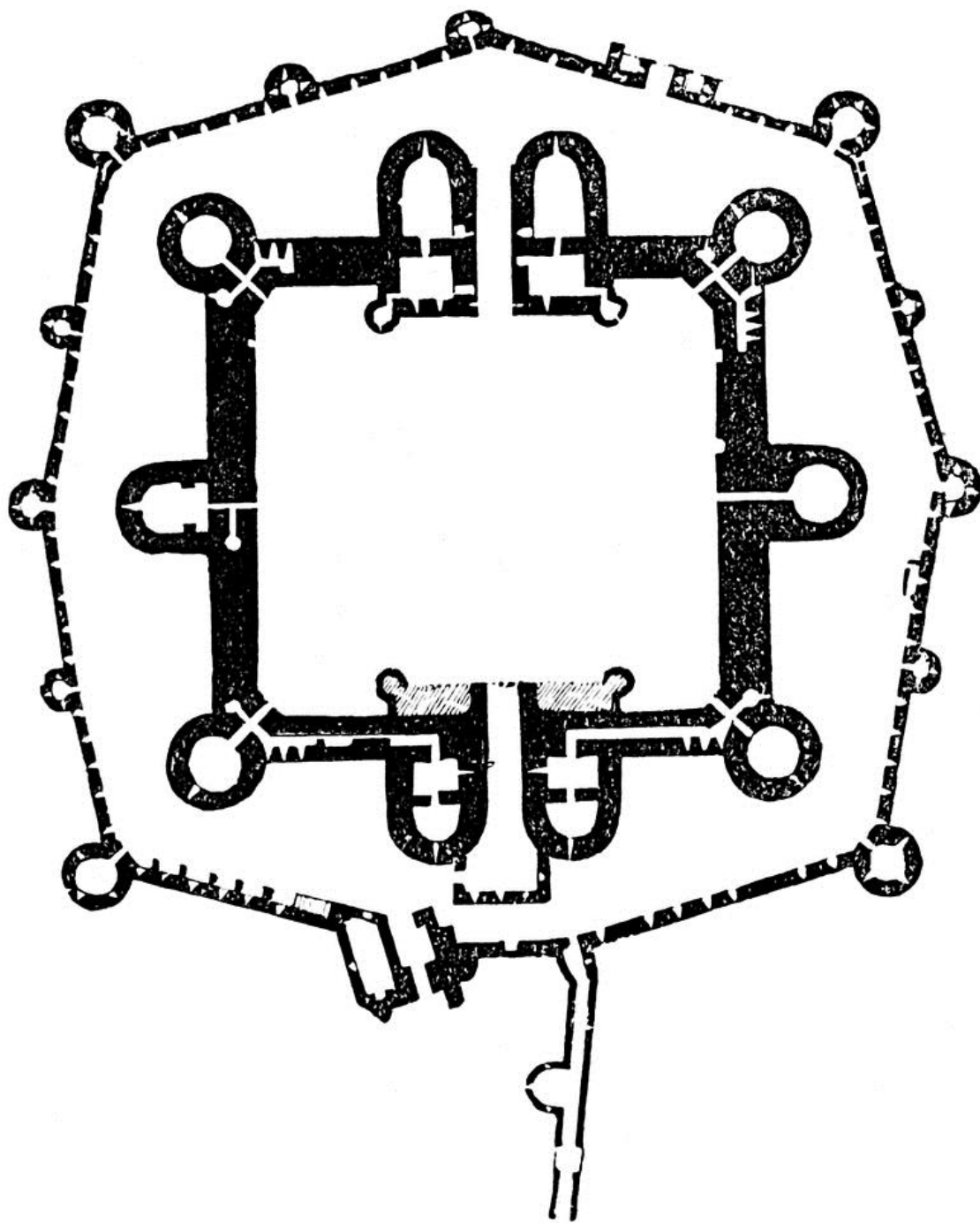
Замок оставался во владении графов Уорик, Бошамп и Невилл на протяжении пяти спусков, и здесь Томас Бошамп основал Августинский монастырь около 1381 года. Каким образом он оказался в течение некоторого времени во владении графов Уэстморленд из другой линии Невиллов, не сообщается. В конце концов, однако, она перешла к Ричарду, герцогу Глостерскому, который отремонтировал ее и оставил на ней свое попечение, как уже было сказано. После его смерти она оставалась в короне до тех пор, пока не была продана, и после различных превратностей перешла в собственность предка герцога Кливлендского. Он был демонтирован в 1630 году, когда остатки большого зала были перевезены в Раби.

Мост через Тис - прекрасный мост с двумя высокими стрельчатыми арками, который, как говорят, был перестроен в прошлом веке. Арки отлиты в три ряда, и внизу каждая арка поддерживается пятью рельефными ребрами жесткости. Если они современные, то лучше придерживаться старого типа.

В соседней церкви сохранилось несколько старых частей. Здесь есть хорошая богато украшенная южная дверь с боковыми колоннами и капителями, округлая, с шевронной лепниной на арке. Проем шире, чем обычно. Стиль поздненормандский. Основание башни круглое с несколькими короткими раннеанглийскими контрфорсами. Примерно в 12 футах к западу от башни, на церковном дворе, установлены несколько больших синих надгробий такого качества, которое сейчас не используется. Они, по-видимому, были украшены медью, сильно поношены и, очевидно, были убраны из интерьера этой церкви или замковой часовни. Под одним из них, на котором сохранился знак купца, похоронены сэр Джон Халлок, барон казначейства, умерший 31 июля 1829 года, и его жена, умершая 18 ноября 1852 года.

ЗАМОК БЬЮМАРИС НА АНГЛСИ.

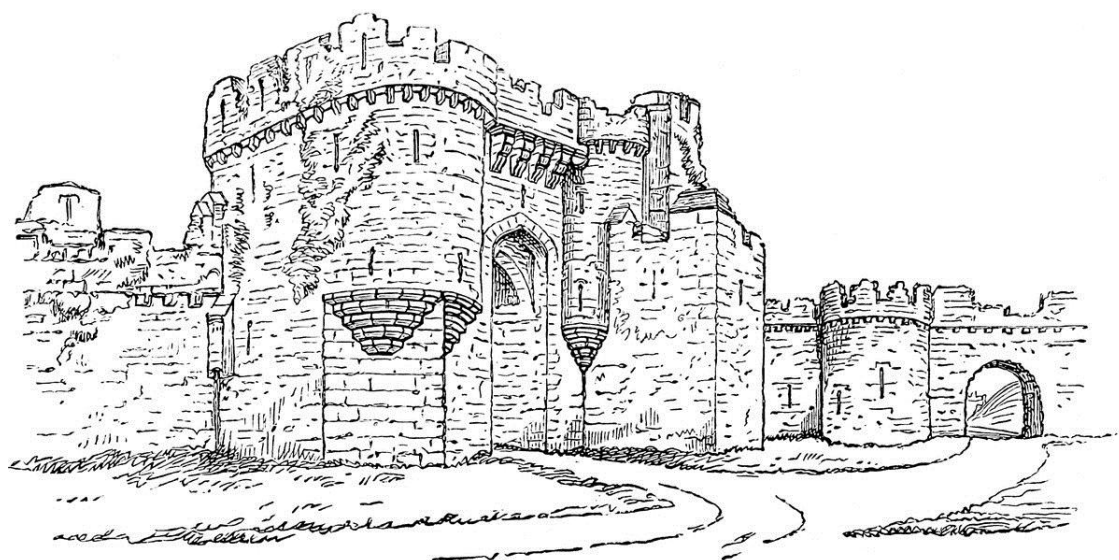
Замок БЬЮМАРИС построен на болотистой равнине, недалеко от морского берега и лишь немного выше уровня моря, из которого был подведен к нему ров. Это пример чисто концентрической крепости, в которой инженер был свободен проектировать свои работы, не руководствуясь, как в большинстве других случаев, неровностями грунта.

*План местности.
Замок Бьюмарис.*

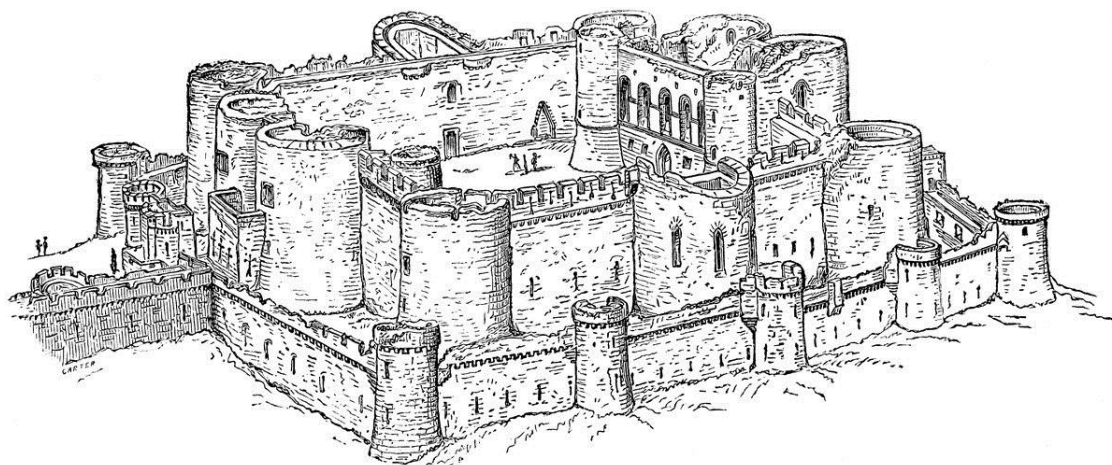
Его внутренний двор представляет собой четырехугольник площадью около 50 квадратных ярдов, заключенный в четыре навесные стены толщиной около 16 футов и высотой от 40 до 50 футов. По углам расположены четыре барабанные башни, занимающие три четверти высоты занавесей. На восточной и западной сторонах расположены промежуточные башни, полукруглые, с удлиненными сторонами, в восточной из которых, как и в Кидвелли, находится часовня. В центре северной и южной сторон находятся надвратные башни большого размера и несколько выше других башен. В каждом из них четырехугольная часть выступает во двор, увенчанная с двух сторон круглыми башенками с лестницами. Снаружи

полукруглые башни с удлинненными сторонами обрамляют вход. Приведенный здесь план местности показывает общее расположение.

К. А. Баклер.

Вход в замок Бьюмарис.

ЗАМОК БЬЮМАРИС: АНГЛСИ:

Большой зал размером 70 футов на 23 фута 6 дюймов занимает большую часть первого этажа северной сторожки и освещается со двора пятью окнами, по два светильника в каждом, с фрамугой, как в современных залах Стоксли и Ладлоу. Камин находился на противоположной стороне. Крыша была деревянной, но с одним каменным ребром, как в Чаринге. В южной сторожке у ворот, вероятно, также было большое помещение, ныне разрушенное. Парадные комнаты и жилые помещения находились в сторожках у ворот. Порталы были необычной длины, и каждый охранялся тремя решетками.

Занавеси вдоль пронизаны длинными настенными переходами, сообщающимися с башенными помещениями и лестницами, которых здесь множество. Проход по крепостному валу необычно широк. Под частью стены, к югу от часовни, в самой нижней галерее фресок находится большой коллектор.

Часовня на втором этаже, хотя и не намного выше уровня земли, представляет собой красивую маленькую комнату, в западную часть которой со двора ведет лестница и короткий

коридор, пересекающий галерею фресок. С каждой стороны находится ризница. Фактический вход в часовню осуществляется через двойную дверь с трилистником. Часовня состоит из двух отсеков с многоугольной апсидой. Все здание облицовано, а стены обшиты панелями в два этажа по всей окружности. На фасаде башни есть пять стрельчатых петель, а из ризниц в часовню открываются два окна. Часовня стоит в склепе, тоже со сводами.

За южной сторожкой было возведено нечто вроде барбакана, пустотелого квадрата каменной кладки, вход в который находится с западной стороны. Это дополнение, предназначенное для предотвращения разгребания портала или его переноса в спешке.

Описанный выше обсерватория стоит отдельно от внешнего обсерватория. На рисунке он восьмигранный, симметричный или почти такой. Под его четырьмя главными углами, противоположными углам внутреннего двора, расположены четыре барабанные башни, задействованные на три четверти. От этих башен стены уходят под уклон наружу, образуя выступающие углы, которых, таким образом, четыре, по одному напротив центра каждой грани внутреннего двора, и, таким образом, выделяется место для сторожек, часовни и противоположной башни. Каждый выступ увенчан барабанной башней, а на каждой из сторон, образующих выступ, находится башня меньшего размера. Всего башен двенадцать, три из которых заняты другим образом и одна угловая. Эти внешние башни и занавесы намного ниже и тоньше, чем во внутреннем дворе.

Здесь есть двое ворот. Северные ворота, похоже, так и не были достроены, но их остатки очень своеобразны. В занавесе есть главный портал, а с каждой стороны от него по маленькому portalу или задней двери. Снаружи находятся четыре смелых, но узких контрфорса, по одному с каждой стороны от главных ворот и по одному снаружи от боковых. Западный контрфорс имеет более смелый выступ, чем остальные, и, очевидно, предназначен для прикрытия вылазки с той стороны, откуда валлийцы могли приблизиться с наибольшей вероятностью. Каждый контрфорс имеет петлевую форму, два внутренних - таким образом, чтобы контролировать главный из боковых входов. Южный вход также необычен и имеет собственную сторожку и надворную постройку. Сторожка, показанная на приведенном здесь чертеже, имеет две башни на четырехугольных основаниях, изогнутые так, что они поднимаются к вершинам барабана, создавая прекрасный эффект. Эти внешние ворота выходят на берег моря. Позади, или к западу от него, возвышалась обнесенная стеной башня. С востока он был защищен отрогом; длинной навесной стеной, тянувшейся от внешней стены замка до берега моря, большой толщины, пронизанной внизу длинной галереей, а над валом - дорожкой, огражденной парапетом с каждой стороны. Проход огибает с обеих сторон и укреплен полукруглой башней на западной стороне. Похоже, что он заканчивался круглой башней, которую сейчас убрали. Целью этой работы было прикрыть высадку припасов с моря и помешать врагу с восточной стороны подкрасться к морскому берегу и таким образом застать врасплох либо замок, либо город. Отрог был пронизан современной аркой.

Приведенный вид с высоты птичьего полета показывает замок с его юго-восточной стороны. Показан корень шпоры, внешняя сторона башни часовни с ее стрельчатыми окнами и окна большого зала. Там был только один ров, который охватывал все сооружение и сейчас засыпан.

Работа над "Бьюмарисом", вероятно, была начата около 1295 года, через двенадцать лет после казни принца Дэвида, и позже Конвея, Кернарвона и Харлеча. После покорения Уэльса он перестал иметь значение, и даже в правление Эдуарда II. он вышел из строя.

БЕДФОРДСКИЙ ЗАМОК.

На левом берегу Уза, примерно в 50 ярдах от ручья, внутри города, но на восточной окраине, находится все, что осталось от некогда знаменитого и очень сильного замка Бедфорд. Эти остатки, хотя и скудные и ограничены, или почти таковыми, земляными валами, очень заметны и имеют долговечный характер, и, хотя слава замка основана на его приключениях в качестве нормандской крепости, есть основания предполагать, что у него была более ранняя история, и что большинство его нынешних реликвий относятся к тому более раннему саксонскому периоду.

Основное сооружение представляет собой насыпь земли, полностью искусственную, расположенную на покрытой гравием равнине, по которой Уз вьется вниз по широкой полосе среднего оолита. Этот холм имеет круглую форму, сейчас около 15 футов в высоту и 150 футов в диаметре на вершине, который идеально ровный и более полувека использовался как площадка для боулинга. Склоны ровные и умеренно крутые, засажены деревьями и кустарниками. На северной стороне, или той, что дальше всего от реки, были сделаны раскопки для ледника; но они построены в наше время и, по-видимому, не обнаружили никаких следов каменной кладки под поверхностью земли.

По направлению к реке и на запад, к городскому мосту, примерно в фарлонге выше замка, местность совершенно ровная и возделывается как сад; но на севере и северо-востоке она несколько выше, и здесь видны следы рва у подножия насыпи, концентричного с ней, и, без сомнения, являющегося частью ее защиты с этой ее более слабой стороны.

Единственная каменная кладка, которая может быть старой, - это небольшой прямоугольный массив на южной стороне насыпи, на котором сейчас стоит современный летний домик. Песчаник местности, из которого состоит этот фрагмент, выветривается так быстро, что трудно составить мнение о его возрасте; но, хотя, возможно, он старый, он может быть недавнего происхождения.

Глядя на положение насыпи по отношению к реке и на низкий и ровный характер почвы вокруг нее, становится очевидным, что огромная сила этого места, должно быть, была обусловлена Узом, здесь глубоким и широким, а также земляными берегами и канавами, заполненными рекой и сообщающимися с ней. Полное отсутствие каменной кладки и исчезновение почти всех окружающих насыпей и рвов, отмеченных в Хрониках как некогда высокие и глубокие, полностью объясняются обстоятельствами знаменитой осады, описанной Генрихом III.

Бедиканфорд, или Бедфорд, был хорошо известен саксам и, вероятно, имел саксонское происхождение. Здесь, сразу за городом, был похоронен в 796 году саксонец Оффа, король Мерсии, в часовне, давно снесенной паводковыми водами Уза. В начале десятого века город подвергся нападению группы датских поселенцев из пяти бургов, которые были отбиты горожанами, и вскоре после этого Эдуард старший отремонтировал это место и возвел то, что некоторые называют пригородом Майксгейт, а некоторые - укрепленным местом на южном берегу реки, возможно, прикрытием для "брода", что и повлияло на название города. Бедфорд, без сомнения, был важным городом при саксах, и, как и в Тамворте, Лестере, Уэйрхеме и Уоллингфорде, у него была цитадель в одном углу ограды, на берегу реки.

Баронство Бедфорд, также называемое Честью, было пожаловано Уильямом Руфусом Пейну, второму сыну, но возможному наследнику Хью Бошана, соратника Завоевателя и, возможно,

в союзе с более многочисленной семьей с таким именем, которая впоследствии получила графство Уорик. Хью получил множество поместий в Букингеме и около двадцати в Бедфордшире. Пейн - известный строитель нормандского замка, описываемого как очень прочный, со рвами и земляными валами, который перешел по наследству к его сыну Саймону, наместнику короля Стефана. Семья, однако, впоследствии выступила против короля, который, по-видимому, попытался передать поместье дочери старшего брата, вышедшей замуж за Хью по прозвищу "Паупер", брата графа Лестера. Мило де Бошан удерживал замок против короля Стефана в 1137 году. Осада длилась пять недель и велась с большой энергией. В конце концов замок был взят голодной смертью. Автор "Гесты Стефани" описывает замок как имеющий мощные земляные укрепления, "editissimo aggere vallatum".

Симон де Бошан владел замком во времена правления Генриха II и Ричарда I. до своей смерти, примерно 8-го от Рождества Иоанна. Из красной книги казначейства следует, что у него было 36 и 5-10 рыцарских гонораров старого владения и 8 гонораров нового, все в баронстве Бедфорд. В его время замок, по-видимому, удерживался против Генриха II. Поскольку на второй год правления этого короля, 1155-6, те горожане Бедфорда, которые были в замке против короля, были оштрафованы на двадцать марок, из которых они отчитались в 1157-8 годах. В 1190 году Саймон был оштрафован на 100 фунтов стерлингов за управление замком.

Уильям, сын и преемник Саймона, описывается как лорд крепкого замка Бедфорд, "капут" этой Чести. Ближе к концу правления Иоанна он присоединился к мятежным баронам, а в 1215 году впустил их войска в свой замок. В результате он подвергся нападению хорошо известного Фалька де Брейоте и, не получив освобождения, был сдан в ноябре, после семидневной осады. Сам Джон присутствовал в Бедфорде трижды в том году, всего в течение восьми дней. Он предоставил Фальку конфискованную Честь.

Фальк укрепил и удерживал замок во времена правления Генриха III, а затем разорил страну ниже Чилтернса. Сначала сторонник молодого короля, впоследствии он воспротивился его власти, и по просьбе своих угнетенных соседей Генри де Брейброк был отправлен в Данстейбл в 8-м году правления Генриха III в 1224 году для рассмотрения их жалоб, когда против барона было вынесено тридцать приговоров и наложены штрафы в размере 100 фунтов стерлингов по каждому из них. В отместку Фальк похитил судью и отправил его пленником в Бедфордский замок, обойдясь с ним с большим унижением. Его жена пожаловалась тогда в парламент в Нортгемптоне, и король приказал ему выдать судью, но тщетно. Генри, вероятно, был рад возможности покончить с очень беспокойной темой и, похоже, не терял времени даром, наказывая за оскорбление. В июне 1224 года началась серия приказов, отданных самим королем, которые показывают масштабность его приготовлений к осаде и энергию, с которой он продвигал их вперед. 22 июня Генрих лично прибыл в Бедфорд и оставался там во время осады до 19 августа, то есть почти два месяца. Приготовления были как обширными, так и тщательными, и поручения, которые всегда назывались неотложными, были выданы огромному числу шерифов и других лиц на юге и западе, вплоть до замка Корф и Сен-Бриавеля. Им нужны люди, деньги, недоимки за скутаж, шнур, канат, железо, сталь, шкуры, кожа для пращей, бечевка для струн, мангонели, петрарии, балисты, дробилки, каменотесы, каменотеси, рудокопы, плотники, шорники, повозки для перевозки королевских павильонов, а также миндаль, специи и имбирь для королевской кладовой. Все кузнецы в Нортгемптоне, которые могут выковать болты quarrell или опереть их послековки, должны работать день и ночь, пока 4000 человек не будут готовы и отправлены. Большое количество вина из королевских складов в Лондоне, Нортгемптоне и

других местах должно быть срочно отправлено в Бедфорд. Рыцари, несущие охрану замка в Ланкастере, приведены в порядок: посланы борзые для занятий спортом. Шериф Бедфордшира должен снабдить каменщиков рычагами, молотками, кувалдами и клиньями, а также всем необходимым для приготовления каменной дробы для мангонелей и петрариев. Шахтеры приезжают из Сен-Бриавеля, что в лесу Дин. Виндзор снабжает своего мастера-плотника и его помощников. Кембридж присылает шнур и канатную дорогу. Древесный уголь поставляется вместе с железом и сталью из Глостера, а соседнее аббатство Ньюенхэм запасает большое количество необработанного камня для переработки в дробь.

Подробная информация о поставленном материале заносится в итоговые списки периода. Подробности самой осады были сохранены соседними монахами Данстейбла, из чьего города и, вероятно, из монастыря был взят судья, и чьи земляки сыграли важную роль в осаде. Король привез с собой архиепископа Кентерберийского и различных епископов и аббатов, в интересах которых ему было предоставлено по два человека от каждого хайда их церковных земель для работы с осадными машинами; помощь в виде "карукажа" или знака от каждой каруки или пахотной земли вотчины и по 2 фунта от каждой арендуемой земли - подарки, которые были защищены от вовлечения в прецедент специальной грамотой от короля.

Фальк оставил своего брата терпеть нападение и обратился за помощью на земли графа Честерского, Ранульфа Блундевилля. Граф, однако, был с королем вместе с Питером де Рупибусом, епископом Винчестерским, Уильямом де Кантелупе, Брайаном де л'Илем и Питером де Моле. Всех заподозрили в недовольстве, и в результате граф и епископ покинули лагерь, хотя впоследствии епископ Честерский привлек графа к исполнению своих обязанностей. Фальк оставался в Нортгемптоне, пока не сбежал в Уэльс.

Осадные операции включали на восточном фронте петрарий и два мангонеля, которые ежедневно обстреливали противоположную башню; на западном фронте два мангонеля обрушились на старую башню; на северном и южном фронтах было два мангонеля, по одному на каждом, и каждый пробил противоположную стену. Работе этих семи орудий существенно помогали две большие деревянные башни, достаточно высокие, чтобы контролировать весь замок, и поддерживаемые другими башнями поменьше, на каждой из которых находились лучники и арбалетчики. Существовал также крытый бревнами ход, известный как кошка, с помощью которого шахтеры могли подорвать стену, в то время как лучники расчищали зубчатые стены наверху. Эти сооружения были плотно обиты шкурами, что делало их непроницаемыми для огня; и пращники, которых было много, вероятно, постоянно осыпали камешками всех, кто осмеливался показаться на крепостном валу.

Укрепления были взяты штурмом в результате четырех энергичных штурмов. Сначала был взят барбакан с потерей четырех или пяти нападавших. Затем был осуществлен вход во внешний двор. Это была работа жителей Данстейбла, и она сопровождалась серьезными потерями. В этом отделении хранилось большинство боеприпасов этого места — оружие, лошади и сбруя, крупный рогатый скот, бекон и живые свиньи. Здесь сгорело много фуража, вместе с домами и сараями в округе.

Следующим этапом шахтеры подрыли стену рядом со старой башней, стена которой обрушилась. Соппротивление здесь, по-видимому, было упорным, при прорыве погибло много людей, и десять самых дерзких нападавших были схвачены и унесены в глубь города.

Наконец, в день Успения Пресвятой Богородицы, 14 августа, около часа вечерни, шахтеры, подорвав фундамент старой башни, подожгли подпорки. Стены раскололись, поднялся дым, и, поскольку крепость была неприступна, гарнизон поднял королевское знамя и сдался, отослав де Брейброка с женой Фалька и другими женщинами. На следующее утро король вступил во владение. Уильям де Бреоте и гарнизон предстали перед судом, и он и около восьмидесяти его людей были повешены на месте. Троим было разрешено присоединиться к тамплиерам в Палестине, а замковый капеллан был передан архиепископу в качестве духовной власти. Из записей следует, что остальная часть гарнизона отделалась штрафами и конфискациями. Добыча была значительной: сокровища, провизия и военное снаряжение. Генри уехал в Кеместон (Kempston) 18-го, но 19-го снова был в Бедфорде, а 26 августа - в Данстейбле. Даже воодушевленный успехом, он, кажется, не был суров к тем, кто на самом деле не был в этом замешан. Алисе, вдове казнённого Уильяма де Бреоте, разрешили получить в приданое земли в Бедфорде и Камберленде. 19-го и 22-го числа Маргарет, жене Фалька, разрешили жить в поместьях Хейфорд и Сабриджворт. Жильберу де Бреоте также разрешили обзавестись поместьем; а Фальку, виновнику всего этого безобразия, разрешили двадцать марок на личные расходы по пути в изгнание.

Сразу же после капитуляции Генрих снял осаду. Девятьсот "куоррелов", оставшихся от 4000, были возвращены в Нортгемптон, а шерифу Бедса списаны остатки железа, древесного угля и т. д., Собранные для осадных работ. Мангонели и тяжелая артиллерия должны были быть разобраны на части и возвращены в замок Нортгемптон. Также производились различные выплаты и выдавались награды, в основном из конфискованных земель Де Бреоте. Джону де Стэндону, королевскому рудокопу из леса Дин, была пожалована земля под Сен-Бриавелем.

Сам замок был слишком силен и слишком опасен, чтобы его можно было пощадить, и приказы о его разрушении были очень размашистыми и конкретными. Приказом от 20 августа, через пять дней после капитуляции, шерифу приказано выровнять берега, засыпать канавы и выровнять поверхность внешнего участка. Он должен уменьшить насыпь и стены внутреннего двора на половину их высоты и выровнять три четверти старой башни по направлению к собору Святого Павла, который находится на северо-западе. Камни должны быть разделены между Уильямом де Бошаном для строительства предполагаемого дома, церковью Святого Павла в Бедфорде и монастырями Колдуэлл и Ньюенхэм; но последнему достанется большая доля, потому что он поставлял камни для стрельбы во время осады.

Пять дней спустя вышел другой приказ, усиливающий первый, и предписывающий Генри де Брейброку и Уильяму де Патешаллу следить за его быстрым и точным исполнением. Было также оговорено, что Уильям де Бошан мог, если пожелает, построить на этом месте жилой дом и использовать уменьшенную стену внутреннего двора, но он не должен был поднимать насыпь или стену выше определенной высоты или укреплять их. Он мог бы только воздвигнуть его. Брейброк должен следить за тем, чтобы камни со стен и насыпи распределялись в соответствии с указаниями. 16 сентября шерифам Хертса, Кембриджа и Хантса было приказано послать людей на помощь Брейброку и Патешаллу в разрушительных работах, и они должны были взять с собой инструменты и оставаться до тех пор, пока насыпь не будет опущена и рвы не будут засыпаны, как было приказано. Кроме того, Бошану разрешили взять половину древесины из сарая и старой башни.

Так угасли сила и слава замка Бедфорд, великой крепости Уз. Неизвестно, строил ли Уильям де Бошан что-либо на его месте. Он умер в 44 году III века н.э., и всего через несколько лет его имя исчезло, а баронство было разделено.

Замок или его местоположение, вероятно, как резиденция суда поместья, время от времени упоминается в документах *Inquisitiones post Mortem*. Таким образом, 5 Изд. II., Роджер Л'Эстранж, его жена Маргарет, был захвачен "замком" и "участком замка" Бедфорд; 1 Изд. III., Джон де Моубрей был захвачен участком замка Бедфорд и рыбным промыслом Уз; и 40 Изд. III., другой Джон подал иск в суд в замке Бедфорд; и 50 Изд. III., Элизабет, жена Джона Моубрея, владеет тем же замком. Кроме того, 6 Богатых. II., другой Джон Моубрей захватывает Бедфордский замок и Бедфордское баронство; и, наконец, 8 января IV., Томас Моубрей, граф Маршалл, главнокомандующий Бедфордским замком благодаря подаванию милостыни королю во время его коронации; так что полномочия и привилегии, закрепленные за замком, оставались в силе еще долгое время после того, как сама крепость была снесена. Во времена Лиланда сохранилась замковая мельница — это великое свидетельство феодальных обычаев; и он также упоминает "большой круглый холм" как нору для лисиц. Тогда еще не было никаких зданий.

Из нынешнего внешнего вида очевидно, что наказ Генриха III. строго соблюдался. Между насыпью и рекой не видно никаких следов канавы, а сама насыпь настолько ниже, чем обычно при сооружениях такого диаметра, что, вероятно, по крайней мере половина была удалена и использована для засыпки канав.

Из рассказов об осаде нелегко составить четкое представление о расположении частей замка. Там было две палаты, и внешняя, судя по ее содержанию, должна была занимать значительную площадь. Вероятно, он включал в себя внутренний двор и курган, и примыкал к реке. Барбакан вряд ли располагался на берегу реки или за пределами города и, вероятно, находился на северо-западе или рядом с церковью Святого Павла.

Внутренняя стена, вероятно, окружала насыпь с внешней стороны рва и, таким образом, была открыта для атаки, когда внешняя стена была взята.

Старая башня, взятая последней и падение части которой вынудило гарнизон сдаться, вероятно, была донжоном или раковиной, венчающей курган. Это было бы сооружение нормандской постройки, и поэтому его вполне можно было бы назвать старой башней, в отличие от пристроек Фалька и ремонта после осады Стефаном. Таким образом, если принять объяснение, у Бедфордского замка была ракушечная крепость или донжон на холме, окруженный рвом и стеной, а это снова другая стена, на большем расстоянии, основные склады и жилые помещения находились, как обычно, в этом более крупном или внешнем дворе. История Бедфордского замка и его осады является предметом подробного доклада покойного преподобного К. Х. Хартсхорна, напечатанного частным образом в 1861 году.

ЗАМОК БЕРКХЭМПСТЕД, ХЕРЦ.

Замок Беркхэмпстед стоит в приходе Беркхэмпстед Сент-Питер, в графстве Хартфорд, и геологически расположен на нижнем мелу. Он расположен на меловом дне, на левом берегу речушки Булборн. Между ручьем и замком местность, естественно, низкая и болотистая, но сейчас ее пересекают канал Гранд-Джанкшн и Лондонско-Северо-Западная железная дорога, которые вместе с водотоком и магистралью отделяют замок от города.

К востоку и северо-востоку от замка местность круто поднимается в сторону Уайтхилла и Беркхэмпстед-Коммон. На западе и северо-западе она более плавно поднимается в сторону Беркхэмпстед-плейс. Между ними, к северу, находится комб или почти сухая долина, занятая старым парком, называемым поместьем Беркхэмпстед, и в этой долине стоит замок, примерно в 400 ярдах от его впадения в реку.

Составными частями замка являются насыпь; внутренняя *ограда* или палата; внутренний ров; вторая *ограда*; второй ров; третья *ограда*, охватывающая только северную половину; равелин на западной стороне; и третий, или внешний, ров, также ограниченный северной половиной сооружения.

Насыпь полностью искусственная. Она имеет коническую форму, около 60 футов в высоту и 40 футов в диаметре наверху, с крутыми склонами и мокрой канавой по три четверти ее окружности. Его вершина была увенчана круглой стеной толщиной около 8 футов, от которой сохранился только фундамент. С южной стороны находится навесная стена, сильно разрушенная, толщиной около 8 футов. Она начинается на уровне земли, на вершине насыпи, и упирается в фрагмент *ограждающей* стены внутреннего отделения. Очевидно, она соединяла эту стену с крепостной башней и, вероятно, была, как и в Тэмворте, обнесена парапетами с обеих сторон ее крепостного вала. Он не был продолжен по дальней стороне кургана, который не был частью *окружения*, а представлял собой цитадель, расположенную вне его и соединенную с ним только одной стеной.

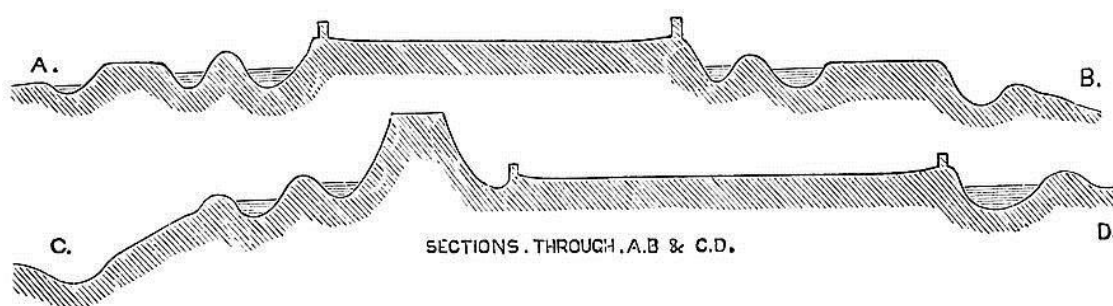
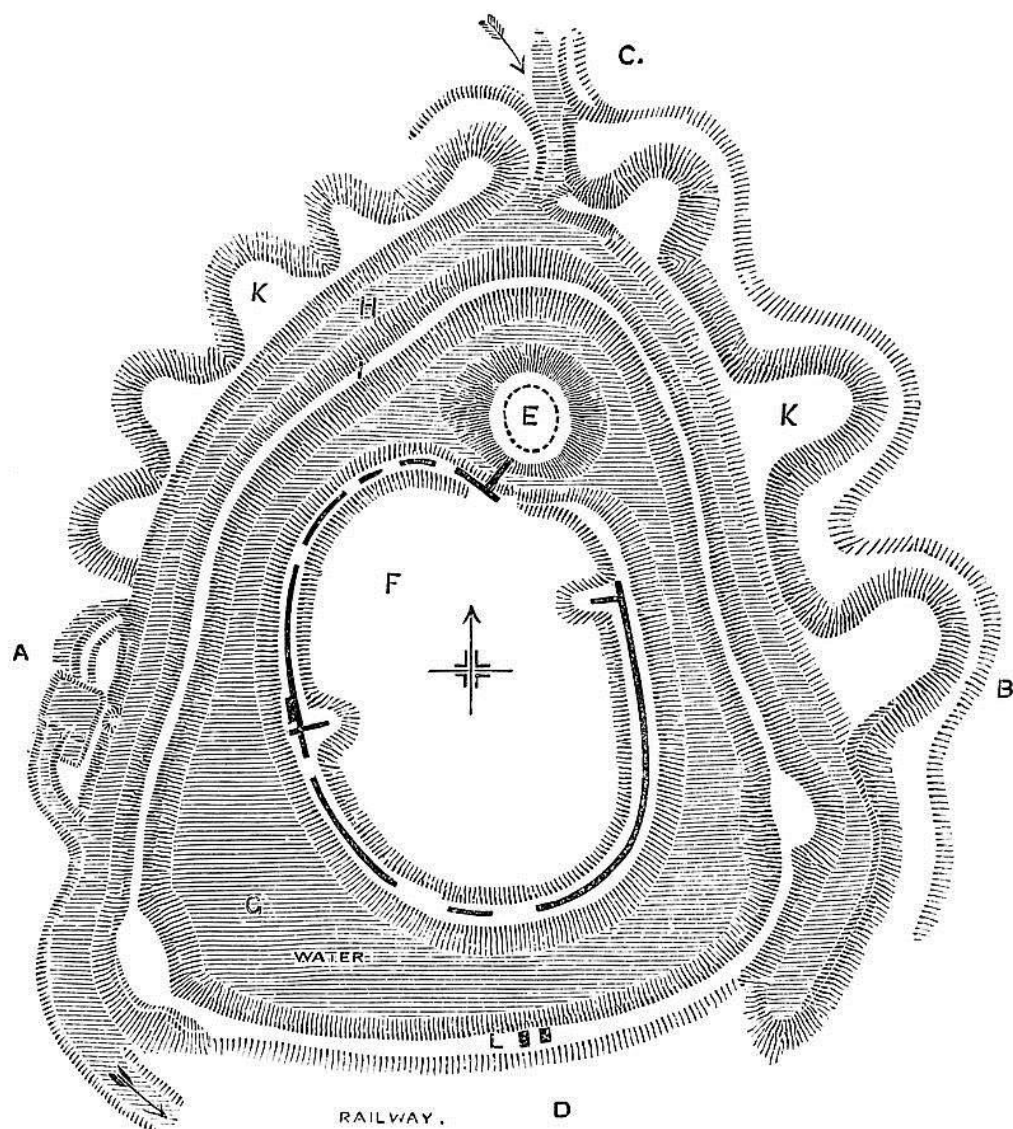
Вероятно, первоначально ров кургана был продолжен по всему периметру и просто пересечен стеной. Большая часть рва между насыпью и внутренним участком засыпана, вероятно, совсем недавно, поскольку сейчас идет процесс, цель которого - соединить ровный газон *ограждения* с насыпью для увеселительных целей.

Внутреннее отделение представляет собой овальное пространство, примерно 500 футов к северу и югу и 300 футов к востоку и западу. Он окружен стеной толщиной около 7 футов, а сейчас высотой около 20 футов, которая, возможно, была на 4-5 футов выше. Видны следы зубцов. Эта стена частично разрушена, но почти три четверти ее сохранились. Северный конец, противоположный насыпи, вогнутый, в него врезался ров насыпи. На западной стороне находится фрагмент фресковой башни, сильно изуродованный и, по-видимому, прямоугольный. На восточной стороне есть два проема, один из которых, возможно, был задней дверью. В северо-восточной четверти поперечная стена, по-видимому, принадлежала домашнему хозяйству. Проход для главных ворот находится в южном конце. Там нет никаких следов башен, и, судя по стене, там их никогда не было. Внутренняя *территория*, или платформа, ровная, у стены нет террасы и никаких следов откоса, к которому могла быть пристроена стена. За стеной есть пространство шириной около 5 футов, за которым земля резко обрывается к мокрой канаве.

Внутренний ров проходит вокруг насыпи и внутренней стены отделения, представляя в плане непрерывный овал. Он глубокий и везде влажный, а местами выходит в бассейн. Это тот случай, когда она образовала ров, охватывающий насыпь, ныне частично засыпанный, и в юго-восточной четверти, где ее перелив сбегает в реку.

Снаружи и образующим контрэскарп этой канавы является вторая или средняя *стена*. Это крутой и узкий берег, имеющий дорожку шириной около 8 футов, с примерно равным уклоном внутрь по направлению к внутреннему рву и наружу по направлению к внешнему. Примерно на протяжении двух своих северных третей этот берег очень однороден, но в юго-западной четверти он переходит в небольшой холмик, или кавалер, около 22 футов в диаметре наверху и около 20 футов высотой, рядом с которым земля была срезана для

создания современного входа. Напротив этого, в юго-восточной четверти, находится другой, гораздо больший курган, около 30 футов в поперечнике и 25 футов высотой; и в этом месте берег делает петлю наружу, что несколько нарушает симметрию его плана. Эти два кургана, очевидно, предназначены для того, чтобы обрамлять оконечности внешнего берега.

Этот средний берег в южной части прорезан современной водопропускной трубой, по которой стекают воды внутреннего рва; а в нескольких ярдах к востоку от этого берег

пересекают две параллельные стены на расстоянии 12 футов друг от друга, которые, очевидно, находились снаружи главного входа.

Вторая, или средняя, канава, также глубокая и влажная, очень регулярно огибает средний берег. В настоящее время он отсутствует на южной стороне, на небольшом расстоянии, поскольку был засыпан и преобразован в дорогу, когда была построена железная дорога.

За пределами этого рва находится третья, или внешняя, *ограда*, крутой берег, который образует контркарп среднего рва и огибает не только северную половину замка. Вверху он имеет ширину около 10 футов и укреплен снаружи восемью бастионами, также земляными, расположенными на расстоянии от 60 до 150 футов, и каждый вверху имеет ширину около 30 футов при 40-футовом выступе и закруглен. Пять наиболее заметных из них, крутых и высотой около 20 футов, расположены на северо-западе. Затем линию пересекает небольшой ручей, впадающий с севера, и к востоку от него, покрывая северо-восточную и восточную стороны, берег продолжается примерно на 580 футов, укрепленный тремя бастионами, которые, однако, невысоки и не имеют ничего общего с другими. У этих последних трех почти нет рва, но у ног остальных пяти есть ров, который даже сейчас заболочен и, без сомнения, когда-то был грозной защитой. К западу от этого внешнего берега, примыкая к нему так, чтобы прикрывать часть западной стены замка, находится земляной вал весьма сомнительного характера. Его линии прямоугольные, у него есть ров, и он очень напоминает ранние рavelины, которые были распространены в пятнадцатом веке и неизвестны в четырнадцатом и тринадцатом.

С его рвом соединен пруд, который, по-видимому, когда-то был прудом для мельницы и тушеной рыбы. Без сомнения, все эти обширные каналы были приведены в порядок и питали мельницу, которая, как известно, была пристроена к замку.

Беркхэмпстед в целом представляет собой очень яркое и очень своеобразное укрепление. Курган, без сомнения, был английским городищем и, что не было редкостью, имел свои собственные укрепления. Внутренняя *крепость*, хотя и не была, как обычно, окружена берегом, была окружена крутым склоном и рвом, которые вместе с частоколом были бы вполне достаточной защитой. Вероятно, это были все оригинальные работы, и внутри них вполне мог состояться знаменитый Совет в Беркхэмпстеде в 697 году. Две внешние работы, по-видимому, были созданы позже. Внешний берег, судя по его бастионам, должен быть построен позже Завоевания, а средний берег слишком слаб по своей конструкции и слишком хорошо сохранился, чтобы относиться к отдаленной древности. Но примечательно, что здесь нет никаких следов чего-либо другого, кроме внутренней *ограждающей* стены, и совершенно очевидно, что никакой другой никогда и не было. Земляные укрепления, за исключением насыпи, не несли бы стены, и если бы таковая была построена, ее можно было бы заминировать и разрушить без особых проблем. Очевидно, эти берега были обнесены частоколом, и, вероятно, при тщательном врезании в них можно было обнаружить следы кольев.

Далее, примечательно, что, хотя есть вторая и третья линии обороны, нет средней или внешней защиты. Эти линии обороны включают только рвы, а не пространство, которое, каким бы узким оно ни было, всегда оставлялось между стенами замков для сбора их защитников. Здесь гарнизон двух внешних линий, должно быть, был выстроен в линию вплотную к частоколу, оставляя лишь пространство для прохода между ним и рвом в их тылу.

Следует упомянуть, что земляной вал, состоящий из насыпи и рва, известный местным жителям как Гримсдайк, пересекает главную дорогу над городом, а в непосредственной близости находится несколько курганов. Земляные укрепления в Беркхэмпстеде довольно своеобразны, но окрестности довольно богаты военными земляными сооружениями кругового характера, среди которых на юге и западе можно упомянуть Бушвуд, Хоуридж, Холсбери и, на большем расстоянии, Кимбл.

Вся сохранившаяся каменная кладка состоит из меловых обломков кремня, залитых чистым белым раствором и, вероятно, облицованных грубыми кремнями, подобранными, если не обтесанными в квадрат. Кое-где сохранились части фасада. Эта работа может быть нормандской, а может быть и более поздней, хотя, вероятно, ненамного. Примечательно отсутствие башен. Здесь вообще нет тесаного камня. Это, без сомнения, было убрано, когда строили Беркхэмпстед-Плейс, но его не могло быть очень много.

Беркхэмпстед был резиденцией королей Мерсии и местом заседания совета магнатов, созванного в 697 году Уайтредом, королем Кента; и во времена Исповедника он принадлежал Эдмару, тану графа Гарольда. Очевидно, это было укрепленное место, поскольку, когда Завоеватель передал его своему брату Роберту, графу Мортеньскому, среди вассалов был некий “Фоссариус”, в обязанности которого, должно быть, входило чистить крепостные рвы. Говорят, что Роберт укрепил его двойным рвом и валом и удерживал его во время Страшного суда. Более того, при Завоевателе это звание было расширено до очень обширной Почести, частью которой была *капут*. В Domesday названо поместье, но не замок.

Замок, по-видимому, принадлежал королям Стефану и Иоанну вместе с графством Корнуолл. Он пострадал во время войн Стефана, и Иоанн подарил его в 1206 году Джеффри Фитцпирсу, графу Эссекскому, который восстановил его и, возможно, возвел нынешние стены. Принц Людовик осадил и взял его в 1226 году. Атака была с северной стороны, и замок продержался значительное время.

Ричард, граф Корнуолла и король римлян, брат Генриха III, владел им. Он писал своему брату отсюда в 1261 году и умер здесь в 1271-2 годах, как и его жена Изабель Марешаль в 1239 году. Его сыну Эдмунду принадлежали замок, город и халимоте. В 1299 году замок был возвращен как не приносящий арендной платы; но мельничный пруд и замковые каналы сдавались для рыбной ловли за 20 шиллингов в год. Тогда здесь была водяная мельница и парк с оленями. Это была часть приданого Маргариты Французской, второй жены Эдуарда I., которая умерла в 1317 году. Эдуард II передал его вместе с графством Корнуолл Гавестону; а Черному принцу, как герцогу Корнуоллскому, от его отца достались замок, поместье, деревня, парк и честь Беркхэмпстед, земли которого простирались до Хертса, Бакса и Нортгемптоншира. Он был приведен в порядок для резиденции Иоанна Французского, и Черный принц побывал здесь незадолго до своей смерти. Им также пользовался фаворит Ричарда II Роберт де Вер, маркиз Дублинский, у которого было разрешение на проживание в нем. Здесь же умерла Сесили Невилл, мать Эдуарда IV.

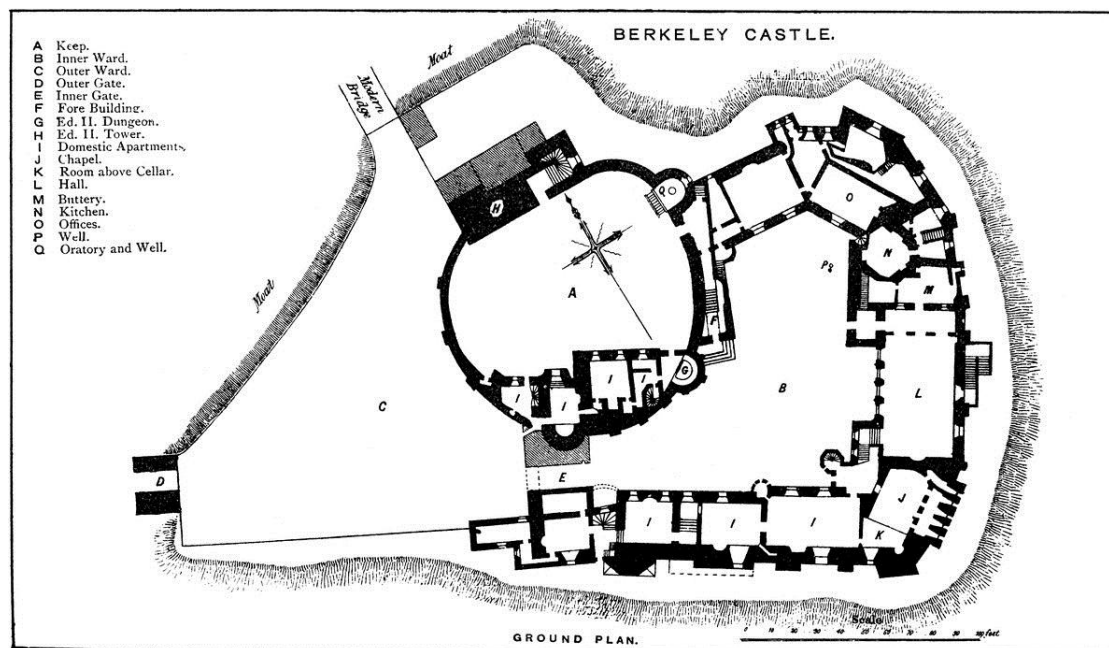
Королева Елизавета сдала его в аренду сэру Эдварду Кэри, чей внук использовал его материалы для строительства Беркхэмпстед-Плейс, с тех пор он сдавался в аренду разным лицам и, наконец, был продан Эгертонам, чей потомок по женской линии, граф Браунлоу, также является владельцем прилегающего парка Эшридж.

ЗАМОК БЕРКЛИ, ГЛОСТЕРШИР.

РЕКА Северн ниже Шрусбери, которая на карте, по-видимому, отмечает естественное разделение между Англией и южной частью княжества Уэльс, на самом деле не является и никогда не была разделительной линией. В тех краях это даже не граница графства, поскольку Глостер, Вустер и Салоп находятся по обе стороны реки, а большая часть их территории находится на ее западном берегу. Возвращаясь к шестому веку, когда западные саксы, начиная с побережья Хэмпшира и острова Уайт, сильно наседали на бриттов, многие свидетельства все еще показывают, насколько стойким было сопротивление, пока местность была благоприятной; но, когда однажды изрядно оттесненные через гребень Коттсволда, бритты, очевидно, быстрее отступали по открытой местности, и только после того, как было достигнуто начало возвышенности, мы находим работы, которые в изобилии показывают, насколько ожесточенной была борьба, насколько близкими и упорными были атаки. Возвышенность, образующая западный край Пограничья, густо усеяна лагерями, расположение и очертания которых указывают на то, что они британские, в то время как прилегающие границы Глостера, Херефорда и Шропшира покрыты насыпями со рвами, расположенными как внутри, так и за пределами дамбы Оффа, и которые показывают как масштабы английских завоеваний, так и то, как они поддерживались до восьмого и девятого веков и в течение них.

Норманны очень близко шли по стопам англичан, и хотя их крепости носили более сильный и постоянный характер, они занимают, по большей части, древние места. Три графства, от граничащего с ними Чепстоу, родины Стронгбоу, до Клана, колыбели дома Стюартов, были густо усеяны крепостями; некоторые, такие как Чепстоу, Годерик, Килпек, Эвиас, Херефорд, Ладлоу, Вигмор, замок Ричарда, Клеобери, Брэмpton, замок Бишопы и Клун, были либо очень укрепленными местами, либо удерживались могущественными баронами; другие, такие как Сент-Бриавель, Уилтон, Пеньярд, Уибли, Крофт, Клиффорд, Уитни, Эрдислей, Хантингтон, Линген, Хоптон, де Ботвуд, Сток-Сэй или Уотлсборо - либо укрепленные дома, либо замки меньшей площади и меньшей прочности. На линии Северна, в тылу всех этих городов, было всего восемь сколько-нибудь значимых: Бристоль, Беркли, Глостер, Хэнли, Вустер, Хартлбери, Бриджнорт и Шрусбери, и из них Беркли был во многих отношениях самым замечательным и просуществовал дольше всех.

ЗАМОК БЕРКЛИ.

- Крепость.
- В Внутренняя палата.
- С Внешняя палата.
- D Внешние ворота.
- Внутренние ворота.
- Переднее здание.
- G Изд. II. Подземелье.
- H Изд. II. Башня.
- I Внутренние апартаменты.
- Часовня Дж.
- K Комната над подвалом.
- L Холл.
- Маслянистый.
- На кухне.
- O Офисы.
- П Хорошо.
- Хорошее ораторское искусство.

Остальные замки представляют собой либо руины, либо вообще были снесены. От Бристоля осталась только часть склепа. Глостер, Хэнли и Вустер исчезли. В Бриджнорте видна только часть крепости, а в Шрусбери - фрагмент нормандской сторожки, сильно измененные стены зала и, что древнее всего, курган, придавший всему характер. С другой стороны, Беркли был заселен с момента своего основания и по сей день. После одного временного отчуждения от короны она всегда принадлежала одной семье, и изменилась настолько мало, насколько это соответствует современным обычаям и образу жизни.

Замок, церковь и городской округ Беркли, находящиеся в пределах сотни, которой они дали название, расположены на южной оконечности участка земли, который возвышается примерно на 50 футов над лугами на юге и западе, и дренаж оттуда осуществляется по каналу Литтл-Эйвон, который впадает в Пилл, или Ручей Беркли, и таким образом достигает

Северна, расширяясь здесь в устье реки, южный берег которой находится примерно в двух милях от замка. Замок стоит на южной оконечности возвышенности. В нескольких ярдах к северу от него находится приходская церковь с отдельно стоящей башней, и снова немного севернее находится город, выросший под защитой своего знатного соседа. Глубокий и полностью искусственный ров проходит между церковным двором и замком, пересекая возвышенность и отрезая и изолируя последнюю, которая защищает северную и западную стороны. Они, расположенные к югу и востоку, защищены естественным склоном, обрывистым и сделанным более крутым с помощью искусства. Луга, на которых возвышается замковая гора, будучи лишь немногим выше прилегающего Северна, раньше были обширным и почти непроходимым болотом, что значительно усиливало привлекательность этого места. Благодаря мастерству и многовековому труду они превратились в луга необычайной красоты и плодородия, образующие очаровательный передний план замка. За ними растут вязы и дубы, часто огромных размеров, окруженные частыми живыми изгородями, а вдалеке на западе - Валлийские горы, а на востоке - ближний откос Коттсволда, тут и там покрытый цветущими плантациями.

Город и замок геологически стоят на Старом Красном песчанике, который в нескольких ярдах к востоку сменяется скалами Ладлоу, которые снова покрыты мергелями Лайас и Нью-Ред, а ближе к Коттсволду - Нижним оолитом.

Как Уорик, Виндзор, Арндел и некоторые другие древние нагромождения, замеченные Шекспиром, —

“Вон там, у хохлатых деревьев, стоит замок”,

между его городом и парком, ныне, действительно, разрозненным, но простиравшимся далеко на юго-восток и пересеченным протяженной аллеей. Как и в случае с Уориком, здесь есть олений парк, полностью отделенный от замка.

Основной подход к замку лежит через город, при выезде из которого дорога, проходящая мимо церкви, ведет ко входу и пересекает ров по постоянному мосту, которым разводной мост был заменен Генри лордом Беркли в 1587 году, а за ним и частично стоящая на нем *внешняя надвратная будка*. Это прямоугольное здание без особых достоинств, пронизанное порталом с низкими сводчатыми арками на каждой грани. Проход явно перекрыт известковым туфом, а в верхней части свода находятся три квадратных отверстия, или *мертриеры*. Здесь нет ни верхнего этажа, ни, в настоящее время, каких-либо боковых башен или занавеса. Ниже уровня проезжей части есть подвал, в который можно попасть из канавы, но, вероятно, когда-то его засыпали землей. Эта надвратная будка может быть украшена по последнему слову техники. У нее нет опускной решетки. Со стороны рва боковые стены моста выглядят оригинально и, возможно, были, как и в Годерихе, боковыми стенами, между которыми находилась яма подъемного моста.

Входя во внешние ворота, посетитель оказывается на треугольной платформе, вершиной которой является внешняя надвратная будка, а основанием - внутренняя надвратная будка и часть крепости; слева современная стена, заменяющая занавес, венчает уступ рва и образует северную сторону платформы длиной 66 ярдов. Справа низкий парапет длиной 54 ярда образует южную сторону и венчает облицовочную стену высотой около 10 футов, у подножия которой в саду с террасой со вкусом разбит древний уступ. Эта треугольная платформа вряд ли является внешним ограждением: это скорее барбакан, прикрывающий главный вход и цитадель. Его площадь составляет 7750 квадратных ярдов. Нет никаких

следов второго рва перед этой стороной крепости и внутренними воротами, но весьма вероятно, что он был, хотя, если это так, его, должно быть, засыпали, когда к крепости пристраивали дворы, поскольку в противном случае он полностью занял бы их.

Цитадель занимает около 35 ярдов, или больше половины основания барбакана, и находится слева или к северу от надвратной будки. Часть его была удалена, и образовался большой пролом, показывающий, что внутренняя часть находится на высоте 22 футов над уровнем земли снаружи. *Дом у внутренних ворот* находится в том же месте, что и в Олнвике. На самом деле это не обычная сторожка, и у нее нет пристроенных по бокам башен или *машикули*, но входной проход пронзает высокую группу зданий, которые соединяют внутренние помещения с замком и замыкают круг главного двора. Портал имеет ширину около 11 футов и глубину 30 футов, а его крыша плоская и сделана из дерева. У него две арки. Справа находится дверь сторожки, а во внутреннем арочном проходе есть полукруглый *portcullis groove*. Выше находятся два этажа, через которые находятся двери, несомненно современные, в крепость. Вероятно, здесь был нормандский вход, простое отверстие в стене. Большая часть сооружения, похоже, украшена более поздними изменениями. К югу от ворот, по бокам от них, между ними и юго-восточным углом площади, находится небольшое здание в стиле тюдор.

Ворота открываются в *Большой двор* замка, примерно прямоугольное пространство, круглая крепость которого значительно заходит в его северо-западный угол, а остальная часть пространства окружена домашними постройками, построенными напротив высокого занавеса и полностью скрывающими его.

Этот двор, который, по сути, является замком, имеет внешнюю ширину на южной стороне 60 ярдов, а на восточной - 72 ярда, причем эти два расположены почти под прямым углом. Северная и западная стороны имеют длину около 60 ярдов и 76 ярдов соответственно, но северо-западный угол занят крепостной башней, которая занимает около 40 ярдов северной стороны и 42 ярда западной стороны, образуя часть *ограждения*. Здания выступают примерно на 30 футов, так что внутренняя и открытая части двора значительно уменьшаются по площади. Занавес, изначально толстый, был укреплен снаружи, вероятно, в Украшенный период, почти тридцатью широкими, толстыми и очень неуклюжими контрфорсами, некоторые из которых, вероятно, скрывают ранненормандские пилястры, поскольку большая часть стены, несомненно, относится к тому времени. Некоторые из этих контрфорсов пронизаны петлями, что демонстрирует огромную толщину стен.

При входе во двор слева находится высокая гладкая стена цитадели с ее передней частью и внешней лестницей, ведущей ко входу. Справа находятся хозяйственные постройки, гостиные, спальни и т. Д., простирающиеся до юго-восточного угла. Лицевая стена, хотя и сильно измененная и пронизанная окнами в стиле тюдор, по сути, кажется нормандской с большими декоративными изменениями. В стене прослеживаются заостренные нормандские арки. У этих зданий есть подвал и два верхних этажа. Неизвестно, стоят ли они на своде.

Часовня занимает юго-восточный угол. Холл примыкает к нему с восточной стороны, а кладовые, кухня и офисы занимают северо-восточный угол и северную сторону до самого замка. В южной стене, рядом с домиком у ворот, но на внешнем уровне земли, находится небольшой стрельчатый дверной проем, вероятно, задний, и соединенный с ним небольшим помещением, примерно на 6 футов ниже уровня двора, сомнительного возраста, но со старым дверным проемом. У него плоская крыша и деревянный пол в комнате наверху:

поскольку он заполнен мусорными баками современного погреба, осмотреть его невозможно.

The *Часовня*, посвященная Пресвятой Богородице, покоится на своде большого подвала и имеет размеры 29 на 18 футов. В него можно попасть через современную дверь в северной стене, к западу от которой сохранились следы того, что, по-видимому, было первоначальным входом. У него довольно плоский апсидальный восточный конец с тремя гранями; ризница, комната с фресками, выходит в нее на юго-восток. Южная сторона представляет собой внешнюю стену толщиной 14 футов; она пронизана настенным проходом, своего рода проходом на уровне пола, который открывается в часовню четырьмя слоистыми арками, каждая из которых соответствует окну или петле в занавеске. Здесь есть небольшая украшенная писцина. У западной стены находится что-то вроде двухъярусной скамьи, верхняя из которых представляет собой закрытую галерею для семьи, выходящую из основных комнат.

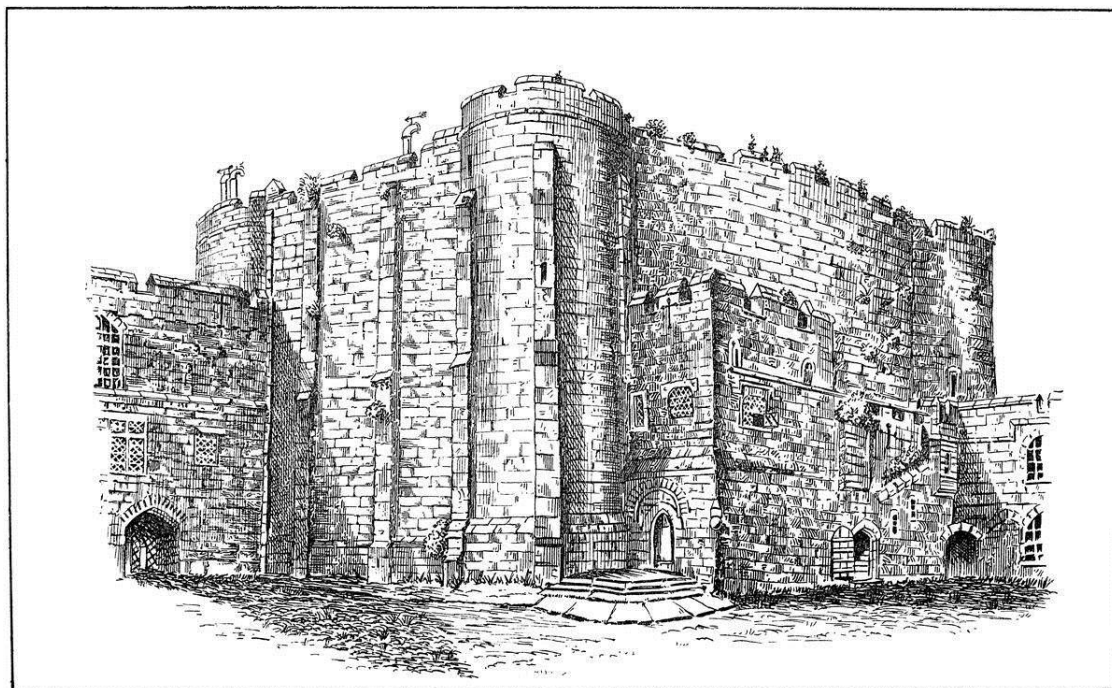
Крыша открытая, с очень низким уклоном, с выступающими из карнизов деревянными ребрами жесткости. Они вместе с поперечными ребрами разделяют крышу на большие панели очень необычного характера. Стены часовни выполнены в нормандском стиле, но крыша и фурнитура в основном украшены. Морис, лорд Беркли, 38 лет Эдуарду III., получено от папы Урбана II. бык, дарующий определенные духовные привилегии всем, кто молится здесь или в часовне в замке.

The *Подвал* под часовней является частью первоначального замка. Его уровень немного ниже пола зала. В плане это равносторонний треугольник со стороной около 40 футов. Его крыша состоит из трех шестиугольных пролетов, выступающих из трех шахт поздненормандского стиля. Девять треугольных сводов, примыкающих к стенам, завершают эту очень любопытную крышу. Отсюда открывается еще одно хранилище, тоже подвал, расположенное на более низком уровне примерно на 5 футов. Оно намного меньше и имеет ребристую сводчатую крышу. К сожалению, он используется как подвал и затемнен современной фурнитурой. В нем есть маленькое окно в стиле тюдор.

Из часовни и гостиной широкая деревянная лестница семнадцатого века спускается в холл на южном конце, или помост, в котором находится большой и красивый камин, вероятно, того же времени.

The *Зал* имеет ширину 32 фута и длину 61 фут и открытую остrokонечную крышу. Он построен на уровне земли напротив восточного занавеса, который имеет или был прорезан четырьмя окнами, тремя в холле и одним за маслянистой ширмой. Последний выполнен в поздненормандском стиле, с тонкими боковыми стволами. Три других полностью центрированы, с килевым выступом под углом и внутренним каплеобразом. Они кажутся украшенными и, без сомнения, заменяют нормандские петли. В западной стене, или во дворе, расположены четыре больших и высоких окна с плоскими верхушками и несколько своеобразной формой, по два световых окна в каждом, разделенных на четыре части тяжелой фрамугой. Верхние фонари имеют форму трилистника, нижние - лопаточные. Между каждой парой, снаружи, находится треугольный контрфорс. Вход со двора находится с западной стороны, в северном конце, через красивое и просторное крыльцо со сводчатыми потолками. Внешний дверной проем представляет собой арку, состоящую из четырех совершенно простых прямых сторон, частей восьмиугольника, похожих по очертаниям на те, что расположены над гробницами Беркли в Бристоле, известными местным жителям как арка Беркли. Это повторяется с добавлением некоторого орнамента во внутреннем дверном проеме, который открывается в узкую полосу зала, отгороженную ширмой. Слева, в

торцевой стене зала, находятся три изящные арки Беркли, ведущие в кладовые, центральная из которых раньше была дверью. Над этим проходом, высоко, находится небольшая музыкальная галерея, вероятно, эпохи Тюдоров или даже более поздней. Крыша зала плохая, но, как говорят, четырнадцатого века. Без сомнения, это оригинальный нормандский зал, перестроенный, что касается придворной стены, в Украшенный период.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

ЗАМОК БЕРКЛИ —ЦИТАДЕЛЬ.

Из холла.

В холле вполне уместно размещены более ранние семейные уставы, защищенные стеклом. Возможно, однако, учитывая их чрезвычайную ценность, связанную с замком, было бы безопаснее вернуть их в оружейную комнату и заменить для публичного показа фотографиями.

К северу, за нижним концом холла, находятся кладовые, кухня и кладовые, последние за занавеской. Кухня представляет собой неправильный шестиугольник со стороной в среднем 13 футов 6 дюймов. На трех более длинных сторонах расположены углубления для камина и вытяжки над местами для приготовления пищи. Первоначальные двери были в кладовой с одной стороны и в судомойне с другой, и там было два окна, выходящих во двор. Крыша ажурная, очень простая, тяжелая и бедная, и очень высокая. Говорят, что он был привезен из поместья Вуттон и помещен сюда Генрихом VII. Судомойка и т. Д. Занимают северо-восточный угол двора и, как и прилегающие помещения, имеют неправильную форму, повторяющую общие очертания замка. Кладовые, молочные и другие помещения находятся напротив северного занавеса, а из пекарни современный сводчатый проход ведет к древнему колодцу, который находится во дворе. Печь находится в северо-западном углу, и два смелых каменных ребра в виде ниспадающих арок пересекают камеру и придают жесткость ее сводчатому потолку. Все эти помещения образуют первый этаж и имеют верхний этаж. Их фасад, обращенный ко двору, кажется, был модернизирован, но по сути они украшены значительными остатками более старой нормандской ограды.

Сторожевая башня - самая интересная часть этого замечательного замка, поскольку она представляет собой башню-ракушку известной постройки. Он почти круглый, диаметром около 50 ярдов, а окружающая его навесная стена имеет толщину около 8 футов, что уменьшает его внутреннюю площадь почти до 45 ярдов. Земляной пол примерно на 22 фута выше внешнего основания, а стена, имеющая высоту 40 футов внутри, имеет высоту около 62 футов снаружи, причем нижние 22 фута являются облицовкой и очень толстые. По его контуру расположены три полукруглые выступающие башни или бастиона диаметром 20 футов, равной высоте завесы, которая, по-видимому, была открыта сзади или закрыта только бревнами. Один из таких выступов расположен на востоке и примыкает к северному занавесу замкового двора. В его основании находится колодец под бочкообразным сводом, а наверху, опираясь на него, находится молельня, посвященная святому Иоанну Крестителю. Западная, или торцевая, стена молельни и внешняя лестница, ведущая к ней, выполнены в современном стиле.

Молельня в настоящее время используется как кладовая. Церковные элементы сильно повреждены и затемнены. Восточная оконечность имеет полукруглую форму, и на ней сохранились остатки боковых стволов нормандского восточного окна и небольшая пещера. Похоже, она была сводчатой.

Вторая полукруглая башня находится на расстоянии 64 футов от первой и выступает на юг во двор, откуда открывается вид на внутреннюю сторону входа и подход к крепости. В нем, ниже уровня земли, но не намного ниже уровня двора внизу, находится круглое подземелье глубиной 25 футов, в которое был заключен Эдуард II. говорят, что его наконец-то отбросили.

Третья башня находится в 50 футах от второй и выступает на юг. Здесь также недавно была обнаружена камера, несколько похожая на уже упомянутую темницу, тоже без сводов и очень грубой каменной кладки, как будто это был простой фундамент, предназначенный для засыпки землей. Эти две последние башни перекрыты более поздней каменной кладкой, первая внутри, последняя как внутри, так и снаружи, поскольку она выступает в здания ворот. Поскольку эта башня никогда не предназначалась для такого сокрытия, это наводит на вывод, что цитадель была построена перед стеной внутреннего двора.

Помимо этих трех полукруглых башен, к северу находится четвертая, прямоугольная и гораздо большего размера, образующая часть внешней линии обороны. Это известно как башня Торпа, и, как говорят, семья с таким именем удерживала свое соседнее поместье Уонсвелл, защищая его. Эта башня имеет 64 фута в длину и 17 футов в глубину. Он образует часть занавеса с очень небольшим внутренним выступом. С каждого конца он расширяется в квадратную башенку, которая на западе 17 футов, а на востоке 20 футов. Западная турель и корпус башни считаются цельными, что крайне маловероятно. Вполне вероятно, что они были засыпаны землей, чтобы увеличить их сопротивляемость, когда замок подвергся обстрелу с церковного двора. Восточная башенка содержит квадратную лестницу-колодец из пятидесяти четырех ступеней, которая ведет к зубчатым стенам и по пути украшена фресками. Вход ниже на эту лестницу представляет собой оригинальную арку с полным центром, частично перекрытую. Эта башня несколько выше занавеса, с которым она не сообщается. Говорят, что изначально он был выше еще на несколько футов. Даже в настоящее время это самая высокая часть замка, и поэтому здесь развешивается фамильное знамя. Ниже и снаружи этой башни, к северу, расположены несколько современных офисов.

Между башней Торп и Колодезной башней в стене видны очертания углубления для петли, а над ним сегментарная арка и нормандская лепнина, сейчас заделанные. Вся южная сторона

территории крепости занята строительным блоком длиной около 80 футов и глубиной от 20 до 30 футов. Без сомнения, часть этого здания может быть оригинальной, но безусловно более заметная часть явно современна и, к сожалению, неуместна. Он прикрывает заднюю часть двух южных полукруглых башен, которые, таким образом, не видны изнутри.

Вход в эту крепость необычен. Обычно, как в Тамворте, Линкольне, Йорке, Кардиффе и Арунделе, вход в крепость-ракушку находился на уровне земли, а вход в прямоугольную крепость, как в Касл-Райзинге и Дувре, - на первом или втором этаже. Здесь, однако, можно сказать, что выполнены оба условия, поскольку, хотя вход находится на уровне земли, что касается внутренней части крепости, он находится на высоте первого этажа над землей снаружи, и эта высота достигается внешней лестницей, охраняемой средними и нижними воротами, а над последними - обычной башней. Это форстроение является обычным для прямоугольных крепостей, но не встречается нигде в корпусных крепостях. Здесь *Форпост* имеет 72 фута в длину и примыкает к юго-восточной стороне крепости или к той, что находится во дворе. В ширину он варьируется от 15 до 10 футов. Пять ступеней ведут к его внешним воротам, большой арке во весь центр, заключенной в простой лепнине со скошенными углами. Поскольку дверной проем был заблокирован и уменьшен в размерах за счет перпендикулярной работы, его косяки скрыты или, возможно, были сняты. Внутри находится сводчатый проход, ведущий через надвратную башню, которая имеет площадь 15 квадратных футов и верхний этаж. От дверного проема двадцать четыре ступеньки ведут на открытую платформу, справа от которой находится высокий парапет, а слева - стена цитадели. В начале лестницы выступ справа служит входом на верхний этаж над воротами. Это небольшая комната, освещенная двумя окнами и стрельчатой петлей. Два больших окна и дверь датированы эпохой Тюдоров, как, возможно, и вся комната; но если так, то это перестройка, поскольку первоначальная башня, должно быть, была построена по тому же образцу. В комнате стоит старинная кровать и несколько занавесок для рукоделия или гобеленов, очень ранних, но редких для эпохи Эдуарда II, чьими покоями, по слухам, были эти покои.

Немного дальше от начала лестницы, у стен, справа и слева, видны перекладки средних ворот, а впереди, в стене Ораторской башни, видна лепнина крыши. Следовательно, могло бы показаться, что лестница, как и в Castle Rising, была перекрыта полностью.

Главный вход в цитадель открывается с площадки у начала лестницы. Это красивый дверной проем с полной аркой, закрытым тимпаном и плоской головкой. По бокам от него располагались богато украшенные шахты, одна из которых сохранилась до наших дней. Этот портал открывается в сводчатый проход в стене крепости и ведет в крепость под оригинальной аркой, украшенной нормандской лепниной. На косяках выполнен очень смелый шевронный узор. С внешней площадки ведет узкая лестница к зубчатым стенам занавеса над пекарней; но это может быть дополнением, поскольку обычно каждая часть нормандской крепости была закончена сама по себе и не имела прямого сообщения с какой-либо другой частью замка. В стене есть еще одна параллельная лестница, но выходящая наружу и ведущая в помещение над пекарней. Это не оригинально.

Крепость построена из чрезвычайно грубой бутовой кладки. На двух частях его фасада расположены девять узких и неглубоких пилястровых полос: три по направлению к барбакану и шесть между внутренними воротами и передним зданием. Крепостная стена имеет грубый цоколь, без выступов или бечевки. Очевидно, что здесь, как и в Йорке, и в других замках-ракушках, вдоль стен располагались жилые помещения с верхним этажом, расположенные по кругу вдоль стены с открытым двором в центре. Вероятно, они были деревянными. В части крепости, ведущей к барбакану, есть пролом шириной около 40 футов

до уровня внутреннего пола. Говорят, что эта часть стены была частично разрушена во время атаки генерала Мэсси, а затем была расширена до ее нынешнего состояния, как при Кенилворте, скорее из любезности, чтобы сделать замок непригодным для жилья, не повредив его как жилое помещение. Если бы крепость была взорвана, как обычно, с помощью пороха, она имела бы совсем другой вид.

Если бы каменную кладку замка Беркли демонтировали, как в Килпеке или Эвиас-Гарольде, то от его остатков остался бы земляной холм и пристроенная с трех сторон к нему платформа, вся окруженная рвом или насыпью. На самом деле это был бы окруженный рвом холм с пристроенной платформой, характер которого был бы очень распространен в Англии, на Валлийских рубежах и в Нормандии и напоминал бы такие сооружения, как Тамворт и Таучестер, даты которых приведены в "Англосаксонской хронике". Таким образом, напрашивается вывод, что Беркли был резиденцией английского лорда, вероятно, с девятого века. Если бы крепость была оригинальной нормандской постройкой, едва ли вероятно, что для нее была бы выбрана форма корпуса или что при таком выборе ее нижние 22 фута были бы засыпаны землей. Очевидно, норманнский строитель, найдя окруженный рвом холм небольшой высоты, но значительной ширины, соорудил вокруг него свой панцирь, как в Понтефракте, в качестве облицовочной стены, и на нем, когда вершина холма была свободна, поднял свой занавес. На более низком уровне, вдоль откоса существующего рва, он или его непосредственный преемник возвели стены, которые тогда, как и сейчас, вмещали в себя весь замок.

Все основные стены замка либо нормандские, либо перестроены на нормандском фундаменте, или очень близко к нему. Вероятно, крепость была построена первой, а двор огорожен вскоре после этого. Много было сделано в Украшенный период. По крайней мере, внутренняя стена зала была перестроена, и, возможно, ее расширили. Было пристроено крыльцо, часовня сильно переделана, а хозяйственные постройки, возможно, выпотрошены и переделаны заново. Генрих VII, вступив во владение, по-видимому, внес некоторые незначительные изменения, и с тех пор были добавлены другие.

Беркли - редкий пример поместья, которое происходит по мужской линии от правления Стефана, а по женской - от Нормандского завоевания. Первый из последних предков указан как лорд Беркли в Domesday; первый из первых также указан там, хотя и как владелец других поместий. Немногие из наших старейших семей, если таковые вообще есть, могут сказать это с уверенностью, но более того, владение Беркли было "по праву барона", и с момента завоевания они были баронами королевства, сначала по праву владения, а когда, в правление Генриха III, владение вышло из употребления, то по судебному приказу; но по тому или иному праву они всегда заседали в великом совете нации.

Нет никаких оснований предполагать, что у римлян было какое-либо поселение в Беркли. Их лагеря и виллы часто встречаются в окрестностях, через которые проходили римские дороги, но об их присутствии в самом Беркли нет никаких других свидетельств, кроме того факта, что две главные улицы города пересекаются в его центре под прямым углом на римский манер.

Однако есть свидетельства существования религиозного дома в Беркли в восьмом веке. Тилер, епископ Вустерский в 778 году, по-видимому, ранее был аббатом Беорклеи, как и Этельдун, также его преемник в Вустере в 915 году. Таннер считает, что семья в Беркли, упомянутая в Актах синода в Кловшоу в 824 году н.э., может относиться к здешнему религиозному дому. Там также был женский монастырь, поскольку хартия Аделизы,

королевы Генриха I., передает церкви Рединга, Беркли Херн, то есть церкви Беркли, с приложенными к ней пребендами и пребендами *"duarum monalium"*, что, по-видимому, относится к женскому монастырю. Камден говорит, что женский монастырь был упразднен графом Годвином во времена правления Исповедника, и сохраняет скандальную историю, связанную с этим, которая получает некоторое подтверждение из любопытной записи в "Судном дне", откуда явствует, что Гита, жена Годвина и мать Гарольда, получила Ульсестре, недалеко от Беркли, от своего мужа, который купил его у Азора, чтобы она могла жить там, пока не переедет в Беркли. *"Nolebat enim de ipso manerio aliquid comedere pro destructione abbatiæ."*

В "Судном дне" Беркли фигурирует как королевское владение и свободный район, который принадлежал Исповеднику Уильяму, но принадлежал ему Роджеру, прозванному оттуда из Беркли. Это был глава сокэ, или баронства, поскольку к нему были прикреплены "Лишившиеся", или прихожане, из двадцати одного соседнего прихода. Замок не упоминается, но в "Нессе", вероятно, Шарпнесс, был *castellum*, или кастеллет, на который претендовал тот же Роджер. Его владения в Либер Нигере указаны как $2\frac{1}{2}$ рыцарских гонорара. Он щедро пожертвовал приорату Стэнли и умер там в 1096 году. Уильям, его племянник, унаследовал престол, и у него родился сын Роджер, отец Роджера, все они владели Беркли и обозначены его именем. Этот последний Роджер был сторонником короля Стефана и был изгнан из Беркли Генрихом, который передал Беркли Роберту, сыну Хардинга, префекта Бристоля, который умер в 1170 году 16 Генриха II в возрасте семидесяти пяти лет, оставив Мориса Фитцхардинга, своего сына. Чтобы прекратить вражду между обездоленными и новым лордом, Генрих заключил двойной союз: Хелен, дочь Фицхардинга, была замужем за сыном Роджера де Беркли, а Элис, дочь Роджера, - за Морисом Фицхардингом из Беркли. В результате старые Беркли вернулись в свое поместье Кьюберли и в конце концов вымерли, а Фицхардинги вместе с поместьем носили фамилию Беркли и так и остались. В то время Поместье, или светлость, иногда называемое "Честь Беркли", включало более тридцати приходов и простиралось на большую часть из ста. Он был оценен в 160 шкур, а основная арендная плата составила 70 фунтов стерлингов.

Генрих на момент дарения был всего лишь герцогом Нормандии, причем слабым, а Фицхардинг был важным человеком; поэтому герцог обращается как равный с равным и вместе с поместьем дает обещание построить ему замок по его вкусу. "И пепиги и фирмаре иби кастеллум второй добровольный ипсиус Роберти", и, с другой стороны, Роберт обещает быть сеньором Генриха. Генрих посетил Беркли в 1155 году, когда, без сомнения, было начато строительство нынешнего замка. Хартия Генриха в отличной сохранности хранится в Беркли.

Другая хартия Генриха, когда он был королем, также сохранившаяся там, передает Роберту Фитцхардингу поместье Берклай-Хернесс в пользование одного рыцаря или, если он предпочитает это, 100 шиллингов в год. Третий устав является почти копией второго, но в нем говорится о службе в составе пяти рыцарей и ничего не говорится о составе. Существует также хартия, напечатанная Дагдейлом, по которой Роберт Фитцхардинг передает определенные церкви святому Августину в Бристоле. Это самые ранние документы о праве собственности семьи. Церковь Святого Августина была основана этим Робертом в 1142 году и освящена в 1148 году. Он умер в 1170 году.

Говорят, что ров между замком и церковью выкопал Морис, сын Роберта. Вероятно, он его углубил. Также считается, что он построил внешнюю часть замка короля Генриха, включая две сторожки. Он умер в 1189 году.

Роберт, его сын, носил фамилию Беркли. Он был вооружен против Джона, который удерживал замок с 1211 года до своей смерти в 1216 году. Лорд Роберт умер в 1220 году. Его брат, лорд Томас, принимал Генриха III. здесь в 1220 году. Он умер в 1243 году. Морис, его сын, принимал здесь принца Эдуарда в 1256 году. Он приумножил поместья и, как говорят, укрепил замок. Томас, его сын, шестой лорд, был отличным солдатом и служил при Бэннокберне. Он умер в 1321 году. Морис, его сын, участвовал в борьбе против Деспенсеров и был заключен королем в тюрьму до своей смерти в 1326 году. Эдуард захватил замок, который удерживали Деспенсеры. Лорд Томас, его сын и преемник, принял Эдуарда II. здесь в плену 15 апреля 1327 года, а здесь король, по-видимому, был убит Мальтраверсом и Гурне 21 сентября 1327 года. В казну была внесена плата за молитвы за упокой его души в часовне замка.

Лорд Томас владел замком с 1326 года до своей смерти в 1361 году. Он сражался при Кресси и Пуатье и, вероятно, заработал деньги на войнах, поскольку считается, что он произвел большие переделки в замке, и, вероятно, холл и украшения в целом - его рук дело. Говорят, что он построил Торп-Тауэр. Возможно, он и возвел его, но, по-видимому, ему столько же лет, сколько крепости. Арка Беркли, которую в совершенстве можно увидеть в Сент-Луисе. Августина Церковь, ныне кафедральный собор Бристоля, и вот представил, как было положено, в более простом виде, приписывается Ноул, наместник Свято Августина, от 1306 до 1332. Связь Беркли с монахами Святого Августина была тесной, и вполне вероятно, что оба использовали одного и того же архитектора.

Другой Томас, внук первого, принимал здесь Ричарда II в 1386-137 годах. Это лорд Беркли, упомянутый в "Ричарде II" Шекспира, когда замок описывается как...

- Укомплектованный, как я слышал, тремя сотнями человек,

И в нем участвуют лорды Йорк, Беркли и Сеймур".

Лорд Томас объявил о низложении Ричарда в парламенте в 1399 году. Иоанн Тревизский, чьи переводы из Апокалипсиса до сих пор можно увидеть на ребрах крыши часовни в Беркли, был викарием этого прихода при жизни этого господина. У лорда Томаса осталась только дочь, вышедшая замуж за Ричарда Бошана, графа Уорика, который упорно, но тщетно, пытался свергнуть наследника мужского пола, Джеймса де Беркли. Лорд Уорик предстал перед замком в 1418 году с вооруженными силами, и его наследники предпочли судебный процесс, который длился 150 лет и периодически перемежался стычками, одна из которых, известная как битва при Нибли-Грин, привела к урегулированию спора, когда лорд Лайл, истец, был убит на поле боя Уильямом лордом Беркли. Уильям, следующий лорд, был назначен Ричардом III графом Ноттингемом, а Генрихом VII - маркизом Беркли, в обмен на что он отчуждал поместье у своего брата и наследника мужского пола в пользу последнего короля и его наследников мужского пола, и Беркли не возвращали его до смерти Эдуарда VI. и краха королевской мужской линии, когда замок был возвращен Генрихом, который восстановил титул Беркли, после отчуждения продолжительностью 61 год, 4 месяца и 20 дней.

Генрих VII. Говорят, что кухню построил он, но, вероятно, он только накрыл ее новой крышей.

Во время парламентской борьбы лорд Беркли, по-видимому, был умеренным роялистом, имевшим сильных друзей среди парламентских лидеров. В 1642 году он был сдан подполковнику Артуру Форбсу для работы в парламенте, но не был разграблен, и даже находившееся в нем оружие не было изъято. Вероятно, этой умеренностью злоупотребили, поскольку 24 сентября 1645 года церковь, удерживаемая сэром Чарльзом Лукасом, была

взята штурмом с церковного двора полковниками Рейнсборо и Морганом, и солдатам была разрешена бесплатная добыча. К счастью, в момент победы поступил срочный приказ о выступлении войск на помощь Фэрфаксу, в результате чего добыча увеличилась на 5 тыс. голова. Те товары, которые были изъяты, были опрошены и возвращены, и главное зло, по-видимому, было нанесено только в военной комнате, где были разорваны и изуродованы хартии и свидетельства о праве собственности. В 1646 году надворные постройки были разрушены, а оружие, боеприпасы и подъемный мост перевезены в Глостер. Вероятно, большая брешь была проделана рабочими, занятыми на земляных работах, что объясняет тщательность, с которой была срезана стена.

Джордж, лорд Беркли, был создан в 1679 году Карлом II, виконтом Дурсли и графом Беркли, титулы сохранились до сих пор.

ЗАМОК БОДИХЭМ, САССЕКС.

ПРИМЕРНО в четырех милях ниже древнего монастыря Робертсбридж и в четырнадцать милях по своему извилистому течению выше впадения в море ниже старого порта Чинкве-оф-Рай, Ротер, значительная река Сассекса, принимает с севера важный приток, известный как Кент-Дитч, и с незапамятных времен является границей двух графств. Воды встречаются наискось, и между ними проходит язык или мыс возвышенности, сужающийся и постепенно понижающийся к месту соединения, и занятый церковью, деревней и замком Бодихам.

Кем был Боди, или Боде, чей дом был основан именно здесь, неизвестно. Он, очевидно, был саксом, и, судя по расположению его поместья, вероятно, древнего, давшего название трактату, отвоеванному с оружием в руках у бриттов. Хэм - здесь очень распространенное окончание собственных названий мест, варьирующееся от Херста, Дена и Лея и других менее распространенных, но не менее саксонских наименований.

Церковь стоит на возвышенности, немного севернее центра мыса, замок примерно в 600 ярдах к югу от нее и примерно на половине расстояния от Ротера, примерно в тридцати футах над его уровнем. Река Ротер, здесь и ниже по течению, пересекает широкие участки низменности, ныне плодородные луга, но в прежние времена, очевидно, труднодоступные болота. Таким образом, позиция между двумя реками с их болотистыми берегами была защищена природой с юга и востока, с той стороны, откуда после полного изгнания бриттов и в раннесаксонский период в основном следовало опасаться опасности.

Более ранние лорды, как саксонские, так и нормандские, которые дали название Бодихам и получили от него свои имена, разбили свою усадьбу на северной стороне возвышенности, на некотором расстоянии от церкви, и на правом берегу Кентского рва, где это место до сих пор обозначено некоторыми земляными валами и рвом. Ближе к церкви, но к югу от нее, на склоне холма, над нынешним замком, находятся остатки другого земляного вала прямоугольной и продолговатой формы, на месте, вероятно, либо раннего жилища, либо еще более раннего лагеря.

Ниже этого выступа, на южной окраине и непосредственно внутри склона, лорду Бодихама, ставшему таковым благодаря браку с его наследницей, было угодно основать новую резиденцию. Сэр Эдвард Дэлингруг, успешный солдат, прошедший суровую школу Черного

принца и его капитанов, из которых его непосредственный начальник, сэр Уильям Ноллис, был одним из самых суровых, занимавший доверенные должности при Ричарде II., решил построить здесь замок, соответствующий его рангу, богатству и военной славе; и получив в 9 году правления Ричарда 1385-1386 годов королевскую лицензию, он построил описанный здесь замок с огромными затратами как на земляные работы, так и на каменную кладку.

Бодихам - здание, представляющее очень большой интерес. Это законченный и типичный замок конца четырнадцатого века, полностью построенный на новом месте по единому проекту и в один период. Но редко случается, чтобы великая крепость была полностью оригинальной, одной, и притом известной, даты, и поэтому полностью свободной от изменений или дополнений. Более того, она попала в хорошие руки. Было сделано достаточно, но не слишком много, чтобы остановить воздействие времени и погоды. Ремонт был выполнен хорошо, из Уодхерст-стоуна, подходящего материала; и, несмотря на то, что за ним хорошо следят, он открыт для всех, кто захочет его посетить.

По плану и деталям Бодихам принадлежит к раннему перпендикулярному стилю и занимает среднее положение между Кэрфилли, работой конца XIII века, и Крессилом, всего на несколько лет позже Бодихама по времени, но намного позже по стилю и аранжировкам. Как и у этих замков, у него нет крепости, и его внутренние постройки построены внутри и у стен двора, но в то время как Кэрфилли, как Харлех и Ледес, концентричен и имеет узкий внешний двор, Бодихам и Крессл, как и Болтон, имеют только один двор, одну линию обороны и представляют собой всего лишь прямоугольные ограждения с прочными и высокими занавесями, по бокам которых расположены еще более высокие фресковые башни. Пеннард в Гауэре, хотя и относится к царствованию Генриха III. или его сына, в небольшом масштабе относится к тому же общему типу, что и Бодихам.

За исключением прилегающей реки и болота, непосредственная территория Бодихама не обладает никакими природными преимуществами. На склоне холма, примерно в 30 футах над уровнем реки, было выбрано что-то вроде платформы, и в ней был выкопан прямоугольный бассейн размером 180 ярдов к северу и югу, на 117 ярдов к востоку и западу и глубиной около 7 метров. На востоке вмещающий берег был полностью искусственным, образованным из раскопанного материала, как и в случае с прилегающими частями к северу и югу. Оставшаяся часть южного берега также была слегка приподнята.

С западной стороны, недалеко от северного конца, к раскопу спускался небольшой естественный выступ, который, будучи влажным, рассматривался как будущий питатель. Через нижнюю часть этого выступа, между ним и котлованом, была перекинута мощная дамба, образовавшая, таким образом, берег. Без сомнения, бассейн, устроенный таким образом, был задуман как пруд для хранения, когда ров был низким.

В центре или почти в центре раскопок был оставлен прямоугольный остров площадью более половины акра, искусственно приподнятый примерно на четыре фута и предназначенный для будущего замка, который, таким образом, на плане представлял собой участок размером примерно 50 на 46 ярдов, окруженный влажным рвом шириной от 35 до 65 ярдов. В настоящее время предусмотрен шлюз для случайного опорожнения рва, и, вероятно, изначально было построено что-то в этом роде, хотя это, конечно, было скрыто. Однако факт остается фактом: несколько энергичных рабочих могли в любой момент прорубить берег за несколько часов и таким образом лишить замок одного из его защитных сооружений. Однако грязь, пока она не высохнет, будет даже лучшим защитником, чем вода.

Таким образом, замок Бодихам представляет собой прямоугольное ограждение размером 152 фута к северу и югу, на 138 футов к востоку и западу, заключенное в четырех навесных

стенах. Под каждым углом находится барабанная башня диаметром 29 футов с выступом в три четверти, обрамляющая несколько граней. В центре северной стороны находится большая, а южной - меньшая сторожка, а в центре каждой из остальных сторон - квадратная башня. Таким образом, имеется восемь башен-фресок, четыре цилиндрических и четыре прямоугольных, что придает очертаниям приятное разнообразие. Кроме того, с восточной стороны есть выступ высотой 8 футов, содержащий часть часовни и ризницы. Все стены и башни поднимаются прямо из воды. Высота занавеса от воды до гребня парапета составляет 40 футов 6 дюймов, а башни на треть выше, или 54 фута. Наружные стены обычно имеют толщину 6 футов 6 дюймов, что также соответствует высоте парапетов. Лестничные башенки возвышаются на 14 футов над своими башнями, а дымоходы - примерно на 9 футов. Обе восьмиугольные и увенчаны миниатюрными зубчатыми стенами в стиле позднего перпендикуляра. Здесь нет водных ворот или заднего хода, как в Ледесе и Кэрфилли.

Большая сторожка у ворот - очень внушительное сооружение. Он расположен в плане а Т, горизонтальная ветвь образует переднюю часть шириной 30 футов, а вертикальная ветвь простирается так же далеко назад и содержит входной проход. Фасад состоит из двух башен, прямоугольных, но с сильно углубленными углами, так что центральная часть каждой башни выступает вперед в виде рельефного контрфорса шириной 15 футов и глубиной 6 футов. Весь он выступает из занавеса примерно на 15 футов, а между башнями, глубоко утопленными, находятся ворота.

Ворота имеют слегка четырехцентровую арку, очень простую и установленную в обычном неглубоком углублении с квадратной головкой, предназначенном, по-видимому, для установки платформы моста при подъеме. На шпандрелях видны следы отверстий от цепей. Все это помещено в более глубокое и простое углубление, заканчивающееся вверху четырехцентровой аркой, которая несет парапет, а за ней расположены три машикуляции, защищающие вход. Над дверью находится обычное окно камеры с опускной решеткой, а справа и слева другие окна, все маленькие и стрельчатые, некоторые в форме трилистника, а некоторые простые. Для этого используются две пары петель, у одной пары есть отверстия для промасл на каждом конце разреза. У другой пары отверстия большего размера только на нижнем конце. Именно стиль петли знаменует появление огнестрельного оружия. В косяках портала находится полукруглый паз для опускной решетки, а чуть дальше - пара складных дверей. Входной проход, шириной 12 футов и длиной 30 футов, необычайно высок. Он разделен поперечной аркой на две камеры, обе сводчатые. Первый, длиной 18 футов, имеет справа и слева небольшие стрельчатые двери, ведущие через узкий сводчатый и ребристый фресковый проход в ложи размером 11 на 10 футов. Слева находится вторая дверь, ведущая на круглую лестницу-колодец диаметром 8 футов и необычайно крутую, ведущую в верхние покои и на крышу и заканчивающуюся башенкой под углом к сторожке. Своды обвалились, но ясно, что они напоминали своды второй камеры. Под поперечной аркой находится вторая опускная решетка, а за ней вторая часть прохода. Это помещение площадью 12 квадратных футов, без боковых дверных проемов, сводчатое. Свод состоит из четырех ячеек, трех ребер и двух половинных или стеновых ребер, отходящих от каждого углового пояса и сходящихся в одном центральном, четырех боковых и четырех половинных выступах, расположенных на двух поперечных или ребристых выступах. Они прорезаны, как на воротах внутренней палаты Лондонского Тауэра, и, возможно, в каждой был цветок. Отверстия в центральной втулке имеют диаметр 6 дюймов, а в остальных - 4 дюйма. Эти отверстия вряд ли предназначались для обороны; они слишком малы и не выходят на четыре угла прохода. Без сомнения, в некоторые из них можно было бы воткнуть длинную пику, но вряд ли, чтобы быть полезным, в половинчатые отверстия рядом со стенами. Что касается заливки расплавленного свинца, смолы или масла, то такие изделия всегда были слишком дорогими, чтобы входить в состав

обычных боеприпасов для осады, и ни здесь, ни в помещениях с опускающей решеткой вообще нет печи для нагревания таких материалов в любом количестве.

Портал, ведущий из этого прохода во внутренний двор, имеет вторую пару дверей, а за ними вторую опускающую решетку. Это помещение не является частью обычной сторожки. Он образует своего рода крыльцо, выступающее из него во двор, и не имеет верхнего этажа. Лестница-колодезь слева открывалась со двора и вела наверх, к укрепленной платформе, которая опиралась на свод. Считается, что это дополнительное увеличение длины и защиты входного прохода характерно для Бодихама.

Над внешней частью прохода находится камера опускающей решетки. На каждом конце у него есть низкая четырехцентровая арка, которая при поднятии скрывала верх решетки, а над ней, на каждом конце, расположены обычные маленькие окошки. Вестибюль между лестницей-колодезем и этим помещением рифленый, а в центре находится большой выступ, вырезанный из листов. В сторожках-сторожках есть яма или подвал, возможно, погреб, возможно, просто углубление для сохранения полов сухими. Если это подвалы, то в них были ловушки этажом выше. Есть также, над подвалом, два верхних этажа.

Малая сторожка расположена напротив главных ворот, в центре южной стороны замка, и, хотя она такая же высокая, она намного меньше. Это простая башня площадью 22 квадратных футов, выступающая на 15 футов вперед от занавеса, но без внутреннего выступа. Внешние ворота находились в центре башни и имели опускающую решетку, а за ней находились складные двери. Входной проход площадью 11 квадратных футов, сводчатый, как большие ворота, но не такой высокий. Справа и слева расположены петли, поднимающие занавес. Дверь в западной стене открывается на обычную лестницу-колодезь, расположенную в северо-западном углу. Там нет сторожки. Внутренний портал был закрыт только дверями. Она вела в коридор в нижнем конце большого зала.

Перед этой сторожкой и за ее пределами на 9 футов вдаются в ров две стены толщиной около 3 футов. Они, по-видимому, содержали между собой яму для моста, через которую от ворот был перекинут мост, на сохранившуюся поперечную стену. Яма засыпана. Напротив, противоположный край рва, на расстоянии 62 ярдов, облицован, и из него выступает полугексагональный пирс. Как было пройдено это промежуточное пространство, сейчас не видно. Вряд ли на лодке, потому что пирс, очевидно, предназначен для поддержания деревянного моста, и с него было бы неудобно добраться на лодке. Вероятно, там была пешеходная дорожка на перекладинах или деревянных опорах.

Таким образом, большая часть из двух сторожек - единственные башни с механическим управлением. Каждый ведет во двор замка, открытое пространство в 86 футов к югу и северу, на 76 футов к востоку и западу; вокруг которого расположены, напротив занавесей, хозяйственные постройки глубиной от 22 до 30 футов, некоторые в один этаж, некоторые в два, но все почти одинаковой высоты, и расположены так, чтобы скрывать занавес и нижние части башен от внутреннего двора.

Справа и слева от большой сторожки у зданий были цокольный и второй этажи. Те, что слева, или на востоке, были более богато украшены, поскольку находились ближе к государственным апартаментам. Северо-восточная и северо-западная башни сообщались с этими комнатами с каждой стороны. У них есть подвальные ямы с петлями, цокольный и два верхних этажа. Они несколько отличаются в деталях, но в каждом есть лестница-колодезь в стене ущелья, а также шкафы-фрески и камины на нескольких уровнях. Ямы круглые, камеры над ними шестиугольные.

Вдоль западной стороны расположены офисы и, вероятно, квартиры для прислуги, а также комнаты для гарнизона. В центре большой и красивый дверной проем с окнами с каждой стороны и следами веранды ведет в небольшую кухню, комнату размером 21 на 16 футов, с каждой стороны которой есть камин, с сужающимся туннелем и арочным изголовьем с размахом 12 футов и высотой 2 фута. Нет ни капота, ни выступа. Крыша была открытой на уровне зубчатой стены. Над дверью, по-видимому, проходила галерея, куда входили из комнаты с южной стороны, а под ней в стене тоже была дверь.

Следующая к югу ограда, по-видимому, была двухэтажной. Нижняя комната размером 38 на 22 фута, вероятно, предназначалась для хранения вещей или прислуги; верхняя была малым залом. В нижней комнате было два окна во двор и маленькая дверь, и, возможно, между окнами находился неглубокий камин с ярким колпаком. Наверху находилась благородная комната того же размера. Нижняя комната выходила в западную башню. Эта башня, как и восточная, имеет ширину 25 футов, глубину 21 фут и выступ от занавеса на 15 футов. Подвал здесь, очевидно, был погребом. Он имеет три петли, расположенные немного выше уровня воды. Лестница-колодец в юго-восточном углу ведет вверх от уровня земли.

Вдоль южной стороны располагались большая кухня, кладовая и большой зал. Кухня размером 33 на 24 фута занимает юго-западный угол и сообщается с соседней угловой башней. В северной и южной стенах есть два больших камина шириной 12 футов. В первом из них на западном косяке установлена духовка - запоздалая мысль, поскольку она выходит в соседнюю комнату. У другого был большой каменный колпак, от которого сохранился один пружинящий камень, и он подкреплён поясом, расположенным в углублении, чтобы воспринимать его толчок, как в Сен-Бриавеле. Кухня имела открытую высокую крышу. Далее идет двухэтажная кладовая со следами погреба внизу. Он имеет размеры 18 на 24 фута и открывается в холл тремя равносторонними арочными дверными проемами бок о бок, каждый в направлении холла, с глубокой полостью ранней перпендикулярной лепки. Они вели в коридор под музыкальной галереей.

Зал был примерно 50 футов в длину и 26 футов в ширину, с открытой крышей. В конце южной стены, на возвышении, было окно с двумя светильниками и фрамугой; нижняя пара имела квадратную форму, верхняя - заостренную. Все это находится в углублении с плоской сегментарной дугой. Говорят, что в северной стене было два окна, выходящих во двор, и здесь, вероятно, находился камин, поскольку здесь, похоже, были в моде каминные, а не центральные очаги. Сохранилась дверь в холл. Это красивый арочный проход с двойной лепниной оgee. Он открывался под музыкальной галереей, а на другом конце этого коридора находился вход в меньшую сторожку, так что со двора был доступ к воротам через проход, отгороженный от занятой части зала. Конечно, меньший шлюз использовался только для пеших пассажиров. Похожий проход пересекает нижний конец, но не самого зала, а сводчатых помещений под залом в Кенилуорте.

Государственные апартаменты и часовня занимали восточную сторону, и первые, по-видимому, в основном были двухэтажными.

В конце зала находилась большая комната, называемая оружейной, из которой открывался вид на юго-восточную башню. Здесь цокольный этаж имеет шестиугольную форму и был сводчатым. Свод обвалился, но сохранились карнизы, шесть фронтонов и ребра жесткости стен. Вероятно, это был частный склад или подвал, поскольку в нем не было ни каминной, ни гардеробной, и хотя своды были изящными, в помещении, находящемся на уровне воды или немного ниже, должно быть, всегда было сыро. Верхние этажи были деревянными.

Вероятно, термин "оружейная" является современным, и здесь находились гостиные, к которым вел проход с северного конца помоста, за пределами зала. Там сохранилась каменная платформа, которая, по-видимому, была заложена для проведения такого прохода.

К северу от этих комнат находятся следы других, которые сообщались с восточной башней и часовней и, вероятно, были частными апартаментами с окнами во двор. Под всем этим находился ряд подвалов, ниже уровня двора, но с дверями и петлями, ведущими наверх.

Далее следует часовня размером 29 на 19 футов с большим стрельчатым окном в три фонаря на восточном конце. Деревянный пол покрывал подвал с петлей, ведущей во двор, и дверью в южной стене. В восточном конце есть массивная платформа для алтаря, а рядом с ней небольшое северное окно. К югу находится небольшая писцина с простым заострением, а рядом с ней стрельчатая дверь, ведущая по ступеням в сводчатую и украшенную фресками камеру размером 11 на 6 футов, предназначенную как ризница, с двумя шкафчиками и небольшим окном, выходящим на ров. Дверь часовни находилась в южной стене и вела из нижних частных покоев. Над ризницей находится комната побольше, с дверью, ведущей из верхних покоев, и квадратным окном с двумя светильниками в виде трилистников, выходящим в часовню; очевидно, это личное место лорда, откуда он, невидимый, мог присутствовать на мессе. Не было ни западной двери, ни прямого входа со двора. Похоже, у часовни была открытая деревянная крыша.

Каменная кладка по всему замку выполнена из превосходного тесаного камня, материала мелкозернистого, мягкого, но прочного песчаника. Украшений почти нет. В колодце было семь главных лестниц, каждая из которых заканчивалась восьмиугольной башенкой, служившей изголовьем. Лестница не поднималась на вершину башни, которая была куполообразной и недоступной. Почти во всех комнатах есть камины, и очень многие украшены настенными панно в гардеробах, которые, кажется, были закрыты занавесками или вообще не были, поскольку нет никаких следов дверей. Их стрелы уходят внутрь стен и опускаются во ров под поверхность. Окна, как правило, маленькие, часовня и холл - единственные, которые имеют хотя бы сносные размеры, обращенные ко рву.

Барабанные башни выглядят старше, чем на самом деле, их стены-ущелья, общие пропорции и расположение, лестничные пролеты и стрельчатые окна, часто украшенные трилистниками, напоминают об эдвардианском периоде. Однако их шестиугольные интерьеры и смелая и простая лепнина, венчающая парапеты, относятся к перпендикулярному стилю. Дымоходы повсюду восьмиугольные, правильных пропорций, но простые, за исключением лепнины с боевыми элементами наверху. Возможно, они появились позже, чем замок.

Три гербовых щита над большими воротами символизируют Бодихам или Бодехам, Далинруж и Варде. Центральный, являющийся изображением основателя, расположен под углом под его шлемом и гербом. Над меньшими воротами также было три щита. Одним из них, без сомнения, был Дэлингруг, как и прежде, другим был Ноллис, из уважения к этому командиру.

Зубчатые стены, как правило, имеют ровный Л выступ с выступающим к полю гребнем. Зубцы намного шире амбразур, но не пробиты. В амбразурах крепление не повторяется. Не было обнаружено ни колодца, ни какого-либо свинцового трубопровода, как в Ледесе, где в замок поступала чистая вода из источника, расположенного неподалеку. В целом, замок для своего периода необычайно суров в обустройстве, в нем почти нет следов роскоши. Это был замок, а не поместье и не дворец.

Остается описать очень необычную особенность этого замка - подход к большим воротам. В настоящее время земляная насыпь шириной около 6 футов берет начало на северном берегу рва и проходит прямо, примерно 62 фута, к противоположным воротам. Затем он резко останавливается, и его головка облицована каменной кладкой, которая, однако, является современной. Напротив, на расстоянии 11 футов, между которыми течет вода, находится восьмиугольник высотой 16 футов с каждой стороны, или 40 футов в диаметре, возвышающийся как остров из рва и облицованный со всех сторон. Очевидно, между этим восьмиугольником и дамбой был какой-то перекидной мост. Был ли у этого восьмиугольника какой-либо надстрой, неизвестно, вероятно, у него был только парапет, следы которого сохранились.

Пересекая восьмиугольник по той же прямой линии, мы достигаем второго промежутка в 6 футов, а за ним находится прямоугольный остров примерно в 21 фут к северу и югу, шириной 20 футов, также облицованный со всех сторон, и на облицовке которого стояли стены барбакана. Таким образом, это было прямоугольное здание, пересекаемое входным коридором и имеющее дверные проемы на обоих концах, внешний из которых охранялся опускной решеткой, а внутренний - дверями. Проход был сводчатым и, по-видимому, с пазом. Похоже, что он состоял только из одной ступени, платформа опиралась на свод и зубчатые стены. В северо-западном углу находилась лестница-колодец, ведущая из коридора на крышу. Рисунок Гроуза показывает это так, как если бы это был боковой вход или вход для ног, чего, по-видимому, не было. Работа выполнена из превосходного тесаного дерева, но сохранилась только западная сторона.

Барбакан находится примерно в 54 футах от больших ворот и в настоящее время соединен с ними дамбой. Поскольку эта дамба кое-где видна облицованной, она может быть оригинальной, и в этом случае, возможно, она была разорвана с обоих концов, а соединение поддерживалось мостами, спускающимися с барбакана и с больших ворот. Это, однако, всего лишь предположение.

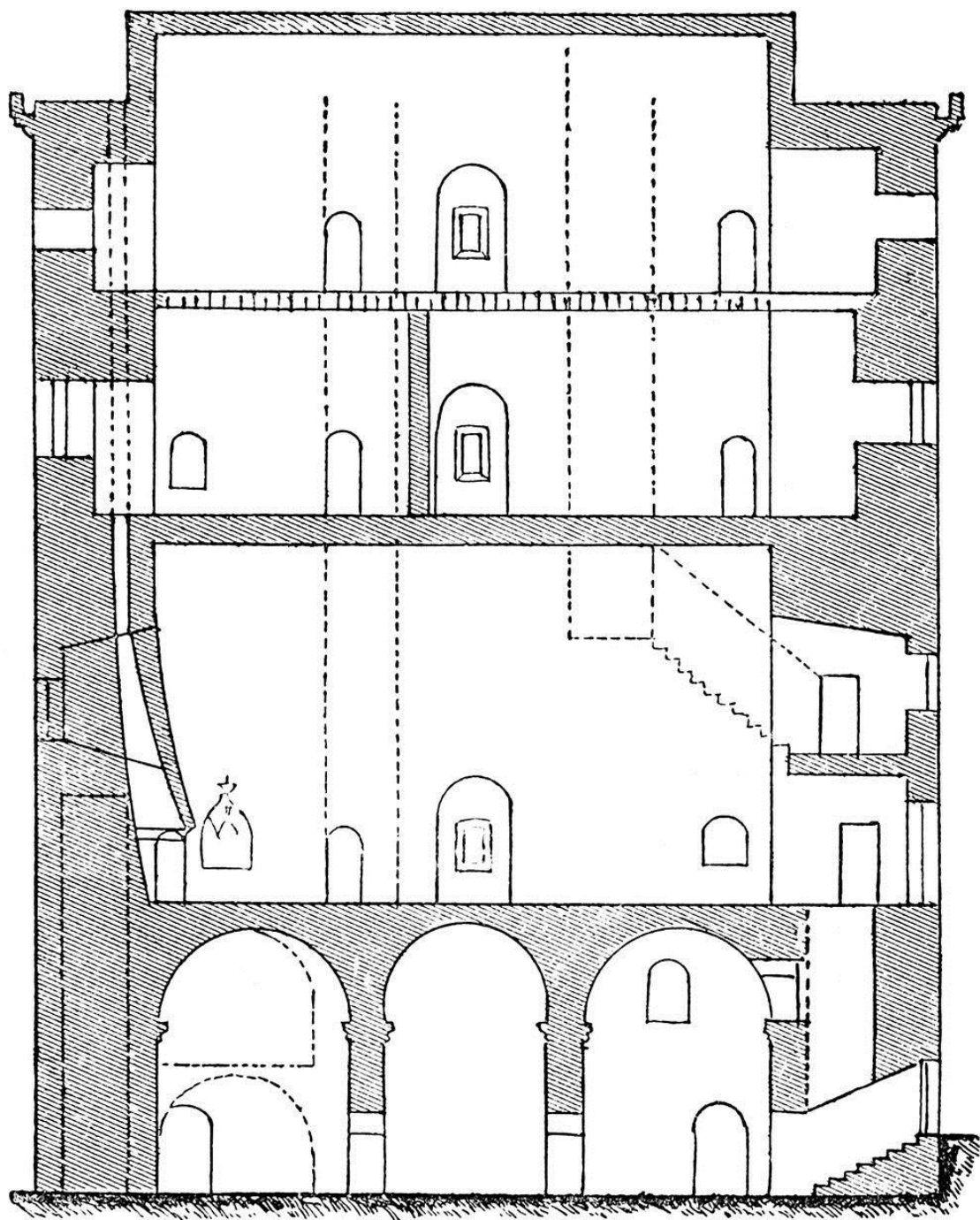
Возникли некоторые сомнения относительно того, как к восьмиугольнику изначально подходили с основной суши. Это сомнение вызвано наличием полукруглой каменной кладки, выступающей с западного берега в нескольких ярдах от его северного конца и, следовательно, противоположной восьмиугольнику. Поэтому предполагается, что дамба с северного берега является дополнением, и что другая дамба или какой-то вид сообщения была проложена от западного берега к восьмиугольнику на гораздо большем расстоянии, почти в три раза большем. Несомненно, похожий полупирс на южном берегу указывает на сообщение оттуда с малыми воротами, но здесь, по-видимому, нет никаких причин для предполагаемого удлинения и изгиба подхода. В целом, для каких бы целей ни предназначался западный мол, свидетельства говорят в пользу того, что подход всегда проходил по нынешней линии. Ни северный, ни западный берег не имеют серьезного возвышения. Тот, что на севере, несомненно, поднимается, но едва ли настолько, чтобы дать какое-либо большое преимущество лучникам, выставленным для досаждения тем, кто входит в замок, и, конечно, не большее преимущество, чем можно было бы получить от возвышенности на западе. Возможно, пирс предназначался для швартовки и защиты лодок, используемых по ту сторону рва. К этому полубаркасу вела дорога, которую все еще можно проследить.

Предполагается, что эта двойная надстройка во рву характерна для Бодихама. В Ледесе, действительно, есть два барбакана, но они находятся не совсем во рву, а на берегу и глубоко

углублены, так что вода обтекает их. В Кэрфилли есть единственный большой изолированный пирс в центре рва, ныне сухой, который соединялся подъемными мостами с большими воротами и контрэскарпом, и в данном случае его можно сравнить с восьмиугольником.

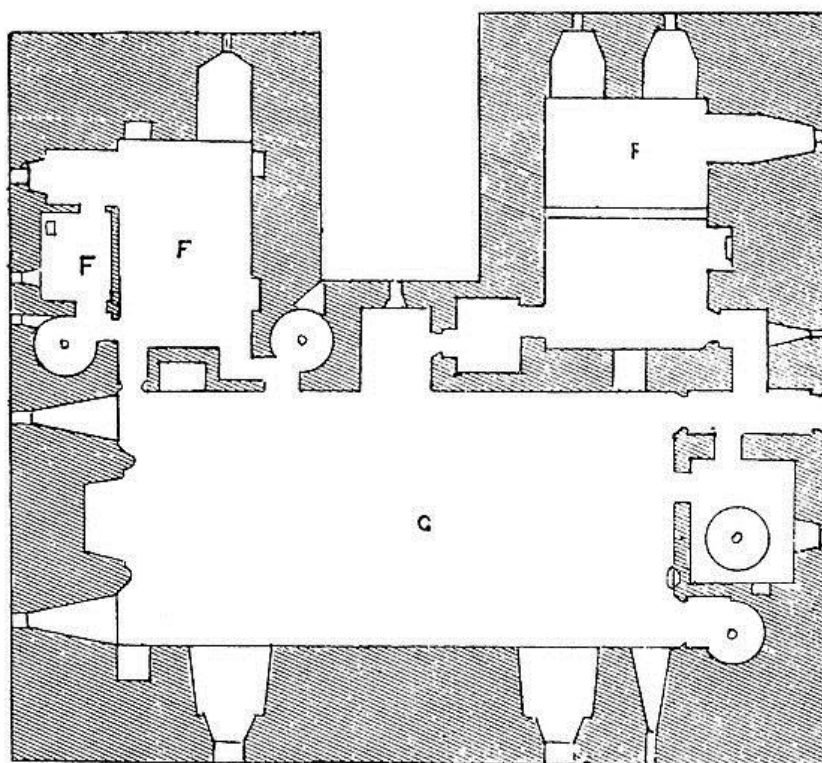
БАШНЯ БОРТВИК В МИДЛОТИАНЕ.

БОРТВИК был выбран и включен в эти примеры как благородный образец военной архитектуры и лучший сохранившийся образец башни Пил, столь знаменитой на шотландской границе; под "Пил" подразумевается цитадель, единственным значительным сооружением которой является башня, и которая стоит внутри обнесенного стеной базового двора или бармина средней площади. Здесь, действительно, размеры башни соответствуют размерам нормандской крепости, а двор, хотя и небольшой, охраняется бастионными башнями большого диаметра, но все же башня сама по себе является крепостью и, очевидно, была резиденцией лорда и его семьи не только во время осады, но и во все времена. Такие крепости, как Лохлевен и Уркварт на озере Лох-Несс, хотя и намного уступают Бортвику по прочности каменной кладки и величию, тем не менее являются замками, тогда как Бортвик - это Кожура.

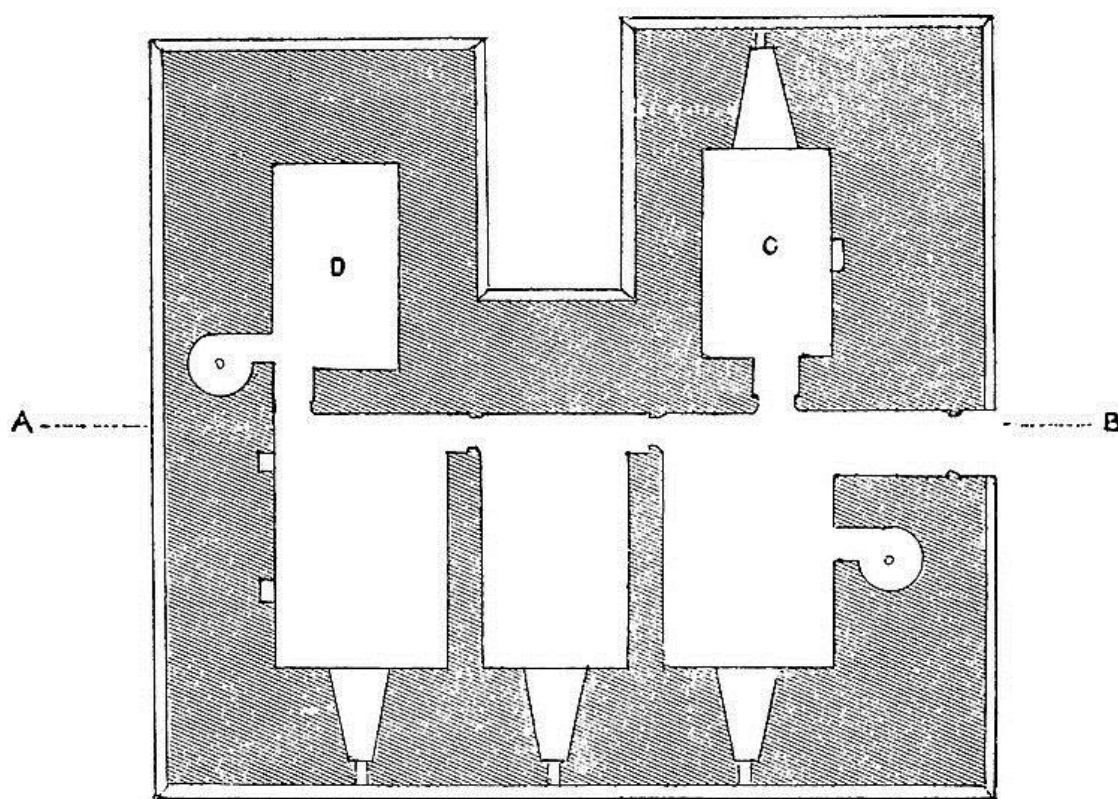
СЕКЦИЯ А В, ОБРАЩЕННАЯ НА ЗАПАД.

Несмотря на то, что Бортвик превратился в руины и был заброшен, вероятно, пару столетий назад, он все еще находится в сносном состоянии, сохранившись благодаря необычной толщине его стен и совершенству их каменной кладки, а также тому факту, что и подвал, и самый верхний этаж имеют сводчатые перекрытия, а верхние своды защищены каменной кровлей очень прочного характера. Все промежуточные деревянные перекрытия исчезли, а обширные полости заселены многочисленной колонией галок, чьи кучи гуано можно было бы с пользой убрать. За этим местом, которое до недавнего времени почти не нуждалось в уходе, не ухаживали, однако теперь буйная растительность на крыше вытесняет черепичные камни, и вода проникает под своды. Большие каминные трубы рухнули, и некоторые из меньших вот-вот рухнут. В настоящее время разумно потраченные несколько десятков фунтов стерлингов остановили бы разрушение, которое, если его не остановить, несомненно, через несколько лет обрушит верхние своды и приведет все сооружение к непоправимому разрушению.

SCALE OF 10 5 0 10 20 30 40 50 60 FEET

FIRST FLOOR.

BASEMENT.

С. Тюрьма. D. Кладовая. E. Кухня. F. Комнаты королевы Марии. Г. Холл.

БОРТВИКСКАЯ БАШНЯ.

Башня стоит на скалистом выступе, защищенном глубокими, неровными и лесистыми оврагами с юга, востока и севера. По двум из них протекают истоки Миддлтон-Берн, а ниже замка они соединяются и впадают в Гор-Уотер, которая, собирая свои источники из соседних Ламмермюрсов, течет параллельно железной дороге вниз по красивой пасторальной долине у Гор-Бридж, к Саут-Эск. Башня, расположенная над слиянием трех ручьев, является очень заметным объектом с железной дороги, привлекающим внимание путешественников замком Крайтон, расположенным в противоположном направлении, но в то же время находящимся в поле зрения в течение нескольких секунд.

Платформа, перекрытая базовым кортом, представляет собой неправильную фигуру, опирающуюся на землю, закругленную на востоке и представляющую прямые углы на север и юго-запад. Его размеры составляют около 80 ярдов к востоку и западу, по 35 ярдов к северу и югу. В юго-западном углу находится большая барабанная башня, а в центре южного фасада - еще одна, с квадратной задней частью, и есть следы третьей, закрывающей юго-восточный угол. Эти башни имеют диаметр 18 футов, подвал, первый и второй этажи, высоту около 23 футов над кортом и 35 футов над полем. На западном фасаде, рядом с угловой башней, находятся ворота; отверстие в очень плотной низкой завесе, круглое и, вероятно, того же времени, что и башня. У него был подъемный мост и опускная решетка, и, возможно, у него был низкий верхний этаж. Над дверью, снаружи, находится плоский антаблемент с лепниной в стиле Ренессанса, а прилегающий бастион и занавес пронизаны длинными петлями, расположенными горизонтально, очевидно, предназначенными для мушкетонов и, следовательно, вставок. Они похожи на те, что на северо-восточном бастионе городской стены Бервика. На южном бастионе сохранились оригинальные вертикальные петли для луков и стрел. Запад - это слабая сторона, для которой природа ничего не сделала. Соответственно, завеса с той стороны утолщена до 12 или 15 футов, и, возможно, там была канава, сейчас засыпанная.

Двор был разделен поперечной стеной, северной и южной, не очень прочной, а башня стояла в западной половине, на расстоянии шести-восьми ярдов от трех внешних стен. Северный занавес представляет собой беспорядочную грудку руин; на нем, напротив двери в башню, по-видимому, находилась масса каменной кладки, к которой, вероятно, вели ступени и которая служила опорой для каменной арки, через которую можно было попасть на главный вход или второй этаж.

The Башня имеет прямоугольную форму, 74 фута к северу и югу, 69 футов к востоку и западу и от 90 до 110 футов в высоту, причем последняя высота достигает конька фронтонов. На западном фасаде есть ниша, также прямоугольная, шириной 14 футов и глубиной 24 фута, так что здание в плане напоминает греческую заглавную букву П и может быть удобно разделено на корпус и крылья. Ниша расположена не совсем по центру, северное крыло имеет ширину 31 фут, а южное - 29 футов. Кроме того, последний, скорее, короче, так что северный фасад имеет размеры 69 футов, а южный - 68 футов. Расположение камер очень простое, все они прямоугольные и параллельны сторонам, но способ доступа к ним по лестницам очень сложный. Стены огромной толщины, северная сторона, или входная сторона, составляет 14 футов, а другая - от 10 до 11 футов. Стены ниши, будучи защищенными, несколько меньше и местами всего 6 футов. Примечательно, что эти толщины продолжают практически без уменьшения до самого верха. Стиль прост и суров, и хотя материалом служит ограненный камень удивительно тонкой работы как внутри, так и снаружи сооружения, украшений практически нет. Над внешней дверью, в неглубокой каменной нише, изображен святой или епископ на низком рельефе, а внутри находится красивая ниша под балдахином для статуи и что-то вроде государственного трона или сидища для господина. Каминные также хороши, а

два больших имеют великолепный характер и размеры. Эти украшения принадлежат к архитектурному стилю декорирования и соответствуют известной дате постройки здания - первой половине пятнадцатого века. Стены поднимаются от простого цоколя и заканчиваются прочными выступами на расстоянии 2 футов друг от друга и глубиной около 2 футов, между каждым из которых был "мертриер", а снаружи - низкий парапет, который сейчас убран. Как обычно в шотландских башнях, под каждым углом располагался низкий бартизан высотой в три четверти, опирающийся на карнизы и, вероятно, поднимающийся не выше парапета. Кроме того, три высокие крыши корпуса и крыльев возвышаются над стенами и находятся внутри них, отступая на расстояние от 6 до 8 футов. Дымоходы там, где они сохранились, высокие и красивые, а три лестницы-колодца, выходящие на крышу, были размещены в цилиндрических башенках с коническими крышами, из которых сохранилась одна, без навершия.

Подвал находится на уровне земли, примерно на 5 футов ниже внешнего отделения. Над ним находится первый этаж, который в основном занят большим залом, над которым находится второй этаж, содержащий часовню и верхний зал. Над этим находится третий этаж.

Подразделения крыльев менее высокие. Северное состоит из шести этажей, южное - из пяти. В разных частях здания есть пять лестниц-колодцев. Двое поднимаются с уровня земли на второй этаж и там останавливаются. Два других начинаются на этом этаже и поднимаются на крышу, обеспечивая промежуточные этажи, а еще один начинается на полпути по высоте холла, проходит по двум стенам в виде галереи и, наконец, поднимается в виде колодезной лестницы на крышу. Таким образом, с первого и верхних этажей был обеспечен свободный доступ к зубчатым стенам в случае опасности.

Подвал.—В теле есть три камеры, расположенные поперек, восточная и западная, бок о бок, все 23 фута в длину, центральная 14 футов в ширину, остальные 15 футов. Своды находятся на высоте 14 футов от пола, и в каждом из них, в восточном конце, есть большое арочное углубление, расположенное высоко и сужающееся в виде петли. На линии изгиба каждого свода находится ряд прочных выступов, очевидно, поддерживающих пол, что-то вроде антресоли без окон. Эти нижние камеры сообщаются дверями, а в южной стене самой южной находится ниша или шкаф. Внешний дверной проем, 6 футов шириной, на уровне земли снаружи, находится в северной стене и закрывается прочной дверью, за которой проход спускается на восемь ступеней. В той же стене есть лестница-колодец, которая поднимается из подвала на первый этаж и там заканчивается. Здесь, на полпути вверх, находится дверь в антресоль над северной камерой, с уровня которой лестница продолжается на второй этаж. До антресолей над двумя другими помещениями можно было добраться по лестницам. Весь ряд явно предназначался для складов на случай осады.

Из северной и южной камер двери открываются в подвалы двух крыльев, также сводчатые. Северная часть, тюрьма, имеет размеры 18 на 12 футов, с высокой и узкой петлей на западе. В его верхней части также есть небольшая дверь из соседнего антресоля, которая, возможно, открывалась на аналогичный этаж над тюрьмой или, возможно, была отверстием для просмотра вниз.

В левом крыле находится хранилище длиной 20 футов, шириной 12 футов 6 дюймов и высотой всего 8 футов. В него можно было попасть из соседней камеры в корпусе, в ней находился колодец. Из этой камеры, открывающейся в южной стене, ведет лестница-колодец, которая поднимается на 10 футов к антресолям, а оттуда ведет на второй этаж. Этот антресоль, тоже сводчатый, имел размеры 18 на 12 футов. На северной стене есть камин и шкаф, а на южной - небольшая петля, настенная кладовка и входная дверь. От него подъем

на 14 футов ведет на первый этаж, который, таким образом, находится на 24 фута выше подвала.

На *первом этаже* находится большой зал, — благородная палата размером 51 на 24 фута, со стенами толщиной от 12 до 14 футов. Он перекрыт остроконечным бочкообразным сводом, довольно простым, но со стенами из превосходного ясеня. Высота до верха около 30 футов. Он занимает всю ширину здания. В северном конце находится камера с фресками размером 8 футов 6 дюймов на 7 футов 10 дюймов, в которой находится начало лестницы-колодца снизу. Здесь есть дверь в холл, а другая - во входной проход. Это проход к главному входу, шириной 4 фута 7 дюймов и длиной 14 футов, с дверями на каждом конце, но без опускной решетки. Это главный вход в башню. Снаружи к нему, по-видимому, вела каменная арка размахом около 8 футов, пружинящий ход которой виден под дверным порогом. В сводчатом настенном коридоре находятся противоположные двери, одна из которых уже упоминалась на верхней площадке лестницы, другая ведет на кухню, которая занимает северное крыло.

На другом конце этого северного конца зала дверь открывается на лестницу-колодец диаметром 7 футов 10 дюймов, которая начинается здесь и ведет на верхний этаж и крышу. Восточная сторона зала пронизана двумя окнами с квадратной головкой, расположенными в глубоких арочных нишах шириной 7 футов на расстоянии 22 футов друг от друга. Кроме того, на северном конце находится небольшой светильник, простая петля, в углублении размером 2 фута 7 дюймов.

Отличительной чертой зала, после его изящного остроконечного свода, является большой камин шириной 9 футов и глубиной 3 фута с выступающим каменным колпаком, который уходит в стену примерно на две трети высоты и поддерживается двумя двойными полуосями с основаниями и резными колпаками и цветочной лентой наверху, все в стиле Декора. Он занимает центр южного конца, и с каждой стороны от него, высоко, расположены углубления длиной 5 футов, заканчивающиеся петлями длиной 1 фут. Вытяжка сломана, а камин в упадке, но его остатки очень бросаются в глаза. Вдоль западной стороны зала расположены различные проемы. В центре находится оконная ниша шириной 5 футов 10 дюймов и глубиной 9 футов, из которой боковой проем ведет в сводчатую сервировочную размером 5 на 11 футов, которая снова выходит на кухню. В южном конце этой стороны дверь открывается в гостиную, а другая дверь - на лестницу-колодец, которая начинается здесь и сообщается с верхними этажами южного крыла и крышей. У северного конца этой стороны низкая арка или люк кладовой открывался прямо на кухню. Помимо этих отверстий, здесь есть две декоративные ниши. Та, что представляет собой нишу в северной стене для статуи высотой около 5 футов, с красивым балдахином, украшенным пазухами и цветами, и основанием, опирающимся на половинку древка, вероятно, для статуи святого покровителя семьи. Также на западной стене, рядом с камином, находится нечто вроде сидища шириной 4 фута с балдахином из дерева оги, на щите которого изображены три сабли, герб Бортвиков. Стены зала, похоже, были либо окрашены, либо покрыты рисунками, один из которых, “Храм чести”, недавно можно было увидеть. Здесь и на лестницах много знаков каменщиков. Две двери имеют выступы в виде трех сторон шестиугольника, что-то вроде арки Беркли.

The *Кухня* занимала первый этаж северного крыла. Он имеет размеры 16 на 22 фута и перекрыт большой плоской аркой, превращающей западную половину в каменный колпак, под которым проводились основные кулинарные операции. На северной и западной сторонах есть три углубления с петлями, одно из которых перекрыто более поздней печью. Здесь также есть небольшой камин. Входы ведут через главную дверь в холл и из сервировочной, а между ними находится люк для кладовки.

The *Гостиная* занимает южное крыло и имеет размеры 19 на 14 футов. В нее входили из холла и по лестнице-колодцу, и в ней есть ниши и маленькие окна, выходящие на юг и запад, помимо настенных шкафов. Южная стена содержит, в сводчатой камере, начало лестницы из кладовой и ее антресоль; и в этой стене также находится камера с фресками размером 8 на 7 футов, с двумя дверями, окном и, в ее плоской, покрытой плитами крыше, шахтой, вероятно, для дымохода печи. Эта комната называется комнатой королевы Марии и, вероятно, была ее спальней, когда она посещала Бортвик. Эта и большая комнаты обшиты панелями, а смежные дверные проемы с лестницы и холла были перекрыты деревянным крыльцом в углу комнаты, так что имелся проход либо из комнаты королевы, либо с лестницы в холл, не входя в гостиную.

Над залом соответствующее пространство размером 51 на 24 фута разделено поперечной стеной на верхний зал и часовню. В *верхнем зале* размером 27 на 24 фута есть большой камин с каменным колпаком и боковыми шахтами, а рядом с ним - окно, оба в восточной стене. В северной стене есть большая ниша, окно и дверь на северо-восточную лестницу. В западной стене есть окно в нише и дверь, которая ведет по настенному проходу в северное крыло и в гардеробную в северной стене.

В *часовне* размером 24 на 21 фут есть ниша шириной 9 футов, в которой находится восточное окно, писчая и алтарная. В нем также было два окна на южную сторону, а между ними небольшой камин. В его западной стене находится входная дверь со стороны лестницы-колодца и дверь в южном крыле на высоте 2 футов над полом, которая, вероятно, вела в возвышенное место для господ. И часовня, и верхний зал имели плоскую деревянную крышу и были высотой 14 футов.

Следующая над ними комната, на третьем этаже корпуса, имела размеры большого зала. В ней было три окна на восток и по одному на север, юг и запад. В него входили с лестницы-колодца в северо-восточном углу и с лестницы южного крыла, и у него была дверь прямо в северное крыло. Эта комната имеет длинный бочкообразный свод во весь центр, который возвышается примерно на 6 футов над стенами и, следовательно, до самого верха достигает высоты около 15 футов. Вполне вероятно, что эта большая комната была разделена перегородками, но в ней нет камина.

Этим этажам в корпусе соответствуют пять этажей в южном крыле, первый из которых - уже описанная гостиная высотой 13 футов. Во втором есть два окна, камин и гардероб с фресками, и его высота составляет около 11 футов. Третий, такой же, высотой 8 футов; четвертый имеет такое же устройство и, кроме того, дверь на личное место в часовне. Его высота составляет 17 футов. На пятом этаже всего два окна, и высота его сводчатой крыши составляет около 15 футов. Все комнаты в этом крыле одинакового размера и расположены одна над другой.

Комнаты в северном крыле находятся над первым этажом, или кухней, того же размера, что и комнаты на первом этаже, вытяжка и дымоходная шахта которой, пристроенные к западной стене, проходят через каждый этаж, сужаясь по мере подъема. В этом крыле шесть этажей, в большинстве из которых есть два окна, а в некоторых - камин. На второй этаж — тот, что над кухней, — можно попасть с восточной лестницы-колодца, откуда на высоте 12 футов над полом холла проход с фресками проходит вдоль северной стены и ее оконной ниши и ведет в комнату. Следовательно, поднимаясь по западной стене зала на 10 футов, он достигает начала лестницы-колодца, которая ведет на верхние этажи и крышу. Самый верхний, шестой этаж находится под сводом крыши и освещается через отверстия в ее фронтонах.

Помимо этих камер в двух крыльях, на двух уровнях западной стены есть небольшие камеры с фресками, куда можно попасть с южной лестницы, и они выходят в нишу на западном фасаде башни.

На зубчатые стены по-прежнему можно подняться по двум лестницам, а три крыши, как видно, поднимаются независимо от уровня крепостного вала. Они высокие, а их своды покрыты тесаными каменными плитками, подогнанными таким образом, чтобы образовывать гребни и впадины, и соединенными таким образом, чтобы полностью, хотя и идеально, исключить попадание дождя. Эта кровля прослужила хорошо, и даже сейчас нуждается только в перекладке и замене нескольких сломанных камней. Фронтоны сделаны из тесаного камня. Верхушки лестниц имеют высоту около 8 футов, круглые, с коническими крышами из ясеня. По-видимому, по всей окружности был низкий парапет, установленный на карнизах, а между каждой парой - квадратная решетка. По всей окружности проложен чистый проход, нарушаемый только дымовыми трубами. Парапет был убран, вероятно, для того, чтобы башню не использовали в качестве военного поста. Говорят, восточная стена у вершины сильно повреждена выстрелом Кромвеля, когда он обстреливал замок с этой стороны, за оврагом.

Бортвикская башня была построена по лицензии Якова II. сэру Уильяму Бортвику из того же рода, датированное 2 июня 1430 года.

Биллинг дает отличный вид на эту башню с юго-запада и хороший рисунок интерьера зала, показывающий большой камин до его падения и престол лорда.

история.

Семья Бортвик, хотя и веками была владельцами этого поместья, получила свое название от места на берегу Бортвикуотер, в графстве Селкирк, откуда в отдаленный период они мигрировали на земли и в замок Каткьюн, владея им вместе с Леджервудом и Хэрриот Мьюир, откуда они снова переехали в Лохерварт, которому дали название Бортвик, инверсия, распространенная в Ирландии, но редкая в Англии и Шотландии. Их предшественниками в Лохерварте были Хейзы из Йестера.

Первым в записи значилось имя: Я, *Томас де Бортвик, временный Дэвид II*, владевший землями в Бервикшире. Его сын II, *сэр Уильям Бортвик* из Каткьюна, жил в 1378 году, а его сын III, *сэр Уильям Бортвик*, в 1387-1401 годах, и который был отцом IV, *сэра Уильяма* из Легертвуда, который в 1410 году получил от Роберта герцога Олбани пожалование земель Бортвик и Тофткотис в Селкирке; V. Другой *Уильям*, сын последнего, был одним из заложников, отправленных в Англию ради выкупа Джеймса I. Ему, как Виллельмусу де Бортвику, майлзу, король даровал 2 июня 1430 года разрешительную грамоту "толковать кастрацию не по месту, а вульгарно, в соответствии с законом о Лохорворте" ... *ac in eodem castro et fortalicio Constabularium, Janitorem, custodesque necessarios et optimos pro sua voluntate providendi, removendi, et omnia alia quæ ad securitatem et fortificationem dicti castri necessaria fuerint faciendi.*"

Такая вольность редкость в Шотландии, где дворяне были очень независимы от короны, а в стране царил такое смятение, что замок был почти необходимым условием жизни. Замку, получившему лицензию на строительство, было присвоено название Бортвик. Судя по термину "Ле Мот", вероятно, что там уже было укрепленное место, для которого действительно позиция была очень подходящей. Этот сэр Уильям, кажется, был первым лордом Бортвиком. Его прямой потомок по мужской линии, Джон, восьмой лорд, некоторое время удерживал свой замок против артиллерии Кромвеля. Его сын Джон, девятый лорд,

умер бездетным в 1681 году, и после его смерти замок перешел к сыну его сестры, Дандасу Харрингтону, из семьи которого после двух потомков замок был куплен Бортвиком из Кростона, происходившим от младшего сына первого лорда, а его потомок мужского пола в десятом поколении претендовал в 1774 году на баронство, которое, однако, в конечном итоге было передано еще более близкому наследнику мужского пола.

Джон, пятый лорд, был ярким сторонником королевы Марии. Именно он окунул призрака в огонь и заставил его съесть свое письмо об отлучении от церкви, смоченное в вине. Мэри бежала в замок Бортвик примерно через три недели после своей свадьбы с Босуэллом, 7 июня 1577 года, и, преследуемая противоборствующими лордами, бежала оттуда 11-го числа в Данбар, переодевшись пажом. Без сомнения, она спала в комнате, названной ее именем. Босуэлл в то время владел соседним замком Крайтон.

Герб Бортвиков, вырезанный в холле замка, представляет собой: А) три перепонки (соболиные).

Соседняя церковь была перестроена, или почти перестроена, в отличном вкусе, в 1850 году. В нем есть западная башня с протяженным шпилем, неф, алтарь и круглая апсида, а также два трансепта, из которых южный является старым и в основном оформлен в стиле, хотя и с некоторыми следами нормандской работы.

Доктор Робертсон, историк, родился в доме священника, который, однако, был перестроен.

ЗАМОК БОВ.

Замок Бов представлен здесь как хороший пример окруженной рвом насыпи на другой стороне Канала. Замок и деревня стоят на левом берегу долины Нойе, в старой провинции Пикардия, выше ручья и примерно в четверти мили от него. Нойе берет начало недалеко от Кревекюр-ле-Гран, за Бретюилем, и протекает по меловой местности. Как немного выше, так и непосредственно под Бовом, она сливается с Авре, которая поднимается недалеко от Кревекюр-ле-Пти, а объединенный поток, протекающий мимо Лонго, впадает в Сомму непосредственно над Амьеном, который находится примерно в пяти милях от Бова. И Нойе, и Авре обладают особенностями, которые еще более отчетливо проявляются на Сомме. Они медленно текут по широким плоским участкам торфа и гравия, заключенным в крутых и высоких меловых берегах. Торф был тщательно добыт для использования в качестве топлива, и полости заполнены темной торфяной водой. Поставки угля по железной дороге и каналу, по-видимому, несколько снизили спрос на эти турбины, и необработанные поверхности сильно возделаны как питомники, которые появляются пятнами среди бассейнов, и до них в основном можно добраться на лодках. Тополь - преобладающее дерево в этих сырых, мрачных районах, и оно достигает там очень значительных размеров. Ниже торфа, у основания и по склонам меловых холмов порода более или менее густо покрыта слоями гравия и легкого суглинка, в которых найдены кремневые орудия, ставшие предметом столь многочисленных спекуляций.

В деревне Бов проживает менее 2000 человек, основным занятием которых является отбеливание в открытых полях хлопчатобумажных тканей, производимых по соседству. Церковь, единственное общественное здание, представляет собой массивный современный

храм в дорическом стиле. Деревня построена у подножия мелового холма, на котором стоит замок, и который был вырыт для строительных целей в виде утеса высотой от 50 до 80 футов.

Замок, ныне представляющий собой просто руины небольшой протяженности, примечателен главным образом своими земляными укреплениями. Он стоит на меловом хребте, примерно в 150 футах над долиной, и был изолирован к югу изогнутым рвом глубиной около 50 футов, шириной 60 футов или 70 футов и длиной около фарлонга. Эта канава проходит по поверхности утеса в направлении деревни и по естественному склону в противоположном направлении. Земля снаружи или на ее противоположном склоне не была потревожена. Содержимое было выброшено внутрь, и из-за этого уступ был увенчан возвышенным берегом.

На самой высокой части земли, прямо внутри рва и недалеко от его центра, находится холм или возвышенность с очень крутыми склонами, высотой около 50 футов и круглой плоской вершиной около 100 футов в диаметре. Этот холм имеет основу из меловой породы, которая была обтесана, и материал добавлен к вершине. Насыпь начинается от насыпи вдоль края рва и, вероятно, была соединена с входом в сооружение на мотте или прикрывала его. К востоку и северу от холма земля довольно ровная до самого края утеса и представляет собой глубокую ложину, поднимающуюся от деревни. Сейчас это пространство частично занято общественным кладбищем и несколькими хозяйственными постройками. К западу от мотта находится своего рода лунатическая платформа, за которой склон снова украшен произведениями искусства. Вероятно, основные здания замка и его служебные помещения занимали эти платформы под девизом.

Единственная сохранившаяся каменная кладка возвышается на холме и состоит из руин башни и фрагмента стены. Башня стоит на стыке обрывистого берега с моттом, на краю рва. Ее остатки имеют четырехугольную форму, с толстыми стенами, от которых сохранились только северная и южная. В нем было три этажа: подвал со сводчатым потолком в виде круглой бочки; первый этаж с деревянным потолком; и второй этаж, повыше, и, очевидно, парадный зал. В стенах подвала сохранились три прямоугольные бойницы, или небольшие оконные проемы, расположенные высоко. Верхняя комната, возможно, была сводчатой. На его стенах изображен фронто́н с круглой головкой, но, возможно, он принадлежал покрытому штукатуркой потолку. Снаружи, у одной из стен, находится простой контрфорс размером 3 на 3 фута. Материал представляет собой меловый щебень, без кремня, облицованный изнутри и снаружи меловым тесаном, камни обтесаны, и имеют длину около 9 дюймов на высоту 6 дюймов, с довольно открытыми стыками. В этой башне, возможно, был небольшой портал. От него тянется фрагмент занавеса по краю мотта. В нем есть одно разбитое отверстие, возможно, окно, с круглым выступом. Трудно составить мнение о возрасте этой кладки. Возможно, это поздненорманский камень.

По всему краю мотта видны следы фундамента стены-оболочки и центрального прямоугольного двора. В настоящее время вершина засажена деревьями, а склоны покрыты кустарником.

Бов подвергся осаде со стороны Филиппа Августа, интересный отчет о которой составил Гийом ле Бретон. Из него извлечено следующее:—

“Когда были завоеваны первые барьеры, осаждающие соорудили из ивняка, шкур и толстых досок кошму, под прикрытием которой отборные люди засыпали ров. Покончив с этим, рыцари, прикрываясь своими большими щитами, прислоненными к стене, накрыли шахтеров, которые с помощью прутьев и кирки взломали стену, подперев ее грубыми стволами деревьев, а затем сняли каменную кладку выше уровня фундамента. Когда таким

образом было подорвано достаточно, они подожгли подпорки и ретировались. Когда подпорки сгорели, стена рухнула в густом облаке пыли и дыма. Затем осажденные сдались, отряд молодежи, закованный в доспехи, поднялся среди пыли и руин, перебил одних и взял в плен других, в то время как остальные, отступая, укрылись в крепости, которая, построенная на обрывистой скале и защищенная двойной стеной, предлагала надежное убежище.

Затем на цитадель была пущена в ход машина, приспособленная для различных целей; иногда в качестве мангонели, какой пользуются турки, она выбрасывала в воздух град мелких камней, иногда один камень огромного веса вылетал со скоростью, превышающей скорость выстрела из пращи. В стенах, сотрясаемых повторяющимися ударами, начали появляться трещины” и т. Д.

История Бова, вероятно, связана с историей Амьена. Предполагается, что он был возведен в девятом веке для защиты от агрессивных северян, и характер земляных работ подтверждает эту точку зрения. Некоторые из сыров де Куси также были лордами Бова; и Генрих IV, чьи войны привели его в Амьен, как говорят, иногда навещал Бова вместе с Габриэль д'Эстре. Во время этого правления графство находилось в собственности Филиппа де Морнэ, сына того самого дю Плесси Морнэ, чье имя так тесно связано с карьерой Генриха. Земляные работы очень хорошо видны со станции Бов Амьенской железной дороги.

ЗАМОК БОУЗ, ЙОРКШИР.

Крепость, известная как замок Боуз, в настоящее время состоит из единственной прямоугольной башни, не связанной ни с какими другими зданиями и не несущей никаких следов того, что когда-либо она была так связана. Это очень примечательно, поскольку башня во всех отношениях, как в плане, так и в деталях, является нормандской крепостью, а нормандские крепости обычно, можно сказать, неизменно, как следует из названия, связаны с другими зданиями или окружены ими, опорой или цитаделью которых является башня.

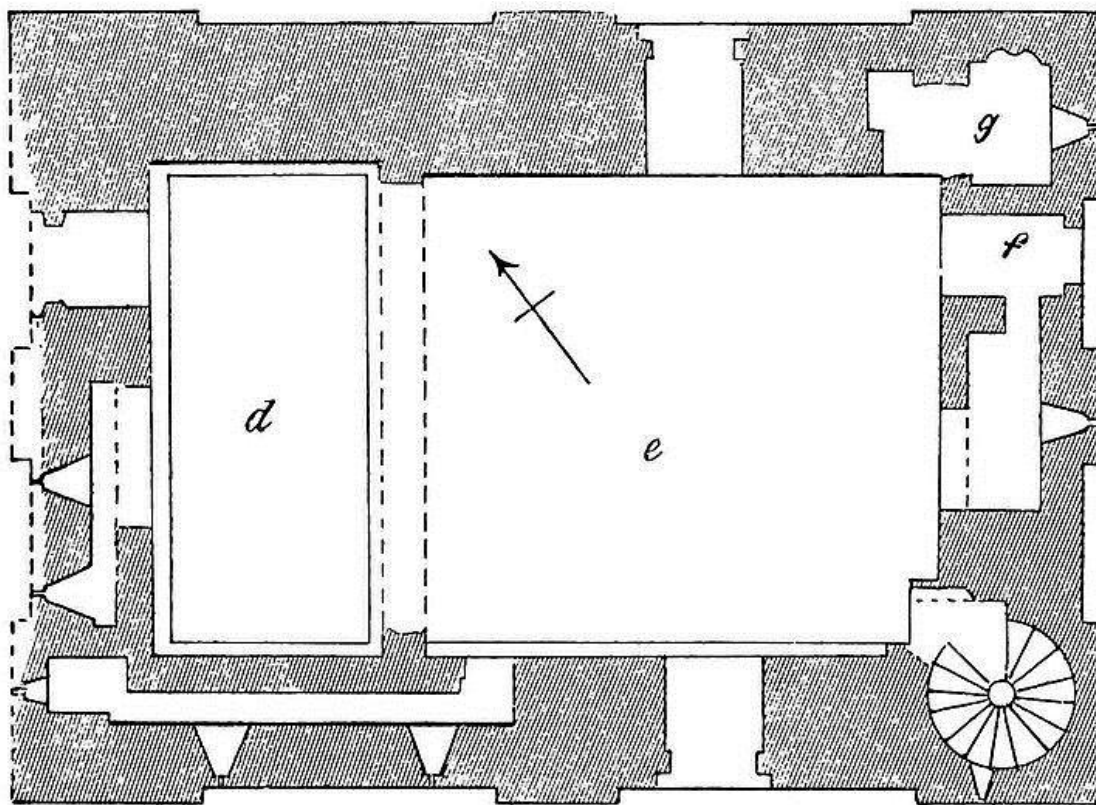
Броу, Броэм и Эпплби, Карлайл и Ньюкасл, Хелмсли, Скарборо и Ричмонд, все нормандские прямоугольные крепости Северных графств, являются только частями, хотя главная часть - каждый из своих замков, и только к крепостям, состоящим из частей, принято применять название замка, единое сооружение обычно называют башней или кожухом. Однако в записях Боуз всегда именуется замком, и, конечно, возможно, что по композиции он напоминал другие замки и что более прочная и лучше построенная часть произведения оказалась наиболее долговечной. Однако ясно, что никакие другие работы в каменной кладке не примыкали к этой башне или, по крайней мере, не были соединены с ней, и нет никаких указаний на строительство или фундаменты в зеленой зоне, к которой открыта башня с двух своих сторон. С другой стороны церковный двор простирается всего на несколько футов от башни, а с другой стороны от коттеджей ничего не видно ни от старых стен, ни от материала, из которого они, вероятно, были построены.

Крепость Боуз, если ее можно так назвать, представляет собой прямоугольную башню высотой 82 фута к востоку и западу и 60 футов к северу и югу. Однако он не совпадает с основными точками компаса, фактический север - это северо-западный угол описания.

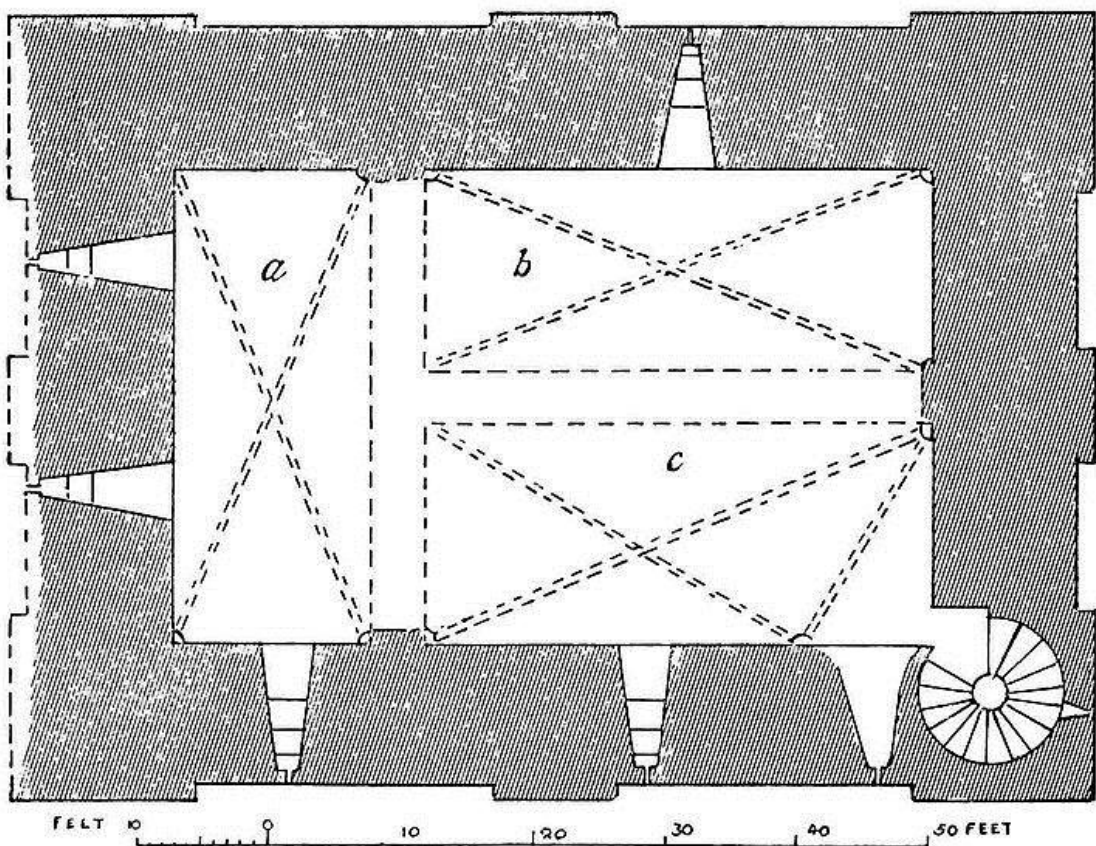
Высота около 50 футов. Каждый угол увенчан широкой плоской пилястрой шириной 14 футов, выступающей на фут, и угол встречи каждой пары сплошной. Посередине, в центре каждой грани, также находится пилястра шириной 8 футов 10 дюймов, имеющая тот же выступ, что и пилястры по бокам от нее. Здесь нет ни основания, ни плинтуса, ни выступа, за исключением того места, где простая струнная дорожка отмечает уровень верхнего этажа и продолжается вдоль всего здания, стен и пилястр. Верхняя часть стены сильно разрушена, зубцов не осталось. По-видимому, по углам не было башенок, за исключением, возможно, одной на юго-востоке, в которой находится начало лестницы.

Есть подвал, главный и верхний этажи. Подвал, как обычно, находится на уровне земли. Его стены имеют толщину от 11 до 12 футов и являются прочными, охватывая площадь 36 на 58 футов. Это снова разделено двумя поперечными стенами толщиной 4 фута 4 дюйма. Один из них, расположенный к северу и югу, по-видимому, поднимался через каждый этаж, другой, расположенный под прямым углом к нему, вероятно, был ограничен подвалом. Обе стены разрушены, их осталось ровно столько, чтобы показать, что таковые там были. Из трех сформированных таким образом камер та, что занимала западный конец этажа, имела 37 футов в длину и 16 футов в ширину (*a*). Из двух других южный был 37 футов 10 дюймов в длину и 17 футов в ширину (*c*), а северный такой же длины и 15 футов в ширину (*b*).

ЗАМОК БОУЗ.

FIRST OR MAIN FLOOR.

SCALE.
GROUND PLAN.

Западная камера, несомненно, была сводчатой, выступы, из которых выступали ребра или своды, оставались по четырем углам. Две другие камеры, вероятно, также были сводчатыми, сохранились некоторые следы угловых выступов. Юго-восточный угол, по-видимому, перекрыт специальным ребром, вероятно, для того, чтобы освободить место для лестничного проема. Дверной проем вел с юга в западную камеру, от которой сохранился южный косяк. Вероятно, эти камеры были перекрыты двумя нишами, но никаких указаний на это не осталось. Все они освещены петлями, каждая петля имеет ширину около 2 дюймов и находится на высоте 6 футов над землей и помещена в круглое ступенчатое углубление, отходящее от внутренней ширины около 4 футов 6 дюймов. Таких петель всего шесть. Один в северной стене, выходящий из северной камеры; три в южной стене, из которых два открываются из южной камеры, и третий из западной камеры, у которой также есть два других в западной стене.

Юго-восточный угол занят лестницей-колодцем диаметром 11 футов 8 дюймов, которая поднимается на крышу, сообщаясь коротким вестибюлем с каждым этажом. Единственный доступ в подвал был по этой лестнице со второго этажа.

Первый, или основной, этаж был разделен поперечной стеной на большую восточную (e) и меньшую западную камеру (d), а полка или выступ уменьшают часть стен на фут и соответственно увеличивают внутреннюю площадь. На этом уровне стены также содержали несколько камер с фресками. Главный и, по сути, единственный вход в башню находился на этом этаже восточной стены, примерно в 10 футах от земли. Дверной проем, представляющий собой простую округлую арку размером 5 футов 4 дюйма (f), вел в проход шириной 6 футов, открывающийся прямо в восточную камеру. Опускной решетки не было, и единственной защитой была прочная дверь с засовом. В южной стене коридора небольшой дверной проем вел в камеру в восточной стене шириной 6 футов и длиной 14 футов, которая имеет петлю во внешней стене и, без сомнения, открывается дверным проемом, ныне разрушенным, в восточную камеру. С северной стороны дверного проема, но не сообщаясь с проходом, северо-восточный угол здания занят второй настенной камерой 14 футов в длину и 9 футов в ширину, также сводчатой (g). В северной стене этой комнаты находится камин с вогнутой спинкой, а в восточном конце - петля. В нее входили из восточной комнаты через дверной проем, ныне разрушенный, в южной стене, и эта дверь вела в небольшой вестибюль, отделенный поперечной стеной от комнаты с камином.

В третью камеру с фресками можно попасть из большей комнаты через маленькую дверь в южной стене. Он открывается в проход шириной 2 фута 6 дюймов и длиной 33 фута, освещаемый парой петель в южной стене и заканчивающийся небольшой комнатой размером примерно 8 на 4 фута, которая занимает юго-западный угол и освещалась петлей в западной стене.

В западной стене находилась четвертая камера. В него вошли через дверной проем, ныне разрушенный, открывающийся в проход шириной 2 фута 8 дюймов и длиной 19 футов, освещенный двумя петлями во внешней стене, одна из которых находилась в гардеробной, а в разрушенной стене видна шахта, спускающаяся из верхней гардеробной, возможно, на втором этаже или на зубчатых стенах. Все фресковые залы сводчатые. В юго-восточном углу дверной проем и вестибюль ведут к винтовой лестнице. Этот первый этаж освещался тремя окнами: одним на северной и одним на южной стене большей квартиры и одним на западной стене меньшей комнаты. Все эти окна одинаковы. Их углубления имеют плоские стороны и круглую головку и открыты до уровня пола. Их ширина составляет 8 футов. Их каркас или узор исчез, так что невозможно точно сказать, как они были закрыты. Их плоские стороны

придают этим трем оконным нишам сходство с дверными проемами. Этот этаж не был сводчатым, а обычным образом обшит бревнами.

Верхний, или второй, этаж представляет собой просто руины и неприступен, сохранились только фрагменты его стен. Наименее пострадавшая часть находится около начала лестницы под юго-восточным углом. Здесь сохранились боковые стороны дверного проема и одна стена вестибюля.

Материал здания - грубый прочный песчаник, выветрившийся до темного цвета. Стены, внутри и снаружи, были облицованы грубым тесаным деревом, хорошо обработанным, и с трех внешних сторон остались нетронутыми. Западная сторона была ободрана, без сомнения, для использования под более поздние постройки. Интерьер также был почти полностью разобран, осталось ровно столько, чтобы показать, что было раньше. Подвал завален фрагментами сводов, так что пола нигде не видно. Следовательно, здесь мог быть колодец. Ступени были намеренно выломаны, так что лестница остается пустым цилиндром. Вход в нее, у основания, сильно разрушен. Три южные петли достаточно идеальны; одна - совершенно идеальна.

На втором этаже большая, или восточная, комната, вероятно, была Залом. У главного входа не было ни фасада, ни внешнего покрытия, также нет никаких следов каменной лестницы или подъемного моста. Похоже, что к нему вели по деревянным ступеням. Помещение в северо-восточном углу, в котором находится камин, очень большой для своих размеров, возможно, было кухней. Это единственный камин, который сейчас можно увидеть в здании, хотя, возможно, в поперечной стене были и другие. Две комнаты в юго-западном углу, по-видимому, были гардеробными, по одной из которых выходили из каждой из главных комнат. Три окна необычайно велики и находятся всего в 12 или 14 футах от земли, что, должно быть, сильно ослабило атмосферу этого места. Несомненно, обрамление или узор, заполняющий проемы, были тяжелыми и прочными, но все же ни один узор или цапфа не смогли бы противостоять тяжелому камню, выпущенному из катапульты, как, впрочем, и оболочка стены, содержащая лестницу. Вероятно, у пограничников, чьим набегам башня должна была противостоять, в их распоряжении не было военных машин.

Поскольку крыши нет вместе со стенами, которые непосредственно поддерживали ее, невозможно сказать, была ли она плоской или скошенной под углом. Однако в западной стене, на ее северном конце, виден участок тесаного бруса, срезанный до низкого ската, очевидно, бывшей крыши, и есть аналогичное указание на то, что осталось от поперечной стены, на ее южном конце; также примерно на том же уровне находится квадратное отверстие, которое, очевидно, отводило воду из желоба с одной стороны стены в желоб с другой. Уровень этих признаков низкой крыши примерно равен уровню пола верхнего этажа и на много футов ниже даже нынешнего верха стены. Похоже, что здесь, как и в Ричмонде, Ладлоу, Порчестере, Бриджнорте, Кенилуорте и во многих других случаях, первоначальная крыша была над первым этажом, а второй этаж был возведен позже, как правило, не более чем несколькими годами позже. Возможно, целая стена над струнным полем - это пристройка, но если это так, то очень ранняя.

Боуз-тауэр можно смело назвать построенным в очень поздненормандском стиле. Поперечные стены, безусловно, оригинальные, но своды, вероятно, были дополнением и, судя по перекосам двух ребер на южной стене, относятся к украшенному периоду. Подвалы нормандских замков очень редко были сводчатыми, и здесь, как и в Броэме, Ричмонде и Карлайле, своды выглядят более поздними, чем стены.

Две открытые стороны башни, западная и южная, показывают, что она была защищена рвом на расстоянии от 40 до 70 футов, и это, возможно, продолжалось по всей окружности. Башня стоит в нескольких ярдах к югу от шоссе, которое пересекает этот район с востока на запад, и представляет собой римский путь от моста Грета через Броу, Эпплби и Броэм, с ответвлениями на север к Олстону и Карлайлу. В Боузе, как и в Броу и Брохэме, дорога была укреплена лагерем, и башня Боуз стоит на территории лагеря, недалеко от его западной границы и к югу от его центральной линии. Канавы лагеря можно проследить на север и запад и частично на восток, и его площадь составляет примерно 130 на 140 ярдов: к югу местность резко понижается к глубокому руслу Греты и защищена террасами и откосами, в которых, немного западнее центра, есть отверстие, вероятно, для сообщения с рекой. Остатки римской бани были открыты за юго-восточным углом, а на соседнем церковном дворе был выкопан фрагмент свинцовой трубы, которая, без сомнения, питала ее. К западу находятся остатки четырех небольших курганов в Раундхилл-Клоуз, а оборона лагеря усилена двумя реками на небольшом расстоянии на восточном и западном фронтах. Помимо этого лагеря, есть еще один у моста Грета, в 6 милях к востоку, и два других в 6 и 8 милях к западу, из которых один, известный как Райкросс, считается британским лагерем, перенятым римлянами. Говорят, что крест, увековеченный в названии, был установлен в 1067 году, чтобы обозначить согласованную тогда границу между Англией и Шотландией. Дальнейший лагерь известен как Мейден-Касл. Боуз считается римской Лаватрой. Позиция выбрана удачно, поскольку имеет значительную локальную возвышенность. Он находится на высоте 928 футов над уровнем моря, и из него открываются обширные виды, особенно на юг и восток.

Поскольку история Северного Йоркшира еще не написана, о Боузе известно мало, за исключением того, что и поместье, и замок всегда принадлежали графам Ричмонд. Король Джон, этот самый беспокойный из монархов, был в замке 16 февраля 7-го года своего правления, то есть в 1206 году, когда он оттуда, “апуд Буас”, обратился с поручением к лесничим Ноттингема, и снова, согласно маршруту мистера Хантера, 16 июня на 14-м году своего правления, 1212 году. “Графы Ричмондские, ” говорит Камден, “ взимали здесь сквозную пошлину и установили виселицу”. Раймер также приводит хартию Генриха III. Петру, графу Ричмонду, от 25 марта 1262 г., дарующий и подтверждающий ему вместе с другими землями “Виллы Ричмонда и Богеса, с кастрисом и вапентациями, а также общие права собственности”; и “Bowes castrum” принадлежал Петру Савойскому, 10 Эдуард I, и “Bowes Manerium” Джону ле Дре старшему, графу Ричмонду, 13 Эдуард I. 19 Эдуард I. Уильям де Фелтон был назначен ответственным за Ричмонд и Боуз и т. Д., За Король. Джон ле Дре, граф Ричмонд, получил его при Эдуарде III. 36 Эдуард III., Маргарет де Дакр умерла, получив поместье Боуз, как, 4 Генрих VI., умерла Джоан, вдова Джона де Грея, шевалье; и, 14 Генрих VI., Джон герцог Бедфорд. 22 Генрих VI., две части поместья или светлости Боуз принадлежали Джону герцогу Сомерсетскому. Его нынешний владелец - мистер Пуллейн из Клифтона. Упоминается Боуз в Нортумберленде во времена правления Эдуарда III. и о доходном доме под названием Боуз в Боулне в Сассексе, 4 Генрих IV. Замок, вероятно, был построен в конце 12 века и разобран либо Карлом, либо парламентом в 17 веке. Это очень хороший пример поздней нормандской крепости. Мельница, почти неизменный придаток старинного замка, стояла на берегу реки Грета.

ЗАМОК БРАМБЕР, САССЕКС.

Из графств Англии нет ни одного более исконно английского, чем Сассекс. Его название, названия самой центральной из двух его столиц, его главных и второстепенных частей, его приходов и, в значительной степени, его жителей, лишь немногим изменились по сравнению с теми, которые они носили накануне Завоевания и когда находились под властью Годвина и Гарольда. Даже нередкие следы нормандской оккупации в виде приходских церквей, аббатств и замков огромной прочности, многие из них были возведены на фундаментах, относящихся ко временам Альфреда и Эгберта. Так обстоит дело с Селси, церковным центром Чичестерского престола, с Бошемом, Маллингом, Стейнингом и другими религиозными домами; Арундел, Брамбер, Кнапп, Гастингс и Льюис, все великие замки своего времени, были резиденциями английских вождей на протяжении веков, прежде чем их берега были увенчаны каменными стенами или курганы увенчаны крепостными башнями, построенными по нормандскому образцу. Певенси, действительно, может похвастаться еще более ранним происхождением.

Британские остатки в Сассексе весьма скудны. Предполагается, что несколько более крупных и возвышенных лагерей на холмах, а также лагерей неправильной формы, таких как Сиссбери, площадь которых составляет 60 акров, были созданы Ренье, самыми ранними зарегистрированными жителями этого района. Также трудно не заметить в Аруне, Адуре и Узе названия, соответствующие Аэруну, Дору и Уску или Эск, которыми до сих пор обозначаются многие ручьи в кельтских странах. Считается, что Глинд - кельтское название, но очень редко, особенно в Сассексе, можно встретить название прихода не тевтонского происхождения.

Следы римского периода более многочисленны. Главная дорога, пересекающая графство из Чичестера в сторону Лондона, несомненно, относится к этой дате, и, похоже, была по крайней мере еще одна дорога из Чичестера — римский Регнум - в Певенси. Сохранилось также несколько прямоугольных лагерей, таких как Гоушилл, Холлингбери, Дитчлинг, Хайд-Даун и Брайтхелмстоун-Даун, очевидно, римских. Чичестер, хотя его латинское название, вероятно, включает в себя более раннее название, имеет римское крестообразное расположение двух главных улиц, хотя и не прямоугольные очертания. Андериды, Мутуантонис и Мида, римские города, местоположение которых оспаривается, по-видимому, находились в Сассексе; а в Богноре и других местах были обнаружены тротуары, фундаменты, камни с надписями и другие следы римского проживания. И все же остатки британской или римской оккупации весьма незначительны: все, что говорит о законе, порядке, собственности, семейных узах, предках народа, гражданском или религиозном устройстве и общественном богослужении, — все это унаследовано от предков, является английским. Такое тщательное искоренение следов прежней оккупации, без сомнения, связано с положением Сассекса в той части британского побережья, которая наиболее подвержена саксонскому и датскому вторжению и которая подверглась нападениям этих грозных захватчиков, когда они были самыми ранними и яростными. Сассекс поздно попал под гуманизирующее влияние христианства, оставаясь языческим до середины седьмого века. Замечательное сохранение до наших дней названий и подразделений, вероятно, связано с очень своеобразной конфигурацией района и изоляцией, создаваемой его крутыми и возвышенными пограничными хребтами, а также густым лесом, который покрывал и в некоторой степени все еще покрывает его центральную часть. Поскольку расположение основных замков определяется этой конфигурацией, несколько слов о ней не будут лишними.

Сассекс образует западную половину меловой котловины. Мел поднимается длинным, узким, высоким и очень крутым хребтом, образующим северную, восточную и южную окраины района, его высота, достигающая 800 футов, известна как Даунс. Норт-Даунс отделяет Сассекс от Суррея, Саут-Даунс является границей на пути к морю. Этот последний хребет простирается от окрестностей Чичестера до Бичи-Хед, в то время как Норт-Даунс простирается до Фолкстона и Дувра. Густая лесистая местность, таким образом заключенная между ними, является хорошо известным поместьем Сассекс. Бассейн наискось пересекается морем, и таким образом юго-восточная граница графства становится открытой примерно на пятьдесят миль. Однако в прежние времена широкие болота Певенси, Уинчелси и Ромни закрывали это отверстие барьером, столь же эффективным, как и сами холмы.

На этих холмах, и особенно на хребте, обращенном к морю, ранние морские короли, по-видимому, устраивали места своего упокоения. Здесь до сих пор встречаются такие горные лагеря, как Вулстонбери, Кэбурн, Руксхилл и Чикбери, круглые по форме и, следовательно, не британские и не римские, а кроме них, несколько других, таких как Ньюхейвен, Сифорд и Берлинг, которые представляют собой сегменты окружностей и, подобно Фламборо-Хед, окружают мысы и приписываются, с некоторой вероятностью, датчанам. По-видимому, существует общее мнение, что эти круговые или сегментарные земляные сооружения предшествовали насыпям и насыпям, обнаруженным в глубине страны и на более низкой местности, и были созданы одним и тем же народом после его поселения и цивилизации.

Сассекс - единственное графство, основные подразделения которого носят названия рапс; из них в нем шесть: Гастингс, Певенси, Льюис, Брамбер, Арундел и Чичестер, в подчинении которых находятся шестьдесят пять сотен; каждое рапс включает в себя часть побережья, реку, гавань и крепость. Реки: Лавант, которая почти окружает город Чичестер и впадает в устье реки Бошем, порт Чичестер, — название, как полагают, является искажением саксонского *хлифиан*, прилив, потому что источники ежегодно поднимаются из глубоких источников; — Арун, который спускается по долине, носящей его название, рассекает меловой хребет и впадает в море у Литтл-Хэмптона; Адур, река Брамбер, которая также через меловой проход впадает в море у Шорхэма; Уз, река Льюиса, которая через узкое ущелье теперь впадает в море у Ньюхейвена, вместо того чтобы, как раньше, вытекать у Сифорда. Кукмер - река Певенси, но она выходит из этой гавани далеко на восток и спускается, также через меловую щель, к морю, к западу от Бичи-Хед; и, наконец, к Ротеру, реке, на которой произошло похищение Гастингса, но которая является общей границей Сассекса и Кента и впадает в море у Рая. Певенси-Хейвен, хотя и лишенный Кукмера, является вместилищем ряда более мелких ручьев, по которым воды нагорья ранее затопляли этот обширный уровень.

Крепостей рапс также шесть: Чичестер, вероятно, римского происхождения, давно разрушенный; Арундел, Брамбер, Льюис и Гастингс, все до-нормандского времени; Певенси римского происхождения. Элла, высадившаяся в 477 году н.э., завладела Чичестером. Все они были резиденциями английских лордов, и все они были приняты норманнами как хорошо выбранные позиции, и ими были заняты и укреплены. Замок Кнепп или Кнапп, подчиненный Брамберу, в таком же рапсе, как и он, имеет английское происхождение.

Из шести замков три - Арундел, Брамбер и Льюис - расположены в верхних проемах узких ущелий в меловых холмах. Чичестер расположен к востоку от мелового хребта и за его пределами. Певенси стоит в пределах уилда, среди низких болот, через которые этот тракт выходит к морю; а Гастингс, также в пределах уилда, стоит на морском утесе, на скалах и песках, которым он дал геологическое название.

Все шестеро, а также Кнапп, обладали, в большем или меньшем масштабе, коническими насыпями, столь характерными для английских крепостей, и каждая из них после завоевания стала главной резиденцией баронства и принадлежала могущественному дворянину. Роберт де Ю владел Гастингсом; Уильям де Уоррен - Льюисом; граф Мортон - Певенси; Чичестер перешел к Роджеру де Монтгомери, который основал там замок на месте более ранних работ, от которого сохранилась часть кургана. Замок стоял в городской черте, в северо-восточном квартале. Вместе с Арунделом он стал собственностью Д'Альбини и был разрушен по приказу короля Джона, после чего третий граф Арундел основал на его месте Грей Фрайарз, дом которого, вероятно, был построен из материалов замка. Говорят, что на холме стояла круглая или многоугольная крепость, как в Арунделе, и что следы ее фундамента долгое время были видны на ее вершине. Курган пережил все свои норманнские пристройки и является единственной сохранившейся реликвией древней крепости. Город, в пределах которого стоял замок, также является древним укрепленным местом. Крестообразные улицы, несомненно, римские, как и монеты и камни с надписями, время от времени находимые в раскопках; но очертания города не прямоугольные, а окружены насыпью и рвом неправильной формы, некогда внушительной прочности, и все еще местами довольно совершенными. Не исключено, что эти земляные сооружения относятся к постримскому периоду, к работе романизированных бриттов, и, следовательно, датируются раньше, чем замковые насыпи. Более поздняя стена была построена напротив берега, который, таким образом, до сих пор там, где он сохранился, образует широкий скат или террасу.

Замок Арундел, расположенный к востоку от Чичестера и превосходящий его по военному значению, стоит на правом берегу Аруна и высоко над ним. Перевал имеет более открытый характер, чем те, что находятся к востоку от него. Этот замок уже был описан.

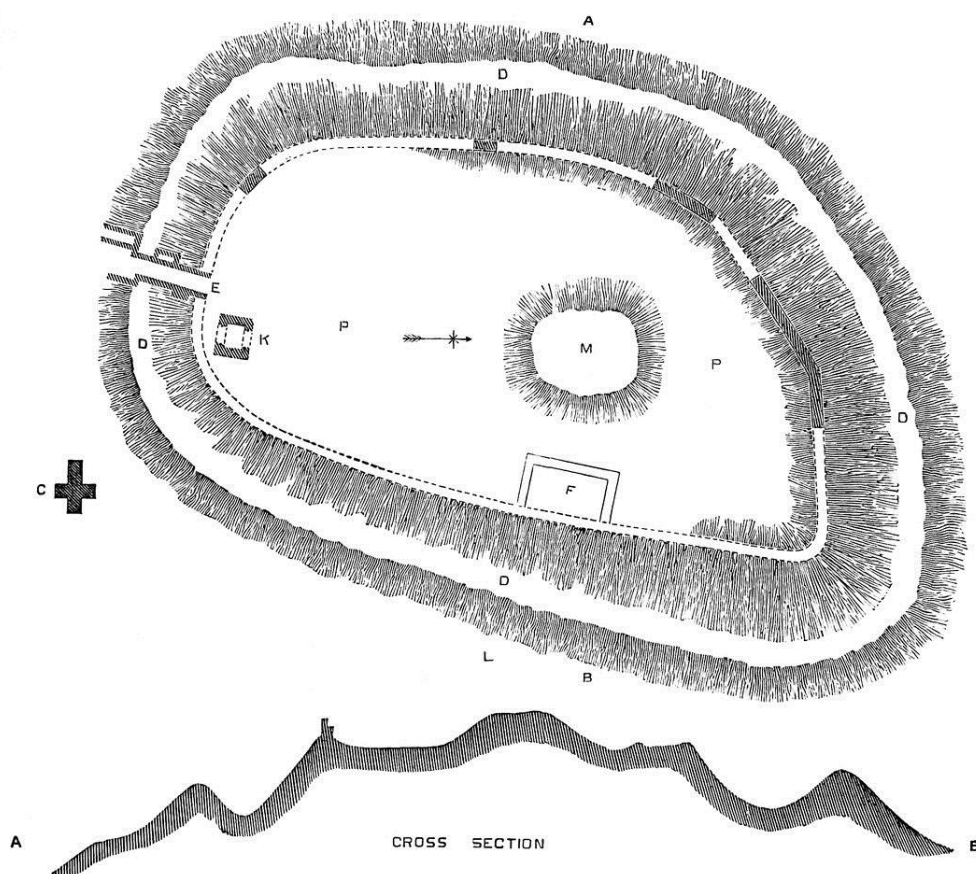
Замок Кнепп находится в приходе Шипли. На кургане хранился снаряд, следы которого сохранились, но который, как говорят, был разрушен еще в 1216 году.

Брамбер, замок, расположенный к востоку от Арундела, считается английским "Бримбург", крепостью на краю пропасти. Это была глава баронства и главное место изнасилования, которому оно дало название и которое включает в себя сорок два прихода. Место изнасилования простирается примерно на двадцать четыре мили от границы с Сурреем до моря шириной около восьми миль. Каким бы узким он ни был, до 1832 года он включал в себя четыре парламентских округа Шорхэм, Брамбер, Стейнинг и Хоршем, в результате чего в парламент вернулись восемь членов, теперь их число сократилось до трех. Замок стоит на западной стороне канала, по которому река Адур впадает в море в Шорхэме, и чуть выше него. Перевал, которым командуют таким образом, имеет четыре мили в длину и полмили в ширину; дно плоское и болотистое, склоны очень крутые и поднимаются на 600 или 700 футов. Нью-Шорхэм, основанный около 1200 г. н.э. нормандским лордом Брамбером, стоит на берегу моря; но олд-Шорхэм, английский порт, сейчас находится в полумиле от берега, поскольку речные отложения и *обломки* мелового хребта значительно продвинулись в море. Комб и Сент-Ботолф, древние приходы, расположены в пределах перевала, а выше на той же стороне находится деревня Брамбер, стоящая на небольшом возвышении у подножия западных холмов, на краю широкого участка ровной земли, все еще влажной и ранее неприступной, по которой течет медленный и часто затопляемый Адур, протекающий довольно извилисто.

Замок расположен немного к северо-западу от деревни и, по английскому обычаю, рядом с приходской церковью. Оттуда через долину ведет приподнятая дамба, ведущая в деревню Селе или Бидинг, окрестности Судного Дня, где когда-то при замке находился религиозный дом. Деревня, состоящая из одной короткой улицы, примыкает к дамбе, и недалеко от нее в

1839 году были обнаружены сваи и опоры в каменной кладке древнего моста, по которому дорога вела через один из притоков Адура. В хартии 1075 года этот мост и часовня на нем упоминаются как “*St^{us}. Petrus de veteri ponte.*” Дамба, однако, утверждает, что относится к более глубокой древности и что через болото проходила римская дорога, которая затем, вероятно, была затоплена морем.

При строительстве крепости был использован холм из нижнего или серого мела, примерно овальной формы, высотой около 120 футов над рекой. Она была выровнена сверху и огорожена по бокам так, чтобы образовать более или менее округлую область площадью 560 футов к северу и югу и 280 футов к востоку и западу. Уступ спускался более чем на 180 футов под углом 45 футов, или уклоном один к одному, в ров шириной около 20 футов на дне, противоположная сторона которого, или контрэскарп, поднималась примерно на 40 футов под таким же углом, так что ров на уровне контрэскарпа был шириной 100 футов, а гребень уступа возвышался на 30-40 футов над землей напротив. Очень грозная защита. К востоку, где почва была низкой, контрэскарп был высотой не более 20 футов, и, чтобы увеличить глубину канавы, он был увенчан небольшим откосом, от которого земля шла под уклон к болоту. На севере и северо-западе, где ров был самым глубоким, а земля высокой, склон наружу пологий, обрывающийся примерно на фарлонг. К западу, где находится долина, ныне занятая железной дорогой, местность низкая, и здесь внешняя сторона канавы, образующая гребень контркарпа, представляет собой узкий гребень, как в Арке, за которым следует очень крутой склон. Таким образом, те, кто приближался к месту с той стороны, после трудного и опасного подъема оказывались только на внешнем краю глубокого рва, за которым начинался второй, еще более высокий и круче подъем. К югу канава пересекает холм, а не огибает его, и она гораздо менее глубока. Здесь был вход, и на небольшом склоне холма, отрезанном таким образом, расположена приходская церковь, стоящая, следовательно, сразу за рвом и, в свою очередь, защищенная склоном холма и пологой дорогой, которая проходит в нескольких ярдах по краю болота, уровень которого находится на 8 или 10 футов ниже его.

- С. Церковь.
- Д. Канава.
- Е. Вход.
- Ф. Фонды.
- К. Продолжай.
- L. Низменность и болото.
- М. Курган.
- Платформа Р..

ЗАМОК БРАМБЕР.

На вершине стола, в 160 футах от его северного и 40 футах от восточного края, был насыпан конический холм высотой около 40 футов и диаметром 70 футов на вершине. Это полностью искусственное сооружение, и материал, очевидно, был собран с поверхности участка, который, таким образом, стал слегка полым, поверхность плавно поднимается к насыпи и к внешнему краю участка, то есть к гребню уступа. Курган, по-видимому, не имел собственного рва. Он был вырыт и обезображен с южной стороны. Возможно, там когда-то были постройки. На севере первоначальная и обычная форма нетронута. Склон очень крутой. Это был "бург" или цитадель первоначальной крепости.

Что стояло на территории города или как первоначально защищалась окраина местности, конечно, является предметом догадок; но, учитывая богатство древесины в округе, вполне вероятно, что все оборонительные сооружения состояли из этого материала, а также из прилегающей церкви, и, таким образом, предположив, мы можем представить себе "аулу"

графа Герда, который был лордом Брамбера во времена правления Исповедника. Позиция очень сильная, и с нее открывается обширный вид на восток и северо-восток.

Брамбер - один из замков, названных в "Судном дне". Тогда он был частью владений Вашингтона и принадлежал У. М. де Браозе, нормандскому грантополучателю. Воля Божья. [де Брайоса] принцип был неизменен. *Guerd comes tenuit tempore Regis Edwardi.* Продолжайте защищать. защитник. спрятался. *Modo non dat geldum. In una ex his hidis sedet Castellum Brembre.*"

Упомянутый здесь Уильям де Браоз, вероятно, присутствовал в Гастингсе. Хартия, на которую ссылается Дагдейл, датированная 1075-106 годами, показывает, что он был родом из Браоза, недалеко от Сомюра, на Луаре. Он немедленно получил разрешение почти на все похищение Брамбера и избрал замок своей главной резиденцией.

Хотя местная история умалчивает о деятельности Де Браоза, многое можно извлечь из свидетельств существующих руин. По краю стола он или его непосредственный преемник соорудили *ограждающую* стену. Там, где грунт был прочным, он был заложен на краю склона, но там, где мел просел, фундаменты были заложены на 3 или 4 фута ниже, так что стена была построена как облицовка, а земля внутри образовывала скат против нее. От этой *ограждающей* стены сохранилось несколько больших участков, и ее фундамент можно проследить со всех сторон. Он был толщиной от 7 до 9 футов, высотой внутри от 10 до 18 футов, а снаружи от 20 до 30 футов. Он был полностью построен из крупной гальки, как с морского пляжа, уложенной очень толстым слоем строительного раствора. Конечно, такие камни могут не иметь скрепления и являются едва ли не худшим материалом, который при обычных обстоятельствах можно было бы выбрать, но раствор настолько прочный, что стена остается прочной, а местами даже парапет толщиной в 2 фута, сложенный из того же материала, стоит. К северо-востоку есть острый угол и еще один, довольно смелый, к юго-западу, но ни там, ни где-либо еще, похоже, не было никаких настенных башен, хотя следует признать, что густой подлесок из терновника и ежевики делает невозможным тщательный осмотр внешнего вида.

Нормандская крепость стояла на *ограде* и сразу за ней, на ее южном конце, недалеко от восточного входа и напротив церкви. Это был квадрат в 40 футов, расположенный к северу и югу и примерно в 240 футах к югу от кургана. Его стены у основания были толщиной 9 футов 6 дюймов, а на вершине - совсем немного, если не меньше, и его внешняя поверхность была вертикальной. Подвальное помещение на уровне земли имело площадь 21 квадратный фут и высоту 14 футов, а над ним располагались три ступени, все с деревянными полами. Высота до крепостной стены, по приблизительным подсчетам, составляет около 70 футов, или три четверти диаметра. Первый этаж высотой 23 фута опирался либо на балки, которые поддерживали северную и южную стены, ныне исчезнувшие, либо, что более вероятно, на выступ в стене, толщина которого на этом уровне уменьшилась примерно на 6 дюймов, как видно с западной стороны. Осталась только западная стена и нижние 6 или 8 футов восточной стены. Северная и южная стены полностью сняты. Западная стена сплошная у основания, но восточная стена любопытным образом углублена внутрь и, кажется, кроме того, содержит две полости, похожие на выгребные ямы. Однако вся масса была так перетянута, что из нее мало что можно сделать.

На первом этаже западная стена также сплошная, за исключением того, что в ее южном конце находится короткий сводчатый проход, который, по-видимому, заканчивается гардеробной, вход в которую отмечен чем-то вроде вертикальной борозды в стене. Вероятно, в этот проход вела дверь в южной стене, недалеко от юго-западного угла. Восточный пол

высотой 19 футов опирался на шесть балок в восточной и западной стенах. В его западной стене есть углубление по центру, глубиной 3 фута, высотой 2 фута над полом, шириной 5 футов, с косяками высотой 7 футов. В нише находится окно шириной 3 фута, с косяками высотой 5 футов, также расположенными по центру. И ниша, и окно довольно простые и не растопырены.

Третий этаж высотой 14 футов также опирался на шесть балок, восточную и западную. Здесь нет окна на запад, но в стене есть два углубления для вертикальных балок крыши, а в основании каждой - карниз. Это выглядит так, как если бы крыша была наклонной, как в Бриджнорте и других местах, с низким уклоном, а северная и южная стены служили ее фронтонами.

В фундаменте есть некоторые указания на переднюю постройку, пристроенную к северной стене, где, вероятно, находился вход. Материалом для постройки крепости служит меловой камень, уложенный в обильные слои строительного раствора. Камень необработан, а работа выполнена из обработанного щебня, очень простого и добротного, но довольно грубого, с тенденцией к обработке селёдочнойкости. Окно отделано тесаным деревом, как и пустотелые элементы интерьера, но на нем нет никаких украшений, даже обычных нормандских пилястр или плинтусов. Ясень, вероятно, является мальмской скалой по соседству, слоем под мелом, очень похожим на тот, что использовался в Дорчестере и для некоторых соседних оксфордширских церквей. В целом, эта крепость, по-видимому, является ранней нормандской работой, возможно, еще времен Маллинга, и, вероятно, была построена первым Де Браозом до 1095 года, когда ею владел его сын.

Когда цитадель была взорвана, как это, очевидно, и было, порохом, южная и восточная стены четырьмя или пятью огромными кусками рухнули в прилегающий ров, где они сохранились лишь в незначительных изменениях, хотя и были скрыты растительностью. Если бы их расчистили, можно было бы обнаружить еще что-нибудь из деталей замка. Северная стена, похоже, была разбита и убрана.

Примерно в 40 футах к западу от крепости находятся остатки входа. Насколько сейчас можно видеть, там не было значительной сторожки, вероятно, только арка в занавесе, как в Ричмонде. Фрагмент стены показывает, что подход был крутым, и примерно в 40 футах от ворот находился мост, пирс и контрпирс которого на расстоянии 13 футов друг от друга все еще стоят во рву, здесь не более 90 футов шириной и 30 футов глубиной. Подход к контрполону круто поднимается от подножия холма и проходит мимо церкви.

Единственным зданием, от которого сохранились достоверные следы, рядом с крепостью, на территории этого района, была прямоугольная свая, построенная на занавесе, длиной 60 футов и выступающая на 24 фута вглубь территории. Он расположен напротив кургана и к востоку от него, и проход между ними был всего 15 футов шириной. Сохранилась часть основания этого здания, на котором видны цоколь и фрагмент стены, облицованный квадратным кремнем. Работа выглядит на много веков позже, чем крепость, и, безусловно, не нормандская. Здесь нет и следа колодца.

Приходская церковь носит покров Святого Николая, как и Старый Шорхэм. По сути, она нормандская, вероятно, более поздняя, чем замок, и первоначально представляла собой крестовую церковь с центральной башней. Неф и центральная площадь сохранились, но хоры и трансепты были демонтированы, а арки замурованы. Южная дверь нефа имеет обычную лепнину, но первоначальный проем был замурован и вставлен дверной проем меньшего размера. Крестообразная форма, по-видимому, здесь часто использовалась. Его можно увидеть в Олд-Шорхеме, Стейнинге и Бродуотере.

У Брамбера практически нет истории. Лорды были одними из самых диких, беспокойных и неудачливых нормандских баронов. Их основатель, Уильям де Браоз, получил от Завоевателя сорок одно графство в Сассексе, главным образом в этом графстве, и другие в Дорсете, Хантсе, Берксе, Уилтсе и Суррее. Он основал монастырь Святого Петра в Селе.

Филипп, его сын, придерживался Руфа, но был настроен против Генриха I. И был лишен наследства. Он женился на Берте, дочери Мило, графа Херефорда, с которым вместе владел Брекноком, Гауэром и другими владениями южного Уэльса, и таким образом заложил основу большей части могущества и большинства несчастий своего рода. Вероятно, он основал крепкие замки Ойстермут и Суонси.

Уильям, внук основателя, вернул себе поместья. Он основал церковь Нью-Шорхэм и порт. Он также участвовал во вторжении в Ирландию вместе с Генрихом II и контролировал все королевство Лимерик. Его обвиняют, хотя и на основании скудных доказательств, в массовой резне своих валлийских соседей в Абергавенни. Его владения в Англии, Уэльсе и Ирландии были огромными, и ему также принадлежала честь Браоза в Байлевике Фалез в Нормандии и доля Чести Тотнеса. Он женился на Мод де Хейз или Сент-Валери. По какой-то не совсем ясной причине он стал неприятен королю Иоанну, и их распри, сильно озлобленные высказываниями его жены, привели в 1210 году к его аресту и изгнанию, а также к смерти его жены и их сына Уильяма, как говорят, от голода в тюрьме Виндзорского замка. Сам он умер в Париже вскоре после этого, в 1212 году. Он был значительным благотворителем Церкви, и о нем записано, что он старался использовать имя Бога с большим благоговением. Король воспользовался случаем Изнасилования Брамбера и даровал баронство Ричарду, графу Корнуолла. Джайлс, епископ Херефордский, и Реджинальд де Браоз, братья титулованного барона, через некоторое время получили долю поместий. Брамбер был пожалован епископу, который, однако, умер в течение года. Наконец, в царствование Генриха III Реджинальд вернул себе Брамбера и Кнаппа, а также большую часть остального имущества и, женившись на Греции, дочери Уильяма де Лабрюэра, умер 6-го Генриха III, и ему наследовал его сын Уильям.

Уильям де Браоз женился на Еве Марешаль, сонаследнице великого графа. Он попал в руки принца Ллевелина, который обвинил его в слишком большой близости со своей принцессой и, как говорят, приговорил его к смерти в Билте через повешение. Он оставил четырех дочерей-сонаследниц, потомкам которых принадлежала большая часть поместий.

Однако у Джона де Браоза от Мод де Клер оставался наследник мужского пола: он был внуком от Мод де Клер того Уильяма, который умирал от голода вместе со своей матерью в Виндзоре, и он вернул Брамбера и Гауэра. Его сыном был Уильям де Браоз, который владел Брамбером и Гауэром и значительно увеличил поместья в Сассексе. Говорят, что в 1262 году он собрал крупную сумму денег со своих арендаторов, отказавшись от своего права собственности. Он умер в Финдоне в 1290 году при Эдуарде I, и ему наследовал Джон де Браоз из Брамбера, который женился на Маргарет, дочери Ллевелина, принца Уэльского. Он умер в Брамбере от падения с лошади (16 Генриха III, 1232), и ему наследовал Уильям, умерший 19 Эдуарда I. Уильям был могущественным бароном и принимал активное участие в войнах Эдуарда I и II. Однако он был расточителен и вынужден продать Гауэр, что впоследствии привело к спорам между покупателем и законными наследниками продавца, из которых Алива, его старшая дочь, вышла замуж за Джона де Моубрея, от которого в седьмом поколении произошла Маргарет де Моубрей, вышедшая замуж за сэра Роберта Говарда, откуда происходит герцог Норфолк, нынешний владелец замка Брамбер. Правление баронства приостановлено. Вероятно, с падением старшей мужской линии Де Браозов замок перестал быть резиденцией, но в 1644 году он был достаточно прочным,

чтобы его удерживал капитан Джеймс Темпл от имени короля против сильной парламентской партии, и, вероятно, в результате цитадель была взорвана, а замок восстановлен до его нынешнего состояния. Есть гравюра Холлара, сделанная 150 лет назад, которая представляет его таким, каким он является сейчас.

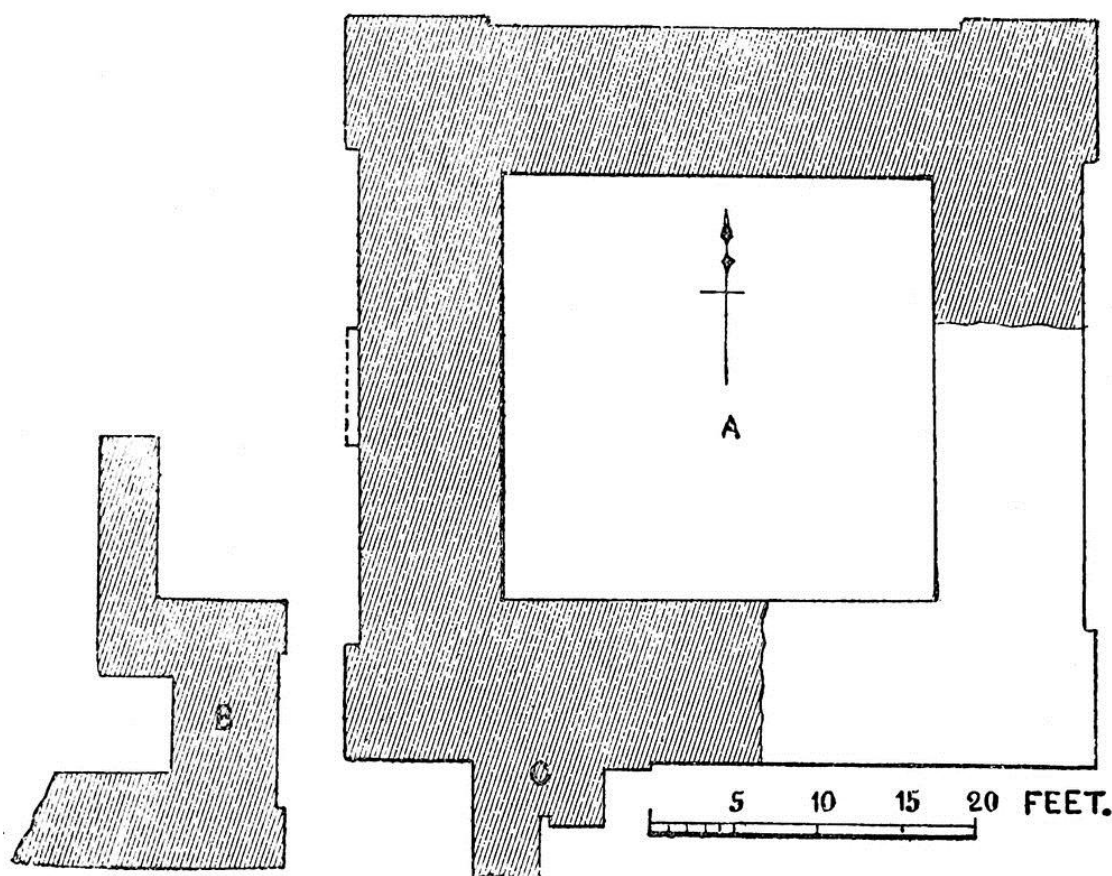
Другая ветвь семьи Де Браоз дослужилась до звания баронов парламента и владела большими владениями в Сассексе. Последний мужчина из этой кадетской ветви, Де Браоз из Чесурта и Ист-Гринстеда, умер во время правления Ричарда II.

Брамбер, как и Понтефракт, Льюис и Дадли, является примером естественного холма, окруженного и защищенного искусством и увенчанного искусственной насыпью; но, в отличие от этих замков, в нем есть и насыпь, и прямоугольная крепость - редкое сочетание, встречающееся также в Гилфорде и Крайстчерче. Прямоугольная крепость на естественном изолированном холме без насыпи, хотя и необычная, небезызвестна. Примеры такого рода можно увидеть в Хедингеме, Корфе и Бриджнорте. В Брамбере, как, впрочем, и во многих других местах ранних крепостей, первоначальные земляные укрепления пережили нормандские пристройки и остаются практически такими, какими они, должно быть, существовали до Завоевания.

БРИДЖНОРТ, ОЛДБЕРИ И КВАТФОРД В ШРОПШИРЕ.

Река Северн в своем течении от Шрусбери до Вустера протекает на протяжении нескольких миль по глубокому и изрезанному оврагу, внутри или вблизи которого лежат густонаселенные районы Коулбрук-Дейл, Айрон-Бридж, Угольный порт и Бросли, древние места металлургического производства, свидетельствующие о богатстве страны, хотя и едва ли гармонирующие с природной красотой. Ущелье начинается немного ниже увитых плющом руин аббатства Билдвас и заканчивается двадцатью-двадцатью пятью милями ниже, около Бьюдли и Стоурбриджа, где оно выходит в долину с мягким и улыбчивым характером.

Примерно на полпути вниз, между скалой Пендлстоун и впадением Ворфа, Северн принимает на свой правый берег воды из короткой, но глубокой и широкой долины, которая наклонно спускается с северо-запада и между которой и главной долиной находится острие крутой и узкой скальной гряды, возвышающейся примерно на 200 футов над рекой, и на почти ровной вершине которой расположен город и то, что осталось от замка Бриджнорт. Скала более возвышенна, а положение гораздо более впечатляющее, чем у замка Понтефракт, оборона которого также была в значительной степени естественной, и в этом отношении Бриджнорт может оспаривать сравнение с Куси, на который он также похож по отношению замка к городу. В обоих местах замок примыкал к городу, и их соединенные укрепления образовывали общий *оцепление*, в то время как у замка, кроме того, был собственный ров.

ЗАМОК БРИДЖНОРТ.

В Бриджнорте замок занимал вершину и южный конец платформы, более широкая и северная часть которой была покрыта городом, и городские стены примыкали к стенам замка, в то время как замковый ров пересекал платформу с одной стороны на другую. Из оборонительных сооружений города сохранились только северные ворота, да и те в сильно изуродованном и замаскированном виде, но линию стен можно проследить, частично по неровности почвы и расположению улиц, а частично по наличию утеса, на котором они частично стояли. Древний укрепленный мост, стоявший, когда Гроуз посетил это место в конце прошлого века, хотя теперь и перестроенный, пересекал Северн к востоку от города, и к нему можно было подъехать по крутому и узкому пролету высеченных в скале ступеней, а также по почти такому же крутому проезду для проезда карет. Этот мост защищал переправу через реку и соединял это место с пригородом, называемым Нижним городом, на левом берегу. Предполагается, что именно этот мост дал этому месту его раннее название Бруг, или Брейг, отличительное слово "Северный" было добавлено, вероятно, в тринадцатом веке, когда, как говорят, был более ранний мост немного ниже. В городе есть несколько старинных зданий, и среди них, рядом с мостом, очень красивое, обшитое деревом, в котором родился епископ Перси. Есть также прекрасная приходская церковь Святого Леонарда, которая стоит на северной окраине города, к востоку от северных ворот и сразу за линией старых стен.

Платформа замка в плане напоминает равносторонний треугольник, каждая сторона которого составляет около фарлонга. Лиланд говорит, что ее площадь составляет примерно треть площади города. Две стороны этого участка были защищены утесом, настолько крутым, что канава становилась ненужной, и поверхность которого, там, где она нуждалась в опоре, была и остается облицованной, причем стена и край утеса, без сомнения, были увенчаны парапетом. Утес возвышается над крутой осыпью, или склоном. Основание этого района было защищено стеной во рву, на которой стояла большая сторожка, стоявшая во

времена Лиланда и столетие спустя. Ров был засыпан и застроен заново, а стена снесена. Прямо в пределах его линии до сих пор стоит то, что осталось от крепости, а в нескольких ярдах к востоку от нее находилась замковая часовня, ныне церковь Святой Марии Магдалины, а до недавнего времени - особняк с особой юрисдикцией. Часовня была коллегиальной, с пожертвованиями для некоторых пребендариев, лишенных посвящения во время Реформации. Нынешнее здание, построенное в 1796 году, является большим и удручающим примером церковной архитектуры Телфорда, выполненной в том, что великий инженер с удовольствием назвал греческим стилем. Два здания стоят на самой высокой части территории замка, которая опускается на 30-40 футов к южной точке. Современная стена заняла место старой *ограды*. Вид оттуда открывается очень благородный, и ни в одном городе Англии нет более красивой набережной, чем та, которой корпоративная забота окружила этот район.

Фрагмент крепости, издавна известной как “падающая башня Бриджнорта”, по-видимому, является единственной каменной кладкой, оставшейся от замка, поскольку облицовочная стена утеса выглядит так, как будто ее заменили. Цитадель представляла собой правильную прямоугольную башню обычного нормандского образца, но по размерам совершенно недостойную могущественного графа, построившего ее, или знаменитой крепости, цитаделью которой она была. Она имела площадь 45 футов и высоту от 60 до 70 футов до основания парапета. На каждой грани были две пилястровые планки шириной 8 футов и выступом 6 дюймов, расположенные вплотную к углам башни, но не перекрывающие их, которые таким образом превращаются в укромные уголки, или полые углы, со стороной 6 дюймов, и которые, вместо того, чтобы, как обычно, заканчиваться сверху и снизу плоским квадратом, заканчиваются наклонной поверхностью, как бы для установки колонны. Пилястры поднимаются с общего постамента и поднимаются к парапету. Были ли они продолжены вверх так, чтобы образовать обычные угловые башенки, не указано. У каждого было по два выступа только на лицевой стороне и внешнем краю, что уменьшало ширину до 7 футов 6 дюймов и 7 футов. Выступы продолжались вокруг здания. На западной стороне также была еще одна пилястра той же ширины и выступом в 15 дюймов. Она уходила в стену несколькими футами ниже вершины и, по-видимому, была соединена с входной дверью, которая, вероятно, открывалась с лицевой стороны, поскольку внизу она отломана и видна часть грубой подпорки арки. Стены у основания имеют толщину 9 футов, а на вершине - около 7 футов. Здание состоит из трех этажей: подвал на уровне земли высотой 12 футов; первый этаж высотой 25 футов; и второй этаж немного выше, возможно, 30 футов. Полы были деревянными. Первый этаж, по-видимому, опирался на выступ, верхняя и плоская крыша - на балки, причем нижние располагались на востоке и западе, а верхние - на севере и юге. Отверстия в балках в северной стене были заделаны в ходе ранних работ, а над ними находится небольшое углубление или полка в стене, как будто уровень пола был изменен. В западной стене также были прорезаны новые отверстия в балках, меньшего размера, поверх старых.

Первоначальная крыша была очень крутой, с двумя откосами и центральным желобом, как в Порчестере, и обратной конструкции в Ладлоу, где гребень был центральным, а два желоба - боковыми. В северной стене остается идеальным погодный стол с отверстием высотой 2 фута и шириной 1 фут для прохождения балки, которая поддерживала водосточный желоб и ножки стропил. Видно, что стол продолжается горизонтально у западной стены, где он был уложен в виде планки, закрывающей верхний край черепицы. Стены были выровнены по всей окружности, чтобы скрыть крышу. Такое расположение, как в Ладлоу, Ричмонде, Порчестере и гейтхаусе в Шерборне, показывает, что изначально не было намерения использовать крышу в качестве платформы для мангонелей и тому подобных тяжелых машин.

Плоская свинцовая крыша, по-видимому, была построена позже. Не сохранилось никаких следов ни настенной лестницы в северной или западной стене, ни каких-либо настенных переходов.

Подвал, вероятно, представлял собой темный склад или подвал, куда можно было попасть только через люк этажом выше. Вход, по-видимому, находился на втором этаже в западной стене, в которой также сохранились следы петли или небольшого окна. Северная стена сохранилась в идеальном состоянии. Она была наиболее открытой и без каких-либо отверстий. В том, что осталось от южной стены, находится один косяк оригинального камина, у которого видна наклонная спинка, а также часть бокового уголка и нормандские счеты над ним. Боковая шахта исчезла. В сохранившейся части восточной стены находится северная половина небольшого окна во весь центр, глубоко расширенного внутрь. Восточная и южная стены над первым этажом исчезли. В западной стене, на верхнем этаже, виден северный косяк небольшого окна во весь центр, обрамленного смелым разрезом в виде песочных часов. К северу от него, в той же стене, есть небольшое углубление, вероятно, для лампы, которое, по-видимому, имело круглую головку. Там, вероятно, был камин в южной стене.

Выступающий с внешней стороны южной стены фрагмент занавеса толщиной 7 футов 6 дюймов того же возраста, что и в Кенилуорте, представляет собой фрагмент занавеса толщиной 7 футов 6 дюймов, в котором, как и в Кенилуорте, виден косяк дверного проема, защищенный снаружи опускной решеткой, квадратный паз которой, глубиной 5 дюймов и шириной 3 дюйма, показывает, что решетка была железной. Канавка, как и в Кенилуорте, заканчивается примерно в 3 футах от земли, поскольку к двери ведут ступеньки. Канавка не открыта снизу, а проходит, как обычно, за ограждающей стеной и, очевидно, была проложена со стороны крепостного вала, что до сих пор видно на задних воротах Фишергейта в Йорке. Дверной косяк находится примерно в 6 футах от башни. Очевидно, это был вход во внутренний двор, в котором, или, скорее, на стене которого, стояла крепость.

В нескольких футах к западу от крепости находится массив каменной кладки, явно являющийся частью переднего здания, прикрывавшего вход. Его обращенная к замку сторона имеет длину 13 футов, а к югу - 16 футов. Толщина варьируется от 3 до 6 футов, а в настоящее время около 10 футов в высоту. В настоящее время он удален от крепости на 3 фута 6 дюймов, но две грани, очевидно, когда-то соприкасались и были смещены в результате взрыва. Мина, с помощью которой была разрушена крепость, по-видимому, была заложена именно здесь.

Материалом для постройки крепости был бутовый камень, облицованный превосходным мелкошлифованным тесаным деревом. Внешняя сторона передней части здания, по-видимому, имела аналогичную облицовку.

Нелегко получить точные размеры крепости, так много было убрано, так много повреждено, а то, что осталось, так скрыто плющом. Более того, внутри помещения обустроены для двух собачьих будок, которые содержатся в очень грязном состоянии, а к стенам подвешена гниющая падаль. Руины также состоят из трех отдельных вольеров, все заперты. Мина была заложена между цитаделью и передним зданием, и взрывом снесло всю верхнюю часть последнего и так наклонило цитадель, что она накренилась под углом пятнадцать градусов к востоку от вертикали, а верхняя часть восточной и южной стен исчезла. Более того, крепость, по-видимому, была полностью приподнята примерно на три фута к востоку, а в северной стене есть большая открытая трещина. Примерно в пятнадцати ярдах от юго-восточного угла возвышается огромная, увитая плющом масса каменной кладки, вероятно, отдельно стоящий угол башни. То, что осталось от крепости, скреплено превосходным

цементом. Руины находятся в состоянии большой грязи и запущенности, и очень жаль, что вся территория не превращена в общественный сад. Разумные раскопки, вероятно, пролили бы много света на детали крепости и показали бы линию прилегающей к ней навесной стены.

Каменная кладка и детали крепости очень хорошо соответствуют дате с 1101 по 1102 год, к которой ее относит история. Это определенно не раньше. Занавес внутреннего двора явно датировался тем же временем и ограждал двор в северо-западной четверти общей территории, северо-восточный угол которого, вероятно, образовывала цитадель, и в который входили с восточной стороны, близко к югу от цитадели. Все остальное исчезло; "могучих Северных ворот", о которых говорит Лиланд, больше нет. Сами руины исчезли, и последний их след, хорошая нормандская арка, обнаруженная при сносе нескольких домов в 1821 году, с тех пор была разрушена местными вандалами.

Ранняя история Бриджнорта чрезвычайно неясна. В "Саксонской хронике" говорится, что когда в 896 году Альфред посадил датские корабли на мель в заливе Эссекс, датчане оставили их, пересекли Англию, провели зиму в Кватбридже на реке Северн и там устроили работу. Три из четырех оригинальных текстов переведены таким образом. Четвертый переводит их в "Бригс", или мост, на Северне. Флоренс Вустерская поддерживает Кватбридж и упоминает работу или крепость. "Бригсе" в Хронике считается интерполяцией, как там, где оно добавляется к Quat, так и там, где оно стоит отдельно, поскольку вполне вероятно, что в то время через Северн не было моста. В настоящее время существуют два прихода, в названия которых входит Куат на левом берегу реки, ниже Бриджнорта, Куат и Куатфорд, а на реке находится Дейнсфорд. Эйтон рассматривает Quat как искаженное британское "Coed", лес, поскольку вся округа когда-то была лесом.

В той же Хронике записано, что Этельфлада, великая леди Мерсии, в свое время могущественная градостроительница, прозванная Генрихом Хантингдонским "Ужасной девой вирорум", построила в 912 году город в Бридж, к которому Флоренс добавляет: "на западном берегу Северна". Бридж вряд ли мог быть Бриджнортом, который даже не упоминается в "Страшном суде". Однако мы должны найти недалеко от реки, около Бриджнорта, земляные валы, возведенные датчанами и Этельфледой, и будет видно, что сохранились по крайней мере три отдельных сооружения, любое из которых или все вместе могут относиться к девятому или десятому векам. Это Олдбери, Кватфордский замок и Кватфорд.

Бриджнорт не упоминается в "Страшном суде". Нормандского замка тогда еще не существовало, и нет никаких оснований, какими бы убедительными и заманчивыми ни были эти места, предполагать, что они были заняты либо датчанами, либо Этельфледой. Мистер Эйтон придерживается мнения, что место более позднего города и замка включено в определенные два участка земли, которые при обследовании составляли владения нормандского графа Шрусбери в пределах его большого поместья Морвилл. Кватфорд, а не Кватбридж, упоминается в этой записи вместе с Ардинтоном. "Ibi", то есть в Ардинтоне, "Molendinum de ij oris et nova domus et burgum Quatford, изречение nil reddens", "есть мельница стоимостью три унции (5 долларов в год), и новый дом, и городок под названием Куатфорд, ничего не платящий". Таким образом, в 1085 году можно согласиться с тем, что у графа появился новый дом в Куатфорде, где, действительно, известно, что по просьбе своей второй жены Аделаис и в знак признания ее спасения от кораблекрушения он основал около 1086 года коллегиальную церковь. В уставе об основании этого намекает на гору рядом с мостом; последний, вероятно, является придатком к новому дому, первый, возможно,

является частью более старого земляного сооружения того, что сейчас известно как замок Кватфорд.

Графу Роджеру унаследовал его английскую честь и поместья его второй сын граф Хью, который был убит в Уэльсе в 1098 году, и оставил наследование своему старшему брату, Роберту де Белесму, который уже унаследовал поместья своего отца в Нормандии и был графом Понтье по праву своей жены. Роберт, который, таким образом, стал графом Шрусбери, хотя и был жестоким тираном, был человеком больших способностей и энергии, не только великим солдатом и “*princeps militiae*”, или “Командующим войсками” для Руфуса, но и великим военным инженером. Он выбрал место и спланировал строительство знаменитого замка Жизор на франко-нормандской границе. Смерть его брата застала его осажденным в его замке Балаон Фульком, графом Анжуйским, и осада была снята Руфом, который даровал ему или утвердил его в чести своего брата. Когда он приехал в Англию, неизвестно, вероятно, не раньше конца 1099 года.

После смерти Руфуса в 1100 году граф Роберт принял сторону герцога Роберта, чьи претензии, однако, поначалу не были выдвинуты. Вероятно, готовясь к их открытому выступлению, он решил укрепить сильную позицию, которая возвышалась незанятой всего в миле от церкви и резиденции его отца. Его решение было быстрым, и за ним сразу последовали его действия. Он перенес “Бургус” Кватфорда в новый город на холме, а вместе с ним дом своего отца и мост, которые он также перестроил. В результате появились городской городок, замок и мост Бриджнорт, последнее сооружение дало название всему комплексу как Бридж или Бруге, отличительное “север” не добавлялось до правления Эдуарда II. или III.

Вместе с Бриджнортом граф Роберт также основал замок Кароклав в Уэльсе, и его потребность была такова, что работы велись день и ночь. Он также укрепил Арундел, Шрусбери и Тикхилл. Его усилия в 1100 и 1101 годах, когда он, по-видимому, построил замок, должны были быть чрезмерными. Король Генрих, однако, был не менее активен. Он отправил Роберта, епископа Линкольнского, осадить Тикхилл, в то время как сам, начав с Арундела, направился к Бриджнорту. Он взял его после трехнедельной осады в сентябре 1102 года, и это положило конец недолгому пребыванию графа Роберта у власти в Англии. Граф бежал в Нормандию, его графство Шрусбери было конфисковано, а Бриджнорт через некоторое время был передан Хью де Мортимеру из Вигмора, сыну одного из самых доверенных сторонников Генриха. В 1126 году Уолеран, граф Меллент, был здесь заключен в тюрьму, как и Мередит аб Лливарч в 1128 году. В 1130 году сюда отправляли вино для употребления королем, так что Мортимер, вероятно, был скорее констеблем короны, чем владельцем гонорара.

При новом правлении Мортимер принял сторону Стефана, после смерти которого ему принадлежали и Вигмор, и Бриджнорт. Поскольку он был в восстании против Генриха II, король выступил против него, и в апреле 1155 года замок во второй раз выдержал королевскую осаду. Клеобери, один из замков Мортимера, сдался в июле, а за ним последовали Вигмор и Бриджнорт. Генрих некоторое время жил в этом месте, и его хартия аббатству Стоунли датирована “*apud Brugium in obsidione*”. Говорят, что именно во время этой осады Юбер де Сен-Клер выступил вперед, чтобы получить стрелу, нацеленную в своего государя, - романтическая, но необоснованная история. Генрих сохранил замок за короной и использовал его в основном как тюрьму для своих валлийских заложников. В 1173-4 годах, когда принц Генрих восстал против своего отца, Бриджнорт был снабжен продовольствием стоимостью 22,5 млн. фунтов стерлингов. 2d. В 1175-6 годах король датировал отсюда хартию аббатства Уэнлок. Частые сборы за ремонт между 1166 и 1189 годами показывают, какое

значение придавал этому замку Генрих II. В 1176 году за рулон трубок привратнику замка платили 1 доллар в день.

Король Иоанн шесть раз был в Бриджнорте, проведя там около четырнадцати дней. Он подтвердил инкорпоративную грамоту городу. И он, и его предшественник Ричард содержали замок в порядке, о чем свидетельствуют частые сборы за ремонт в течение шестнадцати лет. В 1198 году за наем баржи, на которой жена Гриффита эб Риса была перевезена из Бриджнорта в Глостер, было выплачено 6,3 млн. В 1203 году Иоанн был представлен пребенду в замковой часовне. В 1209 году олень из соседнего леса проник в замок через заднюю дверь и был пойман и, без сомнения, превращен кастелянами в оленину. За это они были привлечены к ответственности вердюрерами, и из судебного разбирательства следует, что в то время замком управляли всего пять человек, из которых один был констеблем. Без сомнения, в мирное время королевские замки были предоставлены почти самим себе и часто даже не содержались в ремонте. Когда начиналась война, их ремонтировали, размещали гарнизоны и снабжали продовольствием со всей поспешностью. Что касается ремонта, то Бриджнорт, однако, похуже, преуспел. Мы читаем о ремонтных работах в королевском доме, в подвале замка, на “Барбакане и подъемном мосту”, или барбакане и подъемном мосту; на башенке внешней стены, дымоходе большого зала, стенах замка, башне, колодце, стеклянных окнах в холле, эркере королевы и часовне.

Эти обвинения продолжают на протяжении всего правления Генриха III и вплоть до правления Эдуарда I., с 1218 по 1281 год. В 1232 году шериф должен был привести в порядок замковую конюшню и кухню в барбакане башни, а в 1244-5 годах была назначена плата за покрытие башни в Бруге свинцом. Вероятно, это была крепость. В 1267 году Генрих III. и его королева находились в Бриджнорте, и, похуже, Мортимеры все еще были связаны с замком, поскольку в 1273 году, после смерти Хью де Мортимера, Эдуард I. продолжил своего преемника Ральфа на должностях шерифа графства и констебля замка.

В 1281 году была проведена инквизиция по поводу состояния здания, которым в последнее время пренебрегали. Балки большой башни прогнили, свинцовое покрытие было унесено; кроме того, замковый мост был разрушен, так что экипажи не могли по нему проехать.

Как и большинству других замков, принадлежащих короне и, следовательно, необитаемых, Бриджнорту, похуже, было позволено прийти в упадок со времен правления Эдуарда I. Так что, вероятно, за стенами мало что осталось. Во всяком случае, это не играло никакой роли в английской истории до великого восстания, когда город встал на сторону короля, для которого в замке был размещен гарнизон. Башня была атакована парламентскими войсками с северной стороны, и в нее проникли через брешь возле церкви Святого Леонарда. После этого город был сожжен до замка, который все еще держался. Говорят, что парламентские батареи были установлены на земляном валу Олдбери, что достаточно вероятно, хотя нет никаких следов парапетов или брустверов того времени, которые, однако, учитывая расстояние от замка и глубокую долину между ними, вероятно, были не нужны. Гарнизон продержался три недели и капитулировал на почетных условиях. Замок был взорван, а материалы, вероятно, проданы.

Любой рассказ о замке Бриджнорт был бы очень несовершенным, если бы не упоминались весьма примечательные земляные укрепления, замеченные по соседству и которые, очевидно, связаны с событиями, относящимися к девятому и десятому векам. Их всего три — Олдбери, Куатфордский замок и Куатфорд; и первый из Олдбери.

На левом берегу Северна, примерно в четверти мили ниже и к юго-западу от замка, и на противоположной стороне глубокой сухой долины, образующей его западную защиту,

возвышенность Олдбери прерывается тремя глубокими гребнями, спускающимися к реке, и между которыми находятся два высоких хребта или пригорка, крутых по направлению к Северну и комбу с обеих сторон, а на западе соединенных перешейком с возвышенностью. Самый большой из них, ближайший к замку, известен под неэлегантным, но наиболее описательным названием “Холм Пан Пудинг”. На самом деле, на рисунке он очень напоминает пудинг из говяжьего стейка, только что вынутый из кастрюли, в которой он варился. Естественно, продолговатый, но его почистили и закруглили. Круглая плоская вершина имеет диаметр 150 футов. В центре находится небольшой холмик, похожий на сосок, высотой 3 фута, а по окружности возвышается насыпь высотой около 4 футов. По направлению к реке склон крутой на протяжении 50 или 60 футов, по направлению к суше он защищен поперечной траншеей шириной около 50 футов и глубиной от 10 до 12 футов. На полпути вниз по склону с восточной стороны находится узкий выступ или тропинка, которая, возможно, была защищена частоколом. К югу этот выступ расширяется, превращаясь в ступеньку шириной от 90 до 100 футов, которая вырыта таким образом, чтобы образовать ров. Устройство очень простое, и насыпь в основном естественная, хотя и обнесена уступами и выполнена с помощью искусства. Вероятно, именно здесь в семнадцатом веке были установлены парламентские пушки.

Ближе к югу от этого холма находится второе сооружение, более низкое, меньших размеров и менее четко очерченное. Его вершина также круглая и около 100 футов в диаметре. Эти две работы одного общего типа и, вероятно, одной даты, и если не работы Этельфлады, то, без сомнения, ее периода. Они либо английские, либо датские, не британские. То, что главное сооружение старше нормандской крепости, видно из документа 1299 года, в котором оно названо “старым замком”. Более того, именно город дал название Олдбери, приходу, в котором он расположен.

Замок Кватфорд находится на левом берегу Северна, в одной с четвертью миле ниже Бриджнорта и в фарлонге от реки, причем промежуточная территория представляет собой полосу луга, в то время как Дейнсфорд до сих пор является названием соседнего брода и деревни. Короткий крутой гребень спускается с возвышенности на северо-восток и, разветвляясь ниже, включает в себя скальный холм, расположенный примерно в 150 футах над долиной и в 200 футах над рекой. Мягкая красная порода была обтесана и отшлифована, и часть материала была использована для создания искусственной вершины холма. Это что-то вроде овала, и, кажется, когда-то на его восточном конце было что-то вроде насыпи, которую сейчас занимает современный дом с крепостной стеной. Склоны крутые, особенно к западу, и они разбиты узкими террасами, которые сейчас являются проходами, но которые, возможно, когда-то были канавами. Подход осуществляется по своего рода дамбе с северо-восточной или наименее крутой стороны. Вершина и боковые стороны сооружения преобразованы в дом и сады, но общее расположение первоначального холма можно легко определить. Должно быть, он был очень сильным и в целом напоминает Девизы и подобные произведения английского происхождения. Вероятно, здесь находится “новый дом” графа Роджера, поскольку это была резиденция его английского предшественника. Это очень любопытная работа, и она заслуживает того, чтобы ее подробно изучили офицеры артиллерии. Следует упомянуть, что во внутреннем дворе есть небольшой проход, вырубленный в скале под углом в сорок пять градусов и спускающийся по девятистам четырем ступеням к колодцу, откуда поступает вода в дом. Проход, очевидно, является дополнением, первоначальным стволом скважины, спускающимся, как и сейчас, вертикально от поверхности.

Немного к северо-западу от замка, по направлению к Бриджнорту, конец отдельно стоящего возвышенного участка был отрезан траншеей, недалеко от места, называемого в *inch ordnance* "Собакой в стене". Похоже, это была легкая временная работа для размещения небольшой группы мужчин.

По той же дороге, в двух милях к югу от города, находится Кватфорд, недалеко от одноименной приходской церкви, где дорога пересекает крутой гребень в глубоких, но, вероятно, современных скальных выемках. Горный хребет примыкает к Северну отвесным скалистым мысом высотой около 70 футов. На нем насыпан холм высотой около 30 футов, в основном искусственный. Он круглый, диаметром около 60 футов на вершине, которая была сильно срезана, вероятно, для современных целей. Склоны крутые, примерно три четверти к одному. Этот курган отделен от основания мыса траншеей, вырубленной в скале глубиной около 12 футов и шириной 12 футов, которая тянется от утеса к утесу и включает в себя около трех четвертей насыпи. За пределами этого рва и к востоку от него находится участок неправильной формы, очерченный контуром земли. Его северная и южная стороны защищены рвом, который на юге глубокий и широкий. Вероятно, сюда входила восточная сторона, но теперь ее заменила холлоу-роуд. Территория не очень большая и, возможно, вместила бы около двухсот человек.

К западу от дороги и за ней находится церковь - здание, сохранившее некоторые нормандские руины. Он стоит несколько выше, чем лагерь, и его кладбище при небольшой осторожности могло бы стать частью лагеря и удвоить его площадь. Трудно сказать, было ли это когда-либо, вероятно, нет. Брод, который частично дал название деревне, все еще используется, когда река разливается. Он пересекает Северн ниже лагеря.

Этот лагерь отсутствует на карте боеприпасов, как и земляные укрепления замка Берф, расположенные в полутора милях к западу на этой записи, но одна сторона сохранилась.

Можно заметить, что характер поверхности местности в окрестностях очень благоприятен для строительства этих земляных сооружений с насыпями. Здесь есть множество естественных округлых холмов из красного песчаника, которые имеют искусственный вид и которые при небольшом обрыве были бы прочными. Особенно близко к востоку от дороги между Кватфордом и парком Дадмастон есть один, который очень похож на английский земляной вал, и для его совершенства не требуется ничего, кроме канавы. Помимо вышеописанных земляных работ, в округе есть и другие, которые, по-видимому, относятся к тому же типу. Таковы Касл-Хилл, расположенный в девяти милях к юго-востоку от Бриджнорта, и изолированный холм под названием "Дьявольская плевательница", в двух милях к юго-востоку от Бьюдли.

БАШНЯ БРОНЛЛИС, БРЕКНОКШИР.

БАШНЯ БРОНЛЛИС, расположенная на левом берегу реки Ллифни, притока реки Уай, расположена в одноименном приходе, недалеко к северу от города Талгарт, на обычном древнем пути между Херефордом и Брекноком.

Башня занимает вершину земляного холма, по большей части искусственного, который венчает крутой берег соседней реки; возвышается, возможно, на 60 футов над ручьем и примерно на 30 футов над землей к западу от здания и позади него. Курган расположен на

вершине земляного вала грушевидной формы, крутую восточную сторону которого образует берег реки, в то время как к его основанию, или северной стороне, был пристроен вал почти прямоугольной формы, который может быть, а может и не быть римским дополнением к кельтскому лагерю. Насыпь, которая в целости и сохранности выдержала очень значительный вес башни, должна быть значительно более ранней; и в целом сооружение во многом напоминает один из тех многочисленных примеров, когда более ранняя насыпь использовалась для возведения нормандской или раннеанглийской крепости.

Однако, как говорят, имеются остатки каменной кладки, свидетельствующие о характере и вероятном возрасте башни, все еще стоящей на части вала, и указания на то, что, как известно, башня стояла не отдельно, а находилась внутри основного двора. Сейчас эти стены не имеют никакой протяженности и, кажется, входят в состав современного дома, построенного на старой ограде.

Эта башня имеет у основания 37 футов в диаметре и вдаётся внутрь до 12 футов в высоту, когда ее опоясывает рельефный кордон или струнная трасса, сильно разрушенная, но, по-видимому, полукруглого сечения, с канавкой для воды на нижней стороне. Выше этого башня имеет цилиндрическую форму и 34 фута в диаметре, или почти так, до вершины, которая в настоящее время составляет около 60, а возможно, была 70 футов в высоту. Помимо основания для отбоя, на южной стороне есть небольшой неровный выступ, по-видимому, часть фундамента, выступающий над землей. Вокруг всего этого проходит дорожка шириной около 18 дюймов, так что насыпь на вершине имеет около 40 футов в поперечнике.

Башня состоит из подвала и трех этажей, над которыми находилась зубчатая стена, ныне полностью разрушенная. Подвал внутри был цилиндрической формы диаметром 18 футов, со стенами толщиной 9 футов 6 дюймов и перекрыт остроконечным сводом, гребень которого проходит примерно с северо-востока на юго-запад. Эта комната скорее проветривалась, чем освещалась ступенчатым углублением, заканчивавшимся небольшой петлей или отверстием на значительной высоте, через которое ничего не было видно. В него входили с противоположной, или западной, стороны через люк на первом этаже, который поднимался в оконной нише и открывал пролет из восьми очень крутых ступенек шириной 2 фута 7 дюймов, заканчивающихся дверным проемом на высоте более 7 футов от пола; следовательно, под которым, вероятно, была деревянная лестница. Скидка показывает, что дверь открывалась внутрь и на ее внешней стороне были засовы. Пол находится на уровне вершины холма, а в его центре есть углубление, которое может указывать на колодец.

В этой камере были пробиты два отверстия снаружи, с восточной и западной сторон. Трудно сказать, почему с огромным трудом пришлось дважды пробивать девять футов каменной кладки; также нет никаких следов двери или петли, которые могли бы облегчить задачу или подсказать об этих отверстиях. Разрушенные стены, однако, показывают у самого основания сооружения, с каждой стороны, горизонтальный или почти горизонтальный квадратный водосток очень грубой конструкции в самом материале стены. Эти отверстия были предметом многочисленных спекуляций. Очевидно, это были стоки с верхних этажей башни, собранные так, чтобы попадать в один выпуск. Такие водостоки можно увидеть в самом центре разрушенной монолитной башни в Корфе. Не исключено, что в одном из проломов могло быть углубление или гардеробная, которая сообщалась с водостоком, и это наводило на мысль о проникновении стены в этом направлении.

На первый этаж диаметром 17 футов 9 дюймов можно было попасть через наружную дверь в стене, на уровне кордона, или в 12 футах над землей, с восточной стороны. Должно быть,

были внешние ступеньки; но они не соединялись со стеной и, возможно, были деревянными. Дверь имеет проем в 3 фута 3 дюйма, с откидной аркой и простой лепниной со скошенными краями. Он был защищен внутренней дверью; но не было опускающей решетки или другой защиты. Дверная ниша имеет ширину 4 фута и откидную арку.

На этом этаже было два окна, выходящих на север и юго-запад, проемы которых имели ширину около 18 дюймов, с простыми равносторонними выступами. Первый открывается из углубления шириной 7 футов 4 дюйма с каменными боковыми сиденьями, между которыми в полу находится ловушка, спускающаяся в подземелье. У другого окна есть ниша шириной 6 футов 10 дюймов с каменным сиденьем с левой стороны. В его правом, или западном косяке, находится дверь шириной 2 фута 5 дюймов с квадратной головкой, под аркой, снижающей падение; от которой поднимается настенная лестница шириной 2 фута 5 дюймов, освещенная двумя наружными петлями и с плоским покрытием, ведущая на второй этаж. Оконные ниши имеют сегментарную форму и выполнены из превосходного известнякового туфа-ясеня.

Деревянный пол второго этажа опирался на двенадцать выступов и был цилиндрической формы, как и первый, того же диаметра, но выше. Это была лучшая комната. Помимо входной двери на западе, на юго-западе есть камин под плоской сегментарной аркой с простой фаской, над которой расположены два тонких восьмиугольных выступа, которые, очевидно, поддерживали вытяжку, вероятно, из дерева. Есть также два окна под нишами в виде ниспадающих арок, выходящие на юго-восток и северо-восток. В первом - каменные сиденья, а во втором - легкие, шириной в 2 фута, с головкой из сабельника, центральная часть которой представляет собой оги. Головка сделана только из двух камней. Лепнина простая, с фальцем на ставнях внутри; а снаружи - закругленные косяки вместо обычной фаски. В этом углублении каменное сиденье только с западной стороны. В восточном косяке находится небольшая дверь с квадратной головкой, открывающаяся на настенную лестницу шириной 2 фута 5 дюймов, из которых сохранилось девятнадцать ступенек, и которая вела на третий этаж.

Лестница освещается небольшим отверстием внизу, а вверху - петлей с квадратной головкой длиной 9 дюймов в углублении, расширенном до отверстия 3 фута 7 дюймов. Петля находилась примерно в 60 футах от земли и была перекрыта одной вертикальной и тремя горизонтальными перекладинами. Возможно, этот этаж использовался как тюрьма.

Третья ступень имела стены толщиной 8 футов и деревянный пол. Лестница снизу вела в нее с юго-восточной стороны, но, по-видимому, была продолжена в южной стене, так что вела к зубчатой платформе, которая теперь полностью исчезла. На этом этаже есть небольшая фресковая комната, без сомнения, гардеробная, на западной стороне, дверь в которую узкая и имеет арку из двух камней, которая, по-видимому, четырехцентровая или выполнена в стиле тудоров. Эта дверь расположена между окном на северо-западе, в нише которого имеется плоская ниспадающая арка, и другим окном на юго-западе, в котором ниша выломана. На северной стороне также есть небольшой камин и еще одно окно на северо-восток.

В стене, расположенной ближе к югу от камеры с фресками, находятся две небольшие квадратные шахты, одна из которых, без сомнения, была дымоходом, а другая, возможно, служила отдушиной для гардероба на зубчатых стенах.

Башня Бронллис отличается необычностью для дайверов. Несмотря на грубую каменную кладку, ее дверная и оконная отделка превосходна. По общему дизайну он напоминает раннюю английскую работу; но его двери, ниши, камин и карнизы кажутся украшенными в

ранние времена и, возможно, частично выполненными перпендикулярно. Он полностью превосходит в деталях Penrice, на который похож по размерам, и уступает Tre-Tower. Стены могут быть с уверенностью отнесены к первой четверти XIII века; но это, без сомнения, было заселено как место защиты, а затем как жилое помещение, в течение двух с половиной столетий после этого; и время от времени в нем происходили определенные переделки, в качестве примеров которых можно привести нынешний фасад камина, подпруги и другие окна, а также вход в комнату с фресками на верхнем этаже. Свод в подвале, возможно, оригинальный, но может быть дополнением.

ЗАМКИ БРОУ И БРОЭМ, УЭСТМОРЛЕНД.

“АННА Дорсет, Пембрук и Монтгомери”, баронесса Клиффорд, Уэстморленд и Весси, потомственный шериф Уэстморленда и почетная леди Скиптона в Крейвене, была во всех отношениях замечательной женщиной: она была высокого происхождения, владела большими поместьями, была вдовой двух влиятельных пэров и получила превосходное образование, которым в значительной степени воспользовалась. К сильной и обильной памяти она добавила здравый смысл и проницательность. Она была человеком с очень твердым характером и прожила свою жизнь среди событий, которые проявили и усилили это качество. Среди многих тем, о которых она была проинформирована и которые варьировались, по словам доктора Донна, от “предопределения до шелка”, было очень точное знание особенностей ее собственных поместий и очень твердая решимость поддерживать свои дома и замки в хорошем состоянии. Она нашла замки своих предков Клиффордов и Випонтов, Эпплби, Броэм и Броу, в руинах; она восстановила и сделала их пригодными для жилья, и, хотя время и рука разрушителя снова привели в упадок два из них, Броэм и Броу, в их стенах все еще сохранилась большая часть почерка великой графини, а также оригинальные работы ее далеких предков.

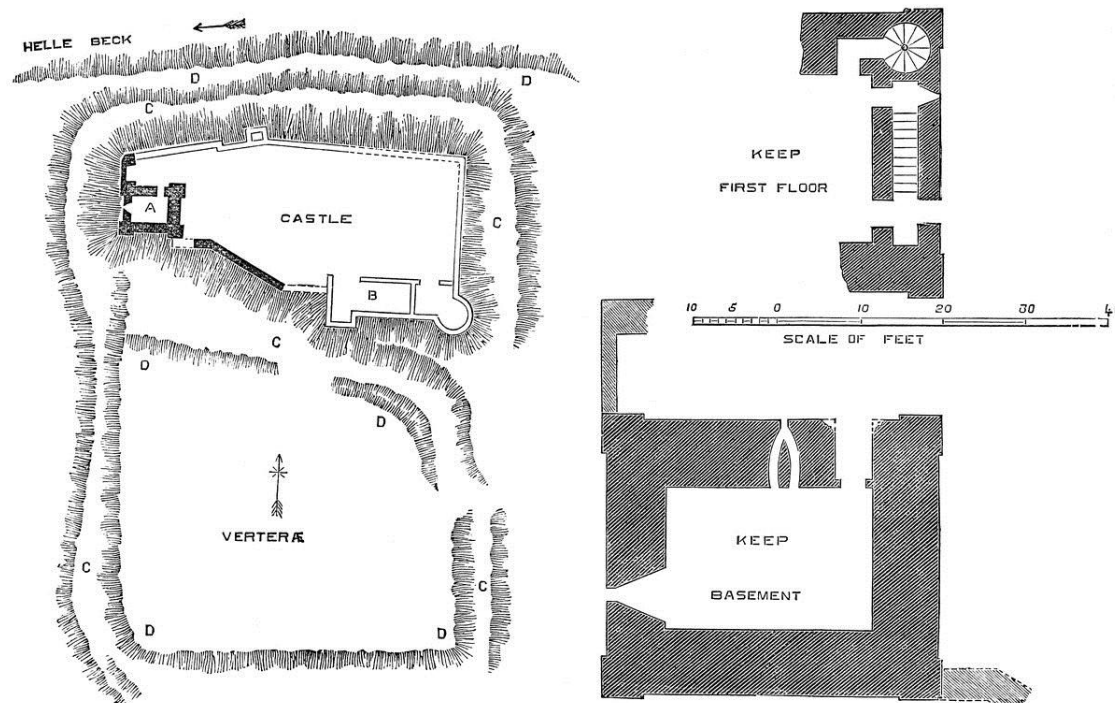
ЗАМОК БРОУ.

Замок Броу занимает весь крутой холм, который возвышается на 60 футов на левом берегу реки Свимдейл, или Хелле-Бек, и находится примерно в 50 ярдах от воды. Река бек впадает в Авгилл с юго-востока, чуть выше замка, и их объединенные воды, временами достигающие значительного объема и силы, впадают в Эдем примерно в полтора милях ниже. Сам замок находится на высоте 630 футов над уровнем моря, а окружающие его холмы Уэстморленда и Йоркшира возвышаются на высоту от 1000 до 2000 футов. Примерно в пяти милях к востоку находятся истоки Греты и Бальдера, а чуть дальше и севернее - истоки Луны, не благородного ручья, давшего название Ланкастеру, а притока Тиса.

Даже в этой дикой и почти непроходимой стране сохранились следы римской цивилизации. Дорога из Лаватре (Боуз) в Лугуваллиум (Карлайл) проходила через Броу, которая отождествляется со станцией Вертерэ, а также через Эпплби и Броэм, соединяясь в Пенрите с главной дорогой, построенной теми же людьми, с юга. В пяти и семи милях к востоку от Броу находятся два римских лагеря, и есть другие на той же линии дорог в Редлендсе и Киркби-Торе, а также очень совершенный лагерь в Броумеме. Римская дорога в Броу проходит в основном на восток и запад и пересекает бек в Маркет-Броу, названном так в отличие от Черч-Броу, который находится в трех фарлонгах к югу от реки и в котором находится замок. Коллективный приход называется “Броу-андер-Стейнмор”. Вертера, если

отождествлять ее с существующим лагерем и замком, стоит в стороне от главной дороги и к югу от реки, как в Броумеме.

Замок Броу

Вертера представлена прямоугольным лагерем, северный и более высокий конец которого, примыкающий к реке, занимает замок. Этот лагерь расположен на расстоянии 157 ярдов к северу и югу, на 113 ярдов к востоку и западу, из которых платформа внутри рва занимает площадь 134 на 90 ярдов. На северном конце этой территории поперечным рвом отрезан участок размером 90 ярдов к востоку и 50 ярдов к западу, который занят замком. Эта часть дополнительно защищена некоторыми дополнительными земляными валами, возможно нормандскими, с востока и запада. Южная часть лагеря, по-видимому, использовалась как своего рода пристройка к замку, вероятно, для защиты овец и крупного рогатого скота.

Таким образом, замок был расположен в лагере крест-накрест и параллельно реке, течение которой снесло внешнюю половину рва и превратило склон в обрывистый берег, на вершине которого находится курсирующая стена. Восточная внешняя стена состоит из конца холма, или гребня, на котором стоит замок, и который обрывается в треугольную платформу, основание которой длиной 57 ярдов закрывает торцевую часть крепости и выступает на 38 ярдов. Ров, отделяющий это сооружение от основной территории, имеет ширину 23 ярда и очень глубокую глубину. Земляные укрепления к западу представляют собой два откоса и рва, поперек задней части холма, один длиной 57 ярдов и на 47 ярдов впереди основного рва, а другой на 84 ярда дальше и длиной 94 ярда. Оба предназначены для перекрытия подходов вдоль берега реки. Поперечный ров, охватывающий южный фасад замка, имеет ширину около 30 ярдов, и по нему с востока проходил главный подход. Эти рвы на юго-восточном и западном фронтах полностью искусственные. Есть также следы насыпи и рва вдоль восточного фаса лагеря, примерно в 30 ярдах впереди основного рва и длиной около 60 ярдов. Дорога, которая, возможно, римская, поднимается с юга и пересекает Огилл по

мосту, в 250 ярдах выше или к востоку от замка, чтобы присоединиться к главной дороге через другой мост в Маркет-Броу. На берегу этого ручья находится замковая мельница. Каменная защита, по-видимому, ограничивалась самим замком. На внешних укреплениях, которые, вероятно, были обнесены частоколом, таких следов нет. Канавы находились на слишком высоком уровне, чтобы питаться из реки; но почва здесь прочная, и они, по-видимому, были заполнены дождевой водой.

Замок состоит из одного прихода, имеющего форму трапеции, восточная, северная и западная стороны расположены под прямым углом и составляют соответственно 77, 90 и 57 ярдов, а южная или наклонная сторона - 94 ярда. По сути, это прямоугольный треугольник с усеченным острым углом. Цитадель расположена в усеченном конце и образует юго-западный угол прихода, ее южная и западная стороны находятся снаружи и на линии занавеса. Хозяйственные постройки располагались вдоль южной стороны и примерно под юго-восточным углом и были пристроены к занавесу. Почти в центре этой стороны находилась сторожка, а к востоку от нее примыкал зал, за которым большая барабанная башня в три четверти венчала юго-восточный угол. Эта башня и сторожка - единственные сохранившиеся фрески. Кухня и часовня, а также некоторые более поздние постройки, вероятно, опирались на восточную стену, и между сторожкой и крепостью есть небольшой фундамент. Северный выступ, обращенный к реке, кажется, был свободен от построек. На нем находятся два контрфорса, а в одном - гардеробная, куда, вероятно, можно попасть через боковую дверь и проход в стене. Толщина этой занавески составляет от 3 до 5 футов, а высота внутри - от 12 до 15 футов.

The *Сторожка* расположена недалеко от центра южной стороны замка. Это было продолговатое здание, занимавшее западный конец квартала, восточную часть и остальную часть которого составляли холл и гостиная. Он состоял из прохода между двумя стенами, от которых сохранилась одна, толщиной 6 футов 6 дюймов и длиной 45 футов; внешние 10 футов находились за занавеской. Портал исчез, но от внутреннего дверного проема остался пружинящий камень шириной 3 фута 7 дюймов и углубленный на 8 футов 6 дюймов во внутреннюю часть фасада. Свод прохода, длиной около 10 футов, опирался на три выступающих ребра, от которых сохранились подпружиненные камни, и за которыми были внешние ворота, от которых сохранилась только часть. Там был верхний этаж, и если убрать мусор, можно было бы увидеть план сторожки. Стены кажутся норманнскими, но ребра, свод и фурнитура, вероятно, являются вставками того времени.

The *Hall* был убогим. Он находился на уровне первого этажа, над ним был еще один этаж и, следовательно, плоский потолок. Подвал состоит из трех расположенных поперечно сводов с плоскими, слегка заостренными арками. Двери выходят во двор, а в углу одной из комнат есть небольшой камин в стиле тюдор. У каждого была петля на внешнем конце, а на концах двух - настенные гардеробы из материала занавеса. Высота зала была не выше 12 или 14 футов. На его северной стороне находится ниша с круглой аркой, вероятно, первоначальный вход через внешнюю лестницу, а рядом с ней камин. На южной или занавешенной стороне находятся два хорошо оформленных в поздний период окна с двумя светильниками, довольно ярких тонов, с простыми наружными потеками. Над ними находится ступенька, или выступ, для пола верхней комнаты, и два окна, расположенные не прямо над окнами холла.

Нет никаких убедительных свидетельств существования часовни. Кухня, вероятно, находилась в северо-восточном конце зала, у восточного края занавески. Комнаты отдыха находились в восточном конце холла и простирались в башню Клиффорда, изящный смелый

барабан диаметром 30 футов, который венчает юго-восточный угол палаты. Эта башня, по-видимому, украшена по старинке, а основание и часть стены оригинальные; но она была почти перестроена, вероятно, из старых ограненных камней, в тюдоровский период, к которому относятся ее многочисленные окна с квадратными выступами. Часть его была снесена в 1763 году.

The Замок находится на самой высокой части ограждения. Он прямоугольный, 43 фута к востоку и западу, по 51 футу к северу и югу, и стоит на занавесе, которым соединены его западная и южная стороны. Поскольку он не полностью закрывает весь конец палаты, он закрыт низкой занавеской длиной 17 футов и толщиной 3 фута, которая простирается от сторожевой башни до северо-западного угла палаты. Крепость состоит из подвала и трех этажей и имеет высоту около 60 футов. Парапета больше нет. У него есть цоколь только на двух внешних сторонах, где земля низкая, и есть два отступа, которые указывают на уровень второго и верхнего этажей. В конце каждой грани находится пилястра шириной 7 футов и выступом 6 дюймов, а соседние сходятся и образуют сплошной угол. Эти пилястры выступали из стены, образуя угловые башенки, части которых сохранились. От верхнего выступа, на северной и южной сторонах, возвышается промежуточная пилястра шириной 3 фута. Толщина стен у основания составляет 10 футов, а наверху - 6 футов. В настоящее время подвал почти засыпан землей и мусором, скрывая большую часть восточной стороны. Часть юго-восточного угла обвалилась в 1792 году и скрывает детали главного входа.

В подвал в настоящее время входит простой дверной проем с круглой головкой размером 4 фута 7 дюймов в северной стене у ее восточного конца. Здесь есть выступ для внутренней двери, но нет паза для опускающей решетки. Внешние косяки отломаны. Из сравнения его кольцевых камней с оригинальными арками выше становится совершенно ясно, что этот вход является вставкой, вероятно, времен Якова I или Карла I. На той же стороне, рядом с дверным проемом, находится очень своеобразное отверстие для воздуха, образованное двумя петлями на расстоянии 2 футов друг от друга, которые сходятся к одной внешней петле. В Карнарвоне есть похожие петли гораздо более позднего времени. Возможно, подвал был разделен на две камеры, и из каждой открывалось по одной петле; но никаких следов перегородки нет. В западной стене, вероятно, была еще одна петля, теперь преобразованная в окно шириной в 2 фута, с квадратным верхом, расположенное в жирной растопыренной выемке, очевидно, относящейся к периоду, когда безопасность больше не была приоритетом. Окно открывается по линии цоколя, выступ которого выполнен над головой в виде квадратного карниза. Южная стена была пустой, как, вероятно, и восточная. Подвал был 13 или 14 футов высотой, с плоским деревянным потолком. В нем определенно не было ни комнат с фресками, ни лестницы. Вероятно, в него проникли сверху через люк и лестницу и использовали как склад.

На первом этаже, высотой около 13 футов, по-видимому, были петли в простых круглых нишах на северной, южной и западной сторонах, из которых последняя отколота, и вставлено двухсветное окно в стиле тюдор. Северный контур также был заменен аналогичным окном. В южной стене контур представлен небольшим квадратным отверстием. В руинах восточной стороны можно проследить остатки дверного проема, основания вестибюля и лестницы в стене. Ясно, что внешняя дверь находилась с этой стороны, около южного конца, и что она открывалась прямо на первый этаж, в то время как справа и слева, в толще стены, был проход с фресками, на его южном конце был простой вестибюль, но на севере находилась прямая лестница, которая поднимается 13 футов на двенадцать ступеней, шириной 4 фута 4 дюйма, к восточному углу, где был небольшой вестибюль, который открывался на второй этаж и освещался петлей в восточной стене.

Таким образом, на *второй этаж* с восточной стороны вела прямая настенная лестница, подобная тем, что были в Карлайле, в Чепстоу и в Ладлоу. В каждой из сторон, северной, южной и западной, этого этажа есть оригинальное углубление с круглой головкой, а в восточной стене, над настенной лестницей, видны следы более короткого углубления, расположенного выше, откуда, по-видимому, вел проход в комнату с настенной росписью в юго-восточном углу. Только в южной нише сохранилось оригинальное окно. Это маленькое спаренное окно из двух светильников с квадратным верхом, но внутри круглой арки. Разделительная шахта явно нормандская, как и весь характер проема. Северное окно также сдвоенное и с круглой головкой, но выглядит как вставка Стюарта. Восточное и западное окна с квадратными углами датированы эпохой Тюдоров. В северо-западном углу находится ниша для настенной росписи с петлями, возможно, гардеробная, а в северо-восточном углу дверной проем с квадратной головкой открывается из вестибюля в лестничный колодец, который начинается на этом уровне и поднимается на крышу. Он имеет 7 футов 6 дюймов в диаметре и поднимается на 31 фут на сорок шесть ступеней к аллуре, или дорожке оплота. Этот второй этаж изначально был главным и самым верхним, высоким, с высокой крышей, лепнина которой до сих пор видна на восточной и западной стенах. Конек крыши находился на уровне крепостного вала, и, поскольку северная и южная стены кажутся оригинальными, с обеих сторон, должно быть, была глубокая впадина с желобом на дне. Впоследствии эта крыша была снята и заменена плоской крышей на уровне крепостного вала, линия которой отмечена рядом выступов на северной и южной стенах. Причиной этого изменения, общего, вероятно, для всех нормандских замков, было превосходное удобство защиты плоской крыши, ставшее возможным благодаря использованию листового свинца в качестве кровельного материала.

The *Третий этаж* был сформирован путем деления полученной таким образом высоты на этаж, уложенный на уровне выступа старой крыши, и, таким образом, был создан второй этаж высотой 10 футов и третий высотой 20 футов. В западной стене было открыто квадратное окно в расширенной нише, а ближе к югу от него - небольшой камин в стиле тюдор, дымоход которого поднимается в юго-западную башенку. Восточная стена менее совершенна, но все еще показывает линию старой крыши и косяк окна в стиле тюдор. В северо-восточном углу находится дверь из колодца с лестницей.

Полы стен были на всем протяжении деревянными, балки первого и второго перекрытий опирались на отверстия в северной и южной стенах башенок; та, что расположена на юго-западе, вероятно, современная. В нем находятся дымоходы нескольких каминов, которые, по-видимому, были встроены в южную стену, но которые выпали. Вероятно, первоначально в замке не было каминов. Северо-восточная башенка содержит начало лестницы, ведущей в колодец. Две другие башни, похоже, были простыми корпусами, имеющими только две внешние стены. Все они возвышались примерно на 12 футов над крепостным валом и на 5 или 6 футов над гребнем парапета с внешней стороны восточной и южной стен крепости. Ближе к вершине расположены ряды треугольных отверстий, образованных тонкими плиточными камнями, поставленными по краям, и очень похожих на голубятни, которыми они, вероятно, и были. Ряд в южной стене имеет пять отверстий, а в юго-восточной башенке - три. В восточной стене два набора, один из трех отверстий, и один, несовершенный, из двух. В северо-восточной башенке есть одно отверстие. Они, очевидно, оригинальные и, похоже, не связаны с интерьером. Здесь нет никаких следов обычного фортификационного сооружения, для которого цитадель, как и Годерих, была слишком мала, но, вероятно, там была открытая лестница, деревянная или каменная, ведущая к главной двери, которая находилась примерно в 12 футах от земли. Снаружи крепость была довольно простой и довольно грубой работы. Пилястры сложены из квадратных камней, а стена частично из

аналогичного материала, а частично из камней неправильной формы, выложенных в виде необработанного щебня. Здесь нет работы из селечной кости и никаких видимых следов римской обработки материала.

Здание замка, очевидно, построено в поздненормандский период, а стены оригинальные, хотя и сильно потрепанные, и со множеством вставок времен Тюдоров и Стюартов. Это еще один пример высокой крыши, как в Ричмонде и Бриджнорте, где вся крыша была скрыта стенами.

Вероятно, основатель замка построил и цитадель, и навесную стену по линиям нынешнего навеса, а также прорубил поперечный ров, который отделяет его от остальной части римского лагеря. Сторожка и холл, а также юго-восточная башня, вероятно, были переделаны и дополнены в украшенный период. Вся крепость была отремонтирована графиней Анной, чья рука прослеживается во всем сооружении. Крепость была расколота порохом, вероятно, по приказу парламента, в результате чего в ее северной и южной стенах образовались трещины.

Роберт де Ветерипонте, или Випонт, глава знатного рода Уэстморлендов, которому, как показывают гербы Масгрейвов и Лоутеров, Бленкинсопов и Хеллбеков, они с самого начала были преданы, считается основателем замков Броэм и Броу, во всяком случае, в их нормандской форме. Его непосредственный предок переехал сюда вместе с герцогом Вильгельмом Нормандским, и семья сначала обосновалась в графствах Девон, Нортгемптон и Йорк. Роберт, второй или третий по происхождению, процветал в правление Генриха II, Ричарда, Джона и Генриха III, умер в 1228 году двенадцатым из последних монархов. Он занимал множество военных постов, был кастосом многих замков и шерифом многих центральных и северных графств. Он также был странствующим судьей и пользовался всеобщим доверием. В 1203 году (4 Иоанна) он получил грант от короля на Бейлевик Уэстморленд и замки Эпплби и Бург, сначала в качестве удовольствия, но затем в качестве гонорара. Возможно, грант был связан с тем фактом, что его мать, Мод, была членом великой семьи Уэстморленд из Морвилл и, вероятно, дочерью Хью де Морвилл, одного из убийц Бекета. Жена Роберта, Идонья де Буйсли, была наследницей замка и чести Тикхилл. Он был человеком очень богатым и могущественным и, вероятно, предпринял шаги, чтобы обезопасить свое баронство Уэстморленд от его северных соседей. В гранте упоминаются замки Эпплби и Бург; а Бург, то есть Броу, был разграблен Вильгельмом Шотландским в 1174 году. Вероятно, поэтому в этих местах уже существовали какие-то опорные пункты, основанные, возможно, англичанами на римских станциях. Более того, 1204 год действительно очень поздний для замков столь решительного нормандского типа, и, без сомнения, возможно, что де Мешин или Де Морвиль, предшественники лорды фии, могли построить оба замка.^[2]

Джон де Випон, сын и преемник Генриха III, умер 25 декабря в долгу перед королем, который отдал свои поместья в уорде приору Карлайла, пренебрегавшему замками. В его время крепость Броу не ремонтировалась, а балки прогнили. Лорд Джон перешел на сторону баронов и умер от ран, полученных при Льюисе. Его дочь и, наконец, единственная наследница, Изабелла, была замужем за Роджером де Клиффордом, — тем самым Роджером с надписи над воротами Броэма, — который был убит валлийцами в битве при Англси в царствование Эдуарда I. Роберт де Клиффорд, их сын, благородный лорд Скиптона, Эпплби, Броэма и Броу, пал при Бэннокберне. Тогда в Броу было два парка, мельница и земельные владения. Канавы замка позволяли выращивать траву за 6,8 пенса в год, а у констебля было 40 пенсов.

Роджер, следующий лорд, был великим строителем; он следовал за судьбой и разделил судьбу Томаса Ланкастерского. Считается, что он пристроил восточную часть Броэма, где долгое время были видны его гербы и гербы его жены Мод Бошан. Его преемником стал его брат Роберт, чей второй и оставшийся в живых сын Роджер, 28-летний Эдуард III, вернул себе фамильные поместья, которые были конфискованы, и содержал в порядке свои замки. Он умер 15 июля при Ричарде II, захватив Эпплби, Бургхэм и Бург. Четыре следующих лорда пали в битве: Томас в Германии, Джон во Франции, Томас в Сент-Луисе. Олбана и Джона в Таутоне. В 4 году Генриха V. замок Броэм лежал в запустении, и всей прибыли поместья было недостаточно для его ремонта и содержания. Следующим, Генри, был лорд-пастух, который в 1519 году устроил большой пир в Броу на Рождество, за которым в 1521 году последовал сильный пожар, в результате которого замок сгорел до голых стен и долгое время оставался заброшенным. Наследующий лорд и его сын, оба Генри, были первым и вторым графами Камберлендскими, из которых последний умер в замке Броэм около 1560 года. Джордж, третий граф, адмирал, умерший в 1605 году, родился в Броу в последний год правления королевы Марии, 1558 году. Со своим братом Фрэнсисом, четвертым графом, который в течение трех дней принимал короля Якова в Брау в 1617 году, мужская линия распалась, и поместья и баронства перешли к графине Анне, дочери графа Джорджа. Эта леди, которая ремонтировала карету Brougham and Brough в 1651-2 годах, родилась в Броэме в 1589 году, в той же комнате, в которой родился ее отец, умерла ее мать и был принят король Яков. Маргарет, ее дочь от графа Дорсета, передала поместья Тафтонам, графам Танетским, которые также унаследовали наследственное владение Уэстморлендом, вплоть до их исчезновения в нынешнем столетии. Они разобрали Brougham and Brough и продали фурнитуру в 1714 году. Нынешний владелец, похоже, очень внимательно относится к тому, что осталось от двух замков. Оба они отремонтированы очень основательным образом.

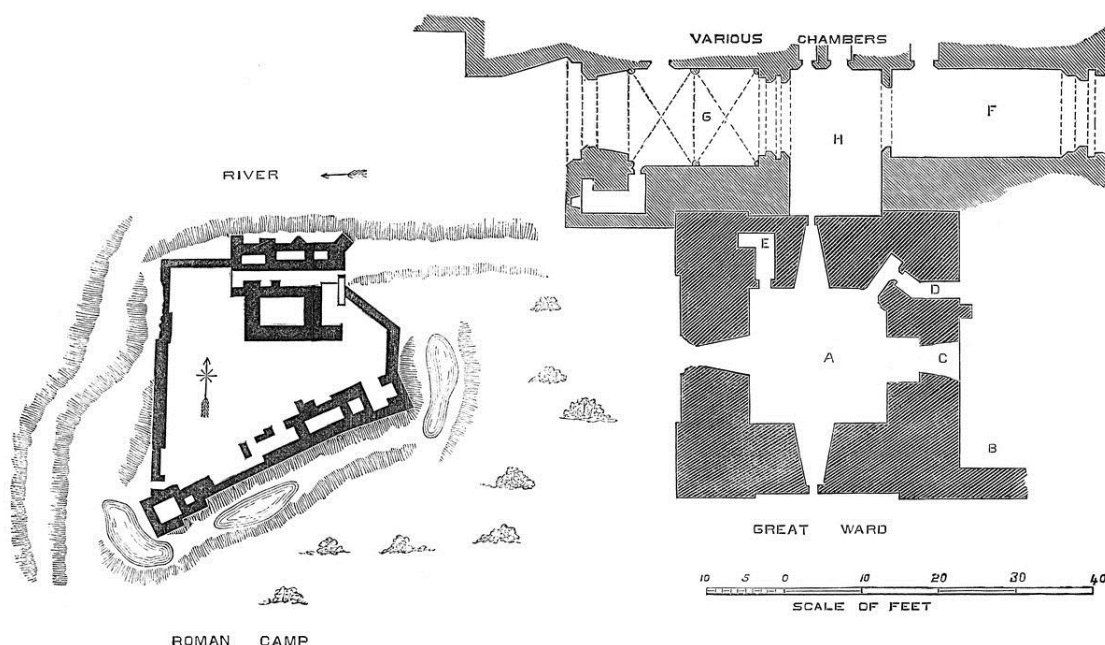
ЗАМОК БРОЭМ.

Это очень любопытное нагромождение стоит на правом берегу реки Эмон, чуть ниже того места, где к ней с юга присоединяется Лоутер, так что объединенный поток охватывает крепость с севера, как и два водоема и болотистую местность между ними на западном фасаде. Замок расположен всего в нескольких ярдах от Имонта и всего в нескольких футах над ним, а также между ним и большим прямоугольным лагерем, который отмечает место римского “Бровакума”, откуда и замок, и городок получили свои названия; такова, по крайней мере, наиболее вероятная этимология, хотя было выдвинуто требование к Бургхэму, которое было бы более обоснованным, если бы имелись доказательства того, что это место было английской, а не римской цитаделью.

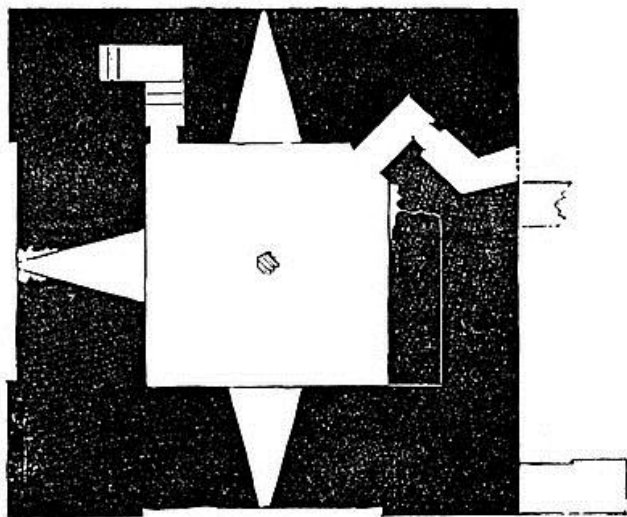
Римская дорога из Броу и Эпплби в направлении Карлайла и Пенрита огибает северо-восточный фасад лагеря и замка и перекинута через реку по современному мосту в нескольких ярдах ниже последнего. Над замком и на Имонте была расположена замковая мельница, плотина, соединенная с которой, сохранилась до сих пор. Фактическое место Бровакума было отведено под Броэм-холл на прилегающей возвышенности; но, как бы то ни было, лагерь внизу, несомненно, римский и является прекрасным примером укреплений этого народа. Римский алтарь был найден в 1602 году на слиянии двух рек. Какое более раннее название воплощено в римском Brovasum, неизвестно, но “Bro” в Южном Уэльсе - это старое валлийское слово, обозначающее “горную местность”, и оно сохранилось в Brocastle и Broviscin, в Гламоргане. Приход Броэма большой; церковь называется Найнкиркс, вероятно, искаженное название церкви святого Ниниана. Приходская часовня, которая стоит недалеко от Броэм-холла, посвящена святому Уилфриду.

Лагерь расположен в пределах одного вала и внешнего рва, оба очень хорошо обозначены, хотя по высоте и глубине сильно уменьшены. Вдоль уступа или внутреннего склона рва видны следы ступени или террасы, как для линии частоколов, перед главной линией обороны и под ней. Территория внутри рва имеет ширину 113 ярдов, а его длина, составляющая сейчас 134 ярда, вероятно, составляла 198 ярдов, что соответствует размерам лагеря в Броу. Ширина канавы составляет около 25 ярдов. Вход исчез; без сомнения, он находился в центре восточной стороны, со стороны дороги. Углы, как обычно, слегка закруглены. Замок стоит в нескольких ярдах к северу от лагеря, прилегающие части которого были срезаны и выровнены при формировании его внешних укреплений. Замок представляет собой в плане очень неправильную четырехгранную фигуру; южная и западная стороны сходятся менее чем под прямым углом и имеют длину 80 ярдов и 77 ярдов. Северная сторона, обращенная под прямым углом к западу и к реке, составляет 50 ярдов. Восточная сторона была частично перестроена с небольшим выступом. Ее длина составляет около 40 ярдов. Эта территория является главным, или, скорее, единственным, двором замка. Первоначально цитадель стояла прямо во дворе, недалеко от его северо-восточного угла; большая сторожка теперь занимает этот угол и большую часть северного фасада и соединена с цитаделью, которая, следовательно, больше не изолирована. Холл и хозяйственные постройки стоят у южной стены и продолжают на небольшом расстоянии вдоль восточной стены. Большая квадратная башня расположена под юго-западным углом и прикрывает задний вход. Западная стена свободна и, кажется, была низкой. Замок находится примерно в 50 ярдах от реки и на высоте 30 футов над ней. Вход был с востока, вдоль берега реки. Ров, полностью искусственный и, вероятно, заполненный дождевой водой, защищал западный, южный и восточный фронты. К западу он самый широкий и глубокий, так как является открытым фронтом. Со стороны реки естественный обрыв и болотистый характер почвы были достаточной защитой. Вход находится и, вероятно, всегда был в восточной стене, на ее северном конце, или у реки. Эта часть *ограждающей* стены построена с уступом или углом возврата, чтобы на протяжении нескольких ярдов контролировать подход к внешним воротам. Теперь ров пересекает земляная насыпь, заменившая прежний подъемный мост.

Замок Броэм

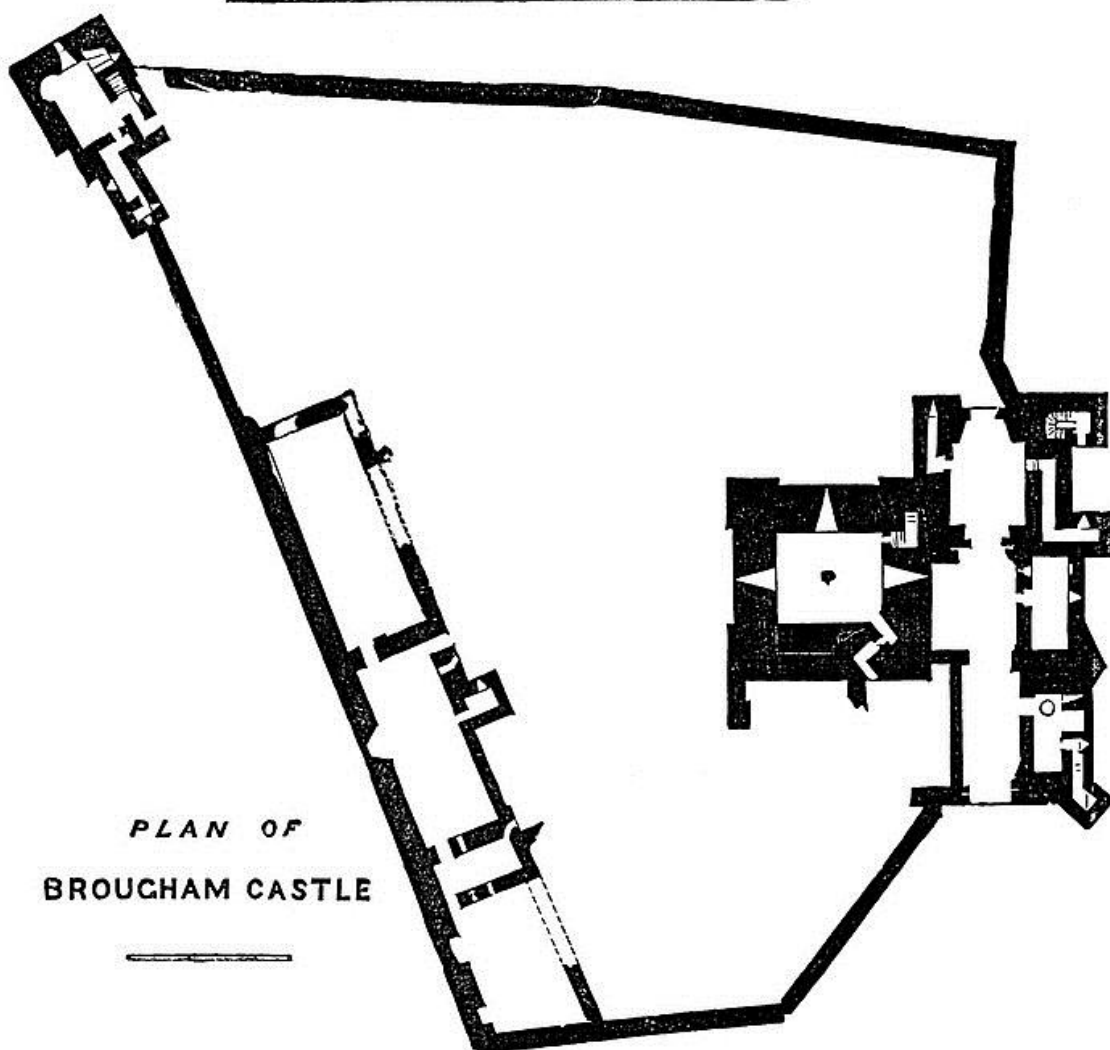

The *Сторожка*, прямоугольная в плане, 90 футов в длину и 39 футов в ширину, занимает пространство между крепостью и северной стеной и выходит в обе стороны за пределы крепости. Он состоит из двух частей: одна, представляющая собой блок комнат, лож и т. Д., образует занавес или, скорее, примыкает к нему; другая, соединяющая эти комнаты с замком, содержит сводчатый вход. Вход разделен поперечно на две части, разделенные небольшим открытым двориком. Внешний проход длиной 34 фута ведет к внешним воротам; другой, длиной 36 футов, - к внутренним воротам. Крепость образует одну сторону, а лож - другую. Таким образом, на самом деле существует две сторожки — одна примыкает к северо-восточному, а другая к северо-западному углу крепости, каждая со своими оборонительными сооружениями и воротами, здания на севере сообщаются с обоими. Внешний портал находится в восточной стене. У него нет боковых башен, так как он защищен занавесом. Северо-восточный угол увенчан квадратным контрфорсом, расположенным по диагонали. Над воротами возвышается простая, плоская сегментарная арка. На камне выбиты слова: "Это сделал Роджер", а над ним расположены два яруса, каждый из которых состоит из двух хорошо оформленных окон с двумя огнями, с трилистниками и четырехлистником в изголовье, разделенных фрамугой. Между двумя верхними окнами расположены три смелых выступа, предназначенных для поддержки механизмов, напоминающих те, что установлены на каждой грани замка. Говорят, что раньше над входом был вырезан герб Вокса, "чекки"; но представляется вероятным, что это был герб Клиффорда, "чекки, фесс", или, возможно, это был "бендлет". Проход внутри, шириной 11 футов, сводчатый. Первой защитой была опускаемая решетка, от которой сохранился квадратный желоб шириной 6 дюймов и глубиной 4 дюйма. Внутри находится скидка на пару ворот, а справа - маленькая дверь сторожки. Во внутреннем конце прохода находилась вторая пара ворот, открывавшихся в сторону первой пары, а за ними - открытый двор со стеной крепости слева. Над этими внешними воротами находится большая комната, 21 фут к востоку и западу, и 32 фута в длину. В ее западной стене находится камин и дверь, ведущая в средние покои. В его северной стене хорошо оформленное окно выходит на реку; в восточной стене два окна с видом на внешние ворота, а между ними, над воротами, ниша для опускаемой решетки.

Ground Plan of Norman Keep, Brougham Castle.

10 5 0 10 20 30 40 FEET

PLAN OF
BROUGHAM CASTLE

Scale. 60 ft to 1 inch.

0 5 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 110 120 130 140 feet.

ПЛАН ЗАМКА БРОЭМ

За открытым двором находится вторая часть сторожки, которая начинается с опускной решетки, поддерживаемой парой дверей, внутри которых находится проход длиной 20 футов и шириной 16 футов, перекрытый двумя проемами с поперечными и диагональными ребрами, отходящими от шести карнизов. Ребер гребня нет; у внутреннего или дальнейшего портала также были двери. Левый вигвам представляет собой сводчатую камеру длиной 11 футов и шириной 3 фута 3 дюйма. Справа комната намного больше и ведет к северной задней двери. Внешний или северный фасад этих двух сторожек образует красивый блок и пронизан различными отверстиями на разных уровнях. В его северо-восточном углу находится угловой контрфорс; затем следует еще один в сечении в половину квадрата, расположенный по диагонали; и к западу от него, опять же, находится большой квадратный контрфорс, с одной стороны от которого находится северный задний ход, маленькая дверь с выступом у подножия лестничного пролета.

Высокая башня в юго-западном углу двора имеет площадь около 35 квадратных футов с пристройкой на восточной стороне. В нем толстые стены и проходы с фресками, и он мало выступает за пределы занавеса. В нем есть подвал и три верхних этажа. На первый этаж вела внешняя лестница, которая также сообщалась с крепостным валом западного занавеса. На его стыке с башней находится задний ход, подход к которому охраняется петлей, а почти над дверью спускается стрела гардероба.

Вдоль южной стены расположены хозяйственные постройки, главной из которых была часовня размером примерно 35 на 20 футов. Она находилась на втором этаже с деревянным полом и открытой крышей. В помещение внизу можно было попасть со двора через стрельчатую дверь. В часовне было большое восточное окно, от которого сохранились косяки; а в южной, или навесной, стене - два длинных окна в форме трилистника, распахнутых изнутри. Ближе к восточному концу расположены три сиделии, также с трехлистными головками и трилистниками в шпандрелях, все под плоской вершиной. Здесь также находится piscina с поздним декором. Рядом с часовней, ближе к юго-восточному углу, остатки большого камина, по-видимому, указывают на кухню, а вдоль восточной стены расположены два окна и следы камина между ними, которые, по-видимому, принадлежат залу. В северном конце, также на втором этаже, сохранились остатки красивой двери в перпендикулярном стиле с четырехцентровой аркой под квадратным выступом. Лестница, возможно, была внешней. Гроуз показывает здесь некоторые стены 1775 года постройки, которых сейчас нет.

The Крепость, называвшаяся во времена графини Анны "Римской башней", единственное, что осталось от первоначального замка, имеет площадь 44 квадратных фута и в своем нынешнем состоянии необычной высоты. Его внешний цоколь ограничен северной стороной. Два западных угла перекрыты пилястрами шириной 12 футов и выступом 6 дюймов, по одной на каждой грани, которые сходятся так, чтобы образовать сплошной угол. Две другие пилястры, уравнивающие эти, покрывают восточный конец северной и южной стен, но на восточной стороне их нет, поскольку они были перекрыты передним зданием. Южная сторона вытянута на восток на 12 футов стеной толщиной 5 футов, которая поднимается до уровня третьего этажа и образует южный конец переднего корпуса. Пилястры поднимаются до нынешней вершины стены и первоначально заканчивались четырьмя квадратными башенками, следы которых сохранились в двух северных углах. В замке есть подвал и три верхних этажа, из которых самый верхний, если не пристройка, был

переделан. Толщина стен 11 футов у основания и не менее 10 футов на уровне вала. Парапета больше нет. Внешнего ограждения нет. В центре каждой грани и ближе к верху расположены три или четыре смелых выступа, которые, очевидно, имели короткую машинку; а по углам, ближе к верху, расположены несколько крестообразных петель, слегка изогнутых вверх и вниз, с боковыми ответвлениями, оканчивающимися масленками, очень похожими на те, что в Кенилворте. Некоторые из них представляют собой нижнюю половину тех башенок, которые вместе с парапетом стояли в 1775 году. В верхней части юго-восточного угла стена имеет выступ на 12 дюймов при ширине 15 футов с южной стороны и несколько меньше с восточной. Это сделано для того, чтобы дать немного больше места фреске оратории, которая имеет петлю на южной стороне и небольшое окно в виде трилистника, обращенное на восток, подальше от передней части здания. На северной стороне, рядом с восточной пилястрой, вертикальная линия из шести петель указывает на наличие лестницы-колодца, ведущей со второго этажа. Четыре нижних петли имеют круглые головки; две верхние имеют квадратные головки и, вероятно, появились позже.

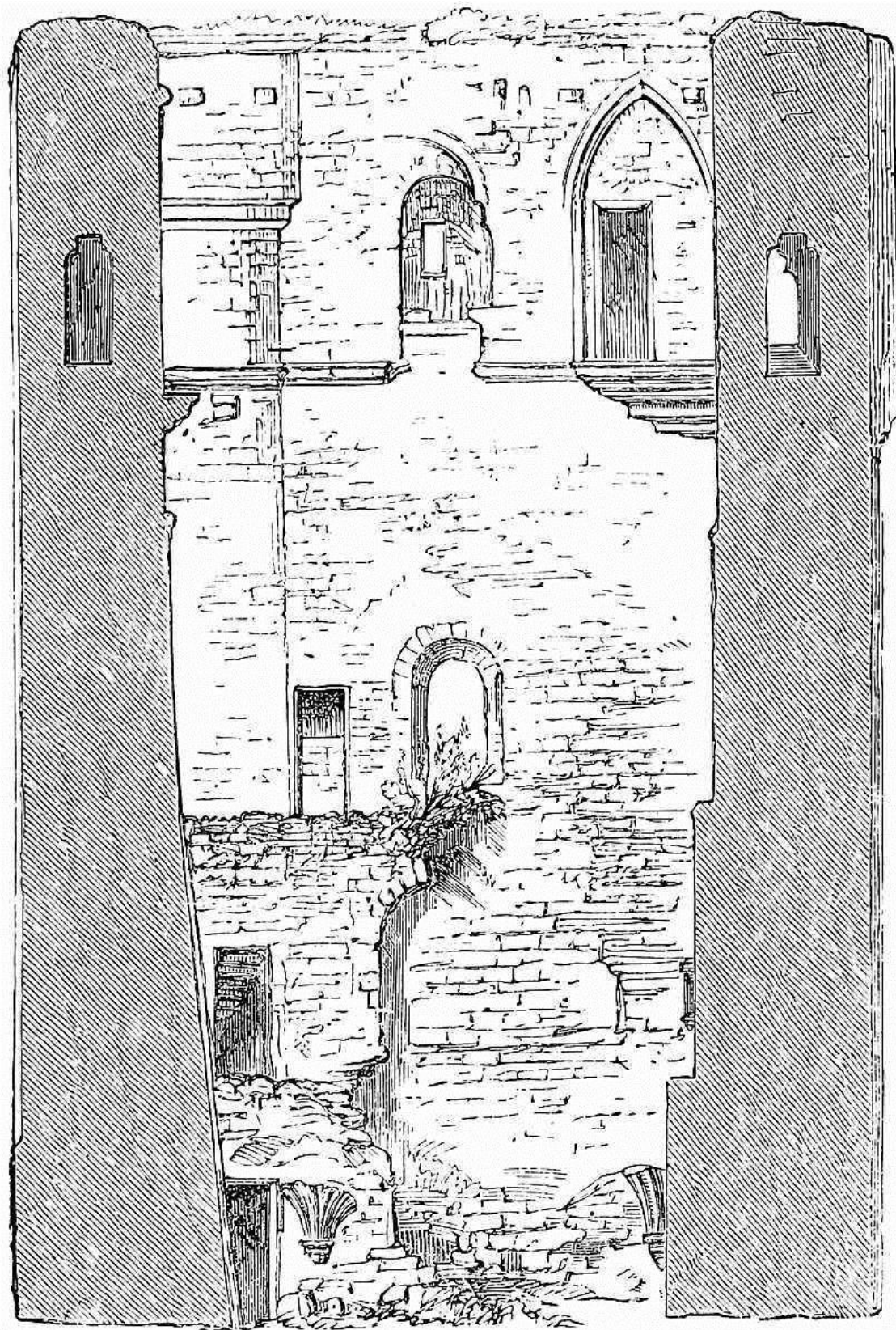
Подвал находится на уровне земли. У него растопыренные петли на севере, западе и юге; а на восточной стороне есть углубление с параллельными сторонами и след от дверного проема. Она, если она оригинальная, должна была вести в камеру под передним зданием, как в Рочестере; но это может быть украшенная вставка. Она почти завалена мусором. В северо-восточном углу, который был перекрыт короткой стеной, находится небольшая дверь, открывающаяся в изогнутый проход, который теперь ведет на открытый воздух, там, где было подножие большой входной лестницы. Возможно, здесь всегда была камера, но поперечная стена и внешняя дверь не являются оригинальными. В западном конце северной стены есть еще одно углубление, ведущее в гардеробную комнату, 5 футов в длину и 3 фута в ширину, оригинальную. Этот цокольный этаж имел сводчатую и ребристую крышу, опирающуюся на выступы по углам и на четыре других выступа в центре каждой стороны. В 1775 году здесь был центральный пирс. Как и в Ричмонде, это хранилище представляло собой вставку, заменяющую древесину. Подвал был высотой около 13 футов.

The *Первый этаж* имеет площадь 23 квадратных фута. В нем есть круглые оконные проемы на север и запад, в круглых нишах с закругленными углами. У южной стены был камин, вероятно, гардеробный, как тот, что внизу. В северо-восточном углу, перекрытом, как и тот, что внизу, короткой поперечной стеной, находится дверь, ведущая на лестницу-колодец, которая занимает этот угол и поднимается на крышу. Восточная стена была недавно в некоторой степени перестроена. В ней можно увидеть фрагменты большого украшенного дверного проема, очевидно, вставленного для обеспечения прямого входа в помещение. У стен этого этажа была аркада, следы которой сохранились на южной и западной сторонах. Аркада имела тонкие опоры и трилистниковидные арки. Необычно найти столь богато украшенную комнату на первом или, вообще, на любом другом этаже нормандской крепости: должно быть, она больше напоминала здание капитула, чем личные покои. Часовня в Касл Райзинг была такой же аркадной, как и те, что в Йорке, и в "занавесе" в Ричмонде. Этот этаж был высотой около 15 футов и был перекрыт балками и полом комнаты наверху.

На *втором этаже* есть закругленные по углам ниши для окон на северной и западной сторонах; а дымоход, который сейчас открыт, занимает южную сторону. В восточной стене находится первоначальный вход — простая арка с круглой головкой, открывающаяся на 6 футов, со скошенным выступом для наружной двери. Решетки не было. Ближе к северу от этого находится маленькая дверь, ведущая в наклонный проход, который открывался, как и в Миддлхэме и Рочестере, на башенку над внешним входом в переднее здание. Лестница-

колодец не имеет прямого выхода на этот этаж, что бы там ни было до изменений. Как показано ниже, в северо-западном углу, похоже, есть гардеробная.

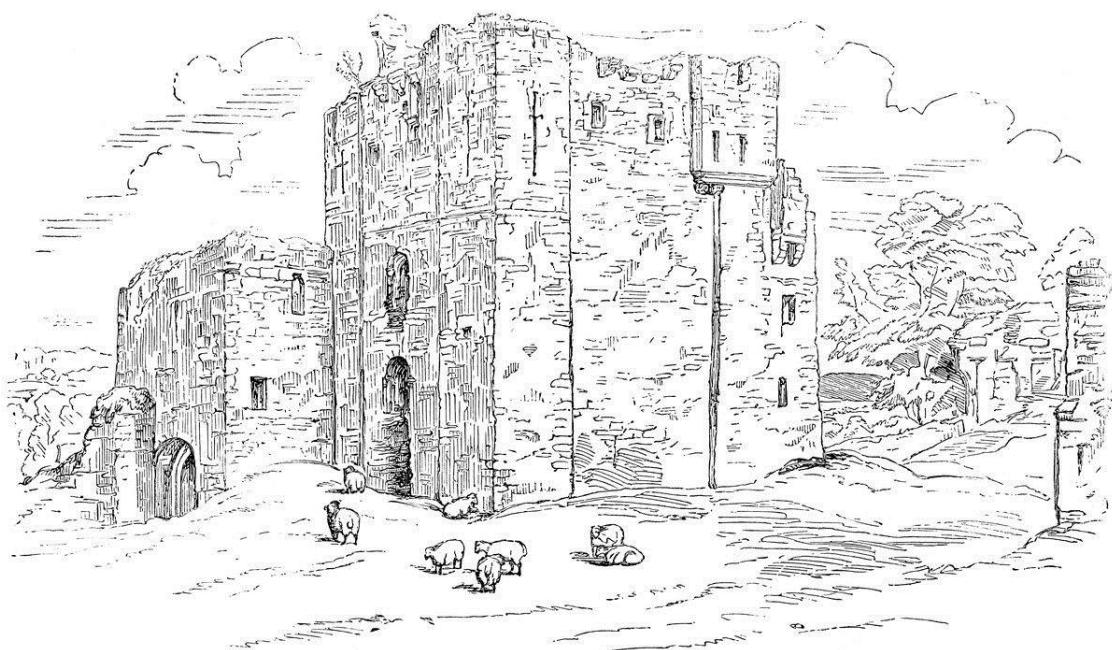
На этом этаже первоначальная крепость, похоже, закончилась. Однако сейчас есть *третий этаж*, который, если и не совсем новый, то реконструированный. Стены очень толстые, а четыре угла внутри заполнены короткими перегородками, превращающими камеру в восьмиугольник, или, скорее, в квадрат со снятыми углами. Одна из этих пломб, расположенная на северо-востоке, опускается на всем протяжении. Остальные три приурочены к верхнему этажу и опираются на кронштейны. На этом этаже было большое углубление и по окну на каждой из четырех основных сторон, из которых западная имеет сегментарную форму и ребристую форму. Эти ниши сейчас совершенно недоступны; но, судя по толщине стены и некоторым квадратным отверстиям снаружи, они сообщаются с западной стороны с камерами для росписей. В северо-западном углу находится очень замечательный камин с отверстием около 9 футов, с идеально ровным наличником, составленным из тринадцати камней, сдвинутых вместе. Это очень прекрасный пример такого рода работы, и он остается совершенно неизменным. В противоположном, или юго-восточном, углу находится неглубокая заостренная ниша, а в ней дверной проем с квадратной головкой, который открывается в молельню. Оконная ниша в южной стене отличается от остальных. Его арка была высокоострой и украшена глубокими дублированными полосами, с полуколоннами с капителями-колокольчиками; без сомнения, украшенная, но в раннеанглийском стиле. С восточного выступа этой ниши открывается второй проход в молельню, и это, вероятно, был главный вход в нее. Молельня, как видно снизу, сводчатая и с выступами. Он занимает юго-восточный угол здания.

ПРОДОЛЖАЙТЕ, ВЕРТИКАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ.

Восточная сторона башни была закрыта *Форпостом*, в котором, очевидно, находилась прямая лестница, которая поднималась из северо-восточного угла башни и вела к главному дверному проему на уровне второго этажа. Этот дверной проем, как и в Миддлхэме,

находится у южного конца стены, но, несмотря на это, ступени должны были начинаться выше уровня земли, чтобы достигать без излишней крутизны столь значительной высоты. Стена была так сильно повреждена и так тщательно отремонтирована, что следов лестницы больше не видно, но зубцы и несколько выступающих камней, что касается арки, по-видимому, показывают, что лестница поднималась с северо-восточного угла, под крытым переходом или низкой башней, к зубчатым стенам которой, очевидно, вел наклонный проход, все еще видимый выше в стене, как в Миддлхэме и Рочестере. Ниже уровня первоначального дверного проема сохранились следы более крупного и возвышенного дверного проема, выполненного в богато украшенном стиле, — очевидно, это была вставка. Это давало бы прямой проход на первый этаж цитадели и, вероятно, было вставлено, когда были введены аркады, и это помещение было преобразовано в главные апартаменты. В стене есть и другие зубцы и шероховатости, указывающие на различные изменения. Переднее здание было шириной около 12 футов и содержало подвал и два этажа, о чем свидетельствуют отверстия в южной стене, которые у земли представляют собой петлю; над ним небольшое окно; а над ним гардеробная, укрепленная на двух тяжелых блоках в южной стене. Над линией крыши переднего здания виднеется восточное окно молельни, а рядом с ним крестообразная петля.

ДЕРЖИТЕСЬ С ЮГО-ЗАПАДА.

К сожалению, верхняя часть этого очень любопытного замка недоступна для тщательного изучения, а лестницы достаточной длины достать нелегко. Об архитектурной истории замка можно судить по его деталям, насколько они видны. Очевидно, что первоначальная крепость была поздненормандской крепостью, и она, должно быть, была размещена внутри *ограды*, очень похожей на ту, что видна сейчас, и которая огибает край рва. От этой предполагаемой первоначальной *ограждающей* стены, а также от хозяйственных построек и сторожки, которые в той или иной форме должны были присутствовать внутри нее, не осталось никаких определенных следов. Крепость, судя по внутренним свидетельствам, и, вероятно, рвы были работой Роберта де Випона в самом начале XIII века.

В Украшенный период замок претерпел большие изменения. Вероятно, о замке была рассказана история, а ораторское искусство включено в новую работу. Подвал был сводчатым, первый этаж - аркадным, а передняя часть здания была изменена таким

образом, чтобы на этом этаже был вход. Вся остальная часть замка, сторожки, хозяйственные постройки и вся *ограждающая* стена принадлежат к одному общему периоду и, вероятно, являются работой Роджера де Клиффорда, первого представителя своего рода, владевшего этой собственностью, и мужа Изабель де Випон, ее наследницы, в царствование Эдуарда I. Обычно, когда нормандская крепость перестраивалась в эдвардианский период, замком пренебрегали и оставляли в его первоначальной изоляции; здесь, однако, было решено привести замок в порядок и украсить его главные покои, а также украсить имение. соедините их с анфиладой комнат на верхнем этаже сторожки.

На рисунке изображена восточная и западная части крепости, обращенные на юг. Здесь показаны некоторые из различных пристроек, а также подпружиненные своды подвала.

Внешний вид цитадели взят с юго-западной стороны и показывает вверху выступ для молельни, а ниже и за ним торцевую стену снесенного фортификационного сооружения. Слева видны речные ворота входа.

В этом замке есть некоторые особенности в деталях, которые требуют дальнейшего изучения. Большие окна первого и второго этажей цитадели являются оригинальными, но полукарнизы и колпаки на наружных косяках выглядят гораздо позже и могут быть частью декорированных пристроек. Говорят, что здания у восточной стены претерпели некоторые изменения от другого Роджера де Клиффорда, внука первого. Любопытно, что стены такой толщины, как в цитадели, и из такого хорошего материала должны были остаться прочными, по большей части не поврежденными камерами и переходами, столь сильно пострадавшими от нормандских архитекторов. Следует также отметить, что навесная стена лишь скудно оборудована фланговыми укреплениями. Графиня Анна упоминает “Башню лиги”, “Языческую башню” и “государственную палату Грейсток” в замке Броэм.

ЗАМОК БИЛТ В БРЕКНОКШИРЕ.

Название Билт, которое в то время носил значительный город и Сотня жителей графства Брекнок, очень древнее. Поскольку, как и Бреккон, город расположен в открытой долине, доступной без особых трудностей врагу с востока, он страдал от вторжений с самого раннего периода, и к этим и подобным атакам следует отнести различные опорные пункты, как земляные, так и каменные, остатки которых в изобилии встречаются на границах Англии и Уэльса, а также в таких участках последней территории, которые саксы или норманны, захватив, сочли целесообразным сохранить.

Строительству дамбы Оффы в восьмом веке, должно быть, предшествовали долгие годы завоеваний и создание множества английских опорных пунктов по всей аннексированной территории и, вероятно, также за ее пределами. Ничто, кроме нынешней неспособности подняться, не заставило бы валлийцев сохранять спокойствие во время строительства такого сооружения или вынудить их принять, пусть даже пассивно, ограничение, которое отрезало большую часть их самой прекрасной территории. Крепости Билт и Бреккон, которые в общих чертах напоминают крепости известного английского происхождения в других местах, вероятно, были передовыми постами, возведенными либо во время войн, предшествовавших возведению дамбы, либо для оказания помощи последовавшим за ней

агрессиям. План строительства наводит скорее на последний вывод и указывает на девятый или начало десятого века.

Как бы то ни было, несомненно, что, когда Бернард Ньюмарч вторгся в Брекнок ближе к концу XI века, он обнаружил, что земляные укрепления Брекона и Билта уже существуют, и занял их, как обычно, работами нормандского характера. Вероятно, сначала они были деревянными, поскольку каменная кладка требовала времени и спокойствия, и, как правило, традиция приписывает старейшие нормандские военные сооружения в Уэльсе непосредственным преемникам завоевателей, а не самим завоевателям. Там, где возраст можно с уверенностью определить либо по дизайну здания, либо по его украшению, обычно обнаруживается, что оно относится к очень позднему нормандскому периоду, граничащему с раннеанглийским периодом.

Ньюмарча сменил Майло Фитц Уолтер, который женился на его дочери. Императрица Мод присвоила ему титул графа Херефорда в 1140 году и получила от нее ров, или, что более вероятно, “пылинку” и замок этого города. Его сыновья умерли бездетными, Махель, последний из них, погиб при падении камня с башни Бронлли. Билт был унаследован его сестрой Бертой, которая вышла замуж за Филиппа де Браоза, который, действительно, как говорят, уже владел этой территорией и впоследствии женился на ее законной наследнице, как Ньюмарч из предосторожности женился на Валлийском гнезде.

Их сын Уильям де Браоз, также могущественный барон в Девоне, процветал во времена правления Генриха II, Ричарда и Джона и умер в изгнании в 1210 году. Его брату Джайлзу, епископу Херефорда, наследовал престол, и, умерев в 1215 году, ему наследовал его брат Реджинальд. В его время встречаются самые ранние упоминания о замке. В 1219 году, 4 Генриха III, шерифу Глостершира было приказано оказать немедленную помощь Реджинальду де Браозу “в кастрации против фирмы, в окаменелостях и тренчах, там же, где говорится о борьбе с враждебными ностросами”. Также 12 сентября 1223 г. 7 Генрих III., король приказывает всем шерифам Англии, за исключением шерифов Стаффорда, Салопа, Вустера, Глостера и Херефорда, которые, вероятно, уже, находясь поблизости, исполнили свой долг, собрать людей и выступить в Глостер, причиной тому является достоверная информация короля о том, что Рейнольд де Браоз был осажден в своем замке Билт Ллевелином и множеством вооруженных людей. Каков был результат, неизвестно, но несколько лет спустя, в июле 1260 года, после смерти де Браоза, когда замком командовал Роджер де Мортимер, он был осажден и взят Ллевелином. Роджер находился в Лондоне, и, поскольку находиться на своем посту входило в его обязанности, он получил обычную отсрочку по форме, заявив, что посещает парламент по специальному предписанию. В нем указано, что он удерживал замок “экс баллио” депутатией от принца Эдуарда. В августе Ллевелин все еще находился во владении, и по этому поводу сохранилось предписание, адресованное Ричарду де Клэру и другим.

Обычно утверждается, что Реджинальд де Браоз, который был лордом во время осады 1223 года, умер в 1221 году, что, по-видимому, опровергается записью Раймера. Однако примерно в то же время он умер, и за ним последовал его сын Уильям, который в 1229 году был повешен, согласно валлийцам, Ллевелином. После его смерти, оставив только дочерей, корона забрала замки, и они были переданы принцу Эдуарду, который владел ими в 1254 году, когда его отец возобновил предоставление.

5 Эдуард I., возник некоторый вопрос об определенных правах, принадлежащих настоятелю и монастырю Брекона при Уильяме, его сыне Уильяме ... и Реджинальде де Браозе, лордах Билта, и из более поздней записи, 13 Эдуарда I., явствует, что их обязанностью было

обслуживать часовню в замке, который тогда назывался “Королевским замком”.²⁵ Эдуард I., Джон Гиффард был *custos*, и казначейство сократило его содержание, потому что оно было больше обычного.

17 Июля 1324 года при эдуарде II было проведено обследование замка для короны. Двор замка и куртилаг стоили 12 пенсов в год, а во владениях было 40 акров пахотной земли по 3 пенса за акр, всего 10 пенсов. Также 10 акров луга в 12д., всего 10с. Кроме того, “*communitas patriæ*”, прихлебатели за пределами деревни, каждый второй год платили королю за все услуги и годовую арендную плату 10 коров или 20 марок деньгами по воле господина, то есть 1,68,8 фунта стерлингов за каждую корову, ее денежную стоимость на тот момент. Арендная плата за услуги присяжных в Ланвейре в 70-х годах, вероятно, от 75 граждан. Паром 4 доллара в год. Земля Талеван в руках короля, 2 доллара. Земля Тир-Маукин, 2 с. Загон для свиней, 20 с. У короля там было четыре мельницы, каждая по 10 с. Деревни там нет. Все просьбы и привилегии придворного торговца в Ланвейре - 57 шекелей в год. Просьбы и выплаты дворов “патриций”, 17 шекелей. Боеприпасы, 13s. 4d. Никаких авторских отчислений, проживания в деревне, владениях или других расходов. Король в Builth не получает никакой прибыли, кроме вышеуказанной.

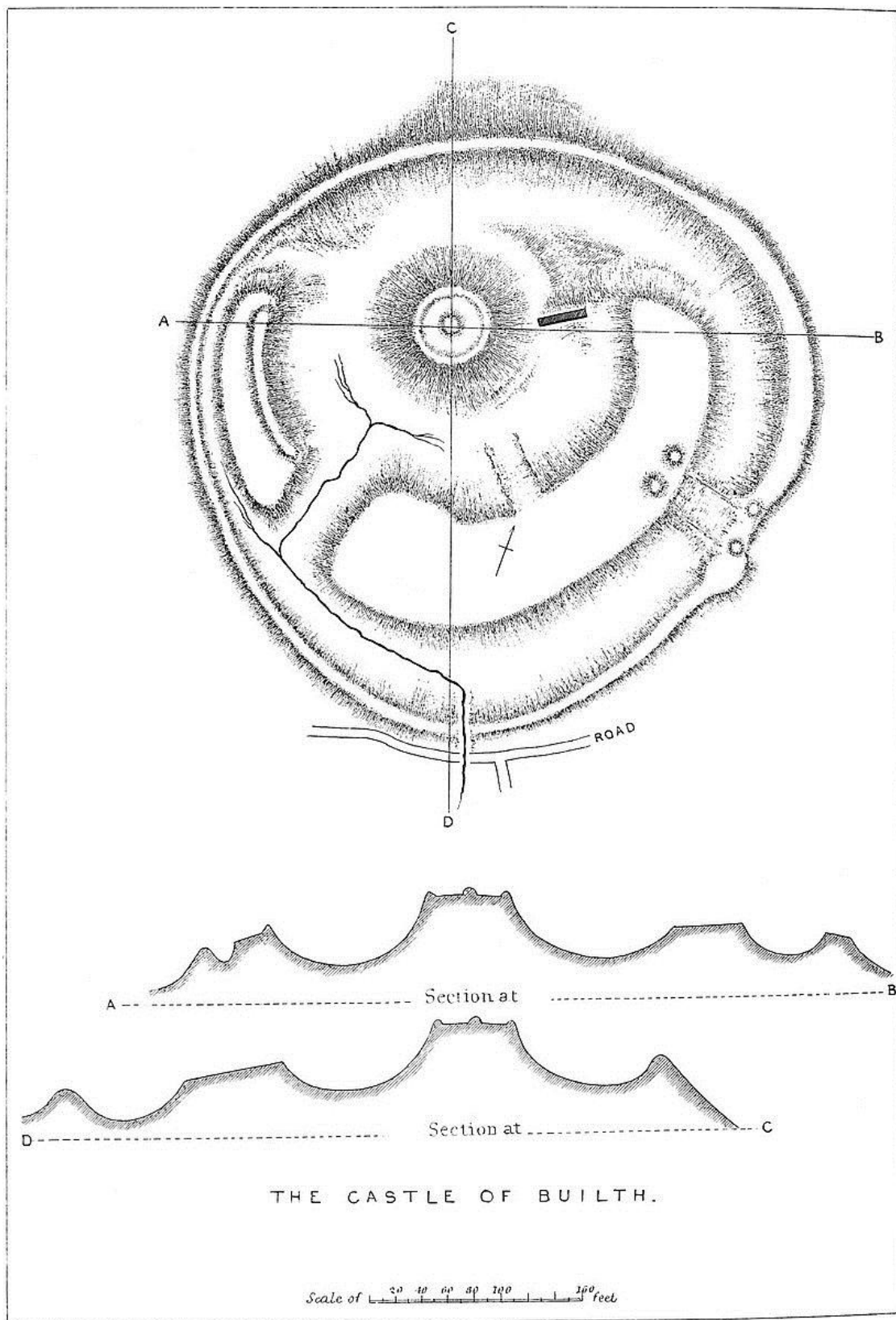
Лланфейр - это город Билт, его валлийское название Llanfair-ym-Muallt, или Сент-Мэри, Билт. Спелман считает, что *Ammobrage* - это то же самое, что *Chevage*, подушный налог, который вилланы платят своему господину. Джонс, историк Брекнока, дает ему валлийскую этимологию и превращает его в своего рода исключение.

Значение этих пограничных замков, естественно, прекратилось после заселения Уэльса третьим Эдуардом I., и корона больше не стремилась удерживать их. 9 Эдуард III. Построенный замок принадлежал Юболо ле Стрейнджу и его жене Алесии, а 14 Эдуард III. У Томаса де Брадестана, Баннерета, был замок “Тланвер”, вероятно, “Бленллевени”, и графство Билт.

16 Эдуарда III, 1342-3 гг., Гилберту Тэлботу, судье Южного Уэльса, было приказано повысить сборы в округах Билт, Эвиас-Лейси и Эвиас-Гарольд, и аналогичные постановления были изданы в 1367 году.

34 Эдуард III, 1360-1360 гг., Роджер де Мортимер владел замком и Кантрedom Билтским, а 5 Ричард II, Эдуард граф Марч и его жена Филиппа, владели Бевольтом или замком Беулт, как и граф Роджер, их преемник, 22 Ричард II. По завещанию Мортимеров замок перешел к короне и так оставался до тех пор, пока не был пожалован Карлом II., с тех пор он переходил из многих рук.

Учитывая расположение замка на открытой и очень опасной границе, неудивительно, что его стены и башни были спланированы с некоторым мастерством и выполнены с большой пассивной прочностью. Но от каменных работ на поверхности земли теперь не осталось и следа, а место крепости, которая могла сдерживать Ллевелина и его вооруженных валлийцев, вероятно, в течение нескольких недель, теперь обозначено кучами земли довольно примечательного характера, которые, судя по их расположению и размерам, выделяются в очертаниях города с любой точки зрения.

J. H. Le Keux, Durham.

ПОСТРОЕННЫЙ ЗАМОК.

Более того, эти земляные укрепления, сохранившие каменную кладку, которая на протяжении стольких веков венчала их вершины, очевидно, датируются гораздо более

ранним периодом, чем нормандские постройки, и только в последнее время приобрели большую часть того внешнего вида, который они представляли первоначально.

Ибо они напоминают своими общими чертами и деталями такие земляные укрепления ближе к английской границе или в ее пределах, как Вигмор, замок Ричарда, Килпек и Эвиас-Гарольд, которые также напоминают укрепления Уорика, Лестера, Бедфорда и Таучестера, даты и авторы которых указаны в записях, и все они, где бы они ни находились, совершенно не похожи на большие горные лагеря, столь распространенные на границе и обычно приписываемые британцам.

Отсюда особый интерес к работам, подобным этим, в Builth. Не только в отношении английской части сообщества существует предположение, доходящее почти до демонстрации, что они были работой их настоящих предков, но, что представляет интерес для всех, можно установить приблизительную дату их строительства, чего ни в коем случае нельзя сказать о более крупных и, вероятно, более старых горных лагерях.

Город Билт стоит в северо-восточной части Брекнока, в Сотне мест своего названия, как раз на крутом изгибе реки Уай, которая, вытекая из глубокой долины, в которую она спускается из Райадер-Гви, и вот-вот впадет в ту, по которой она выходит на более открытую местность близ Гласбери и Хэя, пересекает здесь широкое медовое пространство, над которым возвышается город, которому она, что не маловероятно, дала начало.

На восточной окраине города, как и он, на сотню ярдов выше и на столько же дальше от реки, расположен замок. Отсюда открывался прекрасный вид на север, и он находился в пределах легкой досягаемости от замка Пейн и других крепостей на Миддл-Уай и Уске. Он стоит на берегу, круто обрывающемся к северу от реки, и, хотя со всех сторон выше, чем прилегающая местность, к нему легко подняться с юга, с той стороны, где находился его вход.

Замок занимал участок земли почти круглой формы, протяженностью около 180 ярдов к северу и югу, по 190 ярдов к востоку и западу. Его главной особенностью является коническая насыпь, покрытая столбом, полностью искусственная, диаметром 60 футов вверху, диаметром 200 футов от центра окружающего рва и высотой 60 футов от дна этого рва. Ров проходит по всей окружности шириной от 100 до 120 футов, наиболее узкий к северу, с естественно прочной стороной. Примерно на четвертых пятых своей окружности к югу курган покрыт двумя изогнутыми платформами, выпуклыми по направлению к полю и вогнутыми по направлению к задней части. Тот, что на юго-востоке, больше и имеет ширину от 60 до 90 футов и длину 400 футов. Тот, что на западе, имеет ширину от 30 до 35 футов и длину 200 футов. Они разделены глубокой траншеей шириной около 100 футов, которая соединяет внутренний ров с внешним. На других, или северных, оконечностях они заканчиваются более плавно, но оставляют непокрытой северную сторону насыпи. Эти платформы находятся в тыльной части примерно в 30 футах над дном рва, из которого они образуют контрэскарп, и, следовательно, примерно в 30 футах ниже вершины насыпи. Они имеют пологий уклон наружу. Западная платформа имеет вдоль своего внутреннего края узкий крутой откос высотой около 6 футов. На нем едва ли можно было поставить частокол, поскольку за ним не было места для прогулок. Это больше похоже на то, что его возвели во время осады, чтобы прикрыть тех, кто собирался штурмовать курган.

Снаружи и перед этими платформами находится ров шириной от 70 до 100 футов и глубиной от 15 до 25 футов. Он занимает четвертые пятые южной части сооружения, но ближе к северу, где платформы заканчиваются, он продолжается и образует часть внутреннего рва.

Наконец, по периметру внешнего рва находится насыпь переменной высоты и толщины, иногда узкая и высотой от 5 до 6 футов, в других частях расширенная до платформы высотой от 12 до 20 футов. Этот берег переходит в естественный склон земли, который очень крут только к северу.

Хотя над землей сохранился лишь один небольшой фрагмент каменной кладки, есть следы стен там, где были выкопаны фундаменты, и кое-где есть кучи, которые, вероятно, покрывают остатки башен. Очевидно, там была центральная башня или цитадель, круглая или многогранная, покрывавшая вершину кургана и, вероятно, как и Бронлли, раннеанглийского или поздненормандского происхождения. Северный склон насыпи, покрытый только рвом и насыпью, составлял часть *окружения*, как в Беркхэмпстеде, и от крепости спускался на восток занавес, от которого сохранилась часть, который пересекал ров и, очевидно, был перенесен вдоль платформы, чтобы охватить его. На нем есть два небольших холмика, которые, по-видимому, были башнями по бокам от входа. Как продолжалась эта завеса, ограничивалась ли она восточной платформой или пересекала поперечный ров и включала в себя западную платформу, неизвестно. В любом случае он, должно быть, в конце концов повернул внутрь, пересек внутренний ров и снова взобрался на насыпь, чтобы упереться в сторожевую башню. Замок, по-видимому, состоял из цитадели и единственного подопечного, и, вероятно, большей частью своей защищенности от внезапного нападения он был обязан суженной территории. Рвы находятся намного выше любого источника воды с прилегающей территории. Однако они, по-видимому, были более или менее влажными, вероятно, от дождевой воды. Поперечная канава и прилегающие части канав все еще заболочены и образовали бы небольшой бассейн, если бы не дренаж, прорубленный во внешнем берегу.

Подход, по-видимому, пролегал через город Билт по существующей дороге и достигал внешнего барьера, где ров частично засыпан с восточной стороны; отсюда пересекал платформу, где, по-видимому, была дамба через внутренний ров, и, без сомнения, от нее лестница вела на насыпь.

ЗАМОК КАРНАРВОН.

Из трех величайших военных сооружений, выполненных Эдуардом I. в Уэльсе, Карнарвон, несомненно, является главным; и, действительно, в Британии нет ни одного замка, построенного с большим единообразием дизайна или в котором ресурсы военного инженера были бы распределены более умело. Более того, он меньше, чем любой другой подобный объект, пострадал от насилия, естественного разрушения или алчности местных строителей. Его башни, стены и сторожки стоят так же прочно и без повреждений, как тогда, когда они были созданы рукой каменщика. Полы и крыши, действительно, были сняты, а внутренние помещения, холл и часовня отсутствуют, но их демонтаж, если он и имел место, производился с такой тщательностью, что остается неясным, были ли они когда-либо возведены и не были ли оставлены зубцы и шероховатости смежных стен с целью их пристройки. В эти последние дни компания Crown, которая всегда была владельцем кучи, проявила необычное рвение в ее сохранении. С мистером Салвином, который лучше всех умел реставрировать старинный замок, проконсультировались по поводу его необходимого

ремонта, и мистер Тернер, как заместитель констебля, присматривает за тканью без обычной заботы.

Замок и город Кернарвон расположены на правом или северном берегу Сейонта, реки, известной благодаря строительству на ее лугу римского Сегонтиума, на небольшом расстоянии выше замка, который вместе с городом находится в месте слияния реки с водами пролива Менай, так что позиция защищена с двух сторон: с одной стороны рекой, с другой - морем. На смену Сегонтиуму, или Кэр Сейонту, похоже, пришел валлийский лагерь Кэр-ин-Арвон, названный так из-за своего расположения на берегу Арвона, который больше не "унылый Арвон", а одно из самых очаровательных мест в Северном Уэльсе.

Город, основанный вместе с замком королем Эдуардом, в плане напоминает параллелограмм. Он заключен в навесную стену, укрепленную десятью башнями, две из которых образуют восточную и западную сторожки, а три венчают главные углы ограды. Они представляют собой цилиндрические или полуцилиндрические, открытые сзади.

Южная оконечность района закрыта замком, основная сторона которого, таким образом, обращена к городу и внутри него. Противоположная, или южная, сторона опирается на Сейонт, как и западная, и, в некоторой степени, на восточную оконечность. Фотография Уилсона, сделанная в прошлом веке, показывает стены, возвышающиеся почти у кромки воды, и поперечный ров перед Королевскими воротами, которые все еще открыты, но в настоящее время между стенами замка и рекой находится широкая набережная, а от широкого и глубокого рва, отделяющего крепость от города, осталась только часть. Канавы были, вероятно, достаточно глубокой, чтобы пропускать приливные воды.

Замок чем-то напоминает песочные часы в плане, его очертания определяются скалистым хребтом, на котором он стоит, и который поднимает его на несколько футов над уровнем города. Его длина составляет около 100 ярдов, а ширина - от 30 до 40 ярдов, самая узкая часть находится в центре. Его очертания многоугольные, и по каждому углу расположены башни, тоже многоугольные. Их девять, две из которых двойные и образуют сторожки. Есть также две башни поменьше, также многоугольные, в центре двух занавесей. Земля довольно круто обрывается с юго-восточной оконечности, но в самом низу находится на несколько футов над уровнем воды.

Главная, или Королевская, сторожка, очень благородное сооружение, находится в центре городского фасада и занимает ответвленный угол стены. Он широкий и высокий, с необычайно высокой и богато украшенной аркой, в верхней части которой находится статуя Эдуарда II, завершившего строительство замка, а под ней углубленные ворота. Два жирных восьмиугольника обрамляют вход, к которому вел подъемный мост, ныне замененный каменной кладкой. Портал широкий и высокий, сводчатый и ребристый, с обычными пазами для опускной решетки, фальцами и отверстиями для перекладин для дверей, а также *мертриерами* в своде. С обеих сторон находится ложа, необычайно просторное помещение. Обе фланговые башни имеют петлевою форму, а в той, что справа, находится галерея с фресками, с петлями, завершающими направление подхода. Задняя часть этой правой башни продолжается в квадратное здание, образующее тюремную башню, в одном углу которой находится лестница-колодец, ведущая на верхний этаж сторожки и ее крышу. У подножия этой лестницы небольшая дверь с опускной решеткой ведет на запад, в кухню.

От Тюремной башни узкое здание соединяло сторожку с противоположной, или Казначейской, башней и, таким образом, делило замок на восточную, или верхнюю, и западную, или нижнюю, палаты. Красивая арка пронзала это здание и вела из одной палаты

в другую. Здание и сторожка исчезли, но косяки одной стороны с двумя пазами для опускной решетки показывают, что портал был прочным и богато украшенным.

Помимо Королевских ворот, в верхний квартал входили через вторые, или Королевские ворота, очень примечательное сооружение, учитывая, что оно расположено в самой высокой части крепости и что выступ входа в него находится примерно в 25 футах над нынешней землей и, должно быть, еще на 12 или 14 футов выше дна ныне засыпанного рва. Непонятно, как к этому входу подходили по подъемному мосту, но пирс, на который он упирался, должно быть, был очень высоким сооружением, и к нему должно было вести что-то вроде виадука. Портал сводчатый и ребристый, с опускной решеткой и воротами, но боковые камеры из него не открываются. Задняя часть сторожки, кажется, еще не достроена, но рядом с ней, к западу, находится косяк небольших ворот с опускной решеткой и богато украшенной лепниной. К чему это привело, не очень очевидно.

Башни, хотя и сильно различаются в деталях, все они одного общего типа и, вероятно, спроектированы одной рукой. У каждого есть подвал примерно на внешнем уровне земли, сырой и темный, куда можно подняться только по лестнице с этажа выше. Возможно, эти подвалы не предназначались для использования. Они не были сводчатыми, и в них не было канализации. Каждая башня имеет первый этаж на уровне двора, и на этом уровне или несколькими ступенями выше стена по всей окружности пронизана галереей с фресками, выходящей петлей на поле боя и соединенной с различными камерами с фресками и гардеробными. На втором этаже есть окна большего размера, как и на третьем, или самом верхнем. На каждом этаже есть камин, обычно представляющий собой простое отверстие в стене, и на каждый из них ведет лестница-колодец, которая начинается на уровне первого этажа и заканчивается в высокой башенке, возвышающейся примерно на 20 футов над крышей. С верхнего этажа дверной проем выходит на крепостной вал занавеса. Весь пол был деревянным. Крыша была почти плоской, с очень небольшим уклоном к центральному гребню, и покрыта свинцом.

Занавес, повсюду необычайно толстый и высокий, вдоль северной стороны был закручен в два этажа, показывая, что он поддерживал длинные ряды зданий, вероятно, казарм, с толстыми стенами и очень низкими крышами, покрытыми свинцом. Этих зданий мало, но башни и занавеси имеют зубчатые формы, чтобы придать прочность их стенам при постройке.

Самой примечательной частью замка является устройство для обороны южного, или речного, фронта. С этой стороны занавес огромной толщины, простирающийся от Королевских ворот до Орлиной башни и включающий на этом расстоянии башни Принца и Казначейства, а также две другие меньших размеров. Эта стена, от Королевских ворот до башни принца, содержит, немного выше уровня двора, широкую и высокую галерею, которая не только пронизывает занавес, но и продолжается в стенах башен, иногда со сводчатыми комнатами или вестибюлями, как "площадь оружия". Эта галерея выходит петлей к полю, и в ней время от времени встречаются окна и двери, выходящие на корт. Он спускается по ступеням, чтобы сохранить свой уровень относительно двора, и в его стенах есть несколько гардеробных.

Над этим, такой же длины и аналогичной конструкции, находится вторая галерея, также ведущая к полю, но либо внутренняя стена и крыша этой галереи были сняты, либо, что более вероятно, никогда не достраивались, поскольку теперь она представляет собой открытую платформу. Более толстая внешняя стена, однако, идеальна и несет в себе то, что до сих пор является широким проходом вдоль вала, или очарованием, к которому изредка ведут

ступеньки в стене из верхней галереи. Таким образом, был образован тройной ряд петель, и эти петли не являются, как это часто бывает, простыми отверстиями для воздуха, а сделаны таким образом, чтобы обеспечить достаточный простор для эффективного использования как длинного лука, так и арбалета. Ни один отряд нападающих, каким бы храбрым он ни был, не защищенный доспехами или не оснащенный обычными осадными орудиями, не смог бы выстоять перед такой линией обороны, укомплектованной первыми лучниками в Европе, которая подвергала бы тех, кто находился снаружи, спереди и с флангов, ливню стрел из сукна и железных наконечников.

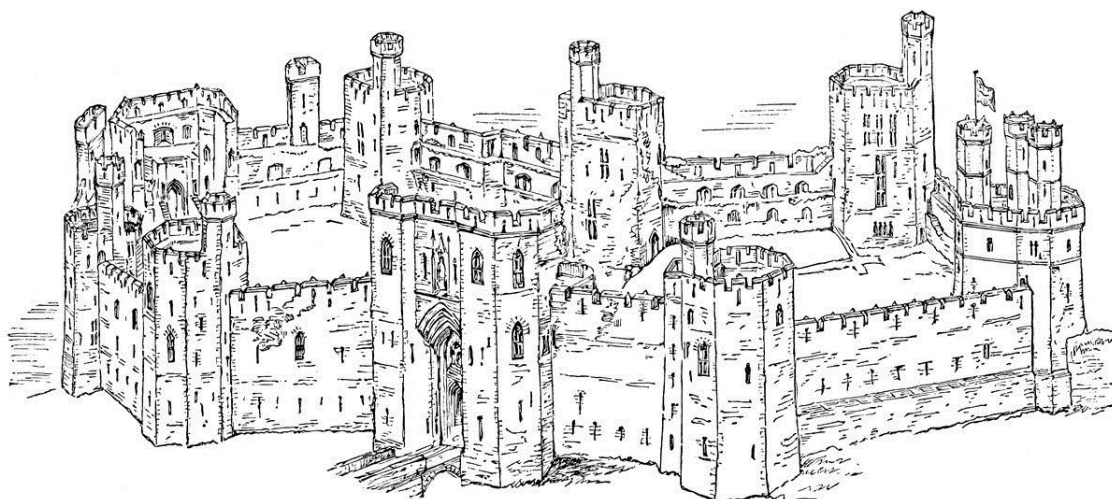
Завеса от Княжеской до Орлиной башни, хотя и такая же толстая, как и везде, внизу сплошная, имеющая только верхнюю галерею; она также не сообщается с Орлиной башней, которая образует что-то вроде крепости или цитадели, будучи по размерам несколько больше и по прочности полностью равной любой из других. Эта башня также имеет довольно высокое качество изготовления и, безусловно, более богато украшена, чем остальные. Вся его лепнина относится к тому периоду, когда он был украшен наилучшим образом, и, очевидно, он предназначался для приема высоких гостей.

В Колодезной башне, расположенной к западу от Королевских ворот, находится очень замечательный колодец. Колодец с трубой диаметром 5 футов спускается в толщу стены, в которой также находится скважинная камера, откуда велась разработка скважины. Все здание, как колодец, так и камера, находятся в отличном состоянии. В отличие от других башен, в подвал Колодезной башни со двора ведет прямая крутая лестница. Причина этого видна в заднем проходе, который открывается с пола башни в стене. Он находится на высоте 16 футов над дном рва и, вероятно, служит внутренним сообщением с городом. Большой кухни сейчас не существует. Она была большого размера и прямоугольной в плане и простиралась от Колодезной башни до Королевской сторожки. На одном конце видны два любопытных каменных круга, вероятно, предназначенных для хранения больших железных котлов с местом внизу для разведения огня. В боковой стене, или занавесе, находятся несколько камер с фресками и желоб с каменной трубой, по которой вода подавалась из камеры-колодца через стену. Есть также подпружиненный камень в виде формованного ребра, свидетельствующий о том, что на кухне была открытая крыша. В этой стене прямая лестница ведет в сторожку, возможно, в спальню повара.

Напротив кухни линия фундамента показывает расположение и размеры большого зала размером 100 на 60 футов. Он был построен напротив южного занавеса и простирался от Казначейства до башни принца, последняя, вероятно, находилась в конце помоста. С другого конца холла прямая лестница вела к заднему входу, который выходил на набережную и реку.

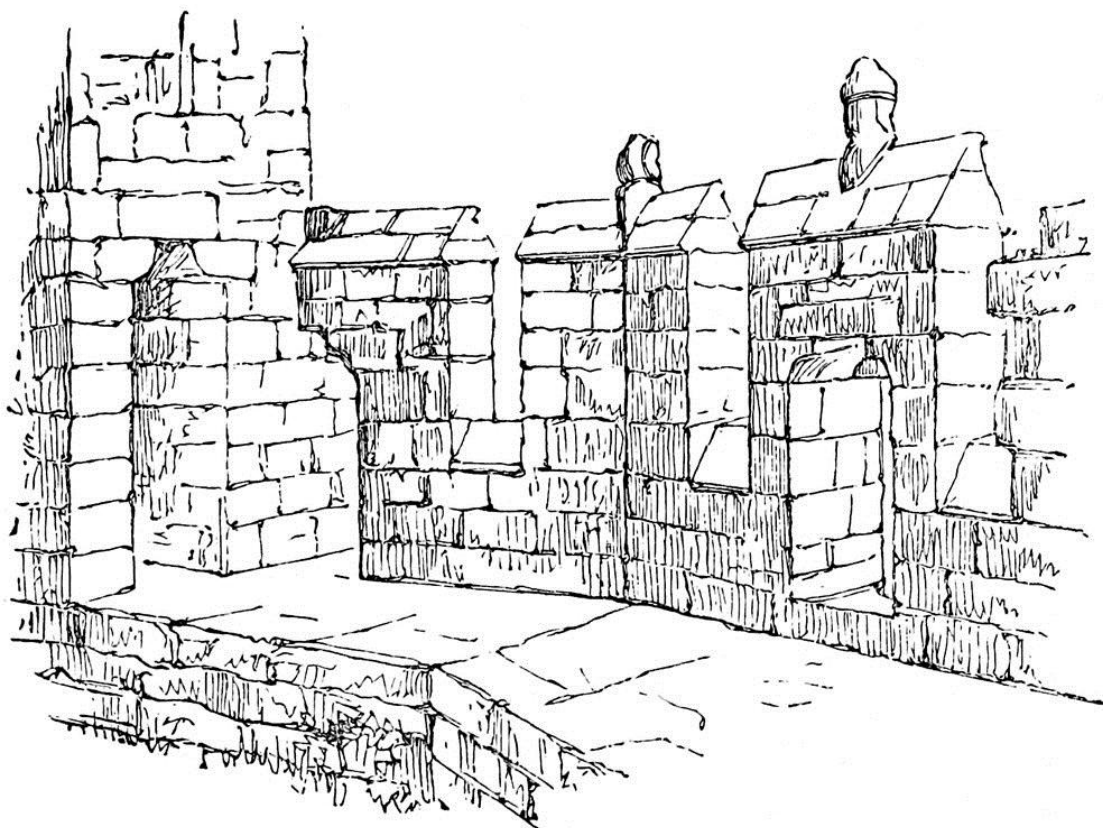
Карнарвон построен в основном из известняка. Камни обработаны молотком, грубо обтесаны и уложены по всей площади рядами. Ясень очень широко используется и тонко огранен. Использованная лепнина характерна для того периода декорирования, и камень сохранил свою поверхность и аррис неповрежденными.

Отсутствие холла и кухни, служебных помещений и казарм, а также поперечного здания, разделяющего два корпуса, придает интерьеру замка незавершенный вид, но это не влияет на его военные детали, а также на его башни, сторожки и занавески; они очень совершенны и очень любопытны. С упадком Украшенного периода в архитектуре военные укрепления также начали приходить в упадок, как и работы Эдуарда III. и его преемники, хотя они часто бывают дворцовыми в своем величии, никогда не относятся к чисто военному типу и в этом отношении никогда не равны преемникам раннего эдвардианского периода.

Замок Карнарвон.

Строительство Карнарвона было начато в 1283 году, сразу после казни Дэвида, последнего валлийского принца. Первая работа заключалась в разработке поперечного рва и сборе материалов и рабочих, причем последние были набраны из английских графств. Карнарвон, Конвей, Криккет и Харлех развивались вместе, и ничто, кроме надежды на консолидацию своего королевства, не могло побудить такого экономного монарха, как Эдуард, понести расходы, которые за один год только для Карнарвона составили более 3000 фунтов стерлингов. Король впервые побывал здесь в 1284 году, когда 25 апреля родился Эдуард Карнарвонский, вероятно, в этом городе. К 1295 году был достигнут столь незначительный прогресс, что валлийцам, поднявшим местное восстание, удалось сжечь город и захватить то, что затем было разрушено в замке. Сколько было тогда построено или сколько они оставили стоять, неизвестно, но с того времени прогресс пошел быстрее, и к моменту смерти Эдуарда замок, безусловно, находился в передовом состоянии. Работа была продолжена и завершена его сыном. Орлиная башня была засыпана в 1316 году, а статуя короля установлена над большими воротами в 1320 году, а к 1322 году замок был достроен для оборонительных целей. Похоже, здесь проживал чемберлен Северного Уэльса, а Казначейская башня была названа так потому, что здесь хранились финансовые отчеты для северных графств, но можно усомниться в том, что грандиозные помещения, спроектированные первоначальным архитектором для визитов государя, когда-либо действительно были построены.

Зубчатые стены —Орлиная башня, Кернарвон.

Замок попал в руки Оуайна Глендура и попеременно удерживался королем и парламентом во время Великого восстания.

Одна из многих ценных статей, предоставленных покойным мистером Хартшорном в Журнал Археологического института, содержит превосходную историю этого замка; если бы этот джентльмен также взялся за более легкую задачу его описания, этот отчет был бы неуместен.

На большей из сопроводительных иллюстраций изображен замок с высоты птичьего полета с северо-запада. Впереди и в центре находится Королевская сторожка, а рядом, справа от зрителя, находится Колодезная башня, а за ней - Орлиная башня. В крайнем левом углу изображен интерьер Сторожки Королевы, расположенной между Зернохранилищной башней слева и Черной башней. Напротив Королевских ворот находится Башня Казначейства, а между ней и Орлом - Башня принца. В нижнем, или правом, дворе видны фундаменты зала; далее, слева от Королевских ворот, находится башня-Подземелье.

На иллюстрации поменьше показано очарование Орлиной башни. Задняя стена, если она когда-либо существовала, была удалена. На разрезе изображен зубец с замкнутой петлей, простая амбразура с плоскими сторонами и фигуры, размещенные на гребне карниза, одна из которых дала название башне. Также виден небольшой дверной проем в форме плеча, ведущий из башни на крепостной вал.

ЗАМОК КЭРФИЛЛИ, ГЛАМОРГАН.

КЭРФИЛЛИ, безусловно, самый обширный замок в Уэльсе, и считается, что он занимает, с его внешними укреплениями и земляными валами, около тридцати акров.

Своей знаменитостью замок обязан своим огромным размерам и своеобразному способу, которым одна из его башен была сброшена с перпендикуляра силами, использованными для ее разрушения. Его реальные достоинства менее очевидны, но гораздо более высокого характера и основаны на большом военном мастерстве, проявленном при его проектировании и постройке. Он мало связан с историческими событиями. Но определенно известно, что один, и притом падший, правитель посетил его. Это не глава феодальной чести или лордства, как в Кидвелли или Кардиффе, и при этом он не окружен какими-либо привилегиями или баронством. Он даже не удостоился такого пустого достоинства, как присвоение почетного титула кому-либо из своих многочисленных обладателей. Его не отмечал ни один бард, и даже упомянул только один.

Также Кэрфилли не обладает многими обычными источниками интереса. Он не может похвастаться ни архитектурными украшениями Кернарвона, ни господствующим положением Конвея, ни живописной красотой Раглана. Это просто руины огромной протяженности, обладающие тем видом сурового величия, которое неотделимо от комплекса высоких стен и массивных и частично разрушенных башен, хотя они и не окружены лесом и ни в какой степени не увиты плющом.

Примечательно, что этот замок оставался совершенно заброшенным или очень поверхностно отмеченным историками Уэльса. Более ранние авторитеты, Карадок из Лланкарвана и Хиральдус Камбрэнсис, процветали до возведения нынешнего здания, но странно, что Ллойд и его комментатор Пауэл хранили молчание о столь огромном сооружении и почти непрерывно передавали его неумолимому, хотя и легковверному автору "Мунимента".

Однако нетрудно догадаться о причинах безвестности, в которую погружена ранняя история Кэрфилли, и, возможно, продолжающееся молчание современных авторов объясняется отсутствием каких-либо исторических ассоциаций.

Вскоре после вторжения норманнов в Уэльс в Кардиффе был возведен замок значительных размеров; расположение, которое из-за близости к устью Северна и Таффа, плодородия прилегающих лугов, защиты, которую оно взаимно предоставляло жителям города и получало от них, а также из-за большей удаленности от гор и, как следствие, меньшей вероятности быть застигнутым врасплох их хитрыми и воинственными обитателями, неизменно было главной резиденцией феодалов Гламоргана; и отсюда следовало, что это необходимое место для жизни. вследствие этого Кэрфилли, который из-за его опасной близости они были вынуждены сохранить в своем непосредственном владении, пришел в сравнительное запустение и, хотя по величине значительно превосходил Кардифф, по важности рассматривался только как зависимый от него город.

Именно лорду Кардиффскому феодалы Гламоргана были обязаны своими делами и услугами, и именно двор замка того места они были обязаны ежегодно ремонтировать.

Кардиффский замок упоминается как резиденция знатных нормандских баронов; он не раз удостоивался чести королевского гостя, и даже в гораздо более поздний период парламентских войн его приобретение считалось очень важным. Кэрфилли, напротив, редко упоминается хронистами, и как военный пост перестал иметь значение после смерти

Ллевелина и сокращения и заселения княжества Эдуардом. Эти соображения объясняют то, что современники мало обращали внимания на эту великолепную крепость и, как следствие, нехватку информации о ее судьбе.

Кэрфилли стоит на обширном участке спорной территории между Англией и Уэльсом, который так долго оспаривался обеими нациями под названием “Границы” и который при норманнах имел свои обычаи и своих правителей, известных как лорды-пограничники.

Замок, хотя и находится на границе с Уэльсом, находится примерно в миле от реки Рифни, границы между Монмутом и Гламорганом, а со времен правления Генриха VIII - между Англией и княжеством в этом направлении.

Титул лорда Сенгенидда, на территории которого расположен замок, был предоставлен при завоевании Гламоргана Эйнону Коллвинскому, валлийскому лорду, внука которого Нест, “верч Мэдок ап Крэдок ап Эйнон”, вышла замуж за Кадивора ап Сидрича, внука Гветвояда, и отца Айвора Баха, которого описывают как лорда Сенгенидда. Гриффит, сын Айвора, женился на сестре Риса, принца Южного Уэльса, до 1174 года, когда он принес дань уважения Генриху II в Глостере. Благодаря этому матчу влияние семьи, и без того большой, на валлийцев значительно возросло и стало очень большим. На самом деле они жили слишком близко к Кардиффу, чтобы организовывать восстания, но всегда были готовы разжечь их при любой благоприятной возможности. Много таких возможностей представилось во время правления Генриха III, когда графы Пембрук пользовались властью малолетнего лорда Гламоргана и постоянно находились в состоянии войны с Генрихом. Ллевелин, в то время принц Уэльский, иногда был в союзе с графом, а иногда наступал ему в тыл, спускаясь с возвышенностей Кэрмартен и Кардифф и врываясь в Монмутшир через неохраняемый перевал Сенгенидд. Гилберту де Клэру, вступившему в права его светлости, было поручено перекрыть этот проход, и он успешно завершил это строительство Кэрфилли. Имя его архитектора или инженера никому не известно, но он был дьяконом в своем ремесле, и граф в полной мере проявил свои способности.

Замок расположен посреди глубокой и широкой котловины, открытой с востока в сторону Рифни и отделенной на западе от долины Тафф горным хребтом Минидд-Майо. К северу и северо-западу, на большем расстоянии, находится вогнутый гребень Минидд Эглвисилан, а на юге - длинная и хорошо известная возвышенность, которая отделяет холмистую местность Гламорган от равнины и пересекается ущельями Тафф, Рифни и Эббв. Этот горный хребет известен местным жителям как Цефн-Карнау, и на пути от замка к морю его венчает древняя крепость Мор-грейг. Путешественник, желающий увидеть Кэрфилли с выгодой для себя, должен спуститься на него вскоре после осеннего восхода солнца с одной из окрестных высот, когда из огромного моря тумана будут видны серые башни замка.

Весь бассейн является частью Глэморганширского угольного месторождения. Минерал долгое время добывался на горе Керфилли, где он выходит на поверхность, и замок в основном построен из местного расщепляющегося песчаника, который, по-видимому, был добыт в больших раскопках на обочине дороги, недалеко от Чапел-Мартин.

Вдоль подножия гор и простираясь несколько выше их окраин, здесь, как и во всех долинах по соседству, залегают обширные залежи гравия и песка, состоящие частично из обломков соседних скал, но главным образом из обкатанной гальки, принесенной с северных холмов в результате разрезания.

Недалеко от центра котловины находится слой гравия значительной протяженности и толщины, поверхность которого в результате какого-то естественного процесса была глубоко изрыта серией борозд и возвышенностей.

Узкий язычок слегка приподнятой почвы, заканчивающийся низким полуостровом из гравия, выступает на восток и своим выступом делит болотистую равнину значительной ширины на две части. Они расположены в пределах неровных галечных насыпей, похожих на центральный полуостров, хотя и несколько выше его. Южный короче и почти параллелен ему; северный удлинен и изгибается вокруг своей точки, пока не будет отделен от южного лишь незначительным ущельем. Таким образом, болото приобретает что-то вроде фигуры подковы.

К югу от полуострова Нант-и-Гледир, крупная речушка, течет с юго-запада, через болото, через ущелье, впадая в Рифни.

К северо-востоку от полуострова через часть северного болота протекает источник поменьше, частично питаемый Нант-и-Гледир; и, опять же, к северу от него, другой источник вносит свой вклад в то же самое. Естественно, эти воды, по-видимому, нашли свой путь через впадину или ущелье на северо-восток, в нижнюю часть Нант-и-Гледира, за пределами и ниже уже упомянутого верхнего ущелья.

Участок суши, охраняемый таким образом, хорошо подходил для целей обороны, предполагая, что полуостров был превращен поперечной траншеей в остров. Воды было в избытке, пастбища под рукой, и болото могло образовать надежный фронт. Однако нет никаких свидетельств того, что это место было занято валлийцами, хотя предполагалось, что здесь располагалась крепость Сенгенидд.

При строительстве замка поверхность земли претерпела значительные изменения. Первым делом нормандского инженера было обеспечить защиту своей крепости большим водным пространством. Для достижения этой цели русло Нант-и-Гледир было перекрыто плотиной в одном ущелье, а северные воды - в другом, и таким образом две части болота образовали озера, южное площадью около 13 акров, северное - примерно одно или два.

Было использовано преимущество узкого и изогнутого гребня, идущего от основания полуострова, чтобы разделить северные воды на две части, из которых одна образовывала средний, а другая - внутренний ров.

Внутренний ров сообщался с южным озером двумя поперечными прорезями; одна - старое естественное окончание полуострова на востоке, другая - искусственная прорезь поперек него на западе; и таким образом круг внутреннего рва был завершен.

Образованный таким образом остров, окруженный этим рвом, был обнесен завесами и бастионами и облицован камнем; единственный поперечный разрез на западе не был сочтен достаточной защитой, и полуостров был разделен вторым поперечным разрезом дальше на запад, а второй остров, образованный таким образом, был превращен в нечто вроде большого рогового сооружения или полумесяца, прикрывающего западный подход. Это тоже было скошено и облицовано.

Таким образом, основные черты плана местности таковы: оконечность полуострова, превращенная в *остров*, защищена с севера *внутренним северным рвом*, с юга озером, с востока *внутренним восточным рвом*, а с запада *внутренним поперечным сечением* — все это составляет *внутренний ров*.

Продвигаясь дальше, мы имеем в качестве границ этого рва: на западе — *выступ*, переходящий на севере в *изогнутый гребень*, образующий контркарп внутреннего рва; на востоке - естественный берег, занятый *южной половиной большого фронта*; а на юге - довольно круто поднимающийся *берег озера*. Все это образует внешние границы внутреннего рва. Вторая, или средняя, линия обороны менее полная и ограничена западной и северной сторонами. Он начинается с внешнего *поперечного разреза*, к западу от горной выработки, который с одной стороны выходит к озеру, а с другой - к *среднему рву*. За этой средней линией обороны на северо-западе находится высокий холм, вершина которого превращена в *редут*; к северу - *северный берег*, который защищен с запада *северным ручьем*, а к востоку утолщен в стену плотины; а к северо-востоку, востоку и юго-востоку - продолжением этого берега и *северной половиной большого фронта*, построенной на нем.

Эти оборонительные сооружения снова усилены — на севере одним участком *внешнего рва*, образованного при переправе через северный ручей, а на востоке другим участком, простирающимся перед главным фронтом и соединяющимся с Нант-и-Гледиром, недалеко от большого подъемного моста. Эти рвы разделены чем-то вроде *дамбы* под северо-восточным углом внешних укреплений, предназначенной для прохода кавалерии из порта для вылазок. Часть земли, выкопанной из этих внешних рвов, по-видимому, была выброшена наружу, чтобы образовать насыпи, одна из которых занята главной улицей Кэрфилли, другая - дорогой Нант-Гарв.

Хочется надеяться, что ссылки на план и вид озера с высоты птичьего полета будет достаточно, чтобы сделать приведенное выше описание понятным.

Для целей описания самого замка целое можно рассматривать как состоящее из пяти частей, каждая из которых будет далее подразделена. Этими частями являются:—

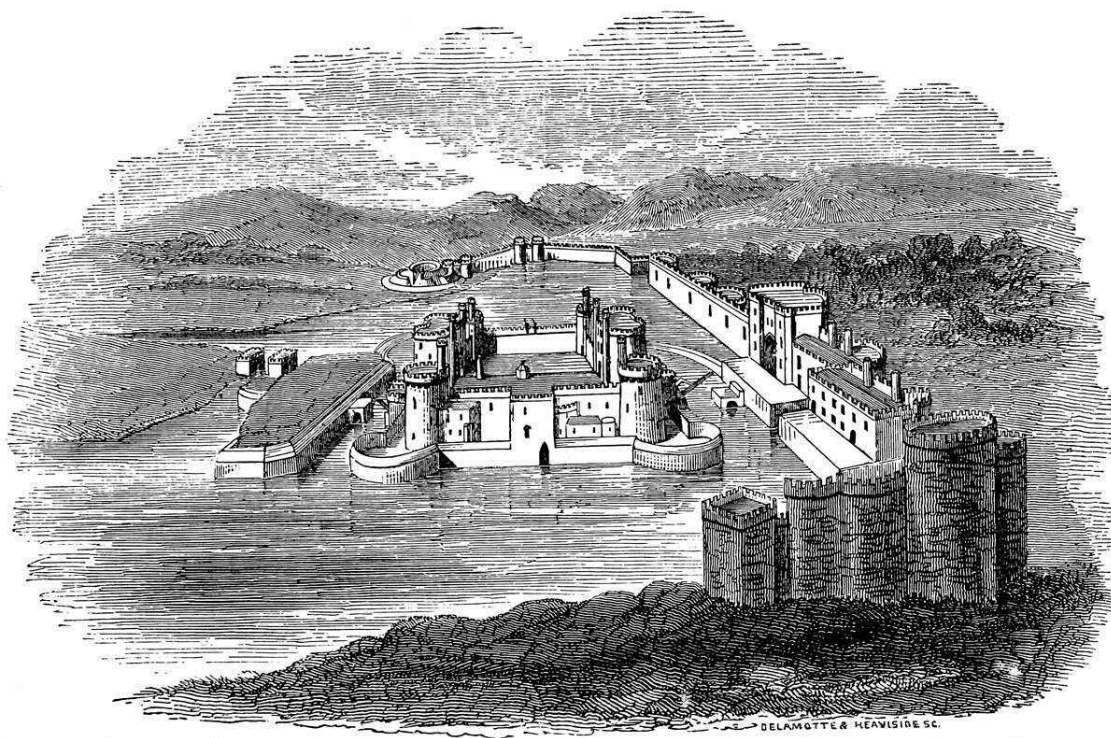
I.—Большой фронт. II.—Игра в горн. III.—Редут. IV.—Средняя палата. V.—Внутренняя палата.

I. Восточный, или Большой, фронт Кэрфилли — очень прекрасный и законченный образец средневековой линии обороны. Он состоит из длинной навесной стены значительной высоты и толщины, укрепленной снаружи контрфорсами и башнями-контрфорсами, переходящими в центре в широкую и возвышенную сторожку и заканчивающимися с обеих сторон группами башен, которые защищают его выходы и препятствуют обходу с флангов. Перед ним широкий и глубокий ров, снабженный водой и пересеченный двойным подъемным мостом. В задней части находится второй ров, также пересеченный подъемным мостом. Длина фасада составляет около 250 ярдов, высота варьируется от 20 до 60 футов.

Он разделен на большую сторожку, северную занавеску и заднюю дверь, а также южную занавеску и заднюю дверь.

The *Большая сторожка у ворот* стоит немного севернее центра. Линия его фасада не совсем параллельна линии штор, так как в плане она неправильная.

Собственно *Сторожка* представляет собой высокое продолговатое здание шириной 50 футов, глубиной 35 футов и высотой около 60 футов. Снизу он прорезан порталом, но возвышается над ним в виде широкой башни. Его боковые части выступают на 6 футов за пределы портала и образуют ложи для носильщиков.

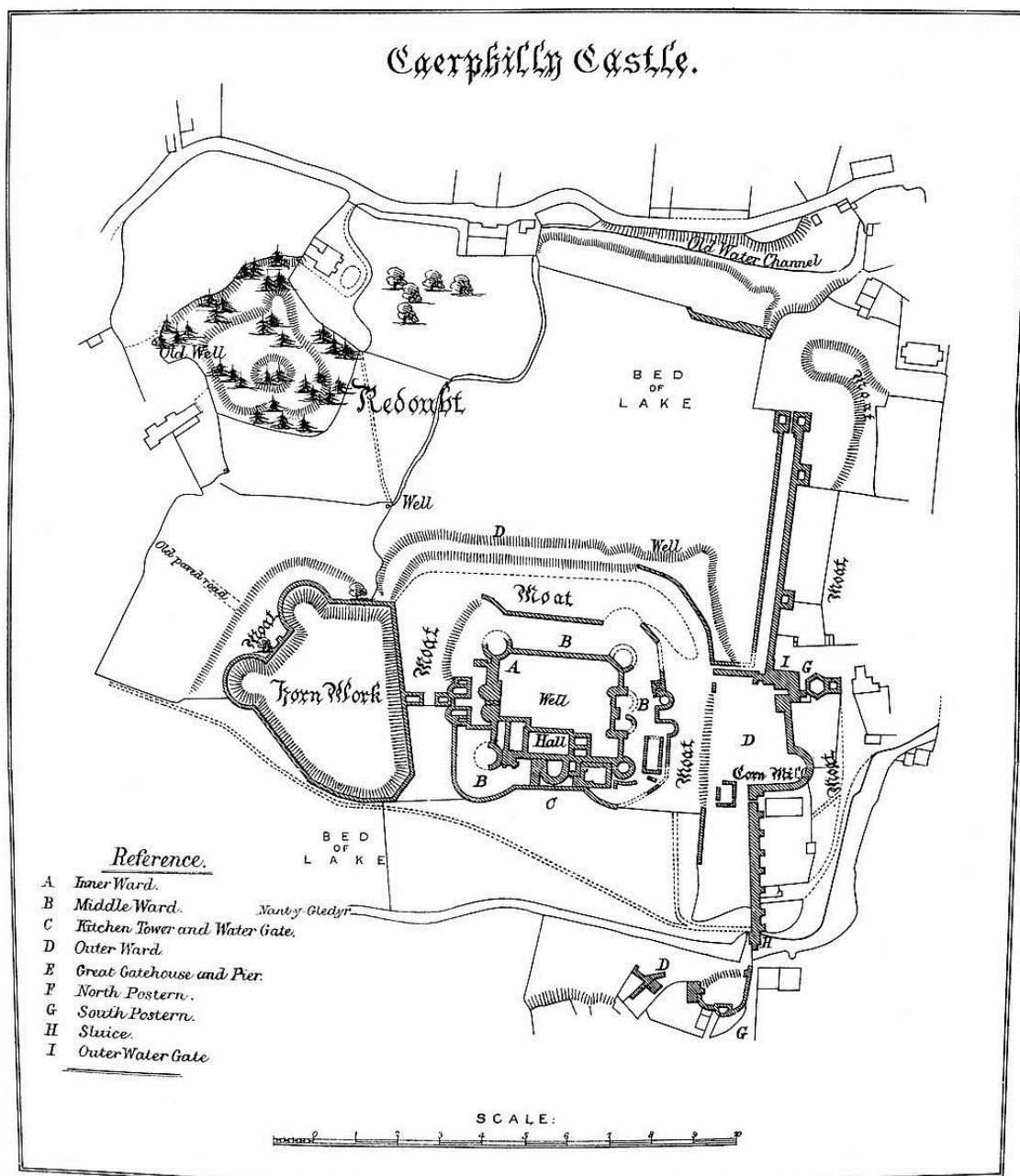

Компания DELAMOTTE & HEAVISIDE SC.

КЭРФИЛЛИ.

Портал шириной 10 футов и высотой 20 футов был защищен воротами, опускаемой решеткой и частоколом. Он защищен петлями с каждой стороны от домиков. Те, что открываются от портала, имеют размеры 20 на 10 футов, имеют камин и были застланы деревянным полом. Стены имеют толщину 9 футов и имеют петли в разных направлениях для защиты.

Замок Кэрфилли.

- Внутренняя палата.
- Средняя палата B.
- С Кухонная башня и водяные ворота.
- D Внешняя палата.
- Большая Сторожка и пирс.
- F Северная задняя дверь.
- G Южная задняя дверь.
- H Шлюз.
- I Внешние водные ворота.

Проходя через сторожку, за ней находится широкая платформа, которая простирается за южную занавеску и обнесена уступом к внутреннему рву; справа от нее находится продолжение сторожки на запад, к *сторожевой башне*. Один из двух дверных проемов ведет в эту башню по шестиугольной лестнице-колодцу, средний диаметр которой составляет 9 футов; она ведет в семь квартир на двух этажах и заканчивается высокой

четырёхугольной башенкой. На первом этаже находятся приспособления для управления опускной решеткой, а также небольшой камин и печь, вероятно, предназначенные для приготовления пищи привратником и его помощниками. Эти помещения сводчатые. Из этой истории следует, что на крепостном валу северного занавеса открывается проход, ведущий, вероятно, по временному дощатому мосту, через пропасть в толще стены глубиной около 29 футов и шириной 5 футов, открывающуюся внизу между решетками водяных ворот. Проход на уровне земли ведет с платформы через привратную башню, через ров или канал от водных ворот к северному занавесу, и был защищен воротами, опускной решеткой и подъемным мостом.

От сторожки у ворот *разделительная стена* высотой 20 футов и толщиной 6 футов простирается на запад на 80 футов до края внутреннего рва и, таким образом, отделяет платформу и всю южную часть от северного занавеса. Каждое лицо подверглось нападению, так что, если бы одно из них было взято, другое все еще можно было бы защитить.

В месте соединения сторожки с *северным занавесом*, в последнем, на уровне кромки воды, находится арка с низкими сводами, попасть в которую можно было только на лодке, и это водные ворота. Он защищен двумя решетками и полостью, открытой сверху между ними, а оттуда *крытый проход*, который, вероятно, когда-то был чем-то вроде канала, ведет прямо под разделительной стеной и к северу от нее, к краю внутреннего рва.

Этот занавес тянется на север на 130 ярдов и укреплен снаружи тремя *башнями-контрфорсами*, четырехугольными и сплошными снизу, но шестиугольными и с камерами сверху. Каждая из камер имеет выступ в 20 футов; они неодинаковой ширины. Каждая камера имеет петлю спереди и по одной на стыке башни со стеной с обеих сторон. Добраться до них можно было только с крепостного вала.

В самом занавесе шесть петель, открывающихся попарно между опорными башнями. Занавес заканчивается на севере парой башен, соединенных сводом портала, *северной задней дверью*, регулярно защищаемой и выходящей на участок земли и дамбу, разделяющую две части внешнего рва.

Позади и параллельно этой завесе, на расстоянии 19 футов, находилась небольшая стена толщиной 4 фута, которая образовывала заднюю стену *задней галереи*, ведущей от сторожки к северной задней двери и образующей над ней широкий плоский проход для защиты крепостных валов. Говорят, что эта галерея была оборудована как конюшня.

Южный занавес. Общий план этой завесы неправильной формы; она проходит на юго—восток от сторожки, образует большой полукруг, и, переходя в длинную прямую стену, пересекает Нант-и-Гледир и заканчивается у *тет-дю-пон* и заднего входа. Эта стена содержит большую настенную башню гардеробе под углом и поддерживается снаружи семью четырехугольными массивными контрфорсами. В одном месте она перфорирована для отвода сточных вод мельницы, а в другом - для прохождения Нант-и-Гледира, толщина которого в той части, где он подвергается большому давлению, составляет 15 футов. К этому занавесу можно попасть из *тет-дю-пон*; а за ним, через гардеробную башню, находится фресковая палата, служащая "военной площадью". Поверхность стены, между контрфорсами, имеет форму вогнутости, увеличивающейся к вершине, так что любая ракета, сброшенная с нее, будет направлена наружу. Грунт платформы за этим занавесом находится на высоте 25 футов над внешним уровнем.

The *Платформа* представляет собой большую поверхность дерна за южным занавесом, между ним и откосом внутреннего рва; на ней стояла *мельница*, и с нее спускался

внутренний подъемный мост. Она увеличивается в ширину от плотины до разделительной стены, где достигает 94 футов.

The *Tem-дю-пон* заканчивается южным занавесом. Он состоит из изгиба стены, обращенной к западу, в виде полукруга, с башнями и задними воротами, защищенными раздвоенной стеной, предназначенной для предотвращения обхода занавеса с флангов. Он расположен на внешнем берегу озера.

Перед этой большой линией обороны находится ров шириной около 60 футов, пересеченный двойным подъемным мостом из двух пролетов по 18 футов каждый у больших ворот, соединенный с большим пирсом в центре рва, который можно превратить в своего рода барбакан. Этот ров сообщается с Нант-и-Гледиром и, по общему признанию, заполняется из него.

Такова основная передняя и восточная линия обороны, рассчитанная не только на то, чтобы противостоять атакам с фронта, флангов или тыла, но и на то, чтобы ее можно было удерживать, южная часть против северной.

С северной оконечности этого фасада, с северной задней стороны, земляной вал, окаймленный изнутри или с южной стороны стеной, а в одной части утолщенный в дамбу, отделяет середину от внешнего рва, в настоящее время огибаемого дорогой Нант-Гарв. Это *северный берег*.

С того же фронта, с конца крытого хода, недалеко от разделительной стены, отходит второй земляной вал, который, направляясь на запад и соединяясь с роговым валом, отделяет внутренний ров от среднего и образует часть северной обороны замка. Его внутренняя поверхность частично обнесена стеной, в которой находится шлюзовой туннель. Это *изогнутый хребет*.

II.—Роговая стена, покрывающая западный фасад замка и расположенная между средними и внешними воротами, представляет собой неправильный многоугольник площадью около трех акров, окруженный со всех сторон стеной высотой 15 футов, над которой находится осыпь еще примерно на 8 футов. С его юго-западной стороны вытекает один из питающих озеро источников. На восточной, или самой длинной стороне, находится полуперис для приема подъемного моста с 20-футовым пролетом от противоположной сторожки среднего прихода. На северо-западной стороне похожий полукруглый пирс, расположенный между полукруглыми бастионами, по-видимому, поддерживал подъемный мост, также с 20-футовым пролетом, обеспечивающий доступ к замку в этом направлении. Возможно, каждый мост состоял из двух частей, по одной из которых спускались с каждого берега на центральную перекладину или деревянную конструкцию во рву.

III.— Уже упоминалось, что Редут был образован путем расчистки гравийного холма в северо-западной части замка.

Основная часть этого земляного сооружения четырехугольная, с трех внешних углов ограничена тремя бастионами, а в центре образовано нечто вроде каземата. Занавес, ведущий к замку, пересекают две траншеи, разделенные насыпью или кавалером и ведущие в центр работы.

За пределами редута, следуя изгибу его бастионов, находится ров, с трех внешних сторон широкий и глубокий, с четвертой стороны слегка заметный.

Бастионы редута не оборудованы ни парапетами для стрельбы, ни банкетками для мушкетеров, а уступ продолжается до самого вала. Ни уступ, ни контрэскарп, какими бы крутыми они ни были, не имеют подпорной стенки.

За главным рвом находится просторный *гласис*, заканчивающийся тремя низкими бастионами и неглубоким рвом. Обе канавы, вероятно, были сухими.

Вся эта работа во многом напоминает те, что были созданы в спешке во время войн между Карлом I. и парламентом, и либо была частично разрушена, либо, что кажется более вероятным, никогда не была полностью завершена. Без сомнения, он был обнесен частоколом.

Внутренняя и средняя палаты замка занимают остров, который уже был описан как образовавшийся из оконечности полуострова.

Этот остров имеет форму параллелограмма, протяженностью 111 ярдов к востоку и западу, по 96 к северу и югу. Четыре угла увенчаны большими бастионами, представляющими собой части кругов. Промежуточные прямые линии в фортификации называются занавесами.

Стороны или уступы этих бастионов и занавесей облицованы каменной стеной высотой 30 футов, увенчанной парапетом высотой от 5 до 12 футов; и внутри этой ограды находятся средняя и внутренняя палаты.

Внутренняя палата образуется путем размещения внутри нее второго параллелограмма, меньшего, чем предыдущий. Это образует внутреннее и концентрическое пространство между ними, середину палаты.

IV. *Средний округ*, таким образом, представляет собой четыре подразделения по сторонам света, все они образуют террасы шириной от 16 до 20 ярдов, а противоположные стороны имеют почти равную длину. На востоке и западе расположены сторожки, на юге - служебные помещения и водные ворота, а на севере - открытая терраса с видом на внешние укрепления замка с этой стороны.

The *Восточная сторожка* состоит из двух низких башен с полукруглыми выступами в сторону рва и портала между ними. Стены толстые, и с каждой стороны есть ложа, освещенные тремя петлями. Над этими ложами была зубчатая стена. На северной стороне находится квадратное здание, назначение которого неизвестно. Эта сторожка была соединена с будкой во внутреннем дворе, и между ними, по-видимому, были боковые двери.

Один из них, с южной стороны, вел к *резервуару для воды*, облицованному каменной кладкой, 50 футов в длину и 20 в ширину, вероятно, рыбному консерву, соединенному с кухней.

Перед этой сторожкой, отделяющей ее от платформы больших ворот, ров шириной около 45 футов. Поскольку нет следов центральной опоры подъемного моста, который должен был пересекать это пространство, представляется вероятным, что он опирался на промежуточную деревянную перекладину, как в Рэби и Холте, которая допускала снос или разрушение в случае осады.

The *Западная сторожка* расположена напротив рога, а между ними ров шириной 60 футов. Портал выше, а передняя часть шире, чем в восточной сторожке. По обе стороны от портала есть две комнаты, а над ними первый этаж с каминами и дымоходами.

Между этими воротами и северо-западной башней внутреннего двора находятся несколько более поздних построек и стена, которая, по-видимому, предназначалась для того, чтобы перекрыть сообщение между сторожкой и северной террасой. С южной стороны находится аналогичная стена, отгораживающая южную террасу.

Офисы и проход уотер-гейт занимают часть южной террасы этого прихода.

Галерея *Водных ворот* ведет из зала к озеру и достаточно велика, чтобы вместить лодку. Он перекрыт чередой узких ступенчатых арок, а не одним наклонным сводом. Над ним расположены помещения, вероятно, для поваров и обслуживающего персонала на кухнях.

Напротив этого прохода, на его восточной стороне, находится *Кухонная башня*— низкая башня большой прочности, со сводчатым первым этажом и нишами, по-видимому, для варки и тушения в больших масштабах. Камин находится на верхнем этаже.

Кухня сообщалась с прихожей и с чем-то вроде дворика, занимавшего восточную оконечность южной террасы. Лестница-колодец ведет вниз, на нижнюю и на верхнюю кухню.

Во дворе есть печь и проход, ведущий к резервуару. Здесь же, напротив южного занавеса внутреннего двора, находится низкое продолговатое здание с одним или двумя выступами на юг, которое, по-видимому, было соединено с кухней и в наши дни служило бы кладовой.

V. Внутренний двор представляет собой четырехугольник размером 200 футов на восток и запад и 160 футов на север и юг. Он заключен в четыре навесные стены, увенчанные по углам четырьмя круглыми башнями, а с восточной и западной сторон разделен двумя высокими и великолепными сторожками. Южная сторона образованного таким образом двора занята залом и парадными апартаментами.

Of the *Завесы*, расположенные на севере и востоке, имеют высоту около 30 футов, включая зубчатую стену. Та, что с южной стороны, выше на этаж, и вдоль нее продолжается дорожка вдоль вала — внизу, в виде сводчатой *трехфоральной галереи* в толще стены, вверху, в виде открытого прохода. Трехстворчатый проход в южном занавесе называется Галереей Брауза, почему - трудно сказать, поскольку бароны с таким именем, хотя и были лордами Гауэра, не имели собственности к востоку от Недда, в Гламоргане.

Четыре *бастийные башни*, венчающие углы этого квартала, являются очень заметными чертами внешнего вида замка. Они имеют выступ за пределами стены в три четверти круга; состоят из трех ступеней, с деревянными крышами и полами; и имеют размеры по внешнему диаметру 36 футов, а по внутреннему - 18 футов; толщина стен составляет 9 футов. Каждый этаж освещен бойницами, очень большими внутри, но внешне кажущимися линией. На вершину каждого этажа ведет лестница-колодец. Эти башни выходят во двор и на зубчатые стены. Их тип лучше всего виден в северо-западной башне.

The *Восточная сторожка* - великолепное сооружение. Он продолговатый, с двумя полукруглыми арками на восточной стороне и двумя круглыми башенками в виде выступа в три четверти круга под северо-западным и юго-западным углами внутри двора. Здание пересекает портал, расположенный между носовыми башнями. Арка имеет форму “капель”, а вход защищен воротами, частоколом и опускной решеткой. Над входом во двор находится прицел для сброса ракет по тем, кто внизу. По обе стороны портала расположены ложи, а второй этаж представляет собой просторный зал или зал заседаний совета с большим камином и двумя большими и красивыми окнами, выходящими во двор. Над этим залом находится зубчатая стена. На северной и южной сторонах этой сторожки находится

несколько небольших квартир, в основном со сводчатыми потолками, и некоторые из них используются как помещения с опускаемыми решетками. Над дверью, ведущей на крепостной вал, с южной стороны, находится небольшая молельня или часовня с ребристой сводчатой крышей и двумя украшенными окнами.

The *Западная сторожка у ворот* имеет тот же план, но несколько меньших размеров и без башенок, обращенных ко двору, поскольку ее лестницы находятся в толще стены. Ложи по обе стороны портала сводчатые и ребристые, с декоративными карнизами. Они выходят прямо во двор. Парадный зал наверху не такой большой, как в восточной сторожке у ворот. Он покоится на сводчатом полу.

The *Зал* построен напротив южного занавеса. Его размеры составляли 73 на 35 футов, а высота - около 30 футов. Он освещен четырьмя большими и высокими окнами, выходящими во двор, с круглыми арками и повторяющимися полосами лепнины в виде шаровидных цветов; внутри - балдахины в несколько жестком, но превосходном стиле. Между окнами находится широкий камин, а к востоку от них дверь, которая была главным входом с южной стороны. Дверь в занавеске ведет по длинному сводчатому коридору к водным воротам озера, а другая дверь ведет на кухню и пекарню в средней палате. Простая дверь в западном конце ведет в некоторые парадные покои, а другие двери и большое окно в восточном конце ведут в подвал и часовню.

Деревянная крыша опиралась на четырнадцать коротких групповых пилястр, опирающихся на выступы в виде карнизов, расположенных у северной и южной стен. Северная стена из обработанного камня, на высоте около 3 футов над землей украшена струнным ходом с шаровидными цветами. На восточной стене струнный ход соединен с капельным камнем окна часовни. Восточная, южная и западная стороны были оштукатурены и, вероятно, расписаны или увешаны гобеленами.

The *Часовня* к востоку от зала — судя по ее расположению и большому восточному окну — не представляет собой ничего примечательного. К западу от холла расположены четыре *государственных квартиры*, две на первом и две на втором этажах. Они освещены с севера, и одно из окон очень длинное, с подпругой и четырехлистником в изголовье. Лестница в толще навесной стены ведет в галерею Браозе, а также в верхние комнаты и в некоторые пристройки, связанные с канализацией, которые, похоже, были пристроены.

В большом дворе, немного севернее восточного входа, находится колодец диаметром около 4 футов.

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ.

Внешний вид замка в его нынешнем состоянии сильно отличается от того, который описан как его первоначальное состояние, хотя сохранилось достаточно, чтобы подтвердить это описание.

Восточный, или главный фасад, хорошо сохранился. Каменная кладка трех северных контрфорсов почти не пострадала, хотя между ними и занавесом имеются глубокие трещины, очевидно, созданные порохом, чему способствует наличие длинных окон с обеих сторон. Мина, очевидно, была заложена в ущелье этих контрфорсов, но количество введенного пороха было недостаточным, чтобы разрушить их.

Большинство меньших контрфорсов на южном фланге не пострадали, но два контрфорса на южной оконечности повержены, а соединяющий их занавес толщиной 15 футов образует пропасть, через которую Нант-и-Гледир беспрепятственно течет. Цель этого разрушения, которая заключалась в постоянном опустошении озера, была достигнута. Теперь это луг.

Нижний этаж большой сторожки и опоры ее моста находятся в сносном состоянии; но верхние помещения первой сильно обветшали, а лестницы выше определенной высоты стали недоступны из-за отсутствия перил и трещин в каменных ступенях. Большой пирс стоит отдельно, но внешний полупирс застроен коттеджами. Внешний и восточный ров, сейчас не очень глубокий, все еще заболоченный. На его северной оконечности бортики возделаны; ближе к южной стороне на нем построены коттеджи. Между этими двумя частями, к северу от пирса, находится современный вход, проходящий через водные ворота, ныне представляющий собой разбитую дыру шириной 11 футов: рядом с ней была открыта дверь в нечто вроде полости под нижним этажом сторожки, используемой как сарай для телег. Фундаменты южной стены, находящиеся во рву, относительно совершенны. Фундаменты северной стены, возвышающиеся на земляном валу, сильно разрушены.

The *Тет-дю-пон*, которым заканчивается южный занавес, значительно пострадал. Криволинейная стена между башнями выровнена до бруствера, а сторона портала, обращенная к озеру, была полностью разрушена, как и вход и часть пола соседней D-образной башни.

Северная ветвь раздвоенной стены, идущая от задней стены, была снесена с перпендикуляра; и, хотя большой опасности ее падения нет, расшатанные камни, прилегающие к ее трещине, представляют опасность для антиквара, который может попытаться взобраться на нее. Коттеджи прижаты к внешней стороне этой стены, а угол входа в нее занят свинарником.

К югу от замка, к западу от *тет-дю-пон*, земля на обратной стороне озера частично возделана, а частично занята коттеджами; на севере, к западу от порта для вылазок, стена между внешним и вторым рвом сведена к линии фундамента. Хорошо видна особая толщина этой стены в тех местах, где она служила дамбой. В этом направлении на внешний ров вторглась дорога Нант-Гарв, которая на протяжении примерно 100 ярдов выходит за пределы ответвления. Мельница сровнена с землей. Пересохший водоток и туннель, расширенный в пролом, все еще отмечают древний выход его вод. Осушение озера, конечно, стало фатальным для мельницы. Современный мельник из Кэрфилли переехал за пределы великого южного разлома, где он пользуется преимуществами Нант-и-Гледира.

Роговая облицовка, прикрывающая западный вход, прекрасно сохранилась, а ее облицовка, за исключением тех мест, где частично добыта в карьерах, почти такая же прочная, как и прежде, хотя сторожка у ворот и западный пирс, если они когда-либо существовали, были разрушены. Вероятно, они были сделаны из дерева. Ров к западу от горна, который в сырую погоду все еще является руслом речушки, зарастает камышом и водными растениями; к востоку, или со стороны замка, в сырую погоду он заболочен; а на юге находится русло древнего наводнения, ныне равнина дерна, через которую тропинка ведет к роднику.

Вдоль внешней линии обороны на северо-западе редут, рвы и прилегающие земляные укрепления скрыты молодыми деревьями и кустарником, последствиями обработки почвы и постройками фермы замка.

При входе в замок через восточные водные ворота справа видна стена, параллельная занавесу, который образовывал заднюю часть северной галереи, или конюшни, почти выровненная с землей, и, следовательно, таким образом отрезан любой регулярный доступ к опорным камерам.

Противоположный выступ внутреннего рва лежит в руинах, перекрывая ров. Все остатки восточного подъемного моста между большим фасадом и средним кварталом исчезли.

Фланговые башни восточной сторожки среднего прихода разрушены, та, что на юге, полностью, а та, что на севере, почти полностью, руины единственного здания, пристроенного к ней, предотвратили ее полное разрушение.

На противоположной, или западной, оконечности этого прихода находится сторожка у ворот в гораздо лучшем состоянии. Портал был разрушен внизу, но сохранились полые полупериоды, соединяющие его с роговым украшением. Фасад этой сторожки большой толщины безупречен и украшен парой дымовых труб; ее внутренняя часть разрушена. Окна в фасаде - единственные остатки верхнего этажа.

На северном фасаде этого квартала завеса сильно разрушена в результате падения внутренних башен, и, поскольку все бастионы были разрушены и взорваны, точная линия их границы едва прослеживается.

На южной стороне широкое озеро и прочные хозяйственные постройки в какой-то степени сохранили занавесу, но дверной проем водных ворот, который открывается в нем, сильно поврежден. В нескольких футах ниже его подоконника длинное черное пятно отмечает высоту воды в прежние времена и дает около 9 футов в качестве средней глубины озера.

Галерея, кухни и т. Д., занимающие эту сторону, сильно пострадали; но перед большой печью сохранилась часть парапета высотой около 12 футов, снабженная петлей.

Резервуар сохранился, хотя его почти завалило камнями и ежевикой. После падения прилегающей стены бастиона его положение стало ненадежным. Недавно его стена дала трещину, и, если ее не починить, можно ожидать, что она вскоре упадет в ров.

Поднимаясь от восточной сторожки, через массу почти незаметных руин, попадаешь в центральную часть замка.

За исключением частичного пролома на северной стороне, занавески этого внутреннего помещения пострадали незначительно, и высоту парапета и повторной стены все еще можно определить по выступам на его стыке с башнями.

Восточная сторожка была разделена взрывом на две части; из которых внутренняя, возвышающаяся на огромную высоту, все еще остается сносно совершенной; в то время как внешняя, разбитая на куски, сокрушила нижнюю сторожку под своей тяжестью и до сих пор заваливает ее руинами.

Западной сторожке повезло больше; лестницы, однако, сломаны и неровные, а своды повреждены. В полу его центрального помещения была проделана дыра, ведущая в своды портала и одной из лож под ним.

В полу Браозе, или трехфоральной галереи, есть два больших отверстия, которые выходят на лестницу и коридор внизу.

Здания на территории суда серьезно пострадали. Зал перекрыт временной крышей, но структура его древней кровли видна по сохранившимся карнизам. Тротуар давно убрали: подоконники окон были срезаны, а украшавшие их узоры и лепнина сломаны и испорчены.

Окно и дверь в восточном конце были разбиты вдребезги, а сводчатый проход, ведущий к офисам, представляет собой бесформенную и неровную дыру.

Сводчатая крыша кухни разрушена, но сохранилось достаточно, чтобы продемонстрировать ее первоначальную структуру. Ступени галереи водяных ворот были демонтированы, но сводчатая крыша почти не пострадала.

В большом дворе углубление в траве указывает на древний колодец. Недавно его открыли на глубине нескольких футов, но ничего важного обнаружено не было.

Четыре бастионные башни этого квартала заслуживают особого внимания, поскольку именно расположение одной из них принесло этому замку большую часть той дурной славы, которой он обладает.

То, что эти четыре башни были заминированы и взорваны с помощью пороха в какой-то период, когда действие этого вещества было хорошо изучено, становится очевидным при осмотре. Мина была заложена недалеко от центра каждой башни и произвела воздействие, различающееся только по степени, на каждую из них. Та, что на северо-востоке, полностью сровнена с землей снаружи, полностью разрушив при своем падении сам бастион, на котором покоился его фундамент — с внутренней стороны остались только дверь и часть стены высотой до занавеса. Разрушение северо-западной башни ни в коем случае не было столь полным. Обрушилась только треть ее внешней окружности, а остальная часть, фактически лишенная перекрытий, остается такой же прочной, как и прежде. Упавшая часть лежит в виде обломков на соседнем бастионе.

У юго-западной башни шахта работала наружу; вся внешняя часть обрушилась на бастион и в ров, но внутренняя полоса, соединяющая ее с остальной частью здания и содержащая входы на несколько этажей, была защищена хозяйственными постройками с южной стороны и не пошатнулась.

Последней, или юго-восточной, является знаменитая падающая башня, наклон которой сильно преувеличен и нелепо объяснен. В случае с этой башней мина взорвалась в противоположном направлении от остальных, и внутренняя часть с прилегающей завесой была выброшена во двор, в то время как внешняя часть остается стоять, хотя сила взрыва отбросила массу от перпендикуляра, так что она нависает над своим основанием в направлении юго-запада на девять футов. Парапет на его вершине остается совершенно совершенным и является единственным в замке, который является таким.

Окрестности этих четырех башен и промежуточных надвратных башен, на которые в основном была применена сила пороха, представляют собой хаос руин; разрушенные массивы галереи, лестниц, своды значительной части самих помещений в беспорядке лежат на земле; и тонкий покров растительности, который их окутывал, хотя и добавляет им живописности, в немалой степени затрудняет точное представление об их первоначальном расположении.

Во всем этом огромном здании железо, даже на скобах дверных проемов, было снято; в гнездах оконных решеток также нет свинца.

Тесаный камень, из которого сделаны дверные рамы, оконные наличники, перекладины лестниц колодцев, а в некоторых случаях и сами лестницы, были грубо вырваны с повреждением стен с целью, вероятно, превращения их в известь.

Опускные решетки, частоколы, двери вместе с крышей зала и все до единой доски в этом месте уже давно убраны. Каждая лестница, галерея и помещение пронизываемы для дождя и подвержены пагубной силе мороза, однако материалы настолько прочны, а строительный раствор, которым все это зацементировано, настолько прочен, что время и непогода сами по себе нанесли свая лишь незначительные повреждения по сравнению с умышленным разрушением, нанесенным рукой человека.

Прежде чем прийти к какому-либо общему выводу относительно возраста Кэрфилли, будет уместно сделать несколько замечаний по некоторым деталям, на которых в некоторой степени основываются эти выводы.

И первый из дверных проемов. За некоторыми исключениями, которые вскоре будут перечислены, дверные проемы по всему зданию имеют одинаковый общий характер. Арки являются “каплевидными”, то есть представляют собой тупо заостренные арки, центры которых лежат ниже их пружины. Очевидно, что это лучшая форма стрельчатой арки для порталов замка, и именно она обычно использовалась в военных сооружениях эдвардианского периода. За теми же исключениями, арочные молдинги состоят из пятистороннего ребра, на передней и самой широкой поверхности которого расположено ребро меньшего размера той же фигуры. Этот способ лепки ребер также очень часто используется в замках.

Главные порталы вместе с дверями, ведущими с первого этажа башен на крепостной вал, защищены опускаемыми решетками, расположенными в D-образном пазу. Эта канавка проходит как желобок в камеру наверху; но нет никаких свидетельств того, что какое-то приспособление использовалось для подъема опускаемой решетки. Опускаемая решетка, однако, могла быть поднята простым усилием руки, и перекладины, протянутой поперек, было бы достаточно, чтобы надежно удерживать ее при подъеме. Пороги разрушены, так что не видно, были ли концы опускаемой решетки вставлены в небольшие отверстия или в них были изношены. Помимо опускаемой решетки, большие порталы снабжены выступом, но без боковых пазов, предназначенных, как предполагается, для использования своего рода деревянной рамы. Кроме того, в главных порталах есть четыре или пять квадратных отверстий или *мертриеров* в арке, через которые могут быть опущены балки, образующие частокол. Далее можно заметить, что, хотя некоторые порталные проходы имеют значительную длину, все же ребра их сводов все поперечные, никогда не проходящие по диагонали под углом к центру, как это делается в Кальдекоте и в других местах для перекрытия отсека таких проходов.

Похоже, в этом замке использовалось несколько видов подъемных мостов. В некоторых местах, как у больших ворот и у прохода в их привратной башне, мост, когда его поднимали, помещался в углубление так, чтобы находиться на одном уровне с верхней стеной, откуда, следовательно, можно судить о его длине. В других случаях он просто упирался в стену, образуя выступ. Кажется, что он всегда был достаточно длинным, когда поднимался, чтобы прикрыть ворота.

Способ подвешивания моста также варьировался. По бокам некоторых порталов был вставлен камень, в который вставлены горизонтальные оси моста (железные, судя по небольшому размеру штыря или отверстия); но с местом для пескаря или оси соединен другой паз, который поднимается под углом в сорок пять градусов на несколько футов, а

затем продолжается горизонтально еще на несколько футов. Создается впечатление, что при подъеме моста это было приспособление для броска его нижнего конца вверх и вперед, чтобы более эффективно прикрывать верхнюю часть двери, создавать наклонную поверхность для метательных снарядов и, заставляя мост прислоняться к стене, снимать напряжение с его цепей или канатов и предотвращать его падение, даже если они будут сломаны. Возможно, однако, что в эти пазы вставлен какой-нибудь рычаг или другое приспособление для приведения моста в действие; там, где они есть, наверху нет отверстий для прохождения цепей подъемного моста в камеру опускной решетки. Похожие канавки видны на верхней сторожке в Чепстоу.

Защита великого, или водного, заднего хода уникальна. Канавки, которые в других случаях образуют направляющие опускной решетки, здесь резко заканчиваются немного выше арки. Они слишком глубоки для петель ворот и, вероятно, были заполнены защитным устройством, похожим на опускную решетку, но которое было введено в полость вниз. Действительно, поскольку здесь есть только высокая стена и нет помещения над задней дверью, правильная планировка была неприемлема.

Существует еще одно приспособление для защиты ворот, состоящее из своего рода стрелы, открывающейся наклонно вниз от подоконника окна, применяемой в этом замке в двух местах: одна над дверью восточных внутренних ворот, а другая над дверью северо-западной главной бастионной башни; в обоих случаях, очевидно, с целью защиты башен, когда враг проникнет во внутренний двор.

Зубчатые стены и парапеты по всему замку имеют очень простое описание. Они массивные и с плоскими верхушками, перекрытие представляет собой грубую плиту из песчаника. Высоту и толщину, а также ширину перекладки и прохода по валу всегда можно определить при тщательном осмотре стен или башен, у которых они заканчиваются. Парапет и перегородка обычно имеют одинаковую высоту и почти такую же, как верхняя часть ведущих к ним дверей.

Амбразуры расположены в параллельных сторонах и имеют небольшую пропорцию к зубцам, каждая из которых перфорирована петлей. Эти детали можно увидеть на вершине падающей башни или, что более удобно, на северном выступе, обращенном к северо-западной башне бастиона. Судя по незавершенному характеру зубчатых стен и плоскому обнаженному перекрытию, их предполагалось замаскировать внешней галереей, или деревянной решеткой, опирающейся на каменные карнизы, которые сохранились до сих пор. По этой причине в камне нет ни машин, ни приспособлений для сбрасывания снарядов через пол выступающего парапета — изобретения, которое так существенно увеличивает величие башен Уорика, Раглана и Кардиффа. Над восточными средними воротами парапет имеет ложную мачиколяцию, или небольшой выступ, опирающийся на стол из карнизов, но без отверстий или выступа, достаточного для того, чтобы их пропустить.

Окна, за некоторыми исключениями, представляют собой либо циклы, либо, если они больше, имеют очень простой характер. Однако в холле и в больших комнатах двух внутренних сторожек они очень широкие и высокие и богато украшены. Две последние комнаты настолько сильно пострадали, а окна настолько изуродованы, что можно сказать только, что те немногие остатки орнамента, которые видны, напоминают по стилю более совершенные украшения зала. Молельня, пристроенная к восточной внутренней сторожке, имеет сводчатую крышу, разделенную на два квадратных отсека, поддерживаемых поперечными и диагональными ребрами жесткости. Два окна, обращенных на юг, длинные и узкие, без цоколя, с трилистниками; их молдинги представляют собой лишь внешнюю фаску.

В сторожках есть и другие окна, обращенные внутрь, которые намного короче, но в остальном напоминают это. Четыре окна холла высокие и правильной формы; они открываются на высоте не более четырех футов над землей.

Наружная лепнина на окнах полностью исчезла; лепнина на двери была обнаружена путем удаления травы у ее основания.

Внутренняя лепнина окон чрезвычайно богата благодаря повторному использованию полос, занимающих большую толщину стены. Углы лепнины удалены на две глубины, и их место занято полым желобком, в котором через равные промежутки помещен гранатовый орнамент, образующий своим выступом круг. За каждой из этих гранатовых лент расположены пилястровые планки, скругленные по углам и увенчанные маленькими угловатыми капителями: внутри находится красивый балдахин из дерева оги, украшенный крокетами и наверхиями в очень чистом стиле.

Дверца имеет хорошую внутреннюю отделку, но ее внутренняя лепнина состоит только из одной полосы шаровидных цветов. Внешняя лепнина богатая. Вокруг арки расположены три полосы гранатов, которые, без сомнения, были продолжены, как и в окнах; а между ними расположены два ряда небольших отдельно стоящих колонн с круглым вогнутым пьедесталом. От них остался только пьедестал.

Четырнадцать карнизов, на которые опирались балки крыши, состоят из трех коротких сгруппированных колонн, соединенных своей задней половиной и разделенных закругленным углублением; вверху они увенчаны аккуратной лепниной, а внизу опираются на три выступающих бюста, центральный из которых самый низкий и большой. Закругление проходит по центру каждой из этих колонн и, останавливаясь у абака, продолжается вверх по капителю и, наконец, заканчивается в астрагале. Карнизы, построенные несколько раньше, но по общему виду напоминающие эти, можно увидеть в замке в Чепстоу.

На камине не осталось никаких украшений. Простой струнный ход вдоль восточного торца зала, возвращающийся от пояса окна часовни, идеален. На западном конце северной стороны видна базовая табличка, но она разрушена по всей длине.

Длинное окно в одной из кают напоминает, хотя и в гораздо большем масштабе, окна уже описанной оратории. Однако, по-видимому, она была украшена трилистником с четырехлистником над головой.

По обе стороны от внутренних западных ворот расположены два небольших многоугольных помещения, на сводчатых крышах которых простое диагональное ребро поднимается из пояса под каждым углом и встречается со своим собратом в центре. Выступы имеют три плоские грани и заканчиваются острием, которое опирается на какое-то животное, в каждом случае бессмысленно изуродованное. По-видимому, это были домики.

Кэрфилли представляет собой столь же мало архитектурных украшений, пропорционально его размерам, как и любое здание с замком в Британии.

В целом, серия концентрических укреплений и общее расположение составляющих их частей напоминают укрепления Харлеча и Бьюмариса. План этих концентрических замков очень своеобразен. Это не похоже на более ранние нормандские замки, в которых крепость была главной особенностью и в которых комфорт приносился в жертву безопасности; и это также не похоже на более поздние замки, которые обладают не только большими внутренними, но и большими внешними окнами, как в Шериф-Хаттоне, и в которых нет здания, к которому можно было бы прикрепить название крепости.

И стиль архитектуры, используемый в Керфилли, не менее характерен для его эпохи; ниспадающая арка, совершенно простое ребро, общее отсутствие украшений и гербов, простые зубчатые стены и отсутствие машикулей, как правило, указывают на тот же период.

Колонны дверного проема холла, вогнутая лепнина их пьедесталов, тройное скопление колонн, образующих карнизы крыши, их капители-колокольни и легкая лепнина колпаков - все это связано с раннеанглийским стилем, который преобладал с 1189 по 1307 год.

С другой стороны, лепнина гранатового цвета, богатые, хотя и целомудренные и несколько чопорные козырьки дверей и окон, маленькие пилястры в окнах с пятиугольными капителями, арки в виде огей и простой наличник, поднимающийся по колоннообразным карнизам крыши, - все это признаки стиля декорирования, который преобладал с 1307 по 1377 год.

Смешение этих двух стилей, очень распространенное в английских зданиях, обозначает период, варьирующийся в зависимости от преобладания того или иного, и в данном случае может быть законно отнесено ко второй четверти XIII века, когда стиль оформления начал вытеснять раннеанглийский. Примеры этого перехода и лепнины в виде шаровидного цветка, или граната, можно увидеть внутри хоров Бристольского собора и снаружи южного придела Кейншемской церкви.

Более ранние перестройки в Чепстоу, и, в частности, молельня, пристроенная к башне Мартина, и карнизы с колоннами в цитадели, могут быть отнесены к более ранней дате, чем Кэрфилли, поскольку, очевидно, были размещены там до упадка раннеанглийского стиля.

Внутренние свидетельства здания, которые указывают на конец правления Генриха III, согласуются со свидетельствами приводимых ниже записей, в которых замок упоминается в 1272 году как недавно возведенный Гилбертом де Клером, графом Глостерским и Хартфордским.

До этого периода время от времени упоминается замок Сенгенидд, который, поскольку его неоднократно брали, отвоевывали и полностью разрушали, очевидно, был местом, за которое много спорили, но не обладал большой величиной или пассивной силой. После возведения Керфилли замок Сенгенидд больше не упоминается. Поэтому не исключено, что замок Сенгенидд был грубым укреплением из дерева и необработанного камня на полуострове, впоследствии занятом Кэрфилли.

Поскольку Кэрфилли, несомненно, был основан графом Гилбертом незадолго до 1272 года, возникает вопрос, был ли тогда построен весь он целиком.

Внутренний двор, его завесы, бастионы, сторожевые башни со всем их содержимым и пристройками относятся к тому же времени. Южная стена всегда имела свою нынешнюю высоту и, следовательно, всегда предназначалась для поддержки крыши зала, стены которого соединены с ней. Надвратные башни, очевидно, являются частью первоначального плана, а длинные окна кают-компаний и окна молельни во внутренней надвратной башне по своей форме и лепнине в точности похожи.

Похоже, что завеса, соединяющая северо-западную башню бастиона с западной сторожкой, изначально была такой же низкой, как северная завеса, но было пристроено что-то вроде галереи и выступающий над ней вал. Группа зданий также была добавлена с внешней стороны южного занавеса, под углом, образованным его соединением с юго-западной башней.

Общий дизайн среднего прихода и большинства его зданий явно относятся к тому времени, когда был построен внутренний приход. Западная сторожка, однако, по-видимому, построена несколько позже; ложные накладки, отверстия для цепей опускной решетки, дымоходы, возвышающиеся над парапетом, и менее прочный характер каменной кладки, по-видимому, указывают на это. Более того, стены, посредством которых эта сторожка соединяется с занавесом внутреннего баллиума, хотя и одного возраста с первой, не соединены со второй и отделены от нее трещинами — довольно верный признак разницы в возрасте.

Не исключено, что вся внешняя линия обороны на востоке и роговые сооружения на западе были последними завершенными частями замка. Однако они являются частью первоначального проекта, поскольку, если бы земля, на которой они стоят, осталась незанятой, замок не был бы прочным.

Что касается редута, то по его внешнему виду совершенно очевидно, что его построили не только тогда, когда порох был в ходу, но и когда наука фортификации была достаточно хорошо изучена. Похоже, что он, как и земляные укрепления в Доннингтоне и других замках, относится к эпохе Карла I.

Повреждения, полученные этим замком, аналогичны другим в Корфе и в других местах, которые, как известно, относятся к тому же периоду гражданских беспорядков, в которых битва при Сент-Фагансе и оккупация Кардиффа доказывают, что жители Гламоргана принимали активное участие. Таким образом, ничто не кажется более вероятным, чем то, что редут был поспешно возведен одной стороной для защиты замка, и что демонтаж всего сооружения должен был быть произведен другой стороной, чтобы предотвратить возможность такой защиты в будущем. Хотя история не дает намека на то, к какой из противоборствующих сторон следует отнести то или иное судебное разбирательство, не может быть никаких сомнений в том, что взрыв башен был делом рук парламента.

Кажется, нет оснований предполагать, что работы Кэрфилли так и не были завершены. Фланговые башни на обоих флангах выходят на озеро, а роговое сооружение является достаточной защитой в противоположном направлении.

Примерно в трех четвертях мили от Кэрфилли, на Рудри-роуд, находятся руины “Вана”, или “Ффанвора”, древнего и очень величественного поместья семьи Льюис, прямых потомков по крови и наследников по наследству Айвора Баха, на земле которого был построен Кэрфилли.

Большая часть наружных стен дома и любопытная старая голубятня сохранились. Они относятся к эпохе Елизаветы или Джеймса, но большая часть тесаного камня, использованного в окнах, дверных проемах, каркасах и карнизах нижнего этажа, сделана либо из оолита, либо из саттонского камня и, очевидно, является частью трофеев Кэрфилли. Большинство из этих камней были обработаны, а их первоначальные украшения уничтожены, но вдоль западного фасада дома тянется длинная цепочка украшенных даток, очевидно, гораздо более ранних, чем стена, в которую они встроены.

Эти камни не могли быть вывезены из Керфилли ранее правления Елизаветы, в правление которой, или, скорее, в правление Генриха VIII, замок использовался как тюрьма. Вероятно, центральные части были настолько оккупированы, что испортить их позволили частям, связанным с восточным фронтом. Присвоив камни Кэрфилли для возведения своего поместья, семья Льюис, у которой изначально была отобрана земля, возможно, поступила вкусом, но ни у кого не было большего морального права угощаться из этого источника.

КАРДИФФСКИЙ ЗАМОК, ГЛАМОРГАН.

Кардиффский замок, хотя и не безвестен пограничной славе, не был театром великих исторических событий и не представляет каких-либо особо ярких особенностей расположения, декораций или структуры. Его притязания на нечто большее, чем местный интерес, основаны на характере и судьбе великих баронов, чьим наследством и периодической резиденцией он был с 11 по 15 век, от правления Руфа до правления Генриха VI. Вероятно, римский каструм и, безусловно, владение местных британских князей, он был завоеван в 1090 году мечом Роберта Фитцхамона, благородного лорда Глостера, и им был создан “капут” его недавно приобретенных сеньорий Морган и Гламорган.

Мейбл, наследница Фицхамона, собственноручно передала его имущество Роберту Консулу, графу Глостерскому, незаконнорожденному сыну Генриха I. и известному строителю нормандской части замка.

Им наследовал их сын Уильям, граф Глостер, который умер в 1173 году, оставив только дочерей; затем наследством некоторое время владел король Джон, тогда граф Мортон, от брака с Изабель, младшей сонаследницей; а после ее развода, вскоре после 1199 года, Джеффри де Мандевиль, граф Эссекс, который умер в 1216 году. Третьим мужем Изабель был Хьюберт де Бург, она умерла бездетной.

После этого Альмарик д'Эвро, женившийся на Мейбл, старшей сонаследнице, стал графом Глостерским; но потомство Мейбл также потерпело неудачу.

Эмис, вторая сонаследница, вышла замуж за Ричарда, главу могущественного дома Де Клер; и их сын Гилберт, граф Хартфорд, таким образом, окончательно стал графом Глостерским, обладателем этой чести и владельцем замка Кардифф. Он умер в 1229 году.

Четыре графа из рода Клэр владели Кардиффским замком почти столетие; и хотя в основном они проживали в Клэр и Тонбридже, они многое сделали для украшения замка и укрепления сеньории.

В 1320 году Элеонора, старшая сонаследница последней Де Клер, вышла замуж за Хью ле Деспенсера младшего, фаворита Эдуарда II. Во время совершеннолетия их сына Хью д'Одли, который женился на втором сонаследнике, унаследовал графство и, возможно, владел Кардиффом после своей смерти в 1347 году. Затем Деспенсеры вновь появились в лице Томаса, сына Эдварда, который был сыном Хью и Элеоноры де Клер. Этот Томас был назначен графом Глостерским в 1397 году, а в 1400 году казнен и обезглавлен. Его сын Ричард, унаследовавший престол, умер несовершеннолетним и бездетным в 1414 году.

Графство Глостер не было возрождено, но, включая первого Хью, пять представителей этого несчастного рода владели сеньорией и замком девяносто четыре года.

Изабель ле Деспенсер, сестра Ричарда и последняя наследница, родилась в Кардиффском замке, который она много сделала для укрепления и приукрашивания. Она вышла замуж за двоюродных братьев Ричарда Бошана, графа Вустерского, и Ричарда Бошана, графа Уорика. Граф Вустер женился до 1415-16 годов и умер около 1421 года, оставив дочь, потомки которой по праву стали баронами Ле Деспенсер, но которые не унаследовали Кардифф.

Главные работы графини Изабель в Кардиффе, вероятно, были выполнены после ее второго замужества, которое состоялось до 1425 года. Ее чартер в Кардифф в качестве графини Вустерской в 1423 году подтверждает права ее предков по отцовской линии. Ее сын Генри, герцог Уорик, наследовал своему отцу в 1439 году и умер в 1446 году. Его наследница, Анна Бошан, недолго и номинально владела сеньорией, скончавшись в 1449 году шестилетним младенцем.

Затем замок перешел к представительнице другой Анны Бошан, сестры и наследницы герцога. Она вышла замуж за Ричарда Невилла, великого графа Солсбери и Уорика, который таким образом добавил Кардифф к своим и без того обширным владениям. Одна из городских хартий, датированная Кардиффским замком 12 марта 1451 года, была выдана Ричардом, графом Уориком, лордом ле Деспенсером и др., и его женой Анной.

После смерти графа в 1471 году Кардиффский замок перешел к Анне, его младшей дочери и сонаследнице от Анны Бошан, по праву которой ее муж Ричард, герцог Глостерский, впоследствии Ричард III., стал лордом Кардиффского замка и сеньории, и в последнем качестве предоставил различные хартии и подтверждения, сохранившиеся до наших дней.

После падения и смерти Ричарда права наследования были отменены, а замок и сеньория перешли к короне. Впоследствии они были пожалованы Джасперу Тюдору, герцогу Бедфорду, но после его смерти в 1495 году снова стали собственностью короны. Сеньория с ее “регалиями юры” и прерогативами маркиза была возрождена не снова, а Генрихом VII. и его сын передал лордство Чарльзу Сомерсету, который проживал в Кардиффе в 1513 году; а Эдуард VI даровал или продал Кардиффский замок с большей частью землевладения и манориальными правами старой сеньории Уильяму Герберту, первому из новых графов Пембрук, у наследников которого с тех пор все перешло.

История этой долгой череды могущественных лордов, большинство из которых наложили свой отпечаток на великие дела своей эпохи и страны, придавала замку некий исторический интерес, который, однако, едва ли может быть распространен на детали самого здания, являющиеся предметом настоящей статьи.

Кардиффский замок стоит на широкой галечной равнине между реками Тафф и Рифни, на левом берегу и в двухстах ярдах от бывшего ручья, примерно в самой низкой точке, где в обычное время года его можно перейти вброд.

Позиция, имеющая реку спереди и сзади и море вплотную к южному флангу, такова, какая была бы выбрана опытным в военном искусстве командиром и окружена территорией противника; и такая, которая при наличии дисциплинированных войск была бы неприступной.

Эти условия, название места и его расположение на хорошо известной “виа маритима” наводят на мысль о римском происхождении; мнение, действительно, но умеренно подкрепленное скудными находками римских руин, но в унисон с формой и характером части земляных валов, которые входят в состав нынешнего замка.

Они, по-видимому, представляли собой единый высокий берег, возвышающийся над внешним рвом и охватывающий большую часть трех сторон четырехугольного пространства, четвертая из которых обращена к реке; практика, отнюдь не необычная для римских или “квази-” римских лагерей. Возможно, хотя и маловероятно, что земляные работы когда-то были завершены с трех сторон, спускающихся к реке, и что юго-западная часть была разрушена, образовав очень значительную насыпь, которая до сих пор возвышается над

берегами ограды и увенчана каркасом ранней многоугольной крепости. Уоллингфорд, Тэмворт и Уэрхэм - это примеры, в которых четырехугольные земляные валы были частично сохранены, а частично демонтированы строителями нормандского замка, и в каждом из них также есть курган.

Каким бы ни было его происхождение, Кардиффский замок занимает участок земли, почти квадратный в плане, протяженностью 200 ярдов к востоку и западу и 216 ярдов к северу и югу; и ограничен с северной и восточной, и частично с южной, сторон земляными валами, а с западной и остальной части южной стороны стеной. Берега имеют высоту около 30 футов, ширину 90 футов у основания и 12 футов на вершине, вдоль которых проходит легкая укрепленная стена высотой около 6 футов и толщиной 2 фута. Эта стена упоминается Мейриком в 1578 году как находящаяся в упадке, и она была восстановлена с неглубокого фундамента всего в 2 фута в 1861 году. Он не мог быть задуман как серьезная военная защита, и недавние раскопки не выявили никаких следов более древних или основательных работ. На юго-восточном, северо-восточном и северо-западном углах берега укреплены, возможно, для возведения башен, фундаментов которых, однако, обнаружено не было. Земляные работы возвращаются примерно на 70 ярдов вдоль южного и примерно на 30 ярдов вдоль западного фронтов, чтобы поддержать и прикрыть начало стен с тех сторон, которые, за незначительным исключением, очевидно, очень древние и, вероятно, были выполнены Робертом, консулом или графом Глостерским.

Эти стены представляют собой великолепные произведения искусства, они 40 футов в высоту и 10 футов в толщину и совершенно прочны.

Основные здания замка расположены в линию и образуют часть западной стены. В центре южной стороны находятся ворота, когда-то ведущие во внешний двор, а теперь в общую ограду, простая арка в занавесе, и в своем нынешнем виде, вероятно, эпохи Генриха VIII., герб которого, возможно, занимал квадратную каменную раму, оставшуюся над воротами и с внешней стороны от них.

К западу от ворот находится высокая башня, по-видимому, раннеанглийской постройки или с ранним декором, отреставрированная покойным лордом Бьют. Это черная башня. Хотя он находится так близко к воротам, ясно, что он никогда не имел с ними прямого сообщения и не задумывался как сторожка. Мейрик описывает его как огромную башню высотой в несколько этажей, покрытую свинцом, с двумя камерами на каждом этаже, самыми нижними из которых являются тюрьмы, известные как Ставелл-и-Огед и Ставелл Вен. Одна, самая большая из этих тюрем, ныне заброшенная, имеет заостренный свод и небольшую петлю высоко в восточной стене. В этой башне есть четыре оригинальных входа: по одному в каждую из подвальных тюрем, один из остатков большого занавеса и один из крепостных валов крепостной стены. Все они расположены на северной и западной сторонах, и здесь нет дверного проема, ведущего к великим воротам. Таким образом, ясно, что эта башня, хотя и располагалась близко к воротам, никогда не использовалась в качестве сторожки.

Северный берег общей ограды выходит наружу под небольшим углом, и рядом с выступом через него был прорублен туннель. Это было сделано около тридцати лет назад, чтобы дать экипажу возможность проехать по направлению к Сенгенидд-роуд.

Снаружи, у подножия берега, вдоль северного, южного и восточного фасадов, тянулась заболоченная канава, в древности питавшаяся тафом благодаря вмешательству мельничного леата. Этот ров покрывал три фасада, простираясь до северных, или Сенгениддских, ворот города. Во времена Мейрика он был сухим и заиленным. Совсем недавно восточная часть была в некоторой степени заменена Гламорганширским каналом, а

северная, расположенная на более низком уровне, теперь является частью питателя, по которому речная вода подается по каналу в водохранилище Док. Южный рукав был засыпан и застроен на протяжении многих веков, и о его существовании известно только по мягкой черноземной почве, обнаруживаемой при случайных раскопках. Мельничный лист, снабжавший мельницу лорда, на которой жители Кардиффа были обязаны молотить зерно, и который иногда использовался для затопления низины в целях обороны, все еще тянется вдоль западного фасада замка. Во времена правления Елизаветы в замке было три зернотерки и маслобойня, а одна зернотерка стояла в 1660 году, но впоследствии была заменена кожевенным заводом, убранным в 1861 году, когда были возведены новая сторожка и городской мост. Разрушенный тогда мост был построен около 1796 года и заменил сооружение из четырех каменных арок, вероятно, эпохи Елизаветы (и упоминаемое в некоторых актах парламента), расположенное несколько выше замка; так что большая дорога от него к западным воротам города пересекала болото по дамбе, а левую сторону - по мосту из трех арок и проходила близко под главными зданиями замка. Часть старых городских ворот с их железными решетками все еще можно увидеть в зарослях кустарника в нескольких ярдах перед большой башней, показывая, как дорога входила в город под крепостной стеной. Небольшая арка в стиле тюдоров все еще сохранилась справа от старого входа, почти на одной линии с Красным домом, зданием значительной древности, ныне сильно измененным и известным как отель Cardiff Arms. Недавно в ходе раскопок между этим зданием и замком были обнаружены фундаменты старой городской стены и большой арочный проход, который мог быть либо задней дверью, либо канализацией. Расследование не проводилось.

Площадь внутри крепостной стены составляет около 10 акров, а внутри откоса рва - около 13 акров.

Внутри большой ограды, недалеко от центра северного берега и немного к западу от него, находится Курган, грандиозное земляное сооружение, которое поднимается от круглого основания диаметром 60 ярдов на высоту 32 фута над окружающей землей. Его вершина представляет собой платформу, также круглую, 36 ярдов в поперечнике, увенчанную остатками крепости, названной Лиландом Белой башней. Это раковина, или многоугольник с двенадцатью почти равными сторонами, диаметром 80 футов, толщиной стенки 9 футов и высотой 30 футов, построенный в основном из обкатанной гальки. В этой стене проделаны отверстия для шпаклевки, столь распространенные в старой каменной кладке, особенно в этом районе; а на одной из восточных сторон находится камин огромных размеров, но дымоход которого выглядит как простое углубление в стене, без нынешних следов четвертой стороны или фасада. Рядом с ним находится раковина, так что это, очевидно, была кухня: без сомнения, часть зданий, которые поддерживала стена. Стены никогда не укреплялись контрфорсами или пилястрами; но внешние углы многоугольника увенчаны тесаными балками, которые, по-видимому, относятся ко времени перестройки в Бошан с некоторыми недавними дополнениями, одним из которых может быть камин. Вход осуществлялся через высокую и крепкую надвратную башню, должным образом укрепленную опускной решеткой с южной стороны, часть которой сохранилась. Раковина, вероятно, работы Роберта Консула; но стиль и отделка надвратной башни свидетельствуют о том, что она принадлежит Изабель Бошан или ее мужу из Уорика.

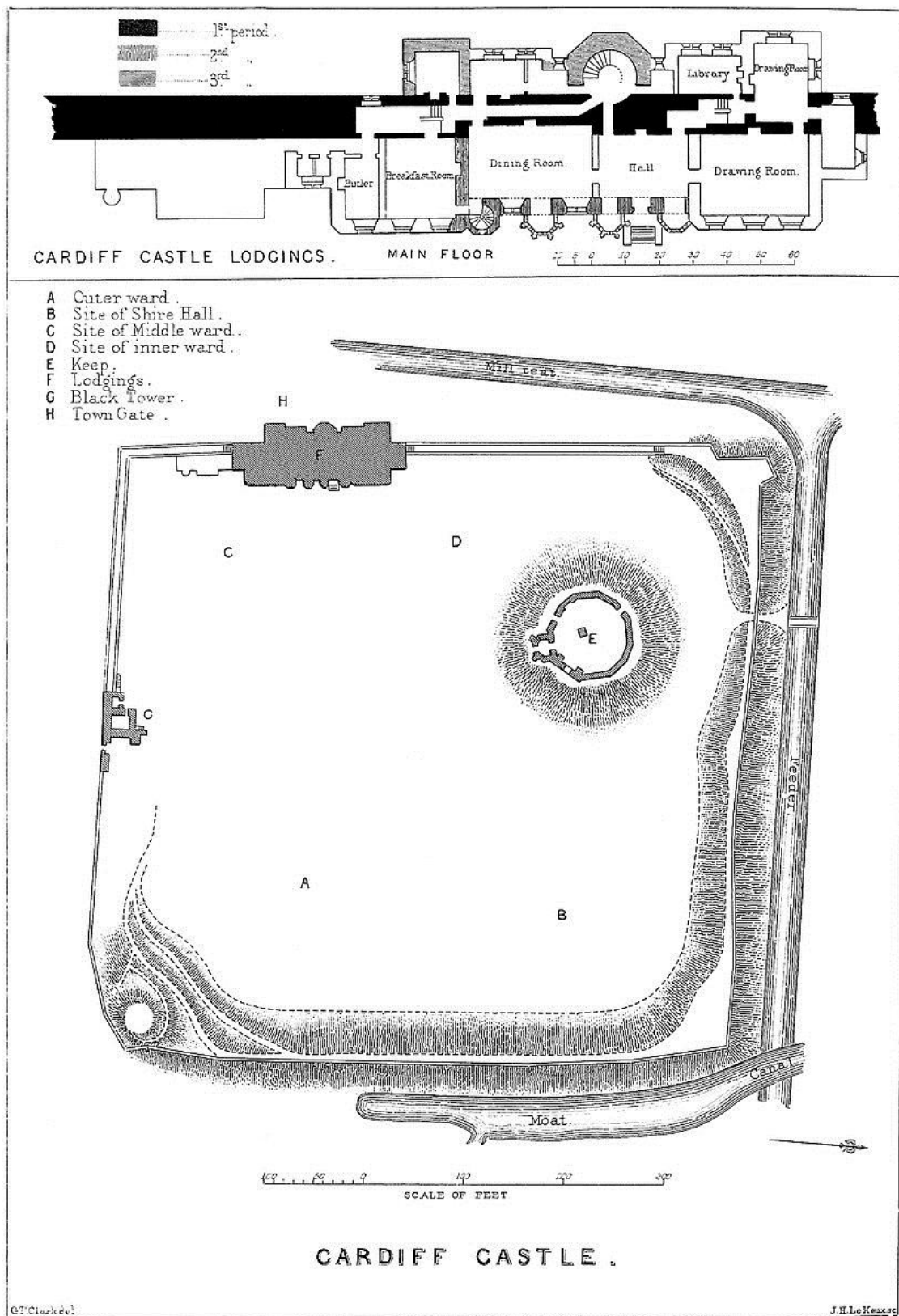
Эта сторожка соединялась с группой мощных башен, занимавших южный склон кургана, и заканчивалась внизу вторыми воротами, которые были первым или внешним входом из средней палаты в цитадель. Здесь, хотя и в более старом здании, находилась известная сцена варварства, совершенного над Кертозом, и его последующего заключения в тюрьму.

Мейрик описывает помещения в этих зданиях как “не столько красивые, сколько прочные”. Вероятно, это были казармы. Большая часть этого здания обрушилась в конце прошлого века и была демонтирована. Она, без сомнения, была сделана в нормандском стиле и, вероятно, изменена как семейством Де Клар, так и Изабель Бошан.

С тех пор как был составлен этот отчет, ров у кургана был тщательно вскрыт и еще раз наполнен водой. Это вскрыло сваи раннего моста и арку более позднего, вероятно, поздненормандского, с основанием ворот у подножия кургана и колодцем рядом с ним. Также были обнажены части ступеней, по которым поднимались на курган, проложенных вдоль поперечной стены, как в Тикхилле.

Похоже, в замке не было никакого центрального здания. Простая каменная лестница, следы которой сохранились на стене, вела на зубчатую стену, куда также можно было попасть из сторожки у ворот. Вероятно, внутренний навес или сарай окружал двор.

На противоположных фасадах надвратной башни цитадели и Черной башни расположены участки великой навесной стены, которые тянулись от одного к другому. Эта стена, которая, как видно таким образом, имела толщину 7 футов и высоту 30 футов и была укреплена с каждой стороны, вероятно, не была работой основателя замка. Его снесли в конце прошлого века, но фундамент сохранился и был открыт. Из описания Мейрика и картины маслом, сохранившейся в замке, следует, что в центре его были прорезаны ворота, по бокам от которых находились одна, если не две полубарабанные башни, которые выступали во внешний двор и которые, фактически, образовывали настоящие ворота в укрепленную часть замка. В южном барабане была вторая дверь поменьше, что-то вроде заднего хода. Фундамент подтверждает эту точку зрения. Вероятно, занавес был дополнением раннего Де Клера, после и, вероятно, вследствие хорошо известной и успешной атаки Айвора Баха.

Г. Т. Кларк дель

J. H. Le Keux sc

АПАРТАМЕНТЫ В КАРДИФФСКОМ ЗАМКЕ.

- Внешняя палата.
- В Место расположения Шир-холла.

- С Участок Средней палаты.
- D Расположение внутренней палаты.
- E Сохранить.
- F Жилье.
- G Черная башня.
- H Городские ворота.

КАРДИФФСКИЙ ЗАМОК.

Для завершения обороны было абсолютно необходимо, чтобы большая завеса была продолжена к северу от крепости. Однако эта часть была удалена. Он, конечно, никогда не был встроен в стену крепости, но пояс, оставшийся с северной стороны и за ее пределами, возможно, был соединен с ней.

Жилые помещения, или обитаемая часть замка, образуют прямоугольное сооружение длиной 145 футов и глубиной 55 футов, которое занимает примерно две седьмых западной стороны двора к южному концу и, таким образом, является частью внешней линии обороны. Эта свая состоит из башни, центральной части или корпуса, двух главных крыльев и двух меньших крыльев. Все они построены у великой нормандской стены; башня и меньшие крылья снаружи от нее, остальное внутри.

Башня представляет собой смелый и пропорциональный восьмиугольник со стороной 10 футов, три грани которого выступают с внешнего, или западного, фасада, в то время как остальная часть встроена в более старую нормандскую стену и теперь является ее частью. Он поднимается от квадратного основания в 26 футов, переходя протяжками в восьмиугольник, на высоту 75 футов, или 12 футов над соседними зданиями. Он имеет смелую механическую форму, по пять поясных арок на каждой грани и высокий парапет наверху с двумя амбразурами с каждой стороны, промежуточные зубцы, числом восемь, пронизаны крестообразной петлей или сальником. Четыре внешних, или западных, угла у основания парапета увенчаны смелыми гротескными головами животных в виде гургулий.

Основание прочное. Примерно в 6 футах над землей он содержит грубую камеру площадью 13 квадратных футов, имеющую бочкообразный свод, слегка заостренный, с дверными проемами, которые кажутся оригинальными, в его северном и южном, или двускатном, концах. Северная дверь, ныне замурованная, еще в прошлом столетии была задней; а сама комната представляла собой проход и, судя по остаткам стены, содержала нечто вроде сторожки, разделенной на две камеры.

Над этой камерой находится цилиндрическая внутренняя часть башни диаметром 13 футов, ныне представляющая собой простую оболочку, занятую лестницей и сводчатую сверху. В доме шесть окон в два яруса, нижнее находится на высоте 38 футов от земли. Они представляют собой почти петли, маленькие с квадратной головкой, но сильно загнутые внутрь, чтобы пропускать свет и воздух и демонстрировать большую толщину стенки. Их расположение доказывает, что верхняя часть башни была занята двумя камерами. Трудно строить предположения об использовании нижней части, которая, должно быть, всегда была темной и довольно большой для новой лестницы. Нынешняя лестница и перекрытие над ней очень современные, хотя последнее может скрывать более старую работу.

Раковина оригинальная и нетронутая. Материал - ясень лиас, с подкладкой из обкатанной гальки из тафа. Башни и зубчатые стены в основном из белого известняка, обработанного с особой тщательностью. Эта башня придает характер всей массе здания. Его сравнивали с

башней Гая в Уорике, на которую он, хотя и меньших размеров, очень похож; и это, без сомнения, работа того же дворянина или его жены, возможно, того же архитектора, и, вероятно, была построена между 1425 и 1439 годами, в этот период Ричард, граф Уорик, был лордом Кардиффа.^[3] На некоторых гравюрах прошлого века изображена башенка, возвышающаяся над кардиффской башней; но это, по-видимому, было вымыслом, поскольку никаких следов такой башенки не обнаружено, и в таком положении она была бы несовместима с внутренним устройством башни.

Сразу за башней находится центральная часть, или корпус здания, размером примерно 70 на 30 футов, который сейчас состоит из столовой и вестибюля на первом этаже; подвала с подвалами и офисами внизу и ряда спален наверху. Башня отделена от этого здания более старой главной стеной замка толщиной 10 футов и высотой 40 футов, которая проходит через всю территорию и сильно изрезана и изуродована более поздними коммуникациями.

Нынешняя столовая и вестибюль, по-видимому, представляли собой зал длиной 62 фута, шириной 18 футов и высотой 13 футов с плоским потолком, вероятно, как в зале в Уорике. Прорубленный в стене проход ведет из вестибюля в башню у подножия лестницы и, без сомнения, такой же старый, как сама башня. В недавнее время, вероятно, при первых Стюартах, фасад великой китайской стены был срезан на 3 фута от уровня пола вверх, чтобы придать столовой ширину 21 фут. Кроме того, около пяти лет назад по оси этой стены был прорублен проход длиной 32 фута и шириной 3 фута, наподобие туннеля, чтобы проложить путь из башни в зал для завтраков и служебные помещения за ним.

Восточный фасад этого зала, выходящий в среднюю палату, образует центр нынешнего фасада. Он разделен на три отсека четырьмя восьмиугольными башенками с половинным выступом, около 4 футов в сторону. Они поднимаются до крыши. В южной части находится лестница с оригинальной дверью со двора. Остальные три состоят из двух этапов по три окна в каждом, разделенных струнным ходом. На нижнем ярусе две центральные башенки более богато украшены, чем остальные, и их углы увенчаны тонкими контрфорсами, увенчанными остроконечиями. Эта скиния является оригинальной в самой южной из двух, но была добавлена к другой, когда в ней были пробиты окна и она была обшита несколько лет назад. Эти башенки имеют зубчатые стены и закольцованы вверху и примыкают к обычному парапету здания, но они не имеют зубчатых зацеплений, поскольку их конструкция невелика. Лестничная башенка намного старше остальных. Лестница диаметром 7 футов, грубо восстановленная на оригинальной новелле, сообщается как с подвалом, так и со двором, а двери, которые сейчас закрыты, ведут в холл и спальни. Именно по расположению этих дверей и окон в башенке была сделана вывод о высоте старого зала. Лестница освещается окнами с квадратными головками, а над ней - небольшим отверстием в виде четырехлистника. Оно ведет на крышу.

Три занавеса или пространства в стенах, соединяющие четыре башенки, также пронизаны двумя рядами одиночных окон, всего их шесть — нижний ряд прямоугольный, верхний заостренный. Все они двухфасонные, с фрамугой. Башенные и шторные окна похожи друг на друга, за исключением того, что в первом нижний ярус заострен.

Нынешняя входная дверь современная, сделана путем вырубки окна, и, вероятно, все окна были обновлены за последние полвека. Однако на рисунке этого фасада 1776 года показаны окна, в целом напоминающие настоящие, за исключением того, что вторая с севера башенка, как и лестничная, не имеет больших окон.

Переходя внутрь, три башенки кажутся нишами с главного и верхних этажей, средняя открывается чем-то вроде прохода, как будто это когда-то был просто темный чулан или,

возможно, лестница: две другие открываются стрельчатыми арками с простой, смелой, круглой и полый лепниной. Стена имеет толщину 5 футов, и проход через нее разделен тремя ребрами жесткости на две панели, которые продолжают через софит. Сами отсеки шириной 8 футов, со стенами толщиной всего 18 дюймов, имеют пять граней, из которых две внутренние пустые, а три внешних пронизаны уже описанными окнами. Каждый из шести углов и центры двух глухих сторон заняты тонкой пилястройкой, поднимающейся от высокого восьмиугольного основания и заканчивающейся изящной шапочкой, украшенной чем-то вроде трилистника. Эти шахты расположены вверху с некоторой изобретательностью, чтобы поддерживать шестнадцать ребер восьмиугольной крыши с пазом, сходящихся в центральном выступе. В двух северных отсеках и в отсеках верхнего этажа этот выступ представляет собой массу зелени, вероятно, очень современной реставрации; но в южном отсеке из трех, что рядом с лестничной башенкой, он украшен оригинальным и тщательно продуманным гербовым украшением. Внутри венка, образованного из виноградного стебля, усеченного таким образом, что он представляет собой хорошо известный зазубренный посох Уорика, находится установленный под углом щит Ньюбургского и Бошамского кварталов; а в центре - Деспенсер на фальшивом эскашоне. Шлем украшен большими ламбрекенами с кисточками, а на нем изображен гребень Бошана на голове сирены с герцогским вырезом. Вся она окрашена в цвета, вероятно, по оригинальному образцу; и это, очевидно, достижение Ричарда графа Уорика и Изабель Деспенсер, которые, следовательно, построили эти башенки, что также очевидно по их стилю. Однако вполне вероятно, что ребра и обшивка центрального отсека были скопированы с других и добавлены, когда были открыты его окна, а стены облицованы или реконструированы.

Из описания Мейрика и рисунка Гроуза, сделанного два столетия спустя, следует, что вход в зал в шестнадцатом, семнадцатом и восемнадцатом веках находился в его южном конце, в юго-восточном углу, рядом с которым находились кухни. Лестница-башенка, по-видимому, тогда была либо закрыта, либо использовалась только для сообщения между подвалом, спальнями и крышей. Гроуз показывает свою внешнюю дверь, как и сейчас, частично ниже уровня почвы.

В верхнем, или северном, конце зала, на месте нынешней гостиной, находились "прекрасная столовая" и две другие комнаты; а над ними - еще два этажа, это была та часть замка, в которой проживали лорд, его ближайшие родственники и слуги. Следует заметить, что все эти приспособления, в существовании которых не может быть никаких сомнений, оставляют наиболее богато украшенный эркер, или эркерную перегородку, и лестницу в нижнем конце зала. Это никак не могло быть предусмотрено при строительстве отсека, и это, следовательно, указывает на более раннее и обратное расположение.

Хорошо известно, что граф Генри, сын Герберта Байера, произвел значительные перестройки в помещениях замка, но в чем они заключались, пока неизвестно. Однако можно с уверенностью утверждать, что он фактически отменил все внутренние договоренности. Ясно, что в холле Ричарда Бошана южная сторона с ее геральдическим эркером была концом помоста; и это объясняет группу зданий, удобных для этого конца, которые он возвел за пределами великой стены; и, таким образом, вход в большую башню открывался, как и положено, в нижнем конце зала. Мейрик говорит, что Герберты перенесли цветник к северу от южного торца здания, где, без сомнения, он был разбит для удобства сидящих на помосте. Это также объясняет наличие лестницы в башенке, которая давала удобный выход в личный сад лорда, а также доступ вниз, в подвал, и вверх, на второй этаж, где, естественно, должны были располагаться самые безопасные и лучшие спальни. Кроме

того, на рисунке 1776 года показаны некоторые разрушенные стены в южной части здания, со стороны современных офисов, как будто вход в Герберты был осуществлен путем неполного демонтажа старых зданий, вывод, который подтверждается башней, изображенной на старой картине маслом в замке. Поэтому, я думаю, неоспоримо, что помост Ричарда Бошана и, вероятно, де Клэров находился в южной части, в то время как помост Гербертов - в северной. Северная стена бывшего холла современная, построена Стюартами; но южная стена оригинальна, и, судя по значительному расстоянию между ней и эркером, возможно, что там была небольшая гостиная, отделенная от холла, в которую вела лестничная башенка.

Подвал состоит из одной просторной камеры, или погреба, 62 фута в длину и 18 футов в ширину, и перекрыт довольно заостренным четырехцентровым сводом, без ребер или пахов, но хорошей работы и таким же совершенным, как при первом строительстве. Это неопровержимо доказывает, размеры древнего зала над ним. Он, конечно же, датируется Бошаном. На его северном конце находится оригинальный дверной проем размером 4 фута 6 дюймов с решетками для двойных дверей и отверстиями, свидетельствующими о том, что эти двери были заперты изнутри. Один конец, возможно, оригинального дубового бруска, остается в отверстии. Похоже, что в южном конце была похожая дверь; и из старой работы видно, что лестница в башенке вела в юго-западный угол этого хранилища. Есть также два других отверстия, каждое в старой и чрезвычайно толстой стене, под юго-западным углом, которые могут быть оригинальными.

Два больших крыла, очевидно, принадлежат первому владельцу Стюартов шестьдесят или семьдесят лет назад, когда, без сомнения, центральная стена была впервые прорезана в продольном направлении. Северное крыло - это полностью перестроенная резиденция Герберта, от которой сейчас ничего не осталось. Стена между этим крылом и центральной частью была построена вместе с ним и заменяет первоначальную северную торцевую стену зала Де Клар и Бошам.

Южное крыло построено в том же стиле, что и здание Стюарта, за исключением того, что стена между ним и центральной частью является оригинальной. Это южная торцевая стена старого зала. Само крыло прикрывает старый вход, которым пользовались Герберты, и стоит на месте группы башен, изображенных на картине маслом в замке, частью которой был вход. Вероятно, эти башни были работы Клэр и Бошан, и снесены Гербертами. Они показаны на картине, но отсутствуют на рисунках 1776 года.

Остается заметить два меньших крыла, или группы зданий, расположенных за пределами великой стены, по одному на каждом фланге здания, и каждое соединено с центральной восьмиугольной башней чем-то вроде коридора.

Из этих крыльев южное, по-видимому, совпадает с башней. Два нижних этажа, площадью 14 квадратных футов, сводчатые. Южный коридор, соединяющий крыло с восьмиугольной башней, сообщается на первом этаже с цокольным этажом башни и, по-видимому, был проходом из задней части башни внутрь здания. Нынешняя стена, однако, частично, если не полностью, современная, и представляет трудности, которые еще не устранены.

Северное крыло и его коридор - работа Стюарта. Это крыло на одном этаже занято задней гостиной, для увеличения которой более 7 футов было отрезано от фасада великой стены.

Редко когда старая стена подвергалась такому суровому обращению или так хорошо выдерживала увечья. Выигрышем, однако, стала превосходная задняя гостиная и кабинет, куда с помощью этих туннелей можно попасть как из большой гостиной, так и из вестибюля.

В целом, несмотря на множество недостатков в деталях, общий результат изменений и дополнений, внесенных с 1775 года, был определенно успешным. Большой двор расчищен, и цитадель, хотя и лишенная рва и нижних надвратных башен, все еще имеет почтенный вид, а летом, когда цветет окружающий ее терновник, поражает необыкновенной красотой. Черная башня была восстановлена почти по старому образцу. В главном здании большая башня, которая когда-то венчала северо-западный угол, благодаря пристройкам с северной стороны была размещена в центре его фасада; а во дворе добавление южной части, реконструкция северного крыла и открытие окон в глухой башенке многое добавили к завершенности целого.

На месте старого холла находится вестибюль и столовая, которые вместе с залом для завтрака и гостиной, все большого размера и превосходных пропорций, задней гостиной, кабинетом и несколькими квартирами меньшего размера образуют анфиладу, вполне соответствующую облику и претензиям здания. Антиквару, действительно, может быть позволено пожалеть о том, до какой степени внутренние элементы были удалены или замаскированы современной штукатуркой и обивкой мебели.

Размышляя о возрасте, абсолютном или относительном, различных частей этого замка, нашим единственным ориентиром, по крайней мере, до эпохи Елизаветы, являются внутренние свидетельства его структуры, и особенно планы его подвала и основных этажей. Из этого можно с уверенностью заключить, что большая западная стена ограды, работа Роберта Консула или его преемника, первоначально продолжалась непрерывной линией, нормандские постройки находились в какой-то другой части двора, а также на кургане. Замок Роберта Консула, вероятно, представлял собой прямоугольную ограду размером 216 ярдов на 84 ярда, окруженную тремя очень прочными стенами и, возможно, деревянным частоколом, на линии которого стояли курган и его цитадель; а к востоку от этой ограды находилось второе прямоугольное пространство, внешняя ограда размером 216 ярдов на 116 ярдов, заключенная в три земляных насыпи, укрепленная рвом с севера, рвом и городскими воротами с востока, и рвом и самим городом с юга, и, возможно, дополнительно защищенная частоколом из дерева или просто бруствером. стена вдоль гребня берега. Даже тогда вход из города был, вероятно, там, где он находится сейчас, через арку в занавесе, ведущую во внешний двор; а тот, что вел из внешнего в средний двор, вероятно, находился в центре промежуточной обороны. Определенно, никакой башни на юго-западном углу не было, и, вероятно, ее не было и на северо-западном; и Черная башня также, по-видимому, относится к более позднему времени. Фактически замок состоял из двух частей: одна представляла собой просто ограждение из прочных стен и частокола с круглой насыпью; другая, более крупная часть, представляла собой ограждение внутри земляных валов.

Таким, по-видимому, был нормандский замок, рассчитанный на то, чтобы своей огромной пассивной силой противостоять любым военным машинам, которые, вероятно, будут направлены против него валлийцами. Следующими пристройками, вероятно, были Черная башня и поперечная навесная стена; а следующей, с учетом случайного проживания Де Клар, была более старая часть нынешнего жилья, построенная внутри западной стены и напротив нее.

Масштабы этого сооружения в настоящее время определить невозможно; но вполне вероятно, что оно включало нынешнюю переднюю или восточную стену центра здания, южную или поперечную стену, соединяющую ее с великой китайской стеной, и соответствующую северную стену, разрушенную Гербертами или Стюартами и восстановленную последними. Таким образом, для зала оставалось свободное пространство размером примерно 61 на 18 футов; и, без сомнения, в северной части были

еще кухни, а в южной - несколько дополнительных построек. Это дало бы скромный зал и жилые помещения, а вместе с Черной башней и сторожевой башней обеспечило бы очень приличное жилье для барона и его свиты. Южная лестничная башенка, вероятно, была ранним дополнением к этой работе.

Независимо от того, следует ли рассматривать большую навесную стену, отделявшую собственно замок от простой земляной ограды, как ровесницу внешней стены или более позднего времени, ворота в ней с барабанными башнями, эскиз которых и фундаменты сохранились, были явно более поздними и, вероятно, вставлены Де Клером.

Исчезновение Де Клэров, раздел наследства, строительство Кэрфилли и постепенное умиротворение страны были причинами, которые, учитывая продолжительные несчастья Деспенсеров, без сомнения, привели к частичному запустению Кардиффа или, во всяком случае, на какое-то время приостановили любые пристройки к его зданиям. Однако Кэрфилли, некогда столь великолепный, похоже, был признан слишком тяжелым бременем и заброшен, а наследница, продолжавшая род Деспенсеров, родилась в Кардиффе. Вероятно, этот факт, а также амбициозные замыслы Бошамов привели к частичной реконструкции замка, который, кроме того, без сомнения, пострадал от Оуэна Глендауэра. Ричард и Изабель Бошан, очевидно, построили огромную восьмиугольную башню, надежно пристроив ее к старой стене. В связи с этим и в то же время они пристроили, также снаружи и встроили в стену, южное малое крыло, или то, что обращено к городским воротам. Внутри двора они, вероятно, перестроили жилые помещения, построив грандиозный склеп под залом. Кроме того, они добавили три башенки к восточной стене, отделив внутреннюю часть, по крайней мере, двух из них, как ниши от большого зала, и украсив своим гербовым щитом ту, что выходила на помост. Башня, в южной части которой расположены комнаты отдыха, и, вероятно, кухни в северной части, по-видимому, также были пристройками той же эпохи.

Во дворе, на линии восточного занавеса и вверх по склону насыпи, Бошаны, по-видимому, также построили или реконструировали группу зданий, от которых сохранился лишь фрагмент. Это та самая разрушенная башня, которая значительно возвышается над всеми остальными частями ограды и придает замку такой же живописный вид, как раньше - материальную прочность.

В свое время Герберты претерпели значительные изменения. Похоже, они снесли кухни или какие-то другие постройки, находившиеся в северной части жилого комплекса, и заменили их зданием елизаветинской эпохи с большими эркерными окнами. Они также снесли здания на юге и разбили на своем участке огород. Вполне вероятно, что работа Герберта носила гораздо менее солидный характер, чем та, что ей предшествовала, поскольку все они исчезли.

Ближе к концу прошлого столетия, в 1778 году, вскоре после того, как Стюарты вступили во владение, по совету "Sarability" Брауна они снесли здания Герберта, расчистили большой двор, засыпали ров с крепостью (тогда называвшейся Журналом), построили два крыла, модернизировали интерьер жилых помещений и оставили все в общих чертах таким, каким видели его недавно.

Удивительно, что в таком важном замке, как Кардифф, не осталось никаких следов обычной сторожки. Лиланд говорит о двух воротах, Шир-холле и Казначействе, из которых первые, без сомнения, были нынешними воротами, а вторые, вероятно, воротами от внешнего к среднему приходу. То, что настоящее находится на месте первоначального входа, совершенно очевидно. Где еще это могло быть? Если прорубить земляной вал или любые другие части стены, следы наверняка остались бы. Вероятно, поэтому, как уже говорилось, и

как это иногда случалось, вход был просто воротами в занавесе; а настоящим барьером был тот, что вел из внешней палаты в среднюю, который, несомненно, обладал большой прочностью. Внешний двор, должно быть, был обычным местом для ведения казначейства и других общественных дел; и жилища рыцарей регулярно занимали какие-то люди, хотя обычно не владельцы. Дорожный инспектор при таком положении вещей сделал бы неудобными формальности, связанные с воротами, опускной решеткой и подъемным мостом, и, возможно, это стало причиной отказа от обычной регулярной защиты ворот. Фундаменты этих зданий, общественных и частных, были заложены в большом дворе.

Единственная оставшаяся трудность связана с укреплениями окружающей насыпи. Общий вид Бака, опубликованный в 1748 году, и гравюра Райленда показывают обширную стену, охватывающую великую китайскую стену и земляной вал под северо-западным углом и продолжающуюся по нынешнему руслу реки Фидер. Вряд ли это одна из распространенных ошибок Бака в перспективе, поскольку он показывает также нынешнюю стену, закрывающую земляной вал. Следовательно, возможно, что на северном фасаде между берегом и рвом была стена. Но, как бы то ни было, следует помнить, что враг, взявший верх над земляными валами, все еще имел перед собой крепость, с которой по толщине и высоте стен мало кто мог сравниться в Британии. Часовня замка, зал Удела и дома рыцарей находились во внешней части и могли быть сожжены или разрушены; но сами рыцари, их последователи и имущество нашли бы убежище и были бы в абсолютной безопасности во внутренних частях замка.

Рис Мейрик, пишущий о 1578 году, оставил краткий и, в целом, очень вразумительный отчет о замке, восстановленном графами Пембрук для их случайного проживания до постройки Уилтона. Из его описания явствует, что главный вход был из города через “красивые ворота”, слева от которых находилась Черная башня с тюрьмами, открывающаяся во внешний двор. Это отделение занимало восточную часть общей ограды, будучи отделенным от внутреннего и среднего отделений насыпью и прочным занавесом, который простирался от Черной до Белой Башни или цитадели.

В этом внешнем приходе Лиланд увидел жилище двенадцати рыцарей Гламоргана, которые владели своими землями за счет службы в замковой охране и выплаты серебра приходу. Во времена Мейрика оставался только один, принадлежавший сэру Эдварду Мэнселлу и принадлежавший Бассетам. Здесь же, недалеко от северо-восточного угла, как нарисовал Спид и увидел Мейрик, стояло здание суда лорда, использовавшееся как Шир-холл и в котором до конца прошлого века заседал суд лорда округа. Это было защищено специальной стеной, частью которой были рыцарские жилища. Небольшая часовня завершала группу. Эта часовня была передана вместе с приходской церковью Святой Марии в Кардиффе одним из ранних нормандских графов монастырю в Тьюксбери и упоминается в общей конфирмационной грамоте Николаса, епископа Лландаффского (“Dig. Понедельник”, ii. 67). Пространство между двором Шир-Холла и прилегающим банком было занято садами.

В среднюю палату входили немного севернее центра навесной стены через ворота между двумя барабанными башнями, в которых слева был задний ход.

Войдя в средний двор, мы увидели впереди жилище лорда, а слева лестницу, ведущую на зубчатую стену, и дорогу к Черной башне, которая была отделена стеной от дровяного склада, который, как и сейчас, занимал юго-восточный угол двора.

Справа дорога, быстро поднимаясь, вела к крепости через ров у насыпи и вверх по ее склону. Этот путь проходил через две надвратные башни, должным образом закрытые опускными решетками, и был дополнительно защищен большим занавесом, под которым он проходил и вдоль задней части которого. Правильность этого описания была доказана недавними раскопками.

Средняя палата занимала все пространство к югу от кургана, поперечная стена отделяла ее от внутренней палаты. Ее западная сторона была в основном занята жилыми домами. Первоначальный плезанс, или сад лорда, находился в юго-западном углу этого прихода и был превращен Гербертами в огород.

Внутренняя палата находилась рядом, к северу от средней палаты, сообщаясь с ней дверью в поперечной стене. Этот двор также был ограничен частью рва крепости; но, по-видимому, он был небольшой площади и не простирался до северной внешней стены, а был ограничен стеной, которая тянулась от северо-западного угла крепости вниз по склону к северо-западному угловому контрфорсу общей ограды. В этом приходе находился цветочный сад Герберта, несомненно, разбитый там для уединения и находящийся под окнами частных апартаментов, с которыми он, по-видимому, был соединен декоративной каменной лестницей, изображенной на одном из рисунков прошлого века. Из этого сада через великую западную стену, сразу за западными воротами города и недалеко от задней части восьмиугольной башни, вела задняя дверь.

Узкое пространство к северу от кургана, должно быть, было перекрыто каким-то способом, следов которого сейчас нет.

Главное здание во времена Мейрика выглядело, что касается его центральной части, почти так же, как и десять лет назад. Южное крыло и нынешние кухни отсутствовали, и вход был через несколько ступенек и открытую террасу в юго-западном углу здания. Войдя, посетитель оказался в холле длиной 61 фут, шириной 18 футов и высотой 13 футов 6 дюймов с плоским потолком. Справа была дверь, ведущая в лестничную башенку; слева - другая, проходившая сквозь большую стену в малое крыло Бошана. Пройдя по холлу, я увидел слева камин, а за ним проход, ведущий в башню Бошан; справа комнату освещали два эркера и три обычных окна, а ближе к центру находился чулан, занимавший среднюю башенку. В верхнем, или северном, конце холла двери вели в личные комнаты большого размера как в холле, так и на верхних этажах, освещенные большими окнами со средниками, выходящими на север, в сад, и на запад, через проем во внешней стене. На втором этаже располагались спальни и, прежде всего, плоская свинцованная крыша, с которой открывался один из самых красивых видов в Британии.

Это описание было составлено в 1861 году. С тех пор замок претерпел значительные изменения; было добавлено несколько новых башен, а интерьер был полностью реконструирован. Над сводом подвала находится библиотека, а над ней - холл. Детали выполнены в том полуитальянском стиле, в котором Берджес был таким великим мастером, и все, что мог придумать очень утонченный вкус как владельца, так и архитектора, было выполнено в манере и с изобилием, которые более чем соперничают с Олнвиком.

ЗАМОК КАРЛАЙЛ.

Город Карлайл впервые появляется в начале девятого века в истории Ненния как Каир-Луадиит, или Луилид, или Кастра Лугубаллия, один из “octo et viginti civitates ” ... cum innumeris castellis ex lapidibus et lateribus fabricatis”, перечисленный этим уважаемым авторитетом. Известность Карлайла, однако, обусловлена не этим ранним упоминанием и не последующим подарком этого места королем Экфридом святому Катберту, а скорее его названием как центра раннего цикла романов об Артуре, что хорошо подтверждается его последующим прославлением в пограничных сказаниях и балладах. Действительно, будь то в сказке или на самом деле, Карлайл пользуется неплохой репутацией. Он сыграл определенную роль в британской, римской, саксонской и датской оккупации острова и, после того как шотландцы удерживали его в качестве пограничной крепости против англичан, стал, в свою очередь, великим оплотом северной Англии против шотландцев и бичом диких племен спорной земли.

Город и замок от природы сильны. Замок расположен на утесе, выступающем на север, в положении, которое, без сомнения, создало его ранний вид и обусловило его длительное значение. По его берегу течет глубокий и быстрый Эдем, расположенный здесь, в семи милях от песков, и в десятке километров от своего окончательного исчезновения в заливе Солуэй. Над городом, прикрывая его восточный фланг, Петтерилл спускается, чтобы укрепить Эдем, река которого, протекая под городом и под его стенами, двумя ответвлениями впадает в воды Кальдью, которая, таким образом, прикрывает западный фланг поста.

Город, защищенный таким образом с трех сторон, с которых он был наиболее подвержен нападению, построен на высоте около 60 футов над Эдемом, и который, слегка поднимаясь, заканчивается к северу на выступе, занимаемом замком, и который, без сомнения, является местом “Кэр”, откуда, будь то британского или римского происхождения, город получил первую половину своего названия.

Лугубаллия, или Каэр Луэль, находится не на линии римской стены, а примерно в миле от нее. Это грандиозное сооружение, идущее со стороны Уоллби и по линии Линстока и Драудайкса, прошло мимо Стэнвикса, через реку, и завершилось на Солуэй, в Дайксфилде, недалеко от Бург-апон-Сэндс.

Замок занимает северную, самую высокую и укрепленную часть города, примерно в 60 футах над рекой. Он построен на Новой скале из Красного песчаника, и к востоку, северу и западу склоны очень крутые по направлению к лугам, которые на значительной ширине окаймляют левый берег Эдема и правый берег Калдью. В плане территория замка представляет собой почти прямоугольный треугольник, прямой угол которого направлен на юго-запад, а длинная сторона, несколько выпуклая и длиной 256 ярдов, направлена на север и восток. Что касается других сторон, то та, что обращена к городу с юга, имеет длину 200 ярдов, а та, что к западу, - 143 ярда. Площадь внутри стен составляет менее трех акров.

Внешняя защита со стороны города представляет собой искусственный ров длиной 240 ярдов, шириной 30 ярдов и глубиной около 10 ярдов, пересекающий возвышенность от склона к склону и заканчивающийся с каждого конца стеной, соединяющей город с замком, которая, таким образом, хотя и является самостоятельным сооружением, является частью общего окружения. Между замком и городом находится открытое пространство шириной около 78 ярдов, на котором расположены ров и широкая ограда, и которое вместе с замком находится за пределами муниципальной границы. На западной стороне, примерно в 45

ярдах от этой границы, находится Айришгейт-Броу, место расположения ирландских ворот города. Шотландские ворота располагались примерно в том же месте на восточной стороне; а третьи, или английские, ворота, охраняемые цитаделью, находились на противоположном, или южном конце города.

Замок состоит из внешнего и внутреннего кварталов, в последнем из которых находится крепость. Внутренний двор образует восточную оконечность или вершину территории, из которых он занимает примерно пятую часть, и отделен от внешнего двора поперечной стеной длиной 90 ярдов, на низком выступе которой находится внутренняя сторожка. Другие стороны этого прихода - восточная (96 ярдов) и южная (73 ярда). Крепость стоит под юго-западным углом, примерно в 20 футах от двух соседних занавесей, южная из которых выдвинута примерно на 18 футов, чтобы получить пространство и образовать выступ, примыкающий к внешним воротам.

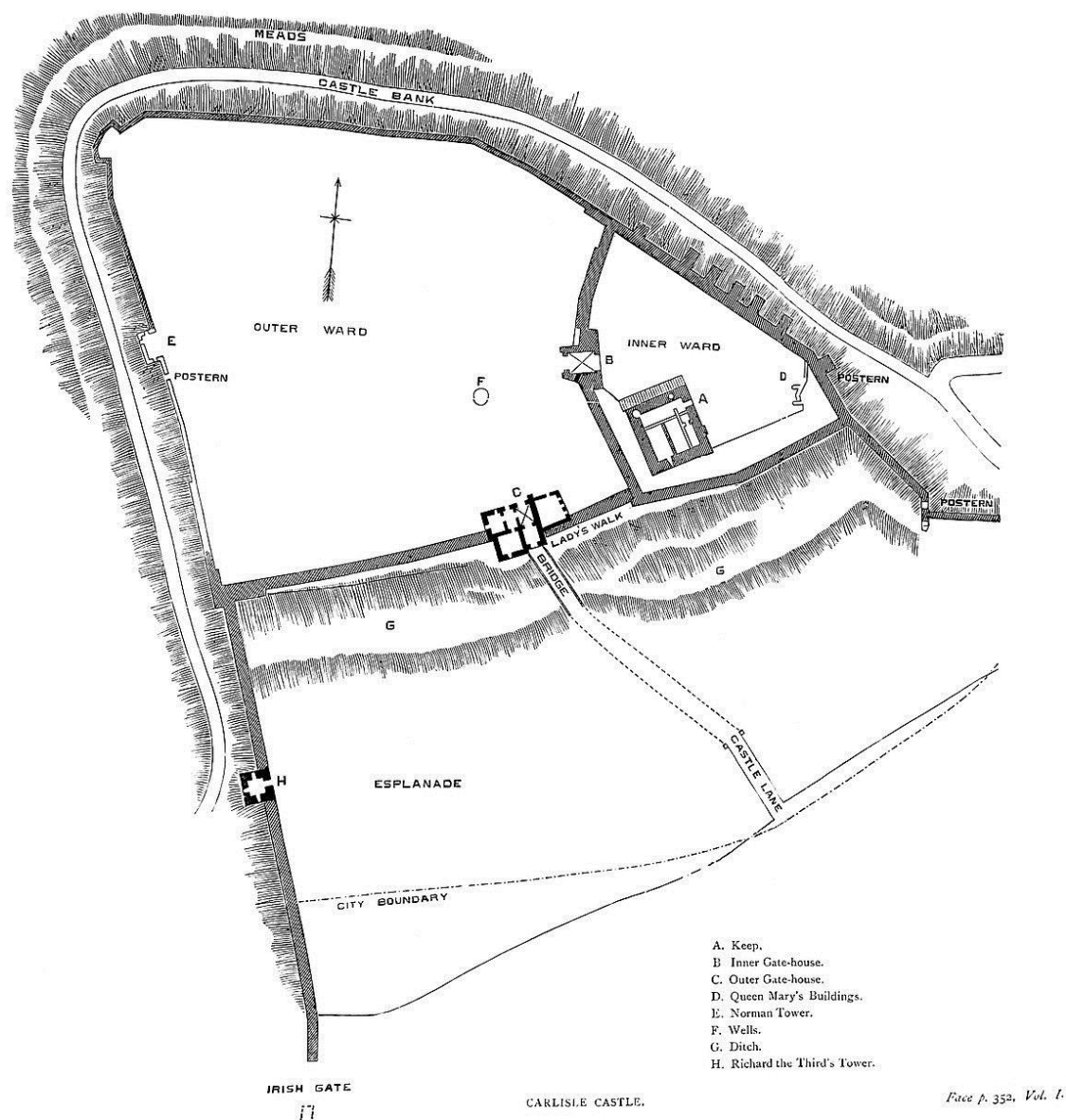
Главный вход находится из города в середине южного фасада, в 40 ярдах к западу от крепости, через большую сторожку. Подъемный мост через ров был демонтирован в прошлом веке и заменен каменным мостом, который пересекает ров и ведет к *сторожке*, называемой башней Джона де Айриби или башней Ирби. Она выходит во внешнюю палату.

План этой сторожки необычен. Ее удобно описать как простое сооружение площадью 44 квадратных фута с выступом 20 футов перед линией занавеса. Он состоит из подвала и верхнего этажа, но вход, вместо того чтобы проходить, как обычно, через центр здания, находится в его восточном конце. Юго-восточный угол здания полый, образующий уголок или нишу длиной 18 футов в каждую сторону, две внешние стороны представляют собой стены толщиной 6 футов и примерно в половину высоты главного здания. Эти стены снабжены парапетами, спереди и сзади, так что образуют крытый проход, который сообщается с восточным занавесом. Перед этим ограждением находятся внешние ворота, открывающиеся на 11 футов, с заостренной аркой, помещенной в утопленную панель с квадратным выступом, предназначенную для удержания подъемного моста при подъеме. Этот вход ведет в открытое помещение площадью 12 квадратных футов, окруженное внешними стенами. По сути, это барбакан, расположенный в углублении сторожки, с внешними стенами высотой с занавес. Барбакан ведет ко второму арочному проходу с опускной решеткой в квадратном пазу и воротами. Затем следует сводчатый проход, заканчивающийся другими воротами, которые открываются во двор. В коридоре, слева, находится стрельчатый дверной проем, выходящий на поднимающуюся вверх лестницу-колодец, а за ним арочная дверь, ведущая в сторожку. По правую руку находится дверь в виде плеча, которая ведет, или действительно вела, на лестницу. В передней стене сторожки находятся два карниза, на которых, по-видимому, располагался небольшой эркер или бартизан, командующий подходом. К восточной стороне сторожки, но полностью внутри прихода, пристроено здание поменьше, расположенное наискосок, как бы пристройка.

При входе во внешнее отделение колодец виден на расстоянии 40 ярдов. Здания внутри отделения современные, разной степени уродства и болезненно солидные. Некоторые из них отделены и безвредны; другие встроены в старую занавеску, чтобы скрыть и более или менее повредить ее. Занавеску, которая чрезвычайно любопытна и по большей части оригинальна, лучше всего видно снаружи. Помимо сторожки, в нем есть только одна фресковая башня — оригинальная, открытая в ущелье, в центре западного фасада.

The *Сторожка* внутреннего отделения расположена на выступающей центральной точке поперечного занавеса. Она называется Капитанской башней. Он прямоугольный, или почти

прямоугольный, около 32 футов в каждую сторону, с выступом от занавеса в 18 футов. Над порталом есть один этаж, который является центральным. Ворота представляют собой низкую арку, обрамленную по бокам парой контрфорсов. Проход сводчатый, с дверями на каждом конце, а на внутреннем конце также опускающаяся решетка. Снаружи внутренних ворот расположено кольцо из ажурного орнамента, необычное, но эффектное. Большая часть этой сторожки украшена, но контрфорсы кажутся нормандскими.

- А. Продолжать.
- Б. Дом у внутренних ворот.
- С. Дом у внешних ворот.
- Д. Здания королевы Марии.
- Э. Норманнская башня.
- Ф. Уэллс.
- Г. Канава.
- Башня Х. Ричарда Третьего.

ЗАМОК КАРЛАЙЛ.

Первоначально перед этой стеной был ров и ворота с подъемным мостом, но теперь все исчезло. В более поздние дни примерно в 8 ярдах перед этими воротами была возведена небольшая батарея в форме полумесяца, защищенная собственным рвом. Эта батарея была соединена легким полевым укреплением, которое тянулось от нее до внешней сторожки, проложенной зигзагообразно, чтобы прикрывать и защищать сообщение между двумя воротами, предполагая, что внешняя охрана была взломана и в нее проникли с северо-западной стороны. Эти работы были сняты, а земля выровнена.

Поперечная стена внутреннего отделения оригинальна, прочна и хорошо построена и опирается на земляной скат и каменную кладку, вмещающие казематы, в одном из которых есть перпендикулярный дверной проем. Они, без сомнения, были добавлены, возможно, Генрихом VIII, чтобы на стене можно было разместить пушки. Перед этой стеной, немного к северу от сторожки, находится большая стрельчатая арка поздненормандского стиля, ныне замурованная и, возможно, служившая первоначальным входом.

The *Крепость* имеет прямоугольную форму, 66 футов к северу и югу, по 61 футу к востоку и западу, и в настоящее время имеет высоту всего 68 футов. Это очень просто. Есть общий высокий и ступенчатый цоколь, от которого поднимаются пилястры шириной 12 футов и выступом в 1 фут, по две с каждой стороны, сходящиеся под каждым углом и перекрывающие его, которые являются сплошными. Стены не бьются, а слегка уменьшаются на один выступ, на разном уровне с каждой стороны. Витрины, хотя и находятся в первоначальном положении, не являются оригинальными. Парапет был снят, и вершина, таким образом, опущена, сделана сводчатой и превращена в платформу для орудий, установленных *en barbette*. Толщина южной стены составляет 8 футов, западной - несколько больше, а восточной и прилегающей к ней части северной стены - 15 футов. Внутри есть подвал и два верхних этажа. Он разделен обычной поперечной стеной, проложенной с севера на юг. Предположение в значительной степени свидетельствует в пользу того, что эта стена была частью оригинального проекта; однако она была настолько сильно изменена, что трудно однозначно говорить о ее возрасте или первоначальной высоте. Вход находится на уровне земли, в северной части восточного фасада. В нем есть опускная решетка, вероятно, работы Эдуарда I.; от ее косяка слева прямая лестница поднимается в восточной стене к юго-восточному углу первого этажа, как в Чепстоу и Ладлоу. Подвал был разделен на четыре отделения со сводчатыми каменными перекрытиями. Одно из них представляет собой проход у северной стены, заканчивающийся лестницей-колодцем в северо-западном углу. Эта лестница, ныне заброшенная, является оригинальной и вела на второй этаж, но, вероятно, не выше. Двери из коридора открываются слева в два свода, разделенных поперечной стеной здания. Восточный свод представляет собой одну камеру; западный разделен поперечной стеной на две, во внутреннюю можно войти через внешнюю. Свод представляет собой простой заостренный ствол, очень очевидно, вставку. В меньших хранилищах находятся поздние каменные скамьи. Один из дверных проемов имеет перпендикулярную дату. Эти хранилища, очевидно, были тюрьмами, несомненно, предназначенными для содержания пограничных стражей и, вероятно, были пристроены позднее. В северной стене есть углубление, соединенное с колодцем.

Первый этаж, высотой около 16 футов, выложен современным кирпичом и используется как столовая. В его северной части находился очень большой камин, обрамленный нормандскими колоннами, но сейчас он замурован. Теперь на этот этаж можно попасть только с юго-восточного угла, но раньше в северо-западном углу также была дверь, ведущая с лестницы-колодца. Рядом с юго-западным углом также есть дверь, которая ведет во второй

колодец-лестницу, которая, вероятно, вела на верхние этажи и зубчатые стены. Сейчас он закрыт, и прямого пути с первого на верхние этажи нет.

В настоящее время на второй этаж можно попасть через наружную дверь в западной стене, к которой ведет внешняя лестница с северной стороны и с крепостного вала с восточной. Эта дверь не является оригинальной и была пробита в месте углубления, вероятно, с петель, которое вело со второго этажа в комнату с фресками и гардеробную в восточной стене, и которые видны справа от двери при входе. Этот второй этаж имеет высоту около 16 футов и деревянный потолок. В восточной стене, над нынешней входной дверью, находится камера с настенной росписью, стены которой украшены любопытными рисунками заключенных. На одном изображены полумесяц Перси и феттерлок, а на другом - герб. С этого этажа лестница ведет через люк на верхний этаж — современное устройство.

Третий, или верхний, этаж перекрыт современным кирпичом для поддержки оружейной платформы наверху. Эта платформа образована из больших каменных плит, уложенных в 1812 году, что также может быть датой постройки хранилища. Толщина стен выше по всей окружности составляет 11 футов.

Колодец в замке считается римским, хотя с такой же вероятностью это относится и к более крупному колодцу во внешнем дворе. Когда крепость была построена, колодец, будь то новый или старый, был встроен в северную стену, между дверным проемом и северо-восточным углом, и его труба проходила в стене, без сомнения, с освещенной камерой на каждом этаже, на что указывает ряд петель, все еще видимых в стене. Чтобы сделать колодец доступным, когда крепость была закрыта как тюрьма, с внешней стороны северной стены, недалеко от уровня земли, было проделано отверстие в трубе колодца, и через него вода все еще поступает наверх. Глубина колодца составляет 78 футов, а его нынешняя шахта находится на высоте 92 футов над уровнем моря.

Любопытная внешняя лестница, вероятно, эдвардианской эпохи, была построена у северной стены башни и ведет вверх, через колодец, к крепостным валам занавеса, а значит, к двери на второй этаж башни. Без сомнения, первоначально он предназначался только для того, чтобы вести к крепостным валам.

Цитадель, хотя и сильно изуродованная для размещения артиллерии и сильно затемненная из-за переоборудования в тюрьмы, столовую и складские помещения, по большей части оригинальна, и, если бы ее очистили, как положено, от сводов верхних этажей, она стала бы довольно совершенным образцом нормандской крепости с полным набором комнат с фресками и пристроек.

Холл и другие хозяйственные постройки, включая так называемую башню королевы Марии, большинство из которых стояли в конце прошлого века, располагались под юго-восточным углом к смежным стенам, как показано на рисунке Гроуза. Сейчас все исчезло, за исключением фрагмента панельной отделки, части каркаса парадной лестницы эпохи раннего короля Эдуарда, которая вела в главные апартаменты.

Похоже, что в восточной стене, недалеко от ее южного конца и, следовательно, под этими жилыми помещениями, в прошлом столетии находилась нормандская задняя дверь с шевронной лепниной и пазом для опускной решетки, ведущая из внутреннего двора в поле, независимо от города. Эти детали показаны на некоторых поздних видах замка. Гроуз в 1774 году смутно показывает расположение и размер ворот, а также нормандские пилястры, которыми была укреплена прилегающая стена. Верхняя часть этого занавеса, по-видимому, была раннеанглийской. Все в этом ракурсе теперь современное.

Пространство между крепостью и прилегающими к ней стенами было засыпано землей, отделено от крепости чем-то вроде площадной стены, и, таким образом, валы здесь, а также вдоль поперечной стены сделаны достаточно широкими для пушек. Засыпка современная, и ее следует убрать.

У подножия занавеса снаружи проложена дорожка, называемая "Касл-Уок", или "Касл-Бэнк", откуда можно удобно изучить ее детали. Юго-восточный угол, как уже было сказано, современный, но при движении на север и запад открывается вид на старую нормандскую часть, а на северной стороне внутреннего двора видны нормандские пилястры, поднимающиеся с постамента, но частично скрытые шестью огромными ступенчатыми контрфорсами большого выступа, украшенными или перпендикулярно датированными, которые, без сомнения, являются отличной опорой для стены и очень любопытны, но, с военной точки зрения, очень мешают.

Примерно в центре северного фасада располагался отрог, состоящий из мощной навесной стены, спускающейся по склону и заканчивающейся круглой башней. Это, конечно, было сделано для того, чтобы досадить врагу, если он нападет с западной стороны. Теперь все удалено: возможно, это было дополнение эпохи короля Эдуарда. Северная сторона занавеса и его северо-западный угол были в значительной степени отреставрированы в Украшенный период, но большая часть западной стены сохранилась в первоначальном виде. Недалеко от его центра находится небольшая башня, похожая на Алникскую Чердачную башню, шириной 28 футов, глубиной 18 футов и выступом около 9 футов, открытая в ущелье. Он полностью нормандский, того времени, когда была построена крепость. Он имеет ступенчатый цоколь высотой около 10 футов, с шестью отступами по 2 дюйма каждый, а на передней грани находится центральная пилястра, уходящая в стену у основания первоначального парапета. На его северной стороне, высоко вверх, находится пристройка к стене, а ниже - каменный водосток. Примерно в 10 ярдах к югу от этой башни сохранились следы небольшого бокового входа. Стена, соединяющая замок с городом с этой стороны, нормандского происхождения, но имеет несколько контрфорсов, по-видимому, эдвардианской эпохи, в одном из которых есть пристройка, похожая на чердачную башню. На этой стене, к югу от рва, находится башня короля Ричарда III, или *Черепичная башня*, шириной 26 футов и глубиной 20 футов, без внутреннего выступа. Он выглядит как эдвардианский, но, вероятно, переделан из нормандского. Он находится примерно в 30 ярдах к северу от границы города. Говорят, что несколько лет назад между этой башней и замком был обнаружен подземный ход, который сразу же был заделан. Об этом говорится в "Истории Карлайла, 1838 год", и это должно быть правдой, но это кажется невероятным, поскольку проход, должно быть, уходил глубоко под ров.

Южная стена замка по большей части оригинальна, нормандские пилястры видны к востоку и западу от сторожки. Снова к востоку от них, до самой крепости, стена кажется эдвардианской, но за ней, там, где она относится к внутреннему кварталу, она нормандская.

Стена между юго-восточным углом замка и городом, длиной около 90 ярдов, выполнена в смешанном стиле нормандии и Эдуарда, и, пересекая ров, образует зигзаг или уступ, в котором находятся большие закругленные задние ворота, либо оригинальные, либо на месте первоначального отверстия, предназначенные, вероятно, для того, чтобы при приближении врага позволять перегонять скот на эспланаду и в ров с лугов. Вероятно, от этих ворот шел путь по так называемой Дорожке Леди, у подножия южной стены, до самых больших ворот. К югу от этого заднего хода, рядом с так называемым городским камнем, находятся следы большого бастиона, вероятно, являвшегося частью городских укреплений. Задняя дверь теперь замурована, а сзади к ней насыпана земляная насыпь.

The *Внутренняя* стена замка, построенная на естественном склоне, снаружи имеет высоту около 28 футов, а внутри - 18 футов. Толщина его варьируется от 8 до 10 футов.

План замка — мыс, превращенный поперечным рвом в отдельный лагерь, — может быть британским или англичанками, но общие очертания каменной кладки, повторяющей линию земляных валов, нормандские. Нормандский инженер, очевидно, построил *ограждающую* стену вдоль края склона и спланировал внутреннюю и внешнюю охрану, а также цитадель. Замок обычно приписывают Уильяму Руфусу, который был здесь в 1092 году, когда Карлайл из шотландии стал английским пограничным пунктом. Престол был создан Генрихом I. А первый епископ был освящен в 1133 году, когда, вероятно, была построена городская стена, часть которой до сих пор можно увидеть под благочинием. Карлайл был взят шотландцами и осажден Стефаном и Иоанном. Последний монарх был здесь четыре раза в 1201-6-8 и 1212 годах. В 1204 году констеблю Честера было приказано выделить шестьдесят марок на укрепление замка. В 1205 году там должна была храниться определенная трава, срезанная по соседству. В 1215 году Роберт де Рос был кастосом замка, но в 1216 году Роберт де Випон, по-видимому, отвечал за ремонт и гарнизон.

В 1222 году Генрих III приказал отремонтировать дома внутри замка, и туда должны были быть отправлены две баллисты из рога и две из дерева. Ответственным был Вальтер Моклерк. В 1222 году гарнизон был продолжен, причем на жалованье короля.

Эдуард I. использовал Карлайл в шотландских войнах и был здесь в 1293 году, после большого пожара, который сильно повредил город и замок в предыдущем году. Между 1293 и 1307 годами он был здесь семь раз, часто на много дней. В последний раз он отмечал свой день рождения здесь в 1307 году и уехал отсюда, чтобы умереть в непосредственной близости. К его правлению следует отнести большинство пристроек в эдвардианский период, ремонт стены и крепости, сторожевых башен и хозяйственных построек, от которых сохранились лишь следы. В 1302 году епископ Хаттон, тогдашний губернатор, потратил на работы 275,4,11 фунтов стерлингов. Большой зал, который, как предполагалось, был возведен тогда, нуждался в ремонте в 1344 году.

Камден говорит, что Ричард III. отремонтировал замок, и шесть великолепных контрфорсов могут относиться к той дате, хотя выглядят более ранними. Генрих VIII. похоже, сильно переделал замок, вероятно, чтобы в нем размещалась артиллерия. Он построил блокгауз или цитадель на южной окраине города, вооружил ее пушками и отремонтировал городские стены. Его работа, вероятно, была выполнена в спешке, поскольку в 1563 году все здание находилось в большом упадке, как явствует из обзора, сделанного по приказу королевы и напечатанного Гроузом. Три стороны цитадели находились в опасном состоянии. Капитанской башне не хватало парапетов, как и большей части внутренней занавески, а все стекла большого зала и больших покоев обветшали. Во внешнем дворе был открытый пролом длиной 70 футов, образовавшийся в том месте, где стена обрушилась в 1557 году. Результатом этого обследования стало строительство часовни и казармы, а также, без сомнения, ремонт стены и крепости.

Мария, королева Шотландии, нашла здесь что-то вроде жилья, когда бежала из Шотландии, и дала название недавно снесенным домам. Замок несколько пострадал во время великого восстания, но избежал демонтажа. Он подвергся нападению с запада и был взят герцогом Камберлендским в 1745 году.

Вероятно, величайшие и наиболее разрушительные изменения происходят в наше время. Зал был снесен в 1827 году, а часовня и другие здания - в 1835 году.

На лугах к северу от замка сохранились следы двух небольших полевых укреплений, меньшего размера позади другого, очевидно, подготовленных для приема шотландцев в 1745 году, когда они приближались к выступу у Стэнвикса.

Замок слишком замкнут и является слишком большой частью города для той цели, для которой он используется. Военные должны быть убраны, современные здания расчищены, крепость восстановлена, а территория благоустроена для удовольствия жителей Карлайла и так, чтобы показать руины с наибольшей выгодой.

В окрестностях Карлайла есть и другие военные сооружения, заслуживающие внимания. Таков в Хейтоне, на Замковой горе, курган высотой 12 футов и диаметром 100 футов на вершине. Замок Линсток был построен до 1133 года, но сейчас представляет собой немногим больше фермерского дома, в который он был преобразован в 1768 году. Замок Скейлби был построен Робертом де Тиллиолем, который получил лицензию на его зубчатую облицовку в 1307 году. Он был в значительной степени отремонтирован в 1596 году, но сохранил большую часть своего первоначального облика и всегда был заселен. Замок Наворт был главной резиденцией английского баронства Гиллсленд, после завоевания предоставленного Хьюберту де Во, от которого он перешел через Дакр к Говардам. Нынешнее сооружение было построено Ральфом лордом Дакром в 1335 году и является хорошим примером четырехугольных замков того времени. Замок Роуз находился в баронстве Далстон и датируется 1336 годом, когда епископ Кирби получил лицензию на зубчатые работы. Это также был четырехугольник, окруженный рвом. Замок Хайхед на реке Ив нарисован Баком. Здесь был замок в 1326 году, но лицензия датирована 1342 годом. Замок был перестроен в 1714 году. Далстон-холл - это дом с крепостной стеной, вероятно, середины четырнадцатого века.

Римскую стену можно проследить в различных точках, как к востоку, так и к западу от Эдемского прохода. Его хорошо видно в поле недалеко от Драудайкса, строгого квадратного фермерского дома, построенного на месте римского замка. Говорят, что надпись "Diis Manibus", встроенная в его стены, была раскопана в Карлайле, недалеко от старой цитадели.

КАСТЕЛЛ КОХ, ГЛАМОРГАН.

Река Тафф от своего истока под Брекон-Биконс, пройдя около 26 миль по северному и горному району Гламорган, сбегает глубоким и узким ущельем через последнее возвышение и беспрепятственно течет к Бристольскому каналу.

Хребет, который он, таким образом, окончательно пересекает и который отделяет холмистую местность от равнины, является частью большого южного откоса угольного бассейна Гламорган, поддерживаемого там горным известняком, поднимающимся снизу и, в свою очередь, покоящимся на старом красном песчанике, обнаженная поверхность которого образует под более поздними горизонтальными породами и дрейфующим гравием основание равнины. Откос, протянувшийся на много миль вдоль смежных графств Монмут и Гламорган, в непосредственной близости пересекается тремя перевалами Эббо, Рифни и Тафф. Высоты, ограничивающие последнюю реку, хотя на самом деле находятся по высоте ниже некоторых других частей цепи, производят очень поразительный эффект из-за резкости их подъема с равнины.

Эти высоты, расположенные по обе стороны перевала, должно быть, всегда считались жителями страны местами большой безопасности. На правом берегу реки огромная глыбоватая глыба песчаника Гарт возвышается на 981 фут над уровнем моря и увенчана двумя замечательными курганами, хорошо известными как ориентиры в долине и видимыми даже с далеких берегов Сомерсета. Нижний Гарт, который поднимается к передней части большого Гарта, напротив Кастелл Кох, образует правый берег перевала.

Возвышенность на левом берегу, хотя и ниже, более крутая. В покрытых лишайником скалах на вершинах и густой зелени, покрывающей его склоны и основание, представлены все те черты, которые так хорошо известны геологам и характеризуют ландшафт горных известняков.

Природа сделала западную и южную стороны этой высоты, открытые для любого врага из-за моря, практически недоступными. На северо-восточной стороне в скале были высечены линии обхода, размеры которых показывают значение, придаваемое кимри этому месту как крепости.

В этом выборе был резон. Отсюда длинные корабли датских разбойников можно было увидеть, находясь еще далеко от берега, и жителям равнины было дано своевременное предупреждение и предоставлена защита на случай, если опустошители распространят свой натиск далеко вглубь от побережья. Сигнальный огонь на мысе Пенарт, прославленном в англо-нормандских стихах своим древним дубом и издавна отмеченном белой церковью, откликнувшись здесь или на противоположном Гарте, был бы повторен с вершин далеких гор Брекон и Кэрмартен и немедленно распространил бы весть о вторжении по всему южному побережью.

Норманны в течение полутора столетий после завоевания Гламоргана построили цепь замков вдоль равнинной местности, от Чепстоу до Пембрука, и подвергались вторжениям валлийцев только из горных районов на севере. Чтобы воспрепятствовать этому, они возвели ряд крепостей либо на холмах, либо на их окраинах, в качестве примеров которых можно привести Морле и Кастель-Кох.

Расположение кимрского лагеря было слишком труднодоступным, чтобы можно было быстро доставить туда провизию или военное снаряжение, а также обеспечить постоянную и быструю связь с главным замком в Кардиффе. Ниже по склону, хотя все еще высоко над равниной, нормандский инженер выбрал естественную платформу на известняковой скале, отделенную от основного выступа естественным углублением и достаточно удаленную от вершины, чтобы быть вне досягаемости любых военных машин, с которыми валлийцы, вероятно, были знакомы, или которые они, вероятно, смогли бы использовать со своими силами против замка. К этой платформе легко подойти с востока, которая, вероятно, сообщалась со старой дорогой, называемой римской и, без сомнения, кимрийской, которая ведет прямо из Кардиффа в Рубину и недалеко от которой находится низкий круглый курган, на месте башни времен Генриха III в Уитчерче, и кельтский курган Твмпат. На этой платформе была возведена крепость, о которой здесь пойдет речь.

Замок Кох, названный так из-за красного оттенка его материалов, в общем плане представляет собой треугольник, каждый угол которого увенчан барабанной башней. Его основными подразделениями являются *южная, восточная и северная башни, надвратная башня, занавесы и зал*, а также *надворные постройки*.

Платформа, занимаемая всем зданием, имеет около 200 ярдов в длину и 70 ярдов в ширину, а основные сооружения замка занимают ее западный конец. Южный склон частично

обрывистый и имеет высоту от 20 до 30 футов. Северная сторона, ведущая к верхнему склону холма, углублена в огромный ров, а восточный конец был защищен рвом, глубоко врезаемым в скалу, а за ним - двумя башнями, соединенными навесной стеной.

The *Северная башня* поднимается от квадратного основания к цилиндрической надстройке, северный и южный углы которой заканчиваются контрфорсами, каждая из которых представляет собой половину пирамиды, вырезанную вертикально и по диагонали, по образцу, очень распространенному в валлийских замках, и хорошо видному в башне Мартена в Чепстоу. Диаметр цилиндра составляет 40 футов. Он состоит из трех этажей, средний из которых находится на одном уровне с внутренним двором, или *территорией* этого места.

Нижний этаж, возможно, был подвалом. Он сводчатый, с двумя большими поперечными ребрами жесткости и двумя окнами, открывающимися высоко над полом. Со двора в него ведет узкий сводчатый проход со ступенями. Его внутренний диаметр составляет 18 футов, толщина стен превышает 10 футов. Окна представляли собой простые бойницы.

Средний этаж также круглый и сводчатый, с похожими ребрами жесткости. Однако здесь окна открываются почти на уровне пола, хотя и с петлями. Здесь есть камин с дымоходом, вынесенным в стену. Дымоход облицован камнем. Вход в эту комнату также находится со двора, и на восточной стороне сводчатого прохода галерея проходит в толще стены и ведет к тому, что раньше было небольшой гардеробной, занимающей квадратный выступ на восточной стороне башни, на его стыке с занавесом. Общие размеры этого этажа и толщина стен соответствуют размерам помещения ниже.

Верхний этаж содержит одну камеру, южная и восточная стороны которой плоские, остальные круглые. Здесь расположено не менее трех каминов, каждый больших размеров, с воронками в толщу стены. В нем также есть два небольших углубления, одно из которых является чем-то вроде раковины, и два окна. Есть также две двери: одна, с южной стороны, открывается на крышу и бастионы зала и западного фасада, другая, направленная на восток, ведет к бастионам великого, или северного занавеса. Доступ в эту камеру снизу, по-видимому, осуществлялся по внешней лестнице между башней и залом. Этот этаж внутри имеет средний диаметр около 26 футов, а толщина стен варьируется от 2 футов 3 дюймов до 4 футов. Крыша у него была плоская, из бревен, а наверху были крепостные валы и парапет, на которые, вероятно, можно было попасть через люк в крыше. Очевидно, кухня здесь, как и в Морле и Конингсбурге, располагалась на верхнем этаже.

Эта башня - самая совершенная из всех и находится в сносной сохранности, хотя нижняя камера наполовину завалена мусором; маленькая комната, соединенная со средним этажом, разрушена, а на вершине отсутствуют крыша и крепостные валы. Однако эта башня, очевидно, является прообразом других башен и послужила в данном случае ключом к разгадке первоначального плана.

The *Южная башня* почти соответствовала последней и, как и она, по-видимому, содержала три камеры, а на ее стыке с западным занавесом - квадратный выступ, содержащий в среднем этаже небольшую гардеробную, а в верхнем, вероятно, сообщение с зубчатыми стенами зала. В нижнюю палату можно попасть по сводчатому коридору, ведущему со двора вниз по ступенькам. В среднюю или главную камеру, вероятно, входили на уровне коридора со двора, и галерея фресок, по-видимому, вела из этого коридора к окну или проему в южном конце зала. В верхнюю камеру можно было попасть с зубчатых стен зала, как, вероятно, и с зубчатых стен надвратного занавеса. Неясно, поднималась ли эта башня с квадратного основания — вероятно, так и было. Ее верхняя часть была цилиндрической, диаметром 40

футов. Толщина стен составляет 8 футов, а помещения, похоже, не были сводчатыми. Эта башня находится в разрушенном состоянии. Две внешние трети его окружности были снесены миной, но часть, соединенная с залом, включая дверь внизу, два окна на нижнем и среднем этажах и небольшую комнату в стене, сохранились в относительно идеальном состоянии и устраняют все сомнения относительно первоначальной высоты и особенностей целого.

The *Восточная башня* по высоте и общему расположению соответствует двум другим, так как, как и они, состоит из трех этажей. Он цилиндрический от основания и 40 футов в диаметре; но по направлению ко внутреннему двору он представляет собой плоскую грань с двумя выступающими выступами на стыке с занавесками. Как и другие башни, она имеет квадратный выступ для небольшого помещения, который находится здесь на стыке снаружи с большим, или северным, занавесом. Нижний этаж, как и у других башен, находится ниже уровня двора, но вместо того, чтобы вести прямо по отдельной лестнице, галерея ответвляется от прохода в среднюю камеру и спускается, петляя в толще стены, к сводчатой тюрьме внизу. Эта нижняя камера завалена, но ее существование достаточно очевидно, а лестница видна через большую дыру в стене. Диаметр составляет 18 футов 4 дюйма, а толщина стенки 10 футов 10 дюймов.

На первый этаж ведет проход со двора, расположенный на одном уровне. В этом помещении было две петли. Здесь нет ни камина, ни следов свода, хотя толщина стен превышает 10 футов. С обеих сторон, выходя из прохода, ведущего в эту камеру, в стене есть галереи, которые справа спускаются в камеру внизу, а слева проходят на одном уровне и открываются в небольшую камеру в квадратном выступе между башней и большим занавесом. Здесь, кажется, был колодец. В верхнюю камеру, по-видимому, можно было попасть с крепостного вала через длинный заостренный дверной проем в ущелье; а над нижней дверью, ведущей из него, справа, проход ведет к винтовой лестнице в стене, которая, очевидно, давала доступ к зубчатым стенам башни. Эта башня была разорвана на части центральным взрывом, но внешняя часть сместилась лишь немного.

The *Зал* находится в сводчатом помещении, сейчас заваленном мусором. Он занимает пространство между северной и южной башнями, которые он соединяет, его внешняя стена образует занавес между ними. Он прямоугольный, 30 футов 8 дюймов на 17 футов 8 дюймов, сводчатый, со стрельчатой аркой, с внешней стеной толщиной 7 футов и внутренней стеной толщиной 6 футов. В первом - три петли, обращенные внутрь и имеющие заостренные выступы. Они расположены высоко над основанием стены, и из них открывается прекрасный обзор. Дверь находилась у северного конца противоположной стороны, и, возможно, с той же стороны, что и дверь, мог быть камин. В южном конце есть окно, которое выходит на что-то вроде галереи в южной башне.

Над сводчатой крышей, вероятно, находилась платформа с низкой зубчатой стеной, обращенной ко двору, и высокой - к внешней стороне замка. Эта платформа напрямую сообщалась с северной и южной башнями, а также со двором по узкой лестнице, уже замеченной как ведущая в верхнюю комнату северной башни. Сейчас зал сильно изуродован, свод и часть восточной стены разрушены.

Большой занавес представляет собой большой неправильной формы сегмент круга, около 80 футов по внешней стороне и с хордой около 60 футов. Первоначально это была стена толщиной 3 фута, которая, по-видимому, была сочтена недостаточной для использования военных машин на северной и северо-восточной зубчатых стенах, на этих самых слабых сторонах крепости; поэтому внутри и против нее была построена параллельная стена

толщиной 6 футов, протянувшаяся на всем протяжении от северной до восточной башни. Старая стена содержит семь петель на уровне внутреннего двора, и чтобы сохранить их, в новой работе повернута арка диаметром 6 футов напротив каждой. Наверху, конечно же, есть достаточно широкая дорожка вдоль крепостного вала, в которую можно попасть из башни с обоих концов. Внешняя сторона этой стены, ниже уровня двора, укреплена каменной облицовкой, образующей уступ рва. Этот занавес остается относительно совершенным. На стыке с северной башней есть пролом, и напротив четырех петель отсутствует новая внутренняя стена, хотя следы этого видны на известковом растворе на старой стене.

The ЗавесаНадвратной башни гораздо менее совершенна. По-видимому, снаружи он был слегка выпуклым в плане и имел около 28 футов в длину между южной и восточной башнями, с обеих из которых, без сомнения, велся вход на его крепостные валы. Толщина его около 5 футов. Осталась одна петля, примерно в 6 футах над уровнем двора, которую можно было использовать только с помощью платформы, возможно, деревянной. В двадцати одном футе от его соединения с восточной башней небольшая полукруглая башня, по-видимому, выступала из занавеса, служа, без сомнения, для защиты ворот, которые, по-видимому, располагались между этой и южной башней и, вероятно, представляли собой простую арку и проход с опускающей решеткой и дверьми. То, что вход был здесь, и между этими башнями, несомненно, судя по ведущей к нему дамбе, но надвратная башня и большая часть занавеса полностью исчезли.

Вот и большая часть замка. Затем мы добираемся до *внешних укреплений*.

Южная и северная башни, а также занавес зала не нуждались во внешней защите. Они возвышаются на очень крутом берегу, а их фундамент сложен из обрывистой скалы и прочной каменной кладки. Снизу они совершенно неприступны. Две другие стороны более открыты. Перед южной башней находится начало рва, разбитого дамбой напротив внутренних ворот и ведущего от них во внешний двор. За дамбой ров углубляется и проходит вокруг восточной башни и большого занавеса, крутой и глубокий, высеченный в скале, чтобы сделать эту, естественно более слабую сторону, очень прочной. Ров, который, должно быть, всегда был сухим, заканчивается напротив северной башни любопытным углублением, напоминающим резервуар для воды, которым, однако, это вряд ли могло быть.

Внешний двор замка занимает оставшуюся часть или восточный конец естественной платформы. Его размеры составляют около 100 футов в длину и 40 футов в ширину. Его южная сторона, являющаяся продолжением линии того же фасада замка, была защищена обрывом, частично естественным, частично искусно огороженным, хотя сейчас разрушенным и засыпанным. С этой стороны нет следов стены, но, вероятно, там был парапет.

Противоположная, северная, или обращенная к суше, сторона защищена ответвлением от рва, которое, будучи прервано и пересечено дамбой, огибает восточный конец сооружений и заканчивается глубокой и широкой выемкой, которая доводится до края утеса и, таким образом, защищает также восточный конец этого внешнего двора.

Западный конец платформы, или тот, что ведет к замку, отделен от этого здания соответствующим рвом, пересеченным, как уже упоминалось, дамбой, ведущей к внутренним воротам. Нет никаких свидетельств о какой-либо защите этого двора стенами, и все же без них рва со стороны суши едва ли было бы достаточно, чтобы задержать врага и подставить его под огонь с восточной башни и воротной завесы, от которых зависела оборона этой стороны.

Поскольку главной целью было обеспечить регулярное наступление с востока, оборона в этом направлении была продолжена. Снаружи и на откосе рва внешнего двора, в 6 футах от края южного обрыва, есть следы *башни* диаметром около 30 футов с тем, что, возможно, было своего рода контрфорсом на южной стороне, простирающимся до обрыва. Напротив, на его северной стороне, на стыке с более низким занавесом, находится то, что, по-видимому, было лестницей-колодцем или фундаментом отдельной башенки. К востоку от башни рва нет, но земля обрывается естественным уступом.

Этот *Нижний выступ*, обозначенный, как и башни, только земляной насыпью, огибает внешний ров и заканчивается *придорожной башней* диаметром около 40 футов, фундаменты которой очень отчетливы и которая, должно быть, полностью контролировала подход, в точке, расположенной намного впереди и ниже внешней дамбы и восточной башни. Обычный подход, очевидно, пролегал с востока, между обрывистой высотой, увенчанной старым кимрским лагерем, и ровной платформой замка, и, приближаясь к нему со стороны, наименее защищенной природой, на расстоянии 150 ярдов от основного места, можно было попасть под огонь нижней башни, затем нижнего занавеса, а затем придорожной башни. Предположим, что они замолчали и внешняя дамба была достигнута, осаждающий прошел прямо под восточной башней и частью прилегающих к ней завес; и когда он пересек внешний двор и достиг второй дамбы, ему противостоял огонь с восточной и южной башен, их завесы и надвратной башни.

Даже если бы это место было застигнуто врасплох и захвачено, каждая из трех башен и платформа зала, допускалось, что они будут защищаться в течение нескольких часов, пока не будет подана помощь из Кардиффа. Без сомнения, перед храбрыми людьми любая оборона терпит неудачу; и валлийцы, которые, безусловно, не испытывали недостатка в храбрости, согласно традиции, не раз брали этот замок, вероятно, врасплох и штурмом; тем не менее, это была очень сильная крепость, как по природе, так и по искусству, и, должно быть, была большой занозой в боку горцев Гламоргана.

Нынешнее состояние каждой части замка уже было описано. В целом можно добавить, что все это очень густо заросло хворостом и сорняками, настолько, что трудно разглядеть детали плана здания. Хотя никаких украшений не сохранилось, все же из общего плана и дверных проемов ясно, что ни одна часть замка не выполнена в нормандском стиле. Вероятно, это раннеанглийский текст, и вполне возможно, что он относится ко времени правления Генриха III и, вероятно, немного раньше Кэрфилли.

Тут и там, особенно во внешнем дворе, растут красивые шотландские ели и несколько почтенных буков, необычная зелень листвы которых издали указывает на линию старого подхода. Все это, конечно, вместе с лесом, покрывающим склон холма, и плющом на стенах и башнях, следовало бы оставить нетронутым; но очень хотелось бы, чтобы сам замок и сооружения кимрского лагеря наверху были очищены от древесины и подлеска и вместо них была предпринята небольшая забота о том, чтобы на их месте росла прекрасная зелень.

Этот замок пришел в упадок вместе с остальными поместьями Де Клер и теперь является собственностью маркиза Бьют.

Существуют различные традиции, касающиеся этого, но зафиксированной информации очень мало. Будучи ключом к верхней части страны, он, должно быть, был свидетелем многих нашествий коренных валлийцев, начиная с нормандского завоевания и заканчивая

днями Оуэна Глендауэра, который, как предполагается, спустился по этому проходу, когда сжег епископский дворец Лландафф и разорил Кардифф.

С тех пор, как был написан этот отчет, замок был очищен от мусора и полностью отреставрирован, чтобы снова стать пригодным для жилья. В одной из башен был обнаружен колодец и расчищен, как и очень прочное подземелье. Реставрация действительно очень полная, выполнена с превосходным вкусом и в строгом соответствии с тем, что было установлено относительно первоначальной структуры.

ВОССТАНИЕ ЗАМКА, НОРФОЛК.

КАСЛ РАЙЗИНГ, вероятно, названный так из-за своего положения на возвышенности по сравнению с низменностями округа, стоит примерно в двух милях от устья реки Уош на ее восточном берегу, или Норфолкском. В полумиле к северу от деревни большой участок низменности пересекает река Бабингли, и очевидно, что до того, как эта часть страны была осушена и восстановлена под пашню, подходы к деревне по крайней мере с трех сторон, севера, запада и востока, должны были быть практически непроходимыми. Эти соображения, вероятно, руководили теми, кто выбрал Райзинг в качестве места жительства. Почва легкая и песчаная, как в дюнах Голландии, но содержит ровно столько растительной плесени, чтобы поддерживать рост дерна. Деревья здесь в основном ясень и ива очень больших размеров, а на склонах замка растет несколько благородных и очень древних колючек. Богатство растительности в деревне и вокруг нее выгодно контрастирует с унылой и бесплодной вересковой пустошью, которой она окружена.

Земляные работы большого масштаба и, вероятно, представляют собой остатки большой английской резиденции, центра большого поместья; обстоятельства, которые, без сомнения, привели к приспособлению этого места для нормандской крепости, откуда деревня получила приставку к своему более древнему названию.

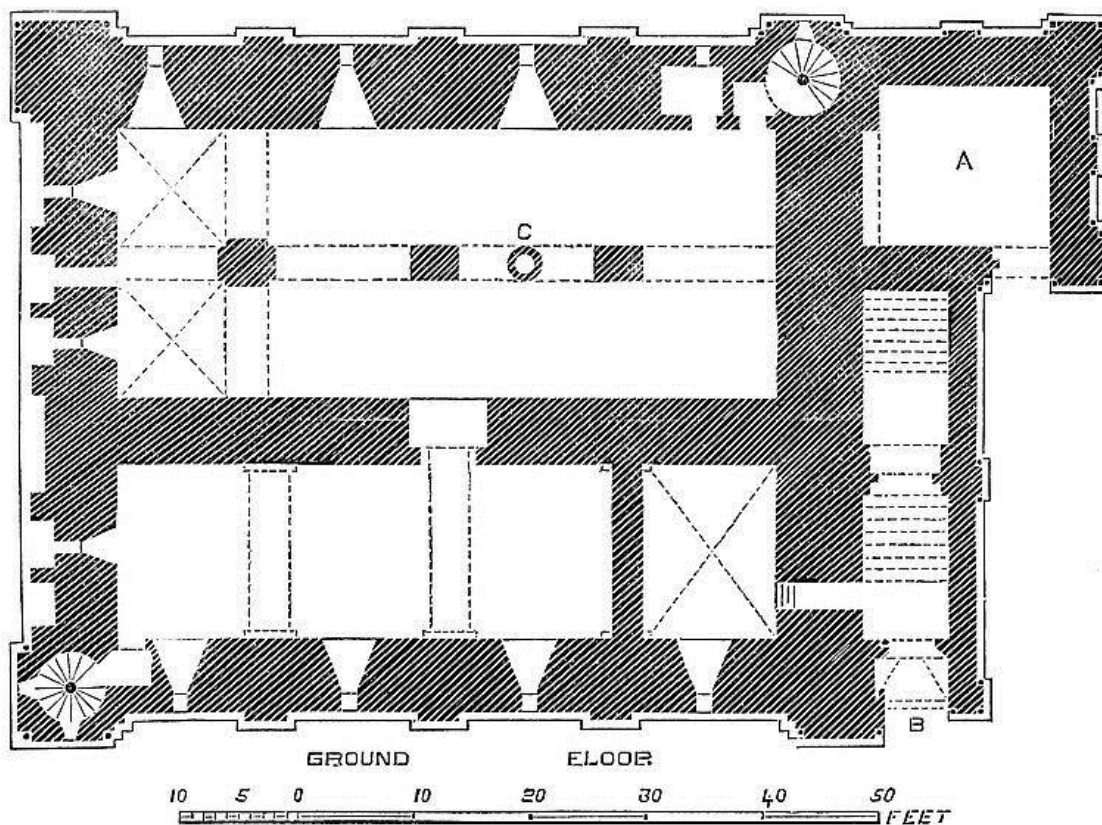
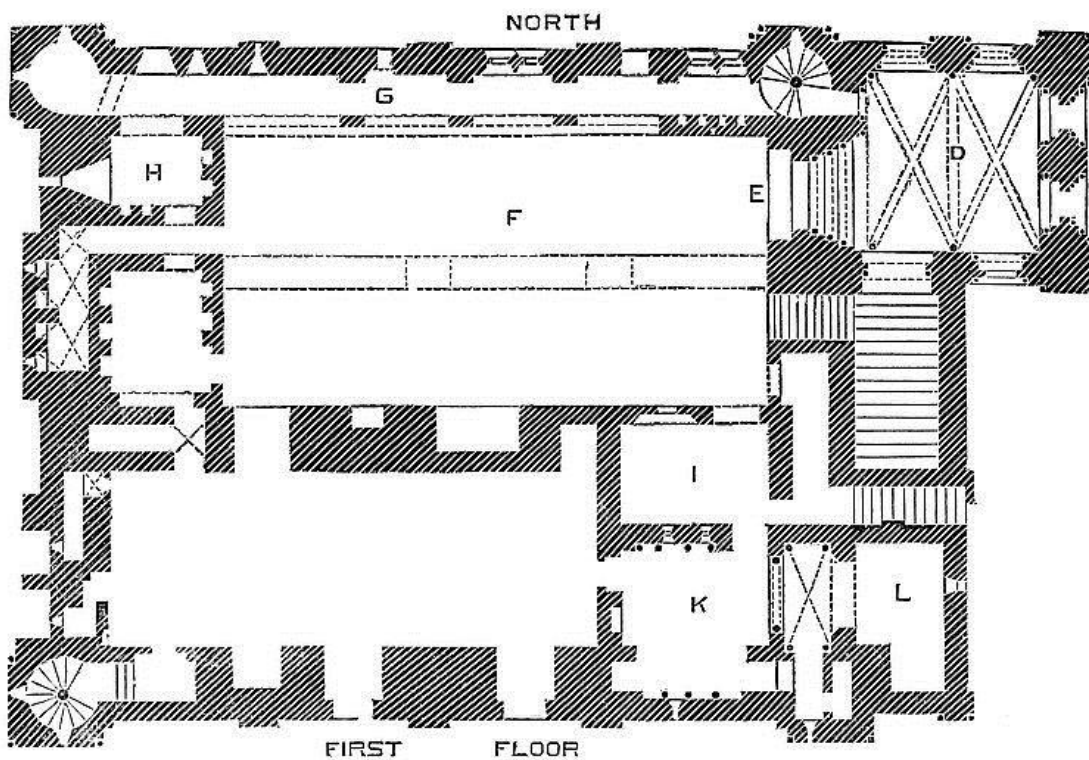
Центральное и главное подразделение крепости состоит из неправильной овальной площади примерно в 67 ярдах к востоку и западу и в 80 ярдах к северу и югу, расположенной внутри широкого и высокого берега, который, в свою очередь, окружен очень мощным рвом. За пределами этого рва, покрывающего восточную сторону, находятся вспомогательные работы, также внутри насыпи и рва. По форме он почти параллелограмм, но его стороны несколько неровно выпуклы, а углы закруглены. Его северный конец имеет ширину около 60 ярдов, южный - 70 ярдов, а длина по фасаду - 90 ярдов; но концы наклонены, так что там, где он примыкает к главному рву, он составляет около 80 ярдов.

Это уравнивается соответствующим земляным валом в западной точке центрального сооружения. Это земляное сооружение имеет ширину около 100 ярдов к северу и югу и 30 ярдов к югу, а также находится в пределах насыпи и рва. Канавы этих земляных сооружений на самом деле не выходят в главный ров. Между ними оставлена узкая земляная насыпь. Сообщается, что общий внешний обхват канавы составляет 10 803 ярда. Центральный земляной вал находится примерно в 30 футах над огороженной территорией, а снаружи - примерно в 60 футах над дном рва. Вверху он имеет ширину около 15 футов и, поскольку состоит из легкого грунта, имеет значительный уклон. Берега надворных сооружений не такие высокие, около 20 футов внутри и 40 футов снаружи. Те, что расположены к востоку, однако, выше, и в точках почти такой же высоты, как и в центре. Работа, направленная на

запад, в целом носит более легкий характер, хотя все еще обладает большой силой. Работы занимают около 13 акров. Они полностью искусственные.

Главный вход находился с севера, вдоль края откоса главного рва, и, таким образом, он выходил на восточную окраину. Ближе к его центру дорога пересекала канаву по мосту и входила в центральный район через выемку на его восточном берегу. В западную надворную постройку, по-видимому, можно было попасть из центрального двора по ступеням вверх и вниз по берегу, соединенным, вероятно, легким мостом через ров. Возможно, она использовалась только для содержания скота.

ВОСХОДЯЩАЯ КРЕПОСТЬ ЗАМКА.

10 5 0 10 20 30 40 50
FEET

Ground Floor.

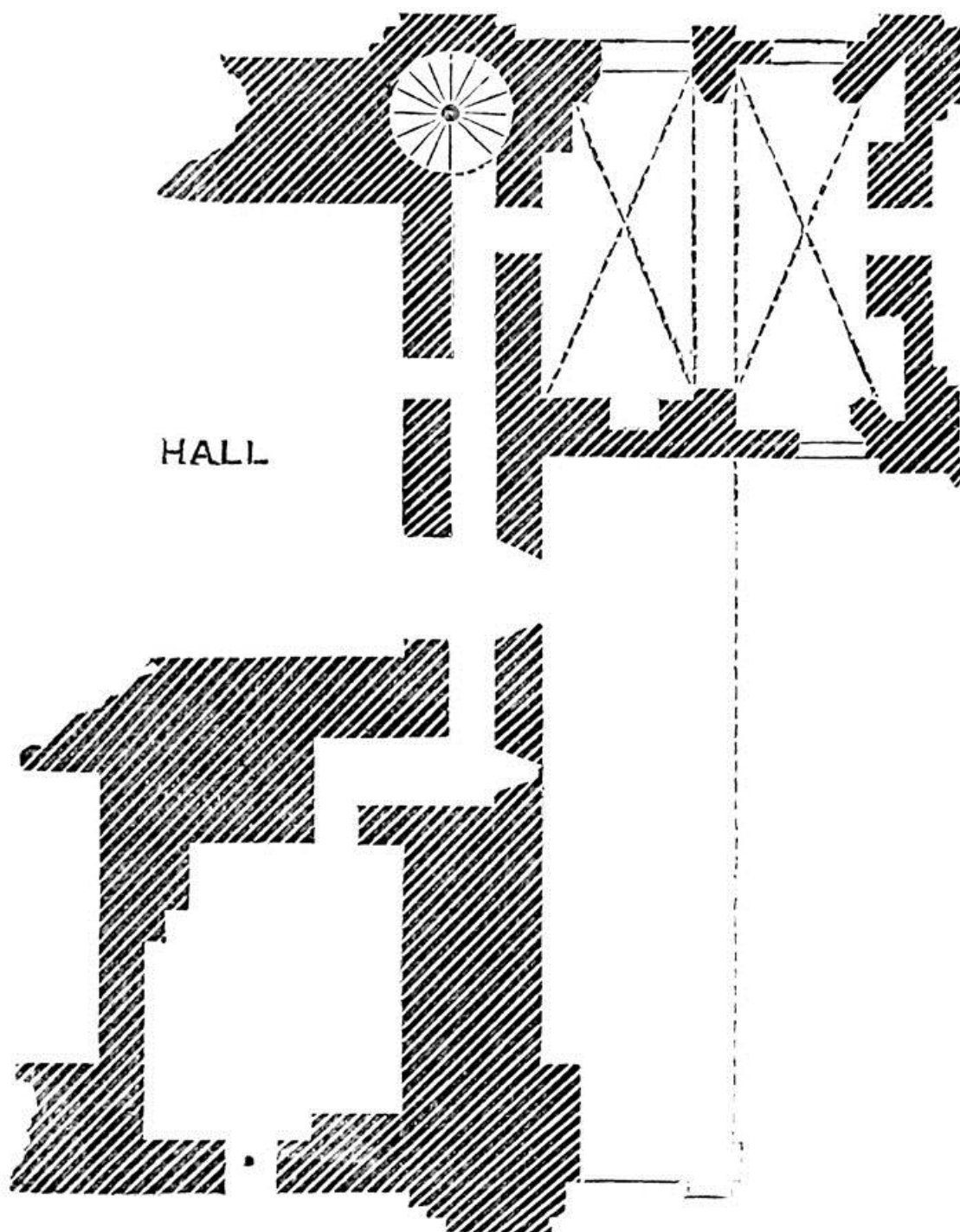
First Floor.

A. Prison.	D. Vestibule.	G. Gallery.	K. Chapel.
B. Main entrance.	E. Entrance.	H. Kitchen.	L. Upper part of fore-
C. Well.	F. Hall.	I. Ante-chapel.	building.

- А. Тюрьма.
- Б. Главный вход.
- С. Хорошо.

- D. Вестибюль.
- E. Вход.
- Ф. Холл.
- Галерея Г.
- X. Китчен.
- I. Прихожая.
- K. Чапел.
- L. Верхняя часть передней части здания.

Считалось, что эти земляные сооружения относятся к несколько иной дате и что центральное из них самое старое. Круг, или неправильный овал, с насыпью и рвом, с насыпью или без нее, является нередкой формой земляных работ в Англии и, вероятно, работой англичан в седьмом и восьмом веках. То есть, когда работа выполняется на низком участке, а форма не определяется, как в британских работах, контуром земли. Эти английские ограждения редко стоят отдельно. Обычно снаружи имелся один или несколько пристроек, примыкающих к основному рву, как в Лоутоне и Килпеке, вероятно, пристройки, но не намного позже основных работ. Обычно они также находились на небольшом расстоянии от приходской церкви. Судя по тому, что внешние укрепления замка имеют прямоугольную форму, авторитетные источники предполагают, что они были римскими, а у римлян, без сомнения, было поселение в Бранкастере, примерно в пятнадцати милях к северу. Но римские сооружения редко состоят из земляных валов такого масштаба, поскольку римский обычай, когда требовалась большая безопасность, заключался в возведении стены. Кроме того, если внешние укрепления были только римскими, то центральное сооружение должно быть британским, что вряд ли согласуется с тем, что известно об обороне этого народа. Скорее всего, центральное произведение - это английское произведение, а второстепенные произведения либо того же времени, либо ранние дополнения, сделанные теми же людьми. Но каким бы ни было основное происхождение, каким бы оно ни было, ясно, что здесь, как и в Норвиче, Клэр, Хедингеме и Касл-Акре, нормандский захватчик, захватив владения английского лорда, продолжил, как и в Нормандии, сочетать новую моду строительства замков со старыми оборонительными сооружениями.

ВЕРХНИЙ ЭТАЖ

Крепость, часовня и сторожка у ворот, единственные части ранней каменной кладки, от которых сейчас что-либо сохранилось, вероятно, были одними из самых ранних выполненных работ. Замок является очень благородным примером прямоугольного нормандского типа. Не то чтобы его площадь, а тем более высота, ставили бы его в первый ряд, но к значительным размерам он добавляет некоторую декоративность, редко присущую военным зданиям, и, хотя это руины, его части необычайно хорошо сохранились и превосходны как по материалам, так и по мастерству исполнения. Как и Хедингем, он находится внутри, но не в центре, внутреннего двора. Он почти касается склона западного берега и находится примерно в тридцати ярдах от сторожки и восточного берега. Между северным и южным берегами он находится почти посередине. В плане он прямоугольный, размером у основания 75 футов к востоку и западу, на 64 фута к северу и югу, и, если идти к

валу, 50 футов в высоту. Каждая грань обрамлена двумя пилястрами шириной 7 футов и выступом 6 дюймов. Они сходятся под углом, но не перекрывают его, и образованный таким образом уголок занят не совсем отделенным стержнем, и подобные стержни заменяют другие углы каждой фланкирующей пилястры. Промежуточными, на северной и южной сторонах, являются три пилястры шириной 3 фута, и одна на восточной стороне, все переходящие в парапеты. Западная сторона имеет сложный характер. На нем есть два больших углубления, шириной 9 футов и глубиной 2 фута, одно из которых выгнуто дугой над ближним уровнем парапета. Кроме того, есть четыре углубления, каждое шириной 4 фута, глубиной 2 фута 6 дюймов, выгнутые дугой немного ниже уровня первого этажа. Во всех этих пяти нишах в откосах есть отверстия для гардеробных. Стена имеет только один небольшой выступ у вершины. У боковых пилястр нет ни одной, у остальных в основном две, но очень высоко. На каждом углу было по квадратной башенке, сейчас их почти нет. У основания этих башен закоулки заканчивались, и угол наклона башни был сплошным. Парапета больше нет. Значительно ниже его основания были круглые отверстия, очевидно, для отвода воды. Толщина стен у основания, с северной и восточной сторон, составляет 7 футов, с южной - 6 футов 6 дюймов, а с западной - 6 футов, и эта толщина сохраняется до самого верха, или почти так. Восточная сторона закрыта форпостом, который здесь очень совершенен. Это удлиняет северный фасад на 20 футов, а южный - на 9 футов. В замке есть подвал на уровне земли и второй этаж. Однако в двух местах верхний этаж разделен таким образом, чтобы образовался частичный второй этаж. Часть передней части здания также, как и в Рочестере, имеет второй этаж. Вход находится в южной части здания, откуда прямая лестница ведет к главной двери замка, которая находится на уровне первого этажа. В северо-восточном и юго-западном углах крепости есть лестницы-колодцы диаметром 7 футов, поднимающиеся на семьдесят шесть ступеней от основания до вершины и сообщающиеся со вторым этажом. Однако следует отметить, что основание лестницы-колодца находится примерно в 4 футах над уровнем земли, так что в него ведет лестница из пяти ступеней, выступающая в комнаты. Похоже, так было в Дувре до того, как был поднят пол. Причину этого трудно установить.

Цитадель разделена на северную и южную камеры поперечной стеной толщиной 6 футов, которая поднимается до крыши. Две камеры имеют длину 58 футов; северная - 25 футов, а южная - 16 футов в ширину. *Северная камера* была снова разделена поровну в длину аркадой из четырех высоких арок с размахом 11 футов, исходящих от выступов в стене и трех квадратных опор шириной 3 на 4 фута. Шпандрелевые стены этой аркады поддерживали балки верхнего этажа. Трех восточных арок и их двух опор больше нет. Западный пирс выходит двумя боковыми арками на север и юг, разделяя торцевой отсек на два квадратных пространства, которые имеют сводчатые перекрытия и вмещают в себя верхние камеры, что значительно сокращает верхнюю большую комнату или холл. Эта нижняя комната скорее проветривается, чем освещается тремя петлями на северной и двумя на западной стене, расположенными высоко и в растопыренных углублениях с круглыми головками. В северной стене также есть небольшой вестибюль у подножия лестницы-колодца, из которого, по-видимому, вел проход, поднимающийся на 3 фута в комнату с фресками на высоте 8 футов над землей. В западном конце большого зала была сломана внутренняя дверь на уровне земли. У нее заостренная головка, и она представляет собой вставку. Вероятно, она представляет собой петлю. Дверной проем с круглой головкой и отверстием в 4 фута открывается в сегментное углубление в поперечной стене в южную камеру. Дверь открывалась на север и была заперта с этой стороны. Углубление имеет выступ. Колодец находится в полу северной камеры, между двумя опорами, под второй аркой с востока. Он имеет диаметр 4 фута, а труба из ясеня возвышается примерно на 3 фута над уровнем земли.

The Южную камеру пересекали три простые широкие арки, поднимавшиеся из выступов высоко в стене и поддерживавшие балки перекрытия наверху. Восточный проход, однако, сводчатый и имеет выступы и поддерживает часовню. Две другие арки разрушены. В этом помещении есть четыре петли на юге и одна на западе. Лестница-колодец также имеет небольшой вестибюль в стене, на высоте 5 футов над полом. В восточном конце южной стены находится дверь, поднимающаяся на четыре ступеньки, которая ведет на лестницу переднего корпуса. Хотя эта дверь в ее нынешнем состоянии не кажется оригинальной, возможно, это действительно так. В Дувре есть дверь в несколько похожем положении.

Первый этаж также разделен поперечной стеной на две основные камеры, и каждая сокращена за счет комнат, отделенных от одной с востока, а от другой с запада. Большие покои расположены на севере, 47 футов на 23 фута, и на юге, 42 фута на 15 футов. Северная комната была залом. В него входили из вестибюля переднего здания через красивую главную дверь, открывающуюся на 6 футов, у северного конца восточной стены. Рядом с ней, в той же стене, находится вторая дверь с круглым выступом, которая спускается на десять ступеней к лестнице переднего здания. Эта дверь, очевидно, представляет собой вставку вместо петли. Третья и маленькая дверь, сегментарная, открывается в узкий фресковый проход, ведущий над средними воротами переднего здания и через ответвление в часовню. В поперечной стене дверь открывается в южную комнату, а рядом с ней находится глубокое углубление с круглым выступом, в 5 футах от пола, возможно, для шкафа, и снова углубление шириной 8 футов и глубиной 5 футов на уровне пола, возможно, для жаровни с древесным углем, но без дымохода. У восточного конца этой же стены находится небольшое окно, украшенная вставка, а рядом с ним сегментарная дверь, обе открывающиеся в прихожую. Северная стена пронизана галереей шириной 3 фута 6 дюймов, состоящей из пяти пролетов, между каждым из которых расположена простая арка, сокращающая путь до 2 футов 9 дюймов. Два из этих отсеков имеют соединенные наружные окна, одна пара с квадратной головкой, другая с круглой головкой и с трилистником, а на каждом выступе - диск, как в углублении в Конингсбурге, что создает тяжелый эффект. Пятый отсек имеет петлю. Четыре из этих отсеков открываются большими арками на уровне пола в большой зал, частью которого, таким образом, является эта галерея. Восточный отсек сообщается с лестницей-колодцем. Она изогнута, и ее сторона, обращенная к камере, кажется, была частично закрыта, и есть три небольшие шахты, которые, по-видимому, открывались в камеру с фресками внизу. Они не могут быть предназначены для гардероба, и их использование неясно. В этом эркере есть очень красивое окно из двух соединенных фонарей, а общая для них шахта выполнена в виде довольно примечательного выступа или узла. На этих окнах были ставни. От стекла не осталось и следа. Галерея, длина которой составляет 62 фута, имеет петлю в западном конце и грубое отверстие, вероятно, когда-то служившее окном, с тремя маленькими светильниками в северном конце стены. Северо-западный проход занят цилиндрической шахтой диаметром 5 футов 6 дюймов, которая начинается на уровне пола и открыта, как камин. На уровне крыши он собран из кирпича и поднимается вверх в виде дымовой трубы. По бокам его расположены четыре петли в два яруса, а выше - шесть небольших круглых ниш, вероятно, для выхода дыма и пара. С этого конца галерея переходит в высокое сводчатое помещение, в восточной стене которого пробит проем в зал, а в южной стене находится любопытная низкая сегментарная ниша шириной 10 футов и высотой 3 фута, частично замурованная и заполняющая несколько небольших ниш. Большая высота этого помещения, сводчатый потолок, шахта и отверстия для пара в одном углу, ниши вокруг нее и ее расположение рядом с залом указывают на то, что это кухня.

В западном конце коридора дверь ведет в комнату, соответствующую кухне, к югу от нее. Это помещение размером 8 на 12 футов с тремя нишами в западной и двумя в восточной стене.

На северной и южной стенах расположены рельефные арки, подобные плоской нише на кухне. Причина появления этих трех арок, обращенных в три параллельные стены, неочевидна. Два из них могли бы служить для направления веса стены наверху от свода вниз на опоры, но третий находится в поперечной стене, которая является прочной. Южная комната имела деревянную крышу и, вероятно, служила чем-то вроде кладовой для приготовления легких блюд или выпечки. Между этими двумя комнатами дверь из холла открывается в L-образный сводчатый проход, заканчивающийся настенным сводом размером 10 футов на 5 футов, на западной стене которого расположены две петли и две двойные гардеробные.

Крыша зала была деревянной и опиралась на шесть пар опор, от которых сохранились карнизы, несущие балки-молотки. Некоторые из них вырезаны в виде мужских или женских голов, а одна изображает животное. Угол наклона фронтона отмечен на восточной стене, поперек которой, на уровне карнизов, проходит жирная полоса шевронной работы, и на ней находится окно размером 2 фута 6 дюймов, открывающееся, которое пропускало свет из верхней галереи фресок на крышу. В этом фронтоне было сделано второе отверстие шириной 7 футов, ведущее в ту же галерею. Это окно большего размера разрезает шевронную ленту, спускаясь немного ниже нее. Очевидно, это была вставка для того, чтобы дать больше света в зал, и она открыта с одной стороны, а не на месте маленького окна, чтобы за ней не было видно передней части здания.

В южную камеру входили из зала через дверной проем шириной 5 футов, расположенный в большом углублении глубиной 5 футов. В южной стене находятся два круглых окна, обрамленных трилистником, с дисками на выступах, а между ними были установлены камин и дымовая труба, вероятно, периода Тюдоров. В этой стене также есть что-то вроде шкафа и дверь, ведущая в вестибюль размером 7 футов на 3 фута 4 дюйма, который выходит на юго-западную лестницу-колодец. В восточной стене есть небольшая украшенная дверь, ведущая в часовню. В северной стене, помимо двери из холла, находятся шкаф и небольшая сегментарная дверца, ведущая в гардеробную с фреской на западной стене. В западном конце находятся две маленькие двери, ведущие в комнаты с фресками, каждая из которых содержит гардероб, освещаемый петлей. Таким образом, будет видно, что все гардеробные находятся на западном фронте, и, похоже, были и другие на зубчатых стенах над ними. Южная палата имела высокую открытую крышу, как и у зала, но высоко в ее западном фронтоне было открыто окно, как будто для того, чтобы пристроить дополнительную внутреннюю галерею или балкон на уровне комнаты над часовней в противоположном конце. Это окно, однако, является единственным признаком такой установки, как и отсутствие каких-либо других окон или каких-либо следов балок пола, только под окном есть несколько отверстий для балок. Это окно состоит из двух светильников, стрелчатого и трехлистного. В центральном шпангоуте находится своеобразный орнамент, состоящий из четырех петель, которые снаружи заменены небольшим кругом. Это окно расположено в углублении по центру, которое может быть оригинальным, но само окно является вставкой.

В восточном конце зала находится *сводчатая прихожая* размером 9 на 13 футов. Он расположен частично в поперечной стене, а частично в южной камере. В нем есть дверь и окно в зал, последнее, по-видимому, является вставкой. Также видны дверь и две петли в виде песочных часов в противоположной, или южной, стене, ведущие в часовню. В восточной стене есть дверь, из которой узкий проход ведет на крышу переднего здания над средними воротами.

В часовню, в которую можно было попасть из зала либо через прихожую, либо обогнув ее по настенному проходу, сохранилась только одна оригинальная дверь, которая находится в

северной стене. В западной стене была открыта вторая дверь, относящаяся к раннему английскому периоду. Площадь часовни 13 футов на восток и 14 футов на запад, с плоским деревянным потолком. На южной стороне есть глубокое углубление, сделанное в стене крепости, и в нем находятся остатки тройного окна, вероятно, образованного из трех петель. В двух косяках этой арки есть боковые углубления. Высоко на северной стене расположены две петли в виде песочных часов из передней часовни. Часовня сильно пострадала, но в нижней половине западной и северной стен сохранились остатки красивой аркады с отдельно стоящими колоннами, а на юге находится то, что, по-видимому, было двойным окном. В восточной стене находится красивая арка размахом 7 футов 6 дюймов с валами перед опорами с резными заглушками. Он открывается в нечто вроде алтаря, 5 футов глубиной на 9 футов шириной, с углублениями. Он сводчатый, с бороздками и ребристый. Выступа нет, но на пересечении ребер имеется какая-то грубая резьба, к которой, по-видимому, была подвешена лампа. На востоке есть окно, сейчас разбитое, но которое, вероятно, состояло из трех соединенных светильников, а в южной стене есть углубление с петель. Была предпринята попытка, по-видимому, в тюдоровский период, встроить камин в северную стену.

Со второго этажа юго-западная лестница-колодец ведет только на крышу; но северо-восточная лестница, ведущая на крышу, имеет два боковых отверстия, из которых первое, шириной 2 фута 4 дюйма, ведет узким проходом вверх по четырнадцати ступеням к крепостным валам вестибюльной башни. Теперь это перекрыто встроенным сводом, которым покрыто это здание. На восемь ступеней выше этого нижнего отверстия второе ведет в галерею в восточной стене. Над этим отверстием еще семнадцать ступеней ведут к крепостным валам крепости, которые находятся на высоте 22 футов над уровнем первого этажа. Восточная галерея сводчатая, длиной 32 фута. С одной стороны от него дверь ведет на второй этаж башни переднего здания, а за ней, также на восточной или внешней стороне, находится петля. На западной стороне есть два уже описанных отверстия, которые выходят на двускатный конец крыши зала. В своем южном конце эта галерея поворачивает под прямым углом и заканчивается небольшой спальней размером 18 на 14 футов, которая находится над часовней и имеет окно на юг. Поскольку парапетов нет, а до крепостных валов невозможно добраться, крышу над кухней осмотреть невозможно; но, похоже, в этом квартале не было никакого второго этажа.

The Фортификационное сооружение является очень совершенным и очень хорошим примером этого своеобразного придатка нормандской крепости. Он состоит из трех частей— нижней лестницы, верхней лестницы и вестибюльной башни. На его южном конце находятся внешние ворота, на уровне земли, на одной линии с южной стороной крепости. Портал имеет полный центр и обрамлен двумя колоннами под простыми счетами, из которых вырастает арка с рельефной лепниной. Опускной решетки нет. Дверь открывалась внутрь и была сильно заперта. Стена имеет толщину 6 футов, а сводчатый проход через нее, внутри дверного проема, имеет сегменты и выступы. Внутри проход имеет ширину 8 футов и ведет к нижней лестнице из пятнадцати ступеней. На внутренней стороне стены, над дверным проемом, есть большое глубокое углубление, вероятно, для облегчения нагрузки на входную арку. На правой или внешней стене, высоко вверху, находится петля, а слева, на четвертой ступеньке, большая дверь, о которой уже упоминалось, открывается в южную камеру. Кажется, он был оформлен совсем недавно и, вероятно, представляет собой оригинальную петлю, или это может быть дверной проем. В начале этой первой лестницы находится средний или второй дверной проем, открывающийся на 5 футов, также полностью по центру, с боковыми колоннами. В начале также выполнена рельефная лепнина. Стена, в которую он встроен, имеет толщину 4 фута, а площадка - глубину 5 футов. Портал утоплен, а в откосе

перед ним есть отверстие шириной 2 фута и глубиной 6 дюймов, шахта или *мертриер* от верха стены, где проходит дорожка. Похоже, здесь были высокие парапеты и петля, ведущая вниз по лестнице. Отверстие предназначалось для защиты портала. Эта дверь также была заперта. Внутри него поднимается вторая лестница, в ту же линию, из девятнадцати ступеней, шириной 8 футов, ведущая к верхнему и внутреннему дверному проему, двери вестибюля. Справа находится вторая петля, слева - неуклюжий дверной проем, ведущий в уже упомянутый холл и, очевидно, являющийся вставкой. Лестница прочная, внизу нет свода или камеры. Он был покрыт бревнами на двух уровнях с низким уклоном, разделенный стеной средних ворот и прислоненный к стене крепости.

Дверной проем на верхней ступеньке лестницы очень похож на те, что расположены внизу. Он установлен в глубокой нише, имеет выступающие по бокам стержни и вальцовку вокруг головки. Опускной решетки нет. Дверной проем открывается в помещение размером 14 на 15 футов, которое является вестибюлем к главному входу в цитадель и находится на уровне ее первого этажа. В нем есть два окна на север, два на восток, а на юге - лестничная дверь и окно, выходящее на внешнюю стену лестницы. Эти окна, по-видимому, открывались на 12 дюймов, но были увеличены. Они расположены в глубоких нишах, как в галерее. В западной стене находится большой вход — благородная арка, глубоко утопленная и обрамленная по бокам четырьмя шахтами с каждой стороны. Размах внешней арки составляет 10 футов, сам дверной проем - 6 футов. Цоколи необычно высокие, 3 фута. Колпаки рифленые и с подушечками. Внешняя арка полностью центрирована, сам дверной проем сегментированный. Арочные полосы украшены шевронами и другими молдингами. Ближе к северу от главного входа простая узкая дверь открывается на соседнюю лестницу-колодец, но это явно увеличенная петля, которая предназначалась для освещения лестницы. Первоначальное покрытие этой комнаты, как и ее нынешний пол, было деревянным, но оно было заменено плохо выполненным сводом раннего декорированного периода. Он состоит из двух пролетов, разделяющее ребро, выступающее из пилястр, врезанных в северную и южную стены. Каждый пролет пересекают по диагонали два ребра, выступающие из карнизов в форме полукруглого восьмиугольника. Сводчатый потолок скрывает и портит старинные нормандские детали этого очень красивого помещения.

Под вестибюлем находится первый этаж, вероятно, тюрьма, простая яма размером 14 на 16 футов и высотой 21 фут, вентилируемая двумя петлями очень высоко в восточной стене и, возможно, третьей в южной стене. В западной стене, стене цитадели, есть высокое углубление под входом в цитадель, в котором проделана дыра. В настоящее время в эту камеру можно попасть через дверь на уровне земли в южной стене, но это, безусловно, вставка. Первоначальный вход, должно быть, был через люк и лестницу с пола вестибюля.

Второй этаж вестибюльной башни имел площадь 16 квадратных футов и имел четыре круглых окна шириной 2 фута, теперь преобразованных в окна с выступающими головками. Две из них расположены на севере, две - на востоке и одна - на юге, каждая в простом углублении с плоскими сторонами шириной 3 фута. В западной стене, где находится вход из галереи фресок, есть ниша шириной 12 футов и глубиной 2 фута, над главным входом в цитадель. Его угол заменен углублением, детали которого показывают, что, хотя стены и расположение окон сохранились в первоначальном виде, уровень пола был повышен, а в южной стене установлен камин. Как и в вестибюле, плоскую деревянную крышу в этом помещении заменили высоким сводом из двух пролетов, рифленным и ребристым, а также с разделительным ребром. Все ребра опираются на полуосьмиугольные опоры, вставленные в старые стены. Это хранилище появляется снаружи в виде высокой крыши. Он относится к возрасту того, что ниже.

Материал, из которого построена эта крепость, по сути, представляет собой обтесанный кремневый щебень, но облицован он в основном тесаным деревом; и украшению было уделено гораздо больше внимания, чем обычно в военных зданиях. Переднее здание полностью облицовано тесаным деревом и богато украшено. Над внешним порталом расположены широкие полосы с штриховкой и шевронами, заполняющие аркаду из двух арок, над которой расположен круг с центром, вырезанным в виде головы. Юго-восточный угол занят нишей-шахтой. Восточный фасад, стена лестницы, украшен еще более богатой резьбой. Здесь расположены две аркады на разных уровнях, соответствующих уровню крыши каждой лестницы, а над ними - линия кругов с центрами, вырезанными в виде голов. Существует мнение, что фресковый проход над средним дверным проемом заканчивался задним ходом высоко в этой стене, откуда можно было спустить лестницу; но, по-видимому, для этого невероятного мнения нет оснований. Если бы существовала такая задняя дверь, две петли на лестнице были бы устроены для ее защиты; в то время как они находятся слишком высоко, чтобы ими можно было пользоваться, за исключением света и воздуха. Любопытно, что переднее здание снаружи гораздо более богато украшено, чем цитадель; в то время как в Дувре и Рочестере, где также была часовня, его внешний вид удивительно прост. Второстепенные лестницы, то есть те, что расположены под двумя углами, расположены неуклюже, и отсутствует устройство лестничной площадки для соответствия ступеней уровню поставляемых этажей. Несомненно, в основном использовалась главная лестница. Замок очень похож на замок Норвича, особенно в расположении кухни, северной галереи и часовни. Передняя часть здания также выполнена в том же плане. Арки, как правило, расположены по центру, хотя несколько дверных проемов разделены на сегменты. Там, где галереи с фресками вообще расширены в ширину, а также в дверных нишах поперечной стены и внешнего входа, своды слегка изогнуты; и это, что происходит также в Лондонском Тауэре и в Рочестере, производит хороший эффект и выгодно отличается от однообразия бочкообразного свода. На кухне свалены в кучу фрагменты резных камней, найденных в замке или около него. Они выполнены во всех стилях — нормандском, раннеанглийском, декорированном и нескольких перпендикулярных. Вероятно, некоторые из них были взяты из часовни Святого Николая; многие из них вряд ли принадлежали замку. Если замок Райзинг был построен архитектором Норвичской крепости, то это должно быть ранненормандское сооружение, поскольку Норвич был осажден в 1076 году во время восстания графа Гуадера, и Хэррод предполагает, что нынешняя крепость стояла именно тогда; но орнамент замка Райзинг выглядит гораздо более поздним, и в целом нет причин отказываться соглашаться с традицией, которая приписывает его Уильяму д'Альбини, умершему в 1176 году. Как обычно, здесь нет подземных помещений. Хотя три дверных проема переднего здания не имели, как в Дувре, башен, каждый из них имел отдельную защиту: внешний - от зубчатой стены над порталом, средний - также от зубчатой стены, пронизанной шахтой и сообщающейся с крепостью, и внутренний - как часть вестибюльной башни.

The *Сторожка* стоит недалеко от центра восточной стороны сторожевого поста, в земляном валу, который был срезан, чтобы его можно было построить. Он находится в 325 ярдах от северо-восточного угла крепости и того же возраста. Он выполнен по обычному нормандскому образцу, представляет собой прямоугольную башню, пронизанную проходом, с аркой высотой 12 футов, открывающейся на каждом конце, вмонтированную в стены, внешняя из которых имеет толщину 6 футов, а внутренняя - 5 футов. Арки довольно простые,

без фальца или фаски. Проход между ними также имеет ширину 12 футов и длину 13 футов, и у него была плоская деревянная крыша, пол камеры наверху теперь убран. Внешняя арка имеет квадратную канавку для опускной решетки шириной 3½ дюйма и глубиной 4½ дюйма. В северной стене есть два неглубоких углубления шириной 4 фута и глубиной 1 фут 10 дюймов. В южной стене есть еще одно подобное углубление и открывающаяся дверь размером 2 фута 6 дюймов, которая, по-видимому, вела на лестничный колодец в юго-западном углу здания. Перед внешними воротами проход шириной 15 футов находится между двумя стенами, южная из которых все еще выступает на 15 футов. Вероятно, они защищали подъемный мост, а между ними находилась яма для моста. За этими стенами находится большой ров этого места, здесь около 80 футов шириной и 30 футов глубиной, пересеченный каменным мостом из двух арок, внутренняя из которых замурована. Открытая арка, похоже, датируется эпохой Тюдоров, но опоры выглядят оригинально. Внешний конец моста опирается на противоположный выступ рва, примерно в центре восточного квартала.

Сторожка стояла на уровне земли и, следовательно, ниже занавеса *ограждения*, которое было построено на гребне земляного вала. Первоначальный занавес, если таковой там и был, как это вероятно, полностью исчез, и его заменила кирпичная стена эпохи Генриха VII, тоже почти полностью исчезнувшая. От этой стены с южной стороны ворот осталось около 12 ярдов. Ее толщина составляет 2 фута, но внутри она была обнесена аркадой толщиной 3 фута, которая вела по дорожке к валу, как в Саутгемптоне. Эти арки имеют размах 8 футов и четырехцентровые, с опорами шириной 3 фута, и внутри каждой арки или углубления была петля. Осталось три с половиной арки. Кроме того, к юго-западу от крепости есть фрагмент занавеса и следы фундаментов вдоль берега.

В центральном дворе, в нескольких ярдах к северу от крепости, находится колодец, а еще севернее находятся остатки большой часовни. Он состоял из нефа, хора или пресвитерии и апсиды. Неф имеет около 12 футов в ширину и 25 футов в длину. Арка, ведущая в пресвитерию, была шириной 5 футов, а поперек нее находилось основание каменной перегородки с дверью высотой 3 фута. Там были южная дверь и северное окно. Купель находилась в центре, недалеко от западного конца. Пресвитерия была 8 футов в длину и 9 футов в ширину, с петлей на юге и аркой высотой 6 футов, открывающейся в апсиду. Апсида была округлой, шириной 8 футов и длиной 9 футов, и имела петли, обращенные внутрь на север и восток, и, вероятно, на юг. Говорят, что самый ранний нормандский шрифт, который сейчас находится в приходской церкви, был сделан отсюда. Каменная кладка того, что осталось от этого здания, имеет грубый характер, и, вероятно, она старше крепости. Предполагается, что это часовня Святого Николая, упомянутая в записях. В настоящее время его останки находятся в нише в банке, и он выглядит самым старым из двух, хотя вряд ли это так. Песок на берегу может быть сдвинут ветром, и еще в начале нынешнего столетия центральная палата была сильно завалена им, а крепость более или менее засыпана, так что это, вероятно, является причиной наполовину засыпанных руин часовни.

Крепость, часовня и сторожка - единственные остатки нормандской каменной кладки, которые в настоящее время видны над землей. Во внутреннем дворе, должно быть, находились большие хозяйственные постройки, пригодные для приема членов королевской семьи, но фундаменты, сохранившиеся к югу от крепости, кажутся очень поздними, вероятно, периода Тюдоров. Говорят, что это комнаты констебля. В двух внешних палатах нет никаких следов каменной кладки.

Приходская церковь, стоящая в деревне Касл Райзинг, является прекрасным образцом поздненормандского стиля. Особенно богат его западный фасад, и у него хорошая центральная башня. Алтарь построен несколько позже. Шрифт очень массивный. Его

квадратная чаша покрыта старинной резьбой, и он стоит на простом цилиндре, должным образом скопированном с оригинальной подставки. Говорят, чашу привезли из замка.

Райзинг, или, скорее, Сниттишем, в поместье которого он находится, был частью поместья Эдвина, датчанина и последователя Канута. Так говорит Дагдейл. В “Судный день” он указан как “бервит” из поместья Сниттишем. “*Huic manerio jacet una bervita Risinga.*” Он принадлежал архиепископу Стиганду, и после его конфискации Уильям передал его епископу Одо, в то время графу Кентскому. После падения Одо Руфус даровал его Уильяму д'Альбини, королевскому “пинчерне”, или дворецкому, сыну Роджера, чей младший брат Найджел был предком великого дома Моубри. Сыном Уильяма был “Уильям с Сильной рукой”, знаменитый граф Арундел и лорд Бакенхэм в Норфолке, который женился на Аделизе Лувенской, вдовствующей королеве Генриха I. И считается строителем крепости до 1176 года.

Их сын, третий Уильям, умер в 1190 году, оставив четвертого Уильяма, который умер в 1221 году, и чей старший сын, пятый Уильям, умер бездетным в 1224 году, когда Райзинг перешел к его брату Хью, который оставил четырех сестер, сонаследниц, от которых у Сесили был Райзинг, и вышла замуж за Роджера, лорда Монтальта. Их старший сын, Джон Монтальт, умер бездетным, за ним последовал его брат Роберт, умерший 3 Эдуарда I., оставив Роджера, умершего бездетным 25 Эдуарда I., и Роберта, который унаследовал трон. Этот Роберт де Монтальт был очень значительной личностью, и как воин, и как государственный деятель. В округе он известен тем, что выиграл очень важный судебный процесс против корпорации Линна из-за платы за проезд в этом порту и на рынке во времена правления Эдуарда II. Не имея потомства, он в 1 году правления Эдуарда III продал возвращение замка Райзинг короне в пользу королевы Изабеллы, “Волчицы Франции”, а остальное - Джону Элтемскому, брату короля. В 1331 году Изабелла вступила во владение и жила здесь в уединении в течение года после своей смерти, которая произошла в Хартфорде в 1358 году. Эдуард со своей королевой навестил здесь свою мать на четырнадцатом году своего правления.

Джон Элтемский умер бездетным, замок перешел к Черному принцу и стал частью герцогства Корнуолл, а затем перешел к Ричарду II, который обменял его на Джона, герцога Бретани, который владел им в 1397 году и иногда проживал там. Впоследствии он был возвращен короной и пожалован Эдмунду из Лэнгли, герцогу Йоркскому, от которого перешел к Эдуарду IV, который снова присоединил его к герцогству, но замок, вероятно, тогда находился в разрушенном состоянии. Во времена Генриха VII. кажется, его ремонтировали. Крыша замка была тогда покрыта черепицей с большими свинцовыми желобами. В правление Генриха VIII. он снова пришел в упадок, замок и сторожка были без крыши, и, по-видимому, жилище констебля было единственной пригодной для жилья частью. Наконец, король обменял замок-мэнор и поместье Райзинг с Томасом Говардом, герцогом Норфолкским, и в 1693 году он перешел к другому Томасу Говарду, предку графов Саффолк и Беркс, один из потомков которого владеет им до сих пор. Еще 31-го числа Елизаветы на берегу была возведена навесная стена, которая находилась в опасности из-за зарывания кроликов в норы, а также была сторожка и мост длиной 90 ярдов и шириной 7 ярдов. Под замком, в ведении замковой стражи, находились поместья Ханстентон, Рейдон и Уоттоны.

ШАТО-ГАЙЯР НА БЕРЕГУ СЕНЫ.

ШАТО-ГАЙЯР, хотя и французский замок, представлен здесь как произведение английского короля и очень замечательный образец военной архитектуры конца XII века.

Шато-Гайяр, “Дерзкий замок” Кер-де-Лион, созданный за один год его короткого правления и непреходящий памятник его мастерству военного инженера, по своему расположению и деталям является одним из самых замечательных, а по своей истории - одним из самых интересных замков Нормандии. Несмотря на то, что это руины, сохранилось достаточно, чтобы антиквар смог восстановить все их основные детали. Эти детали, как в плане, так и на высоте, настолько своеобразны, что опыт, полученный при наблюдении за другими зданиями, проливает лишь неопределенный свет на их возраст; но от этого руководства, обычно столь важного, они не зависят из-за несколько необычного факта, что крепость полностью построена в одну эпоху, и эта дата зарегистрирована. Более того, в течение нескольких лет после его строительства, когда его защита была новой и совершенной, с многочисленным гарнизоном и кастеляном, одним из лучших солдат англо-нормандского баронства, он был осажден всеми доступными силами самого могущественного монарха своего времени; и подробности осады были описаны современным историком с подробностью, которая оставляет мало места для воображения, и которая, с помощью места и сооружений, хотя и мало измененных, позволяет нам получить очень четкое представление о том, каким образом строились великие крепости. атакованный и защищенный в начале тринадцатого века.

Шато-Гайяр венчает почти отвесную вершину крутого и узкого мелового мыса, который, изолированный с обеих сторон глубокой долиной, выделяется из обширного плоскогорья Ле Вексен на высоте 300 футов над глубокой и быстрой Сенной, которая омывает его и веками угрожала подорвать его основание.

Течение Сены через Нормандию, от места впадения Эпты в море, представляет собой одну быструю череду смелых и изящных изгибов, вогнутости которых, обрывистые и стремительные, подвергаются нападкам набегающего потока, что резко контрастирует с противоположными берегами, которые, осажденные и окруженные им, низменны и плодородны и усеяны старинными деревьями, церквями и усадьбами, возвышающимися сквозь мантию богатой, улыбающейся зелени.

У подножия одного из самых величественных из этих холмов, на краю обширного амфитеатра, стоит дерзкий замок Кер-де-Лион. Справа и слева - отвесные утесы мелового хребта, замаскированные дерном, зеленым, как в Сассексе или Кенте, с редкими выступами меловых утесов, обрамленные полосой растительности, покрывающей подножие кручи и разделяющей возвышенность и реку. Впереди, за бесчисленными островами Сены, находится богатая низменность, известная как полуостров Берньер, деревня, которая вместе с Тоени и Венейблз — названиями, знакомыми по англо-нормандской истории, — видна на переднем плане. Долина справа, или к востоку, и непосредственно под замком, находится в долине Гамбон, на которой расположены города Грейт и Литтл Анделис; первый является местом рождения — или в пределах мили от места рождения — Николаса Пуссена и Брюнеля; второй находится в полумиле ниже, на слиянии ручья с Сенной, находится под непосредственным управлением замка и является современником его основания.

Шато-Гайяр состоит из двух основных частей, собственно замка и флигеля: одна покрывает всю вершину мыса, другая занимает единственную ровную площадку, являясь основанием хребта, с которого крепость можно атаковать на равных условиях.

Сам замок состоит из цитадели; внутреннего блока, из *окружения*, частью которого является цитадель, и который имеет свой собственный ров; и внешнего блока, внутри которого расположен внутренний блок, причем два соединяются, или почти так, в северной части. Таким образом, это разделение крепости является концентрическим. Надворное сооружение, расположенное перед рвом внешней охраны, имеет свой собственный ров и представляет собой его выдающуюся или самую сильную часть, обращенную к югу.

Цитадель представляет собой башню, одна половина которой в плане круглая, а другая выступает во двор в виде прямого угла, или шпоры — форма башни, хорошо известная во французских замках. Его диаметр составляет 48 футов, или 55 футов, взятых у отрога. Толщина стен 11 футов, у отрога 18 футов, а внутреннее пространство круглой формы составляет 26 футов. В настоящее время он состоит из подвала и первого этажа; похоже, второго под крепостными валами также не было. В подвале есть одно окно, выходящее на запад, или наружу, и грубый проем, выходящий на восток, или во внутреннюю палату. Есть следы, свидетельствующие о том, что это была открывающаяся дверь размером 4 фута 6 дюймов; но если это так, то она, несомненно, не была оригинальной. Вряд ли в этом замке был вход на первом этаже.

На первом этаже есть два окна, выходящих на запад, и дверь, выходящая на север. Окна, выходящие на скалу и недоступные, умеренно большие. Они состоят из двух светильников с плоской головкой, расположенных под равнобедренной аркой. Их внутренние углубления слегка заострены. Дверной проем, также с плоской головкой, занимает пространство оконного фонаря. В другом пространстве находится петля, указывающая на подход. Оба находятся под круглой аркой, барабанная перепонка закрыта.

В замке нет ни комнат с фресками, ни лестницы. Полы и ступени были деревянными. Здесь нет ни камина, ни видимой гардеробной, ни колодца. Шпора прочная.

Экстерьер очень своеобразный. Нижние две трети сильно бьют по всему периметру, чтобы усилить основание и направить снаряд, сброшенный сверху, наружу, на нападающего. Примерно на полпути вверх по этому склону от выступов начинается ряд контрфорсов, которые по мере подъема расширяются в стороны, но имеют вертикальные грани. На самом деле это машикуляции, но начинающиеся низко; и, подобно обычным машикуляциям, они соединены рядом арок, несущих парапет, за которым был проход для снарядов, как, например, в Авиньоне. Эти преувеличенные манипуляции значительно увеличивают пространство на вершине башни, но они ограничены двумя третями ее внутренней части, поскольку внешняя сторона достаточно защищена и без них. Поскольку верхняя часть крепости была демонтирована, исчезли арки, остались только контрфорсы. Одно из этих защитных сооружений нависало над входом.

Любопытное изображение каменного замка в церкви Грейт-Анделис свидетельствует о том, что крепость была увенчана второй башней меньшего размера внутри крепостного вала, а эта - еще одной внутри него, возвышающейся подобно трубам телескопа. Вероятно, они были сделаны из дерева.

Узкая лестница, начинавшаяся на уровне палаты и ведущая вверх по внешней стороне замка, двумя поворотами вела ко входу. Сохранилась часть этой узкой и опасной лестницы.

На восточной стороне крепости также есть следы одноэтажного здания, вероятно, пристройки.

Материал крепости - кремневый щебень, затертый в обильной ванне с раствором и облицованный изнутри и снаружи тесаным деревом. Камни имеют длину около 1 фута 6 дюймов и высоту 6 дюймов и представляют собой твердую и долговечную разновидность мела, иногда встречаются кремни. Материал, вероятно, местный. Работа, хотя и простая, без орнамента, хорошая. Стыки умеренно открытые, достаточно, чтобы пропустить обычный грифель.

Внутренний обсерваторий имеет форму человеческого уха, острие расположено на западной или полуденной стороне, а мочка - на севере или северо-востоке. Площадь этого прихода составляет около 200 футов к северу и югу и 100 футов к востоку и западу. Его *окружающая* стена - одна из достопримечательностей замка. Ее обхват составляет около 500 футов. Из них цитадель, круглая башня и промежуточное здание занимают около трети северо-западной четверти, а оставшиеся две трети включают в себя некоторую простую стену, ворота и семнадцать сегментных контрфорсов высотой 9 футов, расположенных на занавесе на расстоянии 3 футов друг от друга. Стена толщиной около 8 футов внутри гладкая. Благодаря такому расположению стене была придана большая прочность, и на единственной стороне, с которой земля допускала любое нападение, был устроен ряд фланговых укреплений. Эта часть стены была, вероятно, около 30 футов в высоту и стояла на вертикальном уступе еще примерно на 20 футов. Зубчатых стен больше нет, так что непонятно, каким образом стена была покрыта гребнем. Стена, укрепленная подобным образом и построенная гораздо раньше, существовала в замке Шербур, и в Керфилли есть что-то немного похожее.

Цитадель уже была описана. Он стоит на линии этого *ограждения*, на западной стороне, которую он защищает. Пристроенное к замку с северной стороны, а также являющееся частью *окружения*, является прямоугольным зданием, вероятно, жилищем кастеляна. Он имеет около 30 футов в ширину и 40 футов в длину, а подвал вырыт в меловой породе. Он двухэтажный, с каминами и сегментарными арками, и имеет пристройку на севере, возможно, для офисов. В нем есть окна в занавеске, выходящие через утес в сторону реки. Лестница отсюда ведет к заднему входу, а между этим зданием и замком находится сторожевая лестница.

На северной оконечности стены, но включенной в нее, находится фундамент круглой башни, ныне включенной в квадратный бастион, относящийся скорее к внешнему кварталу, чем к этому.

Задняя дверь является общей для этой и внешней палат, или, скорее, в этом месте они сливаются в одну, и задняя дверь проходит через общую стену. Это узкая дверь с плоским верхом, поддерживаемым двумя кронштейнами, и над круглой аркой с закрытым барабаном. Он открывается в углу стены, прикрываемом бастионом, и выходит на уступ, так что до него, должно быть, можно было добраться по перекидному мосту или лестнице, на устройство которой, по-видимому, указывают несколько углублений для брусьев прямо внутри портала. Опускной решетки здесь нет; защитой служила зарешеченная дверь. Выступ этого заднего хода находится примерно в 30 футах ниже основания крепости. К нему ведут ступени, вырубленные в меловой скале и почти не истертые.

Большие ворота этого прихода открываются за занавесом на восток, и их сторожка была почти полностью встроена в стену. Эти ворота находятся значительно ниже уровня прихода. К нему ведет крутой спуск, а свод портала имеет три нависающих ребра или арки, внутри которых установлена опускная решетка с квадратным желобком. Внутренняя половина

портала исчезла; вероятно, там были второе хранилище и опускная решетка, а также открытое пространство между ними. Фасад сторожки привратника исчез, но видно, что у сторожки был простой сегментный свод. Снаружи ворот есть любопытный квадратный желобок, как для опускной решетки, но он закрыт и не опускается ниже уровня пружинящей арки ворот.

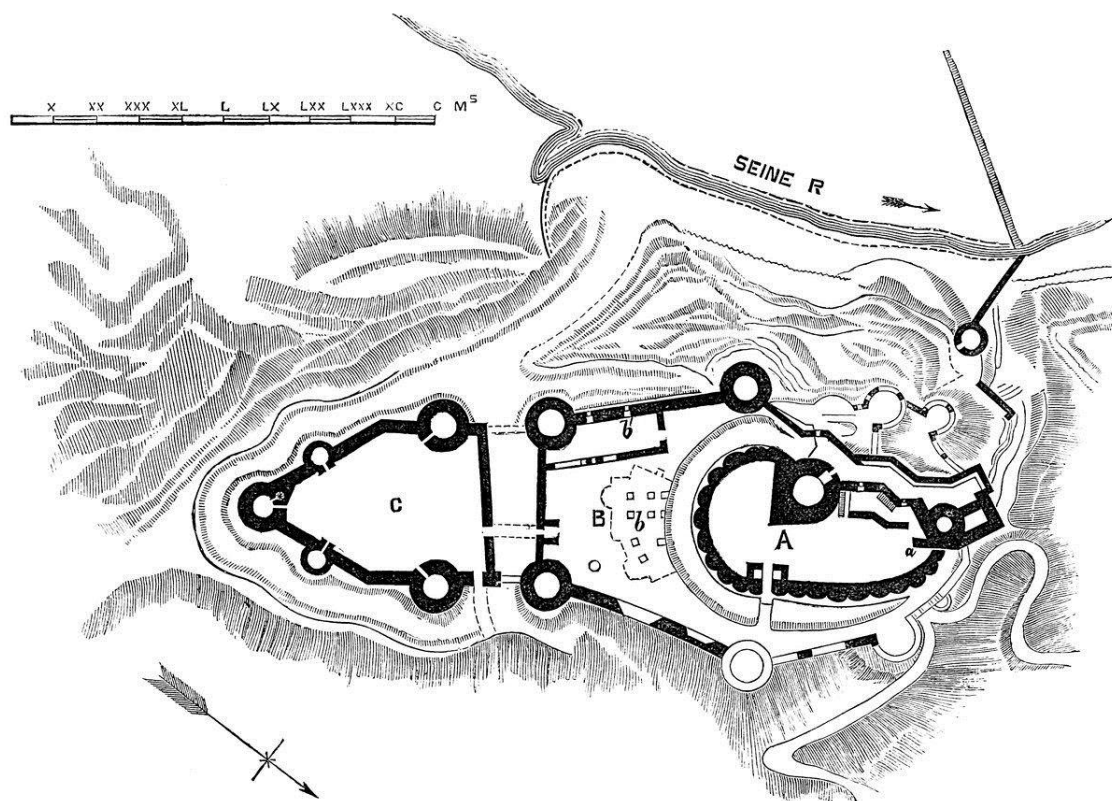
Эти ворота открываются в ров. Сохранилось основание откоса-опоры моста. Откос обвалился. Вероятно, во рву был центральный пирс. Нынешний мост не является оригинальным. Подход к этим воротам, оставленный Львиным курганом, представлял собой дамбу, образованную за счет того, что скала осталась неразрубленной. Именно по этой дамбе был взят штурмом внутренний двор.

Прямо за этими воротами находился колодец глубиной 270 футов, ныне засыпанный.

За пределами *ограды* находится ров глубиной около 20 футов и шириной 30 футов у ворот и вдоль южного фасада, с вертикальными сторонами, но заканчивающийся на крутом склоне, когда его концы уходят на север.

Этот ров на самом деле находится во *внешнем дворе*, который огибает внутренний двор. Этот приход продолговатый, примерно в 325 футах к северу и югу и в 200 футах к востоку и западу. Его северная половина имеет неправильную овальную форму, повторяющую скалу и заканчивающуюся двумя большими прямоугольными соединенными бастионами на обрывистом северном конце. Южная половина почти прямоугольная; имеет прямую южную грань длиной 125 футов, по бокам которой расположены две барабанные башни. От них отходят боковые завесы, образующие восточный и западный фасады и заканчивающиеся двумя другими барабанными башнями, из которых та, что на востоке, почти напротив ворот внутреннего двора, исчезла. Занавес, ведущий от этой башни на север, также исчез. С противоположной, или западной, стороны это простой парапет, возвышающийся над пропастью и повторяющий ее очертания. Судя по тому, как внутреннее отделение расположено в этом отделении, оно занимает почти весь его северный конец, но оставляет на юге платформу за пределами рва размером примерно 140 на 100 футов. Здесь находится прямоугольный фундамент шириной около 40 футов и длиной 60 футов, разделенный вдоль стеной. Его протяженность с севера на юг, но говорят, что здесь находилась часовня, вероятно, построенная с одной стороны. Это была работа короля Иоанна, размещенная на фундаменте из подвалов и в непосредственной близости от гардероба замка у западной стены. “*Juxta foricas, quod quidem religioni contrarium videbatur*”, - говорит хронист. Торцевые стены и восточная сторона облицованы тесаным деревом, но сейчас здесь нет ничего похожего на часовню. Однако здесь, похоже, она когда-то была, и ее крыша была видна над стеной. Эти фундаменты интересны, поскольку именно отсюда, через окно в смежной стене, в палату проникли и застали врасплох во время великой осады.

ПЛАН ШАТО-ГАЙЯР.

- А. Внутренняя опека и оберегание.
- а. Задняя дверь.
- Б. Средняя палата.
- б. Подвалы.
- б'. Часовня.
- С. Внешняя палата или Равелин.

В этом приходе не сохранилось ни одного обычного входа. В южном занавесе есть отверстие, которое вело к большому флигелю, но которое вряд ли могло быть обычным входом. Также это не могло быть ни на западном, ни на северном фронтах. Вероятно, следовательно, это было на северо-востоке, где сейчас отсутствует стена. Говорят, что напротив внутренних ворот ее не было. В лучшем случае подъезд, должно быть, мало подходил для колесных экипажей. В восточной четверти этого прихода был колодец.

Следует упомянуть о некоторых любопытных камерах, вырубленных в мелу на склоне рва, откуда в настоящее время в них ведут вход. Их три или четыре, около 80 футов в длину и 7 футов в высоту. Они вырезаны с какой-то грубой регулярностью, с пилястрами, оставленными у стены, и полосами, представляющими сегментарные арки. Один большой восьмиугольный пирс имеет колпак и основание, а последний имеет водоносную впадину в раннеанглийском стиле и, очевидно, является оригинальным. Судя по тому, что говорится об этих местах в отчете о неожиданности, постигшей этот приход, вероятно, что в них была дверь, ведущая в ров, но, по-видимому, в них также было круглое отверстие 4 фута в поперечнике в крыше, как и в случае с темницами в Коуси.

Во внешнем дворе есть свой собственный ров, прорезанный вертикальными сторонами поперек гребня перед южной стеной, между ней и задней частью надворной постройки. Эта

канава имеет около 30 футов в ширину и 20 футов в глубину, но заканчивается, когда доходит до крутого склона.

Флигель, рavelин, или внешняя защита, - это предварительное сооружение, предназначенное для прикрытия единственной стороны, с которой замок был открыт для атаки с ровной или, скорее, возвышающейся земли, и для занятия того, что в противном случае было бы очень опасной платформой.

На рисунке это равнобедренный треугольник с основанием 125 футов и сторонами 175 футов. Каждый из трех углов увенчан круглой башней диаметром 35 футов, со стенами толщиной 11 футов и которые, кажется, были по меньшей мере 40 футов в высоту. Кроме них, в боковых стенах, в 60 футах позади передней башни, находятся две второстепенные башни, также круглые, диаметром 25 футов; и снова, в нескольких футах от них, занавес слегка отогнут, чтобы создать тупой выступ на поле боя. Таким образом, хотя в общем плане сооружение представляет собой треугольник, на самом деле оно имеет пять углов и столько же башен. Передняя башня имеет лестницу-колодец на стыке с западным занавесом. Занавес сильно разрушен, но, должно быть, был не менее 30 футов в высоту и около передней части около 12 футов в толщину, а в других местах 8 футов.

Задняя стена или ущелье - это не совсем занавес для прикрывающих его башен. Он расположен немного в стороне от них, на краю рва; а между ним и восточной башней были ворота, особый и независимый вход во внешнюю стену. Северная сторона исчезла, но на другой стороне видны подпружиненные порталы арки и квадратный паз опускной решетки. В этой стене ущелья, недалеко от ворот, находится большая арка, соответствующая той, что уже упоминалась во внешней стене. Это, без сомнения, был способ сообщения между замком и земляным валом. Этот ров был пересечен стеной на восточном конце, которая соединяла два сооружения и защищала мост. Западный конец заполнен руинами. Сейчас на надворной постройке нет никаких следов зданий.

Башни надворной постройки отличаются большой прочностью и были облицованы тесаным деревом. Передняя башня особенно прочна, и, похоже, ее никогда не минировали и не пробивали. Также нетронута скала под ним. Возможно, брешь, о которой говорилось во время осады, находилась в соседнем занавесе с востока.

В тылу этого укрепления находится уже описанный ров, а вдоль его фронта и флангов проходит еще один ров, соответствующий внешнему укреплению и самый грозный из всех оборонительных сооружений. Ширина его превышает 30 футов, а в продвинутой точке, где земля поднимается, - более 40 футов в глубину. Уступ и контрэскарп вертикальны.

Помимо этих регулярных работ, на западной стороне есть другие, менее регулярные, но очень внушительного характера. Эта сторона скалы, обращенная к Сене, естественно крутая, была огорожена и защищена искусством. На полпути вниз по склону находится круглая башня, соединенная, как говорят, с постройкой наверху галереей, вырубленной в мелу. От башни стена спускалась к реке, так что подходы с этой стороны и дорога между холмом и рекой были надежно перекрыты. Эта стена, по-видимому, заканчивалась на берегу реки, в пирсе, следы которого сохранились, и который поддерживал один конец мощной плотины или плотины из свай, которая тянулась через реку и была частью первоначальной работы Львиного двора. Несколько других работ были встроены в скалистый склон, особенно с западной стороны.

Плотина пересекалась над островом, ранее называвшимся Д'Анделис, на котором находился восьмиугольный форт, возведенный также Ричардом и следы которого

сохранились. Мосты, ведущие с этого острова в любую сторону к берегам, были деревянными и не оставили после себя никаких следов.

Наконец, следует упомянуть укрепления малого Анделиса, ныне разрушенные, и озеро, питаемое водами Гамбона, которое омывало стены Большого Анделиса и полностью окружало нижний город. Эти дополнительные укрепления в настоящее время разрушены, а озеро осушено и засыпано, но указаний остается достаточно, чтобы подтвердить подробное описание Гийома ле Бретона и оправдать г-на Девиля в его описании, а г-на ле Дюка в его реставрационных работах, выдвинутых в соответствии с превосходными статьями “Замок” и “Донжон” в его “Словаре”.

ЗАМОК КРАЙСТЧЕРЧ, ХАНТС.

Город, замок и приорат Крайстчерч расположены на юго-восточной оконечности умеренно возвышенного выступа, который находится между Стоуром на западе и Эйвоном на востоке. Две реки Дорсет и Уилтс извиляются, как их прототип,

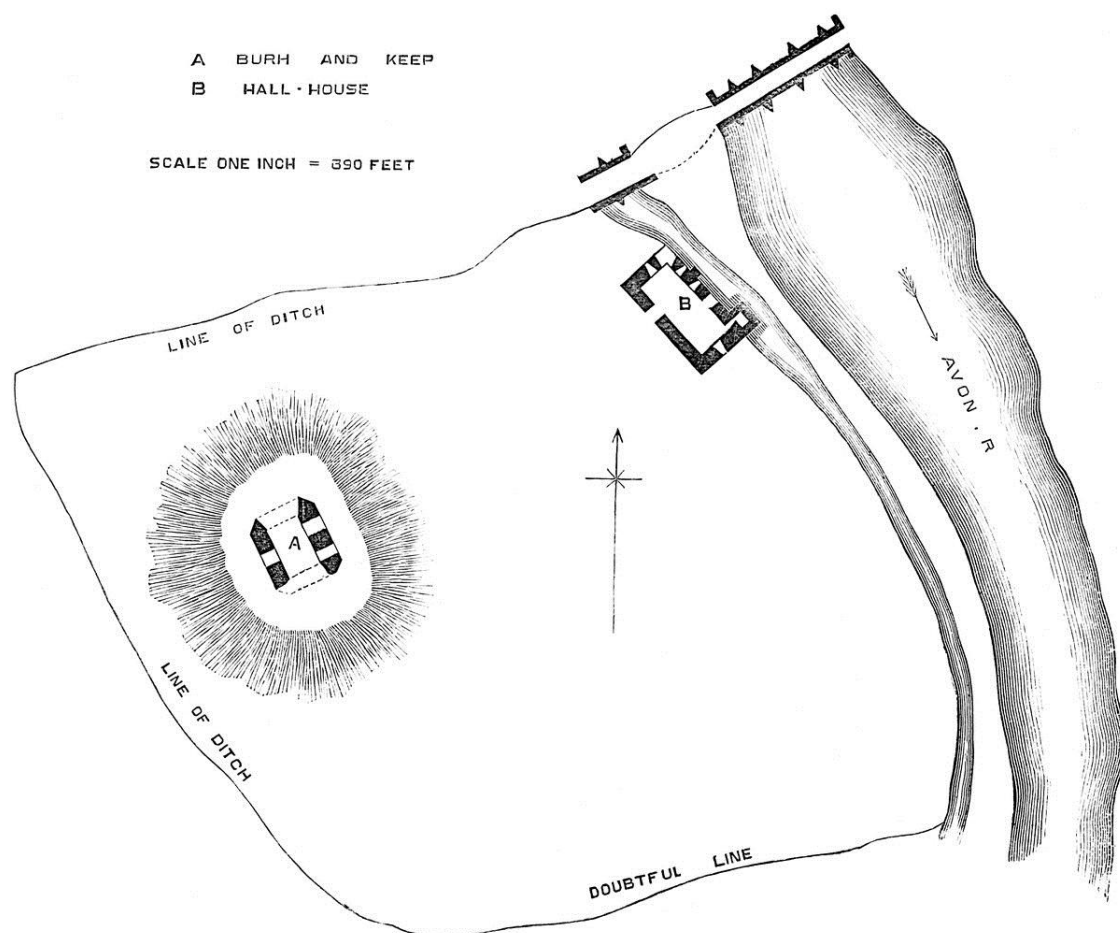
“ . . . toties qui terris errat in isdem,”

и протекают по широким и болотистым участкам суши, чтобы объединиться ниже Крайстчерча в просторном заливе, который образован и защищен с юго-востока мысом, носящим наводящее на размышления название Хенгистбери. Таким образом, позиция сильна и удобна: неприступна из-за болот с востока и запада; представляет собой на севере узкий и обороняемый фронт и расположена в гавани, в прежние времена очень пригодной для небольших судов, защищенной от преобладающих западных ветров и имеющей узкий и легко охраняемый вход из прилегающего канала. Такой позицией вряд ли пренебрегал какой-либо народ даже в самые суровые времена, и соответственно бритты, по-видимому, укрепили мыс: и те, кто изгнал их, не только дали этому мысу его нынешнее название, но и, сочтя внутреннее положение более подходящим для их привычек, укрепили его насыпью и рвом, а в пределах огороженной таким образом территории воздвигли обычный курган, или бурх, обычный признак резиденции древнего английского вождя.

Остатки британского периода ограничены двойными берегами и канавами, которые все еще венчают мыс, и названиями рек, которые там соединяются. От британского города или церкви Абердур, как, вероятно, назывался бы такой, не обнаружено никаких следов.

Самое раннее упоминание об этом месте в англосаксонских записях содержится в “Хронике” за 901 год н.э., где записано, что после смерти Альфреда и вступления на престол Эдуарда Старшего Этельвольд, сын его дяди, захватил виллу в “Уинберне и Туокснине”, но когда Эдуард двинулся на Бэдбери и пригрозил нападением на Уинберн, ныне Уимборн, он бежал на Север. Это утверждение повторяет Флоренс Вустерская с дополнительной информацией о том, что Твоксним был королевским виллом. Это место под более известным названием Твайнхэм упоминается в хартии Ательстана, датированной 23 апреля 939 года, в которой, среди прочих земель, он, “король, владеющий всей Британией”, отдает Богу и Святой Марии, святому Михаилу, святому Сэмпсону и святому Бранваладре земли на Авене в Твинхеме. Характер королевского завещания сохранялся долгое время, и со времен “Судного дня” выясняется, что оно принадлежало Исповеднику, а затем действительно принадлежало королю Вильгельму. Однако задолго до этого времени там был основан

религиозный дом, и каноники Туинхэма, или Святой Троицы Туинама, фигурируют в Обзоре в качестве главных арендаторов. Основание, вероятно, было ранним. Твинберн, или Уинберн, на той же улице, несколькими милями выше, был основан до 705 года, а Уэйрхем - до 876 года. Во времена Исповедника в колледже было двадцать четыре каноника и декан; а в правление Руфуса последний пост занял Ральф Фламбард, который, как говорят, восстановил колледж, который был практически заново основан Ричардом де Редверсом, графом Девонским, в правление Генриха I. и чей сын, граф Болдуин, добился преобразования светских лиц в обычных каноников ордена Св. Augustin. Мельница зарегистрирована в Domesday. Во всех этих транзакциях нет упоминания о замке.

- ГОРОД И КРЕПОСТЬ
- Зал B-HOUSE

ЗАМОК КРАЙСТЧЕРЧ.

Однако замок, хотя, возможно, и не был сооружением регулярной каменной кладки до столетия спустя после Завоевания, определенно был крепостью задолго до этого события и, вероятно, по крайней мере, еще в девятом веке, предшествуя, без сомнения, поселку, или совокупности домов, и являясь его причиной. Он расположен на правом, или западном, берегу реки Эйвон, сразу под древним мостом, по которому через нее проходит большая дорога. Его восточный фасад находится примерно в 16 ярдах от реки и возвышается над берегом Милл-Лит, который находится между замком и Эйвоном и образует его. Трасса начинается примерно в трех четвертях мили выше и заканчивается у древней Монастырской мельницы, ныне называемой "Плейс Милл", на 500 ярдов ниже, где, начавшись от Эйвона, она впадает в Стоур. Поскольку, по-видимому, существовала только одна мельница, следует

предположить, что миряне и духовные лорды были единомышленны в очень интересной теме культур. Во всяком случае, первое заключалось в том, чтобы перекрыть подачу воды.

Площадь замка была примерно прямоугольной, примерно в 110 ярдах к северу и югу, или параллельно реке, и в 150 ярдах к востоку и западу, — размеры, которые включают ров, ныне засыпанный, но о котором есть указания, шириной в 20 ярдов, вдоль северного и западного фасадов, ныне Замковой и Церковной улиц. Линия рва вдоль южной, или монастырской, стороны не прослеживается. Старой монастырской стены там нет, а земля была выровнена и возделывалась как сад более века. Вероятно, канава сообщалась с обоих концов с мельничным ручьем и была заполнена из него, включая в самой глубокой части выемку грунта глубиной не более 12-15 футов. Вне всякого сомнения, в канаве была насыпь, которую с тех пор использовали для ее засыпки. На берегу в земляных работах не было необходимости. Ширина берега составляет 25 футов, а река внезапно расширяется ниже моста до 130 футов в ширину.

В самой высокой и северо-западной четверти замкнутого таким образом пространства находится бурх, приписываемый Норденом, с большой вероятностью, Эдуарду Старшему после подавления восстания Этельвальда в 901 году. Это продолговатая насыпь, полностью искусственная и сложенная из мелового гравия. Он имеет размеры около 160 футов к северу и югу, 150 футов к востоку и западу и столешницу размером примерно 120 на 90 футов; его высота составляет около 20 футов. Этот холм и нижний двор, окруженный берегом, рвом и водотоком, с, без сомнения, прочным частоколом, образовывали первоначальную крепость, которая, бок о бок с монастырем, обеспечивала прилегающему городу временную и духовную защиту. Здесь, на старом месте, Ричард де Редверс, ранее получивший поместье в дар от Генриха I., возвел замок, подобный тому, который использовался в то время. Он обнес этот район стеной, расположив, вероятно, свой занавес вдоль гребня берега и на краю мельничного леска. Свою крепость он построил на холме, а зал и хозяйственные постройки — на линии стены, вдоль кромки воды. Говорят, что он также обнес город стеной. Сохранившаяся каменная кладка весьма скудна и ограничивается некоторыми фрагментами крепости и вестибюля, оба из которых кажутся оригинальными.

Крепость необычна как по расположению, так и по своим деталям. Она прямоугольная или была когда-то, и стоит на вершине кургана. По понятным причинам очень необычно находить прямоугольные опоры, расположенные на искусственных земляных насыпях. В Гилфорде, где это, по-видимому, имеет место, это так лишь частично: башня построена на склоне насыпи так, что по крайней мере одна ее половина опускается к твердому телу. Несомненно, возможно, что здесь, поскольку насыпь имеет лишь умеренную высоту, фундамент может быть заложен под ней; но более вероятно, что это не так, и инженер надежно полагался на огромную ширину своей каменной кладки, чтобы распределить вес и таким образом избежать неравномерного оседания. Обычно, когда крепости возводятся на искусственных насыпях, они имеют ракушечный тип, как в Арунделе.

Эта крепость также необычна в своих деталях. Это была прямоугольная башня, 50 футов к северу и югу и 46 футов к востоку и западу. Ее стены были толщиной целых 11 футов. Здесь нет следов пилястр, а углы скошены, причем поверхность фаски составляет около 6 футов. В настоящее время сохранились только восточная и западная стороны на высоте почти 30 футов, и по ним трудно понять, как было устроено здание. В западной стене есть одно отверстие; на восточной — два, с плоскими сторонами, шириной 8 футов, высотой около 18 футов и спускающиеся до уровня земли. Сверху они закрыты очень плоскими сегментарными

арками — фактически наличниками, - которые смягчаются тупо заостренными, если не круглыми, конструктивными арками в работе непосредственно над такими деталями, насколько их можно увидеть или предположить. Низкие и большие проемы, скошенные углы и отсутствие пилястр совершенно не похожи на то, что обычно бывает в нормандской крепости; хотя, судя по огромной массе и общему очертанию здания, оно вряд ли может быть иным, чем нормандское. Митфорд, в Нортумберленде, хотя и отличается в деталях от нынешней башни, отличается довольно значительно от ординарного типа, и это, безусловно, является Нормана датой. Работа в этом замке сделана из грубого тесана, грубого, но хорошего качества. Возможно, можно было бы обнаружить больше деталей, если бы не густая драпировка из плюща, который на этой стадии своего увядания служит для защиты здания.

Холл, называемый Домом констебля, представляет собой прямоугольное здание площадью 80 футов к северу и югу на 35 футов к востоку и западу, расположенное на краю площадки и возвышающееся над ней, так что его широкая сторона образует часть внешней линии обороны на востоке. В настоящее время он стоит отдельно, но, вероятно, примыкал к навесной стене, от которой, однако, сейчас не осталось и следа. По-видимому, здесь было здание, соединенное с его юго-западным углом.

Здание состояло из подвала и первого этажа. На каждом конце был высокий фронтон, от которого сохранился только южный. Толщина стен составляет 5 футов, а внутренние размеры, следовательно, 70 на 25 футов. Подвал находится на уровне земли и примерно на 1 фут выше верхнего уровня воды, высота которого регулируется люками. Вход из замка находился с западной стороны, в 16 футах от северного конца. Дверной проем, открывающийся на 5 футов, по-видимому, имел сегментную головку, но тесанный пол был грубо удален. На двух концах были петли: та, что с южной стороны, давно закрыта. На восточной стороне, ближе к ее северному концу, расположены две петли. Все эти петли представляют собой простые прямоугольные прорезы, очевидно предназначенные для воздуха, а не для защиты. Каждая расположена в расширенном углублении шириной 4 фута 6 дюймов с сегментарной головкой. Также в восточной стене, в 4 футах от южного конца, есть аналогичное углубление, открывающееся в небольшую дверь, которая вела в башенку гардероба. Далее, к северу от этого, в 12 футах от южного конца, находится дверь, выходящая в воду, шириной 7 футов, с очень плоской аркой, очевидно, оригинальная. Косяки сделаны из тесаного дерева, и их капители имеют своеобразный характер. Очевидно, это были утергейты для подвоза припасов с реки, расположенные здесь, в нескольких ярдах за леером и в нескольких футах ниже него. Башенка гардероба представляет собой выступ площадью 12 квадратных футов, выступающий из восточной стены на ее южном конце, стоящий на выступе и пронизанный снизу круглой аркой, или водопропускной трубой, шириной 4 фута, через которую свободно течет вода и в которую сбрасываются гардеробные. Этот подвал, очевидно, был магазином. Говорят, что его пересекала стена. От нее сейчас не осталось и следа.

На первом этаже располагался холл, занимавший всю его площадь. Главный вход находился в южном конце, недалеко от юго-западного угла, у двери с сегментарной головкой; в северной стене находится окно из двух соединенных светильников, каждый под сегментной головкой, с наружными каплями, и все это помещено во внешнее углубление с круглой головкой, по бокам которого расположены боковые шахты с уклоном. Вверху, не совсем над центром, находится пояс, вырезанный в виде человеческой головы. Головка свода и барабанная перепонка в значительной степени украшены различными формами шевронов, а на фасках меньших выступов очень изящно вырезаны розетки. Несмотря на густую драпировку плющом, из этого окна видно достаточно, чтобы показать, что оно построено в

поздненормандском стиле и очень красивое. В боковых стенах есть окна, похожие по типу, но менее богатые орнаментом, по два в каждом, а вероятно, их было три, на что указывают выемки в плуше. У восточной стены, в 20 футах от северного конца, находятся остатки большого камина, от которого сохранились выпуклая задняя часть и верхняя часть круглого туннеля, а над ним - высокая цилиндрическая дымовая труба, вероятно, оригинальная. Дверь с южного конца этой стены вела в башенку гардероба, которая имела петлю на востоке. В южном фронте также есть круглое окно, выходящее на крышу. Здесь не было сводов; пол и крыша были деревянными, причем последняя открытой.

Вид из Гроуза, сделанный в 1783 году, показывает башенку гардероба на всю высоту боковой стены и огромную дымовую трубу, не увитую плющом. На нем также изображен неповрежденным северо-восточный угол, внутри которого тогда находилась лестница-колодец. Этот угол сейчас отвалился или его убрали, и его сломанные части так заросли плющом и мусором, что ничего не удалось выяснить относительно того, что могло остаться; но, без сомнения, лестница поднималась из подвала на главный этаж, а оттуда на крышу или к опорам занавеса. Во времена Гроуза северная стена была загромождена коттеджем, несколькими дымоходами и другими кирпичными пристройками; сейчас их убрали. Башенка гардероба была самовольно снесена, когда замок перешел из рук в руки в конце прошлого века. В журнале *Gentleman's Magazine* есть письмо с жалобой на это, которое, возможно, положит конец дальнейшим травмам.

Примечательно, что здание, очень похожее на это, находится в замке Десмонда в Адаре, недалеко от Лимерика. Этот замок поздненормандский, с прямоугольной крепостной башней, хотя и не на насыпи, поскольку земля от природы высокая; а прямо под крепостью, на берегу реки, находится ратуша. На первом этаже есть подвал, очевидно, магазин, с отдельным входом, а над ним находится холл с дощатым полом и открытой крышей. Турель *garde-robe* встроена в ручей, имеет водопропускную трубу вниз и практически идеальна. Там сохранились сторожевая башня, холл-хаус и сторожка у ворот, и если бы, как это вероятно, вход в Крайстчерч находился рядом с рекой у подножия моста, взаимное расположение зданий было бы таким же. Превосходный план замка Десмонда, как и многое другое ценное, можно найти в "Памятниках Адара" лорда Данрейвена.

Замок Крайстчерч не был ареной каких-либо примечательных событий, и его название не занимает сколько-нибудь заметного места в истории страны или даже графства. Впервые поместье было отчуждено от короны Генрихом I. в пользу Ричарда де Редверса, которого он провозгласил графом Девонским. В "Монастиконе" (vi., 304) напечатано дарование или подтверждение этим графом каноникам Крайстчерча "террамоны в аквамарине Гавени, вопрос между храмом и окаменелостью кастелли, послание сверх ипсиуса кастелли окаменелости, куд обитанию экс доно Гамелини". Это первое упоминание о замке, и сделано оно раньше 1137 года, в котором умер граф Ричард. Поскольку каменная кладка замка выглядит двадцать или тридцать лет спустя, намек может быть на земляные валы или более старый замок; а нынешнее здание может быть работой Болдуина, второго графа, который выдал хартию того же действия, что и его отец, подтверждающую земли между церковным двором и рвом замка (*там же.*, vi., 303). Граф Болдуин умер в 1155 году. В списках парламента упоминается Джон Рэндольф, бывший судья, который был смотрителем замка во времена Генриха I. Сыном и преемником Болдуина был граф Ричард, который подтвердил свои дары и умер 8 Генриха II 1161 года, оставив Болдуина, четвертого графа, который умер бездетным, и ему наследовал его брат Ричард, пятый граф, который также умер бездетным. Наследником был Уильям по имени Де Вернон, шестой граф, брат Ричарда, третьего графа, и дядя двух последних графов. Он процветал во времена правления Ричарда I и Джона.

Вероятно, во время этих переходов корона вступила в роль *custos*, поскольку в заявлении перед Curia Regis в 1194 году некий Роджер Уоспейл утверждает, что захват определенных земель был передан ему графом Джоном “в верра суа дум фьюит в Кастелло-де-Кристешерче”. Чуть позже, когда граф Уильям вступил во владение, король (2 Иоанна) подтвердил соглашение, заключенное Уильямом де Верноном, графом Девонским, по которому замок Плимpton, обладатель этой чести, должен был перейти к его старшей дочери, а Крайстчерч и остров Уайт - к Джоан, младшей. Джон был в Крайстчерче, либо в монастыре, либо в замке, 13 декабря 1201 года. Вероятно, этот акт был составлен до рождения Болдуина, сына графа, или когда предполагалось, что Болдуин умрет бездетным. Как бы то ни было, это не возымело действия, поскольку, хотя Болдуин умер раньше своего отца, у него остался сын, Болдуин, седьмой граф, который также был графом острова Уайт.

В 1210 году король снова был в Крайстчерче, направляясь из Кларендона в Кэнфорд. Болдуин умер в 1245 году, оставив сына, еще одного Болдуина, восьмого и последнего графа из дома Редверов. Он умер 47 Генриха III, 1262-1263 гг., и описан как Болдуин де Лайл, граф Девон, и умер, завладев поместьем Крайстчерч. Из “Теста де Невилля” явствует, что он владел этим поместьем “*de veteri feoffamento*”, по какой службе, не указано.

Наследницей графа стала его сестра Изабель, вышедшая замуж за Уильяма де Фортибуса, графа Альбермарла, который умер в 1260 году. Изабелла унаследовала все поместье с возвращением Крайстчерча, который перешел в приданое графине Маргарет. Графиня Изабелла умерла до 1269 года, оставив одного ребенка, Эвелин, которая вышла замуж за Эдмунда Краучбека, сына Генриха III. Она умерла бездетной, унаследовав Крайстчерч после смерти графини Маргарет в 20 году правления Эдуарда I. В этом же году она также умерла, подарив или завещав Крайстчерч и некоторые другие части графства королю, которым в 1299 году 27 Эдуарда I. “*Castrum de Cristeschurche de Twynham cum burgo et Manerio de Westovre et Hundrodo de Cristeschurche*” были переданы как часть приданого королевы Маргарет. На эти владения, как часть графства Девон, в 1315 году 8 и 9 Эдуарда II претендовал Хью де Куртенэ, как генеральный наследник графини Изабель, но безуспешно. Замок перешел к Эдуарду III, который поместил в него Томаса Уэста в качестве настоятеля.

На третий год правления король пожаловал сэру Уильяму де Монтакуту, впоследствии графу Солсбери, замок и район Крайстчерч-Твинам, поместье Вестовр и Сотню Крайстчерч. Граф умер в таком состоянии, и его завещание датировано Крайстчерч-Твинам 20 апреля 1397 года. За исключением кратковременной конфискации графом Джоном Генриха IV, замок оставался в Монтакуте до тех пор, пока граф Томас, который умер в 7 году Генриха V., не оставил его своей дочери и наследнице Алисе, которая вышла замуж за Ричарда Невила. Вероятно, это считалось мужским феодалом, поскольку в 32 году Генрих VI. было предоставлено в аренду на двенадцать лет поместье, округ и сотню земель Ричарду, графу Солсбери, по праву леди Элис, его жены, в обмен на красную розу. Арендное право, по-видимому, было расширено и в конечном итоге преобразовано во фригольд, поскольку поместья Крайстчерч принадлежали сыну Ричарда и Алисы, создателю королей Уорику, и перешли к его старшей дочери и сонаследнице Изабель, которая вышла замуж за Джорджа, герцога Кларенса. Их сын, Эдвард, граф Уорик, владел Крайстчерчем до своей конфискации и смерти, после чего (5 января Генриха VIII.) его поместья и титул Солсбери были переданы его сестре Маргарет, казненной в 1541 году, и которая после ее смерти или конфискации владела поместьем, замком, районом и сотней Крайстчерча, которые затем перешли к короне. Именно по происхождению от графини Маргарет, через ее внучку Кэтрин Поул, наследники баронств Гастингс теперь претендуют на часовню, возведенную в честь их

предка Плантагенетов в приоратской церкви. Они, без сомнения, являются главными наследниками; наследник мужского пола - граф Хантингдон.

От Генриха до Джеймса Крайстчерч оставался в ведении короны. Последний суверен передал его попечителям в пользу принца Чарльза, откуда он перешел на продажу в разные руки и, наконец, был приобретен сэром Джорджем Роузом в 1790 году. Теперь это собственность лорда Стратнейрна.

Здания монастыря стояли к югу от церкви, и от них сохранились лишь скудные следы. На юге и востоке сохранились значительные фрагменты ограждающей стены, а также фрагменты двух башен с фресками и ворот. В низине на юго-западе, на краю заболоченной земли, называемой "КУОМПС", сохранились следы большого пруда с рыбой. За мельницей находятся "монастырские луга". На щитах поясов, заканчивающих выступающий камень западной двери башни, изображено, декстер, то, что, по-видимому, является "крестовым переходом" в честь де Фортибуса; и, зловещий, Монтакут, расквартировывающий Монтермера.

ЗАМОК КЛИФФОРД, ХЕРЕФОРДШИР.

ЗАМОК КЛИФФОРД расположен к западу от самой западной из крепостей, которыми защищена линия реки Уай, пересекающая графство Херефорд, и которые, по-видимому, были построены, некоторые задолго до, некоторые незадолго до, а другие вскоре после нормандского завоевания, для защиты этого плодородного приобретения от вечно агрессивных валлийцев Брекнока и Рэднара.

Еще в первой четверти IX века саксы под предводительством Эгберта привели Уэльс к номинальному подчинению. И этот великий принц, завоевав Мерсию и установив власть над всей Англией, не исключено, что укрепил границу Мерсии и саксонские приобретения в целом на валлийской стороне; и к этому периоду, что не маловероятно, могут быть отнесены такие земляные укрепления, как в Кардиффе, Каэрлеоне, Шрусбери, Олд-Рэдноре, а также построенные и ныне частично разрушенные в Херефорде и полностью в Вустере: земляные укрепления, которые по своим основным чертам напоминают те, что были возведены в начале десятого века в Татбери, Тэмворте и Лестере французами. Эдвард старший и его сестра Этельфлед.

Но, что бы ни было сделано потом, совершенно очевидно, что во время правления Исповедника несколько его нормандских фаворитов поселились в Англии, и что среди них Ричард Фиц-Скроб владел землями на севере Херефордшира, и там он основал замок Ричарда и дал ему название. Поскольку этот замок был большой причиной для оскорблений, он, вероятно, чем-то отличался от укрепленных деревянных домов английских танов и вполне мог быть каменным по восходящей нормандской моде. Это, безусловно, было место со значительной силой, и оно было полезно во время вторжения принца Гриффита в 1052 году. Эта мода, вероятно, не распространилась среди англичан, ибо, когда тот же принц вторгся в Арченфилд и сжег Херефорд-сити в 1055 году, он, по-видимому, без особых трудностей проник в укрепленное место, или Гаер, которым оно защищалось, и частями которого, без

сомнения, были еще сохранившиеся насыпи и рвы, а также насыпь, которая, как известно, была снесена. Гарольд отвоевал и укрепил город в 1056 году.

Херефордшир был в то время, да и много лет спустя, одним из самых ценных и наиболее угрожаемых английских приобретений на границе с Уэльсом. До нормандского завоевания он находился под сильным влиянием графа Гарольда, который отбросил валлийцев от Раддлана до Глостера и Чепстоу, хотя и не смог помешать Карадоку ап Гриффиту разрушить охотничью резиденцию в ходе строительства храма Исповедника в Портскьюете. То, что Гарольд поощрял создание укрепленных мест на этих рубежах, совершенно очевидно, поскольку из небольшого числа замков, зарегистрированных в отчете Domesday Survey, не менее десяти названы стоящими на границах Монмута и Херефорда: а именно, Вигмор, Клиффорд, и Чепстоу, из которых Вигмор считается одной из старейших наград в королевстве; Монмут; Эвиас, основанный до Завоевания и отремонтированный до Domesday Алуредом де Марлебургом; Авретон; Каерлеон, известный своими римскими стенами и крепостными стенами. гора; Замок Феррарс; Хердесли; Уотерлиай. Эти и несколько других, не упомянутых в Обзоре, но существовавших в то время, были укреплены и удерживались нормандскими захватчиками.

Замок Клиффорд стоит на правом берегу реки Уай, у подножия одного из тех коротких, крутых изгибов, которые так часто встречаются на протяжении этой реки и которые так сильно подчеркивают ее красоту. Он венчает утес из красного песчаника примерно в 150 футах над ручьем и недалеко от него. Откос, естественно крутой, недавно был сделан искусственно еще круче, чтобы обеспечить проход железной дороги Брекон-Херефорд между замком и рекой. Утес представляет собой часть возвышенности длиной около полумили, образованной продолжительным течением реки в виде полулунной фигуры. Самая высокая часть этого холма превращается в узкий язык широким и глубоким оврагом, который спускается с севера почти параллельно реке Уай и заканчивается на берегу реки. Таким образом, длинный, сужающийся кряж изолирован между оврагом и рекой, и на нем стоит крепость. Овраг ограничивает горный хребет с юга и востока, а естественная впадина небольшой глубины пересекает его на широком северном конце. Промежуточную часть пересекают два искусственных поперечных рва, которые тянутся от реки к оврагу глубиной около 100 футов, но все еще значительно выше уровня обоих.

Центральная и самая высокая часть, изолированная таким образом, содержит внутреннюю обитель; к югу от нее очень небольшое, но прочное разделение образует внешнюю обитель; а на севере находится более низкое, но более широкое пространство внешней обители, таким образом, все три расположены в линию.

Внутренний двор, от которого единственного сохранились какие-либо здания, имеет примерно четырехугольную форму, площадью около 100 квадратных футов. Вдоль западного фасада, или фасада у реки, расположены холл и гостиная. На южном фасаде находится полукруглая башня и занавес. Восточная сторона, или овраг, разрушена до уровня земли, как и почти весь северный конец, в котором находилась сторожка. Зал размером 20 на 40 футов находился на втором этаже. Под ним находился склад или подвал, от которого исчезли восточная и южная стены. Его вход и любой свет, который в нем мог быть, вероятно, были со стороны двора или восточной стороны. В зале был деревянный пол. Он освещался тремя окнами в западной стене, или стене у реки. От одного из них сохранилась ниша с довольно низкой стрельчатой аркой. Дверь в северной стене вела в гостиную, а еще одна в южном конце - в башню с фресками. Восточная и южная стены исчезли. Гостиная занимала изогнутый угол палаты между холлом и домиком у ворот; под ней был цокольный этаж. Южный конец зала, как и западная сторона, представлял собой наружный занавес. Он

примыкал к полукруглой башне диаметром 30 футов со стенами толщиной 9 футов и стеной ущелья толщиной 5 футов, расположенной на одном уровне с внутренней стороной занавеса. У этой башни, по-видимому, был подземный этаж, который сейчас засыпан. В подвале есть дверь со двора, в ущелье; еще одна дверь с западной стороны, вероятно, задняя, и две петли с широкими нишами, открывающиеся в сторону поля. На верхнем этаже также были две петли, выходящие в поле, окно в ущелье и с каждой стороны по двери, одна из которых вела наискось в холл, а другая - в комнату с фресками за занавеской, в которой находился двойной гардероб. Полы были деревянными. Здесь нет ни лестницы, ни камина.

Занавес обрывается под юго-восточным углом, где он, кажется, расширяется и, вероятно, упирается в башню. В нем находится настенная камера, гардеробная, одиночная, на уровне первого этажа, которая, очевидно, открывалась из разрушенной башни. Два упомянутых гардероба открываются наклонными побегими в стене, примерно в 5 футах от земли, без какого-либо выступа. Поскольку весь восточный фронт или овраг исчез, трудно сказать, были ли башни под юго-восточным и северо-восточным углами; вероятно, были и круглые. На северном фасаде есть два круглых углубления, очевидно, на месте двух башен надвратной башни, а между ними находится вход. Она ведет из внешнего двора и пересекает ров по земляной насыпи шириной около 6 футов вверху, подъем по которой от противоположного края рва к порталу очень крутой. Дамба выглядит оригинальной и была выложена камнями по краям. В конце этого рва, там, где он выходил на берег реки, его пересекает завеса толщиной 6 футов, предназначенная для того, чтобы помешать врагам подползти к берегу реки и напасть врасплох на соседние ворота. Высота этого занавеса сейчас составляет около 6 футов, а раньше, вероятно, было 25 или 30 футов.

Надворную постройку, расположенную к югу от внутреннего двора и отделенную от него очень узким, но глубоким рвом, нелегко объяснить. Это окончность гребня треугольной формы со стороной 60 футов, ровная, без каких-либо следов земляных работ или каменной кладки. Три откоса действительно очень крутые, с довольно острым и чистым срезом, мягкая скала покрыта превосходным твердым дерном. Эта надворная постройка находится в опасной близости от внутреннего двора и на такой высоте, что она, должно быть, была занята частоколом или деревянным сооружением. Это очень любопытная работа.

Внешняя стена, расположенная на северном конце или у корня хребта, на 60 или 70 футов ниже и намного шире внутренней. Его защитой с юга является поперечный ров, через который проходит дамба, ведущая во внутренний двор; с запада находится речной утес высотой от 80 до 90 футов; а с востока и севера крутой уступ, частично из красного камня, частично заклепанный в каменную кладку, глубиной от 10 до 20 футов. За ним находится верхняя часть оврага и естественное углубление, соединяющее овраг с берегом реки. Этот участок представляет собой нечто среднее между квадратом и кругом и около 300 футов в диаметре. Очевидно, он был защищен занавесом, вероятно, низким, с восточной и южной, или открытых, сторон, и земля, обычно ровная, поднимается своего рода пандусом к тому, что кажется остатками стены. Этот пандус отсутствует на речной и южной сторонах, которые, будучи прикрыты рекой и приречным округом, вероятно, были только обнесены частоколом. Примерно в центре восточного фасада находится невысокая насыпь, по-видимому, фундамент круглой фресковой башни.

Углубление в земле в центре южного фасада указывает на то, что там находился внешний вход; а на полпути между ним и дамбой, ведущей во внутренний двор, находятся две длинные кучи земли и камней с проходом между ними. Они очень напоминают остатки длинной надвратной будки между внешними и внутренними воротами; но если это так, то

она, должно быть, находилась в середине стены, разделяющей внешний двор на два, от которой не осталось и следа.

Эта внешняя защита, никогда не отличавшаяся особой прочностью, очевидно, предназначалась для приема сельских жителей и скота во время набегов валлийцев. Земляные укрепления, хотя и глубже и шире, чем норманны обычно сооружали для такой маленькой крепости, не имеют ничего общего с британскими или саксонскими работами и, вероятно, не старше Завоевания или предшествующего ему правления. Но из существующей масонской кладки ни одну нельзя с уверенностью назвать нормандской. Стены сложены из некачественного и грубо обтесанного щебня; от тесаного камня не осталось ничего, кроме жирного кордона или бортика, который проходит по верху нижней или разрушающей части стены, и он не обнесен со всех сторон. Арки фресковой башни имеют плоскую форму. В целом, общий вид зданий указывает на правление Генриха III, и ни одно из них не кажется более древним. Конечно, никаких явно нормандских работ не видно.

Канавы были практически сухими, хотя, возможно, в них попадало и удерживалось больше или меньше наземных вод.

У основания склона надворной постройки овраг был углублен для прямоугольного пруда, вероятно, для тушения рыбы, и на раннем рисунке изображена собиравшаяся здесь вода.

При взгляде с внутренней стороны на реку, прямо над замком, отчетливо видна линия старого мельничного леата, ныне зеленого рва, и небольшой выступ, на котором, должно быть, стояла замковая мельница. Рябь на реке, здесь несколько расширенная, указывает на брод; а напротив, на краю широкого участка низменного луга, находится деревня Кабалва, что по-валлийски означает "брод для лошадей". Таким виден с одного ракурса утес и брод, которые под саксонским владычеством дали название приходу и от которых одна из самых знаменитых английских фамилий получила свое название.

Клиффорд, хотя и был колыбелью великой расы, мог представлять ценность только в то время, когда Херефордшир был небезопасным владением. С заселением страны при Эдуарде I. она, вероятно, вышла из употребления и пришла в упадок. Он слишком мал и к нему слишком неудобен доступ, чтобы им можно было владеть, за исключением соображений безопасности; и такая история, какую он имеет, относится к очень раннему и воинственному периоду.

Считается, что замок наряду со Стригилом или Чепстоу, Эвиасом и Вигмором был основан Уильямом Фиц-Осборном, одним из сподвижников Завоевателя и первым нормандским графом Херефордширским. Он был убит в 1070 году, а его третий сын, Роджер де Бретуй, унаследовавший его английские земли, лишился их еще до опроса Domesday, когда замком владел Ральф де Тони, который, по словам Дагдейла, женился на Алисии, одной из дочерей Роджера. Как бы то ни было, на момент Обследования он владел замком Клиффорд и умер в 1102 году.

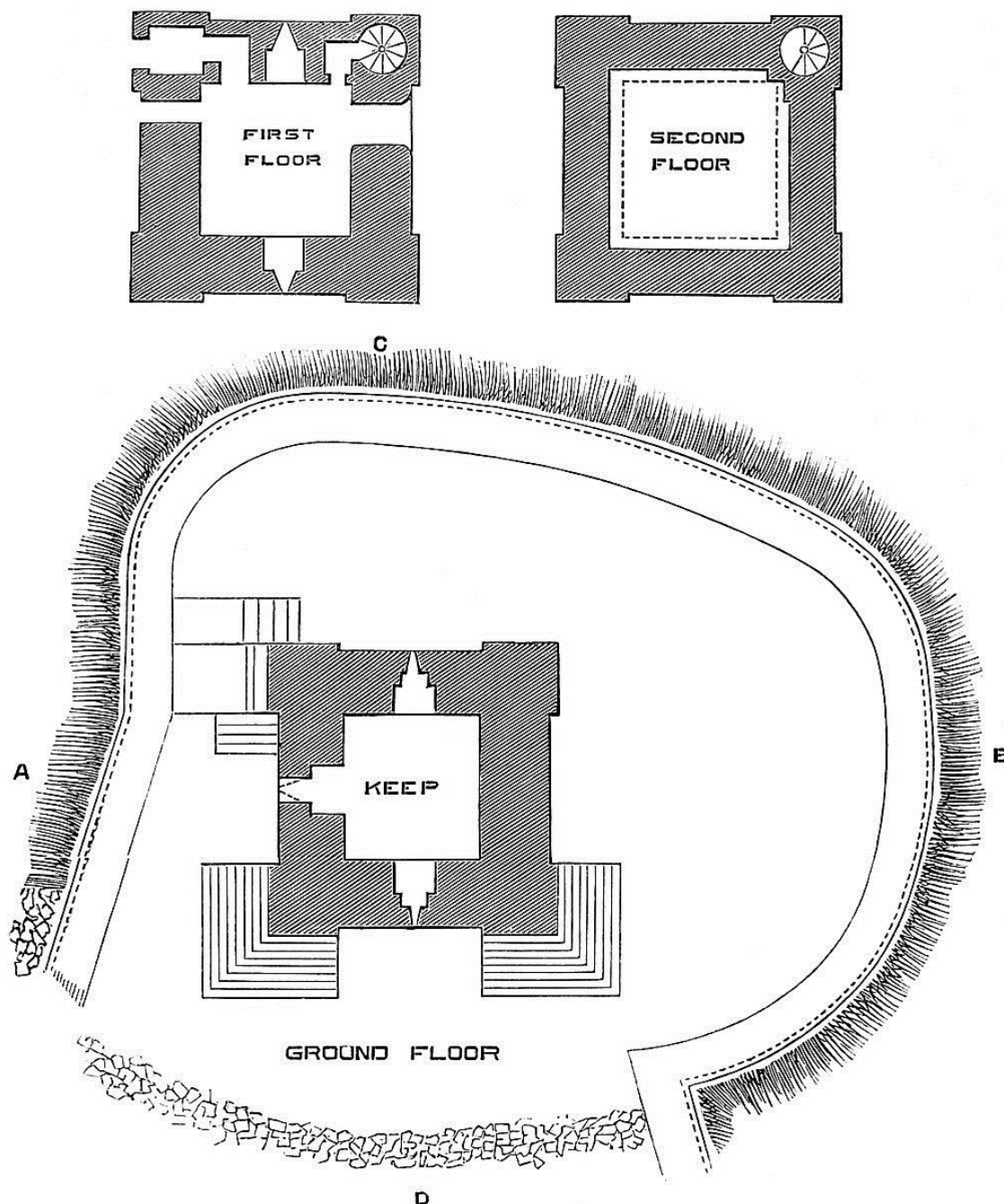
Как замок перешел к Де Тони, неизвестно, но здесь воссел Саймон, сын Ричарда Фитцпонса, и основал монастырь, и, по словам Дагдейла, он и его брат Ричард приняли фамилию Клиффорд. Уолтер де Клиффорд, сын Ричарда, был великим бароном-походником и жил в 1165 году. Его сын, Уолтер второй, был еще более могущественным бароном. Он умер в 1222 году, женившись на Маргарет, дочери Ллевелина, принца Уэльского, и был отцом третьего Уолтера и Роджера, предка великого дома Клиффордов, графов Камберлендских. Вполне возможно, что он был строителем существующего замка.

Уолтер, умерший в 1263 году, замкнул старшую линию. Мод, его наследница, как говорят, вышла замуж, во-первых, за Уильяма де Лонгспи, графа Солсбери, а, во-вторых, за Джона Гиффарда из Бримсфилда, который владел, вероятно, при ее жизни замком Бранлесс, поместьем Гласбери, а также поместьем и замком Клиффорд, которые были конфискованы после его смерти. 27 Дочь Эдварда I. Мод от Лонгспи вышла замуж за Генри де Лейси, графа Линкольна, и, вероятно, после смерти своей матери она получила свое наследство, поскольку в ходе инквизиции, возбужденной против Де Лейси и его жены, 4 Эдуард II., поместье и замок Клиффорд включены в список. Вероятно, теперь замок перестал иметь значение, поскольку в инквизициях он больше не встречается. Обычно это место не считается капутом Чести; но инквизиция Гиффарда упоминает его арендаторов в качестве рыцарей службы, а Джон де Солар, 4 Эдуарда II, владеет поместьем Понтелейе “Честь Клиффорда” в графстве Глостер, которое в те дни не всегда отличалось от других частей марша.

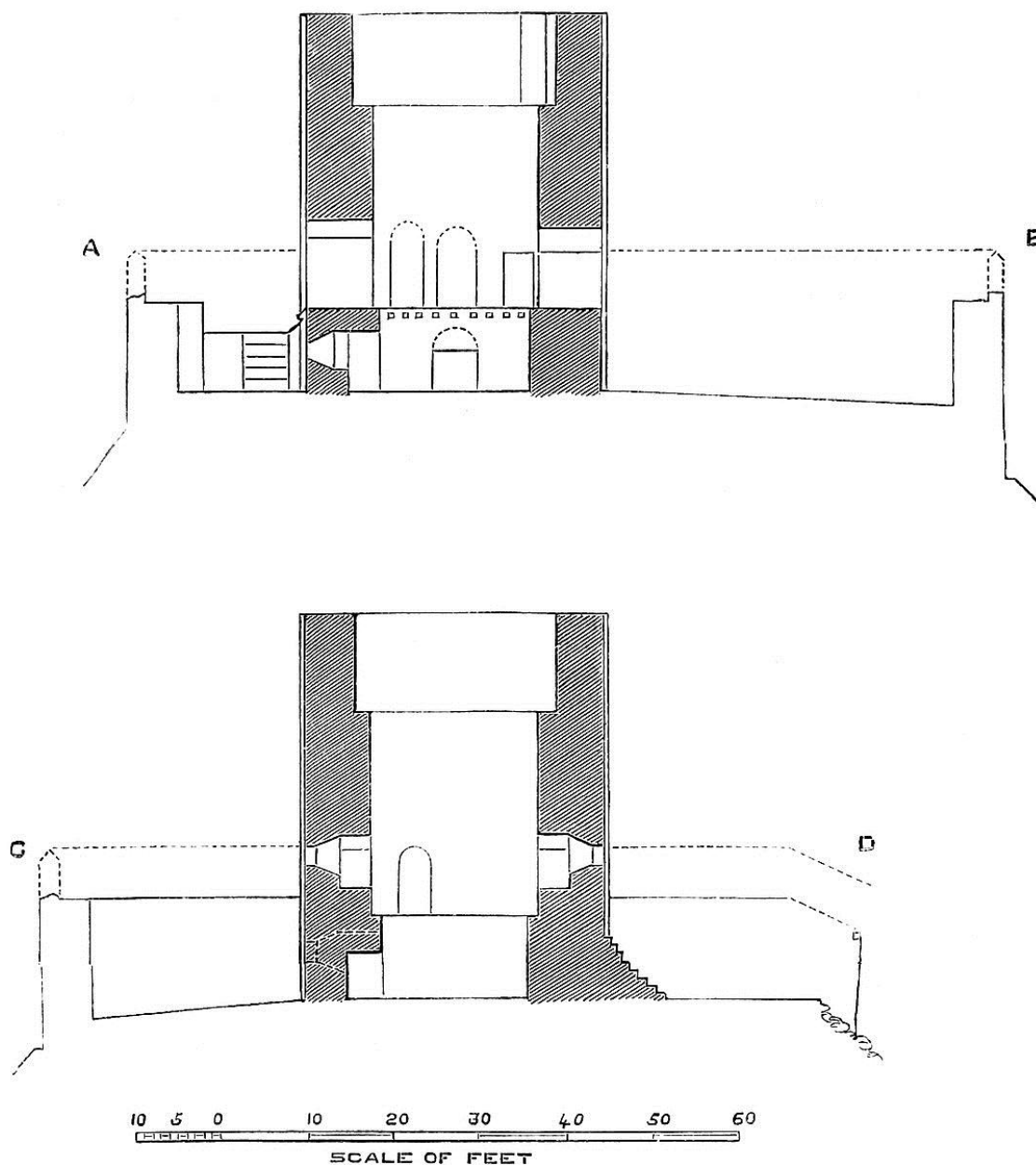
Церковь Клиффорда не проливает света ни на архитектуру, ни на владельцев замка. Башня, значительных размеров и солидного вида, может быть умеренно старой, но остальная часть здания была перестроена церковным старостой в манере, распространенной в 1836 году, при этом крыши, однако, сохранились. Кроме того, от старого здания сохранился хороший крест в форме крышки гроба по кругу, весьма неразумно расположенный в качестве выступа у северной двери; купель, или, скорее, восьмиугольная чаша одной из них, вероятно, украшенная датами; а в алтаре, свободно стоящее на полке, очень красивое изображение священнослужителя в натуральную величину, облаченного в рясу и тонзуру, смело выполненное из дерева и заслуживающее лучшего ухода.

ЗАМОК КЛИТЕРО, ЛАНКАШИР.

Замок Клитеро, главная резиденция древней и обширной империи, хотя и один из самых маленьких, является, пожалуй, самой сильной, старейшей и по своему положению одной из самых замечательных крепостей Ланкашира. Он расположен на левом, или восточном, берегу реки Рибл, здесь проходит граница между Йоркширом и Ланкаширом, в трех четвертях мили от ручья и примерно в 130 футах над ним. Он занимает вершину и верхнюю часть известняковой скалы, которая, местами обрывистая и очень крутая на своем северном склоне, падает, в зависимости от наклона скалы, менее круто на юг или юго-запад. Следовательно, северная точка была выбрана для крепости и верхней палаты, а также для нижней палаты, которая подходит к обочине и спускается на юг. Римская дорога из Манчестера через Скиптон в Йорк поднимается по долине примерно в полумиле к востоку от скалы, которая вряд ли могла быть заброшена как военный пост кем-либо, кто владел этим районом не в очень мирные времена. Город Клитеро вырос у подножия скалы на северо-востоке.

Крепость находится внутри, но близко к восточной стороне, небольшой округлой площадки размером примерно 80 на 90 футов, заключенной в навесную стену, которая огибает край скалы. Толщина этого занавеса составляет 6 футов, высота внутри - 12 футов, а снаружи - от 14 до 20 футов. Контур, который, без сомнения, был завершен, прерывается примерно на 70 футов с южной стороны. Это ширина горловины, с помощью которой верхняя палата была соединена с нижней, и занавес на каждом конце щели простирается на юг и юго-восток вниз по крутизне, чтобы охватить последнюю. Таким образом, не хватает только внешнего занавеса, только внутренней и поперечной стены между двумя палатами. Открытое пространство представляет собой крутой выступ из неровной, разбитой скалы. Вероятно, наверху была поперечная стена и дверной проем, а снизу к нему вел узкий лестничный пролет.

Крепость сложена из грубого бутового камня, с облицовкой из ясеня. У него нет ни цоколя, ни выступа, ни струн, и он сохраняет свои внешние размеры до вершины. Каждый угол увенчан двумя пилястрами шириной 9 футов и выступом 11 дюймов. Они соединяются под твердыми углами. Два южных угла поддерживаются экстравагантно большими низкими контрфорсами современной постройки, но говорят, что им предшествовали контрфорсы, в чем-то похожие, хотя и гораздо более изящного характера.

Крепость имеет площадь 33 квадратных фута и около 43 футов в высоту. Стены имеют толщину 8 футов у основания и, следовательно, окружают помещение площадью 17 квадратных футов. Это цокольный этаж, расположенный на уровне земли. Его высота составляет 9 футов, а пол, который покрывал его сверху, а теперь исчез, опирался на девять балок и поэтому был чрезвычайно прочным. Северная, южная и западная стены пронизаны петлей, установленной в круглом углублении шириной 5 футов и высотой до пружины 5 футов. Две из этих петель были превращены в открытые проломы, а третья, расположенная к северу, была замурована, а углубление закрыто плоской перемычкой. На этот этаж, должно быть, можно было попасть из комнаты наверху по люку и лестнице. Это был, как обычно, склад, ценность этих крепких маленьких башен зависела от того, были ли они хорошо снабжены.

Первый этаж опирался на отступ в фут, и поэтому его площадь составляла 19 квадратных футов, а толщина стен - 7 футов. Высота - 23 фута. На северной и южной стенках у него есть небольшие петли с квадратными головками, размещенные в круглых углублениях с отверстиями 4 фута 6 дюймов. На его западной стороне, недалеко от северного конца, находится дверной проем шириной 2 фута 10 дюймов и высотой 8 футов с круглым выступом. В северной стене, с каждой стороны петли, находится дверь. Один из них, с плоским верхом, с отверстием 2 фута 6 дюймов и высотой 6 футов, ведет через небольшой вестибюль с фресками размером 4 фута 8 дюймов на 3 фута 2 дюйма, к лестнице-колодцу диаметром 7 футов, которая занимает северо-восточный угол и, начиная с этого уровня, поднимается к зубчатым стенам по пятидесяти четырем ступеням. Другая дверь, открывающаяся на 2 фута 11 дюймов, высотой 8 футов и округлой формы, ведет по проходу, изогнутому под прямым углом и имеющему бочкообразный свод, в простую фресковую камеру размером 7 на 5 футов, также с бочкообразным сводом, и в западной стене которой, без сомнения, была петля. Эта стена, однако, сейчас разрушена, так что помещение во многом напоминает вестибюль, которым оно, безусловно, не было.

Второй, или самый верхний, этаж опирается на отступ в 2 фута и, следовательно, имеет площадь 23 квадратных футов, со стенами толщиной 5 футов и высотой в настоящее время 11 футов. Достаточно странно, что на нем нет никаких следов какого-либо проема в стене, как будто его добавили в наше время исключительно для эффекта, что, однако, похоже, не так. Лестница, однако, определенно была отремонтирована и, без сомнения, изначально вела на этот этаж. Стена под внутренним углом несколько утолщена, чтобы освободить место для лестницы. Стены, возможно, были на фут или около того выше, но вряд ли больше. Парапета нет, и, вероятно, он был еще футов 5. Северо-восточный угол, по-видимому, заканчивается небольшой квадратной башенкой.

Главный вход, очевидно, находился на втором этаже, в восточной стене, куда вела внешняя лестница, пристроенная к стене и поднимающаяся с южного торца. Это видно по расположению и размерам дверного проема, а также по отсутствию петли на этой стороне подвала, где она была бы перекрыта лестницей.

Маленькая дверь в западной стене того же этажа, по-видимому, вела на крепостной вал соседнего занавеса, находящийся всего в 11 футах от башни. Такие двери есть в Арке и в Рочестере, а также в Хелмсли и Адаре. В этом замке нет ни камина, ни гардероба, ни каких-либо украшений.

Нижний приход был настолько переделан для бытовых целей и так застроен, что стал очень незаметным. Он был по меньшей мере в восемь или десять раз больше площади верхнего отделения и спускался на 280 футов вниз по склону, при крайней ширине в 150 футов. Современный жилой дом построен на юго-восточной стороне и, без сомнения, представляет собой часть старых хозяйственных построек и, вероятно, содержит их в себе. Бак показывает южный фасад этого прихода и большую круглую башню на одном из углов, которые сейчас не видны.

Удобный подъем огибает подножие западного выступа, или, скорее, утеса, на котором он стоит, и начинается в верхнем конце нижнего квартала, прямо под крепостью. Это, однако, вероятно, современно. Старый путь, по-видимому, представлен дорогой из города, которая поднимается с другой, или восточной, стороны.

Примерно в фарлонге к югу от замка и намного ниже него находится крутой прямой земляной вал с внешним рвом, вероятно, флигелем, прикрывающим подножие холма.

Замок является собственностью герцога Баклю, чей управляющий в честь Клитеро проживает здесь и позволяет посетителям беспрепятственно входить в крепость. Основная рента и авторские отчисления за эту Честь принадлежат герцогу и, как говорят, являются ценными. Все аккуратно сохранено и находится в настолько основательном состоянии, насколько это вообще возможно; но похвальное рвение его светлости, безусловно, немного портит ткань, которую оно сохраняет, и следует сожалеть, что новую работу не удалось более четко отличить от старой.

Имя Клитеро, хотя оно, очевидно, древнее и, как говорят, частично британское, не встречается в "Страшном суде". Уиттакер придерживается мнения, что это место входит в состав Бернулфесвика, ныне Бернольдсвик, прихода примерно в шести милях к северо-востоку от замка, и что оно упоминается как Кастельри Роджера Пиктавенского или Пуату. Утверждается, что "в Бернулфесвике Гарнель владел двенадцатью карукатами, выплачивая гельд Беренгеру де Тодени. Поместье находится в Кастельри Роже Пуатевена". Обычно Роджера отождествляют с замком Ланкастер, но в то время замок Ланкастер еще не был построен, и это лордство не принадлежало Роджеру. Роджер был крупным арендатором в графствах Честер, Дерби, Ноттс и Линкольн. В Йоркшире и Ланкашире он тогда владел немногими землями. Лорд месне, де Тодени, был одним из членов семьи, у которой был Бельвуар; Дагдейл говорит, что сын Роберта де Тодени, который его построил. Он больше не появляется в связи с этой частью Англии.

Считается, что Роджер передал гонорар Роджеру де Буйсли, от которого или от Альберта Гресли он перешел к Де Лейси из Понтефракта, лордам Блэкберншира, о которых Роберт де Лейси, как говорят, узнал от Де Буйсли. Этот Де Лейси, история которого относится к Понтефракту, считается основателем замка Клитеро во времена правления Генриха I. И, конечно же, здание построено не позднее. С этого времени Клитеро разделял с Понтефрактом честь быть резиденцией власти Де Лейси и оставался таковым до тех пор, пока их поместья не объединились в графство и герцогство Ланкастер, а это снова в корону. Основатель, вероятно, также пожертвовал часовню Святого Михаила в замке, вероятно, в нижнем приходе, которая упоминается во времена правления Генриха I. Однако претензия на то, что эта часовня предназначена для приходской церкви, хотя это здание никогда не могло находиться в замке.

Клитеро, как и другие сильные места в Ланкашире, удерживался королем в ходе парламентской борьбы, и в 1649 году было приказано разобрать замок.

Карл II подарил замок и честь генералу Монку, чей сын, Кристофер герцог Албемарль, оставил его своей жене, леди Элизабет Кавендиш, которая снова оставила его своему второму мужу, Ральфу герцогу Монтегю, от которого он перешел к нынешнему владельцу.

ЗАМОК И БАРОНСТВО КЛАН, ШРОПШИР.

Церковь, деревня и замок Клюбн расположены недалеко от центра просторного амфитеатра высоких, но плодородных холмов, вершины и верхние склоны которых покрыты молодыми и пышными плантациями, в то время как в нижних частях иногда встречаются одиночные деревья, главным образом дуб, вяз и бук, огромных размеров и преклонного возраста, реликвии древних владений, которые все еще выделяются среди живых изгородей, которые, хотя часто и большого размера, все относятся к периоду огораживания и культивирования.

По этой богатой и улыбающейся земле, среди деревушек, церквей, поместий, фермерских домов и коттеджей, с частыми садами и огородами, зелеными пастбищами и корнеплодами, а также колышущимися кукурузными полями, река Клан течет своим извилистым течением, придавая жизнь и плодородие пейзажу, который, действительно, повсюду пропитан атмосферой мира и - возможно, довольно ленивого-процветания.

Древний Ключенский лес покрывал обширную возвышенность, простиравшуюся радиусом около пяти миль к северу и западу от резиденции баронства. Его граница проходит по графству Салоп и проходит вдоль возвышенного хребта, который от Бишопс-Моут на востоке до Кастель-сефф-фрон на западе отделяет это графство от Монтгомери, а залив Клуна - от залива Хафрен, или Верхнего Северна. От этой последней реки горный хребет отделен примерно пятью милями, а лежащая между ними местность гористая и изрезанная. Естественное разделение, частично, усилено искусственным сооружением, известным как Сэсон-бэнк, и расположено значительно западнее дамбы Оффы, которая, здесь очень совершенная, проходит с севера на юг примерно в трех милях к западу от Клуна и, таким образом, делит лес и баронство пополам. Какое из этих земляных сооружений является более ранним, сомнительно, но, вероятно, это Дамба. С берегом Сэсона под прямым углом к нему соединяются два коротких отрога, возраст и назначение которых не очень очевидны.

Лес никогда не был особенно густым в своих верхних и наиболее открытых частях, но то, что он всегда был малонаселенным, очевидно из того факта, что в нем всего одна приходская церковь, церковь Мейнстоуна, которая стоит на самой линии Дамбы, примерно в шести милях к северу от Клуна, на берегу небольшого ручья Ффридд. Из его особого положения можно сделать вывод, что он расположен позже Дамбы.

Русла леса образуют четыре довольно значительных ручья, которые в конце концов соединяются в реку Клан, которая оттуда спускается на восток по глубокой и довольно узкой долине мимо Клантона, Кланбери и Кланганфорда к Лейнтуордину, где, пройдя около двенадцати миль, впадает в Тему, реки Ладлоу и Тенбери.

Баронство Ключен, называемое также Честью и Сотней, было более обширным, чем лес, и включало земли более заселенного характера на востоке и юге. Обли, Пентреходр, Хобендрид, Хоббарис, Ларкенхоуп, Эйлстон и Манултон входили в состав поместья Клан, которое было таким же обширным, как и Сотня; а в "Уэльсе" к нему были присоединены деревушки Адердели и Биктон, Ходикот и Ньюкасл. По-видимому, в двенадцатом веке здесь было пять деревень и подмосковных поместий, городской округ Ключен и поместье Темпсетт. Клуна также был церковным центром. Его благородная приходская церковь Святого Георгия была установлена над часовнями святого Томаса Ключенского, Святой Марии Уотерденской, Святого Суитона Кланбери, Святой Марии Клантонской, Святой Марии Оппертонской и часовнями Эджтона и Сибдона. Все они были присоединены к великому аббатству Уэнлок. Многие из этих часовен стали независимыми приходами, а Сотня Клуна исчезла как подразделение графства, будучи поглощенной сотней Перслоу. В 1837 году Актом парламента было огорожено 8600 акров старого леса, а в 1869 году - еще 1700.

Примерно на фарлонг ниже того места, где собирающиеся воды из леса соединяются, образуя Клуна, этот ручей, имеющий там значительный объем, делает резкий и внезапный изгиб, во впадине которого, на его левом или выпуклом берегу, расположен замок. Пространство, таким образом, частично огороженное и защищенное рекой, имеет около 600 ярдов в длину и занято группой холмов или возвышенностей из мягкой, рыхлой породы, которые были вырезаны и обнесены уступами в целях обороны, чтобы придать своей

разложившейся и поросшей травой поверхности во многом искусственный вид. Среди этих холмов выделяется один, более высокий и даже более искусственного вида, чем остальные. Он образует коническую насыпь, около 40 ярдов в диаметре на своей столешнице, с очень крутыми сторонами и высотой над окружающей его канавой около 60 футов; и канава, опять же, находится примерно в 30 футах над руслом реки. Ров покрывает насыпь с южной и восточной сторон, но к северу и западу склон спускается прямо к уровню реки, представляя собой очень устрашающий вид. Более открытая часть дополнительно защищена тремя земляными укреплениями за рвом; из которых большее, расположенное к юго-западу, имеет неправильную форму и около 40 ярдов в глубину и 70 ярдов в ширину, имеет четыре неправильные стороны, внутренняя из которых вогнутая и образует контрэскарп основного рва. Со стороны реки эта платформа обрывается к насыпи и прилегающей платформе; ее защитой служит ров глубиной около 7 ярдов и шириной от 16 до 18 ярдов. Вершина ровная, за исключением того, что по краям трех внешних сторон проходит узкий выступ — что-то вроде парапета, на котором, вероятно, был частокол. В одном месте, там, где платформа подходит к насыпи, есть небольшой отрог, как бы руины опоры моста, который, очевидно, был главным входом в крепость или главный курган. Дорога к этому мосту поднималась на платформу из деревни с юга.

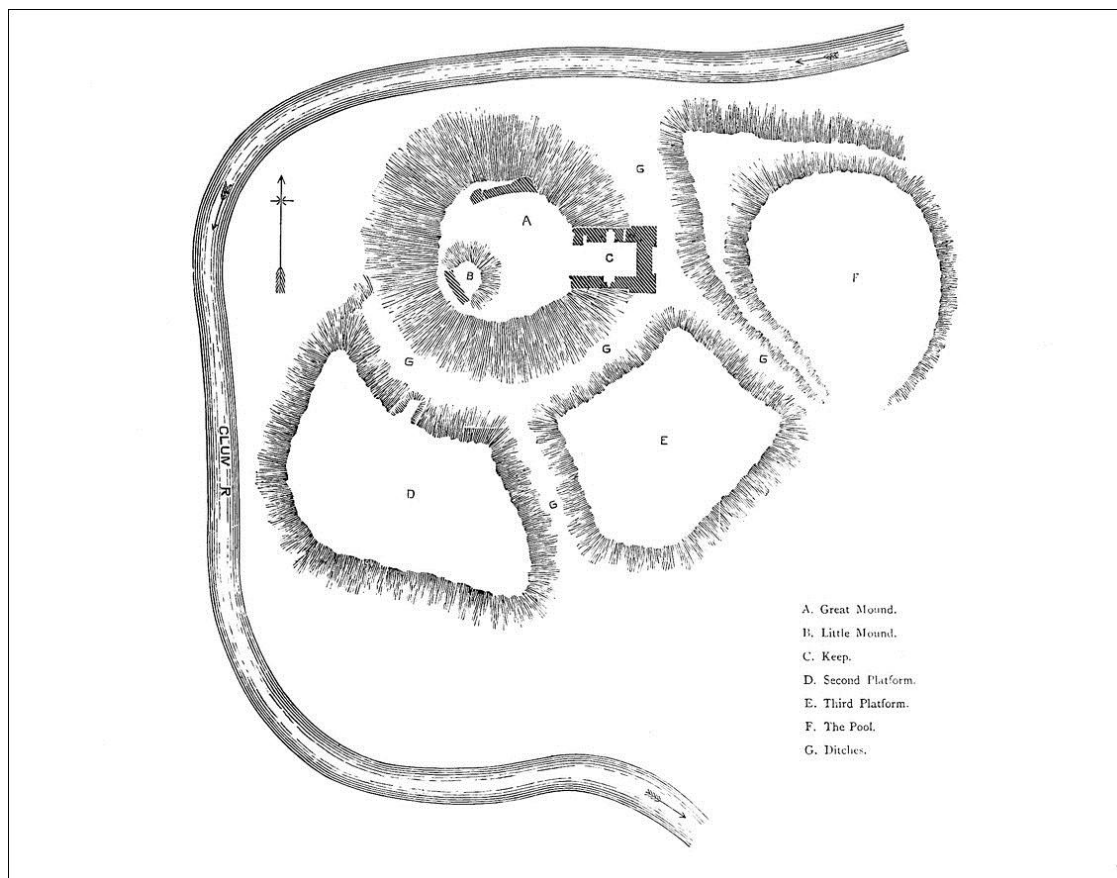
К востоку от этого находится вторая платформа той же высоты и примерно 14 ярдов в глубину и 30 ярдов в ширину, ее большая поверхность вогнута и примыкает к основному рву. Его вершина ровная, без следов откоса или парапета.

Третье земляное укрепление, небольшого размера, находится к востоку от насыпи крепости и примыкает ко рву на западе и к реке на севере. Эти две стороны вытянуты, и развилка или углубление между ними занято углублением, бывшим когда-то большим бассейном, со шлюзовыми воротами, ведущими к реке. Между берегом этого бассейна и южной платформой проходит канава, которая, по-видимому, использовалась как полый путь, ведущий к реке перед курганом.

Между курганом, западной платформой и рекой находятся два полукруглых участка луга глубиной около 90 ярдов, один 70 ярдов, а другой 140 ярдов в длину; вероятно, в обычное время они использовались как безопасное пастбище для гарнизонного скота, который в случае нападения можно было легко поднять на платформы или перегнать по крепостным рвам в пределы города.

Таковы земляные укрепления, какими они видны сейчас, и в целом, без сомнения, во многом такими, какими они были, когда Норман Пико завладел своим опасным пожалованием. Они принадлежат к классу, известному как бурхи, или окруженные рвами курганы, и датируются девятым или десятым веком. Кем они были воздвигнуты или, скорее, вырезаны, неизвестно; но можно с уверенностью утверждать, что они представляют собой главную резиденцию одного из тех англичан, которые вторглись и поселились на территории Уэльса, и чьей обязанностью было защищать западную границу королевства Мерсия, которая часто подвергалась нападениям. Человек, занимавший такую должность, должно быть, был смелым и могущественным лидером; хотя сомнительно, жил ли он до или после образования Дамбы Оффы. Возможно, тщательное изучение хребта Сэсон-бэнк, где его пересекает Дамба, могло бы пролить свет на этот пункт, и исследования следует распространить на Кругин или Касл-Хилл, на ипподром Бишопс-Касл, на Бишопс-Ров, Кэр-дин, Томен, Кастелл-цефн-фрон или Брин-Амлвг, а также на некоторые другие лагеря и курганы по обе стороны границы. Кроме них, есть и другие, как лагеря, так и курганы, а также замечательный вертикальный камень, или менхир, в лесу, все, без сомнения, британского происхождения. Следует иметь в виду, что Клун, хотя и являлся открытой частью территории Мерсии, был

покрыт на северо-западе и севере английскими поселениями вдоль Верхнего Северна, следов которых достаточно от Керри до Уэлшпула по обе стороны Дамбы. Глядя на расширение баронства Ключ к западу от Дамбы до естественной границы, кажется вероятным, что баронство было основано, когда Дамба больше не была границей Мерсии, и англичане перенесли свои поселения вверх по долине реки Северн. Это также больше соответствовало бы изображению земляных валов в Ключе и прилегающем районе, которые напоминают те, что были возведены Этельфладой и Эдуардом Старшим в начале десятого века, и примером которых является Вигмор.

- А. Большой курган.
- Б. Маленький холмик.
- С. Продолжать.
- D. Вторая платформа.
- E. Третья платформа.
- F. Бассейн.
- Г. Канавы.

ЗАМОК КЛУН.

Положение и поместья Ключа, как и многих подобных владений в Англии и на Границе, были немедленно захвачены норманнскими последователями Завоевателя и удерживались Пико де Сзем как военный феодал, зависимый от Роджера де Монтгомери в Шрусбери. Укрепили ли Де Сэй или его непосредственные преемники курганы каменной кладкой по способу, вошедшему тогда в обиход в Нормандии, или же они удовлетворились такими защитными сооружениями, вероятно, из дерева, которое они нашли под рукой, неизвестно, но если они сразу построили крепость и стены в нормандской манере, крайне маловероятно, что от

сооружений, обычно столь значительных, даже сейчас не осталось никаких следов, и тем более, что они должны были обветшать к середине двенадцатого века, который, вероятно, является датой более старой части каменной кладки, сохранившейся сейчас, и которую можно было бы назвать будет уместно далее описать.

The Крепость. — Это большая прямоугольная башня, построенная на нижнем краю и вверх по восточному склону кургана и в этом напоминая Гилфорд. Его размеры составляют 42 фута к северу и югу и 68 футов к востоку и западу, а стены у основания имеют толщину около 11 футов и поднимаются примерно до 6 футов на вершине. Он состоит из трех ступеней; первая покоится на цоколе, ее подоконник находится примерно на 5 футов ниже верхнего уровня насыпи. Полы деревянные, опирающиеся на выступы в боковых стенах. Высота всей башни около 80 футов, ее основание находится примерно в 30 футах над рекой. Западная стена полностью исчезла. Два восточных угла увенчаны каждый двумя пилястрами шириной 14 футов и выступом в 1 фут, которые сходятся под прямым углом и поднимаются без перерыва или уменьшения к вершине, где они, возможно, поддерживали квадратные башенки. Восточный занавес, расположенный между ними, имеет опорную площадку и простой кордон на уровне первого этажа. Стены совершенно простые, рубленой кладки, камни, вероятно, обработаны молотком; но, поскольку они имеют скоропортящийся характер, они сильно покрыты волдырями и гнилью. Подвал размером 40 на 45 футов имеет пол примерно в 20 футах над внешним уровнем земли, который сейчас завален мусором. Там есть маленькое окошко на юге и небольшое квадратное отверстие для воздуха на севере, высоко, как в подzemелье. На той же стороне, ближе к середине, находится полностью центрированный дверной проем шириной 2 фута 2 дюйма, когда-то закрытый прочной дверью и выходящий на склон насыпи. Она ведет в проход шириной 3 фута 6 дюймов, который вел в комнату, но слева от него была настенная лестница из шестнадцати ступеней, которая вела на второй этаж. Многие ступени сохранились, но внутренняя стена и большая часть нависающих арок свода исчезли.

На первом этаже, размером 23 на 45 футов, было два окна на юг, одно на восток и два на север, с камином между ними. Окна разбиты на простые отверстия, но ниши имеют ширину от 5 до 6 футов. Камин имеет круглую спинку и вертикальный туннель. Вытяжка отломана. Здесь нет камер с фресками, но снаружи, на каждой грани восточных углов, есть две бутафорские петли.

На втором этаже также есть пять окон наверху, несколько больше, чем внизу, и камин в том же месте. В каждом косяке восточного оконного проема есть небольшая дверь, которая через проход ведет в комнату с фресками в двух восточных углах. Каждый из них, на каждой из двух его внешних граней, имеет небольшое окно.

На третьем этаже есть два окна на север, одно на восток и два на юг, но здесь камин расположен между ними. Из восточной оконной ниши ведут два прохода, ведущих в две комнаты, каждая с двумя маленькими окнами над окнами второго этажа. На втором этаже находилась каюта, а на третьем, по-видимому, спальни, принадлежащие к ней. Лестница, возможно, находилась в западной стене. В некоторых оконных нишах арки тупо заострены, другие сегментированы. Несомненно, в западной стене была дверь, открывавшаяся из кургана. В нишах окон второго и третьего этажей были вырезаны ребра из тесаного дерева - единственные украшения, которые сейчас видны. Крепость, хотя и имеет большие размеры и основательно построена, внешне страдает из-за плохого качества материала, грубой обработки и очень бережного использования тесаного дерева в деталях.

Вершина кургана была окружена навесной стеной, частью которой являлась верхняя часть крепости, так что прямоугольная форма, по-видимому, сочеталась с чем-то вроде башни-раковины, что является весьма необычным устройством. От этой оболочки сохранились два фрагмента; один, значительный, расположенный к северо-западу, состоит из двух почти полукруглых башен, или, скорее, бастионов, обращенных своими противоположными сторонами наружу, и соединяющего их короткого занавеса, который, по-видимому, был концом зала и содержит несколько более поздних вставок. Бастионы, без сомнения, построены позже, чем крепость. Другой фрагмент находится на юго-западе, примерно 12 футов в длину, 6 футов в толщину и 20 футов в высоту. Это также составляло часть общего *оцепления*, но с ним связан небольшой круглый холмик, насыпанный на краю большего и полностью искусственный. В верхней части он имеет около 21 фута в поперечнике и от 12 до 13 футов в высоту и, возможно, имел небольшую башню; рядом с ним углубление, по-видимому, указывает на расположение колодца. Вся поверхность кургана неровная и покрыта шрамами, как будто эта местность была покрыта зданиями, как в Тамворте, и фундаменты которых были выкопаны.

Вход в курган мог быть только с западной стороны, поднимающейся с юго-запада. Все остальные стороны абсолютно неприступны, а эта была настолько изрезана, что исчезли все следы дороги. На платформах нет следов стен. Возможно, у них были какие-то сторожки, но внешние укрепления, вероятно, всегда были деревянными.

Большая часть района, города или, скорее, деревни Клюб, расположена к востоку, то есть позади замка; но есть дома по обоим берегам реки, через которую перекинут старинный мост из пяти ребристых арок с нишами над выступающими опорами. В этом направлении, в фарлонге от замка, находится прекрасная, в основном нормандская церковь Святого Георгия, с западной башней, достаточно прочной, чтобы выдержать осаду, и по рисунку напоминающей церковь Мора и Хоуп-Сэй. Примерно в ста ярдах за церковью или к югу от нее находится очень примечательный овраг, естественный, но который в этом месте был огорожен и земля заброшена внутрь, образовав насыпь. Этот овраг начинается несколько выше церкви и, становясь глубже и круче, впадает в Клуб, чуть ниже города, значительным ручьем. Этот овраг значительно усиливает привлекательность этого места.

Клуб - это район по давности, в котором работают два судебных пристава и регистратор. Недавно в нем было Сто судов по взысканию мелких долгов и судебный приказ. Судебные приставы также организовали гражданский суд. Хартия Фиц-Алана, признающая его предписывающие права, датируется правлением Эдуарда II. В городе находится старинная богадельня, основанная Генри Говардом, графом Нортгемптоном, в 1614 году; а под ней, на реке, сохранились следы очень значительного мельничного пруда, ныне высохшего.

Клан внесен в "Судный день" как удерживаемый Пико. Его удерживал Эдрик. Пико владел большими владениями (двадцать семь особняков) в тогдашней Сотне Ринлау, помимо Конодовре, Басечерка и Лентеврде, при графе Роджере де Монтгомери. Из исследований мистера Эйтона явствует, что Пико был именитым, и что получатель гранта, как Роберт де Сэй со своей женой Аделоей и Робертом и Генри, его сыновьями, назван в хартии, относящейся к святому Мартину из Сиза, датируемой, вероятно, 1060 годом, и там описан как "Роберт де Сай по прозвищу Пико". Сэй был деревней недалеко от Эксмеса, главной резиденции нормандского виконтя графа Роджера, который был покровителем дома Сизов.

То, что в 1060 году было когноменом, в 1086 году стало номеном. В 1074 году Одерик называет его просто Пикодом, одним из пяти, кого граф Роджер назначил своим новым графством Шрусбери, и снова Пико де Саи, когда в 1083 году граф поклялся основать

Шрусбери аббатство. Эдрик, предшественник Пико в Ключе, был, без сомнения, Эдриком Сильватикусом, или Диким, так хорошо известным на валлийских границах. Пико жил примерно до 1098 года, и ему наследовал его сын, Генри де Сэй, который процветал в правление Генриха I. И, кажется, был жив еще в 1129-30 годах. В его время или время его преемника и, вероятно, сына Хелиаса де Сэя, Клун и Обли были изгнаны из Рингау и возведены в независимую Сотню и Честь; фактически став лордством маршеров, таким как Освестри. Хелиас оставил единственного ребенка, Изабель де Сэй, леди Ключ, которая вышла замуж: во—первых, за Уильяма Фиц Алана; во-вторых, за Джеффри де Вира, когда в баронстве было 11½ рыцарских орденов; и в-третьих, за Уильяма Ботерелла, при котором, по-видимому, замок был взят штурмом и сожжен Ллевеллином и его валлийцами.

Уильям Фиц Алан был сыном Алана, сына Флаальда, который получил от Завоевателя поместье Освальдестре, или Бланминстер, которое в 1148 году принадлежало Мередиту ап Блетину, несколько необычному валлийскому землевладельцу, расположенному так далеко к востоку от дамбы Оффы. Мередит построил там замок, который после смерти Фиц Алана в 1160 году находился под опекой шерифа, который вырыл там колодец и снабдил его припасами и частоколом для защиты. Следующий брат Уильяма Фиц-Алана, Уолтер, был предком дома Стюартов. Первая жена Уильяма была племянницей Роберта графа Глостерского. Его секунданткой была Изабель де Сэй, с которой он расстался...

Уильям Фиц Алан, унаследовавший Клун и Освестри. Он получил ежегодную ярмарку от короля Иоанна для Клуна. Представляется вероятным, что замок Ключ, сожженный валлийцами, был деревянным строением, в котором жил Эдрик, и что он был заменен каменными работами, включая существующую крепость, этим Уильямом, который, умирая в 1210 году, покинул

Уильям Фиц Алан, умерший в Ключе около 1215 года, и ему наследовал его брат,

Джон Фиц Алан, лорд Ключа и Освестри, владевший баронством, но не замком Ключ, и умерший около 1243 года, оставив сына,

Джон Фиц Алан, который приобрел замок Арундел у своей матери и умер в 1267 году, оставив...

Джон Фиц Алан, лорд Ключа и Освестри и граф Арундел, умерший в 1272 году.

Именно после его смерти было приказано провести расследование состояния замка Ключ, который, как сообщалось, был небольшим, но довольно хорошо построенным. Крыша башни нуждалась в свинце, а мост требовал ремонта. Снаружи замка был внутренний двор, окруженный рвом, и ворота, которые еще не были закончены. Во дворе стояли усадьба, конюшня и пекарня. В городе было 183 бургажа. Арендаторы содержались под охраной замка, каждый получал сервиена и лошадь на сорок дней по 4 с половиной пенса в день. Горожане должны были предоставить двадцать человек, когда лорд охотился.

В 1293 году Ричард граф Арундел получил 200 фунтов стерлингов от своих валлийских арендаторов в Темпсете за чартер. После его смерти в 1301 году замок Ключ стоил не больше, чем расходы на его содержание, или 20 фунтов стерлингов в год. Там было две водяные мельницы.

Клун продолжал принадлежать длинной череде Фиц-Аланов, немногие из которых, вероятно, проживали там до тех пор, пока по мужской линии Мэри, дочь и сонаследница Генри Фиц-Алана, не вышла замуж за Томаса Говарда, герцога Норфолка, и не передала графство Арундел, баронство и замок Ключ этой семье в лице своего сына, Филиппа, графа Арундела,

который умер в 1595 году при наследстве. Томас, его сын и преемник, был восстановлен по крови, но лишь частично в собственности, так что, хотя он и был титулованным лордом Ключа и Освальдестре, он никогда не владел поместьями, которые были пожалованы королем Джеймсом брату его деда, Генри Говарду, графу Нортгемпτονу, основавшему богадельню в Ключе. От Генри Говарда Клан и Освестри перешли по завещанию к его племяннику Томасу Говарду, графу Саффолку, младшему сыну которого, сэру Роберту, установлен памятник в церкви Ключа, и потомками которого имущество было продано.

ЗАМОК КОКЕРМУТ, КАМБЕРЛЕНД.

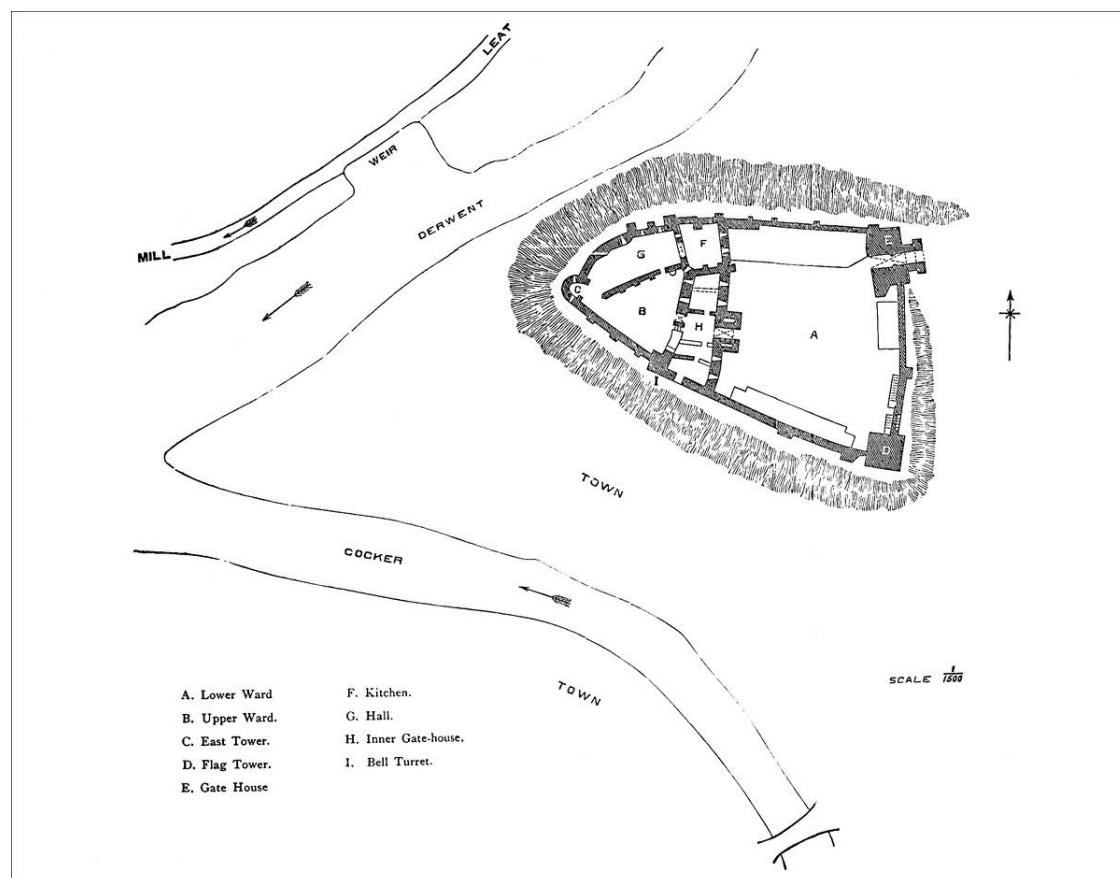
ЭТОТ замок занимает вершину крутого и частично скалистого холма, который находится между слиянием Дервента и Кокера, двух рек Камберленда, одна из которых протекает на севере непосредственно у подножия скалы, другая, на юге и западе, отделена от нее неровной полосой земли шириной от 50 до 70 ярдов, с неровной поверхностью, и покрыта частью города, которая носит название замка. Настоящее слияние вод происходит только в 120 ярдах ниже замка. Таким образом, две стороны позиции укреплены природой; другая, у подножия мыса, такой защиты не имеет. Похоже, что он был покрыт искусственным рвом, соединяющим утес Дервент с пологим берегом Кокер. Это, однако, было засыпано, и все, что от него осталось, - это традиция, подтвержденная небольшим углублением в почве.

Замок, повторяющий очертания скалы, треугольный в плане. Его северная и южная стороны обращены к рекам Дервент и Кокер и имеют длину 110 ярдов и 120 ярдов. Они поднимаются по склону на высоте около 36 футов над уровнем воды и соединены базовой линией длиной 76 ярдов, в которой находится вход, обращенный на восток. Замок возвышается над большей частью города и расположен за его пределами на севере и востоке. Приходская церковь стоит в черте города на возвышенности напротив замка и к юго-западу от него, между ними протекает река Кокер в своей узкой долине.

Занавес, за которым находится замок, имеет высоту около 30 футов и увенчан под своим западным или острым углом полукруглой башней, а по двум углам основания расположены две прямоугольные башни, та, что на северо-востоке, является сторожкой у ворот. Между ними находится небольшая башенка-контрфорс, массивная, площадью 8 квадратных футов. Есть также два довольно больших контрфорса, пристройки к южному занавесу у восточного конца, и три маленьких плоских контрфорса на старой передней части стены, у западного конца. С внешней стороны северной стены расположены семь контрфорсов различных размеров и датировки.

Треугольная внутренняя часть замка разделена поперечной линией зданий, примерно в 60 ярдах от основания, на две палаты: нижнюю, или восточную, четырехстороннюю, которая больше, и верхнюю, или внутреннюю, представляющую собой небольшой треугольник. Там, где поперечная стена соединяется в своем южном конце с занавесом, на последнем находится небольшая квадратная башня, называемая "Колокольной", а на северном конце - гораздо большая башня, в которой находится кухня. Между ними, на поперечной стене, находится внутренняя сторожка. Уровень верхней палаты примерно на 6 футов выше уровня нижней. Эта сторожка находится не в центре, в 34 ярдах от северной и в 19 ярдах от южной занавески. Он прямоугольный, или почти прямоугольный, и в плане представляет собой заглавную букву "Т". внешний портал находится в центре головки креста, внутренний - в основании, а между ними - большая камера в ножке. Ширина изголовья составляет 36 футов,

выступ - 18 футов, а глубина сторожки - 60 футов. Выступ внешнего входа находится на высоте 6 футов над внешней палатой, к нему, должно быть, вел какой-то мост или наклонная плоскость, от которых сейчас исчезли все следы. Внешняя арка высокая и сегментарная, с отверстием в 9 футов. Она поддерживает парапет-экран, за которым находится отверстие или мачекуль шириной 9 футов и глубиной 4 фута. За ним находится равносторонняя арка, открывающаяся в проход глубиной 10 футов, сводчатый и ребристый с четырех углов, ребра сходятся в центре с двумя ребрами гребня, центральная точка восьми ребер не имеет выступа или окружности. За проходом находится вторая арка высотой 8 футов, а за ней что-то вроде сводчатого прохода или вестибюля шириной 9 футов, открывающегося внутрь сторожки на уровне первого этажа. За пределами, справа и слева от этого внутреннего вестибюля находятся две открывающиеся двери высотой в 2 фута, одна сегментарная и одна с выступающей стороной. Каждый из них ведет в небольшую тюрьму с острыми сводами, примерно 8 на 16 футов, освещенную небольшой петлей. Из каждого открывается небольшая дверь во внешней стене, ведущая в гардеробную с фресками. В центре каждой тюрьмы находится небольшая квадратная ловушка, которая является единственным входом в нижнюю тюрьму или подzemелье, которое по размеру и своду такое же, как верхняя, но без какого-либо другого отверстия. Два отверстия в верхних сводах, по-видимому, предназначены для крепления горизонтальной перекладины, с помощью которой заключенного или его еду можно было бы спустить через ловушку. Эти тюрьмы расположены по обе стороны от ворот и параллельно им в толстом поперечном изголовье Т.

- Нижняя палата.
- Б. Верхняя палата.
- С. Восточная башня.
- Д. Башня с флагом.
- Э. Гейт-хаус.

- Ф. Кухня.
- Г. Холл.
- Х. Дом у внутренних ворот.
- I. Колокольная башня.

ЗАМОК КОКЕРМУТ.

Подвал сторожки-камеры шириной 21 фут, глубиной 29 футов и высотой около 10 футов довольно простой и без петель. Вход в нее осуществляется через западную стену, из верхнего помещения, по двенадцати ступеням, под стрельчатым дверным проемом. Перекрытием этой комнаты служил деревянный пол сторожки. Первый этаж, также размером 21 на 29 футов, имеет в боковых стенах два дверных проема, открывающихся на 3 фута и заостренных, которые вели в боковые камеры. В его западной стене, но недалеко от северного конца, находятся внутренние ворота, пробивающие стену толщиной 9 футов и ведущие в верхнюю палату. Этот проход сводчатый. В нем нет опускной решетки и всего одна откидная планка для двери. В северной части коридора узкая дверь с выступом ведет в небольшую сводчатую сторожку, выходящую петлей в верхнюю палату.

Вход в эту палату слева ведет дверь, спускающаяся в подвал, а дальше, справа и слева, находятся две двери, каждая стрельчатая, и наверху пролеты из двенадцати ступеней, которые спускались в подвалы боковых камер. В сторожке у ворот был верхний этаж, сейчас его почти нет.

С каждой стороны сторожки было по две боковые камеры, разделенные поперечной стеной с востока на запад, ныне разрушенной. Образовавшиеся таким образом большие пространства не совсем прямоугольные. Это на севере составляет в среднем около 26 футов к востоку и западу и примерно 35 футов к северу и югу; а то, что на юге, имеет среднюю площадь около 35 футов. Из четырех камер, которыми были заняты эти помещения, подвалы двух, следующих за сторожкой, были перекрыты стрельчатыми сводами. За исключением этих, верхние этажи были деревянными. Стены южных комнат в основном разрушены, стены северных относительно идеальны, и на них видны окна и каминные первого и второго этажей с небольшими фресками в северо-восточном углу. Южная комната примыкала к занавесу, в котором видна грубая округлая арка, ныне служащая задней дверью, но имеющая нормандский вид и выглядящая так, как будто изначально предназначалась для углубления петли. Небольшая квадратная колокольня размером примерно 18 на 10 футов в юго-западном углу этого зала стоит на занавесе и слегка выступает за его пределы. Цокольный этаж напоминает эпоху занавеса; надстройка - эпоху поперечных зданий и внутренней сторожки.

На другом, или северном, конце поперечных зданий находится кухонная башня, очень примечательное сооружение. В плане она почти прямоугольная. Состоит из подвала и первого этажа. В подвал можно попасть из верхнего отделения по пятнадцати ступеням, спускающимся по сводчатому проходу в стене, в начале которого находится круглая дверь, украшенная датами. Камера имеет площадь около 30 квадратных футов, центральную восьмиугольную опору без основания или крышки, из которой выходят восемь ребер, встречающихся с восемью другими ребрами, которые выходят из выступов по углам и образуют ответвления в центре каждой грани. Каждый из четырех образованных таким образом отсеков снова перекрыт ребрами, выступающими по диагонали из стен. Ребер-гребней нет, а сводчатые пространства заполнены щебнем. Арки заостренные, а свод высотой около 20 футов. В двух восточных помещениях расположены петли с квадратными головками, открывающиеся в нижний приход и сейчас скрытые современным зданием. В

северной стене есть небольшой водосток. Это помещение, вероятно, было подвалом, сделанным со сводами, чтобы разместить каменный пол кухни на уровне холла. Это называется часовней, но на ней нет никаких указаний на то, что она предназначалась или когда-либо использовалась как таковая.

Над подвалом находится кухня, пол которой находится на одном уровне с полом прихожей и примерно на 10 футов выше пола верхней палаты. В плане она скорее ромбовидная, чем прямоугольная. Два восточных угла - прямые, тот, что на северо-западе, острый, а тот, что на юго-западе, тупой. Северная и восточная стороны имеют размеры 35 футов и 37 футов, а противоположные стороны - 29 футов и 38 футов соответственно. В южной стене находятся два камина шириной 11 футов и глубиной 2 фута, с остатками каменных вытяжек и с квадратными вертикальными воронками, идущими вверх по общей шахте на внутреннем конце каждого камина. В воронки также поступают газы от каминов в комнатах, расположенных южнее, и все они образуют одну трубу. Над этими каминами, высоко в южной стене, находится большая длинная петля с квадратной головкой и шириной около 2 футов. В восточной стене есть две другие петли той же ширины и около 24 футов длиной, пересеченные фрамугой с квадратным выступом, но расположенные в углублениях с выступами. Эти отверстия явно предназначены для отвода паров. К северу от этих петель находится небольшая дверь, откуда узкая настенная лестница поднимается на 10 футов ко второй двери, которая вела на галерею вдоль северной стены.

В центре северной стены находится выступ шириной 7 футов и глубиной 4 фута, от которого по бокам отходят две заостренные арки, образующие, таким образом, два углубления. Откосы ребристые, один с двумя и один с тремя ребрами, с четкой фаской. В каждом углублении находится петля с квадратной головкой, открывающаяся на занавеске, а выше, в 10 футах от пола, находится веревка, которая поддерживала пол деревянной галереи, которая проходила вдоль этой северной стороны и проходила перед пирсом и, таким образом, выходила на кулинарные операции. В него входили с восточного конца через уже упомянутую дверь. В его западном конце была еще одна дверь, ведущая в комнату с фресками, недоступную сейчас, но которая, возможно, сообщалась с залом. Над галереей были еще две петли. На уровне галереи пирс пронизан двумя узкими проходами с круглыми дверями, которые ведут в небольшую комнату в занавесе, вероятно, гардеробную. Внизу боковые поверхности простенка выдолблены, как для шкафов.

Западная стена кухни сейчас в основном занята большой высокой аркой с размахом 15 футов и высотой около 30 футов, очевидно, современной вставкой вместе со стеной выше и выходящей в то, что раньше было залом. На южной стороне от него сохранились следы части старой маслобойни-люка. На севере находится единственная дверь кухни, шириной 4 фута, с выступом в виде плеча, которая открывалась из нижнего конца коридора. Любопытно, что в такой большой кухне не должно было быть другого выхода. Гроуз приводит рисунок, сделанный в 1774 году, на котором изображена эта западная стена кухни до того, как была установлена большая арка. В стене зияет огромная дыра или щель, над которой снаружи находится лепнина высокой крыши зала. Кухня была очень высокой и имела открытую деревянную крышу, от которой сохранились выступы косозубых балок. Наверху был парапет, одна сторона которого принадлежала внешнему занавесу.

К западной стене кухни, при перестройке которой была удалена лепнина, показывающая наклон крыши зала, примыкал восточный, или нижний конец зала, - здание шириной 30 футов и длиной около 50 футов, северную сторону которого образовывал занавес. Южная стена выровнена почти до земли, но на ее фундаменте видны внешние контрфорсы и место расположения двери в подвале у восточного конца стены. Западная стена, отделявшая его от

гостиной, исчезла. Подвал под залом, кажется, был высотой около 10 футов. Он был покрыт деревянным полом. Вход находился в южной стене, недалеко от восточного торца, вероятно, через внутреннюю лестницу. Сохранился один косяк дверного проема, богато отлитый в стиле Декора, хотя и сильно обветшавший. В зале было три больших окна в северной стене, которая снаружи укреплена тремя контрфорсами, очевидно, пристроенными к старой стене при строительстве зала. Окна выполнены по моде, столь распространенной в залах украшенных замков. Они состоят из двух светильников, обрамленных трилистником, с фрамугой, а в изголовье - из четырехлистника. В следующем, восточном конце, есть каменная скамейка у окна, и другие, возможно, были оборудованы таким же образом. Снаружи на окнах хороший капельный камень. Вероятно, камин находился в южной стене. В восточной стене, недалеко от южного конца, находится большое ровное углубление в виде трилистника, даже без фаски, напоминающее большую писчую тарелку, с каменной полкой. Возможно, он предназначался для того, чтобы ставить посуду на него, когда ее доставали из соседней кладовой. К югу от этого небольшая дверь ведет на лестницу-колодец, которая вела на крышу и освещалась небольшим и очень аккуратным кругом, украшенным листвой. Наклон или заполнение соседнего угла кухни создается этой лестницей. В холле была открытая деревянная крыша, некоторые выступы которой сохранились.

Комнаты к западу от зала простираются до западной или угловой башни и включают в себя ее. В комнате рядом с холлом было два больших окна в стиле тюдор, занавешенных занавесками; они с плоским верхом, с тремя светильниками, с фрамугой и в плоско-арочных нишах; они являются очевидными вставками. Внутренняя часть западной башни примерно четырехсторонняя, а стены ущелья больше нет. У него был подвал с тремя петлями, с большими растопыренными и заостренными нишами, а выше были три этажа, на каждом из которых было превосходное окно с одним светом в виде трилистника, украшенное датами; два нижних обращены на запад; верхний, отличительная черта вида на замок из города, обращен на юг. На северной стене прямая лестница ведет к настенной кладовой, вход в которую проецируется на два карниза высоко на стыке занавеса с башней. Нижняя часть этой башни кажется оригинальной; верхняя часть была перестроена, без сомнения, в Украшенный период. В двадцати двух футах в задней части башни сохранилось основание дверного проема, который вел в эти покои из верхнего помещения. Колодец находился в ярде или двух от входа в комнату под холлом. Сейчас на его месте установлен насос.

The *Нижняя палата* сильно затемнена возведением у северной стены жилого дома, а у южной - современных конюшен. У восточной стены также было построено здание, соединенное с сторожкой у ворот. Юго-восточный угол образован *Башней с флагом*, площадью 32 квадратных фута, выступающей наружу примерно на 9 футов над двумя занавесками. В нем есть подвал и два верхних этажа, на каждый из которых можно попасть со двора, а на два последних - по внешней отдельной каменной лестнице. Третья лестница, также внешняя, поднимается от восточного занавеса к зубчатым стенам. Расположение совершенно необычное. Более того, крыша башни имеет высокую скатную форму, южный фронтон ступенчатый, на шотландский манер, на одном уровне с внешней стеной, в то время как северный фронтон расположен примерно в 3 футах, чтобы обеспечить проход по крепостному валу с трех сторон башни. Башня занята и заперта.

Соответствующая этому башня, образующая северо-восточный угол прихода, является сторожкой. Он прямоугольный, шириной 50 футов и глубиной 22 фута, пронизан проходом через ворота, с просторными комнатами по бокам и наверху, все обитаемые. Внешние ворота имеют круглую форму и имеют форму меньше половины круга. Проход сводчатый и имеет откосы для центральной и двух наружных дверей, из которых следующая за входом,

по-видимому, была вставлена вместо опускной решетки. Спереди, под длинной плоской этикеткой, изображены пять гербов: 1. То, что, по-видимому, было лапчаткой в саду crosslets flory, Умфранвилл. 2. Барри из 6, Мултон. 3. Три лусиных сына, Люси. 4. Свирепый лев, Перси. 5. Соленый, Невил. Сторожка имеет два этажа над воротами в Перпендикулярном стиле и позже, чем нижняя часть, которая декорирована. К этому был пристроен верхний этаж, встроенный в зубчатые стены нижнего этажа, которые выступают с лицевой стороны стены.

Портал обрамлен двумя плоскими пилястрами, которые были частично скрыты за счет добавления *барбакана*, состоящего из двух боковых стен выступом 18 футов и толщиной 7 футов 6 дюймов, заканчивающихся квадратными опорами, которые поддерживали поперечную арку входа, над которой был парапет, ныне исчезнувший. Эти стены были высотой около 12 футов, обнесены парапетами, а на крепостной вал можно было подняться по двум боковым прямым лестницам, проделанным в нишах в стене. Несомненно, изначально к главным воротам вел подъемный мост, который, возможно, был перенесен вперед при пристройке барбакана. На рисунке Гроуза изображено что-то вроде земляного равелина перед этим внешним входом, который, вероятно, был насыпан во время парламентской борьбы. Весь этот фасад, за пределами стен, был выровнен и превращен в сад и подъездную дорожку. За северным и южным занавесами, между стеной и вершиной склона, находится дорожка шириной около 9 футов.

В рассказах об этом замке утверждается, что он имеет очень отдаленное происхождение, а холм, на котором он стоит, описывается как искусственный. Однако это не так. Холм, очевидно, естественный и находится на возвышенности, ограниченной двумя реками. Позиция не менее прочная, и ею вполне могли бы воспользоваться либо бритты, либо римляне, либо саксы. Однако нет никаких положительных свидетельств того, что они это сделали, и ничто из виденного сейчас не обязательно является более древним, чем Завоевание. Фундаменты западной башни и большей части прилегающих к ней занавесей, поскольку они содержат верхнюю палату, вероятно, нормандского происхождения и могут быть работой Уильяма де Мешина в царствование Генриха I. Поскольку работы вряд ли могли быть ограничены такой небольшой территорией, как нынешний верхний квартал, вполне вероятно, что вся нынешняя территория была включена в состав нормандского замка, и что затем был выкопан поперечный ров. Как тогда занималась эта площадь, где находился холл, где кухня, не указано; вероятно, нет на нынешнем месте, поскольку окна являются очевидными вставками, а контрфорсы - дополнениями к северной занавеске. Более того, ни на одной части линии зданий, отделяющей верхний округ от нижнего, не видно никаких следов нормандской работы. Какими бы или где бы ни были нормандские здания, они, вероятно, простояли до периода Декорирования или в начале четырнадцатого века, когда, по-видимому, были возведены нынешние крестовые постройки, кухня и холл, а большая часть занавеса перестроена или укреплена.

Не исключено, что внешняя сторожка и юго-восточная башня датируются одним и тем же временем, хотя в перпендикулярный период, когда был пристроен барбакан, в бывшем здании были большие пристройки и изменения. Окна в стиле тюдор в верхнем этаже - единственные следы еще более поздних переделок. Последствия парламентской борьбы для здания, за исключением демонтажа крыш, по-видимому, не были серьезными; и, поскольку сторожка у ворот, по-видимому, всегда была жилой, без сомнения, ей и флагштоку уделялось какое-то внимание. Совсем недавно в этом районе был построен жилой дом, в одном из окон которого висит любопытная реликвия прошлого в виде герба четвертованных Перси и Люси на старинном витражном стекле.

Реконструкция нормандского замка в Украшенный период, вероятно, была работой Энтони де Люси, который занимал пост лорда со 2 Эдуарда II по 17 Эдуарда III и был активным солдатом, великим военачальником в графствах Камберленд и Уэстморленд, и, вероятно, достаточно, чтобы привести в наилучший возможный порядок замок, важный как для его собственных поместий, так и для национальной границы, вверенной его попечению.

Перпендикулярные пристройки, включая гербовые щиты над воротами, должны были появиться позже 22 года правления Ричарда II, когда Мод, наследница Люси, передала замок Кокермут Генри Перси, который согласился четвертовать ее герб. Щит Умфранвилля установлен в память о первом муже Мод, Гилберте, графе Ангусе. Щит Невила - это щит первой жены Генри Перси, которая была дочерью Ральфа лорда Невила. Поскольку этот Генри был очень значительной личностью и дожил до 1408 года, вполне вероятно, что он построил или перестроил верхнюю часть сторожки между 1388-9 и 1408 годами.

Замок Кокермут имеет весьма скудную историю, которая, возможно, объясняет идеальное состояние его внешних стен. В 1221 году Генрих III приказал осадить его и, в случае взятия, разрушить; но этой участи он либо избежал, либо, если был осуществлен, был восстановлен столетие спустя с большой полнотой. Он не фигурирует в "Войнах Алой и Белой розы", и не видно, в какой степени он участвовал в превратностях судьбы дома Перси. Похоже, что в 1387 году город был захвачен врасплох бандой шотландских мародеров. Мария Шотландская отдыхала здесь, без сомнения, по пути из Уоркингтона в Карлайл, после высадки в Камберленде. В августе 1648 года замок, удерживаемый парламентом, был атакован роялистами по соседству и продержался месяц, пока парламентский генерал Эштон не освободил его. Похоже, что он был избавлен от обычной участи английских замков того периода от рук той или иной стороны. В 1688 году единственными пригодными для жилья частями были ворота и здание суда, вероятно, соседнее здание.

СПУСК.

Кокермут был "капутом" баронства Аллердейл, обычно называемого в инквизиции В честь Кокермута. Собранный список земель, принадлежащих Ордену, нет, но они, по-видимому, были обширными и время от времени уточнялись в различных инквизициях с указанием имен их владельцев. Первоначальным получателем гранта, по-видимому, был Уильям, брат хорошо известного Ранульфа де Мешина, графа Честерского. Он получил либо от Завоевателя, либо от Генриха I. Территорию Копленд, между реками Дадден и Дервент, и, вероятно, был основателем замка Кокермут, как и монастыря Сент-Би. Его сын Ранульф умер бездетным, и его наследницей стала Сайсели, вышедшая замуж за Роберта де Ромилли, лорда Скиптона. Кокермут перешел к Алисе, их третьей дочери и сонаследнице, которая вышла замуж за Уильяма Фицдункана, графа Морей в Шотландии, племянника короля Малькольма. Амабель, их вторая дочь и сонаследница, родила Эгремонта и вышла замуж за Реджинальда де Люси, прожив 20 лет при Генрихе II.; в то время как Сайсели, старшая дочь, вышла замуж за Уильяма ле Гро, графа Албемарля, который умер в 1179 году. Их вторая дочь, Хавиза ле Гро, вышла замуж, во-первых, за Уильяма де Мандевилля, графа Эссекса, и, во-вторых, за Уильяма де Фортибуса, по праву графа Албемарля, который (1215) вернул ему королем Джоном поместье Кокермут и (1216) некоторые конфискованные земли, принадлежавшие этой Чести. В феврале 1221 года король Генрих приказал шерифу Уэстморленда собрать свои войска для осады, взятия и полного разрушения замка Кокермут; но позже в том же году поместье снова было передано графу. Говорят, что этому графу принадлежала половина замка, которая отошла к короне и была пожалована в 1323 году

Эдуардом II. Энтони, лорду Люси, которому принадлежала другая часть. Происхождение, однако, чрезвычайно неясно. Похоже, что у Ричарда де Люси, сына Амабель, был Эгрмонт, и он умер около 15 лет назад, оставив Амабель и Элис. Его жена, Ада де Морвилл, вышла замуж вторым браком, за Томаса де Мултона, и оставила потомство, в то время как двое сыновей Мултона от бывшей жены женились на—1. Ламберт де Мултон - Амабель; и 2. Алан де Мултон - Элис, сонаследницы.

Правнучка Ламберта, наследница Эгрмонта, вышла замуж за Томаса де Люси, а сын Алана, Томас де Мултон, взял имя Люси и умер в 33 Эдуарда I. И, вероятно, владел замком Кокермут. За ним последовали его сыновья, Томас, умерший бездетным, 2 Эдуард II, и Энтони де Люси, великий барон и военачальник Западных границ. Он умер 17 Эдуарда III, оставив Томаса де Люси, который умер, завладев замком Кокермут и оказав честь Эдуарду III, женившемуся на своей дальней родственнице Маргарет де Мултон, наследнице Эгрмонта, и таким образом воссоединившему все наследство, вторая часть Кокермута была приобретена его отцом.

У Томаса и Маргарет были Энтони де Люси, двадцати четырех лет, 39-летний Эдуард III и Мод. У Энтони была Джоан, которая умерла молодой, 43 года Эдуард III отнял замок и Честь, когда Мод стала наследницей. Она вышла замуж за Гилберта де Умфранвилля, графа Ангуса, который умер 4 июля при Ричарде II. У них был только один сын, сэр Роберт, который умер раньше своего отца, бездетный. Граф умер 4 июля при Ричарде II, завладев замком и Честью, а Мод тогда, 8 марта при Ричарде II, вышла замуж за Генри де Перси, графа Нортумберленда. Наследство, за исключением наследников ее тела, было передано наследникам мужского пола ее мужа, которые должны были ежеквартально носить гербы Перси и Люси. Это решение вступило в силу, и Кокермут перешел к потомку Перси от его первой жены Маргарет, дочери Ральфа лорда Невилла, чей герб виден над воротами Кокермута, как и герб графа Ангуса.

Граф Генри был убит при Брэм-Муре в 1408 году. Хотспер, его доблестный сын, пал при Шрусбери. Генри, следующий граф и лорд Кокермут, пал при Сент-Олбансе в 1455 году, как и его сын Генри при Таутоне в 1461 году. Альбанс, 1455. Генри, следующий граф, принял насильственную смерть в Тауэре в 1489 году, будучи пятым лордом Кокермута из этого храброго, блестящего и несчастного рода. Генри, следующий граф, умер естественной смертью в 1527 году, как и его бездетный сын Генри в 1537 году. Следующими наследниками были его племянники, сыновья его брата, сэра Томаса; граф Томас, который был обезглавлен, оставив единственную дочь в 1572 году, и граф Генри, который умер в 1585 году. Генри, следующий граф, умер в 1632 году, за ним последовал граф Алджернон, умерший в 1668 году, чей сын, граф Джослин, был последним мужчиной древнего рода, его сын Генри умер молодым. Элизабет, баронесса Перси, дочь и единственная наследница, вышла замуж за Чарльза Сеймура, герцога Сомерсета. Алджернон, их сын, титулованный граф Эгрмонт и барон Кокермут, умер в 1750 году и был отцом Элизабет, наследницы Сеймур-Перси; но у герцога Алджернона была также сестра Кэтрин, на сына которой, сэра Чарльза Уиндема, перешли графство и баронство, а также замок Кокермут, и таким образом они перешли к Джорджу, последнему графу, который умер, не оставив наследника в 1845 году, завещав Кокермут своему внебрачному сыну. Таким образом, замок Кокермут, восходящий к домам Де Мешинов, Де Фортибусов, Мултонов, Люси и Перси, может похвастаться связью с некоторыми из самых знаменитых северных баронов. Однако у него есть и другая, и, конечно, не менее блестящая ассоциация. В соседнем городке родился Уильям Вордсворт, и зеленый двор, увенчанные цветами стены и мрачные подземелья замка увековечены в одном из самых сладостных его сонетов:

ИЗ "ДУХА ЗАМКА КОКЕРМУТ".

“Ты смотришь на меня и с нежностью думаешь:

Поэт! что, как и оба они, пораженные годами,

Мы, когда-то так сильно отличавшиеся друг от друга, теперь соперники,

Готовые, когда каждый выстоит свое время, утонуть

В прах. Когда-то более крепкое звено

Объединил нас; когда ты, в мальчишеской игре,

Войдя в мое подземелье, ты стал добычей

В ужасающую душу тьму. И глазом не моргнув

Там был свет; и так поступил я, твой наставник,

Познакомь свои юные мысли с могилой,

Пока ты гонялся за крылатой бабочкой

По моим зеленым дворам; или карабкаясь, смелый поклонник,

До цветов , чье золотое потомство

Все еще вокруг моего разбитого лба волна красоты”.

ЦИТАДЕЛЬ ЗАМКА КОЛЧЕСТЕР, ЭССЕКС.

КОГДА Губерт из Риэ, стоя на рассвете между церковью и своим замком,

“Entre li mostier e sa mote,”

встреченный, укрытый и в сопровождении трех своих сыновей посланный вперед своим суровым повелителем по дороге, до сих пор известной как “Ле-Вой-ле-Дюк”, он, вероятно, не думал, что этот инцидент войдет в историю, и еще меньше он мог предвидеть великолепную награду за эту и другие верные услуги, которую его сыновья должны были получить двадцать лет спустя от того же самого повелителя в чужой, а тогда еще непокоренной стране.

Принимал ли сам Хьюберт участие в завоевании, неизвестно; он, конечно, не бросал свою землю в Котантене ради каких-либо английских владений, но его сыновья Ральф и Адам получили земли в качестве арендаторов в графствах Ноттингем, Дербши и Кент; и Эдо, названный Дагдейлом четвертым сыном, но главным представителем семьи в Англии, фигурирует в Обзоре как главный арендатор шестидесяти четырех поместий в графствах Бедс, Кембридж, Эссекс, Хантс, Хертс, Хантингдон, Линкольн, Норфолк. , Нортгемптон и Саффолк.

Из этих поместий двадцать пять находились в Эссексе, в котором проживал графство Эдо, именуемое по должности “Дапифер”, и его владения там составляли двенадцать из двадцати сотен. В Колчестере власть и поместья города принадлежали королю. Интерес Эдо там был, но умеренный, и состоял из пяти домов, 40 акров земли и права на четвертую часть определенных земель, находящихся “в элмосина Регис”. Как он сохранил свое военное положение, нам не рассказывают, или почему он поселился в Колчестере. Единственный

замок Эссекса, упомянутый во "Страшном суде", - это Рагеней или Рэли. "In hoc manerio fecit Suen suum castellum", и ни один из старых моттов, которых существует несколько, таких как Бурес, Грейт Берч, Онгар, Плесси и Станстед, по-видимому, не принадлежал Эдо. Свою должность Дапифера или Коллектора он занимал при Завоевателе и двух его преемниках, и таким образом он засвидетельствовал хартию Вильгельма в Онфлере в 1074 году, а другие - Руфа в 1093 году и Генриха I. Несмотря на то, что его описывали как "Dapifer Domini Regis totius Angliæ", он, похоже, принадлежал к герцогскому, а не королевскому двору, поскольку, по словам Спелмана, сточной канавой Англии был брат Роберта Фитц-Хамона из Моргануга, который фигурирует в Обзоре в Колчестере и в других местах как "Хамо Дапифер".

Рассказывают, что из-за высокого характера, проявленного Эдо, горожане Колчестера назначили Уильяма Руфуса главой своего города. То, что он был помещен именно так, явствует из документа, цитируемого Дагдейлом, а о его связи с этим местом свидетельствует свиток 31 Генриха I., в котором, среди других записей, относящихся к Колчестеру, указаны предметы для "владения королевскими пашнями земли Эдо Дапифер, 8 шилл. 10д." и из "фермы его земли, внесенной в казну, 91,3 шилл. 0д. фунтов стерлингов". Это было после смерти Эдо, когда у власти был Амо де Клер. Поскольку львиная доля города принадлежала короне, положение Эдо в нем, должно быть, было высочайшим. Его первым шагом, вероятно, было строительство замка на своей собственной земле, поскольку, когда в 1096 году он основал аббатство Святого Иоанна, одним из его пожертвований, указанных в уставе фонда, было "omnes proventus capellae в замке Кольчестрия", каковое пожертвование описано в подтверждении Ричарда I. (1 R. I.) как "capellam castelii Colcestre, cum decimis et obventionibus", как объяснил Морант, оно состояло в владении определенными землями в городе и вокруг него.

Ранг Эдо как землевладельца Эссекса и Колчестера и представителя короля в городе вполне мог побудить его построить там замок. Позиция была удачной для района, лишенного каких-либо очень заметных неровностей поверхности. Он находился в пределах римской территории и с двух сторон был прикрыт Кольном. Древняя стена, первоначально римская, была отремонтирована Эдуардом Старшим и включала в себя город и предлагаемое место. Легендарный документ, цитируемый в "Монастиконе" [i. 724], гласит, что Эдо построил замок на фундаменте короля Коула; "in fundo palatii Coelis quondam regis", что может быть истолковано как указание на то, что на этом месте было более старое здание. Если так, то это, должно быть, был римлянин. В большинстве главных городов Англии были замки, построенные задолго до прихода Завоевателя, хотя и не из камня, и этими укреплениями обычно пользовался король или какой-нибудь знатный нормандский барон, заменяя, по мере надобности, нормандскую кладку на более ранние и менее совершенные оборонительные сооружения. Иногда замок находился в черте города, как в Чичестере, Честере, Лестере и Линкольне, римских городах с английскими пристройками; иногда он находился за городской стеной, но примыкал к ней, как в Карлайле, Уорике и Винчестере. В каждом случае замок имел свою собственную надлежащую защиту, так что, хотя, с одной стороны, его можно было удерживать вместе с городом против общего врага, с другой стороны, его можно было удерживать против города и использовать для устрашения горожан. Здесь замок располагался в пределах римской территории, в ее северо-восточной части, и стоял, что не маловероятно, на месте какого-то значительного римского здания, которому, как полагают, принадлежала существующая, но недоступная канализация.

Эдо умер в 1120 году в своем замке Про в Нормандии и был похоронен здесь, в соборе Святого Иоанна. Таким образом, он прожил двадцать четыре года после своего религиозного основания и несколько больше этого времени после строительства своего замка. Он также был основателем, некоторое время во времена правления Генриха I., больницы Святой

Марии Магдалины в пригороде Колчестера. Он женился на Рохезе, которую Дагдейл получил в свое баронство, сославшись на Завещание. из Жюмьежа, называет дочь Уолтера Гиффарда, графа Бекингема, и вдовой Фиц Гилберта, ошибка, допущенная в более раннем издании, исправлена в более позднем издании "Монастикона", откуда явствует, что Розз была дочерью Фиц Гилберта и предшественницей Розз и была замужем за Эдо в ее возрасте "ante habiles annos nupta est". Она заложила второй камень собора Святого Иоанна, а сам Эдо заложил первый. Результатом этого брака была Маргарет, единственная наследница Эдо, которая вышла замуж за Уильяма де Магनावилля и была матерью Джеффри, графа Эссекса, и по праву сенешаля Нормандии. Джеффри, который с большой выгодой разыграл свои карты между Стефаном и императрицей Мод, получил от последней земли Эдо Далифера в Нормандии с должностью Далифера и право выбора, при определенных обстоятельствах, земель, на которых умер Эдо, захваченных в Англии. Их, однако, он, похоже, не получил; в современных Рулонах труб они учтены как в Короне, и они не фигурируют в Расследованиях инквизиции в отношении потомков Джеффри.

Замок, который, судя по его часовне, несомненно, принадлежал Эдо, перешел во владение короны. Морант ссылается на то, что Мод передала его Альберiku де Вере из раннего издания "Фудеры" (xiii. 251), но в более позднем или новейшем издании такого акта нет. Он также ссылается на документ, находящийся в его собственном владении, времен правления Ричарда или Джона, показывающий, что вместе с другими поместьями замок Колчестер и Сотня находились в руках короля и под опекой шерифа Эссекса. В "Анналах Стоу" упоминается некий Хьюберт де Сент-Клер, который ценой собственной жизни отразил стрелу Генриха I. при осаде Бриджнорта в 1165 году, и которого Стоу называет констеблем Колчестера и добавляет, что король выдал свою дочь за Уильяма де Ланвалаи. Уильям, который был бароном Эссекса, несомненно, получил должность констебля от короля Джона (2 Иоанна), заплатив 200 марок. Он умер 12 Иоанна, оставив Уильяма своему сыну, который был назначен констеблем 17 Иоанна, но вскоре после этого присоединился к повстанцам. Впоследствии его дочь Хавиза была отдана под опеку Хьюберту де Бургу, который выдал ее замуж за своего сына Джона. Король Иоанн посетил замок в шесть раз, в 1203, 1205, 1209, 1212, 1214, и 1216, находясь три дня в течение двух предпоследних поездок, и одиннадцать дней во время своего последнего визита. В 1214 году Стивен Харенгот был ответственным преемником Мэтью Мантелла; также Хью де Албемант, плотник, получил заказ на 23 марки за выполненные работы, к которому в 1215 году было добавлено 20 марок за ремонт, и горожанам сообщили, что Харенгот отвечал за королевскую ренту. В апреле того же года Харенгот должен был получить древесину из леса неподалеку от города для его обороны, "ad illam claudendam", и Хью де Невилл должен был разрешить то же самое. В июле подозрительный характер Джона побудил его заменить Харенгота Уильямом де Ланвалаи, который, как уже говорилось, женился на дочери предыдущего констебля. В этом году замок был осажден и взят Сахером де Куинси, который также сжег город. Впоследствии оба были восстановлены королем Джоном.

В марте 1216 года был составлен список из ста тринадцати человек, рыцарей, оруженосцев и слуг, арбалетчиков и пехотинцев, по именам, вероятно, французских наемников, которым король выдал охранную грамоту на проезд из замка Колчестер в Лондон. В апреле Харенгот снова был главным, а в августе у него был кредит на 100 марок из причитающегося штрафа в тысячу. Это было для выплаты гарнизону замка. В ноябре 1217 года Ричард де Монт Фитчет получил приказ передать Уильяму, епископу Лондонскому, владение Кингсворт-вуд, принадлежащее замку Колчестер, и удалить оттуда его собственных слуг. В июле 1218 года королевские судебные приставы Колчестера должны были отвечать за ферму города перед епископом, как они это делали раньше, когда Харенгот владел замком. Епископ в то время

вел переговоры от имени короля с французскими захватчиками, которые какое-то время фактически удерживали замок. После смерти Джона епископ (2 октября, Генрих III) получил кредит на ферме в Колчестере на сумму 20 фунтов стерлингов, израсходованных “in waristura” (боеприпасы) на строительство замка. В 1222 году шериф Эссекса, находившийся в то время у власти, должен был перевезти определенную древесину, нарубленную констеблем Дуврского замка, в порт Колчестер. В январе 1223 года городские судебные приставы получили кредит в казначействе на 100 долларов. они передали его констеблю замка. Казначейство, по-видимому, тщательно следило за поступлениями, поскольку в 1224 году лондонский епископ был призван возместить 20 фунтов стерлингов, выплаченных Уильяму, покойному епископу Лондона, за ремонт королевского замка в Колчестере. В апреле 1225 года Прудри-хоммы, “проби-хомины” из Колчестера, должны передать городскую ферму констеблю для ремонта замка. Епископ Лондонский, по-видимому, время от времени получал поручения, поскольку в 1227 году ему было приказано послать к королю какого-нибудь человека, которому можно было бы доверить передачу замка от епископа королю.

Хьюберт де Бург, по-видимому, одно время, под опекой Хавизе де Ланвалаи, занимал должность констебля замка; так что, хотя это фактически и не передается по наследству, некоторое отношение, по-видимому, имело к происхождению. Де Бург был лишен собственности в 1232 году, и ему наследовал Стивен де Сегрейв, а ему - Томас де Клер, который был констеблем в 1265-6 годах, когда 12 июня 1256 года Генрих III пожизненно передал замок и городскую ферму Ги де Монфору, поддерживая замок в ремонте. Он был одним из непопулярных иностранных фаворитов Генриха и был лишен престола в 1258 году. За ним последовал Уильям де Вэйланд, который 18 декабря 1273 года передал его Джону де Бургу, последнему, кто занимал этот пост с какой-либо тенью наследственных притязаний. В 1275 году им владел Ричард де Холбрук, и сразу после этого замок стал окружной тюрьмой, находящейся в ведении шерифа, и перестал представлять какую-либо военную ценность. В 1347 году некоторые из пленников, захваченных во Франции, были размещены в Колчестере; без сомнения, в замке.

Констебль замка был также управляющим сотней Тендринга и судебным приставом того же самого, ведя суды в нескольких входящих в нее поместьях. Замок был совершенно независим от города и, как и большинство замков, расположенных таким образом, был внепрестольным и имел отдельную юрисдикцию. К нему примыкали семнадцать поместий, которые оплачивали иски и услуги при его дворе. В вопросах духовных он был связан со святым Иоанном. Из решения казначейства от 1290 года явствует, что настоятели монастыря Святого Иоанна, получившие пожертвования для замковой часовни, обычно предоставляли капеллана, который совершал богослужения три дня в неделю либо в часовне Святой Елены, либо в Королевской часовне в замке, по указанию констебля. Много лет спустя настоятель был оштрафован на 12 марок за то, что пренебрег этой обязанностью. Часовня Святой Елены действительно стояла, хотя и оскверненная, примерно в 100 ярдах к северо-востоку от крепости и сразу за линией крепостной стены.

Поскольку замок перестал представлять какую-либо военную ценность, его время от времени раздавали разным лицам. Генри герцог Ланкастерский, сын Генриха IV, получил его в 1404 году. Генрих VI. подарил его своей королеве, а сэр Джон Ховард получил его пожизненно от Эдуарда IV. В те дни к замку переходило около 160 акров земли. В 1496-1509 годах им владел Джон, граф Оксфорд. Окончательно оно было отчуждено Джеймсом I. В 1629 году он безвозмездно передал его Хэю, графу Карлайлу. Огромная толщина его стены и центральное положение привели к тому, что он был удержан Чарльзом в войне с парламентом, когда его командующим был сэр Чарльз Лукас, член местной роялистской

семьи и потомок владельца земель аббатства Святого Иоанна. Осада и захват Фэрфакса, а также последующие военные казни - хорошо известные исторические события.

Ограждающая стена, вероятно, затем была снесена, и замок стал непригодным для жилья. Вскоре после этого то, что осталось, было продано человеку по имени Уилли, который попытался снести крепость, но лишь с частичным успехом. С тех пор он находился в семьях Грей и Раунд, и о нем должным образом заботились, как, впрочем, и до сих пор.

Описание.

Цитадель, единственная сохранившаяся часть замка, представляет собой своеобразное и во многих отношениях очень примечательное сооружение; примечательное необычно большой площадью, которую оно занимает; отсутствием у него, даже в его первоначальном состоянии, пропорциональной высоты; расположением и дизайном его частей и деталей; материалами, из которых оно составлено; и мастерством, с помощью которого они собраны вместе. Оспаривается не только его происхождение, но и цель, для которой оно было построено, до сих пор остается предметом спора, разрешить который могут только внутренние свидетельства, предоставляемые самим зданием, мельчайшие детали которого представляют в этой связи особый интерес.

В плане он прямоугольный, и на его внутреннем уровне земли, который также очень близок к уровню верхней части его внешнего расширяющегося цоколя, его размеры, без учета шести выступов, составляют 152 фута к северу и югу, на 111 футов к востоку и западу и с его выступами 171 на 146 футов. Два северных угла увенчаны двумя прямоугольными башенками, северо-западная из которых имеет ширину 29 футов на западной стороне с выступом 8 футов, а на северной стороне 30 футов с выступом 8 футов. Северо-восточная башенка имеет высоту 29 футов с восточной стороны и 27 футов с северной, с выступами 8 футов. Юго-западная башенка выступает из южного конца западной стены на 14 футов и имеет ширину 40 футов. Юго-восточная башня занимает аналогичное положение на восточном фасаде, но в плане представляет собой полукруг диаметром или шириной 50 футов и выступом 25 футов. Южная стена имеет контрфорс на каждом конце. Та, что на восточном конце, имеет ширину 20 футов при 8-футовом выступе, а та, что на западном конце, имеет ширину 12 футов при 8-футовом выступе. Этот последний защищает вход.

На более длинной или восточной и западной гранях расположены две промежуточные пилястры шириной 8 футов с выступом в фут, а на северной грани - одна пилястра шириной 8 футов с выступом в 18 дюймов. Против полукруглой башенки расположены четыре пилястры шириной 4 фута 10 дюймов с выступом в фут, а у выступающих двух полупилястр шириной 2 фута 5 дюймов. Башенки, контрфорсы и пилястры, за одним исключением, поднимаются до нынешней вершины, не прерываемые спуском или струнным ходом. Исключение составляет северо-западная башенка, которая на уровне первого этажа уменьшена с северной стороны с 30 футов до 24 футов, причем 6 футов образуют полку или площадку для входной двери. Цоколь проходит по всему зданию и увенчивается простой фаской. Ниже стены расходятся в стороны внутри и снаружи, пока на глубине около 30 футов не достигнут основания около 30 футов. Надземная часть была облицована тесаным деревом, которое было снято. Такая чрезмерная глубина и ширина фундамента очень необычны. Две северные башенки прочны до уровня первого этажа, как и два южных контрфорса, один из которых действительно прочный на всем протяжении. В юго-западной башенке есть лестница-колодец, которая поднимается из подвала на вершину. В юго-восточной башне на уровне земли находится склеп.

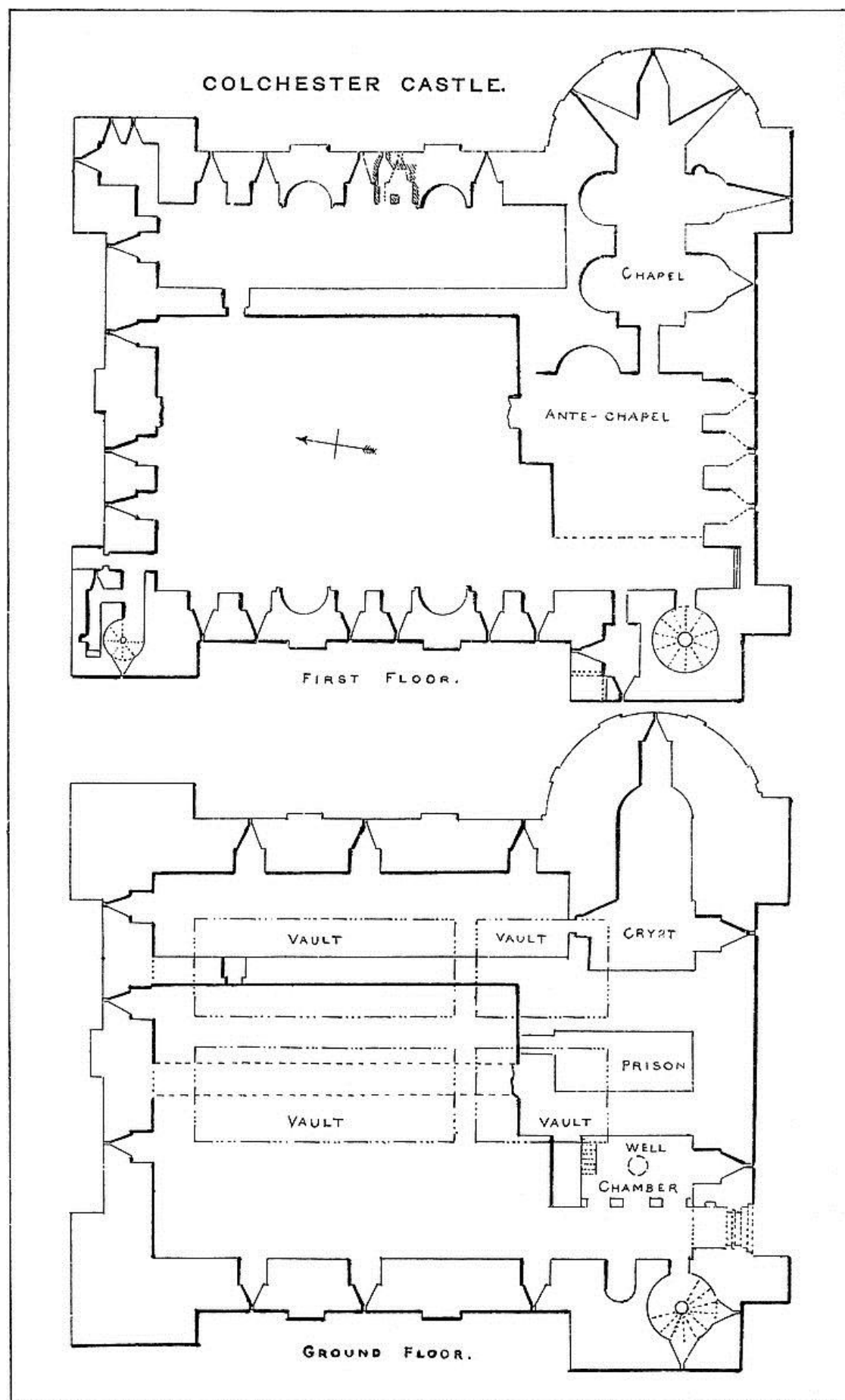
Пространство внутри стен размером 126 на 87 футов было разделено неравномерно. Участок шириной от 36 до 40 футов был огорожен стеной с южной стороны и использовался как входной проход, камера-колодец, тюремное хранилище и склеп под часовней.

Пространство, расположенное к северу, снова было разделено на восточное, западное и среднее отделения двумя стенами, идущими на север и юг. Восточный отсек размером 91 на 22 фута скорее проветривался, чем освещался тремя петлями на восточной и одной на северной стене. Одна из этих петель была в прошлом веке переделана в дверь, но с тех пор была замурована. Центральная петля теперь является дверью. В южном конце небольшой дверной проем ведет в склеп. В это отделение можно было попасть через дверной проем в поперечной стене шириной 3 фута 9 дюймов, но имеющий прорезь для двери. Толщина стены 7 футов. Среднее отделение имело 80 футов в длину и 15 футов в ширину, но его западная стена толщиной 7 футов была демонтирована, как говорят, в 1683 году. Его следы сохранились на южном конце, а на северном конце выступ в стене показывает, что на этом конце находилась коммуникационная дверь. В северном конце этого отсека есть единственная петля, а в южном - дверной проем, ведущий в тюремное хранилище.

Западный или больший отсек, из которого вошли остальные, имел 90 футов в длину и 36 футов в ширину. На северном конце у него была петля, а на западной - три. В его южной стене, вероятно, находился внутренний дверной проем, соответствующий главному входу. Говорят, что под полом этой камеры есть яма или водосток, канализация римской постройки, которая проходит на запад через стену к реке. Петли по всему этому первому этажу выполнены в одном стиле. Они с круглой головкой, шириной 6 дюймов, на конце растопыренного углубления, которое переходит в углубление с плоскими сторонами шириной 7 футов и глубиной 3 фута 6 дюймов. Эти углубления имеют круглую форму и возвышаются над уровнем пола примерно на 12 футов. Углубление и арочный выступ выполнены в основном из плитки. Отделка выполнена из ясеня. Все арки, как дверей, так и ниш, имеют круглую форму. Три отсека были перекрыты цельными деревянными балками, поддерживающими пол верхней камеры. Первый этаж был высотой около 15 футов и, за исключением склепа, по-видимому, предназначался для хранения вещей.

Главный вход находится на этом этаже, в западном конце южной стороны. Дверной проем шириной 7 футов 7 дюймов был обрамлен с каждой стороны двумя колоннами в нишах с простыми основаниями и капителями, покрытыми жесткой листвой нормандского характера. Над капителями - простые счеты со скошенной поверхностью. Головка состоит из трех элементов, каждый из которых представляет собой жирный валик или бусинку. Два внутренних элемента исходят из капителей, внешний элемент с капельным камнем, выполненным в виде двух полос полукругов, исходит только из абака. Счеты заканчиваются внутри портала квадратным пазом для опускной решетки, вероятно, железной, за которым находится перекладина для двери с отверстием для толстого деревянного бруса. Пять или шесть ступенек, ныне скрытых или исчезнувших, вели к этому дверному проему, и здесь нет никаких следов подъемного моста. Внутри портала, в стене толщиной 14 футов, слева, находится небольшая ниша с круглым выступом, плоские стороны и задняя часть которой украшены низкими барельефами некоторых епископов и святых, включая святого Христофора. Они красиво выполнены и, вероятно, являются работой какого-нибудь гениального носильщика.

КОЛЧЕСТЕРСКИЙ ЗАМОК.

Дверь открывается в вестибюль или входной проход шириной 12 футов и длиной 36 футов. Правая стена представляет собой открытую галерею, современную, но, вероятно, представляющую собой более старую стену, перекрывающую камеру-колодец. Южный конец сейчас открыт, но его пересекала стена толщиной 10 футов, в которой, без сомнения, находилась внутренняя дверь, ведущая в большую комнату на первом этаже. Слева находится сначала дверь на большую лестницу, затем ниша шириной 8 футов, высотой 9 футов и глубиной 7 футов, полукупольная. Короткий проход со сводчатыми потолками ведет к большой лестнице, представляющей собой цилиндр диаметром 16 футов с перекрытием в 2 фута. Он имеет петли на юг и запад, и сорок семь ступеней ведут к нынешней вершине. На двадцать третьей ступени коридор с тремя ступенями ответвляется на второй этаж.

В скважинной камере размером 15 на 26 футов находится скважина, которая сейчас закрыта насосом. Он имеет 5 футов в диаметре и 65 футов в глубину и был облицован тесом, верхняя часть которого была ободрана. Колодец был обнаружен в прошлом веке. Говорят, что в нем была замечена боковая водопропускная труба, предназначенная в качестве сточной трубы для отвода любых переливов, которые в противном случае могли бы повредить фундамент. В южной стене было углубление шириной 8 футов и глубиной 7 футов, круглое и полукуполообразное, ныне окно. Вероятно, в нем стояли ведра. Здесь также современная лестница спускается к сводам. Камера-колодец не сводчатая. Следующей к востоку, отделенной стеной толщиной 9 футов, находится тюрьма; это камера с бочкообразными сводами размером 15 на 30 футов, в которую можно попасть из среднего отделения через дверной проем размером 3 фута; она поддерживает прихожую. К востоку от этого хранилища стена толщиной 13 футов отделяет его от склепа. Западная часть склепа, поперечная ветвь буквы "Т", имеет прямоугольную форму, 14 футов на 28 футов, сводчатую и паховую, вход в нее осуществляется из восточного отделения; в южной стене есть петля. Основа буквы Т - собственно склеп, 31 фут в длину, 14 футов в ширину и 14 футов в высоту до вершины его бочкообразного свода. Его восточный конец полукруглый и полукупольный. Петля в центре апсиды была преобразована в окно. Говорят, что в этом склепе есть сток, спускающийся на юг, к реке. На этом рассказ о первом этаже завершается.

С лестницы дверь открывается в вестибюль над входным проходом, который, вероятно, был того же размера. В настоящее время восточная и северная стены выполнены в современном стиле. Южный конец этого вестибюля занят нишей с плоскими стенами и плоской спинкой шириной 10 футов, глубиной 10 футов и высотой около 12 футов, в полу которой есть щель для прохода опускной решетки. Поскольку выемка шире решетки, боковых канавок нет. Вверху находится углубление, куда вставлялось кольцо или крюк, на котором подвешивалась решетка. Слева от двери на лестницу находится дверь поменьше, которая открывается в гардеробную, которая разделяет башенку с лестницей. Он имеет 15 футов 6 дюймов в длину и 10 футов 4 дюйма в ширину, бочкообразный, с петлями на западе и севере, а под каждой - сиденье и побег в стене. Петли были увеличены до размеров окон, и помещение используется как архивное. Снаружи, в северной стене башни, недалеко от ее стыка с занавесом, находится массивная глубокая скоба, состоящая из семи камней и черепицы, выступающая наверху примерно на фут, которая, возможно, поддерживала шахту гардероба со стороны зубчатых стен, или, возможно, была соединена с каким-то сооружением из бруса. Его назначение неясно. Восточная стена вестибюля отделяет его от современной библиотеки, которая возвышается над древней часовней и, вероятно, была главным частным помещением в цитадели. В его южных стенах было три углубления, без сомнения, с петлями. Теперь в двух из них расположены окна, а в одном - камин. За пределами этой камеры, к северу, находится современный коридор, пространство которого, по-видимому, было частью передней часовни. В его восточной стене есть ниша с круглой спинкой шириной 10 футов,

через которую самым опрометчивым образом был пробит проход в часовню. Из передней части часовни в западный конец открывался высокий дверной проем с круглым выступом.

Часовня состоит из нефа и апсиды, а также из четырех боковых ниш или приделов. Его длина составляет 45 футов, ширина - 15 футов, а высота до вершины бочкообразного свода - 17 футов 6 дюймов. Апсида полукруглая и полукупольная, одной высоты с нефом. Самая западная пара ниш имеет ширину 14 футов и глубину 12 футов, с полукупольчатыми концами. Восточная пара имеет ширину 11 футов, глубину 11 футов и 14 футов, и обе полукупольные. В восточной стене южной ниши есть ниша для бокового алтаря. Боковые своды примыкают к основному своду. Пахи или линии пересечения ровные. В апсиде есть центральное углубление, ныне служащее окном, и два боковых меньших углубления с неизменными петлями. Поскольку стены повсюду очень толстые, а пять первоначальных отверстий не могли превышать восьми дюймов, в часовне, должно быть, было более темно, чем обычно. На нем нет никаких украшений, даже счетов или постамента. Каменная кладка выглядит как самый обычный щебень. Он густо оштукатурен. Это очень любопытный и редкий образец замковой часовни.

Первый этаж, к северу от часовни и входного вестибюля, разделен на большую западную и меньшую восточную камеру. Восточная камера имеет размеры 21 на 88 футов, западная - 61 на 100 футов, увеличение размеров нижней части связано с небольшим уменьшением толщины стен.

В восточную камеру можно попасть из западной через дверной проем в разделительной стене. В его северном конце находится петля, в восточной стене - два камина; к северу от одного - две петли, а к югу - одна от другой; между ними находится четвертая петля и настенная кладовая. Эта камера размером 3 фута 6 дюймов на 9 футов 3 дюйма имеет восточное углубление шириной 3 фута, а в нем небольшую петлю, под которой находится сиденье, и отверстие для выстрела в стене. Из основной камеры есть две двери, открывающиеся на расстоянии 3 футов 3 дюймов друг от друга. Вероятно, комната была разделена деревянной перегородкой, так что в каждой комнате был камин, а гардероб был общим для них двоих, с дверью, открывающейся из каждой. Северо-восточная башня здесь содержит сводчатую камеру размером 13 на 10 футов и высотой 16 футов. В ней есть одна петля на севере и две на востоке, теперь разделенные на одну. На западной стене есть указание либо на незаконченный камин, либо на замурованный. Вероятно, это была спальня.

Возможно, западная камера, как и нижний этаж, была разделена стеной, возведенной над той, которая сейчас удалена; и неравномерное пространство между петлями в ее северной стене способствует такому представлению. Однако, более вероятно, что стена была не так приподнята, и неравномерное пространство может быть вызвано желанием уберечь петли от внешней пилястры. Комната, если предположить, что она была во всю ширину, имела четыре петли в северной стене, а в западной стене два камина с двумя петлями между ними и двумя за каждой, всего шесть. Каминные просторные, с круглыми головками, с закругленными спинками, выложенными по краям изразцами с рисунком в виде селедочной кости. Они стоят в широкой пилястре с выступом в виде ножки и довольно простые. Они выложены плиткой с единым рисунком на всем протяжении, и на высоте около 14 футов дымоход прекращается и разделяется на два ответвления, которые открываются перед стеной, по одному с каждой стороны пилястры, в углублении, как в Рочестере и в Лондонском Тауэре. У этих каминов, по-видимому, не было вытяжки. Над одним из них находится что-то вроде облицовочной плитки, которая выглядит как часть колпака, подобного тому, что до сих пор можно увидеть над западной дверью церкви Святого Ботольфа. Однако на косяке камина есть второй фрагмент, который не мог быть частью вытяжки. Вероятно, это остатки лепнины

на крышах коттеджей, построенных на территории крепости после того, как все было распотрошено и вскрыто. Петли этого пола, как и нижеприведенные, выполнены по одному шаблону. Углубление шириной 7 футов, с плоскими сторонами и круглой головкой начинается на уровне пола и поднимается примерно на 14 футов. На глубине 3 фута 6 дюймов находится фальц или раскрытие, от которого начинается растопыренное углубление, заканчивающееся петлей шириной восемь дюймов.

В северной стене, на ее западном конце, находится простой дверной проем и углубление, соответствующее дверному проему снаружи стены, которое выходило на уже упомянутую полку, как и на восточной стороне северо-западной башни. Это плечо образовывало площадку размером 6 на 8 футов, откуда лестница спускалась по торцевой части стены на землю. Стены показывают, где лестница была проложена в результате прекращения регулярного движения, но это также показывает, что лестница была придумана позже. Первоначальная лестница, вероятно, была деревянной. Дверь, очевидно, была замурована с незапамятных времен. На западной стороне этого дверного проема находится боковая дверь меньшего размера, ведущая в холл с пахом, который ведет на лестницу и гардеробную, занимающие северо-западную башню. Гардеробная размером 7 на 2 фута, с петлей на востоке, сиденьем и сливным отверстием на западе, а в северной стене - углублением для лампы. В нескольких футах к югу от сиденья и его отростка на внешней стене виден второй отросток. Вероятно, он принадлежал гардеробнице на зубчатых стенах, ныне исчезнувшей. Лестница представляет собой колодец диаметром 6 футов, от которого сохранилось двадцать четыре ступени. Очевидно, она вела с уровня первого этажа на вершину. Фрагмент башни, по-видимому, показывает, что первоначальная высота стены составляла от 32 до 36 футов. Эта лестница и главная лестница сокращены из-за удаления верхних 5 или 6 футов стены. Они выходят на нынешнюю вершину стены, которая была выровнена, а также на небольшую зубчатую стену и заднюю стенку, построенную для обеспечения безопасности прохода. Похоже, здесь не было второго этажа.

Много лет назад, около 1683 года, тогдашний владелец замка, позорно известный тем, что снял верхнюю часть стен и выпотрошил внутренности здания, обнаружил, что часть первого этажа опирается на своды. Он открыл и исследовал их, и они все еще доступны. Хранилищ всего два, они построены бок о бок, каждое 22 фута в ширину и 96 футов в длину. Их пересекает стена толщиной 6 футов, и, таким образом, они образуют два свода по 60 футов и два по 30 футов. Стена между ними имеет толщину 8 футов. Когда их обнаружили, они были заполнены землей, настолько заполнены, что было очевидно, что содержимое фундаментов было насыпано и использовалось в качестве центрирующего элемента, арка была повернута на земле или уложены на нее камни. У одного хранилища крыша плоская, удерживаемая простым сцеплением каменной кладки. Первоначально у этих хранилищ не было входа, и они, очевидно, были только строительными работами, не предназначенными для использования. Было проделано несколько брешей, чтобы в одно хранилище можно было попасть из другого; также была проделана брешь в северной стене крепости ниже внешнего уровня земли, через которую была удалена значительная часть этого грунта, и, таким образом, полости допускают частичное обследование. Каменная кладка представляет собой полностью грубый щебень, состоящий из крупной гальки, валунов и фрагментов камня, необработанный и с очень свободным использованием строительного раствора. Своды описаны как заостренные, но чрезмерная грубость работы и характер центрирования могли бы объяснить любую неправильность в форме арок. На глаз они кажутся грубо полукруглыми. То, что эти своды датируются временем постройки крепости, очевидно из их отношения к другим стенам, часть которых опирается на них. Нынешний вход находится в полу камеры-колодца.

По какой-то причине, возможно, из-за опасения дефекта фундамента во влажной песчаной почве, по-видимому, было сочтено необходимым принять чрезвычайные меры предосторожности против неравномерного расположения частей крепости. Отсюда, вероятно, обширная площадь, низкая высота стен и чрезмерная ширина их фундамента. Отсюда, вероятно, и решение приподнять пол внутреннего помещения над внешней поверхностью за счет использования сводчатых перекрытий. Если такова была причина этих необычных мер предосторожности, то результат оказался совершенно успешным, поскольку нигде не видно никаких следов оседания грунта.

Хотя главный вход на уровне первого этажа ни в коем случае не является чем-то неизвестным в нормандских замках и находится в Карлайле, Ладлоу и Бэмборо, он не был обычным, и изучение ранееустановленного входа в Колчестере приводит к выводу, что изначально здесь такого не было. Очевидно не только то, что нынешний богато украшенный дверной проем является вставкой, но и то, что внешняя часть стены над ним также была снесена на значительную высоту и неуклюже перестроена. Это было сделано для того, чтобы можно было установить опускную решетку. Без этого было бы достаточно убрать только нижнюю каменную кладку, но решетка требовала свободного пространства для головы при подъеме, и для достижения этого потребовалась более масштабная переделка. Непосредственно над натекшим камнем находятся несколько рядов тесаного дерева, без сомнения, унаследованного от старой постройки; но выше этого стена сложена из очень некачественного необработанного щебня, сильно отличающегося от обычных рядов камня и черепицы, видимых в стене по обе стороны. Когда вставляли наружную дверную коробку, внутренняя стена также была облицована тесаным деревом, и кольцевые камни внутренней арки и входов на главную лестницу также были облицованы таким же образом. Вверху ниша, в которую была поднята опускная решетка, выложена плиткой и, очевидно, оригинальна; но пол с отверстием или выемкой и плоская задняя часть ниши сделаны позже. По всей вероятности, первоначально там, где сейчас находится большой дверной проем, было углубление, возможно, с петлей, и, безусловно, наверху было углубление, вероятно, тоже с петлей. Когда эта дверь была открыта в поздний нормандский период, первоначальный вход на втором этаже, с северной стороны, вероятно, был замурован, как он сохранился до сих пор. Было высказано предположение, что большой дверной проем заменил заднюю дверь, но задние двери в нормандских замках действительно были очень необычными, особенно на уровне земли, и, похоже, нет причин предполагать наличие таковой здесь. Вероятно, когда строилась цитадель, в ней не было *ограждающей* стены, но когда она была построена, цитадель стала намного более безопасной, а поскольку вход в нее был удобен со стороны города, изменения были внесены.

Есть что сказать в пользу настойчивости, с которой утверждалось, что эта крепость является римским зданием. Необычен не только его дизайн, но и используемый материал и, в некоторой степени, качество изготовления. Стены, хотя и облицованы тесаным деревом на цоколе, и хотя тесаный камень в основном используется в отделке помещений вплоть до первого этажа, содержат большое количество крупной квадратной толстой плитки, столь характерной для римской работы. Более того, эти плитки в основном цельные, как если бы они не использовались в старых зданиях, и их укладывают в виде связующих или цепных рядов, одинарных, двойных, тройных и даже четырех рядов, с промежуточными полосами из цементного камня в виде небольших блоков грубой квадратной формы. Иногда плитка укладывается по краю, иногда слегка наклонно, местами с тенденцией к "селедочной косточке", а большая часть внутренней разделительной стены представляет собой обычную "селедочную косточку", и это очень прекрасный пример. Большинство ниш в стенах изначально не были закруглены и имеют полукупольчатую форму, что необычно для

нормандских замков. Снаружи здания, высоко в стенах, сохранились следы ряда отверстий или, возможно, только углублений площадью около 2 квадратных футов 6 дюймов. Один из них показан на раннем рисунке как содержащий солнечные часы, без сомнения, вставку. Предполагалось, что они представляют собой таблички с надписью, но доказательств этому нет. Для чего они предназначались, трудно даже догадаться.

Все эти особенности, а также некоторые другие, отсутствующие на самом деле, были приведены для обоснования мнений генерала Роя, Кинга и других в пользу римского происхождения здания, которое, как утверждается, было построено для содержания и охраны святилища языческого божества, а впоследствии было преобразовано норманнами в крепость. Подобные преобразования римских зданий в средневековые крепости были, без сомнения, достаточно распространены в Италии и Франции и небезызвестны в Англии, как в Певенси и Порчестере, но, тем не менее, вряд ли есть основания предполагать, что это здание было римским или иным, чем нормандская крепость.

Сочетание прямоугольного плана с угловыми башенками и промежуточными пилястрами небольшого выступа отчетливо и своеобразно нормандское. Что касается необычных размеров здания, то по размерам и высоте владения Нормана значительно различались - от Клитеро и Годерича до Норвича или Лондона. Проекция башенок также варьируется от простых пилястр, как в Боузе и Скарборо, до обычных башенок, как в Дувре и Кенилуорте. Полукруглый выступ и часовня внутри действительно редки, поскольку ограничены Колчестером и Лондоном, но никто, знакомый с небольшими нормандскими церквями, не колеблясь, причислил бы их к ним. Расширяющийся цоколь также является нормандской чертой, его можно увидеть в Норэме и Кенилуорте. Толстые и прочные стены на первом этаже также являются обычным явлением. Одним из самых обычных нормандских решений было размещение под одним углом лестницы-колодца, сообщающейся с каждым этажом и с крышей, в то время как под другим углом была аналогичная лестница, начинающаяся на первом этаже.

Нормандский вход, хотя иногда и располагался на первом этаже, чаще всего, как и изначально здесь, располагался на втором этаже. Он также не всегда был защищен передним зданием. Ни Годерих, ни Клитеро, ни Честер не были так защищены. Колодец в нормандских замках, хотя часто и в стене, обнаруживался и в других ситуациях. В Норвиче и Касл-Райзинге это было в пределах этого района, а также в Бамборо. Фресковые камеры, особенно для гардеробных, распространены в нормандских замках, особенно на уровне первого этажа. Здесь есть три помещения, причем побольше, помимо часовни и придела. Побег нормандских гардеробов обычно открываются на лицевой стороне стены, нижний камень немного выступает, чтобы на него не попадала грязь, как в Ладлоу и Карлайле. Отверстие дымоходов каминов на лицевой стороне стены, рядом с пилястрой, является чисто нормандским устройством. Использование петель на втором этаже, хотя и с большими выступающими углублениями, также является нормандским и является частью ревнивой системы, которая пронизывала эти крепости. Обычно петли превращались в окна только на втором этаже. В нормандских замках полы почти всегда были деревянными, балки поддерживались, при необходимости, столбами или подпорками, как это сегодня можно увидеть в Лондонском Тауэре.

Что касается материала, то использование новых, прозрачных и цельных плиток ни в коем случае не указывает на то, что произведение было римским. Растворы из приоратской церкви Святого Ботольфа, очевидно, никогда раньше не использовались. Единственный вывод заключается в том, что они были изготовлены в подражание тем, что были введены римлянами. Не является римским составом и строительный раствор, который обычно

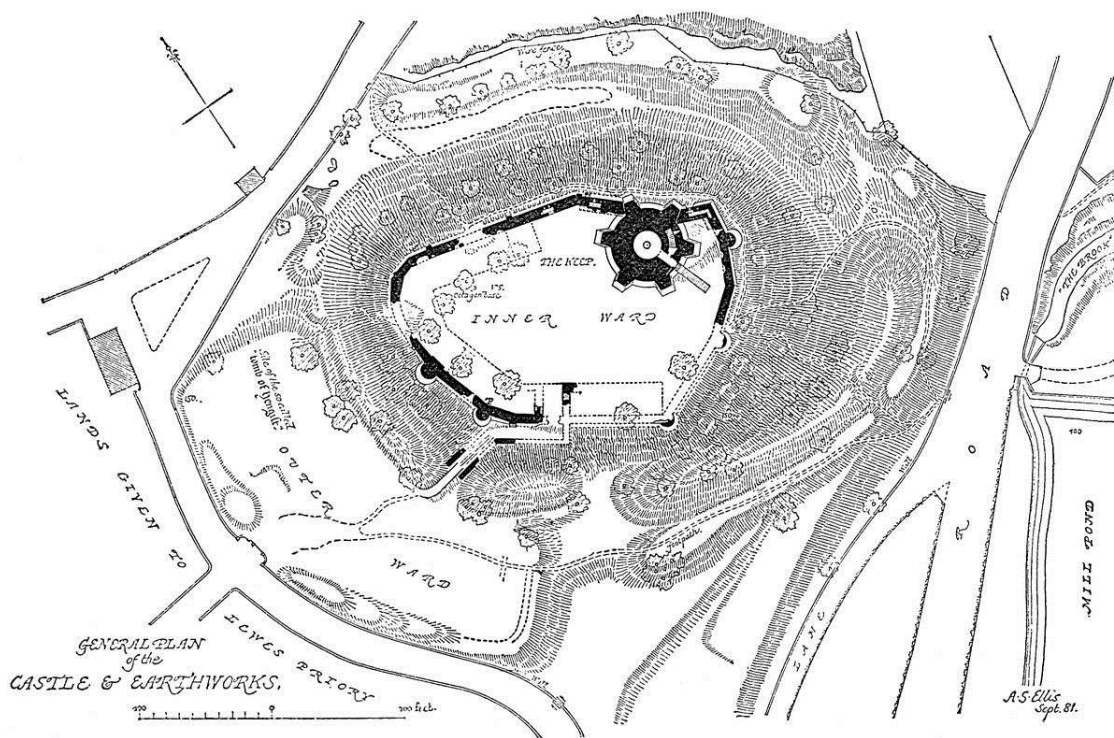
описывается как составленный римлянами. Он явно белого или светлого цвета, с большим преобладанием песка, настолько сильным, что в некоторых местах это предотвратило его застывание. Там, где раствор находится в массе, он может содержать фрагменты плитки или камня, но в его составе нет следов толченого кирпича. Как правило, он плохо перемешан и содержит крупные фрагменты морских раковин. Отверстия в бревнах по размеру и расположению такие же, как обычно наблюдаются в зданиях одиннадцатого и двенадцатого веков, хотя, вероятно, ими дело не ограничивается. Перекрытия лестничных маршей и фресковые залы повсюду глубоко впечатлены формой досок, используемых в качестве центрирующих, или того, что технически называется лагом. Плотничья работа в нормандских замках, по-видимому, была выполнена очень грубо, и грубые доски были густо намазаны строительным раствором, чтобы вывести их на поверхность. Это хорошо видно в Колчестере.

Принимая во внимание все эти особенности, не должно быть никаких сомнений в том, что крепость Колчестер является нормандским сооружением, построенным, вероятно, примерно в конце одиннадцатого века одним из сыновей Хьюберта де Ри.

Цитадель - единственная сохранившаяся часть Колчестерского замка. *Ограждение* стены было давно демонтировано, вероятно, около 1650 года, но ее общая линия на восток, север и запад обозначена тремя земляными валами. На юге земля выровнена. Вход из города был с этой стороны. Это были главные ворота, но были и вторые. Площадь, огороженная таким образом, по-видимому, превышала три акра. В этой области и около нее были обнаружены различные римские останки.

ЗАМОК КОНИСБОРО.

КОНИСБОРО, или, как его более правильно называли в древности, Конингсборо, или замок Конингсбургх, - одна из самых замечательных цитаделей на Севере Англии, стоящая высоко над берегом "ласкового Дона", примерно в полумиле ниже впадающего в него Дирна, посреди величественного лесного амфитеатра. Его название говорит о том, что он был резиденцией саксонской королевской семьи, а его положение - подобающим резиденции саксонской королевской семьи; а мощные земляные валы, составляющие его самые древние оборонительные сооружения, возводят ценность владения и могущества основателя; более того, великий чародей романтики придал этому месту очарование и придал ему интерес, не менее глубокий, чем тот, который является полностью вымышленным. Тех, и их немало, кто поднимается на охраняемую гору, мало волнует великий нормандский граф, воздвигший на ней башню; для них она населена творениями Скотта. Сохранилась комната, хотя и без крыши, в которой он устраивает погребальный пир по Этельстану, и все еще неизменной остается молельня, в которой Ровена изливала свои весьма противоречивые молитвы. Нынешний вид обязательно должен носить более прозаический характер. В нем следует обратить внимание на великих графов, чья башня стоит почти непревзойденно как непреходящее свидетельство их феодального великолепия и строительного мастерства. Хотя Конисборо, возможно, и не сравнится по размерам с Коуси, а могущество даже Дома Уорренов меркнет перед могуществом его более чем королевских предков, меньшая, но более старая башня не уступает своему великому сопернику по положению, качеству материалов или тонкости изготовления.

А.С.Эллис

Сентябрь 81.

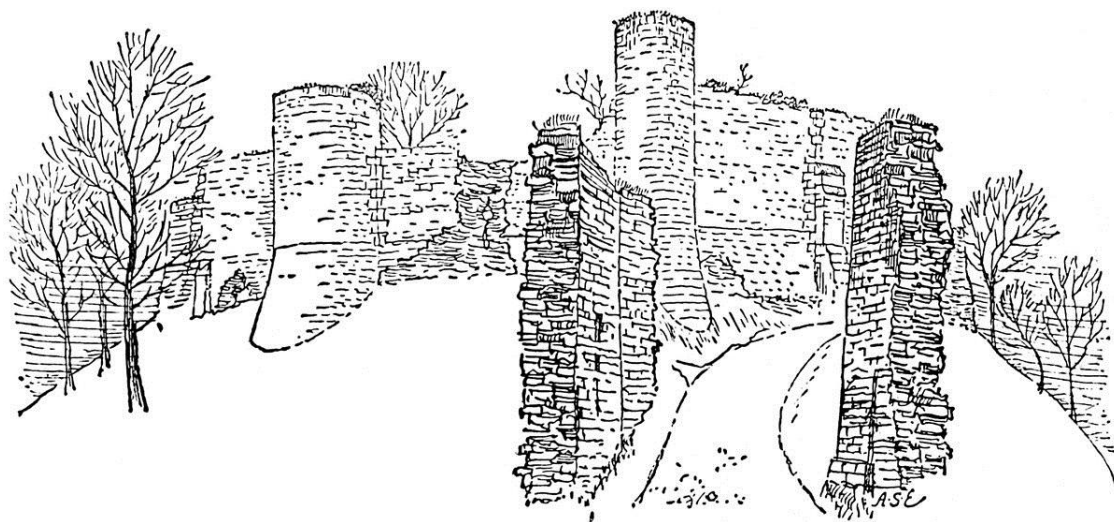
ЗАМОК КОНИСБОРО.

ОБЩИЙ ПЛАН ЗАМКА И ЗЕМЛЯНЫХ РАБОТ.

Тот, кто выбрал холм Конисборо в качестве места для крепости, если и не был, как сказал король Яков, посетив подобное место, вором в своем сердце, то, должно быть, считал безопасность первостепенной важности и был готов потратить огромное количество человеческого труда на ее достижение. То, с чем ему пришлось иметь дело, было изолированным холмом из камня и гравия, возвышающимся примерно на 400 ярдов от берега реки на высоту около 175 футов, естественно крутым со всех сторон, хотя и несколько менее крутым к юго-западу, где внешняя поверхность несколько выше. На этой стороне, примерно в фарлонге, стоит древняя церковь Святого Петра, а рядом с ней деревня Конисборо. Вершина холма была выровнена и обтесана в виде платформы округлых очертаний, 90 ярдов к северо-востоку и юго-западу, на 60 ярдов в поперечном направлении, таким образом, охватывая около трех четвертей акра. От этой вершины склоны круто спускаются ко дну огромного рва примерно в 60 футах ниже гребня. Внешний склон или контрэскарп рва варьируется по высоте или, скорее, глубине в зависимости от характера грунта, и примерно на две трети его окружности возвышается крутой берег, который придает рву глубину от 18 до 25 футов, а внешний склон которого переходит в естественный обрыв склона холма. К юго-западу, или со стороны города, где земля, занимаемая церковью, примерно на 25 футов выше, чем *территория* замка, промежуточная впадина занята большим флигелем, опирающимся на главный ров, ответвление от которого охватывает и отделяет его от города, и таким образом образуется внешняя защита, удобная либо для размещения войск, либо для безопасного выпаса скота. Основной подход, должно быть, всегда был с этой стороны и поперек этого земляного вала. Ни в какой другой точке нельзя было бы придумать столь безопасный и удобный подход; на самом деле, он едва ли применим для лошади со всадником на спине, а тем более для носилок или транспортного средства на колесах. Таковым, что касается земляного вала, была и остается первоначальная крепость, резиденция и оплот короля, от имени которого был назван район,

и, если предположить, что стены и цитадель будут сняты, а гребень платформы, контрэскарп рва и внешний край земляного вала будут обнесены частоколом, место все равно будет очень прочным и пригодным для проживания даже королевской свиты.

Когда граф Уоррен вскоре после нормандского завоевания посетил свою новоприобретенную светлость, он, должно быть, был поражен общей аналогией ее главной резиденции с теми укрепленными местами, которые он оставил после себя. Курган или насыпь, здесь естественные, кольцевой ров вокруг него и укрепленные флигели, прикрывающие более слабую сторону, опирающиеся на ров и защищенные его ответвлением, были особенностями, столь же хорошо известными в Нормандии, как и в Англии. Несомненно, он намеревался дополнить крепость теми каменными работами, которые как раз тогда стали популярны на берегах Сены и Орны; но внутреннее свидетельство старейшего из сохранившихся каменных сооружений, окружающей стены, показывает, что это была не его работа. Вероятно, он счел работы, необходимые в Льюисе, Райгейте и Касл-акре, вполне достаточными для его средств, и был вынужден довольствоваться теми защитными сооружениями, которые, как он обнаружил, уже были в его руках, а его сыну или внуку следует приписать самую раннюю сохранившуюся каменную кладку, более старую часть занавеса и часть внешней сторожки у подножия холма. Нет оснований предполагать, что здесь когда-либо была нормандская крепость. Вероятно, весь внутренний двор, как в Эксетере и Рестормеле, считался крепостью-ракушкой. Нынешняя башня, безусловно, является более поздней пристройкой. Приведенный здесь вид показывает подъем от сторожки. Слева виден внешний вид занавеса главного отделения.

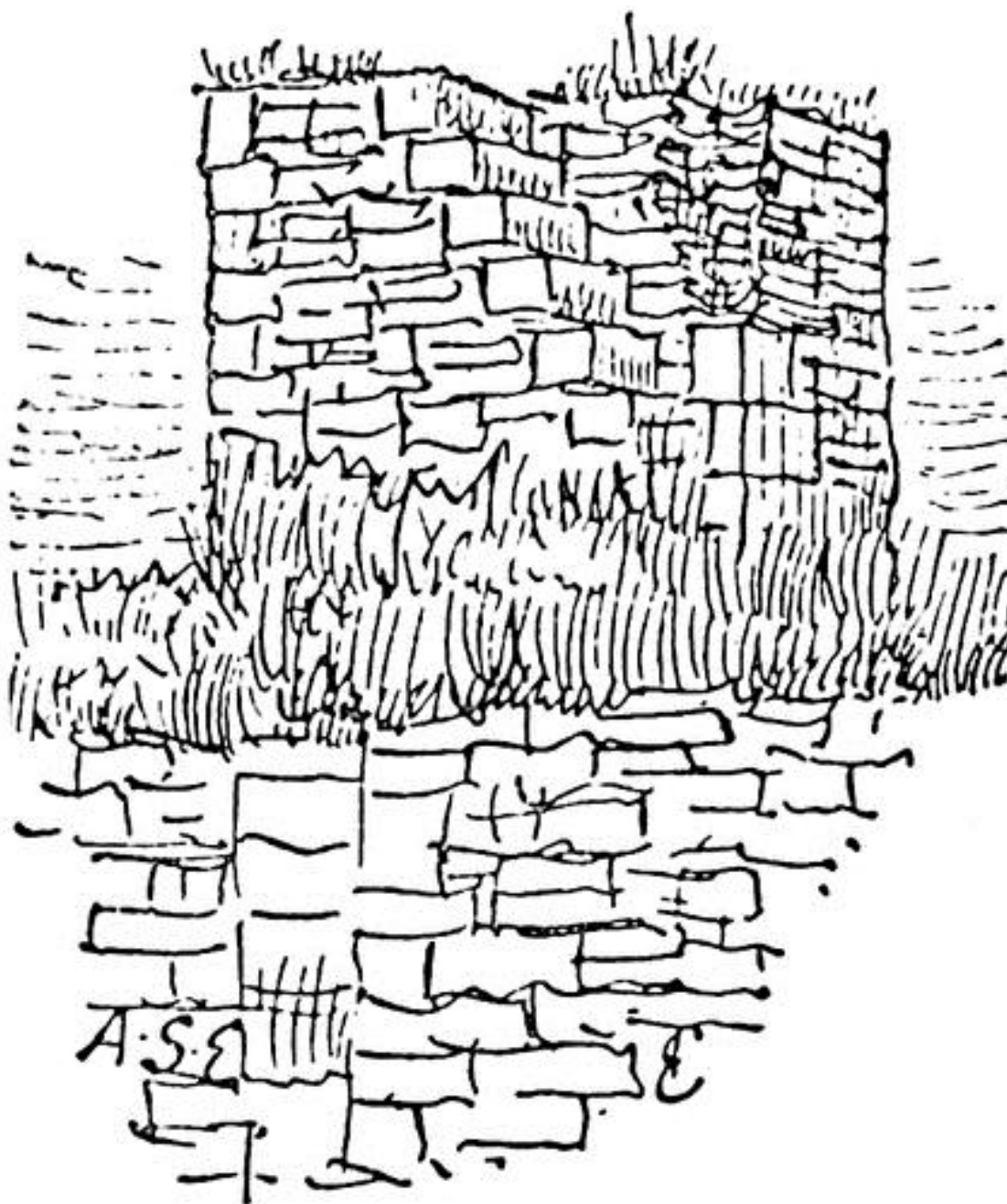

Замок, как видно сейчас, состоит из цитадели, внутреннего и внешнего подворий, а также крутого склона между ними. *Внешняя защита* - это земляной вал на западной стороне. Нет никаких следов ни ворот, через которые сюда, должно быть, проникли, ни какой-либо навесной стены, окружающей его, ни зданий внутри него. Вероятно, его оборонительные сооружения всегда были из бревен, уложенных на земляной вал, который венчает откосную часть рва, и, должно быть, были выброшены из него.

Пересекая центр земляного вала, путь в замок достигает главного или внутреннего рва и пересекает его по современной земляной насыпи, заменяющей древний подъемный мост, и достигает основания холма между двумя толстыми и высокими стенами, параллельными и на расстоянии 10 футов друг от друга, как у входа в Беркхэмпстед. Поперечные стены, которые соединяли их с каждого конца и были продырявлены порталными арками, исчезли. Сформированная таким образом сторожка, вероятно, имела деревянное покрытие и, возможно, верхний этаж над входным проходом с укрепленной платформой над всем этим.

Боковые стены продолжают или были продолжены вверх по холму. Та, что слева при входе, вела прямо вверх по склону, пока не упиралась в занавес внутренней палаты и не соединялась с ним. Стена по правую руку вырастает из небольшой массивной круглой башенки, которая примыкает к внутреннему торцу сторожки. Он проходит наискось вверх по склону, постепенно приближаясь к верхнему входу, которого достигает под прямым углом к середине южного фасада. Эта стена защищает проезжую часть от нижних до верхних ворот, а сама находится под контролем навесной стены наверху. Можно сказать, что он пересекает *Средний квартал*, если этот термин применим к склону холма между рвом и надворной постройкой внизу и ограждающей стеной внутреннего квартала вверху. По сути, это гласис внутренней линии обороны.

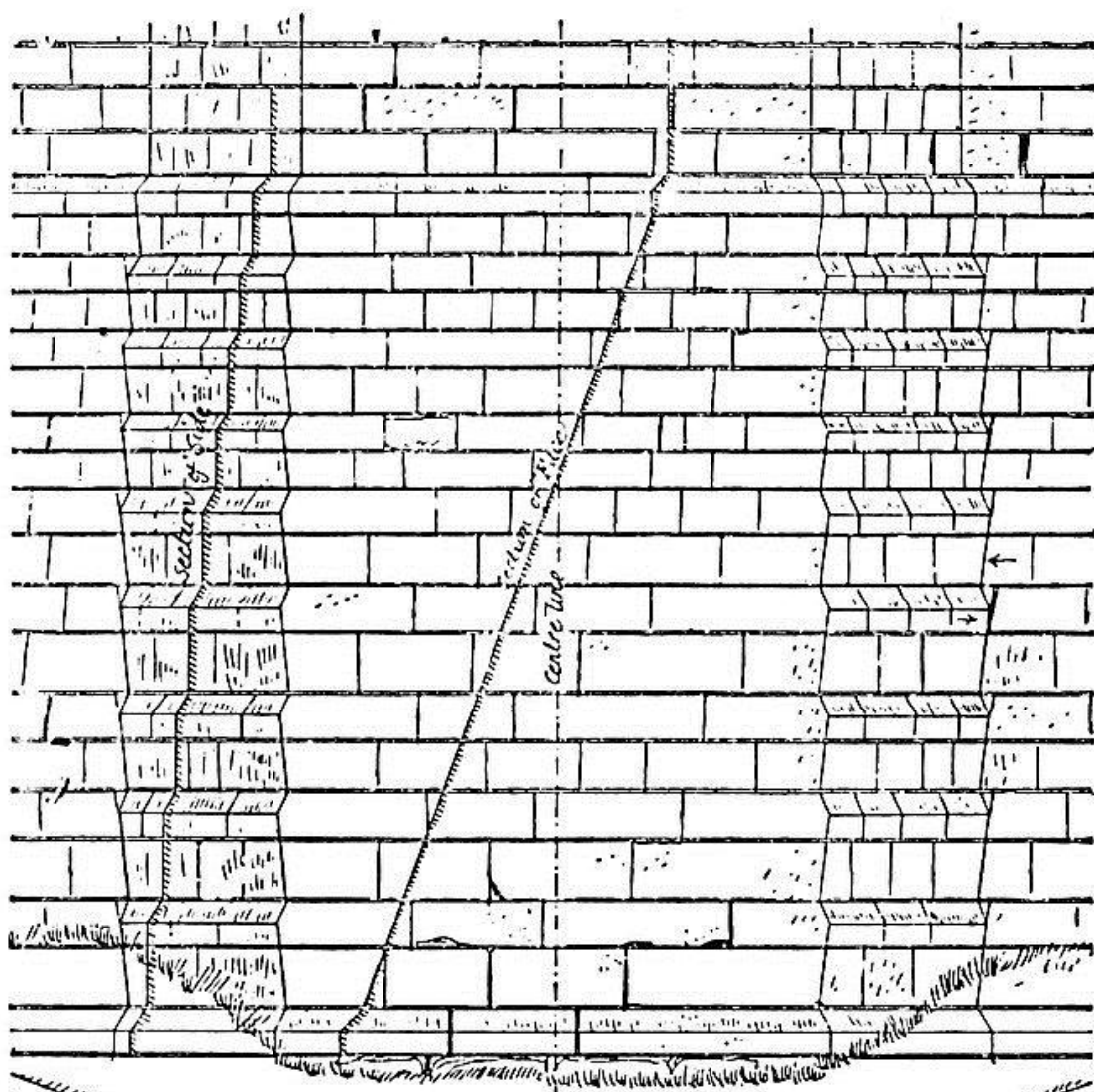
От *Внутренней палаты* в настоящее время не осталось и следа внешней сторожки. Вероятно, вход представлял собой простую арку в занавесе, как в Бриджнорте, Кенилуорте или Кардиффе, дополнительно обрамленную выступающим выступом стены, который сохранился до сих пор. Внешняя сторожка, хотя и не была чем-то неизвестным, не была существенной особенностью нормандского замка. При входе во внутренний двор на стене слева видны многочисленные следы пристроенных к ней зданий. Очевидно, что здесь, справа и слева, находились основные сооружения бытового назначения, такие как холл, кухня и, вероятно, часовня, пристроенные к занавесу и скрепленные стенами. Прямоугольное пространство между этими зданиями размером 14 на 24 фута, возможно, было, как и в Тикхилле, сторожкой с порталом, ведущим во внутреннюю палату.

ПИЛЯСТРЫ, ВИДИМЫЕ СНАРУЖИ.

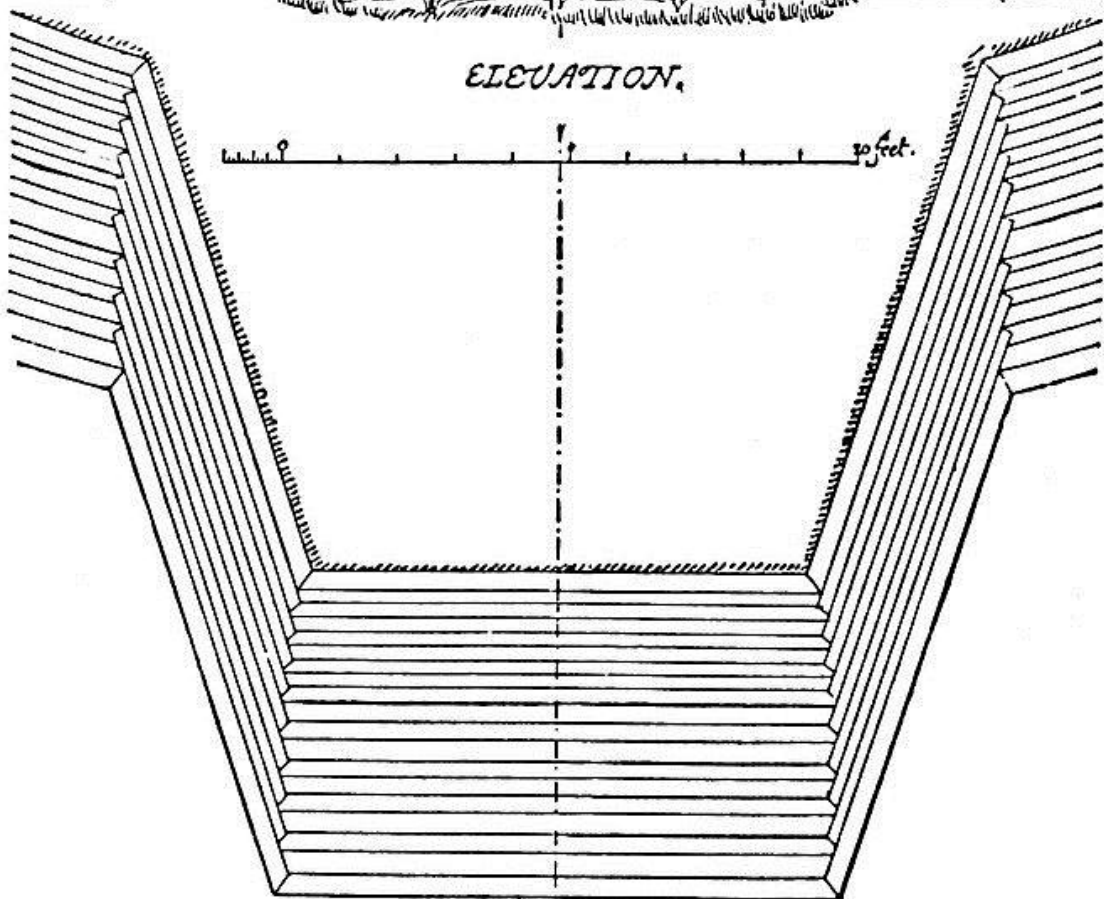
Внутренняя палата имеет форму овала, но заключена в стену из множества прямых отрезков, фактически представляющую собой очень неправильный многоугольник, повторяющий естественные очертания земли. Более старая часть этой завесы, по существу, состоит из хорошо обработанного щебня толщиной от 6 до 7 футов и высотой от 30 до 35 футов. Внешняя поверхность была сделана из тесаного дерева, и большая ее часть сохранилась либо в идеальном состоянии, либо со следами, показывающими, где камни были ободраны. Углы были облицованы тесаными блоками внутри и снаружи, и есть несколько наружных пилястр, которые местные называют “столбами”, широкие, с небольшим выступом и с одним или двумя выступами, выполненными в поздненормандском стиле. В северо-западном углу, высоко в стене, находится округлая арка, которая, вероятно, переходила в башню, перекрывающую угол, но сейчас исчезнувшая. Часть западной стены, по-видимому, была перестроена, когда потребовались новый холл и кухня, и в ней сохранились остатки большого камина и выступы либо для односкатной крыши, либо для верхнего этажа.

Зубчатые стены повсюду исчезли. Северная и западная стены относительно идеальны, и многое осталось от восточной, но ближе к югу стена разрушена. Эта часть, похоже, самая поздняя и была небрежно перестроена. На стене пять маленьких полукруглых башенок, массивных, как в Кнаресборо. Занавес не имеет связи с крепостью, которая была встроена в его линию таким образом, чтобы составлять ее часть. В этой части, к северо-востоку от *ограждения*, на выступе занавеса, находится небольшая лестница и проход в стене, сильно заваленный мусором. Кинг называет это задней дверью, но совершенно очевидно, что это была гардеробная. Территория этого внутреннего двора была расчищена, а здания снесены, все, кроме башни. Единственные следы стен во дворе находятся вдоль его северной, западной и южной сторон, показывая, что за занавесом стояли здания 310 футов в длину и 22 фута в ширину.

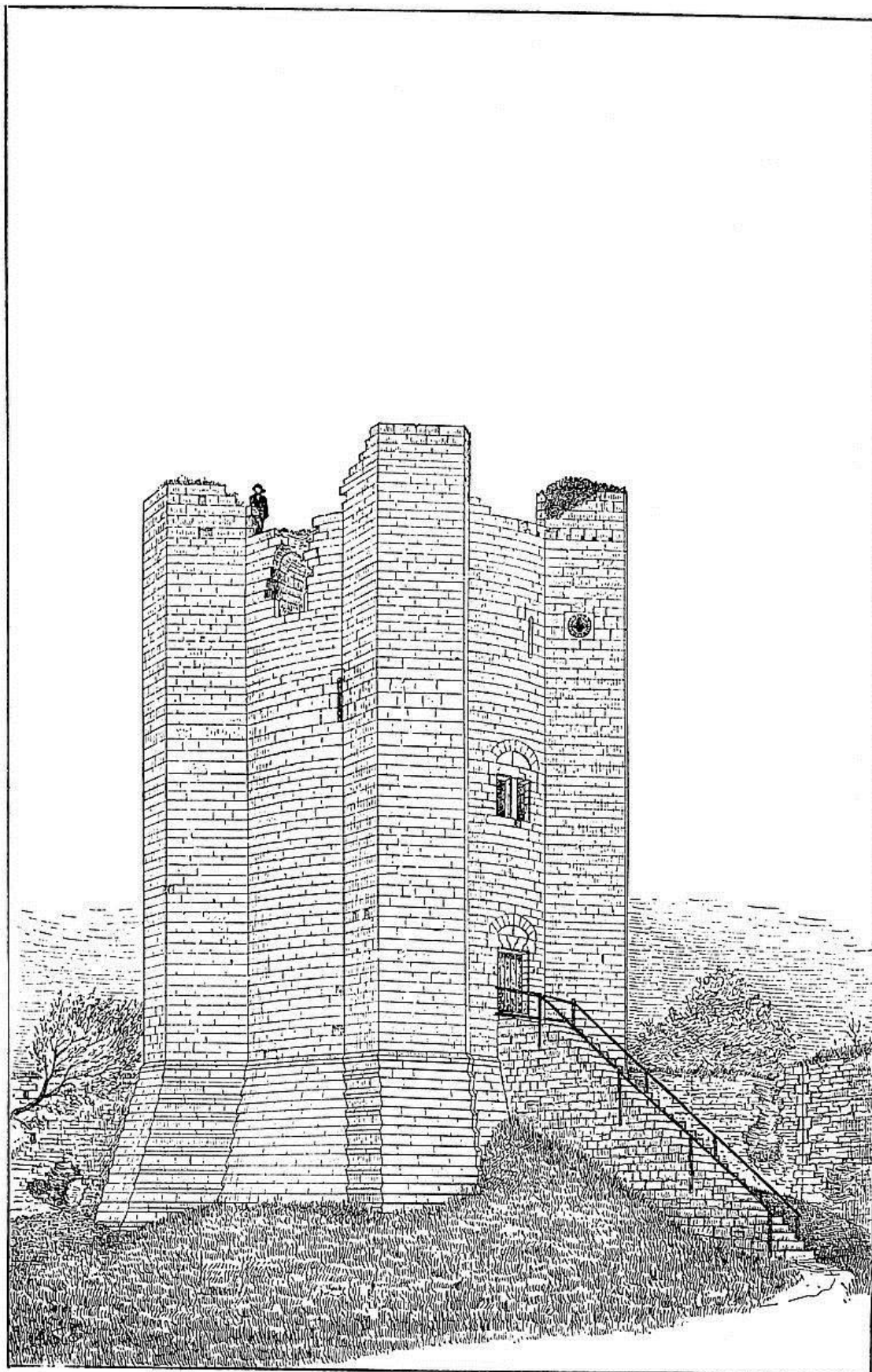
ELEVATION.

0 10 feet.

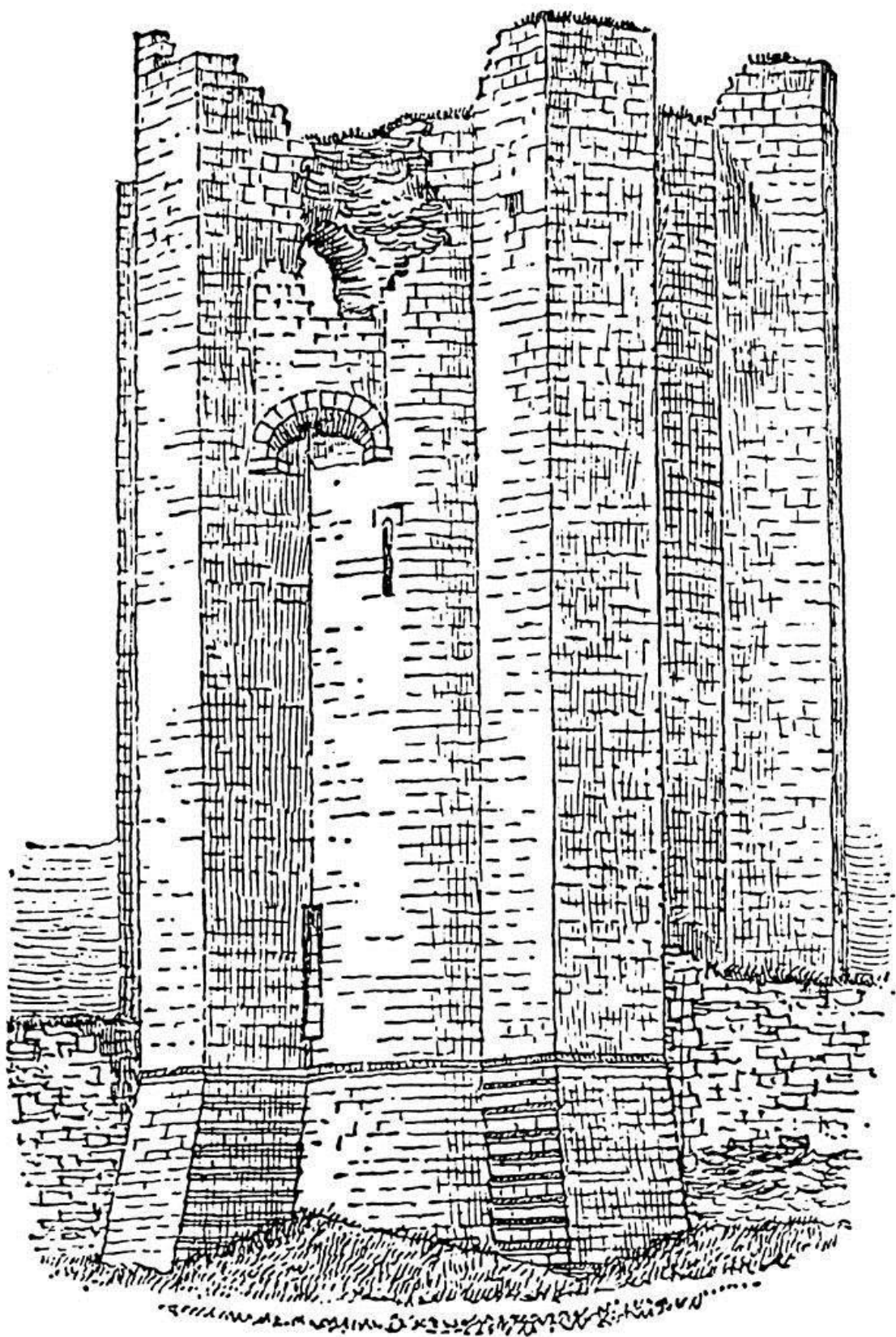
PLAN

ДЕТАЛЬ ОСНОВАНИЯ ОДНОГО ИЗ КОНТРФОРСОВ КРЕПОСТИ.

ЗАМОК КОНИСБОРО.—ВИД КРЕПОСТИ В НЫНЕШНЕМ ВИДЕ.

Цитадель - это слава Конисборо, и хотя она уступает по размерам башне Цезаря или Бошана в Уорике, она более чем равна им по кладке и более законченна, поскольку это цитадель, а это вспомогательные башни. Он стоит почти на северо-восточной оконечности и в самой высокой части внутреннего двора, фактически на линии занавеса, частью которого являются два его контрфорса и промежуточная стена. Его постоянно описывают как стоящий на искусственном холме, что, безусловно, не так. Действительно, ни один искусственный холм не смог бы выдержать такой большой вес. Он стоит на естественной поверхности, в данном случае на скале. Здесь нет специальной канавы, и земля показывает, что у него ее никогда не было. Действительно, не было необходимости в обычной канаве, который был представлен естественным обрывом, и внешней канаве у его основания.

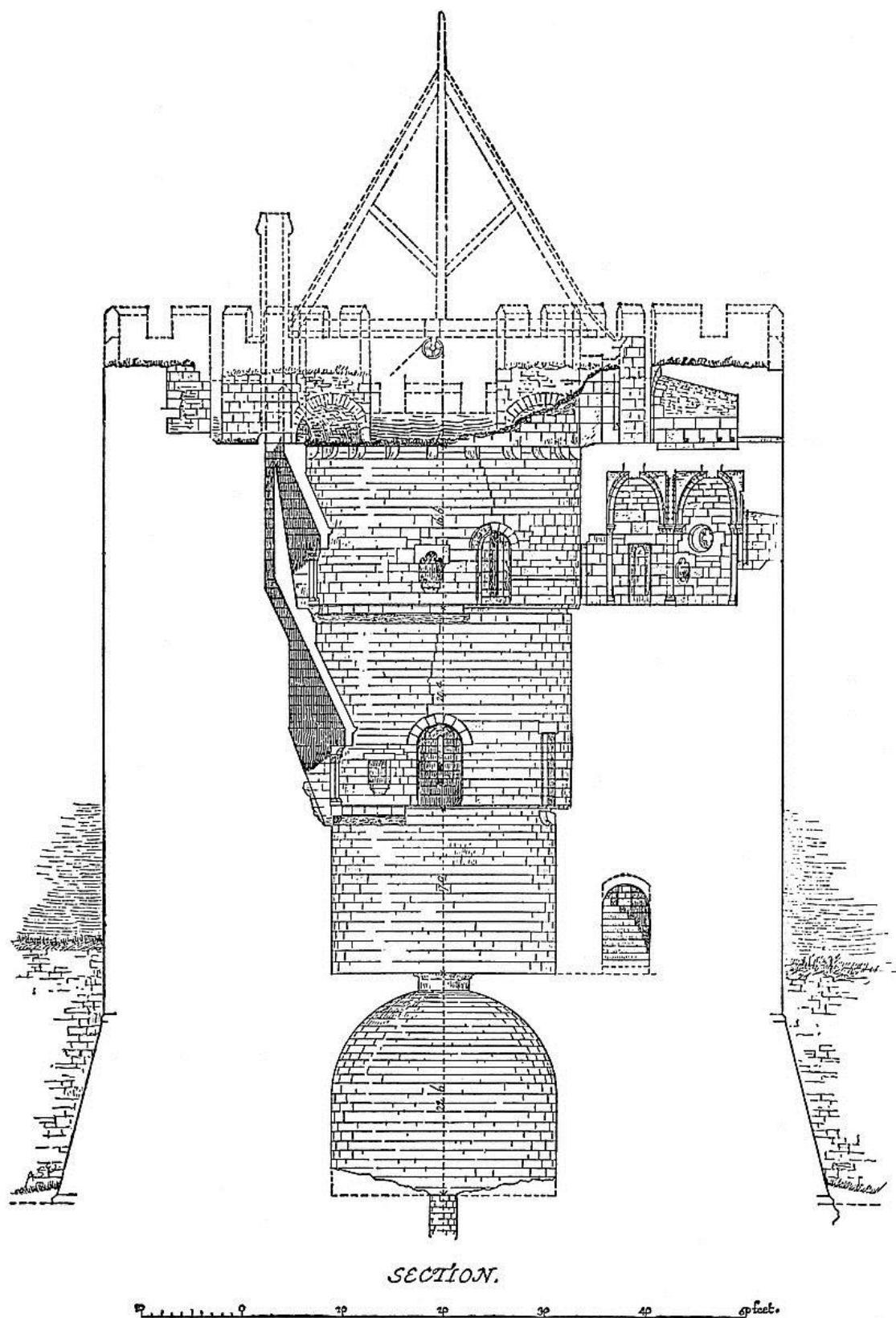
ПРОДОЛЖАЙТЕ, ИЗ-ЗА ЗАНАВЕСКИ.

Башня представляет собой цилиндр, опирающийся на рельефное расширяющееся коническое основание. Напротив него, через равные промежутки, расположены шесть смелых массивных контрфорсов, имеющих плоские грани, но слегка сужающихся в плане, образуя полукруглые шестиугольники с двумя длинными сторонами и короткой гранью. Они опираются на основания, которые расширяются наружу, но очень незначительно в боковом

направлении. Башня на уровне земли имеет диаметр 66 футов, из которого ее контрфорсы выступают еще на 9 футов, так что она охватывает прерывистый круг в 80 футов. Там, где контрфорсы отходят от башни или соединены с ней, они имеют ширину 15 футов 6 дюймов. В плане они сужаются на 6 футов 6 дюймов, так что лицевая сторона каждого имеет ширину 9 футов. На высоте 20 футов от земли опорное основание заканчивается, и башня имеет там диаметр 52 фута, а контрфорсы выступают на 8 футов, в то время как их конусность представлена основанием 14 футов 6 дюймов и гранью 9 футов. Это находится на уровне первого этажа, и толщина стен здесь составляет 14 футов 11 дюймов.

Внешняя сторона башни с этого уровня вертикальная, фактически представляющая собой цилиндр, и без каких-либо струнных форм или выступов над скошенной верхней частью основания. Внутри толщина стен уменьшена на три выступа, соответствующих четырем этажам, каждый этаж опирается на выступ. Таким образом, толщина стены на вершине уменьшена до 12 футов 6 дюймов. Высота башни сейчас в одном месте составляет 90 футов, а первоначально, вероятно, до ее конической вершины было около 120 футов. Контрфорсы, когда они были завершены и снабжены зубцами, имели высоту около 94 футов. Все сооружение построено из мелкозернистого известняка светлого цвета, блоками высотой около 12 дюймов и длиной от 1 до 3 футов, уложенными рядами, без регулярной сортировки, хотя самые крупные камни находятся в основании. Как внутренние, так и внешние фасады, лестницы и фресковые залы также выполнены из превосходного ясеня. Стыки, как правило, довольно открытые, горизонтальные швы варьируются от половины дюйма до полутора дюймов, вертикальные швы довольно ближе. Своды в основном сложены из прочного щебня. Строительный раствор вывалился из швов тесаного бруса, но камень свежий и острый, и на нем нет оседаний. Все дорожки четко очерчены и могут быть подсчитаны как внутри, так и снаружи. Снаружи основание состоит из восемнадцати ярусов, а цилиндр - из шестидесяти одного, от которого контрфорсы поднимаются еще на семь ярусов. Внутри на первом этаже находится девятнадцать блюд, на втором - двадцать пять, а на третьем - девятнадцать, что составляет шестьдесят три блюда на весь цилиндр. Четвертый этаж разрушен или почти разрушен. Внешний вид здания совершенно прост, за исключением двух маленьких круглых светильников оратории, которые выполнены в виде шаров. Здесь есть несколько петель, но во всем здании есть только один внешний дверной проем и два главных окна. Все арки расположены по центру; никаких следов заостренной арки, и все они датированы одним годом. Ничто не может быть более существенным, простым, в лучших пропорциях или лучше соответствовать цели, для которой оно было построено.

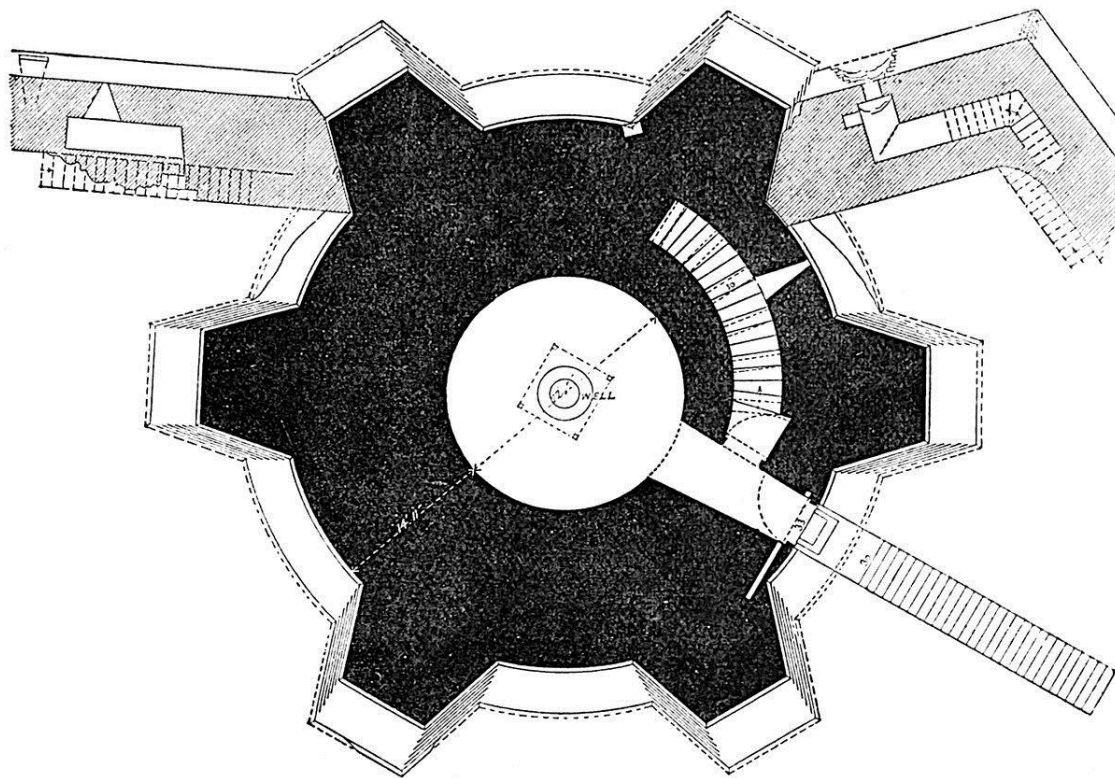
Внутреннее помещение разделено на подвал и четыре яруса, самый верхний из которых находился на крыше и на уровне зубчатой стены; все они цилиндрические. Подвал представляет собой куполообразное хранилище, полом которого является естественная поверхность скалы. Его диаметр составляет 22 фута. Стены, ведущие к пружине, имеют высоту 10 футов, а купол и стены совершенно ровные. Здесь нет ни петель, ни даже отверстий, ни боковых выемок, ни каких-либо других отверстий: ни сидений, ни вентиляционных отверстий, ни канализации, насколько можно видеть. В центре находится колодец, облицованный тесаным деревом, диаметром более 2 футов. Говорят, что его глубина составляет 105 футов, но сейчас он частично засорен. Должно быть, его вырубili как шахту большего размера, а затем выровняли до его нынешнего диаметра. Прямо над ним находится неровная дыра, которая представляет собой единственный вход в подвал и которая, должно быть, была снабжена лестницей. Очевидно, что это хранилище было подвалом или складом, а ни в коем случае не тюрьмой. Пространство здесь, как, впрочем, и в большинстве других крепостей, было слишком ценным, чтобы его можно было использовать, за исключением того, что могло пригодиться во время осады.

ЗАМОК КОНИСБОРО. — ЦИТАДЕЛЬ.

Вход в башню находится на уровне первого этажа, с юго-восточной стороны, в верхней части основания, и, следовательно, в 20 футах от земли. Дверной проем имеет ширину 4 фута 9 дюймов, довольно простой и с плоским верхом, но перемычка состоит из пяти камней, соединенных вместе в виде наличника, а над ним находится рельефная арка, тимпан которой образован из двух больших камней, разделенных вертикально. Опускной решетки не было,

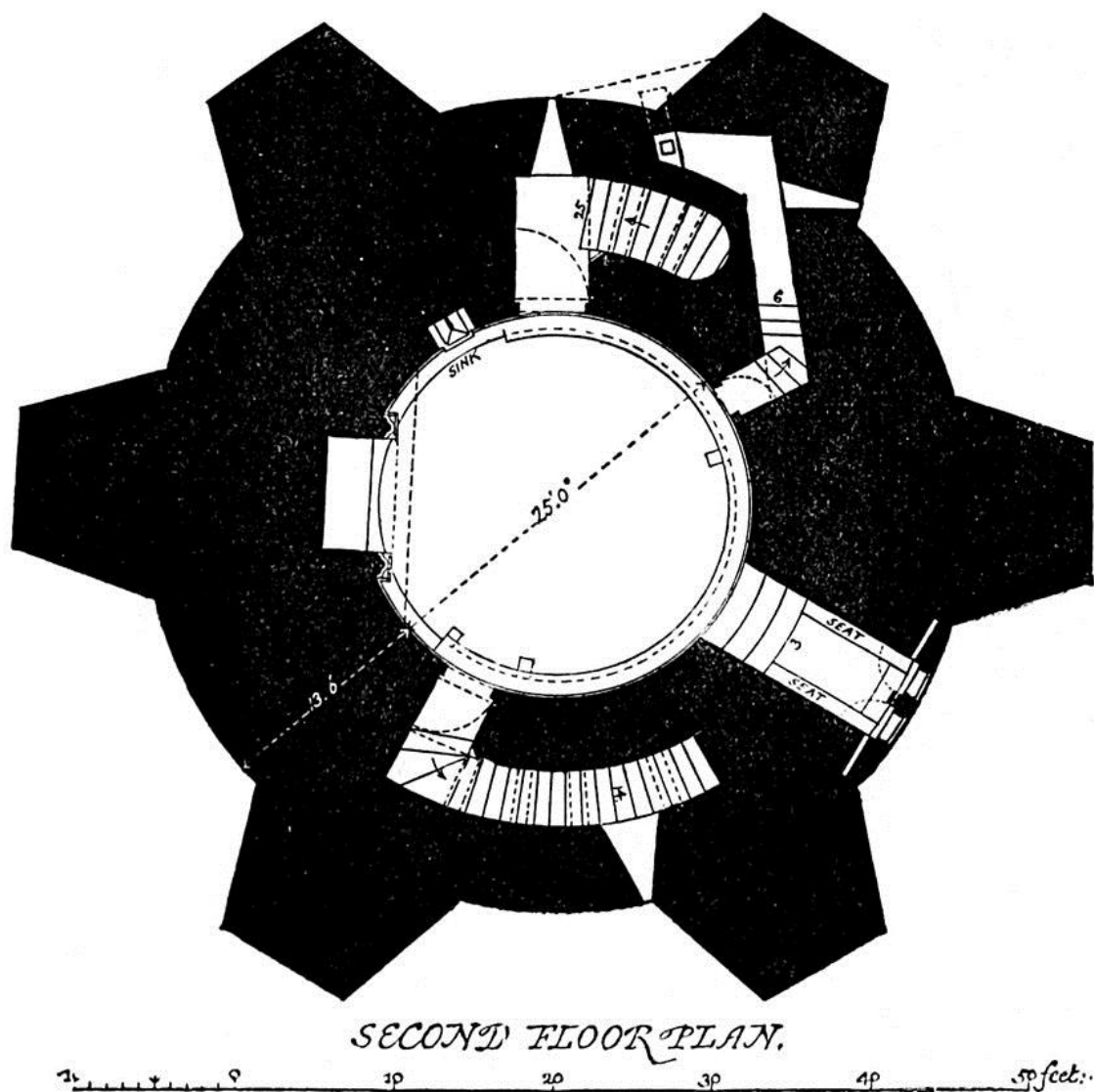
только прочная одинарная дверь с одним клапаном, удерживаемая двумя перекладинами, отверстия для которых площадью 7 квадратных дюймов находятся в правом косяке или петлях глубиной 9 дюймов, а в косяке замка - 6 футов. В стыках у порога есть два отверстия, очевидно, для железных перекладин небольшого подъемного моста, настолько легких, что ими можно управлять из дверного проема. Нынешняя внешняя каменная лестница современная, но первоначальная лестница, вероятно, имела во многом тот же характер, только опора, должно быть, была отделена от башни длиной моста, вероятно, около 7 футов, или на фут длиннее высоты дверного проема. Странно, что здесь не было опускной решетки, поскольку ею можно было удобно управлять из оконной ниши наверху, и ее наличие сделало бы башню абсолютно неприступной.

А.С.Эллис
-61 сентября.

ПЛАН ПЕРВОГО ЭТАЖА.

От дверного проема сводчатый проход, расширяющийся от 5 футов 3 дюймов до 6 футов 3 дюймов, ведет прямо в камеру первого этажа. Там, где этот свод заканчивается внутренней стеной, он выполнен изогнутым, чтобы совпадать или находиться на одном уровне с внутренней поверхностью. Этого следовало ожидать, но это единственная арка, заканчивающаяся таким образом. Все остальные, будь то дверные проемы или оконные ниши, заканчиваются квадратно, так что, хотя центральная часть совпадает с изогнутой поверхностью внутренней стены, концы или пружины заглублены на 3-4 дюйма, в зависимости от размаха арки, и выглядят неуклюже. Это не так там, где отверстие имеет квадратную форму, там перемычка обрезана по подходящему изгибу. Примечательно, что нет никаких уступок или положений для двери, через которую входные проходы открываются на первый этаж, и этот пол, хотя и имеет диаметр 22 фута и высоту 16 футов 6 дюймов, полностью лишен воздуха или света, за исключением того, что он мог бы получать, когда наружная дверь была открыта. Возможно, в верхнем этаже было центральное отверстие, как и в куполе внизу. Здесь нет ни водостока, ни камина. Следовательно, это тоже был магазин.

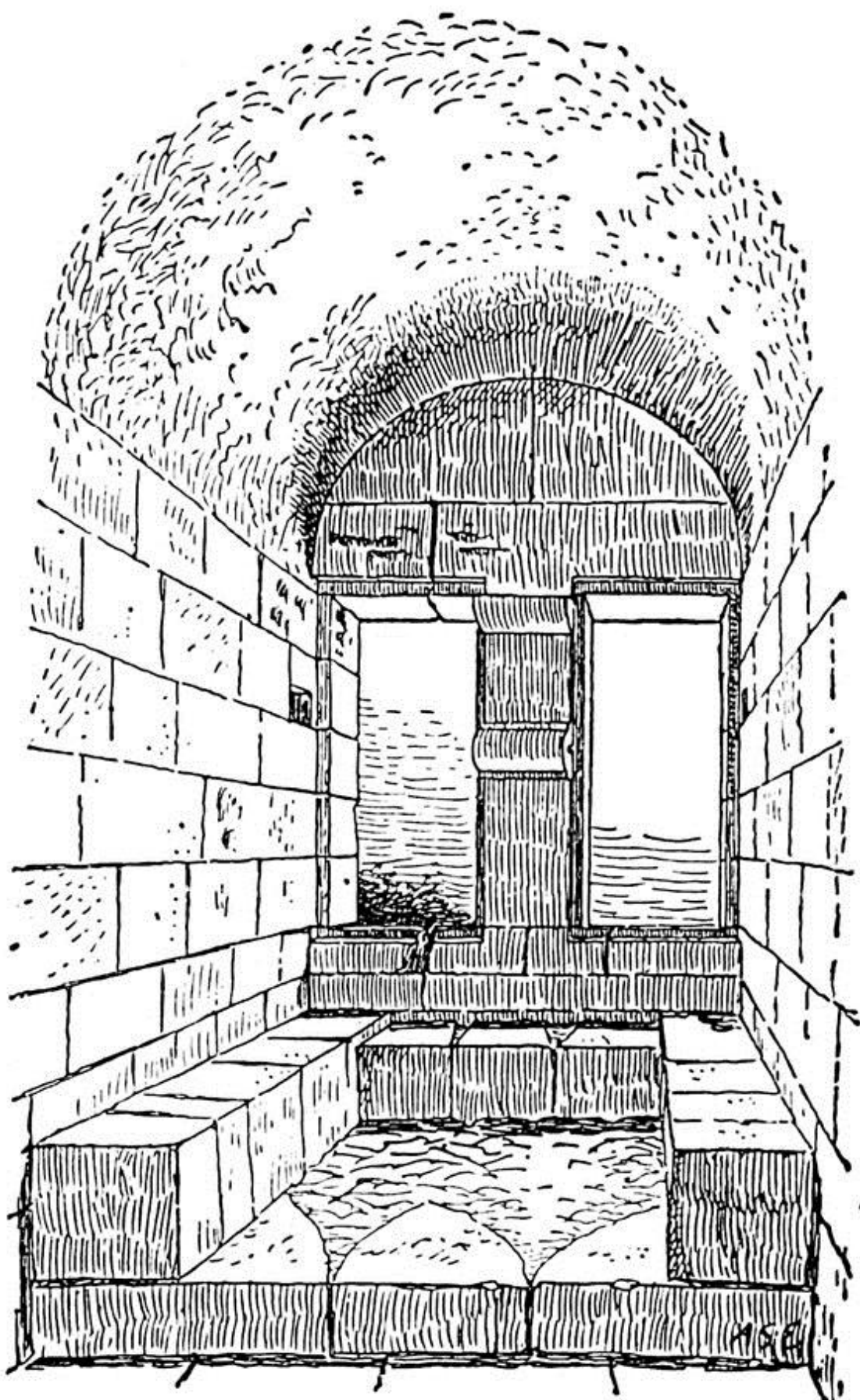

ПЛАН ВТОРОГО ЭТАЖА.

В правой стене входного прохода, при входе в башню, находится боковой дверной проем, откуда поднимается лестница, вьющаяся вдоль стен на второй этаж. Дверной проем шириной 4 фута 1 дюйм имеет уступку для двери, открывающейся внутрь в небольшой вестибюль глубиной 5 футов 11 дюймов и шириной 4 фута 8 дюймов, откуда поднимается лестница такой же ширины. Лестница из двадцати пяти ступеней упирается в стену толщиной 4 фута 2 дюйма с внутренней стороны и 6 футов 2 дюйма с внешней. В последней есть петля. Свод имеет полный центр, нарушенный висячими ребрами, смелого квадратного сечения; он заканчивается наверху в другом вестибюле глубиной 8 футов и шириной 4 фута 8 дюймов, откуда на второй этаж ведет дверь с круглой головкой. Вестибюль освещен петлей.

Второй, или парадный этаж, имеет диаметр 25 футов и имеет отступ около фута по всей окружности для несения досок пола, которые в дальнейшем поддерживались балками, опирающимися на простые карнизы немного ниже выступа. Высота этой камеры составляет 20 футов 4 дюйма. Оно освещается одним большим окном из двух ламп, каждое высотой 4 фута 4 дюйма и шириной 1 фут 10 дюймов, с плоской головкой и промежуточной стойкой шириной 2 фута 5 дюймов, в которой находится что-то вроде каменной скобы, содержащей отверстия для крепления ставней. В стенах также есть боковые отверстия. Окно расположено в широкой и высокой нише во весь центр, к нему поднимаются две ступеньки от пола и имеются боковые сиденья. Линии ступеней концентричны стене зала. Снаружи

оконная перемычка сложена из сдвинутых вместе камней, образующих и заполняющих фронтон круглой арки. Это окно расположено над входной дверью.

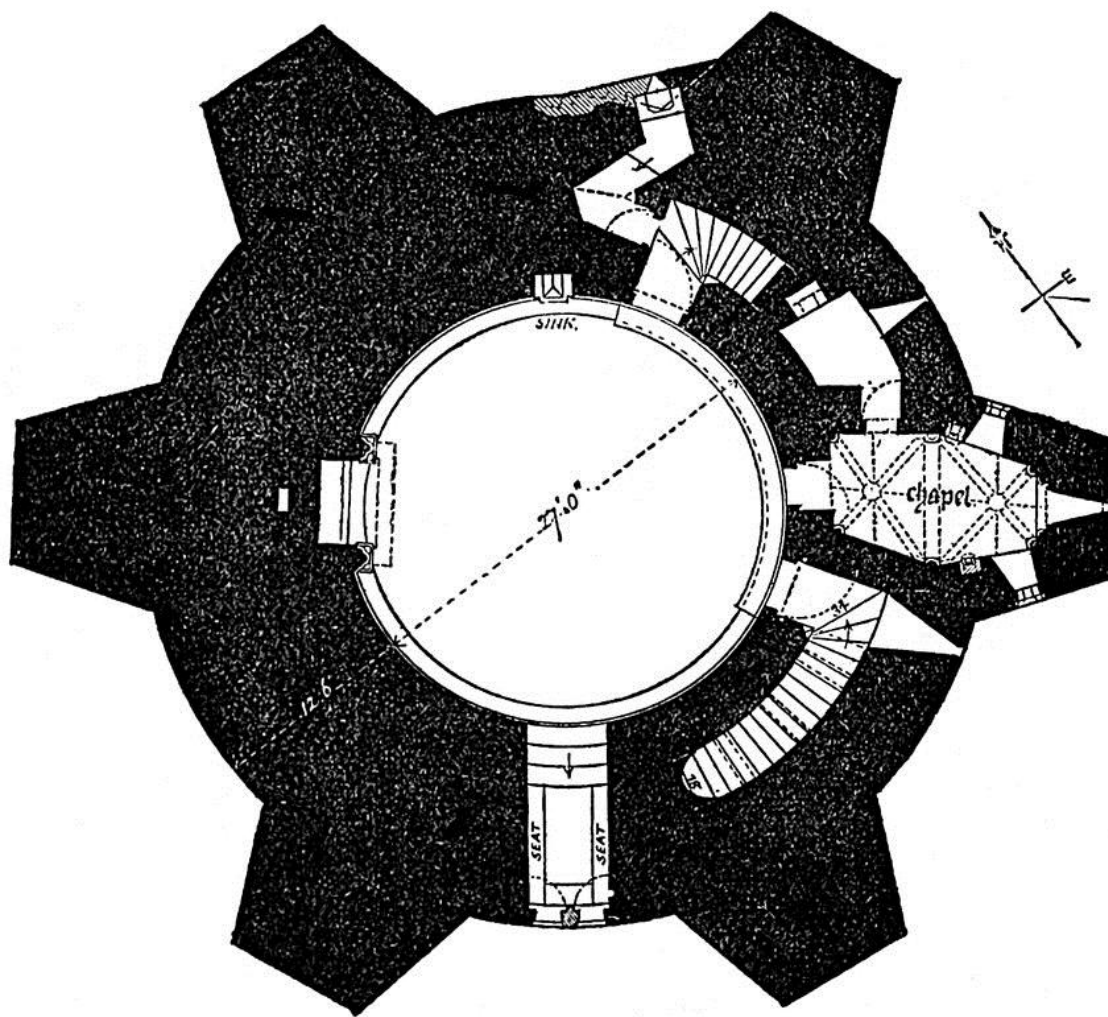

Почти напротив окна находится большой и красивый камин. Его плоская перемычка длиной 12 футов частично состоит из девяти камней, искусно подогнанных друг к другу и все еще находящихся на месте. По бокам от этих камней стоят шесть других, которые опираются на опоры. Составленная таким образом каменная перекладина простирается во все стороны до стены и поддерживается с каждого конца группой из трех соединенных колонн с листовыми капителями изысканного дизайна и исполнения. Они образуют косяки камина, задняя стенка которого плоская, с наклоном назад и, как и остальная часть изделия, из ясеня. Вентиляционное отверстие квадратное и вертикально поднимается в стене к вершине. Каменный колпак, опирающийся на перемычку, простой. Весь стиль этого камина поздненормандский.

Слева от входной двери, между ней и окном, находится небольшой дверной проем с квадратной головкой, шириной 2 фута и, без сомнения, предназначенный для того, чтобы быть скрытым гобеленом, который открывается в вестибюль, откуда подъем по шести ступеням ведет по коридору длиной 10 футов в треугольную гардеробную в толще стены. Вентиляция выходит через заподлицо расположенное отверстие на внешней стене над основанием. Эта камера имеет внешний контур.

На противоположной стороне большого зала от входной двери снизу дверь, похожая на нее, открывается в вестибюль размером 3 фута 10 дюймов на 7 футов 6 дюймов, откуда поднимается вторая лестница из тридцати четырех ступеней, ведущая на третий этаж. Проход такой же сводчатый, как и внизу, но шириной всего 3 фута 6 дюймов. Он также вьется вдоль стены, пересекая большое окно, и заканчивается в вестибюле шириной 3 фута 11 дюймов и глубиной 5 футов 5 дюймов, освещенном петлей. Внешняя стена лестницы имеет толщину 5 футов 5 дюймов, внутренняя стена немного меньше, общая толщина составляет 12 футов 6 дюймов. Вестибюль открывается дверным проемом шириной 3 фута 6 дюймов по центру, ведущим на третий этаж.

Третий этаж, или этаж оратории, имеет отступ от пола 12 дюймов и, следовательно, 27 футов в диаметре. Его высота составляет 16 футов 6 дюймов. На юго-западе находится окно, очень похожее на то, что внизу, также со ступеньками и боковыми сиденьями. Над последним также находится камин, немного меньшего размера и более изящный в деталях, но того же рисунка и конструкции. Перемычка состоит из семи камней с выступами; она не тянется от стены к стене, а останавливается, как это обычно бывает, чуть подальше от косяков. Вентиляционное отверстие проходит перед нижним и соединяется с ним вверху. Над нижним сливным отверстием для воды находится второе, в небольшом углублении, напоминающем рыбу, с круглой головкой и трехгранными выступами, но без фаски.

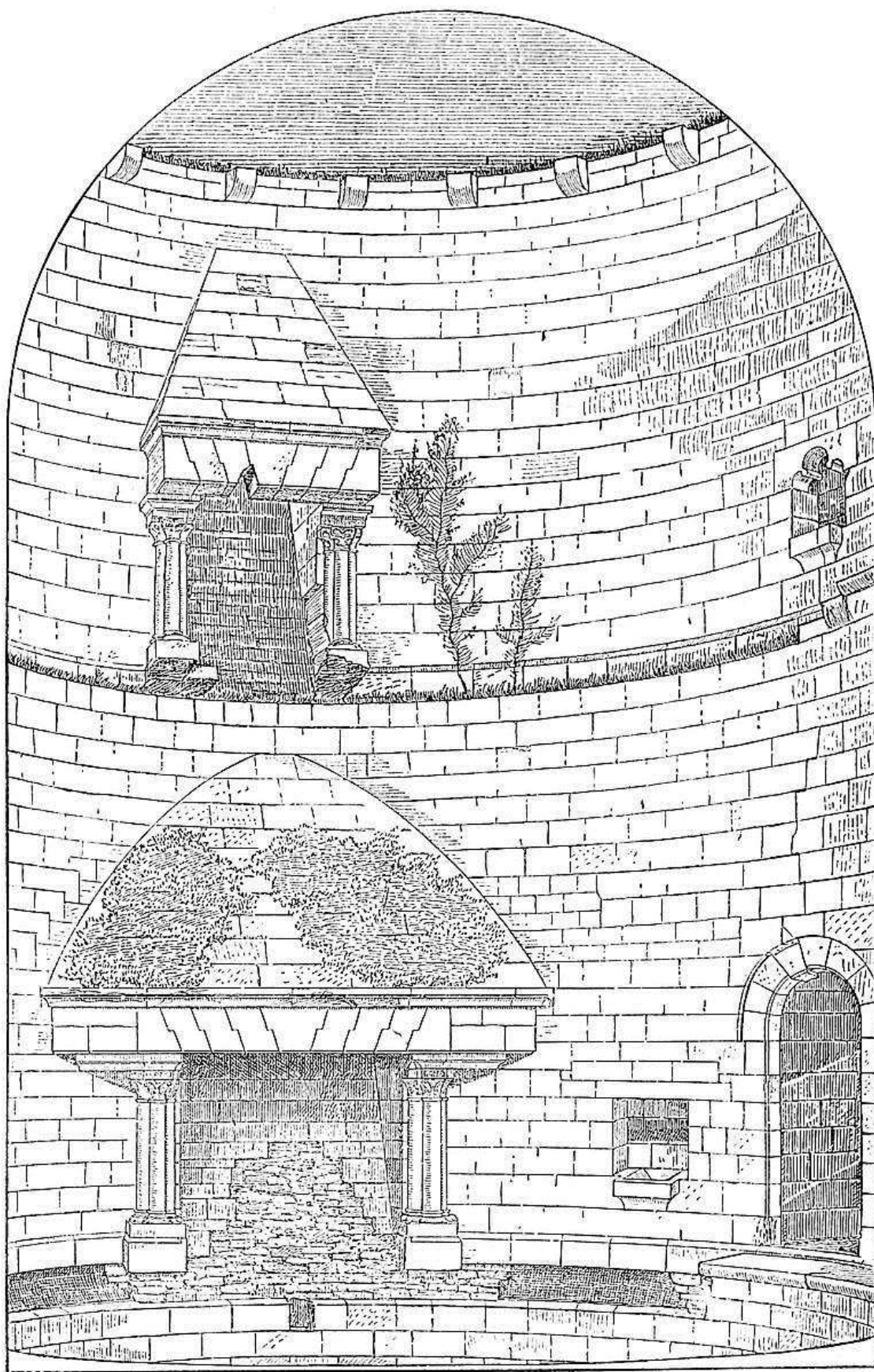

A·S·Ellis

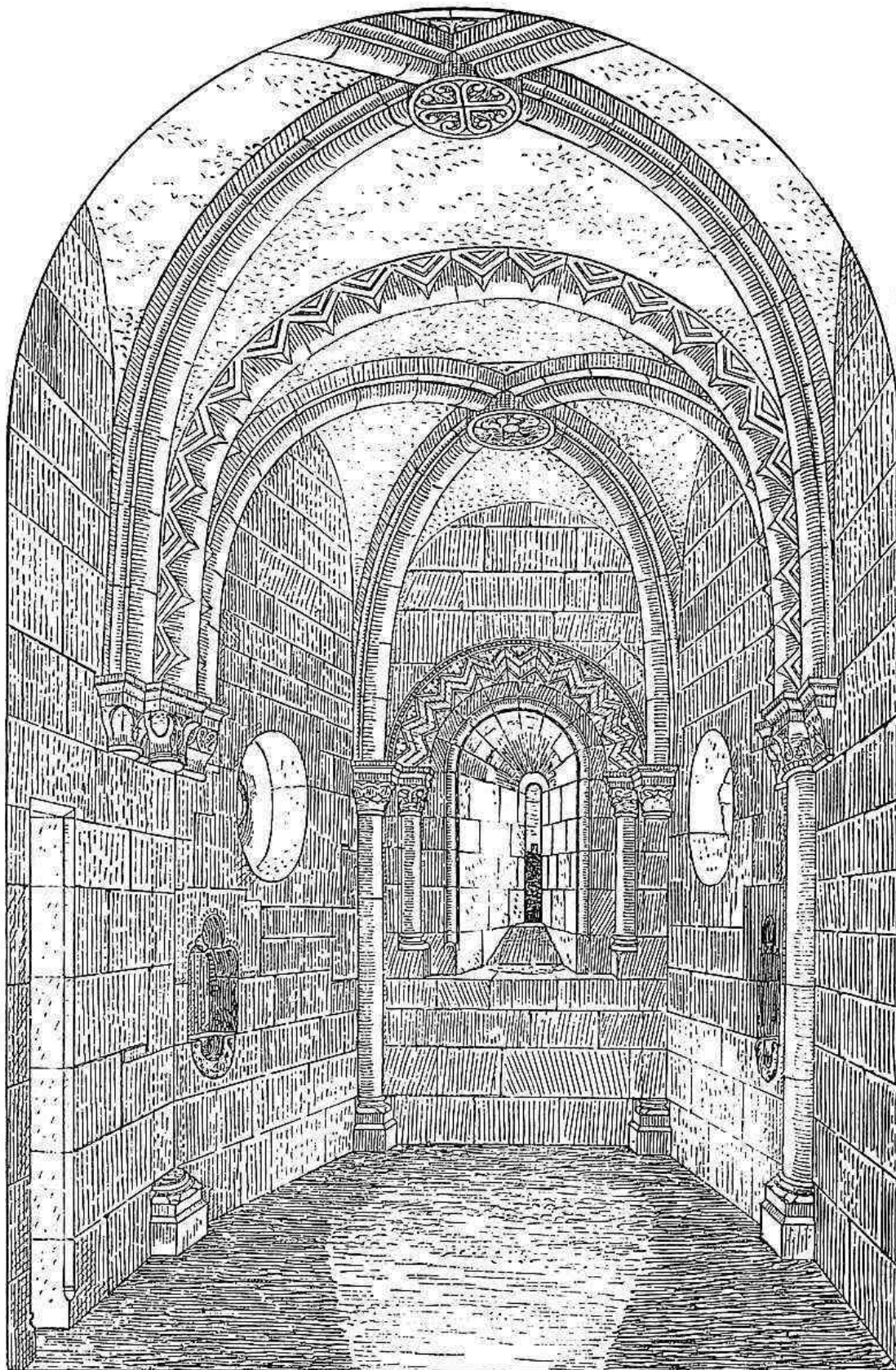
ПЛАН ТРЕТЬЕГО ЭТАЖА.

Молельня - очень примечательная особенность этого этажа. Она занимает юго-восточный контрфорс, напротив камина. Открывающийся дверной проем высотой 2 фута 6 дюймов, единственный на этом этаже с плоским верхом, очень простой и, следовательно, предназначенный для маскировки, ведет в короткий прямой проход, ведущий прямо в молельню. В плане это шестиугольник шириной 6 футов 4 дюйма на западном конце или входе, 6 футов на восточном или алтарном конце и длиной 13 футов 6 дюймов, заключенный между четырьмя сторонами, составляющими в среднем 6 футов. Его центр, или самая широкая часть, составляет 8 футов 8 дюймов. В каждом из его четырех основных углов, по бокам от входов и алтаря, находится отдельная шахта диаметром 6 дюймов с лиственной капителью. Каждый из двух центральных углов занят полуосью, из которой вытекает тройное поперечное ребро, боковые стороны которого представляют собой простые валики, а центральное обработано шевронным узором. Таким образом, площадь разделена на западную и восточную половины, из которых последняя несколько меньше и может быть принята за алтарь. Каждое деление пересекается по диагонали двумя ребрами, в сечении простыми жирными валиками, на пересечениях которых находятся выступы, камни которых достаточно велики, чтобы образовать не только выступ, но и около шести дюймов каждого из его четырех ребер, а в одном случае на разделении между ребрами вырезаны цветы, что придает им хороший эффект. Выступы вырезаны, что на западе, с чем-то вроде креста молине, показанного на рисунке, что рядом с алтарем с цветами. Под основными углами

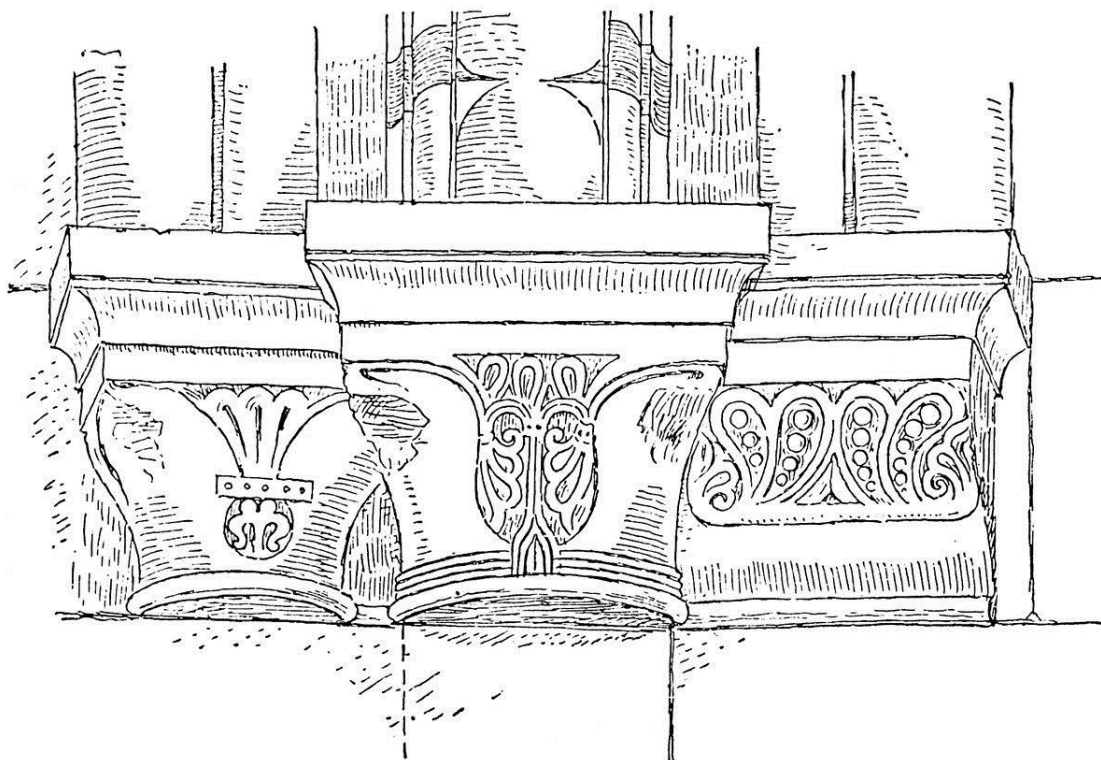
ребра отходят от валов, но тройные поперечные ребра являются своего рода продолжением заглавной части и счетов полуосей. Колонны, обрамляющие алтарь, имеют капители, более богато украшенные, чем остальные. Восточное окно представляет собой простую петлю шириной 6 дюймов и высотой 2 фута 6 дюймов, округлую и расположенную в растопыренном углублении, углы которого заменены жирным валиком с листовными основаниями. Он, опять же, находится во втором и более мелком углублении, обрамленном небольшими выступами, изящно вырезанные капители которых совпадают с капителями по бокам. Головка вырезана в виде шеврона. Справа и слева расположены два маленьких огонька с четырьмя крыльями, загнутыми внутрь в круглые углубления диаметром 2 фута 8 дюймов. Снаружи представляет собой полую форму с шишечками или шариками, едва заметными снизу. Эти окна были названы вставками, но, хотя они, без сомнения, несколько украшены, все выглядит оригинально, и подобные отверстия можно увидеть на западном фасаде и недалеко от вершины очень красивой раннеанглийской башни Олд-Малтон-Черч. Под каждым светильником находится рыбина с головкой из трилистника размером 1 фут 6 дюймов, открывающаяся на 11 дюймов глубиной, из которых та, что на северной стене, имеет крошечную лепнину в виде головки гвоздя. Высота до верха свода составляет около 14 футов, полученная за счет свайной арки. Алтаря больше нет.

ЗАМОК КОНИСБОРО.—ИНТЕРЬЕР КРЕПОСТИ.
(Из оконной ниши на втором этаже.)

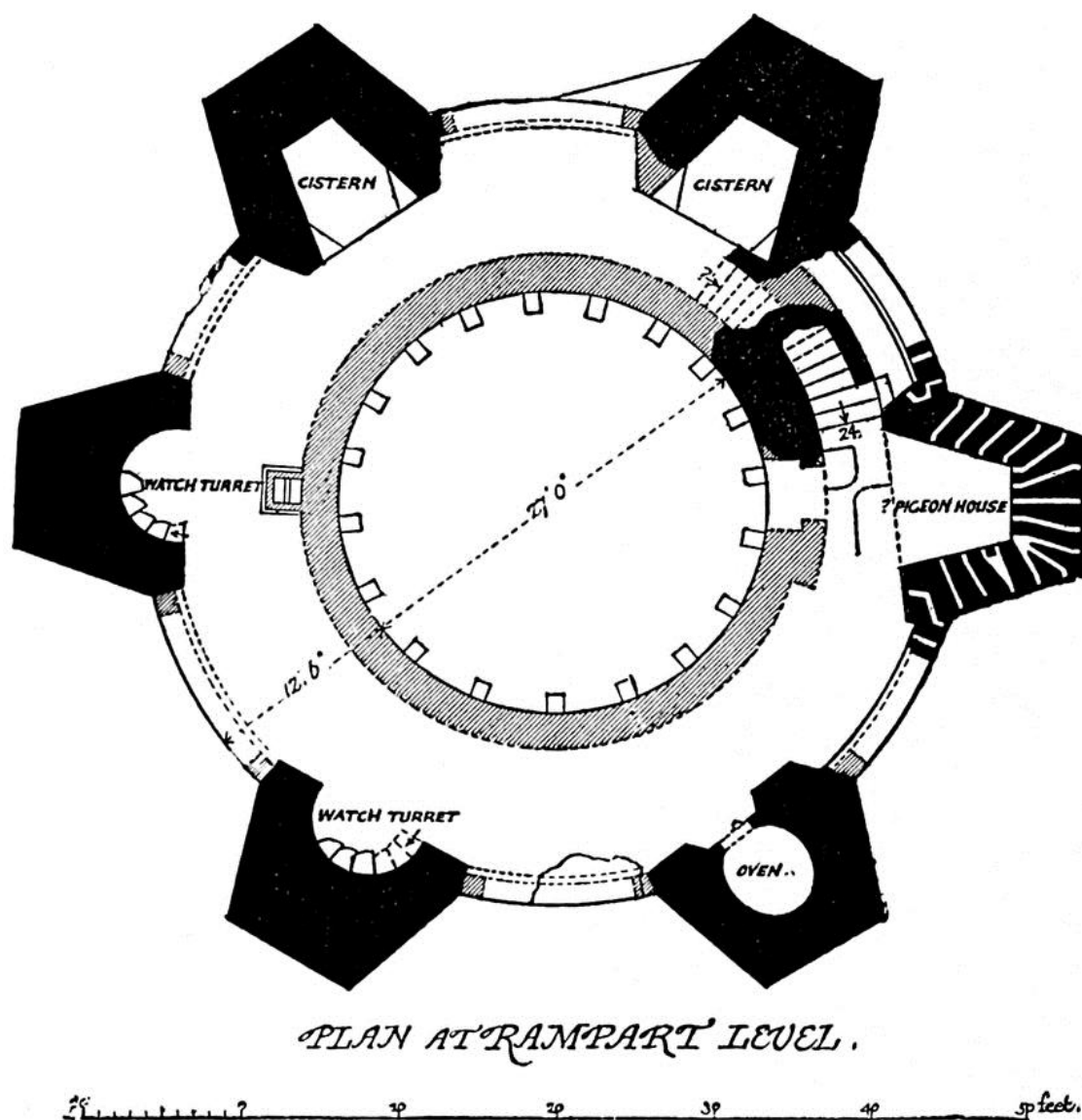

ЗАМОК КОНИСБОРО.—ИНТЕРЬЕР МОЛЕЛЬНИ ИЛИ ЧАСОВНИ.

КАПИТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АРКИ, СЕВЕРНАЯ СТОРОНА.

Слева, при входе в молельню, небольшой дверной проем с плоским верхом ведет в ризницу неправильной формы, примерно 9 футов в длину и 5 футов в ширину, с растопыренной петлей, а в торцевой стене - шкафчик в виде трилистника шириной 2 фута и глубиной 1 фут 6 дюймов. Ризница имеет очень простой свод, арка представляет собой пристройку к стене молельни.

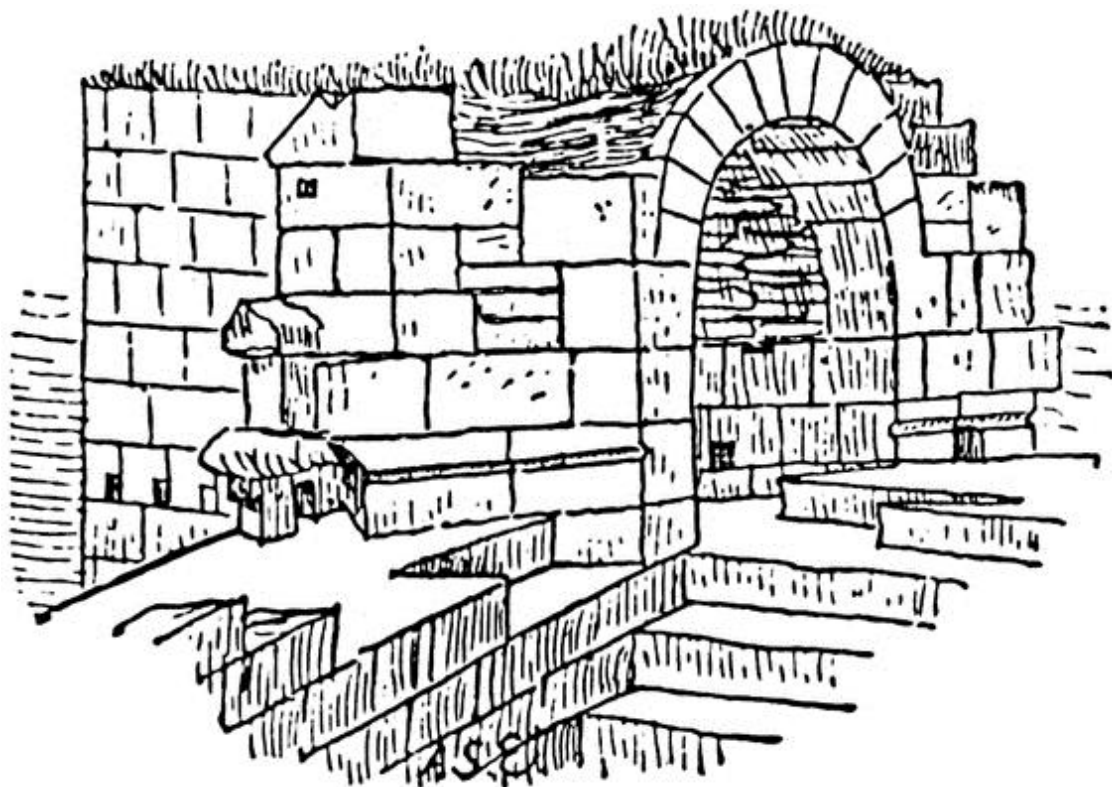
ПЛАНИРУЙТЕ НА УРОВНЕ КРЕПОСТНОГО ВАЛА.

Между дверью молельни и камином, на севере, дверной проем размером 3 фута 4 дюйма ведет в вестибюль размером 3 фута 10 дюймов на 7 футов, откуда лестница из двадцати четырех ступеней поднимается, петляя вдоль стены, к зубчатым стенам и четвертому этажу. Лестница имеет ширину 4 фута и сводчатая с нависающими ребрами жесткости. Две нижние лестницы поднимаются с востока на запад по северной, эта поднимается с запада на восток, также по северной, и проходит над ризницей. В вестибюле есть дверь, открывающаяся на 1 фут 9 дюймов, откуда изогнутый проход шириной 3 фута 4 дюйма ведет в гардеробную, сиденье которой опирается на косую арку, которая пересекает полый угол между стеной башни и одним из контрфорсов и, достаточно неудобно, размещена над петлей в начале первого лестничного пролета. Над сиденьем имеется петля. Гардеробные, расположенные таким образом под полым углом, обычны в украшенный период, но на внешней стене в Кенилуорте есть один, вероятно, поздненормандский.

Лестница с этой ступени заканчивается под чем-то вроде навеса, который стоит внутри и почти перекрывает проход к крепостному валу, оставляя проход шириной всего 2 фута 3 дюйма между ним и зубчатой стеной. Стена башни на уровне прохода через вал имеет

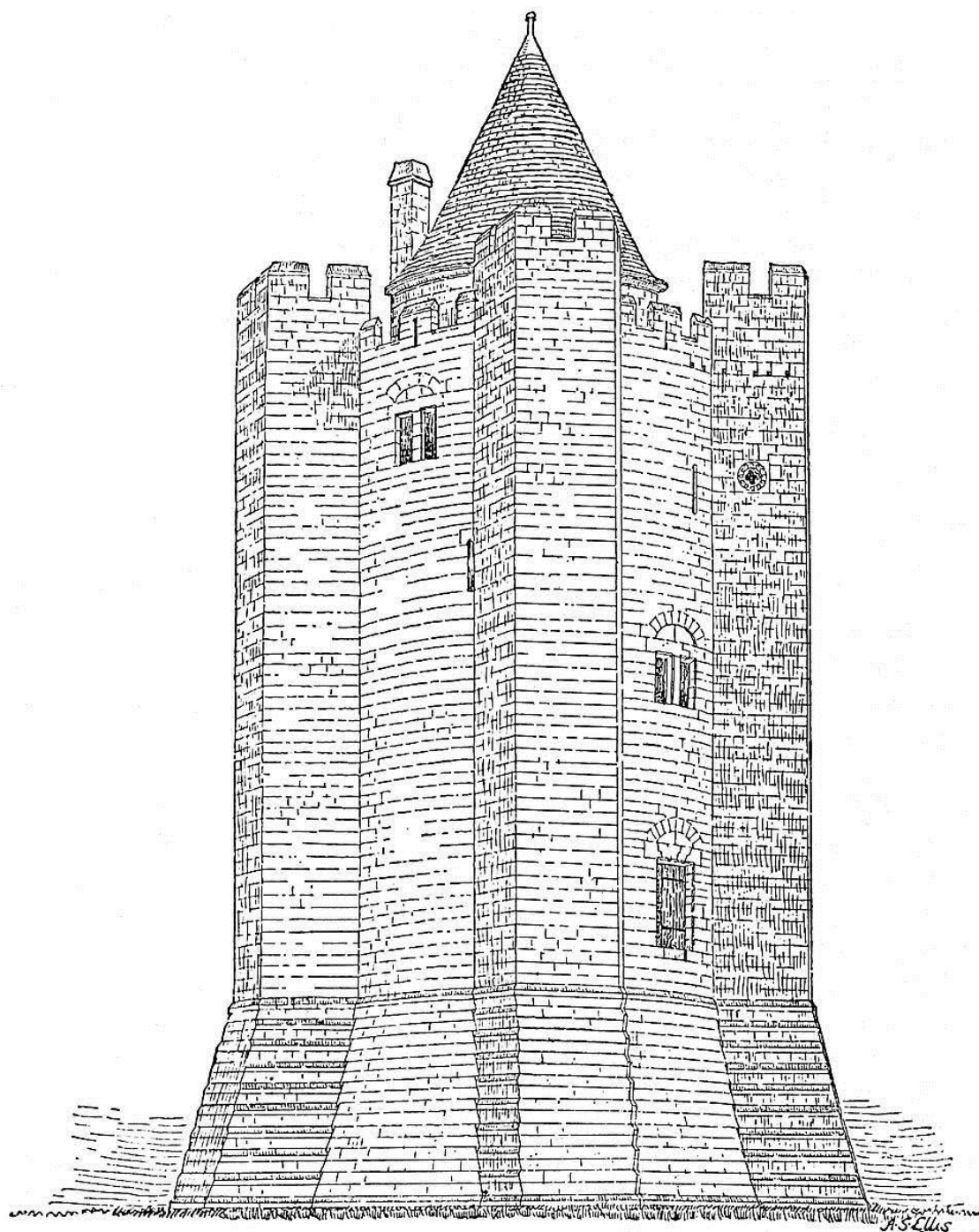
толщину 12 футов 6 дюймов, из которых зубчатая стена занимает 2 фута, проход через вал 8 футов и внутренняя стена 2 фута 6 дюймов, внутри которой находился верхний или четвертый этаж. Таким образом, дорожка к крепостному валу представляла собой галерею, открытую наверху, с зубчатой стеной снаружи и стеной верхнего этажа в задней части.

Вентиляционные отверстия двух каминов были соединены с этой внутренней стеной и достигали ее вершины отверстием размером 7 на 12 дюймов, разделенным каменной плиткой толщиной 6 дюймов. Это отверстие находится в основании шахты дымохода размером 3 фута 9 дюймов на 3 фута. Эта шахта, как и лестничный козырек, несколько уменьшила ширину прохода по валу. Верхняя часть исчезла. Разделительные камни заканчиваются примерно на 2 фута ниже уровня вала, над которым были объединены вентиляционные отверстия.

Шесть контрфорсов возвышались башенками над гребнем парапета. Тот, что к северо-западу, рядом с дымовой трубой, и соседний с ним к западу, содержат полукруглые ниши, по изгибу которых идут короткие лестницы, ведущие с крепостного вала и, вероятно, ведущие к небольшому парапетным платформам, ныне исчезнувшим. В южной опоре, как и в Орфорде, находится печь круглой формы, 7 футов в поперечнике, с сегментарной арочной дверцей шириной 2 фута. Два контрфорса на севере и северо-востоке заняты двумя полостями, вероятно, цистернами, полугексагональной формы в плане и глубиной 2 фута 6 дюймов ниже уровня крепостной стены. Каждый вмещал бы около 650 галлонов. Оставшийся контрфорс, расположенный над молельней, содержит полугексагональное углубление или альков, пол которого находится на высоте 9 дюймов над крепостной стеной. Он имеет ширину 9 футов в начале, 5 футов в конце и глубину 8 футов 8 дюймов. Он перекрыт округлым сводом, сужающимся в соответствии с планом. Высота у входа составляет 7 футов 6 дюймов, а у внутреннего конца - 5 футов 7 дюймов. Петель нет, но стены этой камеры и прилегающие части парапета пронизаны рядом отверстий, примерно 6 дюймов в высоту и 5 дюймов в ширину. Предполагалось, что они предназначены для крепления лонжеронов перекрытия брешевой или деревянной галереи, хотя для такой цели они невелики, а внизу нет отверстий или выступов для стоек. Более того, эти отверстия ограничены контрфорсом над

молельней и прилегающими стенами и не являются прямыми (см. план). Они, правда, простираются над главным входом, но если бы они предназначались для его защиты, то, вероятно, располагались бы так, чтобы дверь находилась под их центром, а не под одним концом линии. То есть они были бы размещены в двух фланкирующих контрфорсах, а также в отсеке между ними. Было высказано предположение, что это голубятни, и, без сомнения, во время строгой осады хороший запас этих птиц мог бы оказаться полезным. В замке в Рочестере есть определенные отверстия, которые, вероятно, были так задуманы и которые используются или недавно использовались таким образом.

A.S. Ellis

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВНЕШНИЙ ВИД.

Высота парапета составляет 6 футов 6 дюймов, и рисунок перекрытия можно увидеть на стыке с опорными башенками, и это также показывает, что крыша была ограничена внутренним кругом и не выступала над парапетом. Есть также следы, указывающие на то, что в амбразурах, как и в Олнвике, были подвесные ставни.

Внутренний круг, или помещение внутри внутренних стен, имел 27 футов в диаметре, а его пол опирался на ряд из девятнадцати простых выступов. Сохранилась только нижняя часть стены этого помещения, но косяки дверного проема показывают, что в него вошли со стороны крепостного вала. Стена, а следовательно, и помещение, были высотой около 7 футов, и на ней было коническое покрытие, карнизы которого, должно быть, несколько выступали вперед и отводили воду в проход к крепостному валу. Этот способ достройки вершины башни путем размещения самого верхнего этажа внутри контура крепостного вала и оставления зубчатых стен свободными от крыши, в наибольшей полноте виден в Коуси, и то, что там видно, иллюстрирует, каким должно было быть расположение здесь, в Пембруке, в Мартенс-Тауэр, Чепстоу и в меньших и более поздних фланкирующих башнях Холируд-Хауса. Очевидно, что если бы крыша не выступала здесь из стены внутри парапетов или если бы за стеной не было деревянной галереи, проведенной по кругу, такую башню, как эта, невозможно было бы защитить. Его петли предназначались для подачи света и воздуха, а не для защиты; огонь мог быть направлен только с зубчатых стен. Отсюда абсурдность укрытия башен, предназначенных для обороны или, по крайней мере, имеющих видимость защищаемых, коническими крышами, выступающими из внешней стены.

Конечно, помещения в такой башне, как эта в Конисборо, были не таковы, чтобы устраивать ее лордов, а тем более их дам, разве что в условиях давления или в ожидании осады, замечание, которое применимо ко всем крепостям, за исключением самых больших. Пассивная мощь Конисборо и его скалистое основание защищали его от атак, даже при поддержке инженерной техники. Никакая катапульта или таран не смогли бы поколебать или сломать его. Опасностью, от которой следовало защищаться, была блокада, и с этой целью внутри башни был колодец, а два нижних этажа, как ясно, предназначались для хранения провизии. На первом этаже должна была располагаться обычная комната констебля, или лорда, и его семьи или гостей; мужчины, вероятно, тоже спали там. Комната наверху, должно быть, была дамской комнатой, а ораторское искусство находилось совсем рядом. Кухня находилась выше всего, и там же, на уровне зубчатой стены, должно было располагаться жилье небольшого гарнизона, вероятно, не более десяти или дюжины отборных людей, с готовым сообщением с крепостными валами.

Мода на круглые крепостные башни, сильно отличающиеся от крепостей-ракушек, появилась ближе к концу нормандского и в раннеанглийский период архитектуры, когда частое общение с Востоком повлияло на представления людей о военном деле. Некоторые из них, такие как Бранлесс, Третауэр, Лонсестон и Орфорд, были найдены в Англии того времени, но во Франции есть много широко распространенных и очень величественных примеров. Филипп Август был великим строителем таких башен. Башня Лувра, круглый фундамент которой с колодцем и канализационной трубой были обнаружены несколько лет назад, была его работой, и к тому же периоду, хотя и позднему, 1223-30 гг., относится Башня Кузи, вероятно, лучшее военное сооружение, когда-либо построенное.

Рассматривая общий вид замка Конисборо и придавая должное значение свидетельствам, представленным его остатками, становится ясно, что раскопки рва, как холма, так и надворной постройки, а также откосы первого были оригинальными английскими работами,

к которым ранний, хотя и не самый ранний нормандский лорд добавил навесную стену *ограды* большую часть нижней сторожки. Он, безусловно, также построил холл, кухню и жилые помещения во внутренней части. Следующее важное дополнение, крепость, было, безусловно, сделано столетие спустя. Навесная стена была снесена, чтобы освободить место для ее части, и не только не было никакой связи между старой стеной и новой башней, но и соединение было выполнено небрежно и неуклюже, как видно из ее нынешнего состояния. Вероятно, позже были внесены какие-то изменения в прихожую и жилые помещения. Стена у входа во внутреннюю палату, по-видимому, была частично перестроена, но впоследствии к ней, похоже, не было добавлено ничего важного. Замок, без сомнения, пришел в негодность во время войн Карла I. С тех пор время и пренебрежение довершили его разрушение.

Удивительно, что столь мощная и примечательная крепость почти не упоминается в более ранних записях. Изобретение, действительно, в отсутствие доказательств, попыталось связать с ним раннюю историю. "Конингом" британские антиквары называли бретонского Конана, а Кэр-Конана, сконструированного таким образом, перепутали с Аврелием Амброзием и кентским Хенгистом, которые, как утверждается, сражались здесь, были убиты и похоронены. Однако нет никаких свидетельств, связывающих это место ни с бриттами, ни с бретонцами, ни с римлянами, ни с Хенгистом. Все, что имеет отношение к его происхождению, является саксонским, но саксонским гораздо более позднего времени, чем Хенгист. Две надгробные плиты, вырезанные в том, что обычно считается преконквистальным стилем, долгое время были замечены на церковном дворе, и теперь они размещены в целях безопасности в церкви — настолько надежно, что их почти не видно. Самое раннее упоминание об этом месте, вероятно, содержится в завещании Вулфрика Спота, министра короля Этельреда и основателя в 1004 году аббатства Бертон-он-Трент. Согласно этому документу, напечатанному Дагдейлом в его "Монастиконе" [I. 266], Вулфрик завещает Эльфреду определенные земли и рыбные промыслы в Кунузсбери, так что около 1000 года н.э. они принадлежали этому великому саксу. Мистер Хантер, чья история Конисборо не оставляет желать лучшего, указывает, что это предприятие было действительно очень обширным, поскольку рыбные промыслы были не на Дону, а на части Соке Хэтфилда, которые представляли большую ценность. В Судный день у лорда "Конингсборо" было двадцать рыбных промыслов в Тадворте, каждый из которых приносил 1000 угрей, и долгое время спустя они были достаточно важными, чтобы их специально регистрировали. Поэтому представляется вероятным, что, по крайней мере, уже в 1000 году Конисборо был главой крупного поместья или Соке. Название "Мутхилл филд", которое носит ограда примерно в трех четвертях мили к юго-востоку от замка, указывает на место суда свободы или юрисдикции. Холм убрали. Рядом с церковью есть Учебный зал.

В то время как замок сохранил кое-что от своего древнего названия, название переправы через Дон у его подножия претерпело перевод и известно как Кингсферри. Кем был король, давший имена обоим, долгое время было неизвестно; вероятно, он был из Нортумбрии. Старый Сок, нарост столетий, получил свое окончательное закрепление во время Конкисты, когда он был пожалован Вильгельмом королем Уильяму графу Уоррену. В то время гонорар, вероятно, представлял собой один обширный приход, поскольку Конисборо, по-видимому, был материнской церковью Бартуэлла, Хэтфилда и Сандала, трех церквей, названных в честь Судного дня. Следовательно, считает мистер Хантер, Конисборо как приходская церковь вряд ли может быть более поздней, чем Эльфред, и, возможно, старше даже самого Донкастера. Такова древность воспоминаний и домыслов, с которыми связано это весьма примечательное место.

Непосредственно перед завоеванием он принадлежал Гарольду графу. Граф Уоррен, очевидно, принял все как есть и обосновался в английском "Ауле" в Конисборо, имея при себе двадцать восемь деревень, которые полностью или частично были присоединены к нему и которые включали большую часть вапентейков Страфорда и Сиракса. Это были земли, "относящиеся к Конингесбергу", и которые образовали "Socæ pertinens".

Владения графа Уоррена в Англии были обширными, но особенно ценными были Сассекс, Норфолк и Йоркшир; и то, чем Льюис был для первого, было Конисборо для второго, и поскольку Сок стал Почетным, замок стал его "капутой". В учредительной грамоте графа Уоррена приорату Льюиса в 1078 году предусмотрено, что монахи должны находить ему жилье, когда он уезжал и возвращался из Йоркшира, так что, когда он пересекал границу из Нормандии, по пути он заезжал в Льюис. Связь между двумя своими светлостями он укрепил, подарив Льюису церковь Конисборо. Граф Уильям получил титул графа Суррея около 1088 года и умер в 1089 году, и среди его владений числятся лордство и графство Сок Конисборо с двадцатью восемью виллами и хуторами.

II. Уильям, граф Суррей, сын и наследник, поддержал Роберта Кертоза против Генриха II и вместе с ним удалился в Нормандию. Получив помилование и восстановив свое графство Суррей, он перешел на другую сторону и сражался за Генриха при Тинчебрае. Он передал аббатству Рош часть своих рыбных промыслов в Хэтфилде. Он умер в 1138 году.

III. Уильям граф Суррей, его сын и наследник, третий граф, присоединился к смешанному французскому, немецкому и английскому крестовому походу в 1145 году, во время которого в 1148 году он пал, оставив дочь и наследницу.

IV. Изабель де Уоррен, вышедшая замуж, во-первых, за Уильяма де Блуа, побочного сына короля Стефана; и, во-вторых, за Хамелина Плантагенета, побочного сына Джеффри, графа Анжу, и сводного брата Генриха II.

Уильям был графом Булони и Мортень, а по линии жены, возможно, графом Суррея. Он умер бездетным в 1160 году.

Король Генрих, похоже, захватил графства и некоторое время держал их в своих руках, но в 1163 году Изабелла вышла замуж за Гамелина Плантагенета, который пользовался ее почестями и поместьями, а Генрих II выплачивал гонорар шестидесяти рыцарям. Хэмелин носил, вероятно, нормандский титул графа Уоррена и в свое время был активным солдатом, верным слугой Ричарда I. И много работал как в мирных, так и в военных операциях. Кроме того, хотя он время от времени бывал в Нормандии, большую часть своего времени он, по-видимому, проводил в Англии и отнюдь не был маловероятным человеком, пристроившим цитадель к своему замку Конисборо. Он умер 3 июня 1201 года, Изабелла умерла в 1199 году. Их сын унаследовал престол. Граф Хамелин основал благотворительный фонд для священника часовни святых Филиппа и Джеймса в замке. Вероятно, он стоял во внутреннем дворе для использования гарнизоном, поскольку 11 августа Эдуарда II граф Ланкастер выделил древесину из леса Конисборо для ремонта крыши часовни внутри замка, которая, следовательно, не могла быть молельней в сводчатой цитадели. Король Иоанн был здесь 12 марта 1201 года, вероятно, воспользовавшись смертью графа, чтобы осмотреть замок и владения.

V. Уильям Плантагенет, или де Уоррен, сын и наследник Хамелина и Изабеллы, наследовавший пост четвертого графа Суррея, вероятно, был тогда совершеннолетним, поскольку у него была ливрея по крайней мере в некоторых из его земель, 4 Иоанна, 1202. Он владел графством необычайно долго и значительно увеличил его богатство и влияние. Как

барон Великой хартии вольностей, он вел себя с большой умеренностью, и после смерти Джона поклялся в верности Генриху. Он женился, во-первых, на Мод, дочери графа Арундела; и, во-вторых, на Мод, вдове Хью Биго, графа Норфолка и графа Маршала, от дочери великого Уильяма Маршала. Он умер в 1240 году, 24-5 Генриха III, оставив сына Джона. Мод, вдова графа, носила ливрею 30-го Генриха III из рода и должность графа маршала, как старшая сонаследница своего брата. Она также управляла замками Конисборо и Чепстоу до своей смерти в 1246 году от Генриха III.

Их сын и преемник, VI. Джон, пятый граф Суррей, наследовавший престол в пятилетнем возрасте, женился в 1247 году, будучи тогда еще очень молодым, на Алисе ле Брюн, умершей в 1290 году, сводной сестре Генриха III. В 1254 году он выплатил помощь из гонораров шестидесяти рыцарям. Ему во многом недоставало благоразумия своего отца, и его общий характер вряд ли соответствовал его знаменитому ответу на “Quo Warranto” Эдуарда I., для которого, однако, он был лучшим подданным, чем для своего отца. Он умер 32 Эдуарда I в 1304 году, продержавшись графом шестьдесят четыре года. Он был вызван в парламент в качестве графа Суррея и Сассекса.

Уильям, его сын, умер 14 Эдуарда I 1286 года и, следовательно, раньше своего отца. Его сын и наследник графства был VII. Джон де Уоррен, или Плантагенет, шестой граф Суррей, посмертный ребенок, родился в 1286 году. В девятнадцать лет он женился на Джоан, дочери графа Барра, но не имел от нее потомства. 17 Эдуард II. Замок Конисборо находился в руках короля, а 18 Эдуард II. он назначил констебля. 19 Эдуард II. граф вернул себе поместья, но передал их королю и его наследникам, получив повторный грант в обмен на собственную жизнь. Он также был одновременно графом Сассекским и графом Стратерн в Шотландии. Джоан, графиня Суррей, была в своих замках Сандал и Конисборо в 1314 году.

Граф Джон умер в 1347 году, и его завещание датировано замком Конисбург, а титул Суррея, по-видимому, перешел к Эдварду графу Арунделу, сыну Элис, сестры графа Джона. Помимо внебрачных дочерей, он оставил двух сыновей от Мод де Нерфорд, Джона и Томаса де Уорренов, которым и их матери он оставил, с разрешения короля, очень значительное имущество, включая Конисборо. Томас, граф Ланкастерский, по-видимому, добился от графа Джона своего рода принудительной оккупации Конисборо, которая закончилась после его вступления в должность, так что граф Джон выздоровел и умер, захваченный ею.

Относительно его происхождения существует некоторая неопределенность, поскольку Генрих, брат и наследник графа Томаса Ланкастерского, отдал дань уважения замку 1 Эдуарда III, на который претендовал Джон, граф Уоррен. Граф Джон владел им при Эдуарде III и согласился на предоставление королем 65 акров пустырей поместья Уильяму де Скарджиллу. Аналогичные субсидии были предоставлены графом в течение пяти последующих лет и подтверждены королем с пометкой, что владение графом было только пожизненным.

Вероятно, дети Мод де Нерфорд сочли в своих интересах разрешить короне владеть замком, поскольку после смерти графа Джона им владел Эдуард III, который подарил замок Эдмунду из Лэнгли, своему пятому сыну, впоследствии герцогу Йоркскому, умершему в 1402 году, от которого замок перешел к его сыну Эдуарду, также герцогу Йоркскому. Он пал бездетным при Азенкуре в 1415 году, и ему наследовал Ричард, сын его брата Ричарда, графа Кембриджского. Он стал герцогом Йоркским и носил также имя Ричард Конисборо, поскольку родился в замке. Ричард, который был правнуком Эдуарда III. и отец Эдуарда IV., был убит в Уэйкфилде в 1460 году. Его вторая жена и вдова, Мод Клиффорд, владела замком в даузере и жила здесь. Она умерла в 1464 году. Упадок замка, вероятно, начался с ее смерти,

поскольку наследником стал Эдуард герцог Йоркский, ставший Эдуардом IV., и, как правило, ничто не оказывалось более фатальным для независимого исторического поместья, чем его поглощение короной.

Конисборо остался во владении короны, и, хотя, вероятно, здания пришли в упадок, некоторые офисы, пристроенные к замку и владениям, сохранились. Еще в 1522 году сэр Х. Уайатт и Джон Мелтон были судебными приставами и управляющими "светлостей Конисбороу", смотрителями парка и т. Д., А также констеблями и привратниками замка. Наконец, Яков II пожаловал его Кэри, графу Дуврскому, от семьи которого он перешел к своему нынешнему владельцу. Кинг в своей "Мунименте" дал подробные планы и еще более подробную историю этого замка, но ни на то, ни на другое нельзя положиться. В пятом томе "Археологического журнала" есть также превосходная статья об этом, написанная мистером Милвордом, однако приложенные к ней планы, по-видимому, взяты у Кинга.

Замок Конисборо заслуживает лучшей участи, чем та, что постигла его в последние годы или чем кажется вероятным, что постигнет. Его положения на одной из самых знаменитых рек Йоркшира, его величественной природной возвышенности и поразительного характера земляных валов, с помощью которых он защищен, вполне достаточно, чтобы привлечь внимание общественности; но вдобавок у него несомненная, хотя и малоизвестная саксонская история, и со времен нормандского завоевания он в течение трех столетий или более был резиденцией очень могущественного рода баронов, свидетельства могущества и богатства которых сохранились в руинах их крепости. Кем и когда именно были выполнены нынешние работы в области каменной кладки - это вопрос, который точно не подлежит разрешению. Уильям де Уоррен, третий и последний граф Олдстока, 1138-1148 гг., был весьма вероятным человеком, построившим каменную кладку этого своего самого важного северного замка, и вполне вероятно, что он построил *ограждающую* стену внутреннего двора, а также холл и служебные помещения, которые сейчас разрушены. Крепость, безусловно, построена позже, едва ли намного раньше 1200 года, и, следовательно, вероятно, является работой Хамелина Плантагенета, который владел графством и замком примерно с 1163 по 1201 год. Башня, без сомнения, была пристроена исключительно для безопасности, поскольку, хотя в ней находились государственные покои и молельня, они были темными и неудобными, пригодными для проживания только во время осады. Холл и обычные жилые помещения были, конечно, более просторными и располагались во дворе, где до сих пор сохранились следы их фундаментов.

В еще более поздний период, возможно, при графе Джоне, который владел графством с 1240 по 1304 год, нормандский занавес, по-видимому, был отремонтирован и укреплен круглыми бастионными башнями, маленькими и прочными, вдоль южной и западной сторон внутреннего двора. Затем также были усовершенствованы механизмы для пересечения рва и защиты нижнего входа. Работы этого периода низкого качества, и большая их часть обветшала. С тех пор, похоже, не было выполнено никаких сколько-нибудь важных дополнений.

Вполне вероятно, что во время гражданской войны и после смерти короля Карла внешняя стена, хозяйственные постройки и нижняя надвратная будка были разрушены, а крепость опустошена и снята крыша, но с тех пор, вот уже почти два с половиной столетия, руины, похоже, остались нетронутыми, если не считать руки времени. Мастерство изготовления замка было настолько велико, что в течение очень многих лет стены стояли непоколебимо. Однако за последнюю четверть века осенние дожди и зимние морозы начали сказываться на сооружении, и верхушка башни находится в шатком состоянии. Тем не менее, дело зашло не так далеко, но несколько фунтов, разумно потраченных на это, спасли бы его. Верхние две

или три опоры должны быть удалены, камень за камнем, и заменены водно-известковой или цементной смесью. Стоимость этого была бы действительно очень незначительной; но что также должно быть сделано и что ни в коем случае не повлекло бы за собой очень серьезных расходов, так это замена крыши и полов. Весь Йоркшир, да и вообще все археологические общества Англии, от Общества антикваров до самого последнего местного общества, должны испытывать интерес к этому предмету. Вероятно, если бы это было представлено владельцу замка надлежащим образом, то был бы проведен необходимый ремонт; в противном случае, конечно, было бы нетрудно предоставить средства по частной подписке. В любом случае, что-то нужно делать немедленно, поскольку верхняя часть крепости находится в таком состоянии, что каждая зима сильно сказывается на ней.

Планы и иллюстрации, приложенные к этому сообщению о замке, взяты из фактического обследования мистером А. С. Эллисом и им представлены Йоркширскому археологическому обществу, с разрешения которого они здесь перепечатываются. Будет установлено, что они намного превосходят по точности и полноте деталей любые планы, которые еще опубликованы, и о них можно сказать, и это немалая похвала, что они достойны той важной крепости, которую они призваны иллюстрировать.

ЗАМОК КОНВЕЙ.

Замок и город Конвей вместе образуют наиболее полный и лучше всего сохранившийся образец средневековой военной архитектуры в Великобритании. Все работы датированы одним годом и спроектированы, по-видимому, одним инженером по приказу монарха, особенно сведущего в военном искусстве, и чьим намерением здесь было овладеть очень грозным перевалом и обуздать самых смелых, самых стойких и самых опасных врагов, которые пытались сопротивляться объединению его королевства. В Конвее представлены все виды искусства обороны в том виде, в каком оно понималось в тринадцатом веке. Позиция, естественно, сильная, стены необычной толщины, каждая часть ограждающих завес обрамлена частыми башнями, и замок доминирует над всей позицией, командуя городом и защищая его, образуя цитадель, внутри которой, в качестве последнего ресурса, можно было бы найти надежное укрытие.

Конвей, валлийский Аберконви, стоит на левом, или западном берегу реки, от которой он получил свое название и которая, по воспоминаниям Дрейтона и Спенсера, богата “драгоценными восточными жемчужинами”, и здесь расширяется, образуя устье. Южный фасад города дополнительно защищен болотистым руслом реки Гиффин, которая здесь впадает в Конви. Город и замок занимают треугольную скальную массу, вершину которой, выступающую в воду, занимает замок. Навесная стена, окружающая город, укреплена двадцатью восемью башнями, все, кроме двух или трех, из которых имеют форму полуцилиндров и открываются сверху донизу сзади. Они возвышаются на одну ступеньку над занавесом, который тоже необычно высок. Между двумя из них от занавеса на уровне зубчатой стены проецируется на карнизы ряд из двенадцати гардеробных, показывающий, что санитарными условиями ни в коем случае не пренебрегали даже в тринадцатом веке. Здесь есть три ворот, по бокам каждого из которых расположена пара башен, защищенных двойными дверями, опускаемой решеткой, и подъемным мостом. Один из них, Порт-Учаф, выходит на сушу; второй, Порт-исаф, выходит на набережную вдоль кромки воды; и третий, Порт-и-фелин, открывается в выступе стены над рекой ниже замка и ведет к замковой

мельнице. Кроме того, есть задний ход, также расположенный под замком и выходящий на берег моря. Помимо этих оборонительных сооружений, от набережной в море вдается толстая отроговая стена, защищенная сверху двойной зубчатой стеной. Раньше она была доведена до уровня отлива и заканчивалась небольшой круглой башней и, таким образом, эффективно предотвращала любые попытки обойти оборону с фланга и атаковать город со стороны моря. Городские стены доходят до замка, но их дорожка вдоль вала не сообщается с ним, который, однако, является частью *окружения* и имеет один фасад с главным входом внутри города и со стороны города.

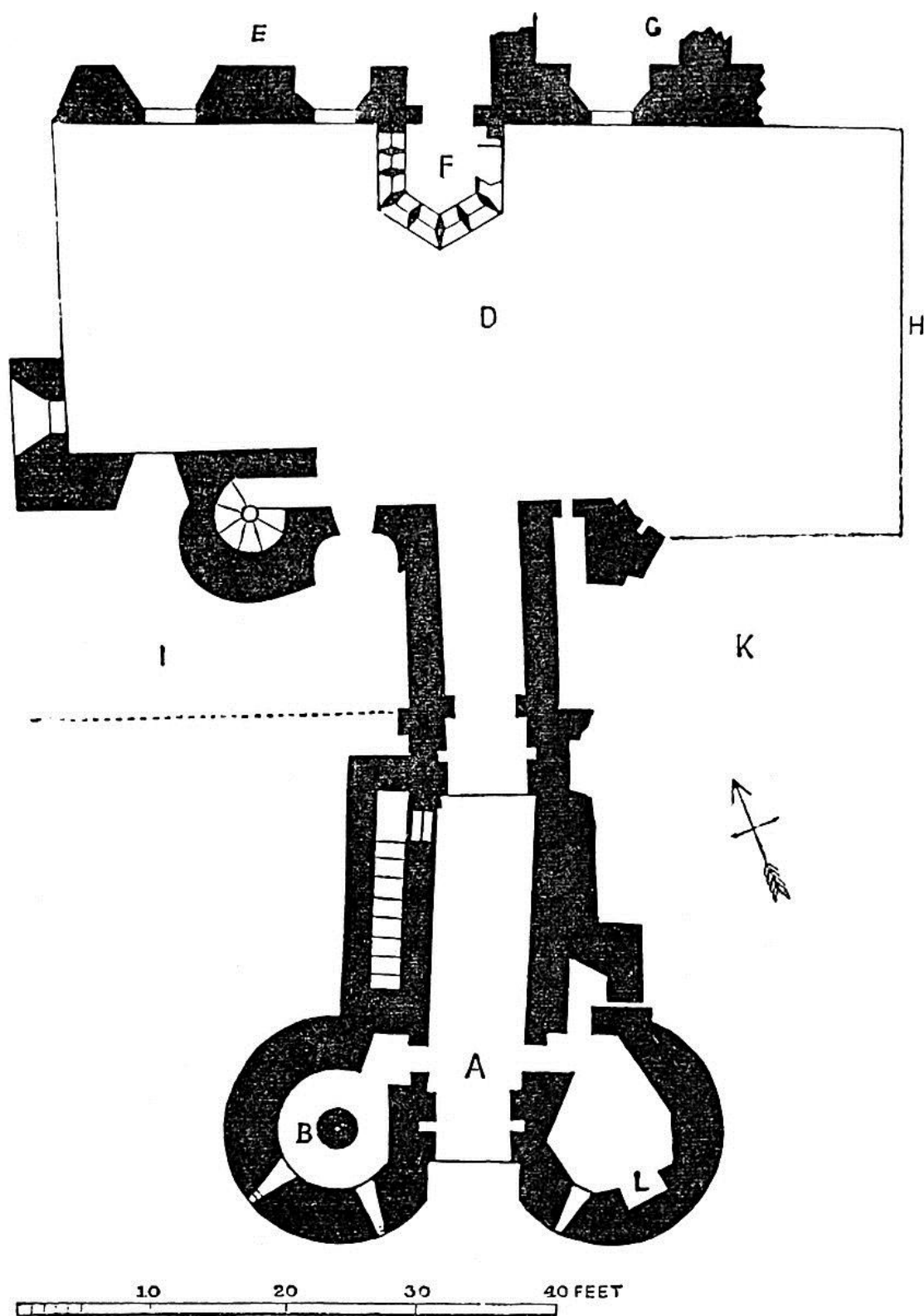
Говорят, что скала, на которой стоял замок, первоначально простиралась немного на восток, в устье реки, и, следовательно, была опасным местом с этой стороны. Чтобы устранить это, камень был извлечен из карьера и открыт проход, который сейчас является главным руслом реки и через который перекинута автомобильный и железнодорожный мосты Телфорд и Стивенсон.

Следует отметить, что Конвей, в отличие от Глостера и Честера, не расположен на английском берегу реки, как будто предназначен только для обороны; как и Чепстоу, он расположен за ручьем и задуман как *тет-дю-пон* для прикрытия переправы войск через реку.

В плане замок имеет форму параллелограмма, протяженностью 100 ярдов к востоку и западу и шириной от 35 до 40 ярдов. Северный фасад прямой, южный - зигзагообразный, повторяющий неровности скалы. Его общий уровень на несколько футов выше ближайших районов города. Здесь восемь башен, по одной на каждом из четырех углов и две промежуточные на каждой из длинных граней. Здесь нет сторожки - очень необычное упущение в эдвардианском замке, но причина которого здесь совершенно очевидна. Башни цилиндрические, около 40 футов в диаметре, но несколько приплюснутые и неправильной формы на своих внутренних гранях, что позволяет проходить по крепостному валу, не пересекая их внутренние помещения. Для обеспечения этого на внутреннюю или заднюю поверхность башни на должном уровне наносятся выступающие выступы каменной кладки. Таким образом, обеспечивается непрерывная прогулка по всему зданию, сообщающаяся с каждой башней, но не пересекающая ее.

Помещение разделено очень толстой поперечной занавеской на две палаты. Внешняя, или западная, палата имеет длину 60 ярдов и включает в себя большой зал, часовню, кухню и резервуар для воды; восточная, или внутренняя палата, длиной 40 ярдов, содержит меньший зал и парадные апартаменты. С каждого конца замок перекрыт небольшой платформой на уровне внутренних дворов и поддерживается подпорными стенами значительной высоты, увенчанными двумя легкими парапетами, каждый с тремя небольшими полукруглыми бастиянами по бокам занавеса. Каждая из этих платформ защищает и прикрывает вход. Главный вход находится в западной части города и представляет собой очень любопытное произведение инженерного мастерства. Каменная дамба, виадук шириной около 14 футов, огражденный парапетом с каждой стороны, поднимался по очень крутому склону к точке в 13 футах от ворот барбакана, где он резко обрывался и до сих пор виден поднимающимся из рва, высотой около 20 футов. Барбакан представляет собой узкое прямоугольное пространство, заключенное между двумя стенами, заканчивающееся внизу двумя небольшими круглыми башенками по бокам от внешних ворот, а вверху находятся еще одни ворота, открывающиеся в конце платформы под северо-западной главной башней. Очень тяжелый подъемный мост, работающий на цапфах диаметром 14 дюймов, спускался с внешних ворот на уже упомянутый пирс. Пирс был на 4 фута ниже перекладки моста, чтобы сохранить крутизну подхода. Мост уравнивался коротким и тяжелым оперением или

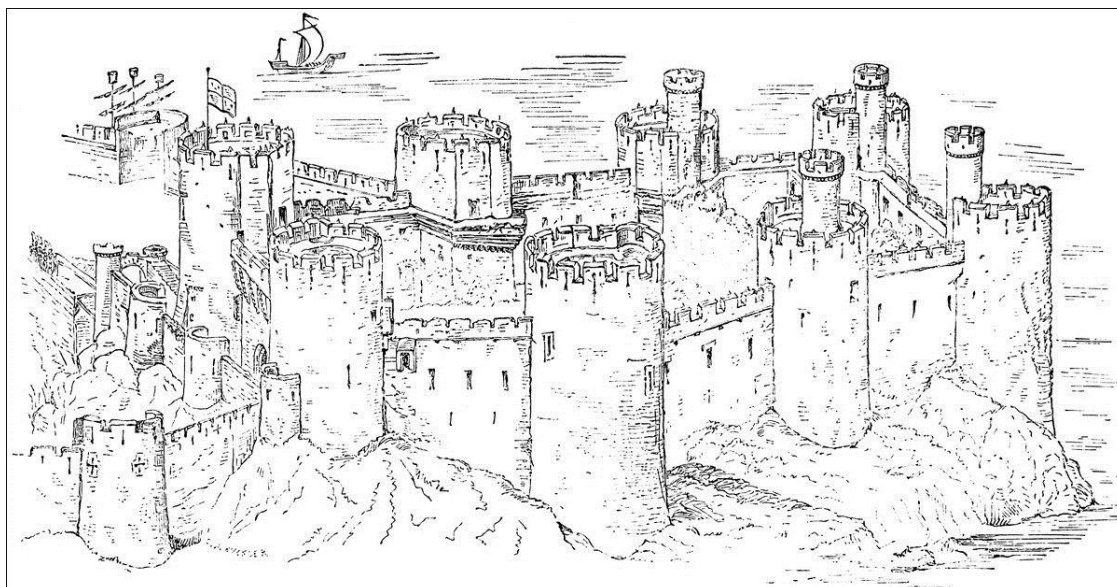
противовесом, который располагался в углублении в форме квадранта под ним. Ворота имели опускающую решетку и двери, а внутри них лестница в боковой стене вела к зубчатой стене над воротами. Верхние ворота были закрыты только прочной дверью, но были защищены прилегающим бастионом платформы, к которому примыкает петля. Прделанный таким образом вход был достаточно широк, чтобы пропустить двух всадников в ряд, а крутизна давала защитникам большое преимущество перед врагом. Барбакан Конвея удобно проиллюстрировать ссылкой на барбакан Брэмптона Брайана, который содержит те же устройства, хотя и в большем масштабе. На гравюре на дереве изображена башня, примыкающая к подъемному мосту, внешние и внутренние ворота, а между ними настенная лестница, ведущая на крепостной вал.

Платформа, на один конец которой ведет барбакан, имеет около 35 ярдов в длину и 10 ярдов в ширину и выходит вниз, на огромный ров. В его центре, между двумя главными башнями, находился короткий высокий занавес, а в нем - главные ворота. Вверху ряд рельефных карнизов, выступающих более чем на 5 футов, включал в себя линию машикуляций и придавал большую ширину крепостному валу занавеса и большое преимущество защитникам. Ворота заостренные, но довольно простые, с плоскими сторонами. Внутри портал сводчатый, с опускной решеткой, и имеет широкое пространство перед решеткой, возможно, для какой-то дополнительной рамы. Над порталом находилась камера с опускной

решеткой, также в толще стены, и место, где была подвешена решетка, видно до сих пор. В эту комнату вела крутая узкая лестница, ведущая от края занавеса, — очень редкое устройство. За воротами справа находится лестница, ведущая на крепостной вал, выглядящая как самодельная и, возможно, не оригинальная. За ней, также справа, находится большой зал. Это, хотя и просторное помещение, никогда не могло быть красивым, поскольку оно построено на изгибе, или, скорее, на неправильном многоугольнике, в соответствии с южным занавесом, который образует одну его сторону. Его длина составляет около 105 футов, ширина - 30 футов, а пол находится на уровне двора. Внизу находился подвал примерно в половину ширины зала, скала здесь выступала и загромождала одну сторону. Вход в него был через яму или ловушку, в которой был дверной проем, ведущий в проход через второй дверной проем в подвале. Он освещен петлями в занавесе, а на его восточном конце находится продолжение, через перегородку, под часовней. Говорят, что изначально зал был меньшего размера и был расширен. Если это так, то, должно быть, это было в конце часовни.

Зал освещается четырьмя маленькими квадратными окнами, выходящими на поле, и двумя окнами побольше, выходящими на корт. Последние заостренные и состояли из двух огней, с четырехлистными головками и четырехлистником в головке. Дверь находится на той же стороне, ближе к ее восточному концу. Здесь есть три камина, все под вытяжками, с выступающими по бокам опорами и кронштейнами для получения тяги плоской арки. Зал пересекали семь больших скошенных каменных ребер из двух элементов, расположенных очень неровно. Два из них стоят, один был недавно перестроен; другой находится в верхнем конце зала и отмечает его отделение от часовни. Простой выступ под выступом этого ребра указывает на то, что перегородка была деревянной, без сомнения, резной. Крыша была открытой, и между каменными ребрами были деревянные элементы. Сначала трудно поверить, что это длинное неправильной формы помещение с тремя несимметричными каминами могло быть одной комнатой, и поначалу кажется, что западный конец, до второго ребра, с одним из каминов и тремя окнами, мог быть отведен под гостиную; но очевидно, что это было не так. В такой комнате не было бы отдельной двери и гардероба. Помост зала, очевидно, находился в другом конце, а гостиная находилась на первом этаже башни-подземелья, которая находится позади большого камина и в которую можно попасть через маленькую дверцу в косяке одного из окон зала. Сюда и на верхний этаж можно было легко попасть с помоста.

ЗАМОК КОНВЕЙ.

Часовня, пристроенная в восточном конце зала, также имела открытую крышу с одним каменным ребром. В нем есть два окна на юг и одно на поле, а в его восточном конце находится окно большего размера с тремя лампочками, с круглым верхом и писциной в южном косяке. Узор разрушен. Большая кухня снесена. Она была пристроена у северного занавеса, напротив двери в холл. От него осталось корыто для воды, занимающее место под окном и облицованное цементом. Рядом с кухней находился большой резервуар, вырубленный в скале, облицованный и зацементированный для хранения воды; по водопропускной трубе в него поступала вода с крыш, а свинцовые трубы тянулись от внешнего источника на некотором расстоянии. Он был открыт на значительную глубину, 14 или 15 футов, но определенно не был колодцем, хотя, возможно, таковым и предполагалось.

Поперечная стена, разделяющая две палаты, имеет ту же высоту и толщину, что и наружные шторы. Ближе к центру он прорезан дверным проемом в форме плеча, закрытым только дверью и ведущим во внутреннюю палату. Эта дверь прикрыта чем-то вроде сторожки с западной стороны, с петлей, ведущей к главным воротам.

Во внутреннем отделении, почти квадратном в плане, с южной и восточной сторон расположены парадные комнаты. В них есть подвальные помещения, хорошо освещенные и с каминами на первом этаже, на уровне двора; а над ними, на втором этаже, находятся парадные апартаменты с открытыми крышами. Первый из них, справа, находится зал поменьше, размером 30 на 28 футов. В его западном или нижнем конце есть дверь, сообщающаяся с чем-то вроде вестибюля, а значит, и с главной башней, в которой, вероятно, находилась кухня. В другом, восточном конце также есть дверь, ведущая в гостиную. Со стороны двора находится центральный камин, расположенный между двумя красивыми окнами. Они были плоскими, с двумя лампочками, а верхняя половина была заполнена украшенным ажуром, который теперь оборвался. На оставшейся стороне, обращенной к полю, на одном конце находится маленькое окошко, а на другом - дверь, ведущая в комнату с фресками, гардеробную. Крыша была укреплена двумя каменными ребрами, одно из которых идеально, но не такое простое, как в большом зале. В гостиной с северной стороны есть камин, который пересекали два ребра, оба сломанные. В южной стене этой комнаты есть фресковый проход, соединяющийся с гардеробной и большой сводчатой камерой, также расположенной в стене, и, таким образом, выходящий на первый этаж юго-восточной, или королевской, башни. Другая дверь ведет в покои королевы. Это большая и красивая комната, также расположенная на втором этаже и занимающая восточную сторону двора. В ее крыше было два ребра жесткости, оба сняты. На его северном конце находятся проходы в гардеробные, комнаты с фресками и молельню, все они находятся в северо-восточной части, или башне королевы. Говорят, что Элеонора, королева Эдуарда I., пользовалась этой комнатой.

Из покоев королевы, расположенных на том же уровне, деревянный проход, своего рода балкон, прикрепленный к северной стене малого зала, вел в кухонный вестибюль и саму кухню. Линии карнизов и дверей на обоих концах показывают расположение и длину этой галереи.

Под апартаментами королевы есть проход, ведущий к дверному проему в занавесе, который выходит на восточную платформу и был единственным задним ходом в замке. Он находится на уровне плеч и закрыт только дверью. Но, как и на главных воротах, занавес украшен рядом ярких выступов, образующих механизмы для защиты стены и ворот. Справа и слева по

бокам от дверного проема открываются проходы, по которым в стене ведут лестницы на второй этаж королевской и королевинной башен.

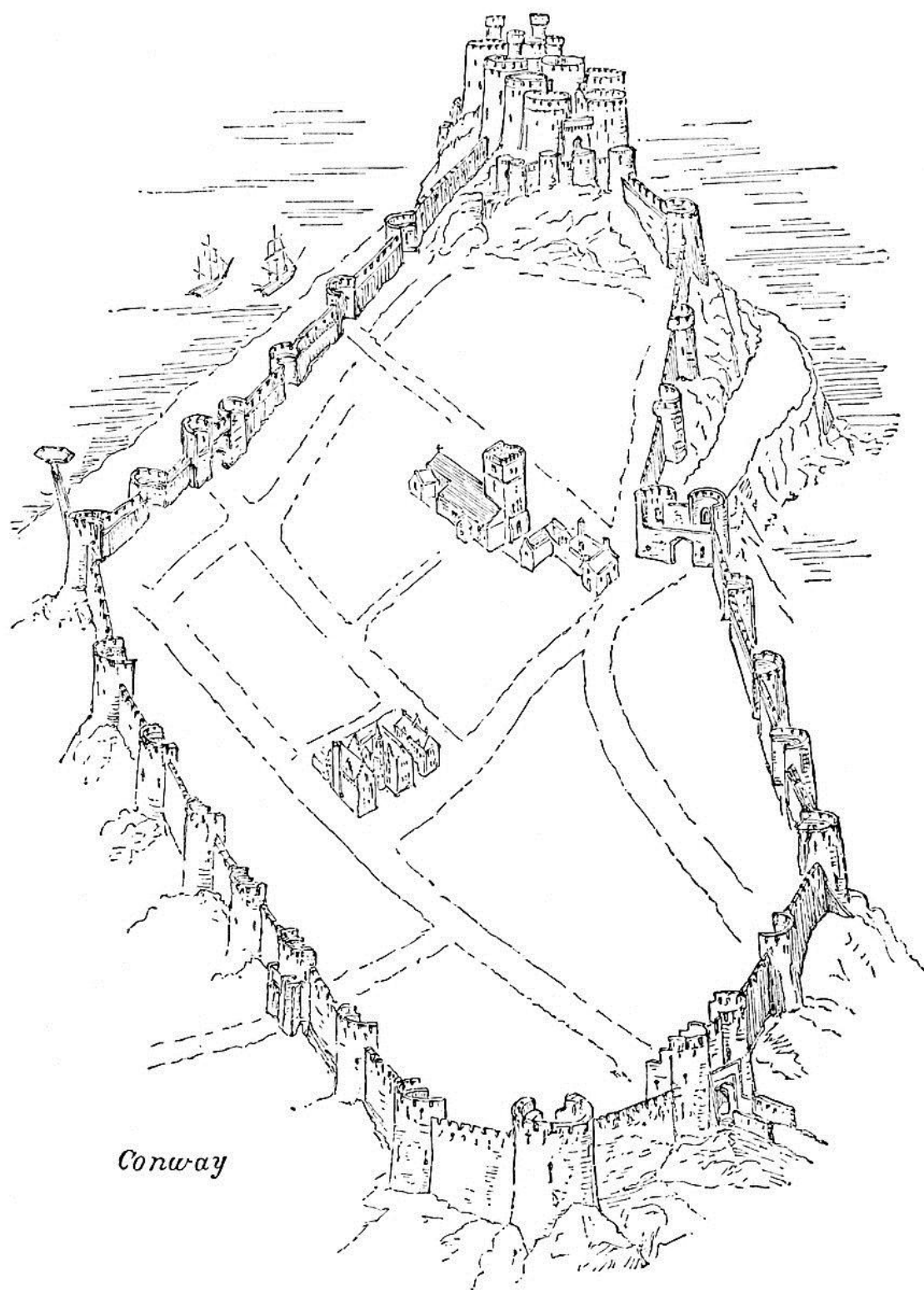
Платформа, на которую выходит эта задняя дверь, называется "беседка королевы". Она больше западной платформы. Как и он, он имеет три полукруглые башенки и парапет, а в его северном конце находится дверной проем, из которого крутая и узкая лестница с парапетом когда-то спускалась к кромке воды. Эту лестницу убрали, когда строили подвесной мост.

Осталось описать башни. Все они одного типа, и даже их детали очень похожи. В каждом из них есть подвал, пол которого значительно выше внешнего уровня земли, хотя и ниже внутреннего двора. В эти помещения можно попасть только по лестницам с верхних этажей. Они вентилируются через небольшие отверстия для воздуха высоко вверх, но есть вероятность, что ими не пользовались регулярно, хотя, возможно, они служили тюрьмами.

На первый этаж каждой башни можно попасть со двора, и с этого уровня лестница-колодец поднимается на второй или верхний этаж и так далее, на крышу. Здесь, в четырех западных башнях, он останавливается. В четырех восточных башнях он продолжается, образуя небольшую круглую башенку высотой 14 или 15 футов над крышей. Ни один из этих этажей не является сводчатым, на всех есть камин на первом и втором этажах, и все они открываются на уровне второго этажа на дорожку rampart. Все они также хорошо снабжены гардеробами.

Зубчатые стены башен остались невредимыми. Парапеты высотой около 10 футов разделены на двенадцать зубцов и столько же гладких амбразур с плоскими сторонами. Каждый зубец продет в петлю, и у основания каждого, на уровне аллюра, есть отверстие, заканчивающееся горгульей, для отвода дождевой воды.

В двух башнях установлены печи, построенные по старинке, с дымоходом снаружи и над дверцей духовки. В башне королевы на втором этаже у восточной стены находится молельня. Это глубокое и рельефное углубление, разделенное на девять отсеков, по три с каждой стороны и три, образующие вершину. В каждом отсеке находится сидиль, а выше, в апсиде, расположены три стрельчатых окна. Тонкие шахты между отсеками представляют собой сводчатые шахты и расширяются вверх веерным орнаментом. С каждой стороны молельни есть небольшие фресковые залы, один из которых - ризница; другой, возможно, исповедальня; в обоих есть небольшие петли, ведущие в молельню. Возможно, вся круглая палата использовалась как часовня, при которой ораторией служил хор.

Конвей

Конвей, хотя и такой же прочный, представляет собой гораздо менее элегантное сооружение, чем Карнарвон. Каменная кладка, хотя и превосходная, представляет собой грубый необработанный щебень, а тесаный камень используется очень экономно. Особенно зубчатые стены, как в Харлече и Кэрфилли, очень голые. Они плохо обработаны, как будто их предназначали для того, чтобы спрятать за решеткой; но, поскольку нет выступов или мест для распорок, это не могло быть сделано специально.

Отверстия в бревнах показывают, что при строительстве использовались круглые, а не квадратные столбы; и здесь, как в Коуси и в некоторых частях Харлеча, они расположены так, чтобы показать, что строительные леса были уложены по наклонной плоскости, а не горизонтально, и с лестницами. То же самое относится и к городским стенам и башням.

Замок Конвей находится в ведении короны, но уже давно сдан в аренду. Леди Эрскин из Камбо, последняя арендаторша, недавно отказалась от своего права собственности, и теперь руины принадлежат Корпорации и, похоже, за ними достаточно хорошо ухаживают. Мистер Джонс, который руководит этим местом почти полвека, является очень осторожным и умным опекуном и хорошо знаком с деталями и историей замка.

Строительство Конвея было начато в 1285 году. Вскоре после его завершения Эдуард I и королева Элеонора провели здесь Рождество в торжественной обстановке, когда, без сомнения, государственные апартаменты были заняты. Город был взят штурмом в 1646 году парламентским генералом Миттоном, который также защитил замок.

Карл II даровал его Эдуарду, первому графу Конвею, чтобы украсить и хоть как-то обосновать свой титул; но граф, как говорят, чтобы досадить соседней знати, разобрал замок и забрал свинец, древесину и железные изделия, сломал лестницу в колодец и другими способами повредил конструкцию.

Прилагаемый вид на город с высоты птичьего полета сделан с самой высокой и западной точки, чуть выше Порт-Учафа, откуда полностью открывается вид на Порт-и-Фелин, ниже которого находится русло Гиффина. Хорошо показано расположение замка на скалистом мысу, возвышающемся над морем.

Другой вид ограничен замком, если смотреть с юга, или долиной Гиффин. Четыре башни справа обозначают углы внутреннего двора, две крайние справа - королевская башня спереди, а позади нее - башня королевы. Центральная и парадная башня - это башня-подземелье, пристроенная к большому залу. Слева видны две линии городской стены, примыкающие к замку, и между ними западная платформа с ее бастионами, а сзади - главные ворота с линией машикулей над ними. На одной из башен, обращенных к морю, видно, как дорожка вокруг вала проходит по выступу, заключенному в кокошник или квадратные скобки.

ЗАМОК КОРФ, ДОРСЕТ.

Замок КОРФ - одна из самых примечательных достопримечательностей Великобритании.

Естественное положение очень поразительно, и не менее поразителен способ, которым оно было укреплено с помощью искусства. Он очень древний, связанный со времен западносаксонских князей и со времен Речи Посполитой знаменательными историческими событиями; был дворцом и тюрьмой королей и знати, и им командовала длинная череда могущественных кастелянов.

Замок венчает изолированный холм, часть крутого мелового хребта, который под общим названием холмы Пурбек с подчиненными им возвышенностями Ноул-Хилл, Найнбэрроу и Баллард-Даунс простирается на двенадцать миль через полуостров Пурбек, от залива

Уорбарроу и лагеря Флауэрбэрроу на западе до форленда между заливами Стадленд и Суонидж на востоке.

К югу, или в сторону моря, проходит четкая береговая линия, обозначенная мысами Певерел, Дерлстон и Сент-Адхельм. К суше, или к северу, находится впадина, занятая Пул—Харбором и его притоками Фромом и Трентом, или Пиддл-Уотерсом, над бродами которого господствуют грандиозные земляные укрепления в Уэйрхеме, которые, расположенные верхом на хребте, заканчивающемся слиянием двух рек, образуют границу и ключ к Пурбеку, как и Корф, его цитадель.

Замковый хребет граничит с островом Уайт и вместе с ним образует южную окраину хорошо известного мелового бассейна, западную границу которого обозначают Дорчестер и Биминстер, а северную - Бир-Реджис, Солсбери и Винчестер.

Мел в Корфе уходит к северу примерно на 70°. Он твердый, умеренно прочный и густо начинен кремнями, которые широко используются во внутренней отделке стен замка. Под мелом, под большими воротами замка, находится узкая полоса верхнего зеленого песка, ниже которого последовательно расположены три пласта Пурбек, портлендский камень и киммериджская глина. Каменные плиты, отличающиеся здесь особой прочностью, используются для облицовки замка тесом и фасадной отделки.

К северу от мела и выше него находятся узкие и неправильные пласты пластика и лондонской глины, за которыми следует широкое пространство нижних песков и глины Бэгшот, из которых образовалась гавань Пул, и последняя из которых используется в коммерческих целях.

Значительный разлом проходит вдоль мелового хребта к северу от замковой горы, один из параллельных разломов, пересекающих эту часть южного побережья.

Физический облик Пурбека выдает опытному глазу его геологический состав, а дикие неровные вересковые пустоши и болотистая местность вокруг гавани сильно контрастируют с крутыми, но округлыми очертаниями и зеленой поверхностью мела, на вершине которого возвышается старая нормандская крепость, доминирующая повсюду в ландшафте.

Замок от природы крепкий. Он занимает склон и вершину холма, основание которого занимает около 15 акров и который расположен в расщелине или выемке в уже описанном горном хребте, о котором говорят, что его название является описательным.

К югу от хребта, совсем рядом с замком, находится город Корф, от которого замковая гора круто поднимается и почти вертикально спускается на его восточную, западную и северную стороны. Северную, или самую высокую точку, занимают цитадель и основные здания замка.

Ручей под названием Уикен и его приток Байл-брук, каждый из которых вращает мельницу, текут с юго-запада и юго-востока по обе стороны города и, огибая подножие замкового холма, соединяются чуть ниже моста Святого Эдуарда, образуя реку Корф, которая впадает в гавань Пул. Между городом и замком, там, где два ручья сливаются на расстоянии фарлонга друг от друга, у основания полуострова была прорезана глубокая и крутая, хотя и сухая траншея, которая, таким образом, образует большой внешний ров, отделяющий замок от города.

Замок в его нынешнем виде можно назвать концентрическим, но он был построен, если не спроектирован, в три основных периода: первоначально это был саксонский дворец, затем нормандский, а впоследствии эдвардианская крепость.

Он состоит из крепости, расположенной во внутреннем дворе, средней и внешней сторожевых башнях. Обследование, проведенное Ральфом Тресвеллом в 1586 году, делит внутреннюю палату на две и показывает стену поперек внешней палаты, которая исчезла и, вероятно, была современной.

В плане это неправильный треугольник, стены которого повторяют гребень холма. Большие ворота венчают южный, или самый низкий угол; башня Баттавант - западный; а внутренний двор образует тупой, самый высокий, или восточный угол. Юго-западный, самый протяженный фронт, вогнутый. Он простирается на 270 ярдов от сторожки до борта, и его нижние две трети являются частью *ограды*, наиболее ревностно охраняемой, на разрушение которой разрушители потратили свои величайшие силы. Северный, или верхний фронт, слишком высокий для атаки, имеет длину около 200 ярдов, а восточный фронт примерно такой же.

Площадь внутри стен составляет около 3 с половиной акров; но из-за чрезмерной крутизны грунта большая часть внешнего и часть среднего двора никогда не могли быть учтены. Нижняя часть внешней палаты, западная часть средней и восточная часть внутренней палаты - единственные плоские помещения.

Внешняя, гораздо более крупная палата, находится внутри большой сторожки, восточный занавес укреплен башнями в виде Подковы и Плюкенета, а западный занавес украшен четырьмя башнями-фресками. Крутая верхняя часть палаты поднимается к стене внутренней, а также к стене и сторожке средней палаты. Его пересекает ров, приписываемый королю Иоанну, который простирается от башни Плуkenет до передней части средней сторожки и оттуда продолжается за пределами работ вниз по склону холма.

Постоянный каменный мост длиной около 100 футов и шириной 20 футов пересекает ров и ведет к большим воротам. Он состоит из четырех арок, опирающихся на три прочных опоры, а проезжая часть, на которой сейчас нет парапетов, находится примерно в 30 футах над дном рва. Каменная кладка заканчивается примерно в 18 футах от портала, и промежуток, теперь засыпанный землей, вероятно, был перекинут подъемным мостом. Арки составляют примерно треть окружности, а вуссуары в виде двух колец, без скрепления, толщиной 8 дюймов и длиной от 1 фута до 3 футов. Опоры могут быть перпендикулярными, но арки, вероятно, принадлежат сэру Кристоферу Хаттону.

Внешняя сторожка состоит из двух барабанов, расположенных по бокам портала и переходящих в прямоугольное здание, ныне частично разрушенное. Барабаны диаметром около 20 футов крепятся к основанию верхнего этажа, которые сейчас сняты, но от которых остались нижние концы петель.

Портал шириной 13 футов ведет в сводчатый проход, длина которого сейчас составляет 26 футов, а когда-то, возможно, была 36 футов. Первый - портал, теперь без косяков, под сегментарной аркой шириной 4 фута 11 дюймов. Затем (как показано в сопроводительном разделе, рис. I.) погоня, или одиночный сгиб, шириной 6 дюймов. Затем вторая арка, шириной 3 фута 9 дюймов. Затем выемка шириной 5 дюймов и круглая канавка диаметром 9 дюймов и отверстием 7 дюймов, в которой проход сужается на 20 дюймов, образуя отверстие в 11 футов 4 дюйма. Затем следует арка шириной 1 фут 6 дюймов и выступ длиной 16 дюймов.

Далее следуют собственно ворота, косяки которых толщиной 2 фута 4 дюйма выступают внутрь с двойной фаской, чтобы уменьшить фактический проход до 8 футов.

Дверь, пространство для которой показывает, что она была деревянной и толщиной не более 4 дюймов, состояла из двух створок, арка за которыми была плоской сегментарной, с высокой пружиной и шириной 4 фута, чтобы они могли открываться. Два камня с каждой стороны, на которых, вероятно, были прикреплены железные петли для петель, были вырваны. Между ними в центральном отверстии размером 9 на 12 дюймов находилась деревянная перекладина. Далее находится арка, от которой осталось всего около 5 футов, но которая, вероятно, завершала проход к входу в палату и, возможно, имела паз для опускной решетки.

Сохранилась половина дверей в домики. Сами логи имели бочкообразные своды, а свод в западной ложе был сделан из обычной нормандской бечевки, состоящей из плоских счетов и фаски, как если бы была обшита более старая сторожка. Примеры этой строки, действительно, были указаны мистером Бондом в других и, безусловно, более поздних частях замка, и, конечно, простая строка этого символа может быть любого возраста.

На нескольких арках, составляющих входной проход, в местах их расположения видно около дюжины маленьких отверстий, очевидно, предназначенных для центрирования. Их небольшой размер указывает на то, что они были сделаны из железа. Эти отверстия обычные.

ЗАМОК КОРФ.

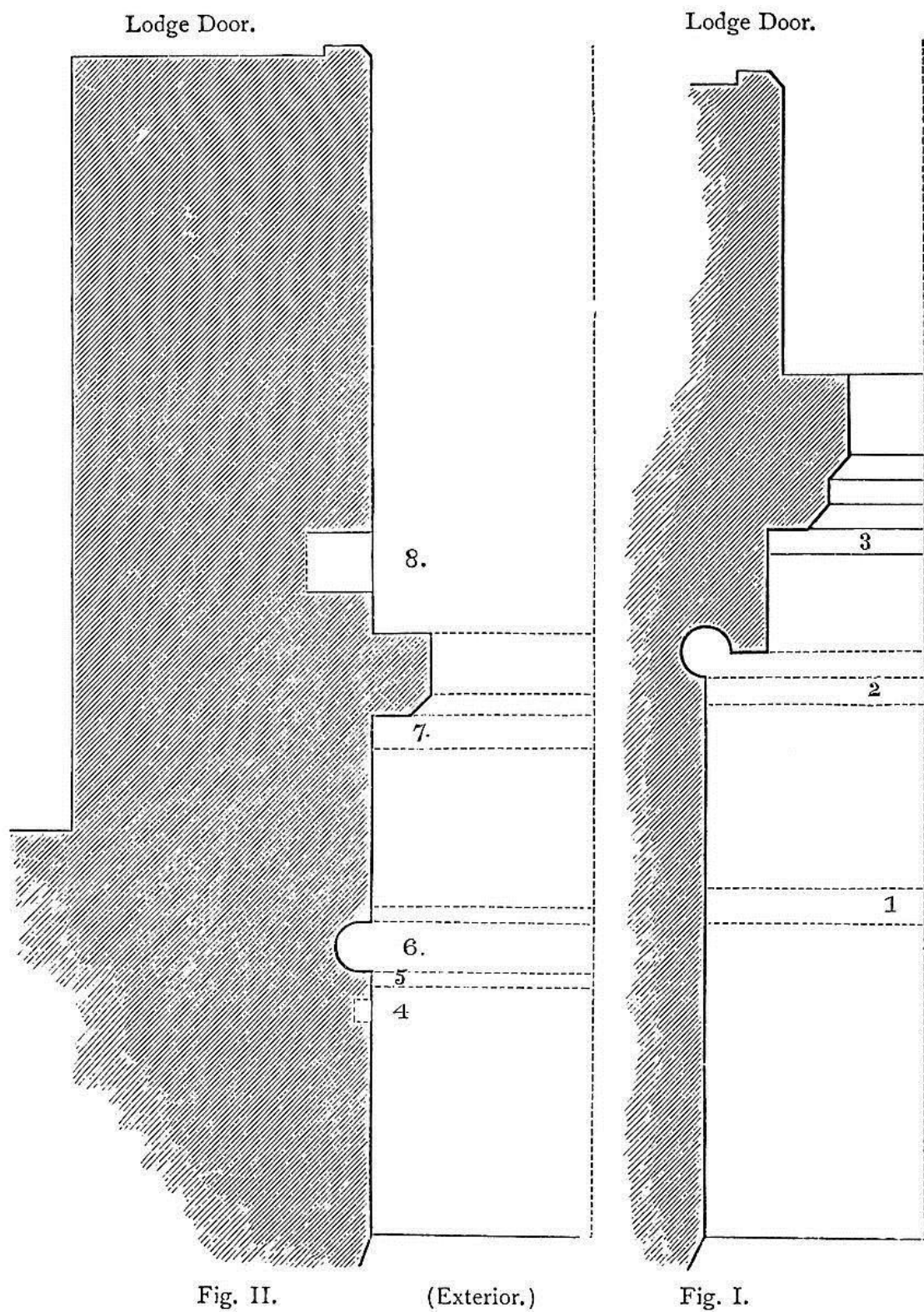

Рис. I. —Большая сторожка: входной проход, -1, 2, 3, погоны.

Рис. II.—Средняя сторожка. Входной проход, -4, Поворотное отверстие; 5, Выемка в своде; 6, паз и выемка опускной решетки; 7, Механизм с пятью отверстиями; 8, отверстие для перекладины.

В дверных косяках прорезаются шесть пазов, по три с каждой стороны, самый нижний в 6 дюймах от земли. Каждая из них 8½ дюймов в длину, 2 дюйма в ширину и 3½ дюйма в

глубину. Должно быть, они предназначались для удержания досок, хотя небольшая глубина вряд ли позволила бы их вставить. Они, действительно, больше подходили для содержания свиней внутри, чем воинов снаружи, и, возможно, использовались именно так в мирное время. Вряд ли они оригинальные, но, вероятно, появились раньше демонтажа. Входной проход мягко опускается изнутри, чтобы дать преимущество защитникам в сорековании.

Трудно понять защитные сооружения этих ворот из-за отсутствия верхнего этажа, с которого велось большинство из них. В настоящее время на портале нет и следа подъемного моста, если, конечно, поворотные отверстия, на которые он поворачивался, не скрыты почвой. Если цилиндрическая труба с отверстием или прорезью на ее боковой стороне содержала створчатый груз, то каким противовесом она была? Едва ли это подъемный мост, для которого, даже если он сделан из свинца, если только не неудобной длины, вес был бы слишком мал; а паза для опускной решетки там нет. 5-дюймовая выемка точно перед трубой, возможно, содержала опускную решетку или раму; но, если это так, отсутствие боковых канавок, должно быть, делало ее очень неустойчивой, за исключением случаев, когда она опускалась и закреплялась в канавке. Несомненно, в этой трубе могла работать опускная решетка с загнутыми боками или ушками, но это маловероятно. Другие отверстия, без сомнения, предназначались для прохождения снарядов. Однако это всего лишь прорези поперек свода, без боковых канавок, как при использовании опускной решетки, и они, по-видимому, не были разделены поперечными *перегородками*, как при обычных механизациях; но этот свод был расколот взрывом и частично восстановлен в недавнее время, так что трудно определить его детали.

С каждой стороны сторожки поднимаются короткие занавески. Та, что к востоку, толщиной от 10 до 12 футов и высотой около 20 футов, ныне в основном разрушенная, заканчивается Подковообразной башней, простой оболочкой диаметром около 20 футов и высотой 20 футов, открытой на первом этаже и поперек ущелья, и предназначенной для настила пола и обшивки бревнами, как это нередко бывает с настенными башнями, чтобы предотвратить их использование против гарнизона. В нем есть три петли на первом этаже. Это простые вертикальные щели длиной 7 футов и шириной 1½ дюйма, глубоко расположенные и открывающиеся из углублений в стене. Башня венчает юго-восточный угол работы, а петли направлены на поле и вдоль двух занавесей. Удаление осыпи снаружи показывает, что эта башня стоит на глубоком и прочном фундаменте. На стыке надвратного занавеса с этой башней находится камера с фресками шириной 6 футов, перекрытая пятью ярусами нависающих плит.

Восточный занавес по большей части представляет собой простую стену толщиной от 8 до 10 футов и высотой от 10 до 15 футов, за исключением зубчатых стен, и более или менее разрушен. На его внешней стороне видны петли, направленные вниз таким образом, чтобы сгрести уступ. Рядом с Подковообразной башней раньше находилась еще одна фресковая камера, называвшаяся конюшней, но, скорее всего, гардеробной, а за ней находится большая арка, теперь замурованная, которая, возможно, была задней дверью и выходила на башню Плукенет.

Это простая полукруглая фресковая башня, цельная по высоте крепостного вала и не имеющая выступов внутри.

Над крепостным валом он выдолблен в камеру, открытую сзади, с тремя петлями, каждая длиной 5 футов 6 дюймов и 2 дюйма в отверстии. В каждой из ниш справа находится небольшой шкафчик для смазки или инструментов, необходимых лучнику. На башню и вал можно было подняться по лестнице с северной, или верхней, стороны. Здесь хорошо видны

приспособления, позволяющие лучнику стрелять вниз, чтобы преодолеть крутой обрыв. Эта башня названа так из-за смелого и хорошо сохранившегося щита на ее внешней стороне, заряженного изогнутым фузилем или пятью фузилами, соединенными в изгибе, и удерживаемого двумя руками, которые появляются из отверстий в камне. Это один из хорошо известных гербов, приписываемых Марешалям, графам Пембрук; но, поскольку эта семья вымерла за полвека до даты постройки этой башни и, по-видимому, никогда не была связана с замком, мистер Бонд показал, что более вероятно, что щит предназначен для увековечения памяти Алана Плукенета, констебля замка в 54-м году правления Генриха III., и барона в правление Эдуарда, его сына, герб которого представлял собой либо выгравированный изгиб, либо фузилли, что в древности часто изображалось на гербовых доспехах. точно так же на полевом горностае, мех которого (как предполагает м-р Бонд) мог рассматриваться как настойка, линии для придания которой тогда не использовались, а пятна резчик опустил.

Занавес от этой башни до угла Глориетт во внутреннем дворе построен из камней гораздо большего размера, чем те, что используются ниже. Они такие же большие, как многие из нормандского тесака, но более грубой работы.

Возвращаясь к сторожке и следуя западному фасаду, мы начинаем с короткого занавеса, который все еще стоит и соединен с первой фресковой башней - барабаном с выступом несколько выше полукруглой формы, ограничивающим угол. Она сплошная до уровня крепостного вала, а выше открывается в ущелье. Его единственная камера имеет три петли, крестообразные, более короткие, широкие и более грубой конструкции, чем у Подковообразной башни, хотя по-прежнему сделаны из превосходного тесаного дерева. Видно, что эта башня, пробитая порохом, имеет толщину 10 ярдов. В его основании имеется отверстие в виде грубого прямоугольного стока размером 18 на 12 дюймов, к которому присоединяются другие стоки размером 9 на 9 дюймов, все сплошные и, очевидно, спускающиеся от гардеробных, один из которых, по-видимому, был расположен в занавесе к северу от этой башни.

Далее над этим находится вторая башня, или Колодец, названный так из-за небольшого углубления позади него, которое, как говорят, указывает на колодец. Эта башня похожа на предыдущую, была, как и она, прочной в основании и имела одну камеру на валу, открытую в ущелье и пронизанную тремя петлями.

Ближе к югу от него находился небольшой дверной проем, ведущий либо в гардеробную, либо на крепостную лестницу. Из всего этого виден только один косяк.

Над Колодезной башней находится третья, а над третьей, а также соединенной с ней короткой занавеской, находится четвертая из этих настенных башен. Однако, хотя это и башня, она имеет характер эполементы, или редана, и венчает выступ или плечо занавеса. У него всего две петли, только продольные, одна направлена в сторону поля, а другая - вдоль южной стены. Первый разделен на короткую верхнюю и длинную нижнюю части узкой каменной плитой, которая выступает внутрь наподобие полки.

Занавес от этой реданской башни до ворот среднего квартала, вероятно, более ранний, чем любой из них, и очень высокий. Он пересекает ров короля Иоанна. Он построен из больших камней и в некоторых отношениях напоминает занавес над башней Плукенет, расположенной на другом конце того же рва. Снизу она сплошная, сверху пронизана четырьмя грубыми петлями, сильно загнутыми внутрь, и которые, должно быть, открывались из помещения, внешней стеной которого была занавеска, или, возможно, из деревянной платформы.

Ров, приписываемый королю Иоанну, пересекающий внешнюю территорию, имеет глубину около 20 футов, с вертикальным контрскарпом, вырубленным в меловой породе. Башня Плукенет и прилегающий к ней занавес пересекают его восточный конец, но они стоят на гребне цельной скалы, показывая, что ров никогда не был продолжен спереди в этом направлении. На его западном конце ситуация иная. Там он врезан прямо в склон и спускается вниз, а занавес, пересекающий и останавливающий его, построен фактически во рву.

Несомненно, нынешнее оформление контрскарпа связано с тем, кто разместил артиллерию на его гребне. Снаружи, через гласис, находится ровная платформа шириной 30 футов, которая, как известно, защищалась артиллерией и перед которой расположены три ступеньки или скамейки. Все сооружение образует *фасс-брей* у подножия гласиса крепости и сильную защиту перед сторожкой в среднем дворе. Мост из двух арок, того же возраста и вида, что и уже описанный, пересекает этот ров, здесь шириной 50 футов, и ведет к средним воротам. Профиль, вырезанный в одной из надвратных башен, показывает, где примыкал парапет, который, однако, явно не был оригинальным. Как и в случае с нижним мостом, пространство площадью около 18 футов рядом с порталом, теперь засыпанное землей, очевидно, предназначалось для того, чтобы через него был перекинут подъемный мост.

Средняя палата тоже треугольная. Его более длинные и примерно равные северная и южная стороны ограничены под острым западным углом башней Баттавант, а основание образовано средней сторожкой и занавесом, а также облицовочной стеной и воротами (ныне разрушенными) внутреннего двора.

Сторожка среднего прихода - очень красивое сооружение. Как и нижняя сторожка, на которую она похожа в общих чертах, она состоит из двух барабанов, обрамляющих входной проход и заканчивающихся квадратно сзади.

Одна из них, северная башня, поднимается прямо из рва, без подвала или выступа, и соединена с короткой, но очень толстой и высокой завесой, которая поднимается по крутому склону и примыкает к крепости. Башня имеет смелый выступ, но плоская по направлению к занавесу. Внутри находится ложа с одной крестообразной петлей спереди, а сзади видны следы лестницы, которая вела к занавесу и, таким образом, продолжающимися ступенями вдоль его крепостных стен к замку.

Другая башня возвышается на гребне внешнего склона, где она выглядит как защитная фреска, на западном фасаде. Внутри находится небольшая ложа с тремя петлями: одна спереди, одна на фланге, обращенном к полю, и одна, теперь закрытая, сзади, в средней палате.

Портал не имеет косяков, но проходит под сегментарной аркой с двойной фаской, выступающей прямо из боковых башен. Он отступает на 4 фута 1 дюйм, и за ним следует закругленная канавка для опускной решетки шириной 9 дюймов и глубиной 6 дюймов, но имеющая, находясь внутри арки, ровный край в 3 дюйма с каждой стороны. Эти края заканчиваются над дугой, и вырез соответствует только ширине канавки.

За опускной решеткой находится вторая арка шириной 2 фута 9 дюймов, за которой следует решетка шириной 14 дюймов, разделенная четырьмя *перегородками* на пять квадратных отверстий. Они устанавливаются непосредственно перед косяками самих ворот, где проход уменьшается примерно на 1 фут 8 дюймов.

За косяками располагались складные двери с высокой пружинящей дугой и плоским сегментарным изгибом, когда они были открыты. Они были деревянными, и отверстие для перекладины за ними имеет площадь около 11 квадратных дюймов. Петель нет. За этой последней аркой проход был перекрыт деревом и сейчас открыт. В задней части находятся части паза второй опускающей решетки — “*altera securitas*” — так, что, вероятно, там была каменная облицовка задней части сторожки, которая сейчас полностью разрушена. Устройство этих ворот вплоть до сторожки показано в сопроводительном разделе. Смотрите гравюру на дереве, рис. II.

В помещении с деревянной крышей находятся двери двух домиков. У южного голова квадратная, с плечами. Северная сторона той же формы защищена полукруглой разгрузочной аркой в стене выше. Эта арка по дизайну и материалу имеет очень нормандский вид и, возможно, сохранилась от более старой работы. На этих воротах нет остатков зубчатых стен, но на их фасаде расположены каменные карнизы, вероятно, предназначенные для ношения щитов - особенности военной архитектуры, так хорошо описанной М. Виоле-ле-Дюком.^[4]

Во внешнем портале, у самого пола и в нескольких дюймах перед пазом опускающей решетки, находится круглое отверстие диаметром 5 дюймов и глубиной 3 дюйма, в котором, по-видимому, находилась железная ось подъемного моста. Над ним находится еще одно подобное отверстие, без сомнения, связанное с работой той же защиты.

При въезде в ворота дорога быстро поднимается. Справа находится чрезвычайно крутой обрыв, на вершине которого находится бастион крепости. Слева - занавес западного фронта. Выше дорога поворачивает направо, чтобы попасть во внутренний приход, и огибает слева то, что, по-видимому, было формальным садом, обозначенным ровным участком, несколькими фундаментами стен и двумя нишами, приписываемыми сэру Джону Янсону, ректору Корфа в конце прошлого века.

К западу от этого помещения палата, по-видимому, использовалась под офисы и частично была перекрыта. За северным занавесом находится полукруглая фресковая башня с четырьмя петлями, одноэтажная, открытая в ущелье. Уровень грунтовых вод на двускатной крыше виден изнутри, а центральный желоб выступает в виде желоба наружу. Дальше находится загроможденная арка, вероятно, ранняя задняя дверь, и, еще дальше, сиденье и сток большого гардероба, под аркой в стене шириной 8 футов. Вверху - простой карниз, выдолбленный для крепления к стене крыши, и, без сомнения, один из серии таких. Деревенские жители называют его виселицей. Часть южного занавеса этого прихода является наиболее интересной особенностью всего сооружения.

Первым, поднимающимся от ворот, слева, является занавес. Затем на нем - полукруглая фресковая башня с тремя петлями, но закрытая с момента своего строительства в ущелье стеной, в которой есть небольшая дверь, ведущая в соседнее здание. Со стороны этой башни, к западу, занавес сооружен из плоских камней, уложенных грубо, но отчетливо в виде селедочной кости. В нем три окна и место для четвертого. Они имеют круглую форму, диаметр 2 фута 4 дюйма и глубину 3 фута 6 дюймов, расширяются до 12 дюймов, когда заканчиваются каменной пластиной, из которой вырезана петля с отверстием в 6 дюймов и фальц для ставня. В настоящее время они находятся на расстоянии 3 футов 6 дюймов от пружины, но часть может быть заглублена. Эти отверстия закрыты внешней облицовкой стены. Эта стена в западном конце, по-видимому, была возвращена внутрь. И эта стена, и эти окна считались частью старого саксонского дворца, и это вполне может быть так. Они определенно кажутся старше, чем норманнская постройка в замке.

К западу от этой старой части находится замурованный дверной проем со стрельчатой аркой, выступающей из обычных нормандских счетов с плоской фаской. Это похоже на переходную нормандскую работу. Снаружи он замаскирован облицовкой. Эта дверь, основание которой зарыто, по-видимому, была задней, хотя, следует признать, в крайне неудобном положении для такого способа выхода.

Башня Буттавант, которая венчает западный угол квартала и является заметным объектом в очертаниях замка, по-видимому, представляла собой восьмиугольник со стороной 7 футов, внутренним измерением и значительной толщиной. Обшивка нижней части исчезла. У него был подвальный этаж и два этажа выше, все с деревянным полом. Лестница-колодец рядом с ущельем ведет на вершину. Занавес, ведущий отсюда в гардеробную, разрушен.

Внутренний двор занимает вершину холма. Он также грубо треугольный: большой бастион образует вершину на западе, бастион Глориетт ограничивает угол на юго-востоке, а тупой угол на северо-востоке образован только занавесом. Ближе к внешней и средней палатам стена представляет собой мощную облицовку из каменной кладки, увенчанную занавесом. В других местах земля лишь несколько выше внутри, чем без занавеса.

В этом отделении находились два входа, цитадель, башня королевы и служебные помещения, а также колодец.

Ворота из средней палаты примыкали к северному занавесу. Вероятно, это был простой проем в стене, без обычной сторожки, иначе он вряд ли исчез бы так полностью, даже под сокрушительной тяжестью обломков крепости.

Эти ворота вели в небольшой дворик, на восточной стороне которого возвышалась крепость. Вторые, более высокие ворота, по-видимому, вели в собственно палату и были расположены недалеко от подножия внешней лестницы замка. Эти ворота также полностью исчезли. Обследование, проведенное Тресвеллом в 1586 году, показывает, где он стоял.

Крепость представляет собой четырехугольную башню, площадью 60 квадратных футов и высотой 80 футов, чисто нормандской работы. Восточная и западная стороны были укреплены пятью плоскими пилястрами шириной 5 футов 4 дюйма, выступом 18 дюймов и расстоянием 8 футов 4 дюйма друг от друга. На северной и южной сторонах были четыре аналогичные полосы, расположенные с более широкими интервалами. Все они поднимались с общего постамента и уходили в стену на небольшом расстоянии ниже зубчатой стены, небольшая часть которой все еще видна, не переходя в нее, как в Чепстоу и других местах, чтобы закрыть фасад.

Дверь первого этажа, по-видимому, шириной 4 фута и с очень поздними накладками, в настоящее время находится в западной стене, здесь толщиной 9 футов, и, возможно, была там всегда, хотя, конечно, не в ее нынешнем виде. Он был перекрыт внешней лестницей. Он расположен ближе всего к южному концу, между второй и третьей пилястрами.

Лестница шириной 9 футов пристроена к западной стене крепости без скрепления и, возможно, с более поздней пристройкой. Под ним находится большая открытая арка с круглым верхом, исходящая из плоских пилястровых косяков, которые, продолжаясь над струной или колпаком, обрамляют софит свода. Эта арка служит крыльцом к двери в подвал крепости.

Лестница заканчивается лестничной башней, прямоугольной пристройкой или передним зданием, пристроенным к крепости, образующим вестибюль к главному входу, и, как говорят, в нее вела лестница, ведущая на верхний этаж. Внутри он имеет размеры примерно 19 на 16 футов, а у северной стены стоит каменная скамья. Дверь с внешней лестницы в северной стене имеет круглую форму, шириной 6 футов 6 дюймов, открывается в стене толщиной 6 футов, две другие стены имеют высоту 4 фута. Дверь башни, расположенная между первой и второй пилястрами и, следовательно, недалеко от угла башни, имела ширину 6 футов, теперь увеличенную до 9 футов. У него плоская вершина, с полукруглой рельефной аркой в стене наверху, не предназначенной для того, чтобы ее видели. Вероятно, в южной стене вестибюля была дверь, выходящая на большой бастион, и сохранились следы крытого прохода из нее в гардеробную башню. Этот вестибюль, по-видимому, того же возраста, что и замок, и в нем находилась лестница, ведущая на главный этаж.

Цитадель была разделена на две большие камеры стеной толщиной 6 футов. Подвал был перекрыт, а пол первого этажа перекрыт десятью большими цельнодеревянными балками, полости для которых остались в южной стене. На первом этаже, вероятно, находилась комната 42 футов в длину, 28 футов в ширину и 24 фута в высоту, которая, однако, должно быть, была очень темной, поскольку северная стена была внутренней, а южная без окон. Две маленькие двери, вероятно, более поздней постройки, открываются через южную стену во внешнюю галерею.

Над этой комнатой, образующей третий этаж, находилась другая, по-видимому, такого же размера и гораздо более жизнерадостная, которая, возможно, была залом. Отсюда вверх вела лестница-колодец в восточной стене, недалеко от ее южного конца. Уровень грунтовых вод внутри показывает гребень и долину крыши, как в Порчестере, и, вероятно, изначально над этим этажом ничего не было.

Зубчатые стены, за небольшим исключением, исчезли, но в восточной и западной стене, чуть ниже линии зубчатых стен, расположены соединенные нормандские окна шириной около 3 футов, по паре между каждой парой пилястр, образующие, таким образом, своего рода аркаду, мало чем отличающуюся от гораздо более поздних в Суонси и Лланфи, но большая часть которых, кажется, всегда была закрыта. Примечательно, что в таком массивном здании с такими толстыми стенами не было обычных галерей и комнат с фресками, которые можно найти в нормандских замках.

Мистер Бонд, который близко знаком с этим замком и привнес много критических знаний в его детали, придерживается мнения, что верхняя часть стены цитадели свидетельствует о том, что она была пристройкой к первоначальному строению, хотя и с небольшим промежутком времени.

К внешней стороне крепости, с южной стороны, примыкает еще одна пристройка, или пристроенная башня, шириной около 30 футов и выступом 20 футов. Снаружи он имеет три пилястровые планки и по одной на каждом фланге, поднимающиеся от общего основания. В настоящее время она достигает только пола второго этажа цитадели, но, по-видимому, когда-то была выше и, как говорят, была опущена сэром К. Хаттоном. Это башня-гардероб, и на каждом из двух ее этажей расположены по две камеры размером примерно 7 на 9 футов. Верхние помещения недоступны, но ясно, что часть восточных нижних камер была расчищена, чтобы выносить мусор из верхних. В западной камере находится каменная арка, которая, возможно, указывает на место этого погребения. Восточная открыта с одной стороны и, очевидно, была закрыта деревянной перегородкой. Эти камеры заканчиваются внизу двумя квадратными отверстиями на фасаде башни, и это подтверждает

предположение о том, что как западная, так и восточная камеры предназначались для гардеробной.

Между этими помещениями и стеной цитадели проходит сводчатая галерея, в которую они выходят и из которой две маленькие двери, уже упомянутые, ведут на первый этаж цитадели. Хотя башня гардероб занимает только половину фасада цитадели, эта галерея тянется по всей территории, будучи защищенной стеной с петлями. Дверь в нижнем, или восточном, конце вела на кухню, а одна в верхнем конце открывалась на большой бастион, откуда справа открывался доступ в вестибюль, а слева - к занавесу, ведущему из крепости в среднюю сторожку. Два водостока из крепости пересекают галерею и отводятся в гардеробные.

Эта башня, построенная напротив крепости, а не пристроенная к ней, явно более поздняя, но напоминает ее по общему стилю и, должно быть, была пристроена в течение очень нескольких лет. Взрыв, разрушивший цитадель, сделал очевидным полное отсутствие связи между двумя зданиями.

К востоку от цитадели палата занята остатками различных офисов, а также руинами Королевского зала или Башни. Он, вместе с прилегающими к нему зданиями, был построен на склепах, некоторые из которых сохранились до наших дней. Один из них округлый, с заостренным дверным проемом; другой, который поддерживал Зал Королевы, по-видимому, имел очень слегка заостренный бочкообразный свод, разделенный боковыми более узкими, но одинаково высокими и, следовательно, заостренными арками на четыре пролета, в двух из которых есть стрельчатые окна.

Некоторые окна зала сохранились. Они заостренные, с нишами в виде ниспадающих арок и каменными сиденьями по бокам. Узор исчез, но внешние надписи остались, заканчиваясь шишками из ливы, а аррис или угол каждого углубления занят лепниной в виде спиральных бусин.

К северу от этого зала и поперек него, с востока и запада, находятся остатки того, что с большой долей вероятности считается часовней. Западная дверь и дверь холла расположены рядом, в вестибюле или на крыльце, куда с западной стороны ведет лестница.

Двери заостренные, с полукруглыми бусинами-наклейками и лепниной в виде спиралей, идущей по косякам и арке. Внутри дверь часовни богаче и имеет в арке двойную завитку, разделенную углублением, а что касается косяков, то углубление было занято отдельно стоящей колонной из пурбекского мрамора, материал которой, хотя и сильно обветшалый, все еще служит основанием и капительницей колокола. Дизайн, хотя и не слишком вычурный, превосходен, как и исполнение. Вся эта группа, по-видимому, принадлежит к раннеанглийскому периоду, последней части правления Генриха III.

Ближе к востоку от зала, между ним и занавесом, есть углубление, которое, как говорят, обозначает колодец. Она, должно быть, была большой глубины — вероятно, до уровня ручья.

Башня, о которой говорят как “Ла Глорьетт”, вероятно, исчезла, но рядом с ней находится то, что можно назвать бастионом Глорьетт, и то, что, по-видимому, является угловым основанием башни, закрывающей юго-восточный угол палаты и предназначенной для прикрытия стыка стены с занавесом, который поднимается с башни Плукене. Рядом с ним, с западной стороны, находится фресковая комната в занавесе, которая на плане Тресвелла

показана как гардеробная, а за ней угловой бастион, предположительно пристроенный леди Бэнкс, которая, по-видимому, установила там пушку.

"Великий бастион" - очень своеобразное произведение. Он имеет округлые очертания, образованные очень толстой и высокой облицовочной стеной, которая закрывает западный конец южного занавеса и выступает в среднюю палату. Во время осады он нес пять пушек и назывался Новым Бастионом. Но, хотя затем его, возможно, расширили для установки батареи, вероятно, это было лишь дополнение к более старой нормандской облицовочной стене, поддерживающей лестничную башню. Внешняя, а следовательно, возможно, и более поздняя облицовка была повреждена у основания, и обнажена сердцевина работы. На ней видна очень грубая заливка.

Южный занавес этого квартала имеет толщину около 12 футов, но северный и восточный, менее открытые и не имеющие опорных зданий, намного легче и не обладают той прочностью, которая считается необходимой в нижних и более открытых частях крепости.

Нынешнее состояние здания полностью объясняется тем фактом, что замком Корф "пренебрегли" при голосовании в Палате общин от 4 марта 1645 года, в период, когда приказы Палаты общин выполнялись небрежно.

Во внешних воротах барабаны выдвигаются вперед, свод раскалывается, а задняя часть лож разрушается. Весь верхний этаж снесен.

На востоке завеса разрушена, но Подковообразная башня существенно не пострадала. Остальная часть завесы, ведущей к башне Плукенет, разрушена только по частям. Эта башня и занавес, ведущий к цитадели, не были демонтированы, а лишь частично снесены.

На этом внешнем участке основные силы разрушителей были израсходованы на нижнюю половину западного фронта, завесы которого подняты вперед, а фресковые башни расколоты и пошатнулись, огромные фрагменты того и другого устилают склон. Реданская башня уцелела, как и занавес, пересекающий ров короля Иоанна.

Ворота средней палаты представляют собой необычный вид. Под внешней башней была вырыта шахта, которая погрузилась примерно на 10 футов и немного продвинулась вперед, расколов входной свод. Вряд ли это может быть результатом действия пороха, но, скорее всего, это связано с шахтой старого типа, в которой была удалена земля и установлены деревянные подпорки, которые впоследствии были убраны или сожжены.

От башни Баттавант исчезло около двух третей, вместе с частью северного занавеса. Огромный занавес между средними воротами и цитаделью непоколебим, исчезли только его ступени и зубчатые стены. Это одна из лучших навесных стен в Британии, она почти равна Кардиффу.

Во внутреннем отделении были серьезные разрушения. Что касается цитадели, то вся северная и две трети прилегающей западной стены огромными массами лежат на газоне, и при их падении полностью разрушены ворота стражи и прилегающий к ним занавес. Восточная стена разрушена с двух концов, но полоса центральной части до вершины остается невредимой - чудом нормандской кладки, - и полностью увита плющом. Южная стена и башня гардероба почти не пострадали. Лестничная башня разрушена, вся, кроме части северной стены. Разрушенные стены крепости представляют собой зрелище, на которое стоит посмотреть, настолько велика масса фрагментов и настолько прочно сцеплен материал. Они лежат в диком беспорядке, и несколько внушительных комьев скатились вниз

по склону и, перепрыгнув через дорогу и ручей, остаются наполовину зарытыми в дерн за ними.

Башня и офисы королевы разрушены, но, оказывая меньшее сопротивление, были разобраны более детально и, без сомнения, впоследствии были испорчены ради ясеня.

Разрушения, вероятно, превосходят все, что известно в других частях Англии. Заряды пороха, хотя и были умело размещены, по-видимому, были больше, чем было на самом деле необходимо; и, конечно, это место могло стать непригодным для использования при гораздо меньших разрушениях каменной кладки. Даже с такими минометами, которые использовались во времена Речи Посполитой, замком можно было управлять с более высокого холма Челлоу, расположенного недалеко к востоку от него.

Из приведенного выше описания естественным образом вытекает несколько замечаний.

Саксонская резиденция, о существовании которой, по-видимому, имеются свидетельства во второй половине десятого века, без сомнения, также была местом силы. Несомненно, что он, должно быть, занимал самую высокую часть холма, ныне внутреннюю палату, и стена, оставшаяся в средней палате, вероятно, будет принята как свидетельство того, что она простиралась и на территорию этой палаты.

Норманны, вероятно, произвели тщательную зачистку всех существующих зданий во внутреннем дворе, когда приступили к строительству крепости и ее принадлежностей, а чуть позже - башни гардероб. Все они построены из крупных камней квадратной формы с умеренно открытыми швами; основательная, добротная работа, которая тем более искусна и эффективна, что придает отделке определенную шероховатость и смелость. Тесаный камень, обычно свидетельствующий о поздней работе, был здесь, в каменоломнях Пурбека, под рукой, и общее отсутствие украшений в королевской резиденции, сводов, трехстворчатых галерей или палат с фресками и, за одним частичным исключением, настенных лестниц, по-видимому, указывает на работу если не Завоевателя, то его более непосредственных преемников. Башня гардероб, не особенно поздненормандская, но, безусловно, последующая за крепостью, кажется, подтверждает этот вывод.

Поскольку нормандские постройки требовалось включить в *окружение* стеной, которая, естественно, занимала бы гребень этой части холма, это обязательно включало бы или заменяло саксонскую стену, которая по той же причине имела бы те же ограниченные очертания. Вероятно, поэтому занавески верхнего и среднего отделений содержат следы саксонской и в значительной степени нормандской каменной кладки, и это относится также к поперечной облицовке стены между внутренним и средним отделениями, которая следует за естественным разделением грунта. Та же естественная причина определила бы положение ворот там, где мы их сейчас видим.

Обычно предполагалось, что первоначальный нормандский замок был ограничен двумя верхними подопечными, к которым, по словам мистера Бонда, великого специалиста по всем вопросам, связанным с Корфом, король Иоанн добавил защиту глубокого рва. Странно, однако, что этот ров, хотя и прорезан прямо до западного склона, обрывается немного не доходя до восточного склона. Оставленный таким образом узкий гребень вряд ли мог быть предназначен для прохода, поскольку ворота верхнего укрепления, исходя из расположения местности, обязательно должны были всегда находиться на западном или нижнем конце рва, и, если бы для подхода был оставлен гребень, он, конечно, не был бы почти неприступной крутизной, сильно открытой для обзора и нападения, и не поддавался бы защите никакими специальными работами.

Было замечено, что стена, идущая от угла Глорьетт вдоль гребня, почти до башни Плукенет, выполнена в обычном нормандском стиле и, по словам мистера Бонда, свидетельствует о том, что она была возвращена внутрь, как если бы она продолжалась вдоль линии более позднего рва. Таким образом, возможно, что до правления короля Иоанна крепость занимала нынешние верхнюю и среднюю палаты, а также полосу нижней палаты вдоль подножия гласиса цитадели. Это, без сомнения, более вероятно, чем то, что она занимала весь нижний приход, занимая ту же площадь, что и нынешние работы.

Мистеру Бонду удалось с помощью документальных свидетельств установить дату возведения большого занавеса, соединяющего более поздние средние ворота с более ранней башней замка, в 1236 году; поскольку при таком занавесе должны были быть достаточно прочные ворота, а поскольку нынешние ворота построены несколькими годами позже, то это, без сомнения, нормандские ворота, хотя, вероятно, и очень поздние — скажем, возраст занавеса, пересекающего ров короля Иоанна в нижнем конце. Возможно, стрельчатая арка с норманнскими пружинами в стене рядом с башней Баттавант относится к тому же периоду - скажем, к царствованию Генриха II., Хотя сама стена, судя по записям, может быть построена позже.

Нижний приход в его нынешнем состоянии, несомненно, был огорожен ближе к концу правления Генриха III., а также при Эдуарде I. К этому периоду можно отнести внешнюю и среднюю сторожки и четыре фресковые башни внешнего приюта, а также работы в Башне королевы с ее залом и часовней. Башня Плукенет может быть передана констеблю этого барона, 54 года н.э. III., или чуть позже.

К этому периоду также следует отнести облицовку южной стены средней палаты. Тесаный камень этого века, хотя и не обладает величественной, эффектной смелостью нормандской работы, не может быть превзойден по точности соединения и общему совершенству изготовления. Камни длиной от 1 до 2 футов и шириной 8 дюймов обработаны и хорошо скреплены, а их углы такие же свежие, как при недавней огранке.

Чрезмерная прочность башен-фресок на западном фасаде очень примечательна. Возможно, эта необычная прочность была предназначена для предотвращения опасности быть заминированным, для чего мягкий мел представлял большие возможности.

ЗАМОК КУСИ, НЕДАЛЕКО ОТ ЛАНА.

КУСИ-ЛЕ-ШАТО, город и замок, построены и полностью занимают несколько неправильной формы, но ровную вершину мелового мыса, восточная часть или корень которого соединяется с возвышенностью верхнего леса Куси, в то время как к северу и западу окончание платформы резко выделяется на высоте от 150 до 200 футов над плодородными долинами по обе стороны, откуда берут начало притоки Летте, ручья, который стекает из древнего города Лан и впадает в Уазу у Маникампа.

Долины непосредственно под замком, над которыми он возвышается, несут на себе следы высокой и ранней возделывания и, без сомнения, в значительной степени способствовали его развитию. Более отдаленными, главным образом на восточной и северной сторонах, являются обширные лесные массивы высоких и низких лесов Куси, Сен-Гобена и Монсо, в то

время как на юге находятся районы Пинона и Мостье. Плодородные места среди этих лесов занимали аббатства Ножан, Сен-Николас, Баризи и Премонстр, где находилось место захоронения Де Куси и остатки религиозных зданий которого перемежаются с замками Сен-Гобен, Фолембрей, Анизи, Ла-Фер, Пинон и многими другими, что показывает ценность, придаваемую этому участку страны ревностью, проявленной при его защите.

Этимология Коуси не была объяснена. Район, в котором он стоит, был известен как Ле-Меге в шестом веке, и Куси, вероятно, был включен в ту его часть, которая была дарована Хлодвигом святому Реми для архиепископской кафедры Реймса в 500 году н.э. В 909 году он находился в руках архиепископа Эрве, который, движимый растущим могуществом норманнов, впервые построил здесь замок, известный отныне как Куси.

Каковы бы ни были особенности этой крепости, ее площадь должна была быть идентична площади последнего сооружения, определяемой конфигурацией местности; и, какой бы ни была ее конструкция, ее положение не могло не наделять ее силой и важностью. Он сразу же стал примечательным местом. Здесь Эрве, граф Вермандуа, заключил в тюрьму Карла Простодушного, которого он продал своему королю-сопернику за графство Лан. Тем не менее, в 930 году Эрве был вынужден уступить Куси Бозону, брату Рауля, короля Франции. Бозон был убит перед Сен-Квентином в 931 году, и после столетия превратностей судьбы владения, принадлежавшие простой церкви, в 1037 году перешли к синьории Альберика, основателя баронской фамилии Куси. Неясно, происходил ли Альберик из семьи Эдо де Шартр или из семьи графов Вермандуа. Женившись, он присоединил Амьен и прилегающий к нему замок Бов к Куси и, как полагают, основал аббатство Ножан-су-Куси.

Альберiku наследовал его сын Ангерран, сьер де Куси, граф Амьенский и сеньор де Бов. Он женился на Аде, наследнице Летара де Руси, лорда Марля, второго сына Жильбера, графа Реймского, вместе с которым приобрел Марль и Ла-Фер. Он — или, что более вероятно, его сын — первым присвоил себе хорошо известные гербы: “Барри из 6, вайр и Гулс”. Он умер в 1116 году, оставив Томаса.

Томас де Марль, де Куси, его сын и преемник, долгое время бунтовавший против своего отца, прославился жестокостью. Он потерял Амьен; но, опять же благодаря браку, приобрел Креси-сюр-Серр и Ножан. Он умер в 1130 году.

Ангерран II, известный как сир де Куси — этот титул, как говорят, обозначает владельца аллодиального феода, — владел также Марлем, Креси, Вервеном, Пиноном и Ла-Фером, в последнем замке он успешно оборонялся от Луи ле Гро и Рауля, графа Вермандуа, в 1132 году. Его правление было царством мира и справедливости.

Говорят, что этот Ангерран убил в личном бою свирепого зверя по имени лев, наводнившего окрестности; и эта история, без сомнения, является источником львов, которые использовались семьей в качестве герба и опоры. Подобные рассказы были распространены в двенадцатом веке, только место действия обычно более надежно располагалось в Палестине. Это сражение было увековечено на барельефе над дверью крепости в Куси и, вероятно, послужило основой необычной церемонии, которая прекратилась только с началом Революции. Трижды в год, на Пасху, Пятидесятницу и Рождество, аббат Ножана или его поверенный въезжал в Куси через нижние ворота с кнутом в руке верхом на коротко стриженном гнедом коне. На его пуатреле был подвешен мешочек с семенами из белого полотна, наполненный пшеницей, а в корзинке лежали лепешки в

форме полумесяца, начиненные телячьим фаршем, приготовленные в масле и называемые ризолес - вероятно, самое раннее упоминание о блюде, дошедшее до наших дней.

Позади настоятеля шел рыжий пес, тоже с обрезанными ушами и хвостом, а на шее у него висела веревка. Затем эта необычная процессия вошла в замок, и у подножия цитадели аббат обошел центрального и трех меньших лежащих там львов, вырезанных из камня, а затем обнял более крупного зверя. Сделав это, он предложил лепешки в знак почтения господу, который раздал их людям, а затем засвидетельствовал проявление почтения, приложив к нему специальную печать, изображающую аббата в митре и посохе, у которого вместо ног копыта оленя. Изображение этой церемонии на гобеленах долгое время украшало стены замка и, как полагают, было вывезено в Лотарингию после женитьбы более позднего Кузи на дочери этого дома.

Ангерран II. умер во время крестового похода в Палестину около 1148 года; но его тело было похоронено в аббатстве Премонстр, недалеко от замка, где его изображение оставалось в 1682 году.

Рауль де Куси, сын и преемник, был несовершеннолетним на момент смерти своего отца. Около 1169 года он женился на Агнессе Эно, а во-вторых, на Аликс, племяннице Луи-ле-Жена и сестре Робера де Дре. Этим браком он связал себя с королевской кровью. Он сопровождал Филиппа Августа в Палестину в 1188 году и пал под стенами Акко в 1191 году. Он был похоронен в Фоиньи, и его преемником стал сын от Аликс.

Ангерран III, прозванный Великим, сеньор Монмирайля, Уази, Кревкура, ла-Ферте-Анкула, ла-Ферте-Гоше, виконт де Мо и Шатлан Камбре. Он был основателем нынешнего замка и в то же время окружал стеной значительный город, возникший под защитой его предков. Когда он был ребенком при восшествии на престол, его мать управляла синьорией и в 1197 году передала городу хартию вольностей, которую он подтвердил, достигнув совершеннолетия. В 1200 году, *более крупно*, он напал на собственность Реймской церкви. В 1210 году он присоединился к графу Вермандуа в первом крестовом походе против альбигойцев, а затем снова в 1219 и 1226 годах; затем помогал при осаде Тулузы и взятии Авиньона. Он отличился также в битве при Бовинах.

Ангерран, хотя и не испытывал недостатка в территориальной власти, пользовался влиянием, выходящим далеко за рамки того, которое было обусловлено богатством или широтой владений, и которое в значительной степени носило личный характер. Похоже, он с недоброжелательностью подчинился правительству королевы Бланш во время правления несовершеннолетнего Сент-Луиса и, как говорят, даже подумывал о королевской власти. Как бы то ни было, сознание своего влияния, без сомнения, побудило его возвести замок Куси, как полагают, между 1225-1230 годами; и, возможно, при этом он предложил себе отбросить тень на величественную башню Лувра, работу Филиппа Августа несколькими годами ранее. Говорят также, что он перестроил другие свои замки Сен-Гобен, Ассис, Марль, Фолембре и Сент-Обин, а также отель Куси в Париже.

В 1244 году он пользовался доверием Людовика Святого и присутствовал на совещании знати в Шиноне, где поддержал план нападения на Англию; но, собирая своих вассалов для этой цели, он был сброшен с лошади и убит собственным мечом. Из его детей от Марии де Монмирайль Рауль II, павший в крестовом походе 1250 года, и Ангерран IV последовательно стали сьерами де Куси; но оба умерли бездетными, и с последним прервалась мужская линия этих великих баронов. Аликс, сводная сестра последних лордов, вышла замуж за Арнуля, графа де Гинеса. У Ангеррана Великого была также дочь Мария, которая в 1239 году стала второй женой Александра II Шотландского и матерью Александра III. Мэри была очень

замечательным человеком и очень эффективно выполняла обязанности опекуна своего сына в трудные времена, разрабатывая и проводя в жизнь собственную энергичную политику.

Арнольд граф де Гинес продал Гинес Филиппу ле Харди в 1282 году. Аликс де Куси, его жена, была дочерью Ангеррана III. Мари Дама д'Уази, его третья жена. У них был Ангерран V. де Гинес, сир де Куси и др., который жил при дворе своего двоюродного брата-немца Александра III в Шотландии, где он женился до 1285 года на Кристине де Бальоль. Он умер в 1321 году.

Вильгельм, его сын и наследник, женился на Изабелле, дочери Ги де Шатийона, графа де Сен-Поль. Он умер в 1335 году, и ему наследовал Ангерран VI., который женился на Екатерине, дочери Леопольда, герцога Австрийского. Этот барон принимал участие в защите своей провинции от Эдуарда III и пал в битве при Креси в 1346 году, оставив своего сына грудным младенцем.

Ангерран VII, более известный в Англии как Ингельрам де Куси, был одним из величайших и могущественнейших баронов своей расы и эпохи, а в воинственный век прославился как военачальник. Он начал свою общественную жизнь с истребительной войны против повстанческой Жакерии. Затем он был одним из заложников в Англии у короля Иоанна и там женился на Изабелле, дочери Эдуарда III., стал кавалером ордена Подвязки (39-й в списке), а в 1366 году получил титул графа Бедфорда. Результатом, а возможно, и ценой этих почестей стал его нейтралитет в войне между Францией и Англией. Он претендовал на австрийское герцогство и собрал 60 000 кондотьеров для поддержки своих прав, но в этом ему не удалось добиться успеха.

После смерти Эдуарда III. он вернул орден Подвязки своему преемнику и принял участие во Франции. После смерти Дю Геклена ему предложили меч коннетабля Франции, но он отказался, но стал губернатором Пикардии. Его совет королю состоял в том, чтобы предвидеть нападения англичан.

Его вторая жена была дочерью герцога Лотарингии. В 1382 году он сочинил, по справедливому словам, "Восстание Майотенов в Париже". В Пикардии он был едва ли менее снисходителен. Дутара, одного из их главарей, он приговорил к смертной казни, но у подножия виселицы был помилован по обычаю Пикардии, потому что женщина из толпы согласилась выйти за него замуж — странное юридическое сопоставление повешения и брака. Ангерран участвовал в кампании Карла VI против Гента, в ходе которой Ван Артевельде был убит; а в следующем году, после подавления восстания в Париже, он участвовал в войне во Фландрии, где заслужил высокое одобрение Фруассара.

Затем он отправился в Италию и участвовал в битве при Ареццо, за что получил звание великого дворецкого Франции. Вскоре после этого он сыграл видную роль в военных и военно-морских приготовлениях к нападению на Англию и, по-видимому, командовал дивизией флота и был отброшен к берегам Шотландии.

В 1390 году он принял участие в африканской экспедиции, высадившись в Карфагене. Завершающим актом его жизни стал неудачный крестовый поход против султана Баязета после его вторжения в Венгрию и битва при Никополе в 1396 году, когда Ангерран был побежден и взят в плен, и так умер в 1397 году в возрасте 57 лет, последний мужчина из второй линии предков Куси.

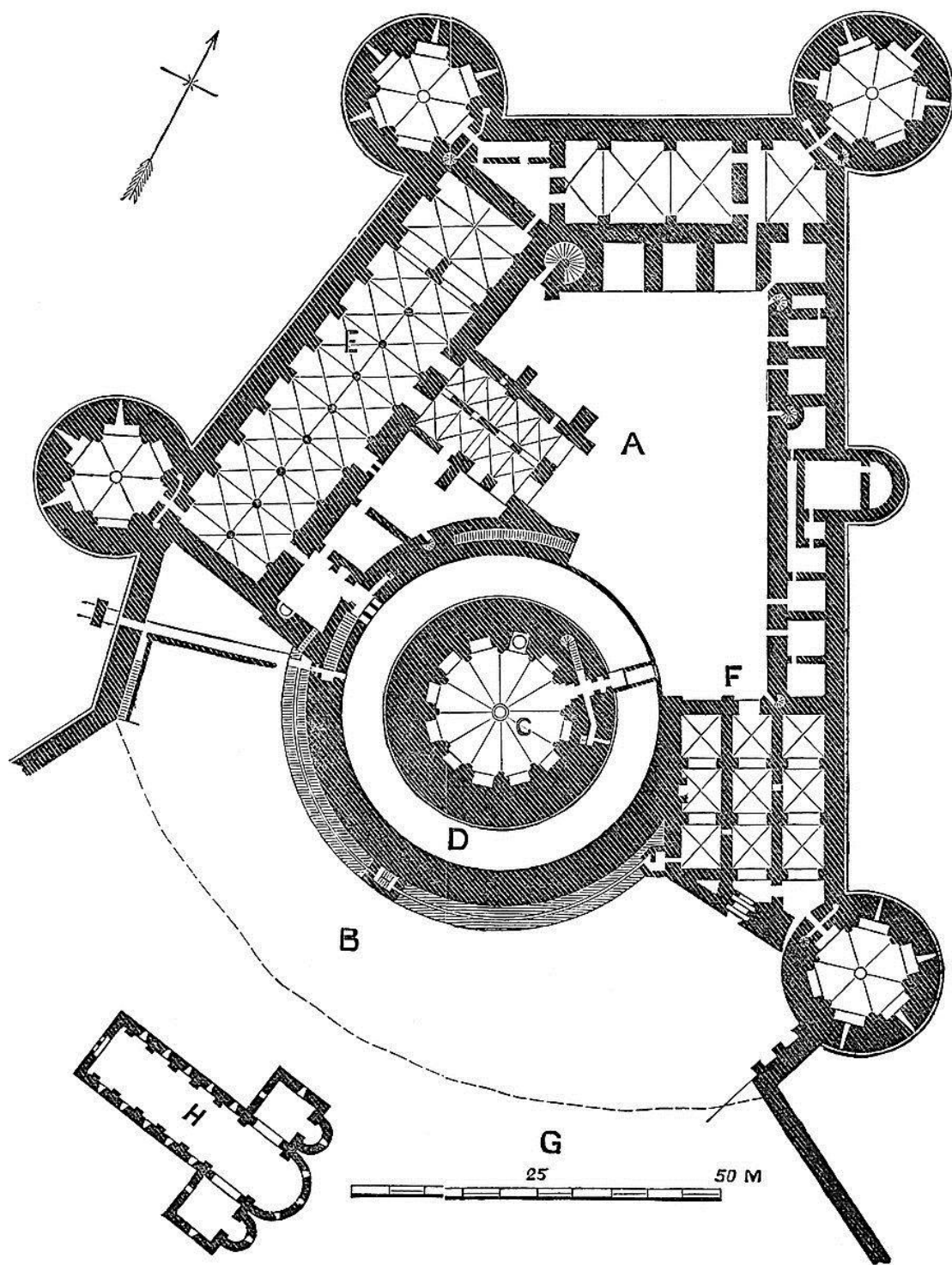
После его смерти Людовик, герцог Орлеанский, получил во владение поместья Куси под прикрытием покупки у наследницы женского пола. После смерти Людовика в 1465 году

герцог Карл унаследовал престол, а после его восшествия на французский престол в качестве Людовика XII в 1498 году Куси стал собственностью короны и перестал сохранять какую-либо индивидуальность или быть резиденцией независимой семьи. В качестве удела короны он был предоставлен сменявшим друг друга семействам Орлеана и, таким образом, принадлежал Галате во время революции. В настоящее время он является частью государственных владений и, следовательно, получил долю внимания, с которым покойный император относился ко всем общественным памятникам, и был самым разумным образом сохранен от дальнейшего разрушения г-ном Виоле-ле-Дюком, на основе обзора которого был составлен прилагаемый план.

Замок занимает северо-западную оконечность платформы, остальную часть которой занимает город. С трех сторон естественной защитой является крутой склон холма, верхние 30 или 40 футов которого искусно сделаны вертикальными и облицованы каменной кладкой. (Полностью искусственные) укрепления города на южном фронте представляют собой глубокий ров, протянувшийся от утеса к утесу и отделяющий город от замка, внутри которого находится навесная стена, обрамленная по концам двумя круглыми башнями со сводчатыми помещениями, и с центральной сторожкой, также обрамленной по бокам.

Замок состоит из цитадели, внутреннего и внешнего подопечных. Внешний, примерно в три раза превышающий площадь внутреннего квартала, находится между внутренним кварталом и городом. Был описан его узкий южный фасад. К северо-востоку холм очень крутой, и облицовочная стена на этой стороне не усилена контрфорсами или фланкирующими башнями. С противоположной стороны земля гораздо менее крутая, и платформа резко выступает на юго-запад, облицовка которой укреплена восемью настенными башнями или бастиянами, некоторые из которых полукруглые, а другие прямоугольные. Южная стена высокая, остальные, вероятно, были просто парапетами. Большая сторожка, или “Ворота мэтра Одона”, сейчас в значительной степени разрушена. Арка портала была заостренной, как и две боковые арки для ограждения. Сохранился квадратный паз одной опускной решетки. Сторожка, по-видимому, была обычной прямоугольной планировки, с центральной порталной аркой и проходом, а также двумя внешними полукруглыми боковыми башнями. В этом внешнем дворе прослеживаются очень значительные фундаменты, и здесь найдены фрагменты опор и арочных камней, а также резные блоки, показывающие, что здания, возведенные в качестве конюшен и казарм для кастеляна и, вероятно, в мирное время для сеньора, были очень значительными и отличались красивым характером. Здесь также находятся фундаменты церкви, недавно расчищенные. На них изображен единственный неф с полукруглой апсидой и трансепт, два рукава которого имеют на восточных сторонах две апсиды меньшего размера, три из которых расположены почти в линию. Здание имеет около 100 футов в длину и 30 футов в ширину; имеет двойную западную дверь и пять боковых окон, кроме трех в апсиде и трех в каждой части трансепта. Судя по плану и пропорциям, эта церковь рассматривалась как часть первоначального замка, и единственная сохранившаяся часть. Однако ее фактическая дата, вероятно, относится к одиннадцатому веку.

Внутренний, или северный, конец этого отделения примыкает ко внутреннему отделению. Этот фронт занят широким и глубоким сухим рвом, вогнутым по направлению к внешнему участку, имеющим обнесенный стеной уступ и контрэскарп, и пересеченный с каждого конца внешней *ограждающей* стеной этого места.

- А. Внутренняя палата.
- Б. Канава.
- К. Тауэр.
- Д. Канава и сорочка.
- Е. Подвалы, холл и часовня.
- F. Вход.
- Г. Внешняя палата.
- X. Старая часовня.

ЗАМОК КУСИ, ФРАНЦИЯ.—План.

Внутренний двор, или собственно замок, имеет четыре стороны. Восточная сторона, протяженностью 130 ярдов, и северная сторона, протяженностью 60 ярдов, обе прямые и расположены под прямым углом. Восточный фасад, протяженностью 70 ярдов, расположен под тупым углом к северу, но также является прямым. Таким образом, ширина придается южному фронту, который составляет 130 ярдов. Этот фасад также прямой, но примерно пять седьмых его центральной части занимают выпуклости большой башни и ее сорочки, которые расположены по линии занавеса.

Восточный, западный и северный фасады обращены к полю и образованы облицовкой обрывистой скалы каменной кладкой, так что их высота составляет 30-40 футов до уровня территории, над которой возвышается навесная стена. Южный фасад перекрыт уже описанным рвом, который является сегментарным в плане, с вертикальными бортиками. У своего восточного конца этот ров расширяется с 60 футов до 90 футов, и там его пересекает длинный подъемный мост, который опирается на три отдельно стоящих прямоугольных опоры, из которых внутренняя была самой большой и содержала два боковых герба и, без сомнения, несла башню. Этот мост вел к главным воротам. Сейчас его заменила дамба.

По четырем углам палаты расположены четыре равные барабанные башни диаметром 60 футов и высотой 105 футов от внешнего основания. Они примечательны своими размерами и смелостью, занимая лишь пятую часть своей окружности. Эти башни возвышаются над скалой и содержат две куполообразные ступени ниже уровня земли. Вход в них осуществляется через круглое отверстие или проушину в центре каждого хранилища. Наземный уровень каждого из них представляет собой шестиугольную камеру со сводчатым потолком, имеющую пять углублений, четыре из которых прорезаны в виде петель. Вход находится в ущелье с двумя боковыми проходами, один из которых ведет в гардеробную, а другой - к лестнице-колодцу, ведущей на вершину.

Камера наверху аналогична, но петли расположены между, а не над нижележащими; и, таким образом, башни сохранились от тех вертикальных трещин, которые так распространены, когда ряд петель или окон располагается, как это обычно бывает, на одной вертикальной линии. Кроме того, благодаря такому расположению, возможности лучников, защищающих башню, значительно увеличиваются, каждая точка в пределах дальности полета стрелы подвергается обстрелу. Над уровнем земли находится три этажа, или всего пять. Все они сводчатые. Ряд карнизов на нынешней вершине показывает, что первоначально они были защищены бреташем.

Почти в центре восточной стены находился небольшой полукруглый бастион с плоскими сторонами диаметром 30 футов и выступом около 20 футов.

Стоя во дворе, не видно ни одной части занавеса. Вдоль центрального 180-футового участка восточного фасада расположен ряд зданий, называемых офисами, глубиной около 30 футов и имеющих три лестничных колодца, обслуживающих первый и второй этажи, ныне разрушенные. В южном конце пространство между занавесом и башенной сорочкой размером примерно 60 на 80 футов занято тремя сводчатыми проходами, каждый из которых состоит из трех отсеков. Центром их является главный вход, или продолжение порталной арки. Боковые ниши предназначены для стражей и солдат, отвечающих за ворота. Над этим было два этажа, сейчас разрушенных.

Первоначально вдоль северного фасада располагалась сводчатая галерея шириной 45 футов, состоящая из четырех пролетов. К этому было добавлено, напротив, аркада из трех арок, откройте на суд, и на плат -форму, таким образом, получили, были построены террасы и ряд парадных залов, среди которых основные-это дамский зал, или *Саль-де-през*,

названный так от медальоны из девяти отмечают женщины, которые украшали большой кусок дымохода. Снаружи было что-то вроде будуара с эркером и большими окнами, выходящими на поле. Над ним был еще один этаж, для возведения которого был поднят занавес. Эти здания были пристройкой герцога Орлеанского. Большая лестница-колодец, также являющаяся пристройкой, вела со двора в эти апартаменты.

На западной стороне также есть высокий занавес, за которым сооружен великолепный зал шириной 45 футов и длиной 470 футов, по центру которого проходит линия из десяти колонн, разделяющих пространство на одиннадцать сводчатых ниш с пазами, северная пара из которых отведена под частный подвал. На восточной стороне этого помещения находятся четыре двери: две ближе к центру ведут в крипту часовни, одна к югу от нее, вероятно, к главному входу, и одна ближе к южному концу, ведущая в то, что, по-видимому, было кухней, и которое находится между этим великолепным рядом магазинов и большой башней. С кухнями соединены три двора и лестница, спускающаяся в подвалы.

Под камерой находится еще одна такого же размера, вырытая в мелу в качестве погребя, вероятно, самая прекрасная и просторная из когда-либо построенных.

Наверху, на втором этаже, или третьей сцене, находился большой зал замка, названный из-за его девяти изображений героев, *Зал Предков*. У него была деревянная крыша, два больших камина и большое окно в южном конце, под которым маленькая дверь открывалась на легкий деревянный мостик, который опускался на занавеску внешней палаты, прямо над задней дверью.

Часовня представляла собой прямоугольное здание, 60 футов к востоку и западу, по 36 футов к северу и югу. Она выступала из зала во двор. Он состоял из двух параллельных сводчатых проходов, каждый из которых состоял из четырех отсеков. Его юго-восточный угол соединялся с сорочкой большой башни. Его юго-западный угол был свободным и имел два контрфорса, установленных под прямым углом. Сейчас эта часовня разрушена до основания. Она открывалась из большого зала.

Цитадель, или великая башня, является гордостью Коуси, и вполне заслуженно, поскольку является одной из лучших башен в мире и, без сомнения, самым большим и законченным военным сооружением.

Это простая башня, идеально цилиндрической формы, отличной работы из ясеня, диаметром 100 футов у основания и вершины и высотой 200 футов. Он поднимается из мощеного рва, основание которого находится примерно на 12 футов ниже уровня земли, и в него можно попасть по подъемному мосту с уровня, все ниже которого сплошные.

Включая подвал, башня состоит из трех этажей. На первый этаж, расположенный на уровне территории, ведет подъемный мост, перекинутый через ров, который, будучи поднятым, прикрывал небольшой портал с квадратной головкой под стрельчатой аркой - вход в проход, проходящий непосредственно в стене. Проход имеет внутреннюю конструкцию и опускающую решетку, обе они были сделаны из небольшой камеры в стене наверху, в которую также были вмонтированы цепи моста. За опускающей решеткой находилась прочная дверь, запертая изнутри, а слева и справа - проходы, один из которых вел в гардеробную с внешней петлей, другой - к лестнице-колодцу, которая обслуживала верхние комнаты и вела на крепостные стены.

Входной проход ведет прямо в двенадцатиугольную камеру диаметром около 60 футов, имеющую на каждом этаже нишу для хранения, одну из которых занимает вход, другую - большой колодец, глубиной сейчас около 90 футов, а раньше 200 футов, и одну - дымоход.

Перед каждым столбом стоит колонна, из которой вытекает ребро, двенадцать из которых сходятся в центре у проушины и поддерживают свод. Каждая сводчатая ячейка имеет заостренный фронтон, в двух из которых пробиты отверстия для света.

Первый этаж имеет ту же форму и диаметр и имеет аналогичные своды. Одна из его ниш закрыта камином с печью за ним; одна ведет в очень узкую заднюю дверь, дощатый мостик от которой ниспадает на крепостной вал сорочьей стены, а три прорезаны маленькими окнами. В одну из этих оконных ниш сбоку ведет небольшой проход из соседней ниши. Это произведение пятнадцатого века, сделанное, когда нишу замуровали, чтобы она служила отдельной комнатой. В другой нише также есть боковой проход, ведущий в небольшую гардеробную, украшенную фресками, с петлей снаружи. В одной нише два окна, одно над другим.

Второй этаж, похожий на предыдущий по плану и диаметру на уровне пола, имеет другое расположение на высоте 12 футов. Здесь опоры заканчиваются, а позади, между ними и внешней оболочкой стены, находится галерея, на которую ведет обычная лестница-колодец, но каждое из одиннадцати других отделений которой образует ложу, подобную театральной, смотрящую вниз, на центральную яму или пол. Две из этих коробок заняты отдельными дымоходами двух дымоходов снизу, а две освещены окнами, которые вместе с центральной проушиной формируют полный и очень недостаточный свет. В этом помещении, следующем за зубчатыми стенами, командующий мог собрать очень многочисленный гарнизон и обратиться к нему с речью.

Третий этаж, расположенный на крепостном валу и открытый сверху, заключен в толстую и высокую стену-парапет высотой около 10 футов, пронизанную двадцатью четырьмя стрельчатыми арками и таким же количеством промежуточных петель. Над ними стена увенчана грандиозным выступом, который нависает в обе стороны примерно в три раза больше толщины стены, а затем переходит в гребень. Именно на этом гребне были уложены стропила галереи бреташи, которые окружали стену изнутри и снаружи. Первое служило просто противовесом. Последний был двухэтажным и опирался своими основными стойками на ряд из сорока восьми грандиозных карнизов, которые сохранились на внешней стороне стены на уровне крепостного вала. Дымоходы появились над крышей, а верхом на гребне стены были установлены три большие остроконечные башни с высокой черепицей. Каменный свод верхней камеры был покрыт свинцом, изредка наружу выходили желоба.

Нет ничего более грандиозного, чем концепция этой башни, нет ничего более совершенного, чем исполнение ее деталей. Все здесь гигантского вида, как будто предназначено для расы выше обычного человеческого роста, а стены внутри были покрыты прекрасным цементом и тщательно покрашены. Дизайн скульптуры смелый и мужской, как и подобает военному зданию; но все выполнено с отменным вкусом и превосходно.

Стены крепости обвязаны цепями из бревен, уложенных в известковом растворе, в центре сооружения, как это было принято во Франции в двенадцатом и тринадцатом веках. Древесина обнажена под некоторыми петлями. В верхние этажи были встроены расходящиеся стяжки, также из дерева.

На внешней стороне крепости видны две линии квадратных отверстий для шпунта. Они поднимаются по спирали или правостороннему винту и указывают на то, каким образом было построено здание. Горизонтальные балки, выступающие из верхнего ряда, несли наклонную плоскость или дорожное полотно, по которому перетаскивались материалы, и они поддерживались распорками, опоры которых опирались на нижний ряд.

Остается описать только сорочку, или изделие, предназначенное для прикрытия основания крепости от работ шахтера. Было видно, что основание крепости было прочным и что она стояла в мощном рву шириной около 20 футов с вертикальными стенками. Внешняя сторона, или контрэскарп, этого рва представляла собой стену толщиной около 8 футов, которая отделяла его от главного внешнего рва подопечного и поднималась до уровня первого этажа крепости, скажем, на 30 футов. Обычный подъем к крепостному валу осуществлялся по лестнице в стене, начинавшейся справа от входа в крепость. Туда также можно было попасть со второго этажа башни по небольшому мостику, подобному тому, который использовался в Рочестере и, вероятно, в одном или двух местах Лондонского Тауэра. Был также доступ с другого конца стены, из комнат над большими воротами.

Снаружи и у основания выступающей половины этой стены против нее, на уровне дна внешнего рва, был построен крытый ход или галерея, предназначенная действовать как контрминная защита и, что еще более важно, пресекать попытки штурма крепости. В галерею можно войти с обоих концов, а в ее центре у стены возвышается что-то вроде контрфорса, в который вделана деревянная лестница, по которой люди на крепостном валу могли общаться с теми, кто находился на галерее. В галерее также был колодец для использования на кухнях, а в глубине стены - гардеробная.

Со дна крепостного рва выходил задний ход, защищенный воротами, опускной решеткой и ограждением, причем два последних соединялись с небольшим помещением в стене; отсюда деревянный мост через ров вел к заднему ходу на западе и внешней стене внешнего караула.

Замок и город, построенные по одной дате и по одному проекту, могут рассматриваться как представляющие крепость XIII века первого класса и сильнейшего характера, в которой внутреннее устройство, хотя и роскошное, было полностью подчинено военному характеру и безопасности этого места. Замечательной особенностью замка является цитадель, которая господствует над всем, в каждой части, и благодаря своим размерам и прочности ее можно было уверенно удерживать после того, как были взяты все остальные укрепления.

Пристройки пятнадцатого века, состоящие из парадных комнат, холла и различных верхних этажей, предназначенные для государственных служащих и придворной свиты, хотя и не простирающиеся на крепость, в некоторой степени нарушают военный характер этого места и нарушают преобладающее величие этой великой центральной части. Они, однако, по большей части пришли в негодность, а то, что осталось, является в основном оригинальной работой, так что внешний вид крепости и внутреннего двора во многих отношениях соответствует тому, что было задумано великим бароном, который презирал любой титул ниже королевского и довольствовался суровой простотой титула "сир де Куси".

Замок в 1652 году перешел в руки Мазарини, который нанял Метезо, сына того, кто построил знаменитую дамбу в Рошели, чтобы сделать его неприступным. Инженер снес стену рубахи наружу, в ров, и взорвал тяжелый заряд пороха в каждой из башен. Результатом этого для цитадели стало удаление сводчатых ступеней и превращение цилиндра в трубу огромной пушки. Таким образом, с одной или двумя вертикальными трещинами он простоял до наших дней; но теперь они были заделаны с большой осторожностью и рассудительностью, и

цилиндр был обит железом таким образом, что его едва ли можно заметить, и сохраняют его до бесконечности.

Тем, кто желает разобраться в деталях этого любопытнейшего места и составить полное представление о нем как о военном сооружении, не мешало бы ознакомиться с мастерским изложением г-на Ле Дюка, продаваемым на месте, а также приведенным в его “Словаре” под статьями “Замок” и “Донжон”.

Город также стоит посетить. В нем находится хорошая церковь, а его южная сторожка - очень массивное сооружение. Портал очень узкий, около 9 футов, заостренный, и открывается между двумя барабанными башнями с выступом в одну треть, диаметром около 100 футов и высотой 60 футов. Короткая занавеска между ними, занятая внизу воротами, вверху выпуклая в плане и поддерживает две жирные скобы, на которых лежит прочная балка, часть оригинальной бреташи, и редкий, если не единственный, экземпляр части такой конструкции, оставшейся на месте.

Подъемный мост заменен дамбой, но у основания ворот есть два больших квадратных отверстия, почти там, где должна была бы находиться ось моста, но очень похожие на водостоки, которыми они вряд ли могут быть. Нет никаких следов внешней обороны, за исключением бреташи. Вероятно, мост, когда он был возведен, служил воротами. Внутри прохода, с каждой стороны, находится большая боковая петля, затем две опускаемые решетки, а между ними большой механизм. За второй решеткой находятся ворота, и внутри них проход имеет сводчатый вид примерно на 16 футов. Затем следует открытое пространство, крыша которого была деревянной, а затем свод. Внутренний конец прохода поврежден и отремонтирован. Наверху, над порталом, находится камин огромных размеров.

Эта сторожка расположена в середине завесы, которая прикрывает очень узкую юго-восточную часть города. С каждой стороны надвратных башен находится занавес длиной около 100 футов, а за ним - пара барабанных настенных башен с половинным выступом. Контуры этих башен, как и каждая деталь в Коуси, выполнены в грандиозном масштабе. Несмотря на то, что в них всего лишь прорези, они имеют высоту 10 футов и расположены в три яруса. Перед стеной находится ров необычной ширины, полностью искусственный, который, как и у замка, прорыт поперек полуострова, от одной боковой долины до другой.

ЗАМОК КОЙТИ, ГЛАМОРГАН.

Титул лорда Койтии рассматривается валлийцами как честь глубокой древности, поместье и резиденция королевского рода, а также наследство одного из сыновей Джестина, последнего коренного лорда Моргануга. Он разделен на меньшие графства Скрамная Англия и Валлия, и он образовал один из “членов” графства при нормандских лордах. Будучи членом, а не в теле графства, оно не включено в сборы тридцати шести и трех пятых рыцарей, которые оплачивали военную службу в Кардиффском замке; но, тем не менее, оно проводилось при лорде Гламоргане, и замок, поместье и члены Койти соответственно фигурируют в инквизициях графов Глостерских и их преемников в правление Эдуарда I, II и III. В 24 веке правления Генриха VI, по какой-то, вероятно, временной причине, в расписании главного лорда возвращены только замок и четвертая часть поместья.

Койти был пожалован Фицхамоном сэру Пэгану, или Пейну де Тюрбервиллю, рыцарю, который, вероятно, владел Бере-Тюрбервиллем и другими землями в Дорсете, а также поместьем и замком Крикхауэл в Монмутшире. В отличие от большинства нормандских замков в Гламоргане, Койтиэ, очевидно, был более ранним укрепленным местом, а его круглая и возвышенная территория и окружающий ее ров очень напоминают земляные укрепления, столь распространенные в Англии и на валлийских рубежах, и обычно приписываемые англичанам восьмого и девятого веков. Этим положением сэр Пэган благоразумно воспользовался, получив от Фитцхамона Койтив в качестве своей доли добычи. Вероятно, он обнаружил какой-то существующий крепкий дом, который он и его непосредственные преемники сочли удобным занять; ибо, хотя сохранившуюся каменную кладку нельзя отнести к его эпохе, она датируется слишком близкой к ней датой, чтобы допустить разрушение основательного нормандского сооружения. Считается, что сэр Пэган женился на Сибилле, наследнице старинных валлийских лордов Койтитов, и таким образом добавил титул, уважаемый местными жителями, к титулу, приобретенному его мечом. Несомненно то, что Тербервиллы во многом склонялись на сторону валлийцев в частых спорах между ними и верховными лордами.

Сэр Пэган умер, и за ним последовал его сын, сэр Саймон, который умер бездетным; а за ним его брат, сэр Гилберт, который был отцом второго сэра Пэгана, который был отцом второго сэра Гилберта, который женился на Мод, дочери Моргана Гэма, лорда Авана, потомка и, вероятно, представителя Джестина. Гилберт, владевший замком в 1207 году, вполне мог быть настоящим строителем замка. Эта точка зрения подтверждается свидетельствами о самом здании, самые старые части которого могут быть раннеанглийскими, но уж точно не нормандскими.

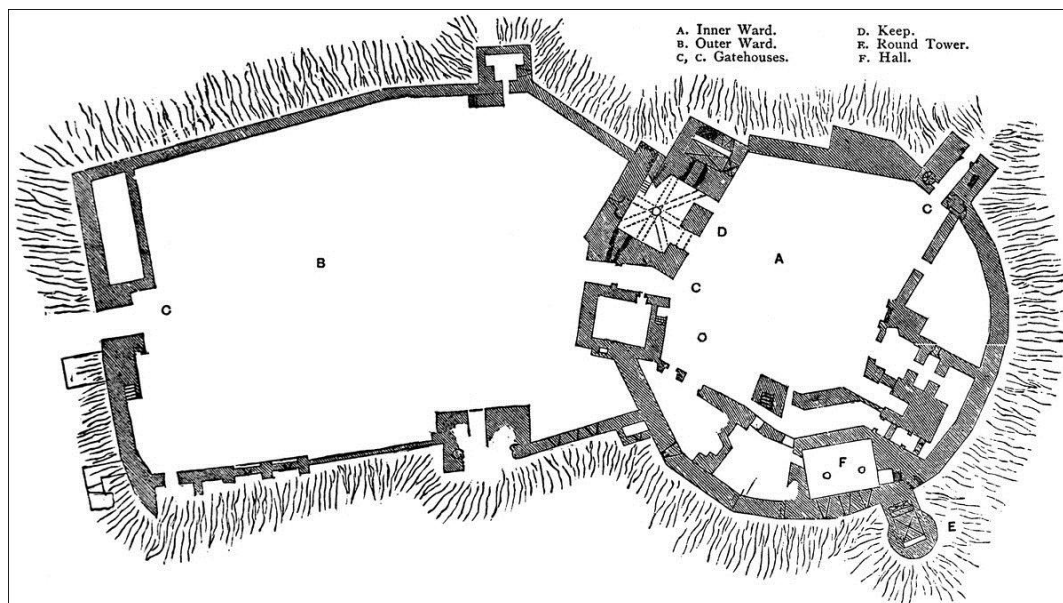
Замок состоит из круглого ограждения или внутреннего подворья диаметром около 48 ярдов; к северо-западной стороне которого пристроен прямоугольный двор длиной 68 ярдов и шириной 43 ярда, образующий внешнее подворье и, вероятно, пристройку. Весь замок окружен рвом, ширина которого варьируется от 90 до 100 футов, а глубина - от 20 до 60 футов. Она гораздо глубже и шире там, где защищает круг, чем там, где продолжается вокруг внешнего ограждения. К северо-западу она мелеет и в этом конце едва заметна. Вполне вероятно, что первоначальный круглый замок был полностью окружен рвом, и что он был частично засыпан при постройке внешнего ограждения. В этом можно было бы убедиться, прощупав почву.

Круглая, или внутренняя, палата расположена намного выше, естественно или искусственно, чем внешняя площадка. Он окружен прочной и высокой навесной стеной толщиной 8 футов, на которой расположены две сторожки и барабанная башня, а напротив нее - зал, часовня и другие хозяйственные постройки. Внутренняя часть представляет собой открытый, неправильной формы, но в целом четырехсторонний корт, около 60 ярдов в сторону.

The *Главная сторожка* находится к востоку и выходит на церковный двор, который образует ответвление рва. Он четырехугольный, 20 футов в ширину и 24 фута в глубину, из которых 16 футов выступают за занавес. Проход, прорубленный в низкой насыпи земли, выброшенной за пределы рва, вел с церковного двора к portalу. Место подъемного моста теперь занимает дамба, цепи для подъема которой пропущены через два отверстия, видимые в перекладинах ворот. Вход шириной 6 футов находится под заостренной аркой, установленной в углублении с квадратной головкой, предназначенном для размещения моста при подъеме. Первой защитой была опускная решетка с большим пазом, предназначенная для деревянной решетки, а за ней находилась дверь. Проход был перекрыт простым сводом. Справа -

лестница-колодец, ведущая на крышу; слева - что-то вроде сторожки, два окна которой выходят во двор. Внутренняя арка обрушилась, как и свод.

Сторожка имела два верхних этажа, каждый размером 20 на 10 футов. В первом, помещении с опускающей решеткой, есть окно на каждом конце и по два с каждой стороны. В южной стене находится камин. Из этой комнаты лестница с фресками ведет к крепостному валу южного занавеса. К северному занавесу ведет лестница-колодец. На втором этаже сторожки есть по окну с каждой стороны. Пол этой комнаты и крыша были деревянными и исчезли. Сторожка, вероятно, относится к периоду правления Ричарда II. Окна выполнены в стиле Тюдор.

Уайман и сыновья. Королева Великобритании в Лондоне.

- А. Внутренняя палата.
- Б. Внешняя палата.
- С, С. Сторожки.
- Д. Продолжать.
- Круглая башня.
- Ф. Холл.

ЗАМОК КОЙТИ.—ПЛАН МЕСТНОСТИ.

The *Северная сторожка*, которая находится между внешней и внутренней палатами, разрушена; но в фундаменте виден проход шириной 9 футов и глубиной 33 фута, который, по-видимому, проходил через массу зданий шириной 84 фута и глубиной от 30 до 40 футов. Эта часть, расположенная к западу от портала, представляла собой почти прямоугольное здание размером 30 на 22 фута, имеющее вход из коридора, а в южной стене - настенную лестницу. К востоку от портала находится гораздо более крупное здание, которое частично сохранилось и которое, по-видимому, когда-то было крепостной башней.

The *Цитадель* почти прямоугольная, 37 футов на 40 футов, с выступом в ров на восточном конце 18 футов на 24 фута. Этот выступ содержал в своем цоколе простой свод размером 15 на 9 футов с двумя петлями; а водосточная труба, вероятно, гардеробная, имеет вентиляционное отверстие под нишей в северной стене. Это убежище, вероятно, было тюрьмой. Подвал цитадели занят камерой размером 28 на 22 фута на уровне земли, состоящей из восьми сводчатых ячеек, образующих ребра, которые соединяются с

центральным восьмигранным пирсом и отходят от него. Арки заостренные. В этой комнате есть две петли и три двери— одна со двора, расположенная в нише с квадратным изголовьем; вторая - в сводчатую вспомогательную комнату; и третья - к заднему проему во рву и по настенной лестнице в комнату наверху.

Первый этаж также состоит из двух камер, обе сводчатые, и ребра большой камеры отходят от восьмиугольной опоры, опирающейся на нижнюю. В доме были второй и третий этажи, крытые бревнами. Камин располагался в северной стене, а окна - в северной и восточной стенах, они были средних размеров и имели узор в стиле тюдор. Эта башня, похоже, украшена очень рано. Часть ее недавно обрушилась.

The *Круглая башня* в целом представляет собой очень любопытное и необычное сооружение. Она расположена на юго-западном фасаде внутреннего двора. Он имеет диаметр 18 футов, но выступает в ров на 22 фута, соединяясь с занавесом перешейком в стене шириной 14 футов. Он высокий, с подвалом и тремя верхними этажами. Подвал представляет собой огромное сводчатое хранилище для сточных вод с выходом на юг. Два верхних этажа одинаковы по размерам и назначению, имеют размеры 9 на 7 футов и освещаются узкими петлями, по три на каждом этаже. Они сводчатые и содержат гардеробные с шахтами, ведущими в подвал вниз. На третьем этаже была плоская деревянная крыша, ныне исчезнувшая. Лестница-колодец вела на зубчатые стены. С боков верхняя часть этой башни расширена парой выступов, опирающихся на ряд выступов, чтобы обеспечить большее пространство внутри. На восточной стороне этой башни, у ее основания и на стыке с занавесом, находится задний проем в 3 фута, из которого сводчатая лестница ведет во внутренние постройки. Эта дверь защищена массивом каменной кладки, заполняющей пустотелые углы над ней, и механизированной на вершине. Эта часть замка, похоже, относится к эпохе Генриха III.

Вся южная сторона двора, от сторожки до сторожки, занята остатками хозяйственных построек. Зал, по-видимому, имел сводчатый подвал размером 26 на 19 футов в плане, с простыми ребрами жесткости, выступающими из двух опор, и находился на втором этаже, с окнами в занавесках. Длинная комната к востоку от зала с длинным восточным окном, по-видимому, представляет собой часовню, также расположенную на втором этаже. В этом квартале раскопки, проведенные покойным лордом Данрейвеном, показали лестницу, ведущую в задний двор, несколько сводчатых подвалов и, вероятно, кухню. Все эти здания имеют ранний декор и были сильно изменены в период правления Тюдоров.

Навесная стена от крепости до большой сторожки имеет высоту около 20 футов и имеет возраст сторожки и более поздний, чем стена в других местах. Около сторожки толщина его составляет 20 футов. Сохранилась часть парапета высотой 6 футов и задняя стена высотой 5 футов. Первый заключен в квадратные скобки на карнизах, большинство из которых представляют собой снятые перекладины со старой лестницы-колодца. К этой части занавеса можно попасть из сторожки у ворот, и она не имеет сообщения с замком. Той же даты, что и эта занавеска, датируется стеной с другой стороны сторожки, примерно на 16 ярдов к югу, там, где она соединяется со старой стеной. Эта часть занавеса имеет многоугольную форму снаружи, изогнутую внутри и внешнюю высоту около 40 футов. За круглой башней или к северу от нее высота занавеса составляет 60 футов, и в нем есть окна, ведущие в холл и другие помещения. На стене также сохранился высокий дымоход. Ближе к месту соединения этой завесы со стеной внешнего подопечного она соединена с чем-то вроде галереи, обращенной петлей к полю и предназначенной для защиты полого угла, где сходятся три стены. Разделяющая стена между внутренним и внешним отделениями почти разрушена и, похоже, не была прочной.

Колодец находится на открытом дворе, диаметром 4 фута, круглый, с грубыми стенами.

Внешний двор не представляет собой каких-либо особо примечательных особенностей. Его южная стена низкая и пронизана окнами, как жилые помещения. Северная стена сильно укреплена снаружи. В западной стене были внешние ворота, ныне разрушенные. Похоже, это был простой проем в стене, без сторожки, но с двумя контрфорсами по бокам. Стены этого отделения имеют высоту около 20 футов. Северный фасад внешнего отделения, будучи от природы слабым, был защищен двойным рвом, содержимое которого выбрасывается наружу и образует насыпи. Рвы сухие. В поле к северо-востоку есть несколько насыпей и канав, которые, возможно, были подняты при нападении на замок.

Замок не может похвастаться ни материалами, ни мастерством исполнения. В основном он построен из бутового камня, но круглая башня сделана из песчаника. Строительный раствор, как правило, низкого качества, и в нем очень мало тесаного камня. Крыши были покрыты плитами из раскалывающегося песка или черепичного камня. Южный выступ, вероятно, является самой старой частью замка. Он сложен из крупных валунов или маковок, обязательно очень открытыми швами. В нем есть два маленьких окна в форме трилистника, датируемые ранним английским стилем или ранним декором, которые кажутся оригинальными. Они открываются из сводчатого помещения под залом. Углы занавеса отделаны саттонским камнем. Замок, построенный, вероятно, в раннеанглийский период и украшенный, похоже, был тщательно отреставрирован в конце перпендикулярного периода. Он быстро приходит в упадок, и большая его часть выпала с 1832 года. Это собственность графа Данрейвена, но канава принадлежит мистеру Николлу из Мертир-Мора и была заложена его дедом, выдающимся судьей.

КОНЕЦ ТОМА I.

"ВАЙМАН И СЫНОВЬЯ", ТИПОГРАФИЯ, ГРЕЙТ-КУИН-СТРИТ, ЛОНДОН, ВАШИНГТОН

СНОСКИ:

[1] "Указом от 30 мая 1225 года король приказывает Годескаллу де Магелайну обязать всех лиц, у которых есть крепости (*моты*) в долине Монтгомери, укрепить их деревянными башнями (*бреташи*) для их собственной безопасности и обороны этих частей".— *"Древности Шропшира"Эйтона*, xi, стр. 134.

[2] Доктор Симпсон, чье мнение по этому вопросу имеет большой вес, относит эту крепость ко времени правления Стефана, к концу нормандского периода.

[3] Башня в Уорике имеет 105 футов в высоту и 38 футов в диаметре; многоугольник с двенадцатью сторонами и пятью сводчатыми этажами.

[4] "Dictionnaire de l'Architecture," tom. vi. "Hourd."

Примечания переписчика:

- Удалены лишние страницы с заголовком и информацией о принтере.
- Пустые страницы удалены.
- Очевидные опечатки были незаметно исправлены.